Digitized by Google

Digitized by Google

8-72/2

8.44

CIRCOLO RUSSO DI ITALIA

Digitized by Google

Digitized by Google

СИСТЕМА ЛОГИКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

8.162

СИСТЕМА ЛОГИКИ.

СОЧИНЕНІЕ

ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ.

СЪ ПЯТАГО, ДОПОЛНЕННАГО ЛОНДОНСКАГО ИЗДАНІЯ

ПЕРЕВЕДЕНО, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ **П. Л. ЛАВРОВА,**

Ф. РЕЗЕНКРОНЪ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1867.

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.
(Спб., Казанская, № 24).

КНИГА III.

Продолженіе.

О НАВЕДЕНІИ.

BIBLIOTECA NAZIONALE CENTRALE V. E. III ROMA
GOGOL
B
3746 /2

«Въ такихъ случаяхъ индуктивный и дедуктивный методы изслѣдованія идутъ, можно сказать, рука-объ-руку, и каждый изъ нихъ провѣряетъ заключенія, полученныя путемъ другаго; соединеніе опыта и теоріи, которое можетъ быть такимъ образомъ произведено въ подобныхъ случаяхъ, представляетъ орудіе открытія, несравненно могущественнѣйшее, чѣмъ опытъ и теорія, взятые отдѣльно. Это состояніе какой-либо отрасли наукъ, можетъ быть, самое интересное изъ всѣхъ и обѣщаетъ изысканію наиболѣе успѣха. Сэръ *Джонъ Гершель*, Объ изученіи естествознанія *(Discourse on the Study of Natural Philosophy)*.

L. C. 35-66 3

ГЛАВА XIV.

О ПРЕДѢЛАХЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ И О ГИПОТЕЗАХЪ.

§ 1. Предшествующія соображенія побудили насъ признать различіе между двумя родами законовъ, или усмотрѣнныхъ въ природѣ единообразій: законами коренными и законами, которые могутъ быть названы производными (derivative). Производные законы — тѣ, которые могутъ быть выведены изъ другихъ, болѣе общихъ и разложены на нихъ которымъ-либо изъ указанныхъ нами способовъ. Коренные законы — тѣ, которые не могутъ быть такимъ образомъ выведены и разложены. Мы не увѣрены въ томъ, что которое-либо изъ знакомыхъ уже намъ единообразій — коренной законъ; но мы знаемъ, что коренные законы должны существовать и что каждое разложеніе производнаго закона на болѣе общіе приближаетъ насъ къ нимъ.

Мы постоянно открываемъ, что единообразія, которыхъ мы не имѣли основанія считать за некоренныя, — суть производныя и разложимы на болѣе общіе законы; другими словами, мы постоянно находимъ объясненіе какой-либо послѣдовательности, которая до того времени была извѣстна только какъ фактъ. Поэтому возникаетъ интересный вопросъ, существуютъ ли для этого философскаго процесса необходимые предѣлы, или онъ можетъ продолжаться, пока всѣ едино-

образныя послѣдовательности въ природѣ не будутъ сведены на какой-либо одинъ всеобщій законъ. Такова, на первый взглядъ, конечная цѣль, къ которой стремится развитіе наведенія выводнымъ методомъ, основывающимся на наблюденіи и опытѣ. Стремленія такого рода были всеобщи въ дѣтствѣ философіи; умозрѣнія, выставлявшія менѣе блестящую цѣль, въ эти раннія времена не считались достойными занятій. А идея находитъ столько кажущагося подтвержденія въ природѣ замѣчательнѣйшихъ открытій новой науки, что даже въ наше время часто являются мыслители, которые или утверждаютъ, что разрѣшили задачу, или указываютъ способы, которыми она когда-либо можетъ быть разрѣшена. Даже въ случаяхъ, когда не возникаетъ столь обширныхъ притязаній, характеръ рѣшеній, даваемыхъ или искомыхъ относительно особыхъ родовъ явленій, часто обнимаетъ такія представленія о смыслѣ объясненія, что мысль объяснить всѣ явленія при помощи какой-либо одной причины или одного закона становится вполнѣ допустимою.

§ 2. Поэтому полезно замѣтить, что коренныхъ законовъ природы не можетъ быть менѣе числа различимыхъ ощущеній или другихъ чувствъ, свойственныхъ намъ по природѣ: тѣхъ, разумѣю я, которыя различимы одно отъ другаго въ качествѣ, а не только въ количествѣ или степени. Напримѣръ: такъ какъ существуетъ явленіе *sui generis* (особеннаго рода), называемое цвѣтомъ, которое, по свидѣтельству нашего сознанія, не особая степень какого-либо другаго явленія, напр. теплоты, запаха или движенія, но существенно отлично отъ всѣхъ другихъ, то, слѣдовательно, существуютъ коренные законы цвѣта; хотя явленія цвѣта могутъ допускать объясненіе, но они отнюдь не объяснимы законами одной теплоты или одного запаха, либо движенія, и какъ бы далеко ни заходило объясненіе, всегда въ немъ останется законъ цвѣта. Подъ этимъ я не разумѣю невозможности показать, что какое-либо другое явленіе — напримѣръ, какое-либо химическое или механическое дѣйствіе — неизмѣнно предшествуетъ всякому явленію цвѣта и составляетъ его причину. Доказательство этого значительно расширило бы наше знаніе природы; тѣмъ не менѣе оно не объяснило бы, какъ или почему движеніе или химическое дѣйствіе можетъ произвести ощущеніе цвѣта; и какъ бы тщательно мы ни изслѣдовали явленіе, какое число скрытыхъ звеньевъ ни открыли бы мы въ связи причины со слѣдствіемъ, оканчивающейся

цвѣтомъ, — все-таки послѣднимъ звеномъ былъ бы законъ цвѣта, а не законъ движенія или какого бы то ни было другаго явленія. И замѣчаніе это примѣняется не къ одному цвѣту, сравниваемому съ какимъ-либо другимъ большимъ отдѣломъ ощущеній: оно примѣнимо и къ каждому особому цвѣту, сравниваемому съ другими. Бѣлый цвѣтъ отнюдь не можетъ быть объясненъ исключительно законами произведенія краснаго цвѣта. При всякой попыткѣ объяснить его, мы не можемъ не ввести въ объясненіе, какъ элементъ послѣдняго, предположеніе, что одно или другое предшествующее явленіе производитъ ощущеніе бѣлаго.

Слѣдовательно, идеальный предѣлъ объясненія естественныхъ явленій (къ которому, какъ и къ другимъ идеальнымъ предѣламъ, мы постоянно стремимся, безъ надежды когда-либо вполнѣ достичь его) состоялъ бы въ показаніи, что каждый различимый видъ нашихъ ощущеній или другія состоянія сознанія производятся лишь однимъ родомъ причинъ: что, напримѣръ, когда бы мы ни замѣтили бѣлый цвѣтъ,— всегда присутствуетъ извѣстное условіе или извѣстный рядъ условій, и что присутствіе ихъ всегда производитъ въ насъ это ощущеніе. Пока существуетъ нѣсколько извѣстныхъ способовъ произвести явленіе (напримѣръ, нѣсколько различныхъ веществъ, которыя обладаютъ свойствомъ бѣлизны, и между которыми мы не можемъ прослѣдить никакого другаго сходства), — до тѣхъ поръ не невозможно, чтобы одинъ изъ этихъ способовъ произведенія явленія былъ замѣненъ другимъ, или чтобы всѣ они были сведены на какой-либо болѣе общій способъ произведенія явленія, донынѣ неоткрытый. Но когда способы произведенія явленій приведены къ одному, то относительно упрощенія мы не можемъ идти дальше. Пожалуй, этотъ одинъ способъ можетъ не быть конечнымъ способомъ; между предполагаемою причиною и дѣйствіемъ могутъ быть открыты другія звенья; но мы въ состояніи только разложить извѣстный законъ, вводя какой-либо другой законъ, доселѣ неизвѣстный, — что не уменьшитъ числа коренныхъ законовъ.

Въ какихъ же случаяхъ наука всего успѣшнѣе разъясняла явленія, разлагая ихъ сложные законы на законы болѣе простые и общіе? До сихъ поръ преимущественно въ случаяхъ распространенія различныхъ явленій въ пространствѣ: во-первыхъ и главнымъ образомъ, она занималась наиболѣе обширнымъ и важнымъ изъ всѣхъ фактовъ этого

рода, фактомъ движенія. Этого-то именно и можно было ожидать отъ изложенныхъ здѣсь началъ. Движеніе не только одно изъ самыхъ всеобщихъ явленій: оно (какъ и слѣдовало ожидать отъ этого обстоятельства) есть одно изъ тѣхъ, которыя — по крайней мѣрѣ, какъ кажется — производятся наибольшимъ числомъ способовъ; но самое явленіе, на наши ощущенія, всегда тожественно во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ степени. Различія въ продолжительности или въ скорости суть, очевидно, различія лишь въ степени; а различія направленія въ пространствѣ, которыя одни представляютъ подобіе съ различіемъ въ родѣ, совершенно исчезаютъ (насколько дѣло касается нашихъ ощущеній) отъ перемѣны въ нашемъ собственномъ положеніи. Дѣйствительно, одно и то же явленіе кажется намъ, сообразно нашему положенію, происходящимъ въ какомъ угодно направленіи, а движенія въ многоразличнѣйшихъ направленіяхъ кажутся происходящими въ одномъ и томъ же. Съ другой стороны, движеніе по прямой линіи и по кривой различаются лишь тѣмъ, что первое есть движеніе продолжающееся въ томъ же направленіи, а второе есть движеніе, которое каждую минуту измѣняетъ свое направленіе. Слѣдовательно, на основаніи изложенныхъ мною началъ, отнюдь не нелѣпо предположить, что всякое движеніе можетъ быть произведено однимъ и тѣмъ же путемъ, тѣмъ же родомъ причинъ. Сообразно тому, величайшіе успѣхи въ естествознаніи состояли въ разложеніи одного извѣстнаго закона произведенія движенія на законы другихъ извѣстныхъ способовъ произведенія его, или въ сведеніи законовъ нѣсколькихъ такихъ способовъ на одинъ болѣе общій способъ: когда, напримѣръ, паденіе тѣлъ къ землѣ и движенія планетъ были подведены подъ одинъ законъ взаимнаго притяженія всѣхъ частицъ вещества; когда было доказано, что движенія, производимыя, какъ полагали, магнетизмомъ, производятся электричествомъ, что движенія жидкостей, въ направленіи боковомъ или даже противномъ направленію тяжести, производятся тяжестью, и т. п. Существуетъ много различныхъ причинъ движенія, которыя еще не сведены одна на другую: тяготѣніе, теплота, электричество, химическое дѣйствіе, дѣйствіе нервовъ и т. д. Но какъ бы невѣроятно ни было, что эти различные способы произведенія движенія будутъ когда-либо дѣйствительно сведены на одинъ, попытка свести ихъ такимъ образомъ вполнѣ законна. Хотя эти различ-

Digitized by Google

ныя причины производятъ, въ другихъ отношеніяхъ, ощущенія существенно различныя и потому не способны быть сведенными одна на другую; но, насколько всѣ онѣ производятъ движеніе, совершенно возможно, что во всѣхъ этихъ различныхъ случаяхъ фактъ, непосредственно предшествующій движенію, одинъ и тотъ же; что другія причины могутъ производить движеніе посредствующимъ дѣйствіемъ которой-либо изъ нихъ, или дѣятелемъ, отъ всѣхъ ихъ отличнымъ, и еще неоткрытымъ.

Намъ незачѣмъ увеличивать число примѣровъ въ поясненіе другихъ случаевъ, какъ-то: распространенія свѣта, звука, теплоты, электричества и проч. въ пространствѣ, или въ поясненіе какихъ-либо другихъ явленій, которыя оказались допускающими объясненіе разложеніемъ ихъ усмотрѣнныхъ законовъ на законы болѣе общіе. Довольно того, что уже сказано для обнаруженія разницы между призрачнымъ родомъ объясненія и разложенія законовъ и тѣмъ, достиженіе котораго составляетъ главную цѣль науки, — а также для показанія, на какого рода начала разложенія должно быть произведено, если оно, вообще, нужно.

§ 3. Но такъ какъ едва-ли есть хоть одно начало истиннаго метода философствованія, которое не нуждалось бы въ обезпеченіи отъ ошибокъ съ обѣихъ сторонъ, то я долженъ оговориться противъ другаго ложнаго пониманія, — пониманія такого рода, которое прямо противоположно предъидущему. Контъ не разъ осуждалъ, съ нѣкоторою рѣзкостью, всякую попытку объяснить явленія, которыя «очевидно первоначальны» (primordial) (разумѣя, вѣроятно, не болѣе того, что на каждое особое явленіе долженъ существовать, по крайней мѣрѣ, одинъ особый и потому необъяснимый законъ). О попыткѣ какъ-либо объяснить цвѣтъ, принадлежащій каждому веществу, «la couleur élémentaire propre à chaque substance»—онъ отзывался какъ о существенно-мечтательной. «Въ наше время»,—говоритъ онъ,—«никто не пытается объяснить особый относительный вѣсъ каждаго вещества или каждой ткани. Почему же относиться намъ иначе къ специфическому цвѣту, понятіе о которомъ, безъ сомнѣнія, не менѣе первоначально?» *).

Но хотя цвѣтъ, какъ замѣчаетъ Контъ въ другомъ мѣстѣ, всегда

*) *Cours de Philosophie Positive*, II, 656.

долженъ остаться вещью отличною отъ вѣса или звука, однако, тѣмъ не менѣе, различія цвѣта могутъ слѣдовать или соотвѣтствовать даннымъ различіямъ вѣса или звука или какого-либо другаго явленія, не менѣе ихъ отличнаго отъ самого цвѣта. Что такое какая-либо вещь?— одинъ вопросъ; отчего она зависитъ? — другой; и хотя изслѣдовать условія простаго явленія не значитъ открыть что-либо новое въ его собственной природѣ, однако это не можетъ служить доводомъ противъ попытки открыть условія. Запрещеніе стараться свести различія цвѣта на какое-либо общее начало могло бы быть съ одинаковою силою направлено противъ подобной же попытки относительно различій звука. Однако, они, какъ оказалось, непосредственно предшествуются и причиняются уловимыми различіями въ колебаніяхъ упругихъ тѣлъ: хотя звукъ, безъ сомнѣнія, не менѣе цвѣта отличенъ отъ всякаго движенія частицъ, колебательнаго или инаго. Относительно цвѣтовъ, могли бы мы прибавить, есть сильныя положительныя указанія, что они не первоначальныя свойства веществъ различнаго рода, а зависятъ отъ условій, въ которыя можно поставить всѣ вещества: нѣтъ вещества, которое, брошеннымъ на него родомъ свѣта, нельзя было бы заставить принять произвольный цвѣтъ; почти каждое измѣненіе въ образѣ соединенія частицъ того же самого вещества сопровождается измѣненіями въ его цвѣтѣ и, вообще, въ его оптическихъ свойствахъ.

Дѣйствительная ошибка прежнихъ попытокъ объяснить цвѣта колебаніями жидкости состоитъ не въ томъ, чтобы сама попытка противорѣчила философіи, въ томъ, что существованіе жидкости и фактъ ея колебательнаго движенія не доказаны, а предположены единственно на основаніи легкости, съ которою, какъ думаютъ, объясняются ими явленія. Это соображеніе приводитъ къ важному вопросу о правильномъ употребленіи научныхъ гипотезъ. Связь же этого вопроса съ объясненіемъ естественныхъ явленій и съ необходимыми предѣлами этого объясненія нечего и указывать.

§ 4. Гипотеза есть какое-либо предположеніе, дѣлаемое нами (или безъ настоящаго доказательства, или на основаніи доказательства очевидно недостаточнаго), для попытки вывести изъ него заключенія, согласныя съ фактами, о которыхъ извѣстно, что они дѣйствительно существуютъ. Предположеніе дѣлается въ убѣжденіи, что если заклю-

ченія, къ которымъ приводитъ гипотеза, суть извѣстныя истины, то сама гипотеза — непремѣнно или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно — истинна. Если гипотеза касается причины или способа произведенія явленія, то, будучи допущена, она послужитъ къ объясненію такихъ фактовъ, выводъ которыхъ изъ этой гипотезы окажется возможнымъ. И объясненіе это составляетъ цѣль многихъ, если не большей части гипотезъ. Но, въ научномъ смыслѣ, объяснить — значитъ разложить единообразіе, не составляющее закона связи причины со слѣдствіемъ, на подобные законы, изъ которыхъ оно вытекаетъ, или разложить сложный законъ связи причины со слѣдствіемъ на простѣйшіе и болѣе общіе законы, изъ которыхъ сложный законъ можетъ быть полученъ путемъ вывода. Если не существуетъ извѣстныхъ законовъ, которые удовлетворяли бы этому требованію, то мы можемъ вообразить или изобрѣсти такой законъ, и это значитъ построить гипотезу.

Такъ какъ гипотеза есть лишь предположеніе, то гипотезамъ нѣтъ другихъ предѣловъ, кромѣ предѣловъ человѣческаго воображенія; для объясненія какого-либо дѣйствія мы можемъ, если вздумаемъ, вообразить какую-либо причину совершенно неизвѣстнаго рода, дѣйствующую по закону, вполнѣ вымышленному. Но гипотезы этого рода далеко не представляли бы вѣроятности, какою обладаютъ гипотезы, примыкающія, въ силу аналогіи, къ извѣстнымъ законамъ природы, и, сверхъ того, не соотвѣтствовали бы той цѣли, для удовлетворенія которой произвольныя гипотезы обыкновенно изобрѣтаются: чтобы дать воображенію возможность представить себѣ темное явленіе въ привычномъ свѣтѣ. Поэтому-то въ исторіи науки, вѣроятно, нѣтъ гипотезы, въ которой были бы вымышлены какъ самый дѣятель, такъ и законъ его дѣйствія. Или существуетъ явленіе, выдаваемое за причину, а законъ, по которому она дѣйствуетъ, лишь предполагается; или причина вымышлена, но о ней предполагается, что она производитъ свои дѣйствія сообразно законамъ, которые подобны законамъ какого-либо извѣстнаго класса явленій. Примѣръ перваго рода представляютъ намъ различныя предположенія, сдѣланныя о законѣ центральной силы планетъ до открытія истиннаго закона, что сила измѣняется обратно-пропорціонально квадрату разстоянія. Самый законъ этотъ былъ установленъ Ньютономъ сначала какъ гипотеза и провѣренъ доказательствомъ, что онъ, путемъ

дедукціи, приводитъ къ Кеплеровымъ законамъ. Къ гипотезамъ втораго рода принадлежатъ вихри Декарта, которые были вымышлены, но предполагались подчиненными извѣстнымъ законамъ вращательнаго движенія; также двѣ соперничествующія гипотезы относительно природы свѣта: одна приписывала явленія жидкости, испускаемой всѣми свѣтящимися тѣлами; другая (принимаемая теперь большинствомъ) — приписывала явленія колебательнымъ движеніямъ частицъ эѳира, наполняющаго все пространство. На существованіе той и другой жидкости нѣтъ доказательства, кромѣ ожидаемаго отъ нихъ объясненія нѣкоторыхъ явленій; но объ этихъ жидкостяхъ предполагается, что онѣ производятъ свои дѣйствія сообразно извѣстнымъ законамъ: одна — по обыкновеннымъ законамъ равномѣрнаго перемѣщенія, другая — по законамъ распространенія волнообразнаго движенія отъ однѣхъ частицъ упругой жидкости къ другимъ.

Изъ предшествующаго слѣдуетъ, что гипотезы изображаются ради возможности раньше приложить къ явленіямъ дедуктивный методъ. Но *), чтобы открыть причину какого-либо явленія дедуктивнымъ методомъ, процессъ этотъ долженъ состоять изъ трехъ частей: наведенія, умозаключенія и повѣрки. Наведеніе (которое, однако, можетъ быть замѣнено болѣе раннимъ выводомъ) изслѣдуетъ законы причинъ; умозаключеніе, на основаніи этихъ законовъ, вычисляетъ, какъ причины будутъ дѣйствовать въ особомъ сопряженіи, о которомъ извѣстно, что оно существуетъ въ данномъ случаѣ; повѣрка сравниваетъ это вычисленное дѣйствіе съ настоящимъ явленіемъ. Ни одной изъ этихъ трехъ частей процесса нельзя опустить. Всѣ три встрѣчаются въ выводѣ, доказывающемъ тожество тяжести съ центральною силою солнечной системы. Во-первыхъ, на основаніи движеній луны доказано, что земля притягиваетъ ее съ силою, измѣняющеюся въ обратномъ отношеніи къ квадратамъ разстояній. Это (хотя отчасти зависитъ отъ предшествовавшихъ выводовъ) соотвѣтствуетъ первому или чисто-индуктивному шагу, опредѣленію закона причины. Во-вторыхъ, на основаніи этого закона и прежде добытаго знанія о среднемъ разстояніи луны отъ земли и о настоящей величинѣ отклоненія луны отъ касательной, обнаружено, съ

*) См. выше, кн. III, гл. XI.

какою скоростью притяженіе земли заставило бы луну упасть, еслибъ она не была отъ земли дальше земныхъ тѣлъ и не подвергалась, болѣе ихъ, дѣйствію внѣшнихъ силъ. Это второй шагъ, умозаключеніе. Наконецъ, если эту вычисленную скорость сравнить съ наблюденною скоростью, съ которою всѣ тяжелыя тѣла падаютъ, вслѣдствіе одной тяжести, къ поверхности земли (проходя въ первую секунду шестнадцать футовъ, во вторую сорокъ восемь и такъ далѣе, по отношенію нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5 и проч.), — то оба количества оказываются совпадающими. Ступени процесса представлены здѣсь не въ томъ порядкѣ, въ которомъ они были открыты; но это ихъ правильный логическій порядокъ, какъ частей доказательства истины, что то самое притяженіе земли, которое производитъ движеніе луны, заставляетъ тяжелыя тѣла падать къ землѣ. Такимъ образомъ доказательство полно во всѣхъ своихъ частяхъ.

Гипотетическій методъ опускаетъ первую изъ трехъ ступеней, наведеніе для обнаруженія закона, и довольствуется остальными двумя дѣйствіями, умозаключеніемъ и повѣркой. Законъ, служащій исходною точкою разсужденія, не доказывается, а предполагается.

Процессъ этотъ, очевидно, можетъ быть закономъ при одномъ предположеніи: именно, если случай, по своей природѣ, таковъ, что конечный шагъ, повѣрка, будетъ равняться полному наведенію и удовлетворитъ его условіямъ. Намъ нужно быть увѣренными въ томъ, что гипотетически принятый нами законъ истиненъ. Увѣренность же эту доставитъ то, что законъ приводитъ дедуктивно къ истиннымъ результатамъ, — лишь бы, по роду случая, къ такому результату не могъ привести ложный законъ; лишь бы ни одинъ законъ, кромѣ предположеннаго нами, не могъ привести дедуктивно къ тѣмъ же заключеніямъ, къ которымъ приводитъ послѣдній. А это условіе часто исполняется. Напримѣръ, въ только-что приведенномъ нами примѣрѣ дедукціи, первоначальная бо́льшая посылка умозаключенія, законъ силы притяженія, былъ обнаруженъ этимъ способомъ: этимъ законнымъ примѣненіемъ гипотетическаго метода. Ньютонъ началъ предположеніемъ, что сила, въ каждое мгновеніе отклоняющая планету съ ея прямолинейнаго пути и заставляющая ее описывать кривую линію вокругъ солнца, есть сила, направленная прямо къ солнцу. Затѣмъ онъ доказалъ, что если

это справедливо, то планета, согласно первому закону Кеплера, будетъ описывать равныя площади въ равныя времена. Наконецъ, Ньютонъ доказалъ, что если бы сила дѣйствовала въ какомъ бы то ни было другомъ направленіи, то планета не описывала бы одинаковыхъ площадей въ одинаковыя времена. Обнаруженіемъ того, что никакая другая гипотеза не согласовалась бы съ фактами, предположенный законъ былъ доказанъ; гипотеза стала индуктивной истиной. Этимъ гипотетическимъ процессомъ Ньютонъ не только опредѣлилъ направленіе отклоняющей силы, но совершенно такимъ же образомъ онъ обнаружилъ законъ измѣненія количества этой силы. Онъ предположилъ, что сила измѣнялась обратно квадрату разстоянія; показалъ, что изъ этого предположенія могутъ быть выведены остальные два Кеплеровы закона; наконецъ, что всякій другой законъ измѣненія далъ бы результаты, несовмѣстные съ этими законами и, слѣдовательно, съ дѣйствительными движеніями планетъ, вѣрно выраженными, какъ было извѣстно, въ Кеплеровыхъ законахъ.

Я сказалъ, что въ этомъ случаѣ повѣрка исполняетъ условія наведенія, — но наведенія какого рода? Разсмотрѣвъ повѣрку, мы находимъ, что она согласуется съ правилами метода различія: представляетъ два случая, ABC, *abc* и BC, *bc*. A выражаетъ центральную силу; ABC — планеты *плюсъ* центральная сила; BC — планеты отдѣльно отъ центральной силы. Планеты съ центральною силою даютъ *a*, площади, пропорціональныя времени; планеты безъ центральной силы даютъ *bc* (рядъ движеній) безъ *a* или, въ замѣну *a*, съ чѣмъ-либо другимъ. Это методъ различія, во всей его строгости. Правда, требуемые методомъ два случая получены здѣсь не опытомъ, а предшествовавшимъ наведеніемъ. Но это не имѣетъ большаго значенія. Каково, по своей природѣ, доказательство, изъ котораго мы почерпаемъ увѣренность, что ABC произведетъ *abc*, а BC только *bc*, — для насъ не существенно: довольно, что мы обладаемъ этою увѣренностью. Въ настоящемъ примѣрѣ процессъ умозаключенія снабдилъ Ньютона именно тѣми случаями, которыхъ онъ искалъ бы опытомъ, еслибъ дѣло, по своей природѣ, это допускало.

Такимъ образомъ вполнѣ возможно и, дѣйствительно, зачастую случается, что бывшее въ началѣ изслѣдованія гипотезою еще до заключенія его становится доказаннымъ закономъ природы. Но, чтобы это случилось, мы должны имѣть возможность, выводомъ ли или опы-

томъ, получить оба случая, требуемые методомъ различія. Способность наша вывести изъ гипотезы факты извѣстные снабжаетъ насъ лишь утвердительнымъ случаемъ ABC, *abc*. Не менѣе необходимо, чтобъ мы, подобно Ньютону, были въ состояніи получить отрицательный случай BC, *bc*, — доказавъ, что ни одинъ предшествующій фактъ, кромѣ предположеннаго въ гипотезѣ, не произведетъ, въ соединеніи съ BC, явленія *a*.

Но эта увѣренность, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть получена, если предположенная въ гипотезѣ причина есть причина неизвѣстная, вымышленная единственно для объясненія *a*. Стараясь лишь опредѣлить точный законъ причины, уже открытой, или отличить частнаго дѣятеля, составляющаго дѣйствительную причину, между нѣсколькими дѣятелями того же рода, о которыхъ уже извѣстно, что тотъ или другой изъ нихъ и есть эта причина, — мы можемъ получить отрицательный случай. Изслѣдованіе того, которое изъ тѣлъ солнечной системы производитъ своимъ притяженіемъ какую-либо данную неправильность въ орбитѣ или періодическомъ времени [1]) какого-либо спутника или кометы, — такое изслѣдованіе представило бы случай втораго рода. Ньютоново изслѣдованіе было случаемъ перваго рода. Доводъ Ньютона не привелъ бы къ его заключенію, еслибъ уже раньше не было извѣстно, что движенію планетъ по прямой линіи препятствуетъ какая-либо сила, направленная внутрь орбиты, хотя точное направленіе ея было сомнительно; или еслибъ не было извѣстно, что сила эта возрастаетъ въ той или другой пропорціи съ уменьшеніемъ разстоянія и уменьшается съ его увеличеніемъ. Но эти факты были уже достовѣрны, и потому рядъ допустимыхъ предположеній ограничивается различными возможными численными отношеніями между измѣненіями разстоянія и, наконецъ, измѣненіями силы притяженія. А относительно ихъ легко было доказать, что различныя предположенія не могли привести къ тожественнымъ слѣдствіямъ.

Поэтому Ньютонъ не могъ бы исполнить, тѣмъ же гипотетическимъ методомъ, свой второй великій научный процессъ — отожествленіе земной тяжести съ центральною силою солнечной системы.

---

[1]) Время полнаго оборота планеты.

Когда законъ притяженія луны былъ доказанъ на основаніи данныхъ о самой лунѣ, Ньютонъ, найдя этотъ законъ согласующимся съ явленіями земной тяжести, имѣлъ право признать его закономъ и этихъ явленій. Но, при отсутствіи данныхъ о лунѣ, онъ не имѣлъ бы основанія предположить, что луна притягивается къ землѣ съ силою, обратно пропорціональною квадратамъ разстояній, — хотя бы эта пропорція давала ему возможность объяснить земную тяжесть. Ему отнюдь нельзя было бы доказать, что наблюденный законъ паденія тяжелыхъ тѣлъ къ землѣ не можетъ быть порожденъ никакою силой, кромѣ распространяющейся на луну и обратно пропорціональной квадрату разстоянія.

Итакъ, условіемъ дѣйствительно научной гипотезы кажется то, чтобы она не была обречена остаться гипотезой, а, по существу своему, или доказывалась, или подрывалась сравненіемъ съ наблюденными фактами, которое называется провѣркой. Условіе это исполнено, когда уже извѣстно, что дѣйствіе зависитъ отъ самой предположенной причины, и гипотеза касается лишь точнаго вида зависимости — закона измѣненія дѣйствія сообразно измѣненіямъ въ количествѣ или въ отношеніяхъ причины. Сюда могутъ быть отнесены гипотезы, содержащія предположеніе не относительно связи причины со слѣдствіемъ, а только касательно закона соотвѣтствія между фактами, которые сопровождаютъ другъ друга въ своихъ измѣненіяхъ, хотя бы между ними и не было отношенія причины къ слѣдствію. Таковы были различныя ложныя гипотезы, построенныя Кеплеромъ, относительно закона преломленія свѣта. Было извѣстно, что направленіе линіи преломленія измѣняется съ каждымъ измѣненіемъ въ направленіи линіи паденія; но не было извѣстно, какъ оно измѣняется, т. е. какія перемѣны въ одной соотвѣтствуютъ различнымъ перемѣнамъ другой. Въ этомъ случаѣ всякій законъ, кромѣ истиннаго, долженъ былъ привести къ ложнымъ результатамъ. Наконецъ, къ такимъ гипотезамъ мы должны отнести всѣ предположительные способы лишь представить или *описать* явленія. Таковы: гипотеза древнихъ астрономовъ, что небесныя тѣла двигаются по кругамъ; прибавленныя къ этой первоначальной гипотезѣ предположенія о кругахъ эксцентрическихъ, деферентныхъ и эпициклахъ [2]); девятнадцать лож-

[2]) Древніе математики и астрономы не могли отстранить мысль, что кругъ, какъ совершеннѣйшая (по ихъ мнѣнію) кривая, долженъ представлять путь всѣхъ свѣтилъ.

ныхъ гипотезъ, построенныхъ и отринутыхъ Кеплеромъ относительно формы планетныхъ орбитъ, и даже ученіе, на которомъ онъ окончательно остановился: что эти орбиты суть эллипсисы. Пока ученіе это не было провѣрено фактами, оно было лишь гипотезою, подобно другимъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ повѣрка есть доказательство. Если предположеніе согласуется съ фактами, то не нуждается въ другомъ доказательствѣ. Но для осуществленія этого я считаю необходимымъ, чтобы въ случаѣ, если гипотеза касается связи причины со слѣдствіемъ, предположенная причина не только была дѣйствительнымъ явленіемъ, чѣмъ-либо дѣйствительно-существующимъ въ природѣ, но завѣдомо оказывала или была способна оказывать какое-либо вліяніе на дѣйствіе. Во всякомъ другомъ случаѣ возможность вывести изъ гипотезы существующія явленія не составляетъ доказательства истинности гипотезы.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что въ научной системѣ никогда не дозволяется предположить причину, а можно только приписать предположенный законъ причинѣ извѣстной? Я этого не утверждаю. Я говорю только, что лишь въ послѣднемъ случаѣ гипотезу можно принять за истинную единственно потому, что она объясняетъ явленія; въ первомъ случаѣ она полезна только наводя на путь изслѣдованія, который, можетъ быть, приведетъ къ полученію дѣйствительнаго доказательства. Для этой цѣли, какъ справедливо замѣчаетъ Контъ, необходимо, чтобы гипотеза, по собственной своей природѣ, могла быть доказана другимъ доводомъ. И философскій смыслъ Ньютонова правила, которое такъ часто было приводимо одобрявшими его позднѣйшими писателями, повидимому, тотъ, что причина, приводимая для какого-либо явленія, не только должна, бывъ допущена, объяснить явленіе, но и представлять *vera causa* (истинную причину). Что онъ разумѣлъ

Тѣмъ не менѣе самое поверхностное наблюденіе скоро убѣдило ихъ, что нельзя объяснить всѣ явленія движенія свѣтилъ, допустивъ, что они движутся по кругамъ, въ центрѣ которыхъ находится земля (по мнѣнію большинства ихъ, центральное тѣло міра). Для устраненія этого затрудненія александрійскіе астрономы допускали движенія свѣтилъ по кругамъ *эксцентрическимъ*, т. е. центръ которыхъ не совпадалъ съ землею. Или предполагали, что центръ круга, по которому движется свѣтило *(эпицикла)*, въ свою очередь движется по другому кругу, *деферентному* (ведущему), а центръ этого послѣдняго совпадаетъ съ центромъ земли. *П. Л.*

подъ словами *vera causa,* Ньютонъ, правда, точно не опредѣлилъ, и Уэвелю, отвергавшему умѣстность всякаго подобнаго ограниченія свободы строить гипотезы, не трудно было показать *), что представленіе Ньютона объ истинной причинѣ не было ни точно, ни послѣдовательно, и что оттого его теорія свѣта была явнымъ примѣромъ нарушенія его собственнаго правила. Не необходимо, конечно, чтобы приводимая причина была причиной уже извѣстной; иначе, какъ познакомились бы мы когда-либо съ новой причиной? Но истинно въ правилѣ то, что хотя бы предварительно причина и не была извѣстна, однако нужно, чтобъ она могла быть извѣстна впослѣдствіи, чтобъ существованіе ея могло быть открыто, а связь ея съ приписаннымъ дѣйствіемъ доказана независимымъ доводомъ. Гипотеза, возбуждая наблюденія и опыты, наводитъ насъ на дорогу къ этому независимому доказательству, если оно, дѣйствительно, достижимо. И пока оно не достигнуто, гипотезу слѣдуетъ признавать отнюдь не болѣе, какъ предположеніемъ.

§ 5. Однако, эта услуга гипотезъ должна быть причислена къ совершенно необходимымъ въ наукѣ. Говоря «Hypotheses non fingo (я не придумываю гипотезъ), Ньютонъ не разумѣлъ того, что лишаетъ себя удобствъ изслѣдованія, представляемыхъ предварительнымъ предположеніемъ того, что онъ надѣялся найти возможнымъ доказать впослѣдствіи. Безъ такихъ предположеній наука никогда не достигла бы своего нынѣшняго состоянія; они — необходимыя ступени въ достиженіи чего-либо болѣе вѣрнаго; и почти все, что нынѣ теорія, было нѣкогда гипотезой. Даже въ наукѣ чисто опытной необходимъ поводъ произвести одинъ опытъ предпочтительно предъ другимъ. Отвлеченно, пожалуй, всѣ произведенные опыты *могли бы* быть сдѣланы по одному побужденію узнать, что̀ именно случится въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, — безъ всякаго предварительнаго предположенія относительно результата. Но на дѣлѣ эти неочевидные, тонкіе и часто затруднительные и скучные процессы опыта, бросившіе наибольшій свѣтъ на общій складъ природы, едва-ли были бы предприняты тѣми лицами, которыя ихъ исполнили, или въ то время, когда они ихъ исполнили, еслибъ не казалось, что отъ этихъ опытовъ зависитъ то, будетъ ли принята или нѣтъ

*) *Phil. of Discovery,* стр. 185 и слѣд.

какая-либо общая теорія, предложенная, но еще не доказанная. Если это истинно даже относительно чисто-опытнаго изслѣдованія, то истины опытныя еще менѣе могли быть обращены въ выводныя безъ значительной временной помощи гипотезъ. Процессъ, вносящій правильность въ какой-либо сложный и на первый взглядъ запутанный рядъ кажущихся явленій, необходимо заключаетъ въ себѣ попытку. Мы начинаемъ съ построенія какого-либо предположенія, хотя бы ложнаго, съ цѣлью узнать, какія изъ него вытекутъ слѣдствія; и, наблюдая, въ чемъ эти слѣдствія отличаются отъ дѣйствительныхъ явленій, мы узнаемъ, какія поправки слѣдуетъ сдѣлать въ нашемъ предположеніи. Всего лучше начать съ простѣйшаго предположенія, согласнаго съ наиболѣе очевидными фактами: его слѣдствія всего легче обнаружить. По грубомъ исправленіи этой грубой гипотезы, процессъ повторяется, и сравненіе слѣдствій, которыя могутъ быть выведены изъ исправленной гипотезы, съ наблюденными фактами наводитъ на дальнѣйшія поправки, пока не удастся наконецъ приладить выводимыхъ заключеній къ явленіямъ. «Намъ мало понятенъ какой-либо фактъ, или неизвѣстенъ какой-либо законъ; относительно ихъ мы строимъ гипотезу, по возможности согласную съ совокупностью уже имѣющихся данныхъ; наукѣ дана такимъ образомъ возможность свободно подвигаться впередъ, и она, наконецъ, всегда приводитъ къ новымъ слѣдствіямъ, доступнымъ наблюденію, которыя несомнѣнно подтверждаютъ или опровергаютъ первое предположеніе.» Ни наведеніе, ни выводъ не дали бы намъ понять самаго простаго явленія, «еслибъ мы часто не начинали съ упрежденія результатовъ, построивъ временное предположеніе, сперва существенно гадательное, относительно которыхъ-либо изъ понятій, составляющихъ конечную цѣль изслѣдованія» *). Наблюдайте способъ, которымъ вы распутываете сложную массу доказательствъ; приглядитесь, напримѣръ, къ тому, какимъ образомъ вы извлекаете истинную исторію какого-либо происшествія изъ сбивчивыхъ показаній одного или многихъ свидѣтелей. Вы увидите, что не обнимаете и не пытаетесь связать разомъ всѣхъ пунктовъ свидѣтельства: вы строите, изъ немногихъ частностей, первую грубую теорію того, какъ наступали факты, и потомъ перебираете по-

*) Philosophie Positive, II, 434, 437.

одиночкѣ остальныя показанія, съ цѣлью испытать, можно ли согласить ихъ съ предварительной теоріей, или какихъ измѣненій либо добавленій требуетъ эта теорія, чтобы совпадать съ показаніями. Этимъ способомъ, который справедливо былъ сравниваемъ съ употребляемымъ математиками методомъ приближенія, мы, при помощи гипотезъ, доходимъ до заключеній негипотетическихъ *).

§ 6. Съ духомъ метода совершенно согласно принимать такимъ образомъ, предварительно, гипотезу не только относительно закона явленія, уже извѣстнаго намъ за причину, но и относительно самой причины. Дозволено, полезно и часто даже необходимо задать себѣ сначала

*) Примѣромъ законной гипотезы, по отношенію къ изложенному здѣсь испытанію, справедливо была приводима гипотеза Брусса [3]). Слѣдуя совершенно раціональному правилу, что всякая болѣзнь должна произойти въ той или другой опредѣленной части организма, Бруссэ смѣло предположилъ, что нѣкоторыя лихорадки,—о которыхъ было неизвѣстно, чтобы онѣ были мѣстныя, и которыя назывались конституціональными,—что эти лихорадки порождаются въ слизистой оболочкѣ пищеварительнаго канала. Предположеніе это, какъ признается теперь всѣми, было ошибочно. Но Бруссэ былъ въ правѣ его построить: выводя слѣдствія предположенія и сравнивая ихъ съ фактами упомянутыхъ болѣзней, онъ могъ быть увѣреннымъ, что отвергнетъ свою гипотезу, если она неосновательна, и могъ надѣяться на то, что сравненіе существенно поможетъ ему построить другую гипотезу, болѣе согласную съ явленіемъ.

Общепринятое въ настоящее время ученіе, что земля есть естественный магнитъ, было сначала гипотезою знаменитаго Джильберта [4]).

Другую гипотезу, противъ законности которой нельзя возражать и которая прекрасно разсчитана для освѣщенія пути научнаго изслѣдованія, представляетъ намъ построенная нѣсколькими новѣйшими писателями: что мозгъ есть Вольтовъ столбъ и что каждая пульсація его есть разряженіе электричества сквозь организмъ. Замѣтили, что ощущеніе, испытываемое рукою отъ біенія мозга, сильно походитъ на ударъ отъ Вольтова столба. Гипотеза эта, развитая до ея слѣдствій, могла бы представить благовидное объясненіе многихъ физіологическихъ фактовъ. Между тѣмъ, ничто не подрываетъ надежды, что со временемъ мы достаточно будемъ понимать условія галваническихъ явленій, чтобы провѣрить истинность гипотезы наблюденіемъ и опытомъ [5]).

[3]) Франсуа Жозефъ Викторъ Бруссэ, знаменитый французскій медикъ, род. 1772, ум. 1838 года, образовалъ ученую систему медиковъ и преимущественно сводилъ болѣзни на раздраженіе и воспаленіе тканей. *П. Л.*

[4]) Уильямъ Джильбертъ род. 1540, ум. 1605, былъ медикомъ королевы Елисаветы англійской и Якова I. Особенно замѣчателенъ какъ физикъ. Ему обязаны основаніемъ теоріи земнаго магнитизма, въ сочиненіи: «De magnete» (London, 1600).

[5]) Мнѣ неизвѣстно, кто предлагалъ теорію, упоминаемую Миллемъ; но о ней даже не упоминается въ лучшихъ современныхъ курсахъ анатоміи и физіологіи. Пульсаціи мозга принимаются нынѣ двухъ родовъ: однѣ (дыхательныя) происходятъ отъ разбуханія мозговыхъ венъ вслѣдствіе процесса дыханія и слѣдуютъ періодамъ выдыханій. Другія (артеріальныя) зависятъ отъ кровеобращенія и одновременны съ пульсаціями

вопросъ о томъ, какая причина *могла произвести* дѣйствіе, — чтобы знать, въ какомъ направленіи искать доказательства, точно ли она *произвела* это дѣйствіе. Вихри Декарта были бы совершенно законною гипотезою, еслибъ какимъ-либо способомъ изслѣдованія, на обладаніе которымъ въ неопредѣленномъ будущемъ мы могли бы надѣяться, возможно было подвергнуть дѣйствительное существованіе вихрей, какъ фактъ природы, провѣркѣ наблюденіемъ, которая давала бы право на заключенія. Гипотеза была неправильна лишь потому, что не могла навести ни на какой путь изслѣдованія, способный обратить ее изъ гипотезы въ доказанный фактъ. Случайно могла быть доказана ея лож-

---

Попытка размѣстить, въ различныхъ частяхъ мозга, физическіе органы нашихъ многообразныхъ духовныхъ способностей и побужденій, была, со стороны ея перваго автора, случаемъ законнаго построенія научной гипотезы. И потому намъ не слѣдовало бы осуждать автора за крайне-шаткія основанія, на которыя онъ часто опирался въ построеніи, необходимо попыточномъ. Но мы можемъ сожалѣть о томъ, что изъ матеріаловъ, едва достаточныхъ для первой грубой гипотезы, послѣдователи автора поспѣшно построили суетный призракъ науки. Если, дѣйствительно, существуетъ связь между рядомъ духовныхъ способностей и различными степенями усложненія мозговой системы, то сущность этой связи, вѣроятно, не могла быть легче обнаружена никакимъ другимъ способомъ, кромѣ предварительнаго построенія гипотезы, подобной Галлевой. Но, по особой природѣ явленій, провѣрка всякой такой гипотезы сопряжена съ затрудненіями, оцѣнить которыя—не только-что преодолѣть—френологи не показали себя способными.

Замѣчательное умозрѣніе Дарвина о происхожденіи видовъ есть другой безупречный примѣръ гипотезы. То, что онъ называетъ «естественныхъ подборомъ», не только *vera causa* (истинная причина), но причина, о которой доказано, что она способна производить дѣйствія одного и того же *рода* съ приписываемыми ей гипотезою: вопросъ о возможности сводится единственно на вопросъ о степени. Обвинять Дарвина (какъ это было дѣлаемо) въ нарушеніи правилъ наведенія неразумно. Правила наведенія касаются условій доказательства. Дарвинъ никогда не утверждалъ, чтобы его ученіе было доказано. Для него были обязательны правила не наведенія, а гипотезы. А правила гипотезы рѣдко были строже исполняемы. Онъ открылъ путь изслѣдованія, обѣщающій весьма много, и результаты этого изслѣдованія не могутъ быть никѣмъ предусмотрѣны. Не чудное ли это дѣло научнаго знанія и остроумія, что такая смѣлая мысль, которую каждый, по первому побужденію, тотчасъ же отвергалъ, была допущена и обсуждаема, хотя бы только какъ предположеніе?

сердца: причина ихъ еще не опредѣлена точно: одни ученые полагаютъ, что эти пульсаціи мозга зависятъ отъ поднятія всей его массы вслѣдствіе разбуханія большихъ артерій, проходящихъ по основанію мозга (Art. coralis, vertebralis, basilunio); другіе считаютъ вѣроятнѣйшимъ, что пульсаціи мозга зависятъ отъ разбуханія и сжатія всей его массы, вслѣдствіе періодическаго увеличенія и уменьшенія количества крови во всѣхъ мозговыхъ артеріяхъ при каждомъ сжатіи и расширеніи сердца (см. *J. Hyrtl:* «Handb. d. topographischen Anatomie» (4 изд., 1860) I, 110 и слѣд.; *K. Vierordt:* «Grundriss d. Physiologie d. Menschen» (1861) 455. *П. Л.*

ность, или какимъ-либо недостаткомъ соотвѣтствія съ явленіями, которыя она должна была объяснить, или (какъ дѣйствительно случилось) какимъ-либо чуждымъ ей фактомъ. «Свободное прохожденіе кометъ сквозь пространства, въ которыхъ должны были быть означенные вихри, убѣдило людей, что вихри эти не существуютъ» *). Но гипотеза была бы ложною и тогда, еслибы нельзя было найти такого прямаго доказательства ея ложности. Прямаго доказательства ея истинности не могло существовать.

Господствующая гипотеза о свѣтоносномъ эѳирѣ, въ другихъ отношеніяхъ не лишенная аналогіи съ гипотезою Декарта, по своей природѣ, не исключаетъ вполнѣ возможности прямаго доказательства въ ея пользу. Какъ хорошо извѣстно, разность между исчисленнымъ и наблюденнымъ временемъ періодическаго возраста кометы Энке привела къ предположенію, что по пространству разлита среда, способная оказывать сопротивленіе движенію. Еслибъ, въ теченіе вѣковъ, эта догадка подтвердилась постепеннымъ наростаніемъ подобной же разницы и въ движеніи другихъ тѣлъ солнечной системы, то свѣтоносный эѳиръ значительно приблизился бы къ усвоенію характера истинной причины *(vera causa)*. Было бы обнаружено существованіе великаго космическаго дѣятеля, обладающаго нѣкоторыми изъ свойствъ, принятыхъ въ гипотезѣ, — хотя еще представлялось бы много затрудненій, и отожествленіе эѳира съ сопротивляющейся средой породило бы, какъ я думаю, новыя затрудненія. Теперь, однако, это предположеніе нельзя считать ничѣмъ болѣе, какъ догадкой. Все еще существованіе эѳира опирается на возможность вывести изъ его предполагаемыхъ законовъ значительное число явленій свѣта. А это доказательство я не могу признать убѣдительнымъ, такъ какъ относительно подобной гипотезы мы не можемъ быть увѣренными, что если она будетъ ложною, то должна привести къ результатамъ, разнящимся отъ истинныхъ фактовъ.

Вслѣдствіе того, большая часть мыслителей, сколько-нибудь осторожныхъ, допускаютъ, что гипотеза такого рода не можетъ быть принимаема за вѣроятно-истинную, потому что она объясняетъ всѣ извѣстныя явленія. Этому условію часто одинаково удовлетворяютъ двѣ

---

*) Whewell, *Phil. of Discovery*, стр. 275, 276.

противорѣчивыя гипотезы; вѣроятно, существуетъ еще тысяча другихъ, которыя одинаково возможны, но которыхъ нашъ умъ неспособенъ себѣ представить, по недостатку чего-либо подобнаго въ нашемъ опытѣ. Но, повидимому, думаютъ, что гипотеза разсматриваемаго рода имѣетъ право на болѣе благосклонный пріемъ, если, объясняя всѣ факты, уже извѣстные, она привела къ предугаданію и предсказанію другихъ, которые впослѣдствіи были подтверждены опытомъ. Такъ, теорія волнообразнаго распространенія свѣта привела къ предсказанію, впослѣдствіи оправданному опытомъ, что два свѣтовые луча могутъ встрѣтиться такъ, что произведутъ темноту. Такія предсказанія и ихъ исполненіе, въ самомъ дѣлѣ, весьма способны произвести впечатлѣніе на незнающаго, вѣра котораго въ науку основывается единственно на подобныхъ совпаденіяхъ ея предсказаній съ послѣдующими событіями. Но странно, что такому совпаденію придаютъ большое значеніе люди, образованные научно. Если законы распространенія свѣта согласны съ законами колебаній упругой жидкости въ столькихъ отношеніяхъ, сколько необходимо, чтобы гипотеза представляла правильное выраженіе всѣхъ или большей части явленій, извѣстныхъ въ то время, то нѣтъ ничего удивительнаго, что законы эти согласуются еще въ одномъ отношеніи. Хотя бы случилось двадцать такихъ совпаденій, они не доказали бы дѣйствительнаго существованія эѳира, одареннаго волнообразнымъ движеніемъ. Изъ нихъ слѣдовало бы не то, что явленія свѣта суть результаты законовъ упругихъ жидкостей, но, по большей мѣрѣ, что они слѣдуютъ законамъ, которые, частью, тожественны съ первыми. А это, можемъ мы замѣтить, уже извѣстно изъ факта, что упомянутая гипотеза могла быть хоть минуту поддерживаема *). Даже при нашемъ несовершенномъ знакомствѣ съ природою мы можемъ привести случаи, гдѣ дѣятели, которые мы имѣемъ достаточное основаніе признавать радикально раз-

---

*) Принятію гипотезы о передачѣ свѣта физической средой наиболѣе способствовалъ несомнѣнный фактъ, что свѣтъ движется (чего нельзя доказать о тяготѣніи), что передача его не мгновенна, а требуетъ *времени*, и что онъ задерживается заслоняющими предметами (чему тяготѣніе не подвержено). Вотъ аналогіи между явленіями свѣта и явленіями механическаго движенія твердаго или жидкаго вещества. Но мы не въ правѣ утверждать, что механическое движеніе единственная въ природѣ сила, способная обладать этими свойствами.

личными, производятъ свои дѣйствія или нѣкоторыя изъ своихъ дѣйствій по законамъ тожественнымъ. Напримѣръ, законъ обратной пропорціональности къ квадратамъ разстояній служитъ мѣрою силы тяготѣнія, свѣта и лучистой теплоты, исходящей изъ центра. Однако, никто не признаетъ этого тожества доказывающимъ сходство механизма, которымъ производятся эти три рода явленій.

По мнѣнію Уэвеля, совпаденіе результатовъ, предсказанныхъ по гипотезѣ, съ наблюденными впослѣдствіи фактами равняется полному доказательству истинности теоріи. «Положимъ, я списываю длинный рядъ буквъ, изъ которыхъ послѣдняя полудюжина закрыта; если я угадаю закрытыя буквы,—что можетъ оказаться, когда онѣ будутъ потомъ открыты,—то, должно быть, я вывелъ смыслъ надписи. Не предполагая такой причины догадки, было бы нелѣпо сказать, что такъ какъ я списалъ всю часть надписи, которая была видна, то нѣтъ ничего удивительнаго, если я угадалъ часть, которой не могъ видѣть» *). Если кто-либо, разсмотрѣвъ бо́льшую часть длинной надписи, можетъ истолковать буквы такъ, что надпись будетъ имѣть смыслъ на извѣстномъ языкѣ, то есть большая вѣроятность, что толкованіе правильно. Но я не думаю, чтобы вѣроятность сильно увеличилась оттого, что переписчикъ могъ угадать остальныя немногія буквы, не видя ихъ: мы, естественно, ожидали бы (когда сущность даннаго факта исключала случайность), что даже ошибочное толкованіе, согласное со всѣми видимыми частями надписи, будетъ согласно съ немногими остальными; и наше ожиданіе оправдалось бы, напримѣръ, когда надпись намѣренно была составлена такимъ образомъ, чтобы заключать двойной смыслъ. Я принимаю, что соотвѣтствіе непокрытыхъ буквъ слишкомъ велико, чтобы быть чисто-случайнымъ: иначе примѣръ приведенъ не честно. Никто не предполагаетъ, что согласіе явленій свѣта съ теоріей волнообразнаго движенія чисто-случайно. Оно, должно быть, возникаетъ изъ дѣйствительнаго тожества нѣкоторыхъ законовъ волнообразнаго движенія съ нѣкоторыми законами свѣта. А если это тожество существуетъ, то разумно предположить, что слѣдствія его не прекратились бы съ явленіями, впервые подавшими мысль объ отожествленіи, и

*) *Phil. of Disc.* стр. 274.

даже не ограничились бы явленіями, которыя были извѣстны въ то время. Но изъ согласія нѣкоторыхъ законовъ свѣта съ законами распространенія волнъ еще не слѣдуетъ, чтобы волны дѣйствительно существовали,—равно какъ изъ согласія нѣкоторыхъ (хотя и не столькихъ) законовъ свѣта съ законами движеній частицъ отъ центра не слѣдовало, чтобы подобное движеніе дѣйствительно происходило. Даже гипотеза волнообразнаго движенія не объясняетъ всѣхъ явленій свѣта. Естественные цвѣта предметовъ, сложную природу солнечнаго луча, поглощеніе свѣта и его химическое и жизненное дѣйствіе гипотеза оставляетъ столь же таинственными, какими нашла ихъ. И нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, скорѣе согласны съ теоріей лучеиспусканія, чѣмъ съ теоріей Юнга и Френеля *). Кто знаетъ, не оставитъ ли со временемъ какая-либо третья гипотеза, обнимающая всѣ эти явленія, — теорію волненій настолько же за собою, насколько эта теорія пошла далѣе теоріи Ньютона и его послѣдователей?

На положеніе, что требованію объяснить всѣ извѣстныя явленія часто одинаково хорошо удовлетворяютъ двѣ противорѣчивыя гипотезы,— на положеніе это Уэвель возражаетъ, что онъ не знаетъ «въ исторіи науки ни одного подобнаго случая, въ которомъ явленія были бы сколько-нибудь многочисленны и сложны» *). Эти слова писателя, столь точно знакомаго съ исторіей наукъ, какъ Уэвель, составляли бы сильный авторитетъ, еслибы самъ Уэвель, нѣсколькими страницами раньше, не потрудился ихъ опровергнуть **), утверждая, что даже отринутыя научныя гипотезы, всегда или почти всегда, могли быть измѣнены такимъ образомъ, чтобы онѣ стали вѣрными изображеніями явленій. Гипотеза вихрей, говоритъ Уэвель, послѣдовательными измѣненіями была соглашена въ своихъ результатахъ съ Ньютоновой теоріей и съ фактами. Правда, вихри не объясняли всѣхъ явленій, которыя, какъ оказалось

---

*) Томасъ Юнгъ (Young), англійскій медикъ и физикъ, род. 1773, ум. 1829. Огюстенъ Жанъ Френель (Fresnel), французскій инженеръ и физикъ, род. 1788, ум. 1827. Ихъ труды, совершенно независимые одинъ отъ другаго, положили основаніе нынѣшней оптической теоріи и ниспровергли теорію Ньютона. О нихъ смотри особенно: *Whewell*, «Hist. of. the inductive sciences», I, 321.

*) Стр. 271.

**) Стр. 251 и все приложеніе G.

окончательно, объясняла Ньютонова теорія: напримѣръ, предваренія равноденствій. Но въ то время означенное явленіе не разсматривалось ни одною партіею какъ одинъ изъ фактовъ, которые должны быть объяснены гипотезою. На основаніи авторитета Уэвеля, мы можемъ думать, что всѣ факты, принятые въ соображеніе партіями, были согласшены съ картезіанскою гипотезою, въ ея конечномъ усовершенствованномъ видѣ, такъ же точно, какъ и съ Ньютоновой.

Но, какъ мнѣ кажется, для принятія какой-либо данной гипотезы недостаточно того основанія, что мы неспособны вообразить себѣ никакой другой, которая объясняла бы факты. Нѣтъ необходимости предполагать, что истиннымъ объясненіемъ должно быть такое, которое мы, уже при настоящей нашей опытности, можемъ вообразить. Между знакомыми намъ дѣятелями природы, колебанія упругой жидкости могутъ быть единственнымъ дѣятелемъ, законы котораго представляютъ близкое сходство съ законами свѣта. Но мы не можемъ утверждать, чтобы не существовало неизвѣстной причины, отличной отъ упругаго эѳира, наполняющаго пространство, и, однако, производящей дѣйствія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходныя съ дѣйствіями, какія были бы произведены волнообразными движеніями такого эѳира. Принять, что никакой подобной причины существовать не можетъ, кажется мнѣ крайнимъ случаемъ бездоказательнаго утвержденія.

Я не думаю осуждать тѣхъ, кто занимается подробною разработкою этого рода гипотезъ; полезно дознаться, съ законами какихъ извѣстныхъ явленій законы предмета изслѣдованія представляютъ наибольшую или хоть большую аналогію: это можетъ навести (какъ и было относительно свѣтоноснаго эѳира) на опыты, для опредѣленія того, не заходитъ ли распространяющаяся такъ далеко аналогія еще дальше. Но чтобы мы, дѣлая это, воображали, что мы серіозно изслѣдуемъ вопросъ, вѣрна ли гипотеза объ эѳирѣ, электрической жидкости и т. п., чтобы мы считали возможнымъ увѣриться въ произведеніи явленій именно этимъ путемъ, а не инымъ, — это, признаюсь, я считаю недостойнымъ нынѣшнихъ развитыхъ понятій о методахъ естественныхъ наукъ. И хотя я рискую вызвать обвиненіе въ нескромности, но не могу не выразить моего изумленія, что философъ, столь даровитый и ученый, какъ Уэвель, написалъ обширный трактатъ о философіи наве-

Digitized by Google

денія, въ которомъ онъ безусловно не признаетъ инаго вида наведенія, кромѣ испытанія одной гипотезы за другою, пока не найдется соотвѣтствующая явленіямъ. И эта одна гипотеза, будучи найдена, должна быть принимаема за истинную, съ единственною оговоркою, что если, при повторенномъ разсмотрѣніи гипотезы, окажется, что она допускаетъ больше, чѣмъ сколько нужно для объясненія явленій, то излишекъ принятаго слѣдуетъ отбросить. При этомъ Уэвель не проводитъ ни малѣйшаго различія между случаями, въ которыхъ можетъ быть заранѣе извѣстно, что двѣ различныя гипотезы не могутъ приводить къ одному и тому же результату, и случаями, въ которыхъ, насколько мы можемъ когда-либо знать, рядъ предположеній, одинаково совмѣстныхъ съ явленіями, можетъ быть безконеченъ *).

§ 7. До заключенія главы о гипотезахъ мнѣ слѣдуетъ оградить себя отъ возможнаго предположенія, будто я сомнѣваюсь въ научномъ достоинствѣ нѣкоторыхъ отраслей изслѣдованія природы, которыя, хотя и не вышли изъ дѣтства, признаются мною за строго-индуктивныя. Большая разница, вымышлять ли дѣятелей, для объясненія класса явленій, или, не

*) Въ послѣднемъ изложеніи теоріи Уэвеля (Philosophy of Discovery, стр. 331) онъ дѣлаетъ уступку относительно среды, передающей свѣтъ. Уступка эта, въ связи съ остальнымъ ученіемъ Уэвеля объ означенномъ предметѣ, признаюсь, для меня не очень понятна; но она близка къ тому, чтобы устранить, если дѣйствительно не устранитъ, всю разницу между нами. Уэвель утверждаетъ противъ Уилльяма Гамильтона, что всякая матерія обладаетъ вѣсомъ. Гамильтонъ, доказывая противное, привелъ свѣтоносный эѳиръ и теплородную и электрическую жидкости, «которыя» говоритъ онъ «мы не можемъ ни лишить ихъ характера вещества, ни облечь свойствомъ тяжести.» «На это» продолжаетъ Уэвель, «я отвѣчаю, что именно вслѣдствіе невозможности облечь этихъ дѣятелей свойствомъ тяжести я и лишаю ихъ характера вещества. Они не вещества, а дѣятели. Названіе означенныхъ невѣсомыхъ дѣятелей невѣсомыми жидкостями несоотвѣтственно. Это, полагаю, мною доказано». Это совершенно философскій пріемъ. Но если свѣтоносный эѳиръ не вещество, и притомъ не вещество жидкое (fluid), то какъ понимать его волнообразное движеніе? Можетъ ли дѣятель двигаться волнообразно? Можетъ ли существовать попеременное поступательное и возвратное движеніе частицъ дѣятеля? И не признаетъ ли ихъ вещественными вся математическая теорія волнообразнаго движенія? Не есть ли она рядъ выводовъ изъ извѣстныхъ свойствъ упругихъ жидкостей? *Это* мнѣніе Уэвеля сводитъ волнообразныя движенія на форму выраженія, а самую теорію волнообразныхъ движеній на предложеніе, которое долженъ допустить всякій: что передача свѣта слѣдуетъ законамъ, представляющимъ поразительное и замѣчательное *сходство* съ законами волнообразныхъ движеній. Если Уэвель готовъ остановиться на этомъ ученіи, то между нами, относительно разбираемаго предмета, нѣтъ разнорѣчія.

противорѣча извѣстнымъ законамъ, стараться угадать, какія предшествовавшія распредѣленія извѣстныхъ дѣятелей могли породить отдѣльные, существующіе донынѣ факты. Такое угадываніе составляетъ законный процессъ заключенія, отъ наблюденнаго дѣйствія, къ существованію, въ минувшее время, причины, сходной съ тою, которая извѣстна намъ за производящую это дѣйствіе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ происхожденіе его засвидѣтельствовано намъ настоящимъ опытомъ. Такова, напримѣръ, цѣль изслѣдованій геологическихъ; они столь же логичны и столь же мало мечтательны, какъ и судебныя изслѣдованія, также направленныя къ открытію минувшаго событія выводомъ изъ тѣхъ его дѣйствій, которыя еще существуютъ. Изъ указаній, представляемыхъ трупомъ, изъ присутствія или отсутствія признаковъ борьбы на землѣ или окружающихъ предметахъ, изъ кровавыхъ пятенъ, слѣдовъ предполагаемыхъ убійцъ и т. п., мы, разсуждая съ начала до конца на основаніи единообразій, обнаруженныхъ чистымъ наведеніемъ, безъ всякой примѣси гипотезъ, можемъ увѣриться въ томъ, убитъ ли человѣкъ или умеръ естественною смертью. Точно такъ же, если на поверхности нашей планеты или подъ этою поверхностью мы находимъ массы, совершенно сходныя съ осадками изъ воды или съ продуктами охлажденія расплавленныхъ веществъ, то мы имѣемъ право заключить, что происхожденіе этихъ массъ было именно такое, а если дѣйствія, хотя подобныя въ родѣ, представляются въ гораздо обширнѣйшемъ объемѣ, чѣмъ производимыя теперь, то мы разумно и безъ помощи гипотезъ можемъ заключить, что или причины существовали въ прежнее время съ большею силою, или что онѣ дѣйствовали въ теченіе огромнаго періода времени. Далѣе этого ни одинъ геологъ, пользующійся авторитетомъ, не рѣшался идти со времени возникновенія теорій нынѣшней просвѣщенной школы геологовъ.

Конечно, во многихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ случается, что хотя законы, которымъ приписываются явленія, суть законы извѣстные, и хотя дѣятели—дѣятели извѣстные, однако объ этихъ дѣятеляхъ не извѣстно, присутствовали ли они въ частномъ случаѣ. Такъ, въ умозрѣніи относительно огненнаго происхожденія траппа или гранита, фактъ не допускаетъ прямаго доказательства, что эти вещества дѣйствительно подвергались сильному жару. Но то же справедливо относительно всѣхъ

судебныхъ изслѣдованій, которыя опираются на доказательство изъ обстоятельствъ дѣла. Мы можемъ заключить объ умерщвленіи человѣка, хотя бы показанія очевидцевъ и не доказывали, что какое-либо лицо, намѣревавшееся убить этого человѣка, было на мѣстѣ событія. Для большинства цѣлей достаточно, если никакая другая извѣстная причина не могла породить дѣйствій, о которыхъ доказано, что они были произведены.

Знаменитое умозрѣніе Лапласа относительно происхожденія земли и планетъ существенно подходитъ подъ строго-индуктивный характеръ новой геологической теоріи. Умозрѣніе состоитъ въ томъ, что первоначально атмосфера солнца простиралась до нынѣшнихъ предѣловъ солнечной системы; затѣмъ, процессомъ охлажденія, она сжалась до теперешнихъ размѣровъ; а такъ какъ, по общимъ началамъ механики, вращеніе солнца и его атмосферы становится быстрѣе, съ уменьшеніемъ ихъ объема, то увеличенная центробѣжная сила, порожденная скорѣйшимъ вращеніемъ, преодолѣла дѣйствіе тяготѣнія и заставила солнце отдѣлить послѣдовательныя кольца газообразнаго вещества, которыя, какъ полагаютъ, стали плотнѣе вслѣдствіе охлажденія и сдѣлались планетами. Въ этой теоріи нѣтъ ни одного неизвѣстнаго вещества, которое было бы введено по предположенію, ни одного неизвѣстнаго свойства или закона, приписаннаго извѣстному веществу. Извѣстные законы вещества даютъ намъ право предположить, что тѣло, постоянно выдѣляющее такое большое количество теплоты, какое выдѣляется солнцемъ, должно постепенно охлаждаться и, вслѣдствіе процесса охлажденія, должно сжиматься. И потому, пытаясь изъ нынѣшняго состоянія этого свѣтила заключить о состояніи его во время, давно прошедшее, мы необходимо должны предположить, что его атмосфера простиралась гораздо дальше теперешняго, и въ правѣ думать, что она занимала все пространство, въ которомъ мы можемъ прослѣдить дѣйствія, какія она, естественно, могла оставить по себѣ при отступленіи: таковы планеты. Построивъ эти предположенія, мы можемъ вывести изъ извѣстныхъ законовъ, что послѣдовательные поясы солнечной атмосферы могли быть оставлены; что они продолжали бы вращаться вокругъ солнца съ тою же скоростью, какъ еслибы они составляли часть его вещества, и что они охладились бы, гораздо раньше самаго солнца,

до всякой данной температуры, — слѣдовательно, и до такой, при которой большая часть составлявшаго нхъ газообразнаго вещества стала бы жидкою или твердою. Тогда извѣстный законъ тяготѣнія заставилъ бы нхъ скопиться въ массы, которыя приняли бы форму, представляемую теперь нашими планетами, и пріобрѣли бы вращательное движеніе, каждая вокругъ собственной оси. Въ этомъ состояніи упомянутыя массы вращались бы вокругъ солнца, какъ дѣйствительно вращаются планеты, въ одномъ направленіи со вращеніемъ самого солнца, но съ меньшею скоростью, потому что онѣ вращались бы въ тотъ же періодъ времени, какой занимало обращеніе солнца, когда атмосфера послѣдняго простиралась до этой точки. Такимъ образомъ, строго говоря, въ теоріи Лапласа нѣтъ ничего гипотетичнаго: она есть примѣръ законнаго умозаключенія отъ настоящаго дѣйствія къ возможной прежней причинѣ, согласно извѣстнымъ законамъ этой причины. Поэтому, какъ я сказалъ, теорія эта представляетъ сходный характеръ съ теоріями геологовъ, но значительно ниже нхъ по доказательности. Положимъ даже, было бы доказано (а этого не сдѣлано), что несомнѣнно должны были наступить условія, необходимыя для разрыва послѣдовательныхъ колецъ. И тогда допущеніе, что существующіе законы природы тѣ же, какіе существовали при происхожденіи солнечной системы, представляло бы гораздо большую вѣроятность ошибки, чѣмъ предположеніе (геологовъ), что законы эти остались неизмѣнными въ продолженіе немногихъ переворотовъ и преобразованій только одного изъ тѣлъ, составляющихъ эту систему.

ГЛАВА XV.

О НАРОСТАНІИ ДѢЙСТВІЙ И НЕПРЕРЫВНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРИЧИНЪ.

§ 1. Въ послѣднихъ четырехъ главахъ мы изложили, въ общихъ чертахъ, теорію происхожденія производныхъ законовъ отъ коренныхъ. Въ этой главѣ мы обратимъ вниманіе на особый случай производства однихъ законовъ отъ другихъ, но на случай, столь общій и до такой сте-

пени важный, что его не только стоитъ подвергнуть отдѣльному разсмотрѣнію, но что онъ требуетъ подобнаго разсмотрѣнія. Это случай сложнаго явленія, вытекающаго изъ *одного* простаго закона, непрерывнымъ прибавленіемъ дѣйствія къ самому себѣ.

Есть нѣкоторыя явленія — напримѣръ, нѣкоторыя тѣлесныя ощущенія, — которыя, по природѣ своей, мгновенны и существованіе которыхъ можетъ быть продолжено только продленіемъ существованія производящей ихъ причины. Но большинство явленій, по своей природѣ, постоянны. Начавъ существовать, они существовали бы вѣчно, еслибъ не возникла какая-либо причина, стремящаяся измѣнить ихъ или уничтожить. Таковы, напримѣръ, всѣ факты или явленія, которыя мы называемъ тѣлами. Произведенная разъ вода сама собою не перейдетъ въ состояніе водорода и кислорода: такой переходъ требуетъ извѣстнаго дѣятеля, способнаго разложить сложное тѣло. Таковы же положенія въ пространствѣ и движенія тѣлъ. Ни одинъ предметъ, находящійся въ покоѣ, не измѣнитъ своего положенія безъ наступленія какихъ-либо условій, для него внѣшнихъ; и, разъ приведенный въ движеніе, ни одинъ предметъ не возвращается въ состояніе покоя и не измѣняетъ ни направленія, ни скорости своего движенія, безъ наступленія какихъ-либо новыхъ внѣшнихъ условій. Поэтому постоянно случается, что временная причина порождаетъ постоянное дѣйствіе. Соприкасаніе, въ теченіе немногихъ часовъ, желѣза и влажнаго воздуха производитъ ржавчину, которая можетъ существовать столѣтія; метательная сила, пустившая ядро въ пространство, производитъ движеніе, которое существовало бы вѣчно, еслибы ему не противодѣйствовала какая-либо другая сила.

Между приведенными двумя примѣрами существуетъ различіе, которое стоитъ указать. Въ первомъ случаѣ (въ которомъ произведенное явленіе есть вещество, а не движеніе вещества) ржавчина остается навсегда и неизмѣненною, если не наступитъ какая-либо новая причина, и потому о прикосновеніи воздуха столѣтіе тому назадъ мы можемъ говорить какъ о *ближайшей* причинѣ ржавчины, существовавшей съ тѣхъ поръ и донынѣ. Но когда дѣйствіе состоитъ въ движеніи, которое само есть перемѣна, мы должны выражаться иначе. Тутъ постоянство дѣйствія есть лишь постоянство ряда перемѣнъ. Второй футъ или дюймъ

или вторая миля движенія не есть продолженное существованіе перваго фута или дюйма или первой мили, но новый футъ, который слѣдуетъ за первымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть весьма отличенъ отъ перваго, такъ какъ онъ движетъ тѣло въ новой части пространства. И потому, первоначальная метательная сила, приведшая тѣло въ движеніе, есть *отдаленная* причина всего его движенія, какъ бы долго оно ни продолжалось, но не составляетъ *ближайшей* причины никакого движенія, за исключеніемъ происшедшаго въ первое мгновеніе. Движеніе въ каждое слѣдующее мгновеніе произведено, какъ ближайшею причиною, движеніемъ, происходившимъ въ предшествовавшее мгновеніе. Отъ этого движенія, а не отъ первоначальной двигавшей причины зависитъ движеніе въ каждое данное мгновеніе. Предположите, что тѣло проходитъ сквозь какую-либо сопротивляющуюся среду, которая, частью, противодѣйствуетъ вліянію перваго толчка и замедляетъ движеніе. Едвали стоитъ повторять, что это противодѣйствіе такой же строгій примѣръ повиновенія закону первоначальной причины движенія, какъ еслибы тѣло продолжало двигаться со своею первоначальною скоростью. Но производимое движеніе отлично отъ прежняго: теперь оно уже не единственное дѣйствіе одной причины, а результатъ дѣйствій двухъ причинъ, противоположно направленныхъ. Какой же причинѣ повинуется тѣло въ своемъ послѣдующемъ движеніи? Первоначальной ли причинѣ движенія или дѣйствительному движенію въ предшествовавшее мгновеніе? Послѣдней, — потому что предметъ, выйдя изъ сопротивляющейся среды, продолжаетъ двигаться не со своею первоначальною скоростью, а съ уменьшенною. Когда движеніе разъ замедлено, замедляется и все послѣдующее за нимъ движеніе. Дѣйствіе измѣняется, потому что измѣнилась причина, которой оно дѣйствительно повинуется, — ближайшая причина, фактически настоящая причина. Это правило признается математиками, когда, исчисляя причины, въ данное мгновеніе опредѣляющія движеніе, они приводятъ и *силу, порожденную* предшествовавшимъ движеніемъ. Выраженіе это было бы нелѣпо, еслибъ его считали обнимающимъ ту мысль, что упомянутая «сила» составляетъ посредствующее звено между причиной и дѣйствіемъ; на дѣлѣ же выраженіе это означаетъ лишь самое предшествовавшее движеніе, разсматриваемое какъ причина дальнѣйшаго движенія. Поэтому, чтобы говорить совер-

Digitized by Google

шенно точно, мы должны разсматривать каждое звено въ послѣдовательности движеній какъ дѣйствіе звена предшествующаго. Если же, для удобства выраженія, мы говоримъ о всемъ рядѣ какъ объ одномъ дѣйствіи, то должны разумѣть подъ нимъ дѣйствіе, произведенное первоначально-дѣйствовавшей силой, — непрерывное дѣйствіе, произведенное мгновенной причиной и обладающее свойствомъ непрерывнаго самопродолженія.

Предположимъ теперь, что первоначальный дѣятель или первая причина, вмѣсто того, чтобъ быть мгновенными, существуютъ непрерывно. Каково бы ни было дѣйствіе, произведенное до опредѣленнаго времени (лишь бы его не предотвратило вліяніе какой-либо новой причины), оно существовало бы постоянно, даже еслибъ причинѣ суждено было уничтожиться. Но такъ какъ причина не уничтожается, а продолжаетъ существовать и дѣйствовать, то она должна производить болѣе и болѣе дѣйствія, и вмѣсто дѣйствія равномѣрнаго мы получимъ прогрессивный рядъ дѣйствій, возникающій изъ накопляющагося вліянія непрерывной причины. Такъ, соприкасаніе желѣза съ атмосферою производитъ то, что часть желѣза ржавѣетъ; и еслибъ причина уничтожилась, то произведенное уже дѣйствіе осталось бы непрерывно существующимъ, хотя бы дальнѣйшаго дѣйствія и не прибавилось. Если же причина, именно прикосновеніе влажнаго воздуха, продолжается, то бо́льшая и бо́льшая часть желѣза ржавѣетъ, пока все доступное воздуху количество не обратится въ красный порошокъ. Тогда одно изъ условій произведенія ржавчины, именно присутствіе неокисленнаго желѣза, уничтожится, и дѣйствіе уже не можетъ быть производимо. Точно такъ же, земля есть причина паденія тѣлъ, — т. е., существованіе земли въ данное мгновеніе заставляетъ неподдерживаемое тѣло двигаться къ ней въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе. Еслибъ земля была уничтожена, то произведенное уже количество дѣйствія продолжало бы существовать. Предметъ продолжалъ бы двигаться въ томъ же направленіи, съ пріобрѣтенною имъ скоростью, пока не былъ бы остановленъ какимъ-либо тѣломъ или отклоненъ другою силою. А такъ какъ земля не уничтожена, то и продолжаетъ производить во второе мгновеніе дѣйствіе, подобное первому, и въ одинаковомъ съ нимъ количествѣ; сложеніе же двухъ дѣйствій даетъ увеличенную скорость. Процессъ этотъ повторяется въ каж-

дое послѣдующее мгновеніе, и уже одно постоянное существованіе причины, хотя и безъ увеличенія, порождаетъ постоянное прогрессивное увеличеніе дѣйствія, пока продолжаютъ осуществляться всѣ условія произведенія этого дѣйствія, положительныя и отрицательныя.

Очевидно, что такое положеніе вещей есть лишь случай составленія причинъ. Причина, продолжающая дѣйствовать, должна, по строгомъ анализѣ, быть разсматриваема какъ нѣкоторое число причинъ, совершенно сходныхъ, вводимыхъ постепенно и своимъ соединеніемъ производящихъ сумму дѣйствій, которыя онѣ произвели бы по частямъ, дѣйствуя отдѣльно. Прогрессивное окисленіе желѣза есть, собственно, сумма дѣйствій многихъ частицъ воздуха, послѣдовательно измѣняющихъ соотвѣтствующія частицы желѣза. Продолжающееся дѣйствіе земли на падающее тѣло равняется ряду силъ, прилагаемыхъ въ послѣдовательныя мгновенія и поодиночкѣ стремящихся произвести нѣкоторое постоянное количество движенія. А движеніе, происходящее въ каждую данную минуту, есть сумма дѣйствій новой силы, приложенной въ предшествовавшее мгновеніе, и движенія, уже пріобрѣтеннаго. Въ каждое мгновеніе, новое дѣйствіе, которому тяжесть служитъ ближайшею причиною, прибавляется къ дѣйствію, котораго она составляла причину отдаленную; или, выражая то же самое инымъ образомъ, дѣйствіе, произведенное вліяніемъ земли въ послѣднее истекшее мгновеніе, прибавляется къ суммѣ дѣйствій, отдаленными причинами которыхъ были вліянія, оказанныя землею во всѣ предшествовавшія мгновенія, съ начала движенія. По этому случай подходитъ подъ правило совокупленія причинъ, производящихъ дѣйствіе, равное суммѣ ихъ отдѣльныхъ дѣйствій. Но такъ какъ причины начинаютъ дѣйствовать не разомъ, а послѣдовательно, и такъ какъ въ каждое мгновеніе дѣйствіе есть сумма дѣйствій лишь тѣхъ причинъ, которыя начали обнаруживаться до этого мгновенія, то результатъ принимаетъ форму возрастающаго ряда: послѣдовательности суммъ, изъ которыхъ каждая болѣе предшествующей. Такимъ образомъ мы получили прогрессивное дѣйствіе отъ продолжающагося дѣйствія одной причины.

Итакъ, продолжающееся существованіе причины оказываетъ вліяніе на дѣйствіе, только увеличивая его количество, и увеличеніе происходитъ согласно опредѣленному закону (равныя количества прибавляются

въ равные промежутки времени). Поэтому результатъ можетъ быть вычисленъ по правиламъ математики. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ случай — случай безконечно-малыхъ увеличеній — именно и есть тотъ, для разрѣшенія котораго было изобрѣтено дифференціальное счисленіе. Какое дѣйствіе произойдетъ отъ постояннаго прибавленія данной причины къ ней же? и какое количество причины, постоянно прибавляемой къ ней самой, произведетъ данное количество дѣйствія? — вопросы эти суть, очевидно, вопросы математическіе и потому должны быть разрѣшаемы дедуктивно. Какъ мы видѣли, случаи составленія причинъ рѣдко приспособлены къ какому бы то ни было изслѣдованію, кромѣ дедуктивнаго, и это особенно вѣрно относительно обсуждаемаго нами теперь случая, постояннаго соединенія причины съ ея собственными прежними дѣйствіями. Такой случай особенно удобно можетъ быть подвергнутъ дедуктивному методу, между тѣмъ какъ по неразличимой смѣси дѣйствій, однихъ съ другими и съ причинами, опытное изслѣдованіе такого случая должно быть призрачнѣе изслѣдованія всякаго другаго случая.

§ 2. Теперь мы обратимся къ нѣсколько сложнѣйшему приложенію того же правила: именно къ случаю, когда причина не только продолжаетъ дѣйствовать, но въ теченіе того же самаго времени испытываетъ прогрессивную перемѣну въ тѣхъ своихъ обстоятельствахъ, которыя участвуютъ въ опредѣленіи дѣйствія. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ прежнемъ, все дѣйствіе продолжаетъ накопляться отъ постоянной прибавки новаго дѣйствія къ произведенному раньше. Но тутъ прибавляются уже не равныя количества въ равные промежутки времени: прибавляемыя количества не равны, и даже качество можетъ теперь быть различно. Если перемѣна въ состояніи постоянной причины будетъ прогрессивна, то дѣйствіе пройдетъ двойной рядъ перемѣнъ, происходящихъ: частью отъ накопившагося дѣйствія причины, а частью отъ перемѣнъ въ ея дѣйствіи. Дѣйствіе все-еще дѣйствіе прогрессивное, однако производится не одною продолжительностью причины, но ея продолжительностью и прогрессивностью вмѣстѣ.

Весьма извѣстный примѣръ этого представляетъ повышеніе температуры въ теченіе лѣта, когда солнце подходитъ ближе къ вертикальному положенію и остается бо́льшее число часовъ надъ горизонтомъ. Этотъ примѣръ весьма интереснымъ образомъ разъясняетъ двойное влія-

ніе, испытываемое дѣйствіемъ отъ продолженія причины и ея прогрессивнаго измѣненія. Когда солнце уже разъ достаточно приблизилось къ зениту и остается поверхъ горизонта довольно долго, чтобы, въ теченіе одного дневнаго оборота, дать болѣе тепла, чѣмъ можетъ отнять противодѣйствующая причина, лучеиспусканіе теплоты землею, — тогда уже одно непрерывное существованіе причины прогрессивно увеличило бы дѣйствіе, даже еслибъ солнце не приближалось болѣе и дни не становились длиннѣе. Но, въ добавокъ къ этому, происходитъ перемѣна въ обстоятельствахъ причины (въ рядѣ ея дневныхъ положеній), и эта перемѣна стремится увеличить количество дѣйствія. По минованіи лѣтняго солнцестоянія, прогрессивная перемѣна причины начинаетъ идти возвратнымъ путемъ; но, въ теченіе нѣкотораго времени, накопляющееся дѣйствіе одного продолженія причины превосходитъ дѣйствіе испытываемой ею перемѣны, и температура продолжаетъ повышаться.

Движеніе планеты есть также прогрессивное дѣйствіе, производимое причинами непрерывными. Орбита планеты (помимо пертурбацій) опредѣляется двумя причинами. Первая изъ нихъ есть дѣйствіе центральнаго тѣла, причина непрерывная, вліяніе которой попеременно увеличивается и уменьшается, смотря по тому, приближается ли планета къ своему перигелію, или отдаляется отъ него; причина эта въ каждой точкѣ дѣйствуетъ въ различномъ направленіи. Вторая причина: стремленіе планеты продолжать двигаться въ прежнемъ направленіи и съ пріобрѣтенною уже скоростью. И эта вторая сила увеличивается съ приближеніемъ планеты къ своему перигелію и уменьшается съ удаленіемъ, потому что вмѣстѣ съ приближеніемъ увеличивается и скорость планеты. И эта сила, подобно первой, въ каждой точкѣ дѣйствуетъ въ противномъ направленіи, потому что въ каждой точкѣ дѣйствіе центральной силы, отклоняя планету отъ ея прежняго направленія, измѣняетъ линію, по которой планета стремится двигаться дальше. Въ каждый моментъ движеніе опредѣляется количествомъ и направленіемъ движенія и количествомъ и направленіемъ дѣйствія солнца въ предшествовавшее мгновеніе. И если мы говоримъ о цѣломъ оборотѣ планеты, какъ объ одномъ явленіи (что часто бываетъ удобно, потому что обороты періодичны и подобны одинъ другому), то явленіе это есть прогрессивное дѣйствіе двухъ непрерывныхъ и прогрессивныхъ причинъ: центральной

силы и пріобрѣтеннаго движенія. А какъ причины эти прогрессивны особымъ образомъ, который называется періодичнымъ, то, необходимо, таково и дѣйствіе; если слагаемыя дѣйствія возвращаются въ правильномъ порядкѣ, то должны правильно возвращаться и однѣ и тѣ же суммы.

Этотъ примѣръ стоитъ разсмотрѣть и въ другомъ отношеніи. Хотя самыя причины непрерывны и независимы отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ условій, но перемѣны, наступающія въ количествахъ и отношеніяхъ причинъ, въ самомъ дѣлѣ, производятся періодическими перемѣнами въ дѣйствіяхъ. Когда причины, въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ въ извѣстный моментъ, произвели какое-либо движеніе, то это движеніе, ставъ само причиною, дѣйствуетъ возвратно на причины и производитъ въ нихъ перемѣну. Измѣняя разстояніе и направленіе центральнаго тѣла относительно планеты, а также направленіе и величину касательной силы [1]), движеніе это измѣняетъ элементы, которые опредѣляютъ движеніе въ слѣдующій затѣмъ моментъ. Эта перемѣна нѣсколько измѣняетъ слѣдующее движеніе, а это измѣненіе, новымъ возвратнымъ дѣйствіемъ на причины, опять измѣняетъ ближайшее движеніе, и такъ далѣе. Первоначальное состояніе причинъ могло быть таково, что этотъ рядъ дѣйствій, измѣненный противодѣйствіями, и не былъ бы періодичнымъ. Дѣйствіе солнца и сила первоначальнаго толчка могли находиться другъ къ другу въ такомъ отношеніи, что противудѣйствіе, возбужденное дѣйствіемъ, по своимъ условіямъ, болѣе и болѣе измѣняло бы причины, никогда не приводя ихъ обратно въ то состояніе, въ которомъ онѣ находились въ какое-либо предшествовавшее время. Тогда планета двигалась бы по параболѣ или гиперболѣ, — разомкнутымъ кривымъ. Однако, величины обѣихъ силъ были первоначально таковы, что послѣдовательныя противодѣйствія, возбужденныя дѣйствіями, по истеченіи нѣкотораго времени, приводятъ причины въ ихъ прежнее состояніе. Съ этого времени всѣ измѣненія продолжаютъ возвращаться въ томъ же періодическомъ порядкѣ, и это должно повторяться, пока причины существуютъ и не встрѣчаютъ противодѣйствія.

---

[1]) При движеніи тѣла по данной кривой линіи, движеніе его въ каждой точкѣ опредѣляется двумя слагающими; изъ нихъ одна, зависящая отъ пріобрѣтенной уже скорости, всегда направлена по касательной къ кривой линіи въ данной точкѣ, и здѣсь получаетъ названіе *касательной силы*. *П. Л.*

§ 3. Во всѣхъ случаяхъ прогрессивныхъ дѣйствій — возникаютъ ли они изъ накопленія неизмѣнныхъ или измѣняющихся элементовъ — существуетъ однообразная послѣдовательность не только между причиною и дѣйствіемъ, но и между первыми степенями дѣйствія и его дальнѣйшими. Тѣло, падая in vacuo (въ пустотѣ), проходитъ въ первую секунду шестнадцать футовъ, во вторую сорокъ восемь и такъ далѣе [2]), въ пропорціи нечетныхъ чиселъ, и это такая же однообразная послѣдовательность, какъ и та, что по удаленіи подпоръ тѣло падаетъ. Послѣдовательность весны и лѣта такъ же правильна и неизмѣнна, какъ и послѣдовательность, представляемая приближеніемъ солнца и весною. Однако, мы не считаемъ весну причиною лѣта, и очевидно, что оба времени года суть послѣдовательныя дѣйствія теплоты, полученной отъ солнца, и что весна, сама по себѣ, могла бы продолжаться вѣчно, безъ малѣйшаго стремленія произвести лѣто. Какъ мы уже часто замѣчали, причиною называется не условное, а безусловное неизмѣнное предшествующее. То, за чѣмъ не послѣдовало бы дѣйствія, еслибы не предшествовало чего-либо инаго, не есть причина, какъ бы неизмѣнна ни была на дѣлѣ послѣдовательность.

Такимъ образомъ происходитъ бо́льшая часть тѣхъ единообразій послѣдовательности, которыя не составляютъ случаевъ связи причины со слѣдствіемъ. Если явленіе усиливается и уменьшается постоянно, или усиливается и уменьшается періодически, или испытываетъ какой-либо продолжительный и непрерывный процессъ измѣненія, который можетъ быть подведенъ подъ однообразное правило или законъ послѣдовательности, то мы не предполагаемъ на этомъ основаніи, что какіе-либо два послѣдовательные члена ряда составляютъ причину и дѣйствіе. Мы предполагаемъ противное; мы надѣемся, что весь рядъ порождается или продолжающимся дѣйствіемъ опредѣленныхъ причинъ, или причинами, испытывающими соотвѣтствующій процессъ постояннаго измѣненія. Дерево растетъ отъ полудюйма высоты до сотни футовъ, и нѣкоторыя деревья обыкновенно достигаютъ этой высоты,

---

[2]) Эти величины взяты приблизительно, въ круглыхъ числахъ. Пространство, проходимое въ первую секунду падающимъ тѣломъ, зависитъ еще отъ широты. Для Петербурга (шир. 59° 57′) оно 16,108 ф., для Лондона (51° 31′ шир.) — 16,095 ф. См. «Памятная книжка» *Глухова* и *Сабно*, Спб., 1854, стр. 419. *П. Л.*

если не останавливаются въ ростѣ какою-либо противодѣйствующею причиною. Но мы не называемъ ростокъ причиною вполнѣ-развившагося дерева; онъ, конечно, непремѣнное предшествующее, и отъ какихъ другихъ предшествующихъ послѣдовательность зависитъ, извѣстно намъ весьма несовершенно. Но мы убѣждены, что отъ чего-либо она зависитъ: однородность предшествующаго съ послѣдующимъ, близкое сходство ростка съ деревомъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ величины, и постепенность роста, столь точно похожее на прогрессивно-накопляющееся дѣйствіе, производимое продолжительнымъ вліяніемъ одной какой-либо причины, не дозволяютъ сомнѣваться въ томъ, что ростокъ и дерево— два члена такого ряда, первый членъ котораго еще не отъисканъ. Заключеніе подтверждается еще слѣдующимъ: мы имѣемъ возможность, строгою индукціей, доказать, что ростъ дерева зависитъ отъ непрерывнаго повторенія нѣкоторыхъ процессовъ питанія, восхожденія сока, поглощенія и испаренія листьями и т. п. Тѣ же опыты, вѣроятно, доказали бы намъ, что ростъ дерева есть накопившаяся сумма дѣйствій этихъ продолжающихся процессовъ, еслибъ, по неимѣнію глазъ, одаренныхъ достаточно микроскопическимъ зрѣніемъ, мы не были неспособны правильно и подробно наблюдать, каковы эти дѣйствія.

Это предположеніе отнюдь не требуетъ того, чтобы дѣйствіе, въ періодъ своего развитія, не подвергалось многимъ измѣненіямъ, кромѣ измѣненій по величинѣ, или чтобъ оно не подвергалось иногда, повидимому, весьма рѣзкой перемѣнѣ въ своей природѣ. Это можетъ быть или потому, что неизвѣстная причина состоитъ изъ нѣсколькихъ образующихъ ее началъ или дѣятелей, дѣйствія которыхъ, накопляясь по различнымъ законамъ, соединяются въ различныхъ пропорціяхъ въ различные періоды существованія органическаго существа; или потому, что на нѣкоторыхъ ступеняхъ его развитія вносятся или образуются новыя причины или дѣятели, законы которыхъ смѣшиваются съ законами перваго дѣятеля.

ГЛАВА XVI.

ОБЪ ЭМПИРИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

§ 1. Научные изслѣдователи называютъ эмпирическими законами тѣ единообразія, существованіе которыхъ обнаружено наблюденіемъ или опытомъ, но на которыя они не рѣшаются полагаться въ случаяхъ, весьма отличныхъ отъ дѣйствительно наблюденныхъ, не видя никакой причины, *почему* бы такой законъ долженъ былъ существовать. Поэтому въ понятіе объ эмпирическомъ законѣ входитъ, что онъ не коренной законъ; что если онъ даже вѣренъ, то истинность его способна и должна быть объяснена. Это законъ производный, происхожденіе котораго еще неизвѣстно. Объяснить эмпирическій законъ, указать его *почему* — значило бы указать законы, изъ которыхъ онъ вытекаетъ, коренныя причины, отъ которыхъ онъ зависитъ. А зная эти причины, мы знали бы и его предѣлы: знали бы, при какихъ условіяхъ эмпирическій законъ пересталъ бы исполняться.

Періодическое повтореніе затмѣній, какъ оно было первоначально доказано постоянными наблюденіями древнихъ астрономовъ Востока, было закономъ эмпирическимъ, пока его не разъяснили общіе законы небесныхъ движеній. Привожу эмпирическіе законы, еще ожидающіе разложенія ихъ на простѣйшіе законы, изъ которыхъ они вытекаютъ: мѣстные законы прилива и отлива на различныхъ точкахъ земной поверхности; слѣдованіе нѣкоторыхъ родовъ погоды за нѣкоторыми измѣненіями вида неба; кажущіяся исключенія изъ истины, почти всеобщей, что съ повышеніемъ температуры тѣла расширяются; законъ, что животныя и растенія совершенствуются отъ скрещиванія породъ; что газы сильно стремятся проникать сквозь животныя перепонки; что вещества, содержащія весьма большое количество азота (напримѣръ, синильная кислота и морфинъ), сильные яды; что при сплавленіи различныхъ металловъ сплавъ получается тверже его составныхъ частей; что число атомовъ кислоты, потребное для нейтрализованія одного атома какого либо основанія, равно числу атомовъ кислорода въ основаніи; что рас-

творимость веществъ, одного въ другомъ, зависитъ (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени) отъ сходства химическихъ элементовъ *).

Слѣдовательно, эмпирическій законъ есть наблюденное единообразіе, о которомъ предполагается, что оно разложимо на простѣйшіе законы, но которое еще не разложено на нихъ. Эмпирическіе законы явленій часто бываютъ обнаружены задолго до объясненія ихъ выводнымъ методомъ, и повѣрка вывода обыкновенно состоитъ въ сравненіи его результатовъ съ эмпирическими законами, обнаруженными раньше.

§ 2. Ограниченное число коренныхъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ необходимо порождаетъ большое число производныхъ единообразій послѣдовательности, точно такъ же, какъ и единообразій сосуществованія. Нѣкоторыя изъ этихъ единообразій суть законы послѣдовательности или сосуществованія между различными дѣйствіями той же самой причины; примѣры ихъ приведены въ предшествующей главѣ. Другія суть законы послѣдовательности между дѣйствіями и ихъ отдаленными причинами, разложенные на законы, связывающіе каждое дѣйствіе или каждую отдаленную причину съ промежуточнымъ звеномъ. Втретьихъ, когда причины дѣйствуютъ вмѣстѣ и дѣйствія ихъ соединяются, законы этихъ причинъ порождаютъ основной законъ дѣйствія, именно: что оно зависитъ отъ сосуществованія этихъ причинъ. Наконецъ, существующій между дѣйствіями порядокъ послѣдовательности или сосуществованія необходимо зависитъ отъ ихъ причинъ. Если дѣйствія производятся одною и тою же причиной, то порядокъ дѣйствій зависитъ отъ законовъ этой причины; если же различными причинами, то порядокъ дѣйствій зависитъ отъ законовъ этихъ причинъ въ отдѣль-

---

*) Такъ, вода, въ которой кислородъ составляетъ по вѣсу восемь девятыхъ, растворяетъ бо́льшую часть тѣлъ, содержащихъ значительное количество кислорода, напр. всѣ азотнокислыя соли (содержащія болѣе кислорода, чѣмъ всѣ другія обыкновенныя соли), большую часть сѣрнокислыхъ солей, многія углекислыя соли и проч. Точно такъ же, тѣла, въ составъ которыхъ, большою долею, входятъ горючія начала, каковы водородъ и углеродъ, растворимы въ веществахъ подобнаго же состава: напримѣръ, канифоль растворяется въ алкоголѣ, деготь въ скипидарѣ. Это эмпирическое обобщеніе далеко не всегда истинно, — безъ сомнѣнія потому, что оно есть отдаленный и потому легко уничтожаемый результатъ общихъ законовъ, которые въ настоящее время лежатъ для насъ слишкомъ глубоко, чтобы мы могли ихъ разгадать; но со временемъ обобщеніе это, вѣроятно, внушитъ намъ процессы изслѣдованія, которые приведутъ къ открытію упомянутыхъ законовъ.

ности и отъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ ихъ сосуществованіе. Изслѣдуя дальше, когда и какъ причины будутъ сосуществовать, мы увидимъ, что это опять-таки зависитъ отъ *ихъ* причинъ. Такъ мы можемъ восходить въ ряду явленій далѣе и далѣе, пока различные ряды дѣйствій не сойдутся въ одной точкѣ и пока не обнаружится, что всѣ они зависѣли, конечнымъ образомъ, отъ какой-либо общей причины. Или же, вмѣсто встрѣчи въ одной точкѣ, они кончатся въ различныхъ точкахъ, и тогда докажется, что рядъ дѣйствій возникъ изъ распредѣленія нѣкоторыхъ первыхъ причинъ или естественныхъ дѣятелей. Напримѣръ, порядокъ послѣдовательности и сосуществованія между небесными движеніями, выраженный законами Кеплера, производится отъ сосуществованія двухъ первыхъ причинъ: солнца и первоначальнаго толчка или удара, соотвѣтствующаго каждой планетѣ *). Кеплеровы законы разложены на законы этихъ причинъ и фактъ ихъ сосуществованія.

Слѣдовательно, производные законы зависятъ не только отъ коренныхъ законовъ, на которые они разложимы: бо́льшею частью, они зависятъ отъ этихъ коренныхъ законовъ и кореннаго факта, именно отъ вида сосуществованія нѣкоторыхъ изъ составныхъ началъ міра. Коренные законы связи причины со слѣдствіемъ могли бы быть тѣ же, какіе существуютъ и теперь, и, однако, производные законы могли бы быть совершенно другіе, еслибы причины сосуществовали въ другихъ пропорціяхъ или съ какой-либо разницей въ тѣхъ изъ своихъ отношеній, которыя оказываютъ вліяніе на дѣйствія. Положимъ, напримѣръ, что протяженіе солнца и первоначальный толчокъ существовали въ какомъ-либо другомъ отношеніи другъ къ другу, чѣмъ въ какомъ они дѣйствительно стояли (а мы не знаемъ причины, по которой этого не могло бы быть). Въ такомъ случаѣ производные законы небесныхъ движеній были бы совершенно отличны отъ существующихъ теперь. Существующія пропорціи, случайно, таковы, что производятъ правильныя эллиптическія движенія; всякія другія пропорціи произвели бы иные эллипсисы, или круговыя, или параболическія, или гиперболическія движенія, но все-таки правильныя, потому что дѣйствія каждаго изъ

*) Или (по теоріи Лапласа) солнца и его вращенія.

дѣятелей накопляются по единообразному закону, и два правильные ряда количествъ, по сложеніи ихъ соотвѣтствующихъ членовъ, даютъ правильный рядъ извѣстнаго рода, каковы бы ни были самыя количества.

§ 3. Послѣдне-упомянутое начало, получаемое при разложеніи производнаго закона, начало, представляющее не законъ связи причины со слѣдствіемъ, а распредѣленіе причинъ, само не можетъ быть сведено на какой-либо законъ. Какъ мы замѣтили раньше *), въ распредѣленіи первыхъ естественныхъ дѣятелей во вселенной нѣтъ единообразія, *нормы*, принципа, или правила. Различныя вещества, составляющія землю, силы, проникающія міръ, не стоятъ другъ къ другу ни въ какомъ постоянномъ отношеніи. Одно вещество обильнѣе другихъ, одна сила дѣйствуетъ на обширнѣйшемъ пространствѣ, чѣмъ другія, хотя мы не можемъ открыть въ ихъ явленіяхъ никакой глубокой аналогіи. Мы не только не знаемъ никакой причины, по которой притяженіе солнца и касательная сила существуютъ въ той самой пропорціи, какую они представляютъ, но не можетъ найти никакого совпаденія ея съ пропорціями, въ которыхъ смѣшаны въ мірѣ какія-либо другія начальныя силы. Въ соединеніи причинъ существуетъ, повидимому, крайній безпорядокъ, совмѣстный съ самымъ правильнымъ порядкомъ въ ихъ дѣйствіяхъ: если каждый дѣятель совершаетъ свои отправленія по единообразному закону, то самое причудливое соединеніе дѣятелей породитъ извѣстнаго рода правильность, точно такъ же, какъ въ калейдоскопѣ всякое случайное сопоставленіе кусочковъ окрашеннаго стекла производитъ, по законамъ отраженія, красивую правильность въ дѣйствіи.

§ 4. Предшествующія соображенія служатъ оправданіемъ тому, что научные изслѣдователи привыкли лишь въ ограниченной степени довѣрять эмпирическимъ законамъ.

Производный законъ, вполнѣ вытекающій изъ дѣятельности какой-либо одной причины, будетъ такъ же всеобще вѣренъ, какъ и законы самой причины, — т. е. онъ будетъ вѣренъ всегда, за исключеніемъ случаевъ, когда одно изъ дѣйствій причины, отъ которыхъ зависитъ производный законъ, будетъ побѣждено противодѣйствующею причиною.

---

*) См. книгу III, гл. V, § 7.

Но когда производный законъ вытекаетъ не изъ различныхъ дѣйствій одной причины, а изъ дѣйствій нѣсколькихъ причинъ, мы не можемъ быть увѣрены, что онъ будетъ истиненъ при всякомъ измѣненіи въ образѣ сосуществованія этихъ причинъ или первыхъ природныхъ дѣятелей, отъ которыхъ причины конечнымъ образомъ зависятъ. Предложеніе, что пласты каменнаго угля лежатъ исключительно на извѣстнаго рода формаціяхъ, хотя истинно, насколько хватаетъ нашихъ наблюденій на землѣ, но не можетъ быть распространено на луну или другія планеты, — предположивъ, что на нихъ существуетъ каменный уголь. Мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, что первоначальное устройство какой-либо другой планеты было таково, чтобы произвести различныя отложенія въ томъ же порядкѣ, какъ на земномъ шарѣ. Въ этомъ случаѣ производный законъ зависитъ не только отъ законовъ, но отъ распредѣленія; а распредѣленія не могутъ быть сведены ни на какой законъ.

Но, по самой природѣ производнаго закона, еще не разложеннаго на его начала, — другими словами, эмпирическаго закона, — мы не знаемъ, вытекаетъ ли онъ изъ различныхъ дѣйствій одной причины, или изъ дѣйствій различныхъ причинъ. Мы не можемъ сказать, зависитъ ли онъ вполнѣ отъ законовъ, или частью отъ законовъ, а частью отъ какого-либо распредѣленія. Если онъ зависитъ отъ распредѣленія, то будетъ истиненъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ существуетъ это особое распредѣленіе. Но въ случаѣ зависимости эмпирическаго закона отъ распредѣленія мы совершенно не знаемъ, каково это распредѣленіе, и потому не можемъ съ увѣренностью расширять законъ за предѣлы времени и мѣста, въ которыхъ мы дѣйствительно испытали его истинность. Такъ какъ въ этихъ предѣлахъ законъ всегда оказывался истиннымъ, то мы обладаемъ доказательствомъ, что каковы бы ни были распредѣленія, отъ которыхъ онъ зависитъ, — онъ, внутри этихъ предѣловъ, дѣйствительно существуетъ. Но мы не знаемъ никакого правила или принципа, съ которымъ сообразовались бы самыя распредѣленія, и по тому, что доказано существованіе распредѣленія въ извѣстныхъ предѣлахъ мѣста и времени, мы не можемъ заключить о существованіи того же распредѣленія за этими предѣлами. Итакъ, эмпирическіе законы могутъ быть принимаемы за истинные лишь въ

предѣлахъ времени и мѣста, въ которыхъ истинность ихъ обнаружена наблюденіемъ, — и притомъ не только въ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ: по самому смыслу эмпирическаго закона, мы не знаемъ коренныхъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ, отъ которыхъ эмпирическій законъ зависитъ, — и потому, безъ опыта на дѣлѣ, мы не можемъ предвидѣть, какимъ образомъ или до какой степени подѣйствуетъ на эмпирическій законъ введеніе какого-либо новаго обстоятельства.

§ 5. Но какъ узнать, что единообразіе, обнаруженное опытомъ, есть законъ только эмпирическій? Вѣдь предположеніемъ мы не въ состояніи были разложить его ни на какіе другіе законы. Почему же знаемъ мы, что онъ не составляетъ кореннаго закона связи причины со слѣдствіемъ?

Всякое обобщеніе, отвѣчаю я, опирающееся лишь на доказательство по методу согласія, есть не болѣе, какъ эмпирическій законъ, такъ какъ мы видѣли, что однимъ этимъ методомъ никогда нельзя дойти до причинъ. Все, исполнимое методомъ согласія, состоитъ въ обнаруженіи совокупности обстоятельствъ, общихъ всѣмъ случаямъ, въ которыхъ производится какое-либо явленіе; а эта совокупность заключаетъ не только причину явленія, но и всѣ явленія, съ которыми оно связано какимъ-либо производнымъ единообразіемъ, какъ съ побочными ли дѣйствіями той же самой причины, или какъ съ дѣйствіями иной причины, сосуществовавшей съ первою во всѣхъ случаяхъ, которые мы имѣли возможность наблюдать. Методъ не представляетъ никакихъ средствъ опредѣлить, которыя изъ этихъ единообразій суть законы связи причины со слѣдствіемъ, и которыя — только законы производные, вытекающіе изъ упомянутыхъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ и изъ распредѣленія причинъ. Поэтому, ни одному изъ единообразій не можетъ быть придаваемо никакого иного характера, кромѣ характера производнаго закона, происхожденіе котораго еще не открыто, — другими словами, характера законовъ эмпирическихъ. Въ этомъ смыслѣ должно разсматривать всѣ результаты, полученные методомъ согласія, (и, слѣдовательно, почти всѣ истины, добытыя простымъ наблюденіемъ, безъ опыта), пока эти результаты не будутъ или подтверждены методомъ различія, или объяснены дедуктивно, т. е., другими словами, объяснены *a priori*.

Эти эмпирическіе законы могутъ обладать бо́льшею или ме́ньшею достовѣрностью, смотря по тому, есть ли основаніе думать, что они разложены лишь на законы, или, вмѣстѣ, на законы и распредѣленія. Послѣдовательности, наблюдаемыя нами въ происхожденіи и дальнѣйшей жизни животнаго или растенія, основываясь лишь на методѣ согласія, суть только законы эмпирическіе. Но хотя въ этихъ послѣдовательностяхъ предшествующія явленія могутъ и не быть причинами послѣдующихъ, однако, какъ тѣ, такъ и другія суть, по большей части, несомнѣнно степени прогрессивнаго дѣйствія, порождаемаго общею причиною и потому независимаго отъ распредѣленій. Съ другой стороны, единообразія въ порядкѣ наслоенія пластовъ на землѣ суть эмпирическіе законы гораздо слабѣйшаго рода: не только они не законы связи причины со слѣдствіемъ, но даже нѣтъ основанія считать ихъ зависящими отъ какой-либо общей причины. Повидимому, все указываетъ ихъ зависимость отъ особаго распредѣленія естественныхъ дѣятелей, которое въ то или другое время существовало на земномъ шарѣ и изъ котораго нельзя вывести никакого заключенія относительно распредѣленія, существующаго или существовавшаго въ какой-либо другой части вселенной.

§ 6. Наше опредѣленіе эмпирическаго закона обнимаетъ не только тѣ единообразія, о которыхъ не извѣстно, суть ли они законы связи причины со слѣдствіемъ, но и тѣ, о которыхъ это извѣстно, лишь бы была причина думать, что они не коренные законы. Поэтому здѣсь умѣстно разсмотрѣть, по какимъ признакамъ мы можемъ судить, что наблюденное единообразіе, составляющее законъ связи причины со слѣдствіемъ, есть не коренной законъ, а производный.

Первый признакъ состоитъ въ томъ, что между предшествующимъ явленіемъ a и послѣдующимъ b обнаруживается какое-либо промежуточное звено, какое-либо явленіе, о существованіи котораго мы можемъ догадываться, хотя, по несовершенству нашихъ чувствъ и инструментовъ, мы неспособны точно изслѣдовать его природу и законы. Пусть же такое явленіе существуетъ (оно можетъ быть означено буквою x). Изъ этого слѣдуетъ, что если даже a причина b, то причина отдаленная, и законъ «a производитъ b» разложимъ, по крайней мѣрѣ, на два закона: a производитъ x, и x производитъ b. Такой случай весьма

не рѣдокъ, такъ какъ существенные процессы совершаются, большею частью, въ столь малыхъ размѣрахъ, что многія изъ послѣдовательныхъ ступеней или незамѣтны, или замѣтны весьма неясно.

Возьмемъ, напримѣръ, законы химическаго состава веществъ: хоть тотъ законъ, что соединеніе водорода и кислорода производитъ воду. Все, замѣчаемое нами въ процессѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: если газы смѣшаны въ извѣстной пропорціи, и смѣсь испытываетъ дѣйствіе теплоты или электричества, то происходитъ взрывъ и газы исчезаютъ, а остается вода. Относительно закона не возникаетъ сомнѣнія, равно какъ и въ томъ, что онъ есть законъ связи причины со слѣдствіемъ. Но между предшествующимъ явленіемъ (нахожденіемъ газовъ въ состояніи механической смѣси, нагрѣтой или наэлектризованной) и послѣдующимъ (происхожденіемъ воды) долженъ совершаться промежуточный процессъ, котораго мы не видимъ. Взявъ любое количество воды и подвергнувъ его анализу, мы находимъ, что она содержитъ нѣсколько водорода и нѣсколько кислорода, и именно въ той же пропорціи: двѣ трети, по вѣсу, водорода и одну треть кислорода. Это справедливо относительно одной капли; это истинно относительно малѣйшаго количества воды, существованіе котораго можно обнаружить нашими инструментами. И такъ какъ малѣйшее замѣтное количество воды содержитъ оба эти вещества, то въ каждой столь малой части пространства должны были встрѣтиться количества водорода и кислорода, меньшія самаго малаго изъ замѣтныхъ количествъ воды; они должны были сойтись ближе, чѣмъ когда газы были въ состояніи механической смѣси, потому что (помимо другихъ причинъ) вода занимаетъ гораздо менѣе мѣста, чѣмъ газы. Но какъ мы не можемъ видѣть этого соприкасанія или тѣснаго сближенія мелкихъ частицъ, то мы не можемъ наблюдать, какими оно сопровождается обстоятельствами или сообразно какимъ законамъ оно производитъ свои дѣйствія. Порожденіе воды, т. е. тѣхъ ощутимыхъ явленій, которыя характеризуютъ сложное тѣло, можетъ быть весьма отдаленнымъ дѣйствіемъ этихъ законовъ. Тутъ возможно безчисленное множество посредствующихъ звеньевъ; а что нѣсколько такихъ звеньевъ должно существовать — мы въ этомъ увѣрены. Обладая полнымъ доказательствомъ того, что частное дѣйствіе какого-либо рода происходитъ раньше каждаго изъ великихъ измѣненій въ ощутимыхъ свойствахъ, мы

не можемъ сомнѣваться въ томъ, что законы химическаго дѣйствія, насколько они извѣстны намъ теперь, не коренные законы, а производные. Это несомнѣнно, какъ бы ни были мы несвѣдущи въ природѣ законовъ частичнаго дѣйствія, отъ которыхъ производятся законы химическаго, и хотя бы мы навсегда остались столь же несвѣдущими.

Подобнымъ же образомъ, всѣ процессы растительной жизни—собственно ли такъ называемые, въ растеніяхъ, или совершающіеся въ животномъ тѣлѣ—суть процессы частичные. Питаніе есть присоединеніе частицъ однѣхъ къ другимъ: иногда ограничивающееся замѣною другихъ частицъ, выдѣленныхъ, иногда производящее увеличеніе въ объемѣ или вѣсѣ, столь постепенное, что оно становится примѣтнымъ лишь по продолжительномъ наростаніи. Различные органы, при помощи особыхъ сосудовъ, выдѣляютъ изъ крови жидкости, составныя части которыхъ должны были находиться въ крови, но сильно отличаются отъ нея какъ механическими свойствами, такъ и химическимъ составомъ. Слѣдовательно, здѣсь предстоитъ замѣстить большое число неизвѣстныхъ звеньевъ; и несомнѣнно, что законы явленій растительной или органической жизни суть законы производные, зависящіе отъ свойствъ частицъ и тѣхъ основныхъ тканей, которыя суть сравнительно простыя совокупленія частицъ.

Итакъ, первый признакъ, по которому можно заключить, что какой-либо, даже еще не разложенный законъ связи причины со слѣдствіемъ есть законъ производный, состоитъ въ какомъ-либо указаніи на существованіе промежуточнаго звена или промежуточныхъ звеньевъ между явленіемъ предшествующимъ и послѣдующимъ. Второй признакъ состоитъ въ томъ, что предшествующее явленіе чрезвычайно сложно и потому его дѣйствія, вѣроятно,—по крайней мѣрѣ частью—состоятъ изъ дѣйствій его различныхъ началъ: мы знаемъ, что случай, когда дѣйствіе цѣлаго не состоитъ изъ дѣйствій его частей, есть случай исключительный, а гораздо обыкновеннѣе составленіе причинъ.

Мы пояснимъ это двумя примѣрами, въ одномъ изъ которыхъ предшествующее явленіе есть сумма многихъ однородныхъ, а въ другомъ разнородныхъ. Вѣсъ тѣла составляется изъ вѣса его малѣйшихъ частицъ; истинѣ этой астрономы придаютъ ея наиболѣе общее выраженіе, говоря, что на равныхъ разстояніяхъ тѣла тяготѣютъ одно къ

другому пропорціонально количеству ихъ вещества. И потому, всѣ истинныя предложенія, которыя могутъ быть установлены относительно тяжести, суть законы производные: всѣ они разлагаются на коренной законъ, что каждая частица вещества притягиваетъ каждую другую. Вторымъ примѣромъ мы можемъ привести любую послѣдовательность, наблюденную въ метеорологіи: напримѣръ, что за уменьшеннымъ давленіемъ атмосферы (которое указывается паденіемъ барометра) слѣдуетъ дождь. Здѣсь предшествуетъ сложное явленіе, состоящее изъ разнородныхъ началъ: столбъ атмосферы надъ какимъ-либо мѣстомъ состоитъ изъ двухъ частей, столба воздуха и столба смѣшанныхъ съ нимъ паровъ воды; и потому перемѣна въ совокупности частей, которую обнаруживаетъ паденіе барометра и за которою слѣдуетъ дождь, должна состоять въ измѣненіи одной части, или другой, или обѣихъ. И потому, даже при недостаткѣ всякаго другаго доказательства, мы, на неизмѣнномъ присутствіи обоихъ началъ въ предшествующемъ, можемъ построить разумное предположеніе, что послѣдствіе, вѣроятно, не коренной законъ, а результатъ законовъ означенныхъ двухъ различныхъ дѣятелей. Предположеніе это можетъ быть разрушено лишь тогда, когда ближайшее знакомство съ законами обоихъ дѣятелей дастъ намъ основаніе утверждать, что эти законы, сами по себѣ, не могли произвести наблюденнаго результата.

Извѣстно лишь небольшое число случаевъ послѣдовательности за весьма сложными предшествующими,—такихъ, чтобы случаи эти не были дѣйствительно объяснены простѣйшими законами, или чтобъ о доступности ихъ такому объясненію нельзя было заключить съ большою вѣроятностью (изъ обнаруженнаго существованія еще непонятныхъ промежуточныхъ звеньевъ связи причины со слѣдствіемъ). Поэтому, въ высшей степени вѣроятно, что всѣ послѣдовательности изъ сложныхъ предшествующихъ могутъ быть такимъ образомъ разложены и что коренные законы во всѣхъ случаяхъ сравнительно просты. Еслибъ даже не существовало остальныхъ, уже упомянутыхъ причинъ думать, что законы органической природы разложимы на законы простѣйшіе, то почти достаточной причиной была бы чрезвычайная сложность предшествующихъ явленій въ большей части послѣдовательностей.

Digitized by Google

§ 7. Въ предшествующемъ разсужденіи признаны нами два рода эмпирическихъ законовъ: объ однихъ извѣстно, что они законы связи причины со слѣдствіемъ, но предполагается, что они разложимы на законы простѣйшіе; о другихъ вовсе неизвѣстно, чтобы они были законами связи причины со слѣдствіемъ. Оба эти рода законовъ сходствуютъ въ томъ, что требуютъ объясненія выводомъ и составляютъ приличное средство провѣрить подобный выводъ, такъ какъ они представляютъ опытъ, съ которымъ должно сравнить результатъ вывода. Далѣе, они сходны въ томъ, что, пока они не объяснены и не связаны съ коренными законами, изъ которыхъ вытекаютъ, до тѣхъ поръ они не достигли высшей степени достовѣрности, какая доступна законамъ. Раньше было показано, что законы связи причины со слѣдствіемъ, производные и состоящіе изъ законовъ простѣйшихъ, не только менѣе общи — что обнимается природою случая, — но даже менѣе достовѣрны, чѣмъ простѣйшіе законы, изъ которыхъ они вытекаютъ: на всеобщую истинность ихъ нельзя положиться въ той же степени. Однако, недостатокъ доказательности, отличающій этотъ отдѣлъ законовъ, ничтоженъ въ сравненіи съ недостаткомъ той же доказательности, какой присущъ тѣмъ единообразіямъ, о которыхъ вовсе неизвѣстно, чтобы они были законами связи причины со слѣдствіемъ. Пока эти единообразія не разложены, мы не въ состояніи сказать, отъ сколькихъ распредѣленій, равно и законовъ, можетъ зависѣть ихъ истинность; поэтому мы никогда не можемъ, съ нѣкоторою увѣренностью, распространить ихъ на случаи, въ которыхъ мы не убѣдились опытомъ, что необходимое распредѣленіе причинъ, каково бы оно ни было, существуетъ. И только этому отдѣлу законовъ, по всей строгости, принадлежитъ то свойство, которое философы обыкновенно считаютъ характеристическою чертою законовъ эмпирическихъ: что на нихъ нельзя положиться за предѣлами времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ были дѣлаемы наблюденія. Это эмпирическіе законы въ самомъ простомъ смыслѣ, и, употребляя этотъ терминъ (за исключеніемъ мѣстъ, въ которыхъ контекстъ явно указываетъ противное), я, вообще, буду разумѣть лишь тѣ единообразія, послѣдовательности ли, или сосуществованія, о которыхъ не извѣстно, чтобы они были законами связи причины со слѣдствіемъ...

ГЛАВА XVII.

О СЛУЧАЙНОСТИ И ЕЯ ИСКЛЮЧЕНІИ.

§ 1. Итакъ, мы считаемъ эмпирическими законами только тѣ наблюденныя единообразія, относительно которыхъ вопросъ, суть ли они законы связи причинъ со слѣдствіемъ, долженъ остаться нерѣшенымъ, пока не окажется возможность объяснить ихъ дедуктивно, или пока не будетъ найдено какое-либо средство приложить къ разсматриваемому случаю методъ различія. Въ предъидущей главѣ было показано, что пока нельзя, тѣмъ или другимъ изъ означенныхъ способовъ, перевести единообразіе изъ отдѣла эмпирическихъ законовъ въ отдѣлъ или законовъ связи причины со слѣдствіемъ, или доказанныхъ результатовъ этихъ законовъ, до тѣхъ поръ невозможно, хоть съ нѣкоторою увѣренностью, признать это единообразіе истиннымъ за предѣлами мѣста и проч., въ которыхъ оно оказалось истиннымъ по произведенному наблюденію. Остается разсмотрѣть, какъ убѣдиться въ истинности единообразія даже въ этихъ предѣлахъ; послѣ сколькихъ опытовъ обобщеніе, основанное лишь на методѣ согласія, можно признать достаточно доказаннымъ, хотя бы какъ законъ эмпирическій. Въ одной изъ предшествующихъ главъ, говоря о методахъ прямаго наведенія, мы отложили разсмотрѣніе этого вопроса *). Теперь пришло время постараться рѣшить его.

Мы нашли въ методѣ согласія тотъ недостатокъ, что онъ не доказываетъ связи причины со слѣдствіемъ и потому можетъ быть употребленъ лишь для установленія эмпирическихъ законовъ. Мы нашли еще, что, помимо этого недостатка, методъ согласія страдаетъ другимъ характеристическимъ несовершенствомъ: стремится сдѣлать недостовѣрными даже такія заключенія, которыя онъ, самъ по себѣ, способенъ доказать. Это несовершенство вытекаетъ изъ множественности причинъ. Хотя бы въ двухъ или болѣе случаяхъ, въ которыхъ встрѣчалось явленіе *a*, не было ни одного общаго предшествующаго факта, кромѣ A, это не доказываетъ существованія какой-либо связи между *a* и A, такъ

*) См. выше, кн. III, гл. X, § 2.

какъ явленію *a* можетъ быть много причинъ, и оно могло быть произведено, въ упомянутыхъ различныхъ случаяхъ, не чѣмъ-либо общимъ всѣмъ случаямъ, а которымъ-либо изъ ихъ отличныхъ началъ. Тѣмъ не менѣе мы замѣтили, что, по мѣрѣ увеличенія числа случаевъ, указывающихъ на A какъ на предшествующій фактъ, характеристическая ненадежность метода уменьшается, и существованіе закона связи между A и *a* болѣе и болѣе приближается къ достовѣрности. Теперь слѣдуетъ опредѣлить, послѣ какого числа опытовъ можно считать эту достовѣрность практически-достигнутою и признать связь между A и *a* за эмпирическій законъ.

Этотъ вопросъ можетъ быть выраженъ проще: Послѣ сколькихъ и какого рода случаевъ можно заключить, что наблюденное совпаденіе двухъ явленій не случайно?

Для пониманія логики наведенія въ высшей степени важно, чтобы мы составили себѣ точное представленіе о томъ, что означается словомъ «*случайность*» и какъ происходятъ на дѣлѣ тѣ явленія, которыя въ разговорномъ языкѣ подразумѣваются подъ этимъ отвлеченнымъ выраженіемъ.

§ 2. О случайности обыкновенно говорятъ, прямо противопоставляя ее *закону;* все, что (какъ предполагаютъ) не можетъ быть приписано ни какому закону, приписывается случайности. Однако, несомнѣнно, что все случающееся есть результатъ какого-либо закона: есть дѣйствіе причинъ и могло бы быть предсказано изъ знанія о существованіи этихъ причинъ и изъ ихъ законовъ. Если я вскрываю опредѣленную карту, то это есть слѣдствіе ея мѣста въ колодѣ. Мѣсто ея въ колодѣ было слѣдствіемъ того, какъ карты тасовались, или порядка, въ которомъ ходили ими въ послѣднюю игру, что, въ свою очередь, было дѣйствіемъ болѣе раннихъ причинъ. И еслибъ мы обладали точнымъ знаніемъ существующихъ причинъ, то на каждой изъ означенныхъ ступеней было бы, теоретически, возможно предсказать дѣйствіе.

Событіе случайное удобнѣе описать какъ совпаденіе, изъ котораго мы не имѣемъ основанія вывести единообразіе, — какъ наступленіе явленія при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, когда мы не въ правѣ заключить на этомъ основаніи, что при указанныхъ обстоятельствахъ вновь наступитъ то же явленіе. Однако, если всмотрѣться въ это

поближе, то окажется, что исчисленіе обстоятельствъ неполно. Каковъ бы ни былъ фактъ, — если онъ наступилъ однажды, то мы можемъ быть увѣрены, что при повтореніи *всѣхъ* тѣхъ же обстоятельствъ онъ наступитъ вторично; и не только при повтореніи всѣхъ обстоятельствъ: между ними есть нѣкоторая особая часть, за которою неизмѣнно слѣдуетъ явленіе. Но съ большинствомъ ихъ явленіе не связано никакимъ постояннымъ образомъ: о связи его съ этими обстоятельствами говорятъ, что она есть дѣйствіе случайности, чисто случайна. Случайно связанные факты, взятые отдѣльно, суть дѣйствія причинъ и, слѣдовательно, законовъ; но они суть дѣйствія различныхъ причинъ, не связанныхъ ни какимъ закономъ.

Поэтому, неправильно будетъ сказать, что какое-либо явленіе происходитъ случайно; но мы можемъ сказать, что два явленія или бо̀льшее число ихъ связаны случайно, что они сосуществуютъ или слѣдуютъ одно за другимъ только по случайности: разумѣя подъ этимъ, что они отнюдь не приведены въ соотношеніе связью причины со слѣдствіемъ; что они ни причина и дѣйствіе, ни дѣйствія одной и той же причины, ни дѣйствія причинъ, между которыми есть какой-либо законъ сосуществованія, ни даже дѣйствія одного и того же распредѣленія первоначальныхъ причинъ.

Еслибъ одно и то же случайное совпаденіе никогда не наступало вторично, то мы обладали бы легкимъ признакомъ для отличенія такого совпаденія отъ совпаденій, составляющихъ результаты закона. Пока явленія были замѣчены вмѣстѣ только однажды, и мы не знаемъ болѣе общихъ законовъ, которые могли бы дать въ результатѣ это совпаденіе, до тѣхъ поръ мы не могли бы отличить его отъ совпаденія случайнаго. Но еслибъ совпаденіе наступило дважды, то мы знали бы, что соотносящіяся такимъ образомъ явленія должны быть связаны, тѣмъ или инымъ путемъ, своими причинами.

Но такого признака не существуетъ. Совпаденіе можетъ наступать разъ за разомъ и все-таки быть только случайнымъ. Скажемъ болѣе: сомнѣваться въ томъ, что всякое случайное совпаденіе рано или поздно повторится, лишь бы совпадшія явленія не перестали существовать или быть воспроизводимыми, — было бы несогласно съ тѣмъ, что мы знаемъ о порядкѣ природы. Слѣдовательно, повтореніе того же совпаденія болѣе

одного раза и даже частое не доказываетъ, что оно есть проявленіе какого-либо закона, а не случайно.

Однако, когда совпаденіе не можетъ быть выведено изъ извѣстныхъ законовъ и нельзя доказать опытомъ, что оно само есть случай связи причины со слѣдствіемъ, — тогда частое наступленіе его есть единственное доказательство, по которому мы можемъ заключить, что совпаденіе есть результатъ закона. Но мы говоримъ не объ *абсолютно*-частомъ наступленіи. Вопросъ не въ томъ, наступаетъ ли совпаденіе часто или рѣдко, въ обыкновенномъ смыслѣ этихъ словъ, а въ томъ, наступаетъ ли оно *чаще* того, что можно объяснить случайностью, — чаще, чѣмъ можно бы было разумно ожидать, еслибъ совпаденіе было случайно. Поэтому намъ предстоитъ рѣшить, до какой степени частое наступленіе совпаденія объясняется случайностью. А общаго отвѣта на этотъ вопросъ быть не можетъ. Мы въ состояніи лишь указать принципъ, которымъ отвѣтъ долженъ опредѣлиться; самый же отвѣтъ будетъ различенъ въ каждомъ особенномъ случаѣ.

Предположите, что одно изъ явленій, А, существуетъ всегда, а другое, В, только случайно: отсюда слѣдуетъ, что каждое наступленіе В будетъ случаемъ его совпаденія съ А и, однако, совпаденіе будетъ лишь случайнымъ, а не результатомъ какой-либо связи между ними. Неподвижныя звѣзды существовали постоянно съ начала человѣческаго опыта, и съ ними сосуществовали, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всѣ явленія, подпадавшія человѣческому наблюденію. Однако, это совпаденіе, хотя оно столь же неизмѣнно, какъ и совпаденіе любаго изъ этихъ явленій и его собственной причины, не доказываетъ, чтобы звѣзды были причиною этого явленія, ни чтобы онѣ были какимъ-либо образомъ съ нимъ связаны. Слѣдовательно, такой рѣзкій случай совпаденія, какой только можетъ существовать, а по одному частому повторенію даже болѣе рѣзкій, чѣмъ большинство случаевъ, доказывающихъ законы, здѣсь не доказываетъ закона. Почему? Потому что, при всегдашнемъ существованіи звѣздъ, онѣ *должны* сосуществовать съ каждымъ другимъ явленіемъ, будетъ ли оно связано съ ними отношеніемъ причины къ слѣдствію или нѣтъ. Какъ бы ни было велико единообразіе, но оно не больше того, какое получилось бы и при предположеніи, что подобной связи не существуетъ.

Съ другой стороны, предположите, что мы изслѣдуемъ, существуетъ ли связь между дождемъ и какимъ-либо опредѣленнымъ вѣтромъ. Дождь, какъ мы знаемъ, бываетъ случайно при всякомъ вѣтрѣ; поэтому, если и существуетъ между ними связь, то она не можетъ быть дѣйствительнымъ закономъ, и, однако, дождь можетъ быть связанъ съ какимъ-либо особымъ вѣтромъ отношеніемъ причины къ слѣдствію: хотя дождь и этотъ вѣтеръ не могутъ быть дѣйствіями одной и той же причины (въ такомъ случаѣ они сосуществовали бы постоянно), — однако можетъ быть *нѣсколько* причинъ, общихъ и дождю, и упомянутому вѣтру, такъ что, въ мѣрѣ произведенія каждаго изъ нихъ общими причинами, дождь и этотъ вѣтеръ, по закономъ причинъ, окажутся сосуществующими. Какъ же намъ въ этомъ увѣриться? Отвѣтъ очевиденъ: наблюдая, бываетъ ли дождь чаще при одномъ вѣтрѣ, чѣмъ при всякомъ другомъ. Но этого недостаточно: можетъ быть, одинъ вѣтеръ дуетъ чаще всякаго другаго, такъ что должно ожидать, что онъ будетъ дуть чаще другаго и въ дождливую погоду, хотя не связанъ съ причинами дождя, — лишь бы онъ не былъ связанъ съ причинами, противодѣйствующими дождю. Въ Англіи западные вѣтры дуютъ въ теченіе почти вдвое бо́льшей части года, чѣмъ восточные. И потому, если при западномъ вѣтрѣ дождь идетъ лишь вдвое чаще, чѣмъ при восточномъ, то мы не имѣемъ основанія заключить, будто это совпаденіе связано съ какимъ-либо закономъ природы. Если дождь идетъ чаще, чѣмъ вдвое, то мы можемъ быть увѣрены, что въ этомъ проявлялся какой-либо законъ: или въ природѣ существуетъ причина, которая, въ этомъ климатѣ, стремится произвести и дождь, и западный вѣтеръ, или въ самомъ этомъ вѣтрѣ есть какое-либо стремленіе произвести дождь. Но если дождь идетъ рѣже, чѣмъ вдвое, то мы можемъ вывести заключеніе, прямо противоположное: что это явленіе не только не причина другаго или не связано съ его причинами, но должно быть связано съ причинами, противодѣйствующими второму явленію, или съ отсутствіемъ какой-либо производящей его причины. И хотя бы, при западномъ вѣтрѣ, дождь шелъ все-таки гораздо чаще, чѣмъ при восточномъ, — это отнюдь не доказывало бы какой-либо связи между явленіями; напротивъ, этимъ доказывалась бы связь между дождемъ и

восточнымъ вѣтромъ, съ которымъ дождь, если судить лишь по числу совпаденій, связанъ менѣе.

Вотъ два примѣра: въ одномъ возможно-частыя совпаденія, при отсутствіи всякаго противнаго случая, не доказываютъ существованія какого-либо закона; въ другомъ гораздо менѣе частыя совпаденія, даже когда явленія чаще не совпадаютъ, — доказываютъ существованіе закона. Въ обоихъ случаяхъ принципъ одинъ и тотъ же. Въ обоихъ мы разсматриваемъ положительно-частое повтореніе самыхъ явленій, и насколько частое совпаденіе должно производиться этимъ повтореніемъ, самимъ по себѣ, причемъ мы не предполагаемъ между ними никакой связи, лишь бы не было противодѣйствія, лишь бы ни одно изъ нихъ не было связано съ какою-либо причиною, стремящеюся уничтожить другое явленіе. Встрѣчая болѣе частое, противъ этого, совпаденіе, мы заключаемъ, что есть какая-либо связь, при менѣе частомъ совпаденіи, — что есть противодѣйствіе. Въ первомъ случаѣ мы заключаемъ, что одно изъ явленій, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ быть произведено другимъ или что существуетъ нѣчто, способное породить и то, и другое; въ послѣднемъ случаѣ заключаемъ, что одно изъ явленій или какая-либо производящая его причина способны предотвратить произведеніе другаго. Слѣдовательно, изъ наблюденнаго частаго совпаденія мы должны исключить факты, которые могутъ быть дѣйствіемъ случайности, т. е. одного лишь частаго повторенія самыхъ явленій; если что-либо останется, то именно остаточный фактъ, доказывающій существованіе закона.

Въ частомъ повтореніи явленій можно увѣриться только въ опредѣленныхъ предѣлахъ пространства и времени: повтореніе это зависитъ отъ количества и распредѣленія первыхъ дѣятелей природы, а о нихъ мы не можемъ знать ничего за предѣлами человѣческаго наблюденія, такъ какъ въ нихъ нельзя замѣтить никакого закона, никакой правильности, которыя давали бы намъ возможность перейти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Но въ настоящемъ случаѣ это не составляетъ невыгоды, такъ какъ вопросъ ограниченъ тѣми же самыми предѣлами, какъ и его данныя. Совпаденія наступали въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстныя времена, и въ ихъ предѣлахъ мы можемъ исчислять, какъ часто такія совпаденія были бы производимы случайно.

И если наблюденіе показываетъ намъ, что А существуетъ въ одномъ случаѣ на каждые два, а В въ одномъ случаѣ на каждые три, и если нѣтъ ни связи, ни противодѣйствія ни между А и В, ни между которыми-либо изъ ихъ причинъ, то А и В будутъ оба существовать, т. е. сосуществовать въ одномъ случаѣ на каждые шесть. А существуетъ въ трехъ случаяхъ на шесть, и потому В, существуя въ одномъ случаѣ на каждые три, независимо отъ присутствія или отсутствія А, будетъ существовать въ одномъ случаѣ изъ этихъ трехъ. Поэтому, во всемъ числѣ случаевъ будетъ два, въ которыхъ А существуетъ безъ В, одинъ случай В безъ А, два случая, въ которыхъ нѣтъ ни В, ни А, и одинъ случай на шесть, въ которомъ существуютъ оба. Итакъ, если, на дѣлѣ, они оказываются сосуществующими чаще, чѣмъ въ одномъ случаѣ на шесть, и, слѣдовательно, А существуетъ безъ В рѣже, чѣмъ два раза на три, а В безъ А рѣже, чѣмъ въ одномъ случаѣ на два,— то существуетъ какая-либо причина, стремящаяся породить соединеніе А съ В.

Обобщая результатъ, мы можемъ сказать, что если А встрѣчается въ большей долѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ есть В, чѣмъ въ случаяхъ, въ которыхъ В нѣтъ, то и В будетъ встрѣчаться въ большей долѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ есть А, чѣмъ въ такихъ, гдѣ его нѣтъ, и между А и В существуетъ нѣкоторая связь причины со слѣдствіемъ. Еслибъ мы могли восходить до причинъ обоихъ явленій, то на какой-либо ступени, близкой или отдаленной, мы нашли бы причину или причины, общія обоимъ явленіямъ. И еслибъ мы могли изслѣдовать, каковы эти причины, то имѣли бы возможность построить обобщеніе, которое было бы истинно безъ ограниченія мѣста или времени. Но, пока мы не можемъ этого сдѣлать, фактъ связи двухъ явленій остается эмпирическимъ закономъ.

§ 3. Мы разсмотрѣли способъ опредѣленія того, случайно ли данное соединеніе явленій, или оно результатъ какого-либо закона. Для дополненія теоріи случайности, намъ необходимо теперь разсмотрѣть тѣ дѣйствія, которыя частью результатъ случая, частью результатъ закона, или, другими словами, въ которыхъ дѣйствія случайныхъ соединеній причинъ обыкновенно смѣшаны въ одинъ результатъ съ дѣйствіями постоянно дѣйствующей причины.

Это случай составленія причинъ, и особенность его заключается въ томъ, что вмѣсто двухъ или болѣе причинъ, смѣшивающихъ свои дѣйствія правильнымъ образомъ, онъ представляетъ одну постоянную дѣйствующую причину, производящую дѣйствіе, послѣдовательно измѣняемое рядомъ перемѣнныхъ причинъ. Такъ, съ продолженіемъ лѣта приближеніе солнца къ зениту стремится произвести непрерывное повышеніе температуры; но съ этимъ дѣйствіемъ постоянной причины смѣшаны дѣйствія многихъ измѣняющихся причинъ, вѣтровъ, тучъ, испаренія, электрическихъ дѣятелей и т. п., такъ что температура даннаго дня зависитъ частью отъ этихъ преходящихъ причинъ, и только частью отъ постоянной причины. Если дѣйствіе постоянной причины всегда сопровождается и покрывается дѣйствіями измѣняющихся причинъ, то невозможно обнаружить законъ непрерывнодѣйствующей причины обыкновеннымъ способомъ, отдѣляя ее отъ всѣхъ остальныхъ причинъ и наблюдая ее особо. Отсюда возникаетъ необходимость въ добавочномъ правилѣ опытнаго изслѣдованія.

Когда дѣйствіе причины A можетъ сталкиваться не постоянно съ одною и тою же причиною или съ тѣми же причинами, но съ различными причинами въ разное время, и когда эти причины до того часто встрѣчаются, или до того неопредѣленны, что намъ отнюдь нельзя исключить ихъ всѣ изъ какого-либо опыта, хотя мы и можемъ измѣнять ихъ, то мы прибѣгаемъ къ попыткѣ узнать дѣйствіе всѣхъ перемѣнныхъ причинъ въ совокупности. Для этого мы производимъ возможно-большее число опытовъ, оставляя A неизмѣннымъ. Результаты этихъ различныхъ опытовъ, естественно, будутъ различны, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ неопредѣленныя причины, его видоизмѣняющія, различны. Положимъ, мы найдемъ, что эти результаты не прогрессивны, а, напротивъ, колеблются около извѣстной точки: одинъ опытъ дастъ результатъ немного большій, другой — немного меньшій; одинъ дастъ результатъ, клонящійся немного болѣе въ одну сторону, другой — въ противную; средняя же величина, средняя точка не будетъ измѣняться, а различные ряды опытовъ (произведенныхъ при возможно-большемъ разнообразіи обстоятельствъ) дадутъ тотъ же средній результатъ, лишь бы ряды опытовъ были достаточно многочисленны. Въ такомъ случаѣ этотъ средній результатъ, эта средняя величина, представляетъ, въ

каждомъ опытѣ, часть, производимую причиною А, и есть дѣйствіе, которое получилось бы, еслибъ А могло дѣйствовать отдѣльно. Разнообразные остатки суть дѣйствія случайности, т. е. причинъ, сосуществованіе которыхъ съ причиною А было чисто случайно. Достаточность сдѣланнаго въ этомъ случаѣ наведенія будетъ доказана, когда любое увеличеніе числа опытовъ, изъ которыхъ добыта средняя величина, существенно ея не измѣнитъ.

Этотъ способъ исключенія, когда мы излагаемъ не такую причину, которую можемъ указать, а множество колеблющихся неопредѣленныхъ причинъ, можетъ быть названъ исключеніемъ случайности. Примѣромъ его можетъ служить, когда мы повторяемъ какой-либо опытъ, чтобы, взявъ среднюю величину различныхъ результатовъ, устранить дѣйствія неизбѣжныхъ ошибокъ каждаго отдѣльнаго опыта. Когда нѣтъ непрерывнодѣйствующей причины, которая произвела бы наклонность къ ошибкамъ именно въ одномъ направленіи, то опытъ даетъ намъ право предположить, что, при нѣкоторомъ числѣ опытовъ, ошибки въ одну сторону будутъ приблизительно уравновѣшивать ошибки въ противную сторону. Вслѣдствіе этого мы повторяемъ опытъ, пока какое-либо измѣненіе въ средней величинѣ цѣлаго, при дальнѣйшемъ повтореніи, не попадетъ въ предѣлы ошибки, согласимые со степенью точности, какой требуетъ наша цѣль *).

---

*) Въ предшествующемъ разсужденіи говорилось о *среднемъ результатѣ* такъ, какъ будто бы онъ былъ совершенно тожественъ со *среднею величиною*. Но для цѣлей индуктивнаго изслѣдованія средній результатъ не есть средняя величина или ариѳметическая средина, хотя въ популярномъ объясненіи теоріи на разницу можетъ быть не обращено вниманія. Если уклоненія по одну сторону средней ариѳметической величины гораздо многочисленнѣе уклоненій по другую (послѣднія малочисленнѣе, но больше), то дѣйствіе, производимое непрерывнодѣйствующей причиной, какъ отличною отъ причинъ измѣняющихся, не совпадетъ со средней ариѳметической величиной, но будетъ или превышать ее, или меньше ея, смотря потому, на которой сторонѣ оказывается бо́льшее число случаевъ. Это вытекаетъ изъ истины, доказанной какъ индуктивно, такъ и дедуктивно: что небольшія уклоненія отъ дѣйствительно-средней точки происходятъ гораздо чаще большихъ. Математическій законъ таковъ: «наиболѣе вѣроятное количество одного или нѣсколькихъ непрерывнодѣйствующихъ началъ, входящихъ въ наблюденія, есть то, при которомъ *сумма квадратовъ единичныхъ аберрацій*» или уклоненій, «*есть наименьшая*». Изложеніе этого правила и популярное объясненіе его основаній Джономъ Гершелемъ см. въ его рецензіи на сочиненіе Кетлэ «О вѣроятностяхъ» (John Herschel, Essays, pp. 395 et seq).

§ 4. Выше мы всегда предполагали, что дѣйствіе непрерывной причины А составляетъ такую большую и замѣтную часть общаго результата, что существованіе такой причины никогда не могло быть сомнительнымъ; цѣлью процесса исключенія было только изслѣдовать, *сколько* можно приписать этой причинѣ, каковъ ея точный законъ. Однако, встрѣчаются случаи, гдѣ дѣйствіе постоянной причины такъ мало, въ сравненіи съ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ изъ измѣняющихся причинъ, съ которыми оно можетъ быть случайно соединено, что само по себѣ оно остается незамѣченнымъ и самое существованіе какого-либо дѣйствія, возникающаго изъ постоянной причины, впервые обнаруживается процессомъ, который, вообще, служитъ лишь къ изслѣдованію количества этого дѣйствія. Этотъ случай наведенія можетъ быть охарактеризованъ слѣдующимъ образомъ. Пусть о данномъ дѣйствіи извѣстно, что оно опредѣляется преимущественно перемѣнными причинами, но неизвѣстно, чтобы оно опредѣлялось ими вполнѣ. Если оно производится ими вполнѣ и притомъ берется совокупность достаточнаго числа случаевъ, то дѣйствія этихъ различныхъ причинъ будутъ заслонять другъ друга. И потому, если этого не оказывается, а, напротивъ, послѣ такого числа опытовъ, что никакое дальнѣйшее увеличеніе его не измѣняетъ средняго результата, мы находимъ, что этотъ средній результатъ не нуль, а какое-либо иное количество, около котораго дѣйствіе, хотя и малое въ сравненіи съ цѣлымъ дѣйствіемъ, все-таки колеблется, и которое составляетъ среднюю точку его колебанія,— то мы можемъ заключить, что она есть дѣйствіе какой-либо постоянной причины, которую мы можемъ надѣяться открыть при помощи одного изъ разсмотрѣнныхъ уже методовъ. Это, можно сказать, открытіе остаточнаго явленія исключеніемъ дѣйствій случайности.

Такимъ образомъ можно, напримѣръ, открыть фальшивыя игральныя кости. Конечно, кости никогда не утяжеляются съ одной стороны такъ грубо, чтобы всегда выкидывались извѣстныя числа: иначе обманъ обнаружился бы тотчасъ. Поддѣлка, причина постоянная, соединяется съ причинами измѣнчивыми, опредѣляющими, какое число выпадетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Еслибъ кости не были поддѣльны и выпадающее число зависѣло вполнѣ отъ перемѣнныхъ причинъ, то при достаточномъ числѣ случаевъ эти причины уравновѣшивали бы одна

другую, и не преобладало бы ни одно число. И если, на такомъ числѣ опытовъ, что никакое дальнѣйшее увеличеніе его не оказываетъ существеннаго дѣйствія на среднюю величину, мы находимъ преобладаніе извѣстнаго числа очковъ, то можемъ съ увѣренностью заключить, что существуетъ постоянная причина, дѣйствующая въ пользу этого числа, или, другими словами, что кости не вѣрны; окажется и степень невѣрности. Подобнымъ же образомъ такъ-называемое суточное колебаніе барометра, очень малое въ сравненіи съ колебаніями, происходящими отъ неправильныхъ перемѣнъ въ состояніи атмосферы, было открыто сравненіемъ средней высоты барометра въ различные часы дня. По такомъ сравненіи нашли, что существуетъ небольшой излишекъ, который въ его среднемъ количествѣ постояненъ, какъ бы ни измѣнялись безусловныя количества, и потому этотъ излишекъ долженъ быть дѣйствіемъ постоянной причины. Впослѣдствіи, путемъ вывода обнаружено, что эта причина состоитъ въ разрѣженіи воздуха, происходящемъ отъ возвышенія температуры въ теченіе дня.

§ 5. Послѣ этихъ общихъ замѣтокъ о природѣ случайности мы въ состояніи разсмотрѣть, какъ можно увѣриться въ томъ, что соединеніе двухъ явленій, замѣченное нѣсколько разъ, не случайно, а есть результатъ связи причины со слѣдствіемъ и потому должно быть признано за одно изъ единообразій природы, хотя (до объясненія *a priori*) лишь за эмпирическій законъ.

Предположимъ самый рѣзкій случай, что явленіе B никогда не было замѣчено иначе, какъ въ соединеніи съ A. Даже тогда вѣроятность, что они находятся въ связи, не измѣряется всѣмъ числомъ случаевъ, въ которыхъ они были замѣчаемы вмѣстѣ, а излишкомъ этого числа противъ абсолютнаго числа наступленій A. Если, напримѣръ, A существуетъ всегда и потому сосуществуетъ со всѣмъ, что есть, то никакое число случаевъ сосуществованія его съ B не доказало бы связи между ними: поясненіемъ можетъ служить намъ примѣръ неподвижныхъ звѣздъ. Если A есть фактъ настолько обыкновенный, что присутствіе его можно предположить въ половинѣ всѣхъ встрѣчающихся случаевъ,— слѣдовательно, въ половинѣ случаевъ, въ которыхъ наступаетъ B, то лишь соразмѣрный излишекъ противъ половины можетъ быть признанъ за свидѣтельство въ пользу связи между A и B.

Въ добавокъ къ вопросу: какое число совпаденій, при выводѣ средней величины изъ множества опытовъ, подаетъ надежду, что оно порождено лишь случайностью? — возникаетъ еще другой вопросъ: О какой степени уклоненія отъ этой средней величины дозволено думать, что она порождена лишь случайностью, въ числѣ опытовъ, меньшемъ противъ требуемаго для справедливаго вывода средней величины? Намъ слѣдуетъ разсмотрѣть не только общій результатъ случайностей, во всемъ ихъ дѣйствіи, но и крайніе предѣлы уклоненія отъ этого общаго результата, — уклоненія, которое можно при случаѣ ожидать какъ результатъ какого-либо меньшаго числа опытовъ.

Разсмотрѣніе этого послѣдняго вопроса и всѣ соображенія относительно перваго, кромѣ изложенныхъ нами, принадлежатъ къ такъ-называемому математиками ученію о случайностяхъ, или, выражаясь съ бо́льшими притязаніями, къ теоріи вѣроятностей.

ГЛАВА XVIII.

ОБЪ ИСЧИСЛЕНІИ СЛУЧАЙНОСТЕЙ.

§ 1. «Вѣроятность», говоритъ Лапласъ *), относится частью къ нашему невѣденію, частью къ нашему знанію. Мы знаемъ, что изъ трехъ или большаго числа событій должно наступить одно, и только одно; но ничто не даетъ намъ повода думать, что которое-либо изъ нихъ наступитъ скорѣе другихъ. Въ этомъ недоумѣніи намъ невозможно съ достовѣрностью предсказать ихъ наступленіе. Однако, вѣроятно, что которое-либо изъ этихъ событій, произвольно выбранное, не наступитъ: мы замѣчаемъ нѣсколько случаевъ, которые всѣ одинаково возможны и исключаютъ наступленіе перваго событія, и только одинъ случай, ему благопріятный.

«Теорія случайностей состоитъ въ сведеніи всѣхъ событій одного и того же рода на извѣстное число случаевъ, одинаково возможныхъ,

---

*) *Essai Philosophique sur les Probabilités*, пятое парижское изданіе, стр. 7.

т. е. такихъ, что мы *одинаково колеблемся* относительно ихъ существованія, и въ опредѣленіи числа случаевъ, благопріятныхъ тому событію, вѣроятность котораго отъискивается. Отношеніе этого числа къ числу всѣхъ возможныхъ случаевъ есть мѣрило вѣроятности. Она, слѣдовательно, есть дробь, числителемъ которой служитъ число случаевъ, благопріятныхъ событію, а знаменателемъ число всѣхъ случаевъ возможныхъ».

Итакъ, по мнѣнію Лапласа, для исчисленія случайностей необходимы двѣ вещи: мы должны знать, что изъ нѣсколькихъ событій одно непремѣнно наступитъ, и не болѣе одного; и мы не должны знать, ни имѣть повода надѣяться, что одно изъ этихъ событій наступитъ скорѣе другаго. Утверждали, что эти требованія не единственныя, и что Лапласъ, въ своемъ общемъ теоретическомъ изложеніи, упустилъ изъ виду необходимую часть основанія теоріи случайностей. Чтобы имѣть основаніе объявить два событія одинаково вѣроятными (говорили возражавшіе), не довольно знать, что то или другое изъ нихъ наступитъ, и не имѣть основанія предполагать, которое именно. Опытъ долженъ былъ показать, что оба событія наступаютъ одинаково часто. Почему, бросая копейку, признаемъ мы одинаково вѣроятнымъ, что вскроется рѣшетка или орелъ? Мы знаемъ, что при всякомъ большомъ числѣ опытовъ рѣшетка и орелъ вскрываются, приблизительно, одинаково часто, и чѣмъ больше разъ мы бросаемъ, тѣмъ болѣе равенство приближается къ совершенному. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ, если пожелаемъ, на спеціальномъ опытѣ, или на ежедневномъ опытѣ, который представляютъ въ жизни нашей событія такого же общаго свойства, или при помощи вывода изъ дѣйствія законовъ механики на симметрическое тѣло, которое подпадаетъ дѣйствію силъ, неопредѣленно измѣняющихся въ количествѣ и направленіи. Словомъ, мы можемъ познать это либо изъ спеціальнаго опыта, либо изъ свидѣтельства нашего общаго знанія природы. Но, такъ или иначе, мы должны знать это, чтобы имѣть право назвать оба событія одинаково вѣроятными; а еслибы мы этого не знали, то поступали бы точно такъ же на удачу, ставя на результатъ равныя суммы, какъ и ставя неравныя.

Этотъ взглядъ на предметъ былъ изложенъ въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія. Но съ тѣхъ поръ я убѣдился, что теорія слу-

чайностей, какъ ее понимали Лапласъ и математики вообще, не представляла той основной ошибки, которую я ей приписывалъ.

Мы должны помнить, что вѣроятность событія не есть свойство самаго событія, а только одно названіе той степени основанія, которая есть у насъ или у кого-либо другаго, чтобы ожидать это событіе. Вѣроятность событія для одного лица не то же самое, что вѣроятность того же событія для другаго лица или для перваго по пріобрѣтеніи имъ добавочныхъ свѣдѣній. Существующая для меня вѣроятность, что лицо, извѣстное мнѣ только по имени, умретъ въ теченіе года, совершенно измѣнится, если мнѣ вслѣдъ затѣмъ скажутъ, что оно находится въ послѣднемъ стадіумѣ чахотки. Однако, это извѣстіе отнюдь не измѣняетъ самого событія и ни одной изъ причинъ, отъ которыхъ оно зависитъ. Каждое событіе, само въ себѣ, достовѣрно, а не вѣроятно: еслибъ намъ было извѣстно все, то мы или положительно знали бы, что событіе наступитъ, или положительно знали бы, что оно не наступитъ. А вѣроятность его для насъ означаетъ степень, въ которой наше теперешнее знаніе оправдываетъ ожиданіе, что событіе наступитъ.

Помня это, слѣдуетъ, мнѣ кажется, допустить, что даже въ томъ случаѣ, когда мы не обладаемъ никакимъ знаніемъ, которымъ могли бы руководиться въ нашихъ ожиданіяхъ, — за исключеніемъ знанія, что случающееся должно быть которою-либо изъ извѣстнаго числа возможностей, — даже и въ этомъ случаѣ мы можемъ разумно судить, что *для насъ* одно предложеніе вѣроятнѣе другаго. И если съ событіемъ связанъ какой-либо нашъ интересъ, то мы всего лучше обережемъ его, поступая сообразно этому сужденію.

§ 2. Положимъ, что намъ предлагаютъ вынуть шаръ изъ ящика, о которомъ мы знаемъ только то, что онъ содержитъ бѣлые и черные шары и не содержитъ ни одного шара другаго цвѣта. Мы знаемъ, что вынутый нами шаръ будетъ или черный, или бѣлый; но у насъ нѣтъ основанія ожидать скорѣе черный шаръ, чѣмъ бѣлый. Въ этомъ случаѣ, если мы должны выбрать и поставить что-либо на то или другое предположеніе, то, относительно благоразумія, для насъ рѣшительно все равно, на которое предположеніе ни ставить; и мы поступимъ совершенно такъ же, какъ еслибы мы заранѣе знали, что въ ящикѣ находится одинаковое число черныхъ и бѣлыхъ шаровъ. Но, хотя наше

поведеніе было бы одинаково, все же оно не основывалось бы ни на какой догадкѣ, что шары, на дѣлѣ, дѣлятся поровну: напротивъ, мы могли бы знать изъ достовѣрнаго источника, что въ ящикѣ находится девяносто-девять шаровъ одного цвѣта и только одинъ шаръ другаго. Даже и въ этомъ случаѣ, если намъ не скажутъ, какого цвѣта этотъ одинъ шаръ, и какого остальные девяносто-девять, то для насъ будетъ существовать одинаковая вѣроятность вынуть бѣлый шаръ или черный. У насъ не будетъ основанія ставить что-либо на одно событіе противъ другаго; выборъ между ними будетъ безразличенъ; другими словами, вѣроятность будетъ равная.

Но предположимъ теперь, что взяты шары не двухъ цвѣтовъ, а трехъ, бѣлаго, чернаго и краснаго, и что мы совершенно не знаемъ отношенія, въ которомъ они смѣшаны. Въ такомъ случаѣ, у насъ не будетъ основанія ожидать скорѣе шаръ одного цвѣта, чѣмъ другаго, и еслибъ насъ понуждали биться объ закладъ, то намъ было бы все равно, на какой цвѣтъ ни ставить: на красный, бѣлый или черный. Но было ли бы намъ все равно, ставить ли на какой-либо цвѣтъ, напримѣръ бѣлый, или противъ него? Конечно, нѣтъ. Вслѣдствіе того самаго факта, что черный и красный цвѣта, каждый отдѣльно, вѣроятны для насъ одинаково съ бѣлымъ, оба вмѣстѣ должны быть вдвое вѣроятнѣе. Въ этомъ случаѣ мы ожидали бы *не*-бѣлый цвѣтъ скорѣе, чѣмъ бѣлый, до такой степени, что поставили бы на него два противъ одного. Правда, въ ящикѣ могло быть, безъ нашего вѣдома, болѣе бѣлыхъ шаровъ, чѣмъ черныхъ и красныхъ вмѣстѣ, и въ такомъ случаѣ, при бо́льшемъ разъясненіи дѣла, нашъ закладъ оказался бы невыгоднымъ. Но въ ящикѣ могло быть, безъ нашего вѣдома, болѣе красныхъ шаровъ, чѣмъ черныхъ и бѣлыхъ, или болѣе черныхъ, чѣмъ бѣлыхъ и красныхъ, и въ такомъ случаѣ, по дополнительному свѣдѣнію, нашъ закладъ оказался бы болѣе выгоднымъ, чѣмъ какимъ мы его считали. При теперешнемъ состояніи нашего знанія есть разумная вѣроятность противъ бѣлаго шара, въ пропорціи двухъ противъ одного, и вѣроятность эта способна служить основаніемъ нашимъ поступкамъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не поставилъ бы равнаго заклада на бѣлый шаръ противъ чернаго и краснаго, хотя, не грѣша противъ благоразумія,

могъ бы поставить закладъ противъ однихъ черныхъ шаровъ или однихъ бѣлыхъ.

Слѣдовательно, обыкновенная теорія исчисленія случайностей можетъ быть поддержана. Даже когда мы не знаемъ ничего, кромѣ числа возможныхъ и взаимно-исключающихъ другъ друга случайностей, и совершенно не знаемъ, какъ часто онѣ, относительно, наступаютъ, у насъ могутъ быть основанія дѣйствовать скорѣе по одному предположенію, чѣмъ по другому, — и основанія, допускающія численную оцѣнку. Вотъ смыслъ вѣроятности.

§ 3. Однако, правило, которому слѣдуетъ умозаключеніе, достаточно ясно. Оно — очевидное правило, что, при распредѣленіи существующихъ случаевъ на нѣсколько родовъ, невозможно, чтобы *каждый* изъ этихъ родовъ составлялъ большинство всего числа случаевъ. Мало того: большинство должно быть противъ *каждаго* рода, за исключеніемъ развѣ одного; и если какому-либо роду выпадаетъ больше случаевъ, чѣмъ сколько причитается ему по общему числу родовъ, то остальнымъ родамъ, въ совокупности, должно выпасть меньше. Допустивъ эту аксіому и принявъ, что у насъ нѣтъ основанія выбрать одинъ какой-либо родъ, какъ больше остальныхъ обѣщающій превзойти среднюю пропорцію, мы должны заключить, что не можемъ разумно предположить этого ни объ одномъ родѣ; а мы сдѣлали бы это, еслибъ ставили на него закладъ и не выговорили себѣ выгодъ, соразмѣрныхъ числу другихъ родовъ. Итакъ, даже въ этомъ крайнемъ случаѣ исчисленія вѣроятностей, который вовсе не опирается на спеціальный опытъ, логическою основою процесса служитъ наше знаніе — каково бы оно ни было въ то время — относительно законовъ, управляющихъ числомъ наступленій различныхъ случаевъ Но въ этомъ случаѣ знаніе ограничивается данными, которыя, будучи всеобщи и аксіомны, не требуютъ обращенія къ спеціальному опыту или къ соображеніямъ, возникающимъ изъ спеціальной природы разсматриваемаго вопроса.

Однако, за исключеніемъ такихъ случаевъ, какъ азартныя игры, въ которыхъ сама цѣль, имѣющаяся въ виду, требуетъ невѣдѣнія, вмѣсто знанія, я не могу представить себѣ ни одного случая, гдѣ намъ слѣдовало бы удовольствоваться оцѣнкою случайностей, подобною изложенной, — оцѣнкою, основанною на абсолютномъ минимумѣ знанія о пред-

метѣ. Въ случаѣ съ цвѣтными шарами, самаго слабаго основанія къ догадкѣ, что бѣлые шары, на дѣлѣ, многочисленнѣе шаровъ каждаго другаго цвѣта, было бы явно достаточно, чтобы подорвать всѣ вычисленія, сдѣланныя въ нашемъ предшествовавшемъ состояніи безразличія. Такое основаніе къ догадкѣ поставило бы насъ въ положеніе обладающихъ большимъ знаніемъ, — въ положеніе, при которомъ вѣроятности были бы для насъ иными, чѣмъ какими онѣ были раньше; а оцѣнивая эти новыя вѣроятности, мы должны были бы основываться на совершенно другомъ рядѣ данныхъ, представляемомъ уже не простымъ счетомъ возможныхъ предположеній, а спеціальнымъ знаніемъ фактовъ. Такія данныя намъ всегда слѣдовало бы стараться добыть, и во всѣхъ изслѣдованіяхъ — кромѣ случая предметовъ, одинаково превосходящихъ и наши средства знанія, и наши практическія цѣли, — такія данныя могутъ быть добыты. Если онѣ недостаточны, то, по крайней мѣрѣ, лучше обладать ими, нежели не имѣть ровно никакихъ данныхъ *).

Очевидно также, что даже при полученіи вѣроятностей изъ наблюденія и опыта весьма слабое улучшеніе данныхъ, точнѣйшими ли наблюденіями, или полнѣйшимъ соображеніемъ спеціальныхъ обстоятельствъ разсматриваемаго случая, — полезнѣе самаго разработаннаго приложенія вычисленія къ вѣроятностямъ, основаннымъ на данныхъ въ ихъ прежнемъ, менѣе совершенномъ состояніи. Пренебреженіе этимъ породило

*) Мнѣ даже кажется, что когда нѣтъ никакихъ данныхъ, основанныхъ на спеціальномъ опытѣ или на спеціальномъ заключеніи, то, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, исчисленіе вѣроятностей должно быть неприложимо по совершенной невозможности указать какое-либо правило, которымъ слѣдовало бы руководствоваться въ составленіи перечня возможностей. Въ случаѣ съ цвѣтными шарами намъ не трудно составить перечень, потому что мы сами опредѣляемъ, каковы должны быть возможности. Но предположите случай, болѣе сходный со встрѣчающимся въ природѣ: пусть вмѣсто шаровъ трехъ цвѣтовъ въ ящикѣ будутъ шары всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, а мы, предполагается, не знаемъ, какъ часто, сравнительно, различные цвѣта встрѣчаются въ природѣ или въ произведеніяхъ искусства. Какъ тутъ составить перечень случаевъ? Считать ли всякій отличимый оттѣнокъ за цвѣтъ? Если такъ, то должны ли оттѣнки устанавливаться обыкновеннымъ глазомъ, или развитымъ, напримѣръ глазомъ живописца? Отъ отвѣтовъ на эти вопросы зависѣла бы оцѣнка случайностей противъ какого-либо особаго цвѣта, въ десять, двадцать или, можетъ быть, пятьсотъ противъ одного. А знай мы изъ опыта, что этотъ особый цвѣтъ встрѣчается, среднимъ числомъ, столько-то разъ на каждую сотню или тысячу, — и намъ дѣла нѣтъ ни до частаго или рѣдкаго наступленія другихъ возможностей, ни до числа ихъ.

такія приложенія вычисленія вѣроятностей, что оно стало настоящимъ позоромъ математики. Достаточно указать на приложенія вычисленія къ достовѣрности свидѣтелей и къ правильности приговора присяжныхъ. Относительно перваго, здравый смыслъ сказалъ бы, что невозможно установить общій средній уровень правдивости человѣчества (и другихъ качествъ, необходимыхъ для истиннаго свидѣтельства), или какого-либо класса людей; да еслибъ такой уровень и былъ возможенъ, то имъ нельзя бы было руководиться, потому что достовѣрность каждаго свидѣтеля была бы или ниже, или выше уровня. Даже объ отдѣльномъ свидѣтелѣ лица со здравымъ смысломъ выводили бы заключенія изъ согласія его показаній, изъ его поведенія при передопросахъ и очныхъ ставкахъ, изъ отношеній самого дѣла къ его интересамъ, изъ его пристрастій и умственныхъ способностей, а не прилагали бы къ нему такого грубаго мѣрила (даже еслибъ можно было его провѣрить), какъ отношеніе числа истинныхъ показаній къ числу ошибочныхъ, которыя, какъ можно предполагать, онъ дастъ въ теченіе своей жизни.

Относительно присяжныхъ и другихъ судовъ нѣкоторые математики исходили изъ предложенія, что приговоръ всякаго судьи или присяжнаго, по крайней мѣрѣ въ малой степени, вѣроятнѣе будетъ справедливъ, чѣмъ несправедливъ, и заключали, что случайность участія нѣкотораго числа лицъ въ несправедливомъ приговорѣ уменьшается съ увеличеніемъ этого числа, такъ что, если только число судей будетъ достаточно увеличено, то правильность ихъ приговора можно сдѣлать почти несомнѣнною. Не говорю о томъ, что это заключеніе упускаетъ изъ виду дѣйствіе, производимое на нравственное положеніе судей увеличеніемъ ихъ числа: неуловимо разрушается ихъ единичная отвѣтственность, и ослабляется вниманіе ихъ умовъ къ предмету. Укажу только ложность умозаключенія отъ средняго вывода изъ случаевъ, представляющихъ большія отклоненія, къ случаямъ, по необходимости сильно разнящимся отъ всякаго средняго вывода. Можетъ быть справедливо, что если считать всѣ случаи, то мнѣніе каждаго судьи будетъ чаще справедливо, чѣмъ несправедливо; но при этомъ доводѣ забываютъ, что во всѣхъ случаяхъ, кромѣ самыхъ простѣйшихъ, — во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, дѣйствительно, весьма важно, каковъ судъ, — вѣроятнѣе обратное положеніе. Кромѣ того, если причина ошибки — лежитъ ли

она въ запутанности случая или въ какомъ-либо общемъ предразсудкѣ либо умственномъ недостаткѣ — дѣйствуетъ на одного судью, то, по всей вѣроятности, такимъ же образомъ подѣйствуетъ и на всѣхъ другихъ или, по крайней мѣрѣ, на большинство и сдѣлаетъ несправедливое рѣшеніе тѣмъ вѣроятнѣйшимъ противъ справедливаго, чѣмъ больше будетъ число судей.

Это лишь примѣръ ошибокъ, дѣлаемыхъ людьми, которые, усвоивши трудныя формы, представляемыя алгеброй для оцѣнки случайностей при сложныхъ предположеніяхъ, охотнѣе прибѣгаютъ къ этимъ формуламъ, для вычисленія вѣроятностей относительно лица, полузнакомаго со случаемъ, а не ищутъ средствъ ознакомиться съ нимъ поближе. Прежде, нежели примѣнить ученіе о случайностяхъ съ какою-либо научною цѣлью, слѣдуетъ положить основаніе оцѣнкѣ случайностей, заручаясь возможно бо́льшимъ количествомъ положительнаго знанія. Требуется знаніе того, какъ часто, сравнительно, наступаютъ на дѣлѣ различныя событія. Поэтому, для цѣлей настоящаго сочиненія дозволительно предположить, что заключенія относительно вѣроятности факта особаго рода основываются на знаніи нами отношенія между случаями, въ которыхъ факты этого рода встрѣчаются, и случаями, въ которыхъ они не встрѣчаются. Это знаніе или почерпается изъ спеціальнаго опыта, или выводится изъ нашего знанія о дѣйствующихъ причинахъ, стремящихся произвести упомянутый фактъ, и сравненія ихъ съ причинами, которыя стремятся предотвратить его.

Такое вычисленіе случайностей опирается на наведеніе, и, чтобы сдѣлать вычисленіе законнымъ, наведеніе также должно быть основательно. Оно все же наведеніе, хотя доказываетъ не то, что событіе наступаетъ во всѣхъ случаяхъ даннаго рода, а только то, что въ данномъ числѣ такихъ случаевъ событіе наступаетъ, приблизительно, въ столькихъ-то. Дробь, употребляемая математиками для означенія вѣроятности какого-либо событія, есть отношеніе этихъ двухъ чиселъ: доказанное отношеніе между числомъ случаевъ, въ которыхъ событіе наступаетъ, и суммою всѣхъ случаевъ, какъ тѣхъ, въ которыхъ оно наступаетъ, такъ и тѣхъ, въ которыхъ оно не наступаетъ. При игрѣ въ орелъ-и-рѣшетку родъ соотвѣтствующихъ случаевъ состоитъ въ бросаніи, и вѣ-

роятность паденія монеты орломъ кверху равняется половинѣ, потому что если мы станемъ бросать довольно часто, то орелъ будетъ вскрываться одинъ разъ на каждые два. При киданіи костей вѣроятность одного очка равняется одной шестой. Это справедливо не только потому, что возможно вскрыться шести поверхностямъ, изъ которыхъ только одна съ однимъ очкомъ, и что мы не знаемъ причины, по которой слѣдовало бы вскрыться одной поверхности скорѣе, чѣмъ другой, — хотя я допустилъ основательность этого довода за недостаткомъ лучшаго. Приведенная оцѣнка вѣроятности справедлива еще и потому, что мы дѣйствительно знаемъ, изъ умозаключенія ли, или изъ опыта, что на сто или милліонъ случаевъ бросанія костей одно очко вскрывается въ одной шестой этого числа случаевъ или одинъ разъ на шесть [1]).

§ 4. Я говорю «изъ умозаключенія ли, или изъ опыта», разумѣя спеціальный опытъ. Но при оцѣнкѣ вѣроятностей не безразлично, изъ перваго ли, или изъ втораго источника почерпаемъ мы наше убѣжденіе. Вѣроятность событій, исчисленная только по болѣе или менѣе частому наступленію ихъ въ прошедшемъ опытѣ, представляетъ не столь вѣрное основаніе для практическаго руководства, какъ ихъ вѣроятность, выведенная изъ одинаково точнаго знанія о болѣе или менѣе частомъ наступленіи ихъ причинъ.

Обобщеніе, что событіе наступаетъ въ десяти случаяхъ на каждые сто случаевъ даннаго рода, есть такое же дѣйствительное наведеніе, какъ обобщеніе, что событіе наступаетъ во всѣхъ случаяхъ. Но когда мы приходимъ къ заключенію, только считая случаи въ дѣйствительномъ опытѣ и сравнивая число случаевъ, въ которыхъ A присутствовало, съ числомъ, въ которомъ оно отсутствовало, то доказательство ведется лишь методомъ совпаденія, и заключеніе доходитъ лишь до эмпирическаго закона. Мы можемъ сдѣлать еще одинъ шагъ, когда въ состояніи подняться до причинъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть наступленіе A или его ненаступленіе, и когда можемъ построить оцѣнку сравнительно-частаго или рѣдкаго появленія причинъ, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ наступленію событія. Это данныя высшаго порядка, которыми эмпирическій законъ, вытекающій изъ одного чи-

---

[1]) Собственно объ *опытѣ* въ *милліонѣ* случаевъ говорить неудобно, но послѣдующее уясняетъ мысль Милля. *П. Л.*

сленнаго сравненія положительныхъ и отрицательныхъ случаевъ, будетъ либо исправленъ, либо подтвержденъ, и въ томъ и другомъ случаѣ мы получимъ вѣрнѣйшую мѣрку вѣроятности, чѣмъ какую даетъ упомянутое численное сравненіе. Прекрасно было замѣчено, что въ томъ родѣ примѣровъ, которымъ обыкновенно поясняется ученіе о случайностяхъ, именно въ случаѣ шаровъ въ ящикѣ, оцѣнка вѣроятностей опирается на доводы, которые почерпнуты изъ связи причины со слѣдствіемъ и сильнѣе спеціальнаго опыта. «Какая причина, что изъ ящика, въ которомъ девять черныхъ шаровъ и одинъ бѣлый, мы въ девять разъ сильнѣе надѣемся вынуть черный шаръ, чѣмъ бѣлый (или, другими словами, надѣемся вынуть его въ девять разъ чаще, такъ какъ повтореніе есть мѣрило силы ожиданія)? Очевидно, потому, что мѣстныя условія въ девять разъ благопріятнѣе, что рука можетъ опуститься въ девяти мѣстахъ и достать черный шаръ, тогда какъ бѣлый шаръ она можетъ найти только опустившись въ одномъ мѣстѣ, — совершенно по той же причинѣ, по которой мы не надѣемся отъискать знакомаго въ толпѣ, такъ какъ наша встрѣча зависитъ отъ многихъ и трудно выполнимыхъ условій. Конечно, это не оправдалось бы въ той же мѣрѣ, еслибъ бѣлые шары были меньшаго размѣра, чѣмъ черные; да и вѣроятность не осталась бы тою же самой; за большимъ шаромъ была бы гораздо большая вѣроятность попасться подъ руку» *).

На дѣлѣ очевидно, что если связь причины со слѣдствіемъ уже допущена, какъ всеобщій законъ, то наше ожиданіе событій можетъ быть разумно основано только на этомъ законѣ. Для лица, признающаго, что каждое событіе зависитъ отъ причинъ, минувшее однократное наступленіе вещи есть основаніе надѣяться на повтореніе вещи, только какъ доказательство, что существуетъ или въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна существовать причина, способная произвести упомянутую вещь **).

---

*) *Prospective Review* за февраль 1850.

**) «Если это не такъ, то почему, на нашъ взглядъ, прибавляется гораздо больше вѣроятности первымъ случаямъ наступленія, чѣмъ которымъ бы то ни было изъ послѣдующихъ случаевъ? Развѣ не потому, что первый случай показываетъ намъ возможность вещи (причины, для нея достаточной, *adequate*), между тѣмъ какъ всякій другой случай показываетъ намъ только болѣе или менѣе частое повтореніе условій вещи? Если не предполагать никакого отношенія къ причинѣ, то возможность не будетъ имѣть смысла; однако, ясно, что до наступленія событія мы могли считать его

Частое повтореніе даннаго событія, помимо всякой догадки относительно причины событія, не можетъ породить никакого другаго наведенія, кромѣ наведенія *путемъ простаго перечисленія (per enumerationem simplicem);* а выводимыя изъ него шаткія заключенія отступаютъ на второй планъ и исчезаютъ при появленіи принципа связи причины со слѣдствіемъ.

Не смотря, однако, на отвлеченное превосходство такой оцѣнки вѣроятностей, которая опирается на причины, — на дѣлѣ, почти во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ случайности допускаютъ оцѣнку, настолько точную, чтобы ихъ вычисленіе имѣло практическое значеніе, — численныя данныя почерпаются не изъ знанія причинъ, а изъ опыта надъ самыми событіями. Вѣроятность жизни въ различные возрасты или въ различныхъ климатахъ, вѣроятность излеченія отъ данной болѣзни, вѣроятность рожденія ребенка мужескаго или женскаго пола, уничтоженія домовъ или другаго имущества огнемъ, гибели корабля въ данное путешествіе, выводятся изъ таблицъ смертности, больничныхъ отчетовъ, перечня рожденій, кораблекрушеній и т. п., т. е. изъ наблюденнаго повторенія не причинъ, а дѣйствій. Это происходитъ оттого, что, во всѣхъ подобныхъ родахъ фактовъ, причины или вовсе недоступны прямому наблюденію, или не могутъ быть наблюдаемы съ требуемою точностью, и мы не имѣемъ иныхъ средствъ судить о болѣе или менѣе частомъ ихъ наступленіи, кромѣ эмпирическаго закона, пред-

---

невозможнымъ. т. е. думать, что, на дѣлѣ, въ мірѣ не существуетъ физической силы, достаточной для произведенія событія.... Послѣ перваго наступленія, которое (доказывая возможность) важнѣе для совокупности вѣроятія, чѣмъ какой-либо другой отдѣльный случай, *число* повтореній становится важнымъ какъ указаніе напряженія или распространенія причины и независимости ея отъ какого-либо отдѣльнаго раза. Возьмемъ, для примѣра, огромный скачекъ, и пусть мы желаемъ составить себѣ оцѣнку вѣроятности его успѣшнаго совершенія нѣсколько разъ сряду; первый случай, показывая его возможность (бывшую прежде сомнительною) наиболѣе важенъ, а каждый послѣдующій скачекъ показываетъ, что скачущій совершеннѣе управляетъ своею способностью, что она больше и неизмѣннѣе; такимъ образомъ, каждый послѣдующій скачекъ усиливаетъ вѣроятность, и въ этомъ дѣлѣ никому не вздумается умозаключать прямо отъ одного случая къ слѣдующему, не соображая физической силы, выказываемой каждымъ скачкомъ. Не ясно ли послѣ этого, что мы никогда не заключаемъ прямо отъ наступленія событія къ вѣроятности его вторичнаго наступленія» (скажемъ лучше, что мы не дѣлаемъ этого при развитомъ состояніи нашего знанія), но что мы обращаемся къ причинѣ, смотря на минувшіе случаи какъ на указаніе причины, а на причину какъ на руководителя нашего въ будущемъ? *Тамъ же.*

ставляемаго повтореніемъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе заключеніе зависитъ только отъ связи причины со слѣдствіемъ. Мы умозаключаемъ отъ дѣйствія къ подобному же дѣйствію, при посредствѣ причины. Если дѣлопроизводитель конторы страхованія жизни заключаетъ изъ своихъ таблицъ, что изо ста живущихъ лицъ извѣстнаго возраста пятеро, среднимъ числомъ, доживутъ до семидесяти лѣтъ, то его заключеніе законно не по той простой причинѣ, что такова пропорція дожившихъ до семидесяти лѣтъ въ минувшее время, а потому, что таково, по указанію этого факта, отношеніе, существующее въ то время и въ томъ мѣстѣ между причинами, продолжающими жизнь до семидесяти лѣтъ, и причинами, стремящимися прекратить ее раньше *).

§ 5. Изъ предшествующихъ правилъ легко вывести доказательство той теоремы ученія о вѣроятностяхъ, на которую опирается примѣненіе этого ученія къ изслѣдованіямъ, имѣющимъ цѣлью обнаружить, совершилось ли данное событіе или дѣйствителенъ ли единичный фактъ. Признаками, служащими для доказательства факта, обыкновенно бываютъ которыя-либо изъ слѣдствій, и изысканіе вращается на опредѣленіи, какая причина, всего вѣроятнѣе, произвела данное дѣйствіе. Къ такимъ изслѣдованіямъ примѣнимо шестое правило Лапласова *Философскаго опыта о вѣроятностяхъ (Essai Philosophique sur les Probalités)*,

---

*) Только-что цитированный нами авторъ говоритъ, что оцѣнка случайностей сравненіемъ числа случаевъ, въ которыхъ событіе наступаетъ, съ числомъ случаевъ, въ которыхъ оно не наступаетъ, «была бы, вообще говоря, вполнѣ ошибочною» и «не есть истинная теорія вѣроятности». По крайней мѣрѣ, на этой оцѣнкѣ основаны страхованіе и всѣ вычисленія случайностей, дѣлаемыя въ жизни и столь обильно подтверждаемыя опытомъ. Отвергая теорію, рецензентъ опирается на тотъ доводъ, что «она считала бы *неизбѣжнымъ* событіе, которое до сихъ поръ никогда не преминуло наступить, — что крайне далеко отъ истины, даже при очень большомъ числѣ постоянно оправдываемыхъ случаевъ». Это недостатокъ не одной какой-либо теоріи, а *всякой* теоріи случайностей. Никакое правило оцѣнки не можетъ предвидѣть такого случая, какой предположенъ рецензентомъ. Если событіе ни разу не преминуло наступить, при числѣ опытовъ, достаточномъ для исключенія случайности, то оно, дѣйствительно, обладаетъ всею неизбѣжностью, какую можетъ придать эмпирическій законъ: оно неизбѣжно пока продолжается то же распредѣленіе причинъ, какое существовало во время наблюденій. Если событіе когда-нибудь не наступитъ, то вслѣдствіе какой-либо перемѣны въ этомъ распредѣленіи. Но никакая теорія случайностей не даетъ намъ возможности вывести будущую вѣроятность событія изъ прошедшаго, если въ промежуточное время измѣнились дѣйствовавшія причины, способныя вліять на событіе.

которое Лапласъ называетъ «основнымъ правиломъ въ отрасли анализа случайностей, восходящей отъ событій къ ихъ причинамъ» *).

Пусть нужно объяснить данное дѣйствіе, и пусть существуетъ нѣсколько причинъ, которыя способны произвести его, но о присутствіи которыхъ въ этомъ частномъ случаѣ ничего не извѣстно. Вѣроятность, что дѣйствіе было произведено которою-либо изъ этихъ причинъ, *равняется предшествовавшей вѣроятности причины, помноженной на вѣроятность, что эта причина, еслибъ она существовала, произвела бы данное дѣйствіе.*

Пусть M будетъ дѣйствіе, а A, B двѣ причины, изъ которыхъ каждая могла произвести это дѣйствіе. Для опредѣленія вѣроятности, что дѣйствіе было произведено одною причиною, а не другою, должно узнать, существованіе которой изъ двухъ причинъ вѣроятнѣе, и которая изъ нихъ, если существовала, вѣроятнѣе произвела дѣйствіе M: изъ этихъ двухъ вѣроятностей составляется и искомая.

Случай I. Пусть причины во второмъ отношеніи одинаковы: и объ A, и о B, если эти причины существуютъ, предполагается, что онѣ одинаково вѣроятно (или одинаково вѣрно) произведутъ M; но пусть существованіе причины A, самой въ себѣ, вдвое вѣроятнѣе существованія B, т. е. пусть A — явленіе, наступающее вдвое чаще. Тогда вдвое вѣроятнѣе, что A существовало въ этомъ случаѣ и было причиною, произведшею M.

Такъ какъ A существуетъ въ природѣ дважды чаще, чѣмъ B, то во всякихъ 300 случаяхъ, въ которыхъ существовало то или другое, A существовало 200 разъ, а B 100. Но вездѣ, гдѣ производится M, должно было существовать либо A, либо B; поэтому на 300 случаевъ, въ которыхъ произведено M, A было производящею причиною 200 разъ, а B только 100, т. е. они были въ отношеніи 2 : 1. Итакъ, если причины одинаковы въ способности произвести дѣйствіе, то вѣроятность того, которая изъ нихъ дѣйствительно произвела дѣйствіе, пропорціональна ихъ предшествовавшимъ вѣроятностямъ.

---

*) Стр. 18, 19. Теорема изложена у Лапласа не совершенно тѣми же словами, какими выразилъ ее я; но тожество содержанія обоихъ способовъ выраженія легко доказать.

Случай II. Обращая послѣднюю гипотезу, предположимъ, что причины одинаково часты и что одинаково вѣроятно ихъ минувшее существованіе, но не произведеніе ими въ такомъ случаѣ дѣйствія M; пусть изъ трехъ разъ, въ которыхъ наступаетъ A, оно произведетъ это дѣйствіе дважды, тогда какъ B производитъ его, изъ трехъ разъ, только однажды. Но какъ обѣ причины наступаютъ одинаково часто, то на каждые шесть разъ, что существуетъ та или другая, A существуетъ три раза, и B — три раза. A, изъ трехъ разъ, производитъ M дважды; B, изъ своихъ трехъ разъ, производитъ M однажды. Итакъ, на всѣ шесть разъ, M производится только трижды; но изъ этихъ трехъ разъ оно производится дважды причиною A и только однажды причиною B. Слѣдовательно, когда предшествующія вѣроятности причинъ одинаковы, тогда вѣроятности, что дѣйствіе произведено ими, пропорціональны вѣроятностямъ, что еслибъ эти причины существовали, то произвели бы данное дѣйствіе.

Случай III. Третій случай, въ которомъ причины неодинаковы въ обоихъ отношеніяхъ, разрѣшается сказаннымъ выше. Когда какое-либо количество зависитъ отъ двухъ другихъ такъ, что при постоянствѣ одного изъ нихъ зависящее количество пропорціонально другому,— тогда оно необходимо пропорціонально произведенію этихъ другихъ количествъ, потому что произведеніе есть единственная ихъ функція, слѣдующая этому закону измѣненія. И потому, вѣроятность порожденія M которою-либо изъ двухъ причинъ равняется предшествующей вѣроятности, что причина существовала, помноженной на вѣроятность, что еслибъ причина эта существовала, то произвела бы M. А это и требовалось доказать.

Мы можемъ доказать третій случай подобно тому, какъ доказали первый и второй. Пусть A вдвое чаще B; пусть они, существуя, не одинаково вѣроятно производятъ M: пусть A производитъ его на четыре раза дважды, а B трижды. Предшествующая вѣроятность A относится къ предшествующей вѣроятности B, какъ 2 къ 1; вѣроятности произведенія ими M относятся одна къ другой, какъ 2 къ 3; произведеніе этихъ отношеній есть отношеніе 4 къ 3, и оно будетъ отношеніемъ вѣроятностей, что въ данномъ случаѣ производящею причиною было A или B. Такъ какъ A вдвое чаще, нежели B, то на двѣнадцать случаевъ,

въ которыхъ существуетъ то или другое, А существуетъ 8 разъ, а В 4. Но на свои восемь случаевъ, А, по предположенію, производитъ М только въ 4 случаяхъ, тогда какъ В, на свои четыре случая, производитъ М въ 3. И потому, М производится всего въ семи случаяхъ на двѣнадцать; но и въ этихъ семи случаяхъ оно производится четырежды причиною А и трижды причиною В. Слѣдовательно, вѣроятности произведенія М причиною А или причиною В относятся одна къ другой, какъ 4 къ 3, и выражаются дробями $^4/_7$ и $^3/_7$. Это и требовалось доказать.

§ 6. Остается разсмотрѣть примѣнимость ученія о случайностяхъ къ особой задачѣ, занимавшей насъ въ предъидущей главѣ: именно, къ отличенію совпаденій случайныхъ отъ совпаденій, составляющихъ результатъ закона, — отъ совпаденій, въ которыхъ факты, сопровождающіе одинъ другой или слѣдующіе одинъ за другимъ, такъ или иначе представляютъ связь причины со слѣдствіемъ.

Ученіе о случайностяхъ представляетъ средства, при помощи которыхъ мы, зная *среднее* число совпаденій, какое можно ожидать между двумя явленіями, связанными только случайно, могли бы опредѣлить, какъ часто какое-либо данное уклоненіе отъ этого средняго числа произойдетъ случайно. Если вѣроятность какого-либо случайнаго совпаденія, разсматриваемая сама въ себѣ, равна $^1/_m$, то вѣроятность, что то же совпаденіе повторится послѣдовательно n разъ, будетъ равняться $^1/_{m^n}$. Напримѣръ, если при одномъ бросаніи кости вѣроятность одного очка равна $^1/_6$, то вѣроятность двукратнаго послѣдовательнаго выпаденія одного очка будетъ равняться 1, дѣленной на квадратъ 6, или $^1/_{36}$: при первомъ выбрасываніи одно очко выпадетъ однажды на шесть разъ, или шесть на тридцать шесть, а изъ этихъ шести разъ, при вторичномъ киданіи, одно очко выпадетъ только одинъ разъ; слѣдовательно, всего-на-все оно выпадаетъ однажды на тридцать шесть разъ. На основаніи подобнаго же умозаключенія, вѣроятность послѣдовательнаго троекратнаго выпаденія одного очка будетъ равняться $^1/_6{}^3$, или $^1/_{216}$, т. е. при среднемъ числѣ, взятомъ изъ большаго числа случаевъ, этотъ случай будетъ наступать, на двѣсти-шестнадцать бросаній, только однажды.

Такимъ образомъ у насъ есть правило для оцѣнки вѣроятности, что какой-либо данный рядъ совпаденій происходитъ случайно, если только мы можемъ измѣрить вѣроятность одного совпаденія. Еслибъ мы могли получить равно-точное выраженіе для вѣроятности, что этотъ же рядъ совпаденій порождается связью причины со слѣдствіемъ, то намъ оставалось бы лишь сравнить числа. Однако, это рѣдко исполнимо. Посмотримъ, насколько мы можемъ приблизиться, на дѣлѣ, къ необходимой точности.

Вопросъ подпадаетъ только-что доказанному шестому правилу Лапласа. Данный фактъ, т. е. рядъ совпаденій, могъ произойти или изъ случайнаго соединенія причинъ, или изъ закона природы. И потому вѣроятности, что фактъ произошелъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ способовъ, относятся одна къ другой какъ ихъ предшествующія вѣроятности, помноженныя на вѣроятности того, что еслибъ эти причины существовали, то произвели бы данное дѣйствіе. Но особое сочетаніе случайностей, еслибъ оно встрѣтилось, или законъ природы, еслибъ онъ существовалъ, *конечно*, произвели бы данный рядъ совпаденій. Слѣдовательно, вѣроятности, что совпаденія произведены двумя разсматриваемыми причинами, относятся одна къ другой какъ предшествующія вѣроятности причинъ. Одна изъ этихъ послѣднихъ вѣроятностей, представляющая вѣроятность соединенія чистыхъ случайностей, которое произвело бы данный результатъ, есть количество измѣримое. Предшествующая вѣроятность другаго предположенія можетъ допускать болѣе или менѣе точную оцѣнку, смотря по природѣ случая.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совпаденіе, если предположить, что оно вытекаетъ изъ связи причины со слѣдствіемъ, должно порождаться причиною извѣстною: какъ постоянное выпаденіе одного очка, если оно не случайно, должно происходить отъ поддѣлки кости. Въ такихъ случаяхъ мы, можетъ быть, будемъ наведены на предположеніе о предшествующей вѣроятности такого обстоятельства характерами игроковъ или другимъ подобнымъ признакомъ; но оцѣнить эту вѣроятность съ какою бы то ни было численною точностью было бы невозможно. Однако, противоположная вѣроятность, что совпаденіе случайно, быстро уменьшается при каждомъ новомъ опытѣ, и мы скоро достигаемъ ступени, на которой вѣроятность поддѣлки кости, какъ бы мала она ни

была сама по себѣ, должна превысить вѣроятность совпаденія случайнаго. На этомъ основаніи, если въ нашей власти повторять опытъ, то мы, вообще, безъ большаго колебанія можемъ дойти до практическаго рѣшенія.

Но въ предшествующей главѣ мы имѣли въ виду случай, когда совпаденіе таково, что не можетъ быть объяснено никакою извѣстною причиною и зависимость между двумя явленіями, если она произведена связью причины со слѣдствіемъ, должна быть результатомъ какого-либо закона природы, доселѣ неизвѣстнаго. Въ такомъ случаѣ, хотя вѣроятность случайнаго совпаденія, можетъ быть, и допускаетъ оцѣнку, но вѣроятность противнаго предположенія, существованія неоткрытаго закона природы, очевидно, недоступна даже приблизительной оцѣнкѣ. Для полученія данныхъ, требуемыхъ такимъ случаемъ, необходимо знать, какая доля всѣхъ единичныхъ послѣдовательностей или сосуществованій, бывающихъ въ природѣ, есть результатъ закона, и какую долю составляютъ совпаденія чисто-случайныя. А такъ какъ мы, очевидно, не можемъ составить объ этой пропорціи никакого вѣроятнаго предположенія, тѣмъ менѣе оцѣнить ее численно, то и не въ состояніи попытаться дать какую-либо точную оцѣнку относительныхъ вѣроятностей. Но мы увѣрены въ томъ, что открытіе неизвѣстнаго закона природы— какого-либо до того времени не замѣченнаго, постоянства въ совокупленіи явленій — есть событіе не необыкновенное. Число же случаевъ, въ которыхъ наблюдается совпаденіе, сверхъ случаевъ, происходящихъ, среднимъ числомъ, лишь изъ соединеннаго дѣйствія случайностей, — можетъ быть такъ велико, что подобная сумма лишь случайныхъ совпаденій была бы явленіемъ крайне-необыкновеннымъ. Тогда мы въ правѣ заключить, что совпаденіе есть дѣйствіе связи причины со слѣдствіемъ и можетъ быть принято за эмпирическій законъ, подпадающій исправленію согласно дальнѣйшему опыту. Идти далѣе этого, относительно точности, мы не можемъ; да въ большинствѣ случаевъ, для разрѣшенія какого-либо сомнѣнія на практикѣ, большей точности и не требуется.

ГЛАВА XIX.

О РАСПРОСТРАНЕНІИ ПРОИЗВОДНЫХЪ ЗАКОНОВЪ НА СМЕЖНЫЕ СЛУЧАИ.

§ 1. Мы не разъ имѣли возможность замѣтить меньшую общность законовъ производныхъ, въ сравненіи съ коренными законами, изъ которыхъ они получены. Это несовершенство, касающееся не только объема самихъ предложеній, но и степени ихъ достовѣрности въ предѣлахъ этого объема, наиболѣе замѣтно въ единообразіяхъ сосуществованія и послѣдовательности между дѣйствіями, зависящими конечнымъ образомъ отъ различныхъ первоначальныхъ причинъ. Такія единообразія наступятъ лишь тамъ, гдѣ существуетъ одно и то же распредѣленіе этихъ первоначальныхъ причинъ. Коль скоро распредѣленіе измѣнится, то, хотя бы самые законы остались тѣ же, въ результатѣ можетъ оказаться и обыкновенно окажется совершенно иной рядъ производныхъ единообразій.

Даже тамъ, гдѣ производное единообразіе существуетъ между различными дѣйствіями одной и той же причины, оно отнюдь не будетъ столь же всеобще, какъ законъ самой причины. Если явленія *a* и *b* сопровождаютъ другъ друга или слѣдуютъ одно за другимъ какъ дѣйствія причины A, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что A есть единственная причина, могущая произвести ихъ, или что если существуетъ другая причина, напр. B, способная произвести *a*, то она должна производить и *b*. И потому соединеніе *a* и *b* существуетъ, можетъ быть, не всеобщимъ образомъ, а только въ случаяхъ, въ которыхъ *a* происходитъ отъ A. Когда же оно производится не причиною A, а иною, то *a* и *b* могутъ быть раздѣлены. Напримѣръ, въ предѣлахъ нашего опыта, день всегда смѣняется ночью; но день не причина ночи; оба эти явленія суть дѣйствія общей причины, періодическаго пребыванія наблюдателя въ тѣни земли и внѣ этой тѣни, — что есть слѣдствіе вращенія земли и способности солнца освѣщать. И потому, если день будетъ когда-либо производиться иною причиною или инымъ рядомъ причинъ, то день не будетъ смѣняться ночью или, по

крайней мѣрѣ, можетъ не смѣняться. Это, пожалуй, и бываетъ, напримѣръ, на поверхности самого солнца [1]).

Наконецъ, даже когда само производное единообразіе есть законъ связи причины со слѣдствіемъ (проистекающій изъ соединенія различныхъ причинъ), и тогда оно не совершенно независимо отъ распредѣленій. Если наступитъ причина, способная вполнѣ или частью предотвратить дѣйствіе которой-либо изъ соединенныхъ причинъ, то дѣйствіе перестанетъ слѣдовать производному закону. Итакъ, каждый коренной законъ можетъ быть подорванъ только однимъ рядомъ противодѣйствующихъ причинъ; производный же законъ подрывается нѣсколькими рядами. А возможность наступленія противодѣйствующихъ причинъ, непорождаемыхъ которымъ-либо изъ условій, заключающихся въ самомъ законѣ, зависитъ отъ первоначальныхъ распредѣленій.

Правда, законы связи причины со слѣдствіемъ — коренные ли, или производные — бо́льшею частью, какъ мы замѣтили, исполняются и тогда, когда встрѣчаютъ противодѣйствіе; причина производитъ свое дѣйствіе, хотя это дѣйствіе уничтожается чѣмъ-либо другимъ. Что дѣйствіе можетъ не произойти, не составляетъ, слѣдовательно, возраженія противъ всеобщности законовъ связи причины со слѣдствіемъ. Но оно подрываетъ всеобщность послѣдовательностей или сосуществованій между дѣйствіями, — послѣдовательностей или сосуществованій, которыя составляютъ большую часть производныхъ законовъ, вытекающихъ изъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ. Законъ какого-либо соединенія причинъ можетъ порождать извѣстный порядокъ въ дѣйствіяхъ; напримѣръ, соединеніе одного солнца со вращеніемъ непрозрачнаго тѣла вокругъ своей оси производитъ, на всей поверхности этого непрозрачнаго тѣла, очередованіе дня и ночи. Если мы предположимъ, что одна изъ соединенныхъ причинъ встрѣтила противодѣйствіе, что вращеніе остановлено, или солнце погасло, или прибавилось другое солнце, то это отнюдь не подорветъ истинности приведеннаго нами особаго закона

---

[1]) Милль нѣсколько разъ возвращается къ этому примѣру, хотя послѣдній нельзя назвать совершенно точнымъ. День смѣняется ночью — единообразіе необходимое въ томъ смыслѣ, что если, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. существовалъ день и прекратился то его могла бы смѣнить *только* ночь. *П. Л.*

связи причины со слѣдствіемъ. Попрежнему истинно, что одно солнце, свѣтя на вращающееся непрозрачное тѣло, произведетъ попеременно день и ночь; но если солнце не будетъ свѣтить на такое тѣло, то производное единообразіе, смѣна дня ночью на данной планетѣ, перестанетъ быть истиннымъ. И потому производныя единообразія, не составляющія законовъ связи причины со слѣдствіемъ, всегда (за исключеніемъ рѣдкаго случая, когда они зависятъ только отъ одной причины, а не отъ соединенія причинъ) болѣе или менѣе случайны въ своей зависимости отъ распредѣленій и потому страдаютъ характеристическимъ недостаткомъ эмпирическихъ законовъ: они допустимы лишь тамъ, гдѣ извѣстно по опыту, что распредѣленія таковы, какія требуются для истинности закона, — т. е. лишь въ предѣлахъ тѣхъ условій времени и мѣста, которыя подтверждены дѣйствительнымъ наблюденіемъ.

§ 2. Правило это, изложенное въ общихъ выраженіяхъ, кажется яснымъ и безспорнымъ. Однако, многія изъ обыкновенныхъ человѣческихъ сужденій, правильность которыхъ не возбуждаетъ сомнѣнія, кажутся, по крайней мѣрѣ, несовмѣстными съ этимъ правиломъ. На какихъ основаніяхъ, можно спросить, надѣемся мы, что солнце взойдетъ завтра? Завтра за предѣлами времени, обнимаемаго нашими наблюденіями. Они распространялись на нѣсколько тысячъ прошедшихъ лѣтъ, но не обнимаютъ будущаго. Однако, мы съ увѣренностью заключаемъ, что завтра солнце взойдетъ, и никто не сомнѣвается въ нашемъ правѣ на такое заключеніе. Посмотримъ, на что опирается эта увѣренность.

Въ разсматриваемомъ примѣрѣ мы знаемъ причины, отъ которыхъ зависитъ производное единообразіе. Причины эти: солнце, издающее свѣтъ, и земля въ состояніи вращенія и не пропускающая свѣта. Наведеніе, показывающее въ нихъ настоящія причины, а не только предшествовавшія дѣйствія общей причины, полно; единственныя обстоятельства, которыя могли бы уничтожить производный законъ, таковы, что уничтожили бы ту или другую изъ соединенныхъ причинъ, либо противодѣйствовали бы ей. Пока причины существуютъ и не встрѣчаютъ противодѣйствія, дѣйствіе будетъ продолжаться. Если причины будутъ существовать и не встрѣтятъ противодѣйствія завтра, то солнце завтра взойдетъ.

Такъ какъ причины, именно солнце и земля — солнце въ томъ состояніи, въ которомъ оно издаетъ свѣтъ, земля въ состояніи вращенія, — будутъ существовать, пока ихъ что-либо не уничтожитъ, то все зависитъ отъ вѣроятностей ихъ уничтоженія и отъ вѣроятностей, что онѣ встрѣтятъ противодѣйствіе. Мы знаемъ изъ наблюденія (помимо выводныхъ доказательствъ изъ существованія въ теченіе тысячи предшествовавшихъ вѣковъ), что явленія эти продолжали существовать пять тысячъ лѣтъ. Въ теченіе этого времени не существовало ни причины, достаточной для оцѣнимаго уменьшенія ихъ, ни причины, которая противодѣйствовала бы ихъ вліянію въ оцѣнимой степени. И потому, вѣроятность, что завтра солнце можетъ и не взойти, равняется вѣроятности, что какая-либо причина, которая нисколько не проявлялась въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, будетъ существовать завтра съ такою силою, что уничтожитъ солнце или землю, солнечный свѣтъ или вращеніе земли, либо породитъ громадное нарушеніе въ дѣйствіи, производимомъ этими причинами.

Но если такая причина будетъ существовать завтра или, вообще, въ будущемъ, то какая-либо близкая или отдаленная причина этой причины должна была существовать въ теченіе цѣлыхъ пяти тысячъ лѣтъ. Итакъ, если солнце завтра не взойдетъ, то потому, что существовала какая-либо причина, дѣйствія которой, хотя въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ не достигали замѣтнаго количества, теперь въ одинъ день станутъ подавляющими. Такъ какъ причина эта не была замѣчена въ теченіе такого промежутка времени, наблюдателями, жившими на землѣ, то она, если существуетъ, должна быть или какимъ-либо дѣятелемъ, проявленія котораго развивались постепенно, или дѣятелемъ, существовавшимъ въ пространствахъ внѣ нашего наблюденія и готовящимся теперь вступить въ нашу часть вселенной. Но всѣ причины, подпадавшія нашему опыту, дѣйствуютъ по законамъ, несовмѣстнымъ съ предположеніемъ, что ихъ дѣйствія, накоплявшись такъ медленно, что оставались незамѣтными въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, теперь въ одинъ день разростутся до безмѣрнаго. Такихъ противорѣчивыхъ результатовъ не могъ произвести ни одинъ математическій законъ пропорціи между дѣйствіемъ и количествомъ или отношеніями ихъ причины. Внезапное развитіе дѣйствія, котораго прежде не было и признака, всегда происходитъ

отъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ причинъ, до того времени не соединявшихся. Но если предназначено случиться такому внезапному соединенію, то причины или *ихъ* причины должны были существовать въ теченіе всѣхъ пяти тысячъ лѣтъ. Что онѣ ни разу не встрѣтились въ теченіе этого періода, показываетъ, какъ рѣдко такое соединеніе. И потому строгое наведеніе дозволяетъ намъ считать вѣроятнымъ — въ степени, неразличимой отъ достовѣрности, — что извѣстныя условія, нужныя для восхода солнца, будутъ существовать и завтра.

§ 3. Распространять такимъ образомъ производные законы (не законы связи причины со слѣдствіемъ) за предѣлами наблюденія можно только на случаи *смежные*. Еслибы, вмѣсто завтрашняго дня, мы стали говорить о томъ же днѣ чрезъ двадцать тысячъ лѣтъ, то наведенія отнюдь не были бы доказательны. Въ борьбѣ съ весьма сильными причинами, причина могла не произвести замѣтнаго дѣйствія въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ и, однако, произвести весьма значительное дѣйствіе чрезъ двадцать тысячъ лѣтъ, и въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго съ нашимъ опытомъ надъ причинами. Мы знаемъ много дѣятелей, вліяніе которыхъ въ короткій періодъ не достигаетъ замѣтнаго количества, но, накопляясь въ теченіе гораздо продолжительнѣйшаго періода, становится значительнымъ. Кромѣ того, соображая огромное множество небесныхъ тѣлъ, ихъ большія разстоянія и быстроту движенія тѣхъ изъ этихъ тѣлъ, о которыхъ извѣстно, что они движутся, мы можемъ находить отнюдь не противорѣчивымъ опыту предположеніе, что, пожалуй, какое-либо тѣло двигается къ намъ, или мы двигаемся къ тѣлу, въ предѣлы вліянія котораго мы не попадали въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, но которое, въ слѣдующіе двадцать тысячъ лѣтъ, можетъ произвести на насъ дѣйствія самаго необыкновеннаго рода. Притомъ же, фактъ, способный предотвратить восходъ солнца, можетъ быть не накопившимся дѣйствіемъ одной причины, а какимъ-либо новымъ сочетаніемъ причинъ, и благопріятныя этому соединенію случайности, хотя и не произвели его ни разу въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, могутъ произвести его однажды въ двацать тысячъ. Такимъ образомъ, наведенія, дающія намъ право ожидать будущія событія, становятся слабѣе и слабѣе, чѣмъ дальше мы заглядываемъ въ будущее, и наконецъ даже не могутъ быть измѣряемы.

Вѣроятности завтрашняго восхода солнца были разсматриваемы нами какъ производныя отъ настоящихъ законовъ, т. е. отъ законовъ причинъ, отъ которыхъ это единообразіе зависитъ. Теперь посмотримъ, какъ было бы дѣло, еслибъ единообразіе было извѣстно намъ только какъ законъ эмпирическій; еслибъ мы не знали, что солнечный свѣтъ и вращеніе земли (или движеніе солнца) суть причины, отъ которыхъ зависитъ періодическое наступленіе дневнаго свѣта. Мы могли бы распространить этотъ эмпирическій законъ на случаи, смежные по времени, хотя и не въ такомъ большомъ промежуткѣ времени, въ какомъ можемъ сдѣлать это теперь. Имѣя доказательства, что дѣйствія оставались неизмѣнными и точно-соединенными въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, мы могли бы заключить, что неизвѣстныя причины, отъ которыхъ зависитъ соединеніе, существовали, не уменьшаясь и не встрѣчая противодѣйствія въ теченіе того же періода. Слѣдовательно, и здѣсь вытекали бы тѣ же заключенія, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, за слѣдующимъ ограниченіемъ: здѣсь мы знали бы только, что въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ не случилось ничего, замѣтно уничтожающаго упомянутое особое дѣйствіе; а зная причины, мы получаемъ добавочную увѣренность, что въ теченіе этого промежутка времени въ самихъ причинахъ нельзя было замѣтить ни одной перемѣны, которая при какой-либо степени учащенія или продолжительности, могла бы уничтожить дѣйствіе.

Къ этому нужно прибавить, что, зная причины, мы можемъ судить о томъ, существуетъ ли какая-либо *извѣстная* причина, способная противодѣйствовать имъ; а пока первыя причины неизвѣстны, намъ доступна увѣренность лишь въ томъ, что еслибъ мы знали ихъ, то могли бы предсказать уничтоженіе ихъ причинами, дѣйствительно существующими. Не встающій съ одра дикарь, который никогда не видалъ Ніагарскаго водопада, но лежитъ отъ него въ такомъ разстояніи, что слышитъ его шумъ, можетъ вообразить, что звукъ этотъ будетъ продолжаться вѣчно. Но еслибъ дикарь зналъ, что слышимый шумъ есть дѣйствіе водопада, постепенно стирающаго скалистую преграду, то зналъ бы, что чрезъ исчислимое число вѣковъ звукъ этотъ уже не будетъ слышенъ. Слѣдовательно, чѣмъ менѣе намъ извѣстны причины, отъ которыхъ зависитъ эмпирическій законъ, тѣмъ менѣе мы увѣрены въ его будущемъ дѣйствіи; и чѣмъ далѣе мы заглядываемъ въ будущность,

тѣмъ менѣе невѣроятно, что нѣкоторыя изъ причинъ, сосуществованіе которыхъ порождаетъ производное единообразіе, будутъ уничтожены или встрѣтятъ противодѣйствіе. Съ каждымъ удлиненіемъ срока увеличивается возможность такого событія, т. е. ненаступленіе этого явленія въ прошедшемъ становится меньшимъ ручательствомъ за ненаступленіе его въ данное время. А если *всякій* производный законъ (не законъ связи причины со слѣдствіемъ) можно съ увѣренностью, равною несомнѣнности, распространить лишь на случаи, по времени смежные (или почти смежные) съ дѣйствительно наблюденными, то это еще справедливѣе относительно закона чисто-эмпирическаго. Къ счастью, для обыденныхъ цѣлей намъ почти всегда приходится распространять производные законы только на такіе случаи.

Относительно мѣста казалось бы, что чисто-эмпирическій законъ не можетъ быть распространенъ даже на случаи смежные, и что мы не можемъ быть увѣрены въ его справедливости ни въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ не былъ спеціально наблюдаемъ. Минувшее продолжительное существованіе причины ручается за существованіе ея въ будущемъ, лишь бы не встрѣтилось ничего, уничтожающаго эту причину; но существованіе ея въ одномъ мѣстѣ или какомъ-либо числѣ мѣстъ не служитъ порукою въ существованіи ея во всякомъ другомъ мѣстѣ, потому что въ распредѣленіи первоначальныхъ причинъ нѣтъ единообразія. Итакъ, при распространеніи эмпирическаго закона за мѣстные предѣлы, въ которыхъ онъ оказался справедливымъ по наблюденію, — случаи, на которые онъ такимъ образомъ распространяется, должны быть таковы, чтобъ ихъ можно было предположить находящимися подъ вліяніемъ тѣхъ же единичныхъ дѣятелей. Открывъ новую планету въ извѣстныхъ намъ предѣлахъ солнечной системы (или даже за этими предѣлами, но обнаруживающую свою связь съ системою движеніемъ вокругъ солнца), мы можемъ заключить съ большою вѣроятностью, что эта планета вращается на своей оси. Всѣ извѣстныя планеты вращаются такимъ образомъ, и это единообразіе указываетъ на какую-либо общую причину, существовавшую раньше первыхъ отмѣтокъ астрономическихъ наблюденій. Сущность этой причины можетъ быть лишь предметомъ предположеній; но если — что не невѣроятно и предполагается Лапласовой теоріей — единообразіе производится не только тѣмъ же родомъ при-

чинъ, по тою же единичною причиною (напримѣръ, толчкомъ, даннымъ одновременно всѣмъ тѣламъ), то причина эта, дѣйствующая на крайнихъ точкахъ пространства, занимаемаго солнцемъ и планетами, если она не подавляется какою-либо противодѣйствующею причиною, вліяла, вѣроятно, на каждой промежуточной точкѣ и нѣсколько дальше и потому, почти навѣрное, дѣйствовала и на предположенную вновь-открытую планету.

Итакъ, если дѣйствія, всегда встрѣчавшіяся въ соединеніи, можно съ нѣкоторою вѣроятностью возвести къ тожественному (а не только подобному) источнику, то съ тою же вѣроятностью мы можемъ распространить эмпирическій законъ ихъ соединенія на всѣ мѣста, между предѣлами, въ которыхъ фактъ былъ наблюдаемъ (допуская возможность противодѣйствующихъ причинъ въ какой-либо части этого пространства). Еще съ бо́льшею увѣренностью мы можемъ сдѣлать это тогда, когда законъ не чисто-эмпиричeнъ, когда явленія, встрѣчающіяся соединенными, суть дѣйствія причинъ достовѣрныхъ, изъ законовъ которыхъ можетъ быть выведено и соединеніе ихъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ право распространить производное единообразіе и на бо́льшее пространство, и съ меньшею уступкою случайности противодѣйствующихъ причинъ. Первое мы имѣемъ право сдѣлать потому, что мѣстные предѣлы нашего наблюденія надъ самимъ фактомъ мы можемъ замѣнить крайними предѣлами обнаруженнаго вліянія его причинъ. Такъ, смѣна дня ночью истина, какъ мы знаемъ, относительно всѣхъ тѣлъ солнечной системы, за исключеніемъ самого солнца. Но мы знаемъ это только потому, что знакомы съ причинами; а еслибъ онѣ не были извѣстны, то мы не могли бы распространить предложеніе за земную и лунную орбиты, на обоихъ концахъ которыхъ наблюденіе доказываетъ намъ истинность предложенія. Теперь обратимся къ вѣроятности противодѣйствующихъ причинъ. Мы видѣли, что она ослабляетъ увѣренность соразмѣрно нашему незнанію причинъ, отъ которыхъ явленія зависятъ. Слѣдовательно, въ обоихъ отношеніяхъ, производный законъ, который мы умѣемъ разложить, допускаетъ бо́льшее распространеніе на случаи, сопредѣльные по мѣсту, чѣмъ законъ чисто-эмпирическій.

ГЛАВА XX.

ОБЪ АНАЛОГІИ.

§ 1. Словомъ *аналогія*, какъ названіемъ особаго рода умозаключенія, обыкновенно означаютъ родъ довода, о которомъ предполагается, что онъ, по природѣ своей, индуктивенъ, но не равняется полному наведенію. Однако, нѣтъ слова, которое употреблялось бы неопредѣленнѣе или въ различнѣйшихъ смыслахъ, чѣмъ слово аналогія. Иногда оно означаетъ доводы, которые могутъ служить примѣрами самаго строгаго наведенія. Напримѣръ, Уэтли, слѣдуя Фергюсону [1]) и другимъ писателямъ, опредѣляетъ аналогію согласно первоначальному смыслу, который былъ приданъ этому слову математиками: какъ сходство отношеній. Въ этомъ смыслѣ страна, основавшая колоніи, называется метрополіей (страною-матерью), и выраженіе его аналогично, означая, что колоніи страны находятся къ ней въ томъ же отношеніи, въ какомъ дѣти стоятъ къ своимъ родителямъ. И если изъ этого сходства отношеній выводится какое-либо заключеніе — напримѣръ, что колоніи обязаны послушаніемъ или любовью къ метрополіи, то это называется умозаключеніемъ по аналогіи. Или, положимъ, стали бы доказывать, что народъ всего благотворнѣе управляется избраннымъ имъ собраніемъ, и это доказывали бы признаннымъ фактомъ, что другія ассоціаціи для общей цѣли — напримѣръ, акціонерныя компаніи, — всего лучше управляются комитетомъ, избраннымъ заинтересованными членами. И это доводъ по аналогіи, въ объясненомъ выше смыслѣ, потому что основаніемъ доводу служитъ не то, что народъ подобенъ акціонерной компаніи, или что парламентъ подобенъ совѣту директоровъ, а что парламентъ стоитъ въ томъ же *отношеніи* къ народу, въ какомъ совѣтъ директоровъ стоитъ къ акціонерной компаніи. По своей природѣ доводъ такого рода не

---

[1]) Адамъ Фергюсонъ (Ferguson), шотландскій мыслитель, род. 1723, ум. 1816. Противникъ Гоббза, онъ утверждалъ въ своемъ «Опытѣ исторіи гражданскаго общества» (Essay on the history of civil society, 1766) естественную склонность къ общественности въ человѣкѣ. Въ своихъ «Основаніяхъ нравственной философіи» (Institutes of moral Philosophy, 1769), какъ и въ своихъ «Началахъ нравственной и политической науки» (Principles of moral and political sciences, 1792), онъ пытался распространить методъ наблюденія и опыта на область нравственности и политики. *П. Л.*

представляетъ недостатка въ доказательности. Подобно другимъ доводамъ по сходству, этотъ доводъ можетъ быть ничтоженъ, или можетъ быть совершеннымъ и доказательнымъ наведеніемъ. Обстоятельство, въ которомъ сходны два приведенные случая, можетъ допускать указаніе въ немъ обстоятельства *существеннаго*, того, отъ котораго зависятъ всѣ слѣдствія, долженствующія войти въ разсчетъ при данномъ частномъ обсужденіи. Въ послѣдне-приведенномъ примѣрѣ сходство касается отношенія; *fundamentum relationis* (основаніе отношенія) состоитъ въ томъ, что немногія лица управляютъ дѣлами, въ которыхъ, вмѣстѣ съ этими лицами, заинтересовано гораздо бо́льшее число другихъ. Но нѣкоторые люди могутъ утверждать, что это общее приведеннымъ случаямъ обстоятельство и порождаемыя имъ различныя дѣйствія наиболѣе участвуютъ въ опредѣленіи всѣхъ дѣйствій, составляющихъ то, что мы называемъ хорошимъ или плохимъ управленіемъ. Если они могутъ доказать это, то ихъ доводъ обладаетъ силою строгаго наведенія; въ противномъ случаѣ о нихъ говорятъ, что имъ не удалось доказать аналогіи между двумя случаями. Этотъ способъ выраженія обнимаетъ мысль, что когда аналогія можетъ быть доказана, то основанный на ней доводъ неопровержимъ.

§ 2. Однако, вообще, названіе аналогическаго доказательства болѣе принято распространять на доводы, почерпаемые изъ всякаго рода сходства, лишь бы они не равнялись полному наведенію, причемъ не отличаютъ сходства отношеній, какъ чего-либо особеннаго. Въ этомъ смыслѣ аналогичное умозаключеніе можетъ быть приведено къ слѣдующей формулѣ: двѣ вещи сходны въ одномъ отношеніи или бо́льшемъ числѣ отношеній; извѣстное предложеніе истинно въ примѣненіи къ одной изъ этихъ вещей, и потому оно справедливо и въ примѣненіи къ другой. Но эта формула не даетъ признака, по которому можно бы было отличить аналогію отъ наведенія, такъ какъ подъ типъ, указываемый формулой, будетъ подходить всякое умозаключеніе изъ опыта. Въ самомъ строгомъ наведеніи, какъ и въ самой легкой аналогіи, мы, изъ сходства A съ B въ одномъ свойствѣ или бо́льшемъ числѣ свойствъ, заключаемъ о сходствѣ A и B въ извѣстномъ другомъ свойствѣ. Разница въ томъ, что при полномъ наведеніи была предварительно доказана, надлежащимъ сравненіемъ случаевъ, неизмѣнная связь между первымъ свой-

ствомъ или первыми свойствами и послѣднимъ свойствомъ; а въ такъ-называемомъ аналогичномъ умозаключеніи никакой подобной связи обнаружено не было. Случаевъ примѣнить методъ различія или хоть методъ совпаденія, не было; но мы заключаемъ (вотъ все, чему равняется доводъ аналогіею), что фактъ *m*, завѣдомо истинный относительно А, скорѣе истиненъ относительно В, если В сходно съ А въ нѣкоторыхъ изъ своихъ свойствъ (хотя неизвѣстно никакой связи между *m* и этими свойствами), нежели тогда, когда нельзя замѣтить ни одного сходства между В и какою-либо другою вещью, о которой извѣстно, что она обладаетъ свойствомъ *m*.

Этотъ доводъ, разумѣется, требуетъ, чтобы свойства, общія А и В, только не были завѣдомо связаны съ *m*; они не должны быть свойствами, о которыхъ извѣстно, что они *не* связаны съ *m*. Если, процессами ли исключенія, или выводомъ изъ предшествовавшаго знанія законовъ упомянутыхъ свойствъ, можно придти къ заключенію, что свойства эти совершенно не связаны съ *m*, то доказательство аналогіей совершенно непримѣнимо. Предположеніе должно состоять въ томъ, что *m* есть дѣйствіе, въ самомъ дѣлѣ зависящее отъ какого-либо свойства вещи А, но что мы не знаемъ, отъ какого именно. Мы не можемъ указать ни одного изъ свойствъ этой вещи, которое было бы причиною дѣйствія *m* или связано съ нимъ какимъ-либо закономъ. Отбросивъ всѣ свойства, о которыхъ мы знаемъ, что они отнюдь не связаны съ *m*, мы не въ состояніи рѣшить между остальными свойствами, изъ которыхъ одно или нѣсколько принадлежатъ В. И это мы считаемъ основаніемъ, болѣе или менѣе сильнымъ, для заключенія по аналогіи, что В обладаетъ свойствомъ *m*.

Несомнѣнно, что каждое такое сходство, которое можетъ быть указано между В и А, усиливаетъ въ нѣкоторой степени вѣроятность, какая могла существовать безъ того, въ пользу заключенія, выводимаго изъ аналогіи. Еслибъ В походило на А во всѣхъ своихъ коренныхъ свойствахъ, то обладаніе имъ свойствомъ *m* было бы не вѣроятно, а достовѣрно; и всякое сходство, которое можетъ быть между ними указано, настолько же приближаетъ выводъ къ достовѣрности. Если будетъ сходство въ коренномъ свойствѣ, то будетъ сходство и во всѣхъ производныхъ свойствахъ, зависящихъ отъ этого кореннаго, а къ числу ихъ

можетъ принадлежать и *m*. Если сходство встрѣчается въ выводномъ свойствѣ, то есть основаніе ожидать сходства и въ коренномъ свойствѣ, отъ котораго выводное зависитъ, и въ другихъ выводныхъ свойствахъ, зависящихъ отъ того же кореннаго свойства. Каждое сходство, существованіе котораго можно доказать, представляетъ основаніе ожидать неопредѣленное число другихъ сходствъ; и потому опредѣленное искомое сходство чаще встрѣтится въ вещахъ, о которыхъ извѣстно, что онѣ сходны, чѣмъ въ вещахъ, между которыми мы никакого сходства не знаемъ *).

Напримѣръ, я могъ бы заключить, что луна, вѣроятно, населена, такъ какъ населены земля, море и воздухъ, и это — доказательство по аналогіи. Населенность принимается здѣсь не за коренное свойство, а (какъ разумно предположить) за слѣдствіе другихъ свойствъ и потому зависящее, въ примѣненіи къ землѣ, отъ нѣкоторыхъ изъ свойствъ земли, какъ части вселенной, — но отъ которыхъ именно, мы не знаемъ. А луна сходна съ землею въ слѣдующемъ: представляетъ твердое, непрозрачное, почти сферическое тѣло; на ней, повидимому, есть или были дѣйствующіе вулканы; она получаетъ теплоту и свѣтъ отъ солнца, почти въ томъ же количествѣ, какъ и земля; вращается на своей оси; состоитъ изъ тяготѣющихъ веществъ и повинуется всѣмъ различнымъ законамъ, вытекающимъ изъ этого свойства. И никто, я думаю, не станетъ отрицать того, что еслибъ о лунѣ не было извѣстно ничего болѣе, то изъ этихъ различныхъ сходствъ луны съ землею вытекала бы бо́льшая вѣроятность въ пользу населенности луны, чѣмъ какая существовала бы безъ того, — хотя попытка оцѣнить степень усиленія вѣроятности была бы безполезна.

Итакъ, каждое доказанное сходство между B и A, въ отношеніи,

*) Бо́льшаго основанія не было и у Ньютонова знаменитаго предположенія, что алмазъ горючъ. Ньютонъ основывалъ свою догадку на очень сильной способности преломленія, присущей алмазу, сравнительно съ его плотностью: на особенности, замѣченной въ горючихъ веществахъ. На подобныхъ же основаніяхъ онъ предположилъ что вода, хотя и не горюча, но содержитъ горючее начало. Такъ какъ, впослѣдствіи, обѣ его догадки были оправданы опытомъ, то было признано, что предсказаніе дѣлаетъ большую честь научной проницательности Ньютона Но до сихъ поръ не рѣшено, была ли догадка въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ случаевъ, столь частыхъ въ исторіи науки, дальнозоркаго предвидѣнія закона, который долженъ быть впослѣдствіи открытъ. До сихъ поръ успѣхи науки не указали основанія думать, что существуетъ дѣйствительная связь между горючестью и большою преломляющею способностью.

о которомъ не извѣстно, что оно не существенно для *m*, составляетъ добавочную причину предполагать, что B обладаетъ свойствомъ *m*. Очевидно, наоборотъ, что каждое несходство, которое можетъ быть доказано между B и A, представляетъ, съ другой стороны, того же рода вѣроятность противоположнаго. Правда, нерѣдко бываетъ, что различныя коренныя свойства порождаютъ, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, то же производное свойство; но, вообще, вѣрно, что вещи, различныя въ своихъ коренныхъ свойствахъ, различны, по крайней мѣрѣ настолько же, въ совокупности своихъ производныхъ свойствъ, и что различія неизвѣстныя, въ среднемъ числѣ случаевъ, будутъ находиться въ нѣкоторой пропорціи съ извѣстными. Слѣдовательно, извѣстныя стороны сходства A и B будутъ соперничать съ извѣстными сторонами различія, и, смотря потому, будутъ ли считаться преобладающими тѣ или другія, выводимая изъ аналогіи вѣроятность будетъ въ пользу или противъ того, что B обладаетъ свойствомъ *m*. Напримѣръ, луна сходна съ землею въ упомянутыхъ уже обстоятельствахъ, но отличается тѣмъ, что меньше земли, представляетъ поверхность не столь ровную и, повидимому, сплошь вулканическую, не снабжена, по крайней мѣрѣ на сторонѣ, обращенной къ землѣ, ни атмосферой, достаточной для преломленія свѣта, ни облаками, ни водой (какъ заключаютъ изъ послѣдняго). Эти различія, разсматриваемыя только какъ различія, можетъ быть, уравновѣсили бы сходства, такъ что аналогія не представляла бы вѣроятности ни за одно изъ двухъ предположеній. Но, соображая, что нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, недостающихъ лунѣ, принадлежатъ къ тѣмъ, которыя, на землѣ, оказываются необходимыми условіями животной жизни, мы въ правѣ заключить, что если это послѣднее явленіе существуетъ на лунѣ (по крайней мѣрѣ, на сторонѣ, обращенной къ землѣ), то оно есть дѣйствіе причинъ, совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя производятъ то же явленіе на землѣ, и потому есть слѣдствіе различій луны отъ земли, а не сходствъ. Съ этой точки зрѣнія, всѣ существующія сходства становятся вѣроятностями противъ, а не въ пользу населенности луны. Если жизнь не можетъ существовать на лунѣ такъ, какъ она существуетъ на землѣ, то чѣмъ значительнѣе сходство луннаго міра съ земнымъ въ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе мы въ правѣ думать, что луна можетъ быть обитаема.

Однако, въ нашей системѣ существуютъ другія тѣла, представляющія гораздо ближайшее сходство съ землею: они снабжены атмосферой, облаками и, слѣдовательно, водой (или какою-либо подобною ей жидкостью) и даже представляютъ сильные признаки снѣговъ въ своихъ полярныхъ областяхъ; хотя на этихъ планетахъ холодъ или жаръ, вообще, рѣзко отличаются отъ нашихъ, но, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ частяхъ, они, можетъ быть, не сильнѣе, чѣмъ въ извѣстныхъ обитаемыхъ странахъ на нашей планетѣ. Этимъ сходствамъ противостоятъ обнаруженныя различія, состоящія преимущественно въ среднемъ количествѣ свѣта и теплоты, быстротѣ вращенія, плотности вещества, силѣ тяготѣнія и въ подобныхъ второстепенныхъ обстоятельствахъ. И потому, относительно этихъ планетъ, доказательство аналогіей явно клонится въ пользу того, что онѣ сходны съ землею во всѣхъ производныхъ свойствахъ, каково и свойство обитаемости. Но вспомнивъ, какъ безчисленны въ нихъ свойства, которыхъ мы совершенно не знаемъ, сравнительно съ немногими извѣстными, мы можемъ придавать лишь ничтожный вѣсъ всѣмъ соображеніямъ о сходствѣ, въ которыхъ извѣстныя начала находятся въ такой незначительной пропорціи къ неизвѣстнымъ.

Кромѣ соперничества между аналогіей и различіемъ, можетъ еще быть соперничество сталкивающихся аналогій. Нѣсколькими своими обстоятельствами новый случай можетъ быть подобенъ случаямъ, въ которыхъ фактъ *m* существуетъ, а другими—случаямъ, въ которыхъ фактъ этотъ, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣкоторыя свойства амбры общи ей съ растительными продуктами, а другія — съ минеральными. Картина неизвѣстнаго происхожденія можетъ походить, нѣкоторыми своими особенностями, на извѣстныя произведенія одного какого-либо мастера, а другими особенностями такъ же поразительно походитъ на произведенія другаго живописца. Ваза можетъ представлять, отчасти, аналогію съ произведеніями греческаго искусства, а отчасти съ произведеніями этрусковъ или египтянъ. При этомъ мы, конечно, предполагаемъ, что ваза не обладаетъ ни однимъ качествомъ, въ которомъ достаточное наведеніе доказало несомнѣнный признакъ того или другаго искусства.

§ 3. Итакъ, вѣсъ аналогическаго довода, заключающаго объ одномъ сходствѣ по другимъ сходствамъ, безъ всякаго предшествующаго доказательства связи между ними, зависитъ отъ объема обнаруженнаго

сходства, въ сравненіи, во-первыхъ, съ суммою обнаруженнаго различія и, во-вторыхъ, съ объемомъ неизслѣдованной области необнаруженныхъ свойствъ. Отсюда вытекаетъ, что гдѣ сходство очень велико, а обнаруженное различіе весьма мало и наше знаніе о предметѣ достаточно пространно, тамъ доказательство аналогіей можетъ, по силѣ, подойти весьма близко къ доказательному наведенію. Если, по долгомъ наблюденіи В, мы находимъ, что оно сходно съ А въ девяти изъ своихъ десяти извѣстныхъ свойствъ, то мы можемъ заключить съ вѣроятностью девяти противъ десяти, что В обладаетъ всякимъ даннымъ производнымъ свойствомъ А. Открывъ, напримѣръ, неизвѣстное животное или растеніе, въ бо́льшей части замѣчаемыхъ въ немъ свойствъ близко сходное съ извѣстнымъ, но отличающееся отъ него немногими свойствами, мы въ правѣ ожидать, что въ необнаруженномъ еще остаткѣ свойствъ найдемъ общее сходство со свойствами извѣстнаго намъ животнаго или растенія, но найдемъ и различіе, соотвѣтственно пропорціональное наблюденному уже различію.

Изъ этого слѣдуетъ, что заключенія по аналогіи имѣютъ значительный вѣсъ лишь тогда, когда случай, къ которому мы направляемъ наше умозаключеніе, есть случай смежный: не по времени или мѣсту, какъ прежде, а по обстоятельствамъ. Когда дѣйствія производятся причинами, или несовершенно извѣстными, или вовсе неизвѣстными, когда, слѣдовательно, замѣченный порядокъ ихъ наступленія равняется лишь эмпирическому закону, — тогда часто случается, что условія, сосуществовавшія при всякомъ замѣченномъ наступленіи дѣйствія, были очень многочисленны. И если представляется новый случай, въ которомъ существуетъ не совокупность этихъ условій, а подавляющее большинство ихъ, и не достаетъ только одного условія или немногихъ, то возможно заключеніе, что дѣйствіе наступитъ, не смотря на упомянутый недостатокъ полнаго сходства со случаями, въ которыхъ оно было наблюдаемо; и заключеніе это, хотя по природѣ своей и аналогичное, будетъ обладать высокой степенью вѣроятности. Едвали нужно прибавлять, что какъ бы значительна ни была эта вѣроятность, ни одинъ компетентный естествоиспытатель не удовольствуется ею, когда достижимо полное наведеніе, но будетъ видѣть въ аналогіи только указаніе, въ какомъ направленіи должно производить болѣе строгія изысканія.

Соображенія, основанныя на аналогіи, имѣютъ высшее научное значеніе именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Доказательсто по аналогіи само по себѣ обладаетъ высокою степенью вѣроятности только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сходство весьма близко и объемисто; но нѣтъ аналогіи, самой слабой, которая не могла бы быть въ высшей степени полезна указаніемъ опытовъ или наблюденій, способныхъ привести къ болѣе положительнымъ заключеніямъ. Когда дѣятели и ихъ дѣйствія недоступны дальнѣйшему наблюденію и опыту, какъ въ упомянутыхъ уже умозрѣніяхъ относительно луны и планетъ, то такія слабыя вѣроятности суть не болѣе, какъ интересный предметъ для пріятнаго упражненія фантазіи. Но всякая догадка, самая слабая, которая побуждаетъ проницательнаго человѣка къ опыту или представляетъ основаніе произвести одинъ опытъ предпочтительно предъ другимъ, можетъ оказать величайшую услугу наукѣ.

И потому, хотя я не могу принять за положительныя ученія ни одной изъ тѣхъ научныхъ гипотезъ, которыя не допускаютъ конечнаго испытанія ихъ дѣйствительнымъ наведеніемъ, — напримѣръ двухъ теорій свѣта: теоріи истеченія, существовавшей въ послѣднее столѣтіе, и теоріи волнообразнаго движенія, господствующей въ нынѣшнемъ,—однако не могу согласиться съ людьми, которые признаютъ такія гипотезы достойными полнаго пренебреженія. Согласно удачному выраженію Гертли (который сходится въ этомъ съ Дегальдъ Стьюартомъ, мыслителемъ, столь діаметрально противоположнымъ его мнѣніямъ), всякая гипотеза, настолько правдоподобная, что она объясняетъ значительное число фактовъ, помогаетъ намъ разбирать эти факты въ надлежащемъ порядкѣ, открывать новые и производить experimenta crucis (повѣрочные или перекрестные опыты) для будущихъ изслѣдователей» *). Если гипотеза и объясняетъ факты извѣстные, и привела къ предсказанію другихъ, бывшихъ неизвѣстными и съ тѣхъ поръ провѣренныхъ опытомъ, то законы изслѣдуемаго явленія должны быть, по крайней мѣрѣ, весьма подобны законамъ того класса явленій, которому гипотеза уподобляетъ предметъ изслѣдованія. А какъ аналогія, простирающаяся такъ далеко, можетъ, вѣроятно, простираться и дальше, то ничто не наведетъ ско-

*) Hartly, *Observations on Man*, vol. I, p. 16. Въ Пристлеевомъ сокращенномъ изданіи мѣсто это опущено.

рѣе на опыты, способные бросить свѣтъ на дѣйствительныя свойства явленія, чѣмъ слѣдованье такой гипотезѣ. Но для этой цѣли отнюдь не необходимо, чтобы гипотезу ошибочно приняли за научную истину. Напротивъ, приведенное обольщеніе, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, мѣшаетъ успѣхамъ настоящаго знанія; оно даетъ изслѣдователямъ поводъ произвольно ограничиваться особою гипотезою, пользующеюся въ ихъ время наибольшимъ авторитетомъ, вмѣсто того, чтобы искать всякій разъ явленій, аналогичныхъ данному явленію по своимъ законамъ, и производить всѣ опыты, способные открыть дальнѣйшія аналогіи, указывающія путь по тому же направленію.

ГЛАВА XXI.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВѢ ЗАКОНА ВСЕОБЩЕЙ СВЯЗИ ПРИЧИНЫ СО СЛѢДСТВІЕМЪ.

§ 1. Мы окончили теперь нашъ обзоръ логическихъ процессовъ, при помощи которыхъ познаются или провѣряются законы или единообразія въ послѣдовательностяхъ явленій, а также единообразія въ сосуществованіи явленій, зависящія отъ законовъ ихъ послѣдовательности. Какъ мы признали въ началѣ и еще яснѣе могли видѣть при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, основаніемъ всѣмъ этимъ логическимъ процессамъ служитъ законъ связи причины со слѣдствіемъ. Сила всѣхъ индуктивныхъ методовъ зависитъ отъ предположенія, что каждое событіе или начало каждаго явленія должны быть производимы какою-либо причиной, какимъ-либо предшествовавшимъ фактомъ, за существованіемъ котораго они неизмѣнно и безусловно слѣдуютъ. Въ методѣ совпаденія это очевидно, такъ какъ онъ, безспорно, опирается на предположеніе, что мы нашли истинную причину, какъ только доказали невозможность всякой другой. Приведенное выше положеніе одинаково вѣрно и относительно метода различія. Этотъ методъ даетъ намъ право вывести общій законъ изъ двухъ случаевъ: одного, когда A существуетъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ обстоятельствъ, и B есть слѣдствіе, и другаго, когда, устраняя A и оставляя всѣ другія обстоятельства неизмѣнными, мы

предупреждаемъ В. Что же, однако, этимъ доказывается? Этимъ доказывается, что В, въ данномъ случаѣ, не могло имѣть иной причины, кромѣ А. Но заключить изъ этого, что А было причиною, или что и въ другихъ случаяхъ за А послѣдуетъ В, дозволено лишь на основаніи предположенія, что В должно имѣть какую-либо причину; что между фактами, предшествующими В въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его наступленія, долженъ быть одинъ, способный произвести В и въ другое время. Допустивъ это, мы видимъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ предшествующимъ фактомъ не можетъ быть никакой другой, кромѣ А; но что если предшествующимъ фактомъ не можетъ быть иной, то имъ долженъ быть А, не доказано, по крайней мѣрѣ этими случаями, а принимается за данное. Незачѣмъ тратить времени на доказательство, что то же самое истинно относительно другихъ индуктивныхъ методовъ. Во всѣхъ этихъ методахъ предполагается всеобщность закона связи причины со слѣдствіемъ.

Но чѣмъ оправдывается это предположеніе? Можно сказать несомнѣнно, что *большинство* явленій связаны, какъ дѣйствія, съ какимъ-либо предшествующимъ явленіемъ или съ причиной, т. е. не производятся никогда безъ того, чтобы имъ не предшествовалъ какой-либо фактъ, который можно указать. Но уже встрѣчающаяся иногда нужда въ сложныхъ процессахъ наведенія показываетъ, что существуютъ случаи, въ которыхъ этотъ постоянный порядокъ послѣдовательности не очевиденъ нашему прямому пониманію. А если процессы, вводящіе эти случаи въ одну категорію съ остальными, требуютъ, чтобъ мы предположили всеобщность того самаго закона, которому эти случаи, на первый взглядъ, не служатъ примѣрами, то не есть ли это *petitio principii* (предварительная ссылка на доказываемый принципъ)? Можемъ ли мы доказывать предложеніе доводами, принимающими его за признанное? А если предложеніе не доказано этимъ путемъ, то на какомъ же доказательствѣ оно основывается?

Это затрудненіе, которое я намѣренно изложилъ въ возможно-рѣзкихъ выраженіяхъ, школа метафизиковъ, долго господствовавшая въ нашемъ отечествѣ, встрѣчаетъ готовой уверткой. Метафизики эти утверждаютъ, что всеобщность связи причины со слѣдствіемъ есть истина, въ которую мы вѣримъ поневолѣ; что вѣра въ нее есть инстинктъ, одинъ

изъ законовъ нашей способности вѣрить. Въ доказательство этого, за неимѣніемъ ничего иного, они говорятъ, что всякій *вѣритъ* въ упомянутую истину, и они причисляютъ ее къ предложеніямъ, по ихъ каталогу довольно многочисленнымъ, которыя могутъ быть логически оспариваемы и, пожалуй, не могутъ быть логически доказаны, но облечены высшимъ противъ логики авторитетомъ и дотого присущи человѣческому духу, что даже люди, отрицающіе ихъ въ теоріи, всѣми своими дѣйствіями показываютъ, что ихъ доводы не производятъ впечатлѣнія на нихъ самихъ.

Распространяться о значеніи этого вопроса, какъ психологическаго, чуждо моей цѣли. Но я долженъ протестовать противъ утвержденія, что истинность факта внѣшней природы доказывается склонностью человѣческаго духа вѣрить въ этомъ фактъ,—долженъ протестовать, какъ бы сильна или обща ни была эта склонность. Вѣра не доказательство и не избавляетъ отъ необходимости доказательства. Я знаю, что требовать доказательства предложенія, о которомъ предполагается, что мы вѣримъ въ него инстинктивно, значитъ подвергать себя обвиненію въ отрицаніи авторитета человѣческихъ способностей,—въ отрицаніи, на которое, конечно, нельзя рѣшиться, не отказываясь отъ послѣдовательности, потому что только человѣческими способностями каждый и можетъ судить. А такъ какъ подъ смысломъ слова «доказательство» предполагается нѣчто такое, что, будучи предъявлено уму, побуждаетъ его вѣрить, то въ требованіи доказательства, когда вѣра укрѣплена законами самого ума, предполагается воззваніе къ уму противъ ума. Но это, какъ я думаю, есть ложное пониманіе природы доказательства. Подъ доказательствомъ не разумѣются всѣ и всякія вещи, порождающія вѣру. Есть много вещей, порождающихъ вѣру помимо доказательства. Часто одна сильная ассоціація идей порождаетъ вѣру столь упорную, что ее не поколеблютъ ни опытъ, ни доводъ. Доказательство есть не то, чему умъ подчиняется или не можетъ не подчиниться, а то, чему онъ долженъ бы былъ подчиниться: то, при подчиненіи чему вѣра его остается согласною съ фактомъ. На человѣческія способности, вообще, аппеляціи нѣтъ; но есть аппеляція отъ одной способности къ другой: отъ способности судить къ способностямъ внѣшнихъ чувствъ и сознанія. Законность этой аппеляціи признается всякій разъ, когда допускается, что сужденія наши должны

быть согласны съ фактами. Сказать, что вѣры достаточно для оправданія самой вѣры, значитъ отрицать существованіе всякаго внѣшняго мѣрила, соотвѣтствіе которому составляло бы истинность мнѣнія. Одинъ способъ образованія мнѣній мы называемъ вѣрнымъ, другой ложнымъ, потому что одинъ стремится, а другой не стремится къ согласованію мнѣнія съ фактомъ, къ тому, чтобы люди вѣрили дѣйствительно существующему и ожидали дѣйствительно предстоящее. А одна склонность вѣрить, если и предположить ее инстинктивною, не доказываетъ еще истинности того, чему вѣрятъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы вѣра когда-либо равнялась непреодолимой необходимости, то аппелировать на нее было бы *безполезно*, потому что не было бы возможности ее измѣнить. Но и изъ этого не вытекала бы истинность вѣры; вытекало бы только то, что человѣчество подчинено постоянной необходимости вѣрить тому, что можетъ и не быть истиннымъ; другими словами, что можетъ наступить случай, въ которомъ наши внѣшнія чувства или сознаніе, еслибъ можно было воззвать къ нимъ, удостовѣряли бы въ одномъ, а разумъ вѣрилъ бы другому. Но на дѣлѣ такой постоянной необходимости нѣтъ. Нѣтъ предложенія, о которомъ можно бы было утверждать, что человѣческій умъ долженъ вѣрить въ него вѣчно и безвозвратно. Многія изъ предложеній, о которыхъ это утверждается съ наибольшею увѣренностью, во множествѣ людей вызывали невѣріе. Вещи, о которыхъ предполагалось, что никто не можетъ въ нихъ не вѣрить, безчисленны; однако, нѣтъ двухъ поколѣній, которыя составили бы имъ одинъ и тотъ же списокъ. Одинъ вѣкъ или народъ безусловно вѣритъ тому, что другому кажется невѣроятнымъ и немыслимымъ; въ одномъ лицѣ нѣтъ и слѣда вѣрованія, которое другой считаетъ безусловно присущимъ человѣчеству. Въ числѣ этихъ вѣрованій, предполагаемыхъ инстинктивными, нѣтъ ни одного дѣйствительно неизбѣжнаго. Каждый властенъ развить въ себѣ привычки мышленія, которыя сдѣлаютъ его независимымъ отъ этихъ вѣрованій. Привычка къ философскому анализу (самое вѣрное дѣйствіе которой состоитъ въ томъ, что она даетъ духу способность подчинять себѣ законы чисто-страдательной части его собственной природы, вмѣсто того, чтобы подчиняться имъ) — привычка эта показываетъ намъ, что вещи не необходимо связаны на дѣлѣ, когда идеи о нихъ связаны въ нашемъ духѣ; тѣмъ самымъ она способна развязать

безчисленныя ассоціаціи, деспотически господствующія надъ умомъ, не упражнявшимся или рано зараженномъ предразсудками. И привычка эта не безсильна даже надъ тѣми ассоціаціями, которыя упомянутая мною школа считаетъ прирожденными и инстинктивными. Я убѣжденъ, что всякому, кто привыкъ къ отвлеченію и анализу, захочетъ честно упражнять свои способности для предположенной цѣли и пріучитъ свое воображеніе создавать нужное представленіе, — будетъ не трудно представить себѣ, напримѣръ, что въ одной изъ многихъ сферъ, на которыя звѣздная астрономія дѣлитъ теперь вселенную, событія могутъ слѣдовать одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона. Ни въ нашей опытности, ни въ нашей духовной природѣ ничто не представляетъ достаточной или хоть какой-либо причины вѣрить, чтобъ нигдѣ этого не было.

Предположимъ (и это вполнѣ возможно вообразить), что настоящій порядокъ вселенной окончился и что наступилъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ опредѣленной послѣдовательности событій и прошедшее не ручается за будущее. Еслибъ какой-либо человѣкъ, чудомъ, остался живъ и былъ свидѣтелемъ этой перемѣны, то, навѣрно, скоро пересталъ бы вѣрить въ какое бы то ни было единообразіе, такъ какъ самое единообразіе перестало бы существовать. Если это будетъ допущено, то или вѣра въ единообразіе не инстинктъ, или она такой инстинктъ, который, подобно всѣмъ прочимъ инстинктамъ, можетъ быть побѣжденъ пріобрѣтеннымъ знаніемъ.

Но безполезно разсуждать о томъ, что могло бы быть, когда мы положительно и достовѣрно знаемъ, что было. Фактически невѣрно, будто человѣчество всегда вѣрило, что всѣ послѣдовательности событій единообразны и происходятъ по опредѣленнымъ законамъ. Греческіе философы, не исключая даже Аристотеля, признавали между дѣятелями природы случай и самодѣятельность (τύχη и τὸ αὐτόματον); другими словами, они вѣрили, что въ этомъ отношеніи ничто не ручается за подобіе прошедшаго самому себѣ или за сходство будущаго съ прошедшимъ. Даже въ настоящее время цѣлая половина философовъ, въ томъ числѣ и тѣ самые метафизики, которые наиболѣе стоятъ за инстинктивный характеръ вѣры въ единообразіе, считаютъ одинъ важ-

ный отдѣлъ явленій, котѣнія, за исключеніе изъ единообразія, не управляемое опредѣленнымъ закономъ *).

§ 2. Какъ было сказано нами выше **), самая вѣра во всеобщность, по всей природѣ, закона связи причины со слѣдствіемъ есть примѣръ наведенія, и отнюдь не одно изъ самыхъ раннихъ наведеній, какія могъ построить кто-либо изъ насъ или родъ человѣческій вообще. Мы приходимъ къ этому всеобщему закону путемъ обобщенія отъ многихъ законовъ, менѣе общихъ. Мы никогда не имѣли бы понятія о связи при-

*) Радуюсь случаю привести слѣдующее прекрасное мѣсто изъ сочиненія Бэденъ-Поувля: «Essay on the Inductive Philosophy», въ подтвержденіе выставленныхъ въ текстѣ положеній, какъ въ историческомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ. Говоря объ «убѣжденіи во всеобщемъ и постоянномъ единообразіи природы», Поуэль выражается такъ (стр. 98 — 100):

«Мы можемъ замѣтить, что идея эта, въ объемѣ, ей свойственномъ, отнюдь не принята большинствомъ и не разнимается естественнымъ путемъ. Каждый доходитъ до подобнаго убѣжденія лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ своего ежедневнаго опыта: въ этихъ предѣлахъ онъ, повидимому, убѣждается, что происходящее вокругъ него въ настоящемъ, въ узкой сферѣ его наблюденій, продолжится такимъ же образомъ и въ будущемъ. Крестьянинъ вѣритъ, что солнце, взошедшее сегодня, взойдетъ и завтра, что и въ этомъ году за посѣвомъ послѣдуетъ въ надлежащее время жатва, какъ было это въ прошедшемъ году, и т. д.; но онъ не имѣетъ понятія о такихъ заключеніяхъ относительно предметовъ, не входящихъ въ кругъ его непосредственнаго наблюденія. И слѣдуетъ замѣтить, что каждое сословіе, допуская это вѣрованіе въ ограниченной сферѣ собственныхъ наблюденій, но сомнѣваясь въ немъ и отрицая его во всемъ за предѣлами этой сферы, на дѣлѣ безсознательно свидѣтельствуетъ въ пользу истинности вѣрованія. И такіе предѣлы истинѣ ставятся не только наиболѣе неѣжественными людьми. Существуетъ весьма общая склонность вѣрить, что все, стоящее внѣ обыкновеннаго опыта или спеціально опредѣленныхъ законовъ природы, подпадаетъ власти случая или судьбы или произвольнаго вмѣшательства; общая даже склонность возражать противъ всякой попытки объяснить явленіе физическими силами, какъ скоро догадка касается явленія, повидимому, необъяснимаго.

«Самое ученіе относительно *обобщенія (generalisation)* этой идеи о единообразіи природы такъ мало очевидно, естественно или непосредственно, что вполнѣ недоступно разумѣнію большинства. Во всемъ объемѣ своей всеобщности идея эта характеризуетъ философа. Она, очевидно, результатъ философскаго образованія и занятія и отнюдь не самобытный плодъ какого-либо нореннаго принципа, естественно присущаго духу, какъ, повидимому, нѣкоторые думаютъ. Это не неопредѣленное убѣжденіе, принятое необдуманно, какъ общее предубѣжденіе, къ которому мы всегда привычны; напротивъ, всѣ общіе предразсудки и ассоціаціи идей его не допускаютъ. Идея эта по преимуществу *усвоенная (an acquired idea)*. Она усвоена не безъ глубокаго изученія и размышленія. Наиболѣе свѣдущимъ философомъ оказывается человѣкъ, который твердо вѣритъ ей, даже вопреки общепринятымъ понятіямъ: вѣра его зависитъ отъ пространства и глубины его индуктивныхъ размышленій.

**) См. кн. III, гл. III, § 1

чины со слѣдствіемъ (въ философскомъ смыслѣ термина), какъ объ условіи всѣхъ явленій, еслибъ заранѣе не стали намъ обыденными многіе случаи этой связи, или, другими словами, многія частныя единообразія послѣдовательности. Самыя очевидныя изъ частныхъ единообразій наводятъ на общее единообразіе и свидѣтельствуютъ о немъ, а общее единообразіе, однажды признанное, даетъ намъ возможность доказать и прочія входящія въ него частныя единообразія. Однако, такъ какъ всѣ строгіе процессы наведенія предполагаютъ общее единообразіе, то наше знаніе частныхъ единообразій, изъ которыхъ мы впервые заключили объ общемъ, вытекало, конечно, не изъ строгаго наведенія, а изъ слабаго и ненадежнаго способа наведенія *per enumerationem simplicem* (посредствомъ простаго перечисленія); и законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, собранный изъ добытыхъ такимъ образомъ результатовъ, и самъ не можетъ опираться на лучшее основаніе.

Поэтому, казалось бы, что наведеніе *per enumerationem simplicem* не есть непремѣнно недозволенный логическій процессъ, а есть, на дѣлѣ, единственный возможный родъ наведенія, такъ какъ доказательность болѣе выработаннаго процесса зависитъ отъ закона, который самъ получается этимъ безъискусственнымъ способомъ. Не непослѣдовательно ли, послѣ этого, противопоставлять слабость одного метода строгости другаго, когда этотъ послѣдній обязанъ неудовлетворительному методу своимъ основаніемъ?

Однако, непослѣдовательность только кажущаяся. Конечно, еслибъ наведеніе при помощи простаго перечисленія было процессомъ незаконнымъ, то никакой основанный на немъ процессъ не могъ бы быть законнымъ, точно такъ же, какъ нельзя бы было полагаться на телескопы, еслибъ мы не могли довѣрять нашимъ глазамъ. Но процессъ этотъ, хотя и законенъ, однако погрѣшителенъ, и въ весьма различныхъ степеняхъ; поэтому, если мы можемъ замѣнить болѣе погрѣшительныя формы процесса отправленіемъ, основаннымъ на томъ же самомъ процессѣ въ менѣе погрѣшительной формѣ, то сдѣлаемъ весьма существенное усовершенствованіе. А это-то и исполняется научнымъ наведеніемъ.

Способъ заключать изъ опыта долженъ быть признанъ незаслуживающимъ довѣрія, если послѣдующій опытъ отказывается подтвердить заключеніе. По этому критеріуму (мѣрилу), наведеніе при помощи про-

стаго перечисленія — другими словами, обобщеніе наблюденнаго факта въ силу одного лишь отсутствія всякаго извѣстнаго примѣра противоположнаго явленія — представляетъ вообще шаткое и ненадежное основаніе увѣренности, потому что дальнѣйшій опытъ безпрестанно открываетъ ложность такихъ обобщеній. Тѣмъ не менѣе наведеніе представляетъ нѣкоторое ручательство, во многихъ случаяхъ достаточное для руководства въ жизни. Нелѣпо было бы утверждать, что обобщенія, достигнутыя человѣчествомъ въ началѣ его опытовъ, — напримѣръ, что пища питаетъ, огонь жжетъ, вода заливаетъ, — не заслуживаютъ довѣрія *). Результаты первобытнаго ненаучнаго наведенія различаются по степени достовѣрности, и на этомъ различіи (замѣченномъ въ четвертой главѣ этой книги) основываются правила для усовершенствованія процесса. Совершенствованіе состоитъ въ исправленіи одного изъ этихъ безъискусственныхъ обобщеній посредствомъ другаго. Вотъ, какъ уже сказано, все, что можетъ сдѣлать искусство. Повѣрить обобщеніе, указавъ, что оно или вытекаетъ изъ болѣе строгаго наведенія — обобщенія, опирающагося на болѣе широкій опытъ, — или противорѣчитъ ему: таковы начало и конецъ логики наведенія.

§ 3. Ненадежность метода простаго перечисленія обратно пропорціональна обширности обобщенія. Процессъ этотъ призраченъ и недостаточенъ въ той же мѣрѣ, въ какой наблюдаемый предметъ специа-

---

*) Стоитъ замѣтить, что эти раннія обобщенія не предполагали связи причины со слѣдствіемъ, подобно научнымъ наведеніямъ. Предположеніе ихъ состояло въ *единообразіи* естественныхъ фактовъ. Но наблюдатели были одинаково готовы предполагать единообразіе какъ въ сосуществованіяхъ фактовъ, такъ и въ послѣдовательностяхъ. Съ другой стороны, они никогда не думали принимать, что это единообразіе есть правило, проникающее всю природу: обобщенія ихъ заключали не тотъ смыслъ, что единообразіе есть во всемъ, а лишь то, что насколько единообразіе существуетъ въ предѣлахъ ихъ наблюденія, настолько оно существуетъ и за этими предѣлами. Для основательности наведенія «огонь жжетъ» не требуется, чтобъ во всей природѣ дѣйствовали единообразные законы, а только, чтобъ было единообразіе въ одномъ особомъ отдѣлѣ естественныхъ явленій: дѣйствіяхъ огня на внѣшнія чувства и на горючія вещества. А въ этихъ предѣлахъ единообразіе было не предположено до опыта, а доказано опытомъ. Тѣ же наблюденные случаи, которые доказали болѣе узкую истину, доказали соотвѣтствующую часть истины болѣе пространной. Упустивъ изъ виду этотъ фактъ и считая законъ связи причины со слѣдствіемъ, въ полномъ объемѣ, необходимо предполагавшимся въ самыхъ раннихъ обобщеніяхъ, нѣкоторыя лица пришли къ убѣжденію, что законъ этотъ извѣстенъ *a priori* и не есть, самъ, заключеніе изъ опыта.

ленъ и ограниченъ въ объемѣ. Съ расширеніемъ области, этотъ ненаучный методъ менѣе и менѣе подверженъ ошибкѣ; и самый всеобщій родъ истинъ, напримѣръ, законъ связи причины со слѣдствіемъ и основанія науки чиселъ и геометріи, вѣрно и удовлетворительно доказываются однимъ этимъ методомъ и не допускаютъ инаго доказательства.

Относительно всего разсмотрѣннаго нами отдѣла обобщеній (единообразій, зависящихъ отъ связи причины со слѣдствіемъ), истина только что сдѣланнаго нами замѣчанія вытекаетъ, какъ очевидное заключеніе, изъ правилъ, изложенныхъ нами въ предшествующихъ главахъ. Когда фактъ нѣсколько разъ оказывался истиннымъ, неизвѣстно ни одного случая, въ которомъ онъ оказался бы ложнымъ, и мы прямо утверждаемъ его какъ истину всеобщую или законъ природы, не провѣряя ни однимъ изъ четырехъ методовъ наведенія и не выводя изъ другихъ извѣстныхъ законовъ, то мы, обыкновенно, грубо ошибемся. Но мы въ полномъ правѣ утверждать этотъ фактъ, какъ эмпирическій законъ, истинный въ извѣстныхъ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, лишь бы число совпаденій было бо́льшее, чѣмъ какое можно, съ нѣкоторою вѣроятностью, приписать случайности. Распространить эмпирическій законъ за означенные предѣлы нельзя потому, что истинность его внутри этихъ предѣловъ можетъ или быть слѣдствіемъ распредѣленій, изъ существованія которыхъ въ одномъ мѣстѣ нельзя заключить о существованіи ихъ въ другомъ, или можетъ зависѣть отъ случайнаго отсутствія противодѣйствующихъ вліяній, которыя могутъ быть введены въ дѣло какимъ-либо измѣненіемъ во времени или малѣйшею перемѣною въ обстоятельствахъ. Если же мы предположимъ предметъ какого-либо обобщенія дотого распространеннымъ, что нѣтъ ни времени, ни мѣста, ни сочетанія обстоятельствъ, которыя бы не представляли примѣра либо истинности, либо ложности обобщенія, и еслибы оно всегда оказывалось истиннымъ, то истинность его можетъ зависѣть только отъ распредѣленій, существующихъ всегда и вездѣ, и подорвано оно можетъ быть только противодѣйствіями, никогда на дѣлѣ не встрѣчающимися. Мы получаемъ эмпирическій законъ одного объема со всѣмъ человѣческимъ опытомъ, а при этомъ условіи различіе между эмпирическими законами и законами природы исчезаетъ, и предложеніе становится въ рядъ съ самыми незыблемыми и широкими истинами, какія только доступны наукѣ.

Но изъ всѣхъ обобщеній, оправдываемыхъ опытомъ и касающихся послѣдовательностей и сосуществованій явленій, наиболѣе пространенъ по своему предмету законъ связи причины со слѣдствіемъ. По своей всеобщности и, слѣдовательно (если предшествующее разсужденіе правильно), по своей достовѣрности онъ стоитъ во главѣ всѣхъ замѣченныхъ единообразій. И если мы обратимъ вниманіе не на то, чему родъ человѣческій имѣлъ бы основаніе вѣрить въ дѣтствѣ своего знанія, а на то, чему онъ можетъ разумно вѣрить теперь, при бо́льшемъ развитіи, то мы признаемъ себя въ правѣ считать этотъ основной законъ, добытый наведеніемъ изъ частныхъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ, не менѣе достовѣрнымъ, а, напротивъ, болѣе вѣрнымъ, чѣмъ каждый изъ законовъ, изъ которыхъ онъ былъ выведенъ. Онъ придаетъ имъ столько же доказательности, сколько получаетъ отъ нихъ. Вѣроятно, нѣтъ ни одного закона связи причины со слѣдствіемъ, даже изъ признаваемыхъ за самые несомнѣнные, который не встрѣчалъ бы иногда противодѣйствія и, вслѣдствіе этого, не представлялъ бы кажущихся исключеній. Они необходимо и справедливо поколебали бы вѣру человѣчества во всеобщность этихъ законовъ, еслибъ основанные на всеобщемъ законѣ индуктивные процессы не давали намъ права приписать исключенія вліянію противодѣйствующихъ причинъ и тѣмъ согласить эти исключенія съ закономъ, которому они, повидимому, противорѣчатъ. Кромѣ того, въ изложеніи каждаго изъ спеціальныхъ законовъ могли вкрасться и ошибки, по невниманію къ какому-либо существенному обстоятельству, и вмѣсто истиннаго предложенія могло быть высказано другое, ложное, въ качествѣ всеобщаго закона, хотя и приводящее къ тому же результату во всѣхъ случаяхъ, донынѣ подвергавшихся наблюденію. Напротивъ, для закона связи причины со слѣдствіемъ мы не только не знаемъ ни одного исключенія, но исключенія, ограничивающія или, повидимому, подрывающія спеціальные законы, такъ далеки отъ противорѣчія всеобщему закону, что подтверждаютъ его: во всѣхъ случаяхъ, достаточно доступныхъ нашему наблюденію, мы имѣемъ возможность свести отклоненіе результата или на отсутствіе причины, которая дѣйствовала въ обыкновенныхъ случахъ, или на присутствіе причины, которой не было.

Ставъ достовѣрнымъ, законъ причины и слѣдствія способенъ сообщить

свою достовѣрность всѣмъ другимъ индуктивнымъ предложеніямъ, которыя могутъ быть изъ него выведены. И болѣе тѣсныя наведенія можно считать за зиждущіяся въ своемъ основаніи на этомъ законѣ, такъ какъ между такими наведеніями нѣтъ ни одного, которое не становилось бы достовѣрнѣйшимъ, коль скоро мы въ состояніи связать его съ упомянутымъ болѣе широкимъ наведеніемъ и показать невозможность отринуть болѣе тѣсное наведеніе, не отказавшись одновременно отъ закона, что всему начавшему существовать есть причина. Сказанное оправдываетъ насъ въ кажущейся непослѣдовательности: что мы считаемъ наведеніе при помощи простаго перечисленія достаточнымъ для доказательства упомянутой общей истины, служащей основаніемъ научному наведенію, и, однако, отказываемся положиться на простое перечисленіе при доказательствѣ котораго-нибудь изъ болѣе узкихъ наведеній. Я вполнѣ допускаю, что и при неизвѣстности закона связи причины со слѣдствіемъ возможно обобщеніе въ самыхъ очевидныхъ случаяхъ единообразія явленій; и хотя во всѣхъ случаяхъ оно было бы болѣе или менѣе шатко, а въ нѣкоторыхъ чрезвычайно ненадежно, однако оно было бы достаточно для образованія извѣстной степени вѣроятія. Но какъ велика была бы эта вѣроятность, намъ незачѣмъ и оцѣнивать, такъ какъ она никогда не сравнялась бы со степенью достовѣрности, какую пріобрѣло бы предложеніе, когда, по примѣненіи къ нему четырехъ методовъ, предположеніе объ его ложности оказалось бы несовмѣстнымъ съ закономъ связи причины со слѣдствіемъ. Итакъ, логика даетъ намъ право, а требованія научнаго наведенія заставляютъ насъ пренебрегать вѣроятностями, полученными при помощи ранняго, грубаго метода обобщенія, и считать всякое низшее обобщеніе доказаннымъ лишь въ мѣрѣ подтвержденія его закономъ связи причины со слѣдствіемъ и вѣроятнымъ лишь настолько, насколько разумно ожиданіе, что обобщеніе будетъ имъ подтверждено.

§ 4. Изложенныя соображенія, кажется, достаточны для оправданія научнаго метода наведенія, противъ ненаучнаго, хотя научный, конечнымъ образомъ, опирается на ненаучный. Для опоры правилъ наведенія требуется лишь то, чтобы обобщеніе, дающее законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, было болѣе строгимъ и лучшимъ наведеніемъ, заслуживающимъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ которое-либо

изъ подчиненныхъ обобщеній. Но мы можемъ, я думаю, сдѣлать еще одинъ шагъ и признать достовѣрность этого великаго наведенія не только относительнымъ, а, для всѣхъ практическихъ цѣлей, безусловнымъ.

Доказательство закона единообразной послѣдовательности, какъ истиннаго относительно всѣхъ явленій безъ исключенія, почерпаетъ, мнѣ кажется, въ настоящее время этотъ характеръ полноты и доказательности изъ слѣдующихъ соображеній. Вопервыхъ, мы убѣдились теперь прямымъ путемъ въ истинности этого закона относительно огромнаго большинства явленій. Нѣтъ ни одного явленія, о которомъ мы знали бы, что въ примѣненіи къ нему законъ ложенъ; мы въ правѣ только сказать, что относительно нѣкоторыхъ явленій мы не можемъ утверждать истинности закона на основаніи прямаго доказательства. А между тѣмъ, явленіе за явленіемъ, по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ ними, постоянно переходятъ изъ послѣдняго отдѣла въ первый; и во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ этотъ переходъ еще не совершился, отсутствіе прямаго доказательства объясняется рѣдкостью и неясностью явленій, недостаточностью нашихъ средствъ наблюдать ихъ, или логическими затрудненіями, возникающими изъ запутанности обстоятельствъ, при которыхъ эти явленія происходятъ, такъ что, не смотря на такую же строгую зависимость ихъ отъ данныхъ условій, какая существуетъ относительно всякаго другаго явленія, не вѣроятно, чтобъ мы познакомились съ этими условіями ближе, чѣмъ теперь. Кромѣ этого перваго ряда соображеній, есть другой, который еще болѣе подтверждаетъ заключеніе. Хотя есть явленія, происхожденіе и измѣненія которыхъ ускользаютъ отъ всѣхъ нашихъ попытокъ подвести ихъ всѣ подъ какой-либо извѣстный законъ, однако, во всякомъ такомъ случаѣ, явленіе или участвующіе въ немъ предметы оказываются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ повинующимися извѣстнымъ законамъ природы. Вѣтеръ, напримѣръ, — типъ непостоянства и прихотливости — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ такимъ же постоянствомъ, какъ любое явленіе природы, повинуется закону стремленія жидкостей распредѣлиться такъ, чтобы уравнять давленіе на всѣ стороны каждой изъ своихъ частицъ. Это мы видимъ на пассатныхъ вѣтрахъ и на муссонахъ. О молніи можно было нѣкогда предполагать, что она не повинуется никакимъ законамъ; но съ тѣхъ поръ, какъ открыта тожественность ея съ электричествомъ,

мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ своихъ проявленій она безусловно повинуется дѣйствію опредѣленныхъ причинъ. Я не думаю, чтобы въ настоящее время, во всей нашей опытности относительно природы, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ солнечной системы, былъ хоть одинъ предметъ, или было одно событіе, относительно которыхъ или не было бы обнаружено прямымъ наблюденіемъ, что они слѣдуютъ нѣкоторымъ особеннымъ законамъ, или не было доказано, что они представляютъ близкое сходство съ предметами и событіями, которые, въ болѣе знакомыхъ намъ проявленіяхъ или въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, повинуются строгимъ законамъ. Наша неспособность прослѣдить тѣ же законы въ болѣе широкомъ размѣрѣ или болѣе сокровенныхъ случаяхъ объясняется числомъ и смѣшеніемъ видоизмѣняющихъ причинъ, или тѣмъ, что онѣ недоступны наблюденію.

Итакъ, увеличеніе опытности разсѣяло сомнѣніе, облекавшее всеобщность закона связи причины со слѣдствіемъ, пока существовали явленія, которыя казались явленіями особаго рода *(sui generis)*, не подверженными однимъ законамъ съ какимъ-либо другимъ родомъ явленій, и относительно которыхъ не было еще дознано, что они слѣдуютъ особымъ законамъ, имъ свойственнымъ. Однако, это великое обобщеніе, пока не было достаточныхъ основаній признать его за достовѣрное, могло быть разумно употребляемо, и дѣйствительно употреблялось, какъ вѣроятность высшаго порядка. Что оказалось истиннымъ въ безчисленныхъ случаяхъ и ни разу не оказывалось ложнымъ по надлежащемъ изслѣдованіи любаго изъ этихъ случаевъ, мы, не опасаясь, можемъ употреблять какъ всеобщій законъ, пока не встрѣтится несомнѣннаго исключенія, — лишь бы природа случая была такова, что дѣйствительное исключеніе едвали ускользнуло бы отъ нашего вниманія. Каждому явленію, которое когда-либо было намъ достаточно извѣстно для разрѣшенія вопроса объ его причинѣ, оказывалась и причина, съ которой явленіе это было неизмѣнно связано какъ слѣдствіе. Поэтому разумнѣе было предположить, что наша неспособность указать причины другихъ явленій проистекала изъ нашего незнанія, нежели думать, что существуютъ явленія безпричинныя, когда явленія эти были, случайно, именно тѣ, которыхъ мы до того времени не имѣли достаточной возможности изучать.

Одновременно слѣдуетъ замѣтить, что основанія этой вѣры теряютъ свою силу при обстоятельствахъ, намъ неизвѣстныхъ, и за предѣлами возможнаго для насъ опыта. Нелѣпо было бы утверждать, что разсматриваемый нами общій законъ или частные законы, которые мы нашли всеобще-дѣйствующими на нашей планетѣ, господствуютъ и въ отдаленныхъ частяхъ звѣзднаго пространства, гдѣ явленія могутъ быть совершенно несходны съ знакомыми намъ. Единообразіе въ послѣдовательности событій, иначе называемое закономъ связи причины со слѣдствіемъ, должно признавать закономъ не вселенной, а лишь той ея части, которая доступна нашимъ средствамъ точнаго наблюденія, — съ разсудительною степенью распространенія на случаи смежные. Простирать это единообразіе дальше значитъ строить бездоказательное предположеніе, и, за отсутствіемъ всякаго опытнаго основанія для измѣренія вѣроятности этого предположенія, мы тщетно пытались бы приписать ему какую-либо вѣроятность *).

---

*) Одинъ изъ наиболѣе возвышающихся французскихъ мыслителей новаго поколѣнія, Тэнъ (помѣстившій, въ *Revue des Deux Mondes*, рецензію на мое сочиненіе, самую искусную, по крайней мѣрѣ съ одной точки зрѣнія), отвергаетъ, правда, относительно этого и подобныхъ психологическихъ предметовъ, теорію непосредственнаго воспріятія въ ея обыкновенной формѣ, но тѣмъ не менѣе приписываетъ закону связи причины со слѣдствіями и нѣкоторымъ другимъ, самымъ всеобщимъ, законамъ ту достовѣрность за предѣлами человѣческаго опыта, которой я не могъ приписать и этимъ законамъ. Онъ дѣлаетъ это, ссылаясь на нашу способность къ отвлеченію и признавая въ ней, повидимому, независимый источникъ доказательства, не открывающій, правда, истинъ, не содержимыхъ нашимъ опытомъ, но придающій всеобщности содержимыхъ имъ истинъ такую достовѣрность, какой не можетъ придать опытъ. Отвлеченіемъ—думаетъ, повидимому, Тэнъ — мы можемъ не только анализировать видимую нами часть природы и представить отдѣльно проникающія ее начала, но и отличить тѣ изъ нихъ, которыя суть начала всего міроздвнія, какъ цѣлаго, а не подробности, принадлежащія нашей ограниченной земной опытности. Я не увѣренъ въ томъ, что вполнѣ понимаю Тэна; но, сознаюсь, я не вижу, какъ часто отвлеченное понятіе, почерпнутое нашимъ умомъ изъ опыта, можетъ служить доказательствомъ объективнаго факта во вселенной, превыше того, что обнаруживаетъ намъ самъ опытъ; не вижу, какъ процессъ толкованія, въ общихъ выраженіяхъ, свидѣтельства опыта, можетъ отбрасывать предѣлы самаго свидѣтельства.

ГЛАВА XXII.

ОБЪ ЕДИНООБРАЗІЯХЪ СОСУЩЕСТВОВАНІЯ, НЕ ЗАВИСЯЩИХЪ ОТЪ СВЯЗИ ПРИЧИНЫ СО СЛѢДСТВІЕМЪ.

§ 1. Наступленіе явленій во времени бываетъ или послѣдовательное, или одновременное, и потому единообразія, замѣчаемыя въ ихъ наступленіи, бываютъ или единообразія послѣдовательности, или единообразія сосуществованія. Всѣ единообразія послѣдовательности обнимаются закономъ связи причины со слѣдствіемъ и выводами изъ этого закона. У каждаго явленія есть причина, за которой оно неизмѣнно слѣдуетъ, и изъ этого вытекаютъ другія неизмѣнныя послѣдовательности въ преемственныхъ ступеняхъ того же самаго дѣйствія, равно какъ и между дѣйствіями, происходящими отъ причинъ, неизмѣнно слѣдующихъ одна за другою.

Такимъ же образомъ, вмѣстѣ съ этими производными единообразіями послѣдовательности, возникаетъ и множество различныхъ единообразій сосуществованія. Однорядныя дѣйствія той же причины, естественно, сосуществуютъ одно съ другимъ. Приливъ на какой-либо точкѣ земной поверхности и приливъ на точкѣ, діаметрально ей противоположной, суть дѣйствія, единообразно современныя, происходящія отъ направленія, въ которомъ соединенныя притяженія солнца и луны дѣйствуютъ на воды океана. Равнымъ образомъ, затмѣніе солнца, видимое намъ, и затмѣніе земли, которое было бы видимо зрителю, находящемуся на лунѣ, суть также явленія, неизмѣнно сосуществующія, и сосуществованіе ихъ одинаково можетъ быть выведено изъ законовъ ихъ происхожденія.

Изъ этого самъ собою возникаетъ вопросъ, нельзя ли объяснить такимъ образомъ всѣхъ единообразій сосуществованія явленій. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что сосуществованія явленій, которыя сами — дѣйствія, необходимо должны зависѣть отъ причинъ этихъ явленій. Если явленія, непосредственно или отдаленно, дѣйствія одной и той же причины, то они не могутъ сосуществовать иначе, какъ въ силу какихъ-либо законовъ или свойствъ этой причины; если они дѣйствія

различныхъ причинъ, то могутъ сосуществовать только потому, что сосуществуютъ ихъ причины; и единообразіе сосуществованія, если оно замѣтно между дѣйствіями, доказываетъ, что эти особыя причины, въ предѣлахъ нашего наблюденія, единообразно сосуществовали.

§ 2. Но эти же соображенія заставляютъ насъ признать, что долженъ быть родъ сосуществованій, который не можетъ зависѣть отъ связи причины со слѣдствіемъ: это — сосуществованія между первыми свойствами вещей, между тѣми свойствами, которыя суть причины всѣхъ явленій, но сами не произведены никакимъ другимъ явленіемъ, такъ что для отысканія имъ причины пришлось бы восходить до начала всѣхъ вещей. Однако, между этими первыми свойствами есть не только сосуществованія, но единообразія сосуществованія. Могутъ быть высказаны, да и высказываются, общія предложенія, утверждающія, что всякій разъ, какъ встрѣчаются нѣкоторыя свойства, вмѣстѣ съ ними оказываются и другія. Мы замѣчаемъ какой-либо предметъ, напр. воду. Мы узнаемъ ее какъ воду, — конечно, по нѣкоторымъ изъ ея свойствъ. Узнавъ ее, мы въ состояніи утверждать за ней множество другихъ свойствъ; а этого мы не могли бы сдѣлать, еслибъ не было общей истиной, закономъ или единообразіемъ природы, что съ рядомъ свойствъ, по которымъ мы узнали въ данномъ веществѣ воду, всегда соединены упомянутыя другія свойства.

Выше *) было довольно подробно объяснено, что̀ разумѣется подъ отдѣлами *(Kinds)* предметовъ, — подъ тѣми классами, которые различаются между собою не ограниченнымъ и опредѣленнымъ, а неограниченнымъ и неизвѣстнымъ числомъ признаковъ. Къ этому мы должны теперь прибавить, что каждое предложеніе, которымъ сказывается что-либо объ отдѣлѣ, утверждаетъ единообразіе сосуществованія. Такъ какъ мы не знаемъ объ отдѣлахъ ничего, кромѣ ихъ свойствъ, то отдѣлъ, для насъ, *есть* рядъ свойствъ, по которому мы его узнаемъ и который, конечно, долженъ быть достаточенъ для того, чтобы отличить этотъ отдѣлъ отъ всякаго другаго **). Итакъ, утверждая что-либо объ

*) Книга I, гл. VII.

**) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для отличенія отдѣла достаточно одного какого-либо замѣчательнаго свойства; но обыкновенно требуется нѣсколько свойствъ, такъ какъ каждое свойство, разсматриваемое отдѣльно, представляетъ общее свойство этого и

отдѣлѣ, мы утверждаемъ, что нѣчто единообразно сосуществуетъ со свойствами, служащими для признанія отдѣла. И это единственный смыслъ утвержденія.

Затѣмъ, ко встрѣчающимся въ природѣ единообразіямъ сосуществованія могутъ быть причислены всѣ свойства отдѣловъ. Однако, не всѣ они, а только нѣкоторыя изъ нихъ, независимы отъ связи причины со слѣдствіемъ. Нѣкоторыя — суть свойства коренныя, другія — производныя; нѣкоторымъ нельзя указать никакой причины, другія явно зависятъ отъ причинъ. Такъ, чистый атмосферный воздухъ есть отдѣлъ, и одно изъ его самыхъ несомнѣнныхъ свойствъ состоитъ въ газообразной формѣ; однако, причина этого свойства состоитъ въ присутствіи нѣкотораго количества скрытой теплоты, и еслибъ чистый атмосферный воздухъ можно было лишить этой теплоты (какъ въ опытахъ Фарадэ было дѣлаемо со столькими глазами), то газообразная форма воздуха, безъ сомнѣнія, исчезла бы, вмѣстѣ со многими другими свойствами, зависящими отъ нея или производимыми ею, какъ причиной.

Относительно всѣхъ веществъ, которыя суть химическія соединенія и потому могутъ быть разсматриваемы какъ продукты сближенія веществъ, которыя сами различны, по отдѣлу, отъ самихъ соединеній, есть значительное основаніе предполагать, что специфическія свойства соединенія вытекаютъ, какъ дѣйствія, изъ нѣкоторыхъ свойствъ началъ, хотя до сихъ поръ не удалось открыть неизмѣнное соотношеніе между первыми и послѣдними свойствами. Еще сильнѣе будетъ подобное предположеніе, когда самый предметъ, какъ это мы видимъ въ организованныхъ существахъ, есть не первый дѣятель, а дѣйствіе, самое существованіе котораго зависитъ отъ причины или причинъ. И потому, отдѣлы, называемые въ химіи тѣлами простыми, или начальными естественными дѣятелями, суть единственные, каждое свойство которыхъ можетъ навѣрное считаться кореннымъ. А коренныя свойства

другихъ отдѣловъ. Цвѣтъ и блескъ алмаза принадлежатъ и ему, и той массѣ, изъ которой дѣлаютъ фальшивые алмазы; форма октаэдра обща ему съ квасцами и магнитнымъ желѣзнякомъ; но цвѣтъ, блескъ и форма въ совокупности отличаютъ отдѣлъ алмаза, т. е. служатъ намъ признакомъ, что алмазъ горючъ, что, гора, онъ даетъ углекислоту, что онъ не рѣжется ни однимъ извѣстнымъ веществомъ, — и, въ то же время, признакомъ многихъ другихъ извѣстныхъ свойствъ и того факта, что существуетъ еще неопредѣленное число свойствъ, доселѣ не изслѣдованныхъ.

этихъ дѣлъ, вѣроятно, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ признается нами теперь: всякій удачный примѣръ разложенія свойствъ соединеній на простѣйшіе законы обыкновенно приводитъ къ тому, что въ началахъ признаются свойства, отличныя отъ бывшихъ извѣстными раньше. Разложеніе законовъ движенія небесныхъ тѣлъ установило неизвѣстное до того времени коренное свойство взаимнаго притяженія всѣхъ тѣлъ; насколько успѣли въ разложеніи законовъ кристаллизаціи, химическаго соединенія, электричества, магнетизма и проч., разложеніе это указываетъ на различныя полярности, первобытно присущія частицамъ тѣлъ; отношеніе атомическихъ вѣсовъ тѣлъ различнаго рода обнаружено тѣмъ, что единообразія, замѣченныя въ пропорціяхъ, въ которыхъ вещества соединяются одно съ другимъ, разложены на болѣе общіе законы, и такъ далѣе. Хотя каждое разложеніе сложнаго единообразія на простѣйшіе и болѣе элементарные законы клонится, повидимому, къ уменьшенію числа первыхъ свойствъ и дѣйствительно выкидываетъ изъ списка многія свойства, однако результатъ этого упрощающаго процесса состоитъ въ сведеніи все бо́льшаго и бо́льшаго числа различныхъ дѣйствій на однихъ и тѣхъ же дѣятелей, и чѣмъ дальше мы идемъ въ этомъ направленіи, тѣмъ бо́льшее число различныхъ свойствъ мы вынуждены признать въ одномъ и томъ же предметѣ; и сосуществованія этихъ свойствъ должны быть, сообразно тому, причислены къ основнымъ всеобщимъ началамъ природы.

§ 3. Итакъ, существуютъ только два рода предложеній, утверждающихъ единообразіе сосуществованія между свойствами. Свойства или зависятъ отъ причинъ, или не зависятъ. Въ первомъ случаѣ, предложеніе, утверждающее, что они сосуществуютъ, есть производный законъ сосуществованія дѣйствій и, пока законъ этотъ не разложенъ на управляющіе имъ законы связи причины со слѣдствіемъ, онъ есть законъ эмпирическій, требующій повѣрки по правиламъ наведенія, которымъ подпадаютъ такіе законы. Во второмъ случаѣ, если свойства не зависятъ отъ причинъ, а суть первыя свойства, и если истинно, что они неизмѣнно сосуществуютъ, то всѣ они должны быть первыми свойствами одного и того же отдѣла. И только сосуществованія этихъ свойствъ могутъ быть отнесены въ особый родъ законовъ природы.

Утверждая, что всѣ вороны черны или что всѣ негры курчавы,

мы утверждаемъ единообразіе сосуществованія. Мы утверждаемъ, что свойства черноты или курчавости неизмѣнно сосуществуютъ со свойствами, которыя, въ обыкновенномъ языкѣ или въ принятой нами научной классификаціи, признаются за образующія классъ «вóронъ» или классъ «негръ». Но предположимъ, что чернота есть коренное свойство черныхъ предметовъ, или курчавость коренное свойство курчавыхъ животныхъ; предположимъ, что эти свойства не результаты связи причины со слѣдствіемъ, не связаны съ предшествующими явленіями никакимъ закономъ. Тогда, если всѣ вóроны черны и всѣ негры курчавы, приведенныя качества должны быть коренными свойствами отдѣла «вóронъ» или «негръ», или какого-либо обнимающаго ихъ отдѣла. Если, напротивъ, чернота или курчавость суть дѣйствія, зависящія отъ причинъ, то эти общія предложенія суть, очевидно, эмпирическіе законы, и къ нимъ можетъ быть примѣнено, безъ измѣненія, все, сказанное относительно этого рода обобщеній.

Но мы видѣли, что относительно всѣхъ соединеній — короче, относительно всѣхъ вещей, за исключеніемъ простыхъ тѣлъ и первоначальныхъ силъ природы, — вѣроятна дѣйствительная зависимость свойствъ отъ причинъ и ни въ какомъ случаѣ невозможна увѣренность въ противномъ. И потому, было бы не безопасно приписывать какому-либо обобщенію относительно сосуществованія свойствъ степень достовѣрности, на которую это обобщеніе не имѣло бы права, еслибъ свойства оказались результатами причинъ. Обобщеніе относительно сосуществованія, или, другими словами, относительно свойствъ отдѣловъ, *можетъ* быть истиной коренной, но можетъ быть и истиной чисто-выводной; а если такъ, то обобщеніе это представляетъ одинъ изъ тѣхъ выводныхъ законовъ, которые и не суть законы связи причины со слѣдствіемъ, и не были разложены на подобные законы, отъ которыхъ бы разсматриваемые законы зависѣли; и потому, такое обобщеніе не можетъ обладать большею степенью достовѣрности противъ закона эмпирическаго.

§ 4. Это заключеніе можно подтвердить соображеніемъ одного важнаго недостатка, который не дозволяетъ приложить къ коренным единообразіямъ сосуществованія систему строгаго научнаго наведенія, приложимую, какъ оказалось, къ единообразіямъ въ послѣдовательности явленій. Такой системѣ недостаетъ опоры: нѣтъ общей аксіомы, которая

стояла бы въ томъ же отношеніи къ единообразіямъ сосуществованія, въ какомъ законъ связи причины со слѣдствіемъ стоитъ къ единообразіямъ послѣдовательности. Методы наведенія, служащіе къ обнаруженію причинъ и дѣйствій, основаны на правилѣ, что всему, чему есть начало, должна быть и та или другая причина, что между обстоятельствами, дѣйствительно существовавшими при началѣ явленія, конечно, должно быть какое-либо сочетаніе, за которыхъ разсматриваемое дѣйствіе безусловно слѣдуетъ и за повтореніемъ котораго оно, несомнѣнно, вновь наступитъ. Но въ изслѣдованіи, обладаетъ ли какой-либо отдѣлъ (какъ «вóронъ»), безусловно, какимъ-либо свойствомъ (какъ «чернота»), нельзя принять ничего подобнаго. Мы не увѣрены заранѣе, что наряду со свойствами должно быть что-либо, постоянно съ нимъ сосуществующее; что у свойства этого должно быть неизмѣнно сосуществующее, точно такъ же, какъ у событія должно быть неизмѣнно предшествующее. Когда мы ощущаемъ боль, то должны быть въ условіяхъ, при которыхъ, еслибъ они съ точностью повторились, мы всегда ощущали бы боль. Но когда мы сознаетъ черноту, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы присутствовало нѣчто, постоянно сопровождаемое чернотою. Здѣсь, слѣдовательно, невозможно исключеніе: невозможны ни методъ совпаденія или различія, ни методъ сопутствующихъ измѣненій (который есть лишь видоизмѣненіе или метода совпаденія, или метода различія). Мы не можемъ счесть черноту, видимую нами на воронахъ, за неизмѣнное ихъ свойство, единственно на томъ основаніи, что не присутствуетъ никакой вещи, которой чернота могла бы принадлежать какъ неизмѣнное свойствó. Слѣдовательно, истинность сужденія, подобнаго тому, что «всѣ вóроны черны», мы изслѣдуемъ при такомъ же невыгодномъ обстоятельствѣ, какъ еслибы, въ нашихъ изслѣдованіяхъ связи причины со слѣдствіемъ, мы были вынуждены считать возможнымъ, что въ какомъ-либо опредѣленномъ случаѣ дѣйствіе могло произойти и безъ всякой причины.

Бэконъ упустилъ изъ виду это важное различіе, и это было, какъ мнѣ кажется, главною ошибкою въ его взглядѣ на индуктивную философію. Громадна заслуга Бэкона, что онъ первый ввелъ въ общее употребленіе принципъ исключенія, это великое логическое орудіе; но онъ считалъ его приложимымъ въ томъ же смыслѣ и такъ же неограниченно къ изслѣдованіямъ сосуществованій между явленіями, какъ и

къ разъисканіямъ относительно послѣдовательностей. Онъ, повидимому, думалъ, что какъ у каждаго событія есть причина или неизмѣнное предшествующее, такъ у каждаго свойства предмета есть неизмѣнное сосуществующее. Бэконъ назвалъ его *формою*. И главные примѣры, выбранные имъ для примѣненія и поясненія своего метода, были изслѣдованія такихъ формъ, — попытки опредѣлить, въ чемъ еще сходны всѣ тѣ предметы, которые сходны въ какомъ-либо одномъ общемъ свойствѣ, какъ-то: твердости или мягкости, сухости или влажности, теплотѣ или холодѣ. Такія изслѣдованія не могли привести ни къ какому результату. Предметы рѣдко сходны въ такомъ обстоятельствѣ: обыкновенно они сходствуютъ въ одномъ изслѣдуемомъ пунктѣ и ни въ чемъ иномъ. Большое число свойствъ, которыя, насколько мы можемъ предполагать, скорѣе другихъ дѣйствительно коренныя, суть, повидимому, присущія свойства многихъ различныхъ отдѣловъ вещей, — отдѣловъ, не родственныхъ ни въ какомъ другомъ отношеніи. Что же касается свойствъ, которыя, будучи дѣйствіями причинъ, отчасти объяснимы, то они, обыкновенно, отнюдь не связаны съ коренными сходствами или различіями самихъ предметовъ, а зависятъ отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ всякіе предметы способны проявить эти свойства. Это особенно справедливо относительно любимыхъ предметовъ Бэконовыхъ научныхъ изслѣдованій, теплоты и холода, равно какъ и относительно твердости и мягкости, твердаго и жидкаго вида и многихъ другихъ замѣтныхъ качествъ.

Итакъ, за отсутствіемъ всеобщаго закона сосуществованія, который былъ бы подобенъ всеобщему закону связи причины со слѣдствіемъ, управляющему послѣдовательностью, мы вынуждены возвратиться къ ненаучному наведенію древнихъ, *per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria* (простымъ перечисленіемъ, въ которое не входятъ случаи противорѣчивые). Въ черный цвѣтъ всѣхъ вороновъ мы вѣримъ только потому, что видѣли много черныхъ вороновъ и никогда не видали ни одного ворона инаго цвѣта и что нашъ опытъ подтверждается слышаннымъ нами отъ другихъ лицъ. Остается разсмотрѣть, какъ далеко распространяется это доказательство и какъ измѣрить его силу въ данномъ случаѣ.

§ 5. Иногда простое измѣненіе въ словесной постановкѣ вопроса, собственно не прибавляющее ничего къ его выраженному смыслу, само уже значительно приближаетъ къ рѣшенію. Таковъ, я думаю, разсматриваемый случай. Степень достовѣрности извѣстнаго обобщенія, не опирающагося ни на какое доказательство, кромѣ совпаденія всего прежняго опыта до его предѣловъ, есть, выражаясь иначе, только степень невѣроятія, что исключеніе, если оно существовало, могло до сихъ поръ остаться незамѣченнымъ. Основаніе думать, что всѣ вороны черны, измѣряется невѣроятностью того, чтобы вороны инаго цвѣта могли существовать до настоящаго времени, оставаясь намъ неизвѣстными. Поставимъ вопросъ въ этой послѣдней формѣ и разсмотримъ смыслъ предположенія, что могутъ существовать и нечерные вороны, и условія, подъ которыми мы въ правѣ считать это невѣроятнымъ.

Если, дѣйствительно, существуютъ вороны, которые не черны, то должно быть одно изъ двухъ: или во всѣхъ, до сихъ поръ видѣнныхъ воронахъ, обстоятельство черноты было какъ бы случайностью, не связанною ни съ какимъ отличительнымъ свойствомъ отдѣла; или, если чернота есть свойство отдѣла, то нечерные вороны должны представлять новый отдѣлъ, до сихъ поръ незамѣченный, хотя и подходящій подъ то же общее описаніе, которымъ вороны характеризовались до сихъ поръ. Истинность перваго предположенія была бы доказана, еслибъ мы случайно открыли бѣлаго ворона между черными, или еслибы оказалось, что черные вороны иногда становятся бѣлыми. Второе предположеніе стало бы фактомъ, еслибъ въ Австраліи или центральной Африкѣ былъ открытъ видъ или была найдена порода бѣлыхъ либо сѣрыхъ воронов.

§ 6. Первое изъ этихъ предположеній необходимо обнимаетъ, что цвѣтъ есть дѣйствіе причины. Если чернота въ воронахъ, на которыхъ она была наблюдаема, не свойство отдѣла, а можетъ присутствовать или отсутствовать, не производя, вообще, разницы въ свойствахъ предмета, то она не коренной фактъ въ самихъ особяхъ, а, конечно, зависитъ отъ причины. Есть, безъ сомнѣнія, много качествъ, которыя измѣняются отъ особи къ особи того же отдѣла, даже того же *infima species*, или меньшаго отдѣла. Нѣкоторые цвѣты могутъ быть либо бѣлы, либо красны, не отличаясь въ другомъ отношеніи. Но эти свойства не коренныя: они зависятъ отъ причинъ. Насколько свойства вещи

принадлежатъ къ ея природѣ и не порождаются какою-либо внѣшнею ей причиной, они всегда одни и тѣ же въ томъ же отдѣлѣ *). Возьмите, напримѣръ, всѣ простыя тѣла и первыя силы, — единственныя вещи, о которыхъ мы увѣрены, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ ихъ свойствъ дѣйствительно коренныя. Цвѣтъ обыкновенно считается самымъ измѣнчивымъ изъ всѣхъ свойствъ: но мы не находимъ, чтобы сѣра была иногда желта и иногда бѣла, или чтобы она измѣнялась, вообще, въ цвѣтѣ, развѣ насколько цвѣтъ есть дѣйствіе какой-либо внѣшней причины, какъ-то: свѣта, падающаго на вещь, механическаго расположенія ея частицъ (наприм. послѣ плавленія) и т. п. Мы не находимъ, чтобы при одинаковой температурѣ желѣзо было иногда жидкимъ, а иногда твердымъ; золото иногда ковкимъ, а иногда хрупкимъ; чтобы водородъ иногда соединялся съ кислородомъ, а иногда не соединялся, и т. д. Перейдя отъ простыхъ тѣлъ къ которымъ-либо изъ ихъ опредѣленныхъ соединеній, напр. къ водѣ, извести, сѣрной кислотѣ, мы замѣтимъ то же постоянство въ ихъ свойствахъ. Когда свойства измѣняются отъ особи къ особи, то это бываетъ или въ разныхъ смѣсяхъ, состоящихъ изъ разнородныхъ веществъ, не составляющихъ никакого дѣйствительнаго отдѣла и не принадлежащихъ къ нему (напр. въ атмосферномъ воздухѣ или въ каменной породѣ), либо въ органическихъ существахъ. Они, дѣйствительно, сильно измѣнчивы. Животныя того же вида и той же породы, люди того же возраста и пола и той же страны будутъ, напримѣръ, весьма различны станомъ и лицомъ. Но органическія существа (по чрезвычайной сложности законовъ, которыми они управляются) измѣнчивы въ болѣе сильной степени и подвержены вліянію бо́льшаго числа и разнообразнѣйшихъ причинъ, чѣмъ какія бы то ни было иныя явленія. Слѣдовательно, имъ было начало, а потому и была причина. И есть основаніе думать, что ни одно изъ ихъ свойствъ не коренное, а всѣ они производны и порождены связью причины со слѣдствіемъ. И предположеніе это подтверждается фактомъ, что свойства, измѣняющіяся отъ одной особи къ другой, обыкновенно

*) Къ свойствамъ я не причисляю здѣсь случайностей количества и мѣстнаго положенія. Всякій знаетъ, что никакія отличія отдѣловъ не могутъ быть основаны на такихъ случайностяхъ и что онѣ равно случайны въ вещахъ и различныхъ отдѣловъ, и того же отдѣла.

такъ же болѣе или менѣе измѣняются въ различное время въ одной и той же особи. А это измѣненіе, подобно всякому другому событію, предполагаетъ причину и обнимаетъ, значитъ, то, что свойства не независимы отъ связи причины со слѣдствіемъ.

И потому, если чернота вороновъ чисто случайна и способна измѣняться, когда отдѣлъ остается прежнимъ, то ея присутствіе или отсутствіе, безъ сомнѣнія, не коренной фактъ, а дѣйствіе какой-либо неизвѣстной причины. И въ этомъ случаѣ всеобщность опыта, что всѣ вороны черны, достаточное доказательство общей причины и установляетъ обобщеніе какъ эмпирическій законъ. Такъ какъ существуетъ безчисленное множество случаевъ утвердительныхъ, и нѣтъ до сихъ поръ ни одного отрицательнаго, то причины, отъ которыхъ зависитъ свойство, должны существовать вездѣ въ предѣлахъ сдѣланныхъ наблюденій. И въ этихъ предѣлахъ предложеніе можетъ быть принято какъ всеобщее, съ разсудительною степенью распространимости на случаи смежные.

§ 7. Съ другой стороны, если свойство, въ наблюденныхъ случаяхъ, не дѣйствіе связи причины со слѣдствіемъ, то оно есть свойство отдѣла. Тогда обобщеніе можетъ быть устранено лишь открытіемъ новаго отдѣла вороновъ. А предположеніе, что въ природѣ существуетъ отдѣлъ, до сихъ поръ еще неоткрытый, оправдывается такъ часто, что отнюдь не можетъ считаться невѣроятнымъ. Ничто не оправдывало бы насъ въ попыткѣ ограничить существующіе въ природѣ отдѣлы вещей. Невѣроятнымъ было бы лишь открытіе новаго отдѣла въ мѣстностяхъ, о которыхъ было основаніе думать, что онѣ вполнѣ изслѣдованы. Но и эта невѣроятность зависитъ отъ видимости различія между вновь открытымъ отдѣломъ и всѣми другими, такъ какъ новые отдѣлы минераловъ, растеній и даже животныхъ, прежде незамѣченные или смѣшанные съ извѣстными видами, донынѣ постоянно открываются въ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстностяхъ. На этомъ второмъ основаніи, равно какъ и на первомъ, наблюденное единообразіе сосуществованія можетъ устоять лишь какъ эмпирическій законъ, въ предѣлахъ не только дѣйствительнаго наблюденія, но наблюденія столь точнаго, какого требуетъ природа случая. И вотъ почему (какъ замѣчено въ одной изъ первыхъ главъ этой книги) мы, по первому требованію, такъ часто отступаемся отъ обобщеній

этого рода. Еслибъ достойный вѣры свидѣтель утверждалъ, что онъ видѣлъ бѣлаго ворона, при обстоятельствахъ, которыя заставляли бы не считать невѣроятнымъ, что такой воронъ до того времени ускользалъ отъ вниманія, то мы отнеслись бы къ показанію съ полнымъ довѣріемъ.

Отсюда, повидимому, вытекаетъ, что единообразія, замѣчаемыя въ сосуществованіи явленій, — какъ тѣ, которыя мы въ правѣ считать коренными, такъ и порождаемыя законами причинъ, еще не открытыхъ, — могутъ быть приняты только въ видѣ законовъ эмпирическихъ; ихъ дозволено предполагать истинными только въ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ были сдѣланы наблюденія, или въ случаяхъ, въ строгомъ смыслѣ смежныхъ.

§ 8. Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что есть степень общности, при которой эмпирическіе законы становятся столь же достовѣрными, какъ законы природы, или, скорѣе, при которой исчезаетъ всякое различіе между эмпирическими законами и законами природы. По мѣрѣ приближенія эмпирическихъ законовъ къ этой ступени, — другими словами, по мѣрѣ усиленія ихъ общности, — они становятся болѣе достовѣрными, и строже можно положиться на ихъ всеобщность. Во-первыхъ, если они результаты связи причины со слѣдствіемъ (а мы никогда не можемъ быть увѣрены въ противномъ даже относительно того рода единообразій, о которомъ говорили въ этой главѣ), то чѣмъ болѣе они общи, тѣмъ большимъ оказывается пространство, надъ которымъ господствуютъ необходимыя распредѣленія и въ предѣлахъ котораго не существуетъ никакихъ причинъ, способныхъ противодѣйствовать неизвѣстнымъ причинамъ, опредѣляющимъ эмпирическій законъ. Сказать о чемъ-либо, что оно есть неизмѣнное свойство весьма ограниченнаго класса предметовъ, значитъ сказать, что оно неизмѣнно сопровождаетъ какую-либо весьма многочисленную и сложную группу отличающихъ свойствъ; а это, если связь причины со слѣдствіемъ сколько-нибудь причастна дѣлу, доказываетъ сочетаніе многихъ причинъ и, вслѣдствіе этого, сильную возможность противодѣйствія, между тѣмъ какъ сравнительно-узкая сфера наблюденій не дозволяетъ предсказать, до какой степени неизвѣстныя противодѣйствующія причины могутъ быть разсѣяны по природѣ. Но если обобщеніе оправдалось на очень большомъ

числѣ всякихъ вещей, то уже доказано, что почти всѣ существующія въ природѣ причины не оказываютъ на него вліянія, что подорвать обобщеніе могутъ лишь весьма немногія перемѣны въ сочетаніи причинъ, такъ какъ большинство возможныхъ сочетаній должно было уже существовать въ томъ или другомъ изъ примѣровъ, въ которыхъ обобщеніе найдено истиннымъ. Итакъ, если какой-либо эмпирическій законъ есть результатъ связи причины со слѣдствіемъ, то чѣмъ онъ болѣе общъ, тѣмъ болѣе на него можно положиться. Даже когда онъ не результатъ связи причины со слѣдствіемъ, а коренное сосуществованіе, и въ такомъ случаѣ, чѣмъ онъ болѣе общъ, тѣмъ изъ бо́льшей суммы опытовъ выведенъ, и тѣмъ больше, значитъ, вѣроятность, что еслибъ исключенія существовали, то нѣкоторыя уже представились бы.

Поэтому, чтобы установить исключеніе изъ даннаго, болѣе общаго эмпирическаго закона, требуется гораздо сильнѣйшее доказательство, чѣмъ для исключенія изъ болѣе частныхъ эмпирическихъ законовъ. Мы безъ труда повѣрили бы, что можетъ существовать новый отдѣлъ вороновъ или новый отдѣлъ птицъ, сходный съ воронами въ свойствахъ, которыя до сихъ поръ считались отличающими этотъ отдѣлъ. Но потребовалось бы болѣе сильное доказательство для убѣжденія насъ въ существованіи отдѣла «вороновъ», обладающаго свойствами, отличными отъ всякаго общепризнаннаго всеобщаго свойства птицъ; а еще сильнѣйшее доказательство потребуется, если эти свойства будутъ противорѣчить всякому признанному всеобщему свойству животныхъ. И это сообразно способу сужденія, оправдываемому здравымъ смысломъ и общей привычкой людей, которые тѣмъ недовѣрчивѣе къ новостямъ природы, чѣмъ болѣе общъ опытъ, противорѣчащій, повидимому, этимъ новостямъ.

§ 9. Однако, и эти большія обобщенія, обнимающія пространные отдѣлы, которые содержатъ большое число разнообразныхъ *infimæ species* (меньшихъ видовъ), суть только эмпирическіе законы, основанные на наведеніи однимъ лишь простымъ перечисленіемъ, а не какимъ-либо процессомъ исключенія, совершенно непримѣнимымъ къ этому роду случаевъ. И потому, такія обобщенія слѣдовало бы основывать на разсмотрѣніи всѣхъ обнимаемыхъ ими *infimæ species*, а не одной лишь части. Гдѣ нѣтъ связи причины со слѣдствіемъ, тамъ, по истинности предложенія о данномъ числѣ предметовъ, сходныхъ лишь въ

томъ, что они животныя, мы не можемъ заключить объ истинности этого предложенія относительно всѣхъ животныхъ. Правда, если что-либо истинно относительно видовъ, которые отличаются одинъ отъ другаго болѣе, чѣмъ каждый изъ нихъ отличается отъ третьяго (особенно, если этотъ третій видъ, по большинству извѣстныхъ свойствъ, стоитъ между двумя первыми), то есть нѣкоторая вѣроятность, что та же самая вещь будетъ также истинна относительно этого промежуточнаго вида: часто, хотя отнюдь не непремѣнно, мы находимъ, что между свойствами различныхъ отдѣловъ есть родъ параллельности и что степень несходства отдѣловъ въ одномъ отношеніи отчасти пропорціональна несходству ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Такую параллельность мы видимъ въ свойствахъ различныхъ металловъ, въ свойствахъ сѣры, фосфора и углерода, хлора, брома и іода; въ естественныхъ семействахъ растеній и животныхъ и т. п. Но этотъ родъ соотвѣтствія представляетъ безчисленное множество аномалій и исключеній, если еще само соотвѣтствіе, въ природѣ, не аномалія и не исключеніе.

И потому, всеобщія предложенія относительно свойствъ высшихъ отдѣловъ, если предложенія эти не основываются на доказанной или предполагаемой связи причины со слѣдствіемъ, слѣдовало бы доказывать только по отдѣльномъ разсмотрѣніе каждаго извѣстнаго подотдѣла, обнимаемаго болѣе обширнымъ отдѣломъ. И даже тогда слѣдуетъ быть готовымъ отступиться отъ подобныхъ обобщеній, при встрѣчѣ съ какою-либо новою аномаліей. А когда единообразіе порождено не связью причины со слѣдствіемъ, то аномалію нельзя считать весьма неправдоподобною даже относительно самыхъ общихъ изъ этихъ эмпирическихъ законовъ. Такъ, съ развитіемъ опыта, всѣ всеобщія предложенія, построенныя—было относительно простыхъ тѣлъ или установленныхъ между ними классовъ (а попытка была дѣлана часто), или потеряли значеніе, или обличены въ ошибочности, и каждый отдѣлъ простыхъ тѣлъ, со своимъ собственнымъ собраніемъ свойствъ, остается отдѣленнымъ отъ остальныхъ простыхъ тѣлъ, сохраняя извѣстную параллельность немногимъ другимъ отдѣламъ, наиболѣе ему подобнымъ. Объ органическихъ существахъ обильны, правда, предложенія, всеобщая истинность которыхъ о высшихъ родахъ доказана и относительно которыхъ позднѣйшее открытіе исключеній должно признать крайне-невѣроятнымъ.

Но предложенія эти касаются свойствъ, которыя, какъ было уже сказано, мы имѣемъ полное право считать зависящими отъ связи причины со слѣдствіемъ.

Итакъ, единообразія сосуществованія, будутъ ли то результаты законовъ послѣдовательности или коренныя истины, должно причислить, съ точки зрѣнія логики, къ законамъ эмпирическимъ и во всѣхъ отношеніяхъ можно подвести подъ одни и тѣ же правила съ неразложенными единообразіями, о которыхъ извѣстно, что они зависятъ отъ связи причины со слѣдствіемъ.

ГЛАВА XXIII.

О ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫХЪ ОБОБЩЕНІЯХЪ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВѢ ПУТЕМЪ ВѢРОЯТНОСТИ.

§ 1. Въ нашихъ изслѣдованіяхъ природы индуктивнаго процесса мы не должны ограничивать ихъ предмета такими обобщеніями изъ опыта, которыя высказываются, какъ истины всеобщія. Есть классъ индуктивныхъ истинъ, завѣдомо не всеобщихъ; онѣ не притязаютъ на то, чтобы ихъ сказуемое было всегда истинно о подлежащемъ; тѣмъ не менѣе онѣ, какъ обобщенія, чрезвычайно цѣнны. Значительная часть поля индуктивнаго знанія состоитъ не изъ всеобщихъ истинъ, а изъ приближеній къ такимъ истинамъ, и когда о заключеніи говорится, что оно основывается на доказательствѣ путемъ вѣроятности, то посылки, изъ которыхъ оно выводится, суть обыкновенно обобщенія этого рода.

Какъ каждое достовѣрное заключеніе относительно частнаго случая обнимаетъ основательность общаго предложенія въ формѣ «Всякое А есть В», такъ каждое вѣроятное заключеніе предполагаетъ основательность предложенія въ формѣ «Большинство А суть В». И степень вѣроятности заключенія въ среднемъ числѣ случаевъ будетъ опредѣляться отношеніемъ между числомъ случаевъ, существующихъ въ природѣ и согласныхъ съ обобщеніемъ, и числомъ случаевъ, ему противорѣчащихъ.

§ 2. Предложенія въ формѣ «Большинство А суть В» далеко не одинаково важны въ наукѣ и въ жизни. Научный изслѣдователь цѣ-

нитъ ихъ преимущественно какъ матеріалъ для всеобщихъ истинъ и какъ приближающія къ нимъ ступени. Открыть всеобщія истины — настоящая цѣль науки: дѣло ея не окончено, если она остановится на предложеніи, что большинство A суть B, не ограничивъ этого большинства какою-либо общей характеристикой, способной отличить его отъ меньшинства. Независимо отъ меньшей точности такихъ несовершенныхъ обобщеній и меньшей увѣренности, съ которою они могутъ быть прилагаемы къ единичнымъ случаямъ, очевидно, что они, въ сравненіи съ точными обобщеніями, почти безполезны какъ средство открыть дальнѣйшія истины путемъ вывода. Правда, сочетая предложеніе «Большинство A суть B» со всеобщимъ предложеніемъ «Каждое B есть C», мы можемъ придти къ заключенію, что большинство A суть C. Но когда вводится второе приблизительное предложеніе, — или даже когда есть лишь одно такое предложеніе, но оно служитъ бо́льшей посылкой, — тогда, вообще, ничего нельзя заключить положительно. Когда бо́льшею посылкою служитъ предложеніе «Большинство B суть D», тогда, даже если меньшею посылкою будетъ предложеніе «Каждое A есть B», мы не можемъ заключить, что большинство A суть D, или, хоть съ нѣкоторою вѣроятностью, что нѣкоторыя A суть D, Хотя большинство класса B обладаетъ свойствомъ, означаемымъ D, однако весь подклассъ A можетъ принадлежать къ меньшинству *).

Какъ ни мала, въ наукѣ, польза приблизительныхъ обобщеній, могущихъ служить только промежуточною ступенью къ чему-либо лучшему, однако нерѣдко они составляютъ единственное практическое руководство, на которое мы можемъ положиться. Даже когда наука дѣйствительно опредѣлила общіе законы какого-либо явленія, то не только эти законы обыкновенно слишкомъ загромождены условіями, чтобы можно было обращаться къ нимъ въ ежедневныхъ случаяхъ, но и случаи эти слишкомъ сложны и требуютъ слишкомъ быстраго рѣшенія, чтобы можно было обжидать, пока существованіе явленія можетъ быть доказано

---

*) Де-Морганъ, въ своей *Формальной Логикѣ*, справедливо замѣчаетъ, что изъ двухъ такихъ посылокъ, какъ «Большинство A суть B» и «Большинство A суть C», мы можемъ съ достовѣрностью заключить, что нѣкоторыя B суть C. Но это крайній предѣлъ заключеній, которыя можно вывести изъ двухъ приблизительныхъ обобщеній, когда точная степень ихъ приближенія ко всеобщности не извѣстна или не опредѣлена.

признаками, которые научное изслѣдованіе признало за всеобщіе. Научнымъ умамъ свойственно иногда быть нерѣшительными и уклоняться отъ дѣйствія за отсутствіемъ вполнѣ убѣдительнаго доказательства, которое могло бы руководить ими, и умы, подверженные этому недостатку, неспособны найтись въ случайностяхъ жизни. Желая успѣха въ нашихъ дѣйствіяхъ, мы должны судить по признакамъ, которые, хотя не вообще, но иногда и обманываютъ насъ, и по возможности восполнить недостатокъ доказательности какого-либо признака, пріисканіемъ, въ помощь ему, другихъ признаковъ. Слѣдовательно, правила наведенія, примѣнимыя къ приблизительному обобщенію, представляютъ не менѣе важный предметъ изслѣдованія, чѣмъ правила для открытія всеобщихъ истинъ, и могли бы занять насъ почти столько же времени, еслибъ не были просто выводами изъ правилъ, уже разсмотрѣнныхъ нами.

§ 3. Есть два рода случаевъ, въ которыхъ мы вынуждены руководствоваться обобщеніями въ этой несовершенной формѣ: «Большинство А суть В». Во-первыхъ, это бываетъ, когда у насъ нѣтъ другихъ обобщеній, когда мы не были въ состояніи изслѣдовать законы явленій полнѣе, чѣмъ, напримѣръ, до слѣдующихъ предложеній: у большинства людей съ темными глазами и темные волосы; большинство источниковъ содержатъ минеральныя вещества; большинство напластованныхъ формацій содержатъ ископаемые животные остатки. Этотъ родъ обобщеній не очень важенъ: хотя зачастую мы не видимъ причины, почему истинному о большинствѣ особей класса не быть истиннымъ объ остальныхъ, и неспособны соединить первыя въ какой-либо общій отдѣлъ, могущій отличить ихъ отъ послѣднихъ, но если мы готовы довольствоваться предложеніями менѣе общими и разбить классъ А на подклассы, то обыкновенно можемъ добыть собраніе предложеній, точно истинныхъ. Мы не знаемъ, почему дерево легче воды, и не можемъ указать общаго свойства, которое отличало бы дерево, легчайшее воды, отъ тяжелѣйшаго. Но мы знаемъ точно, какіе виды легче и какіе тяжелѣе. А встрѣтивъ образчикъ, не подходящій ни подъ одинъ извѣстный видъ (единственный случай, когда наше прежнее знаніе не представляетъ инаго руководства, кромѣ приблизительнаго обобщенія), мы обыкновенно можемъ произвести спеціальный опытъ, который есть способъ болѣе вѣрный.

Однако, чаще случается, что предложеніе «Большинство А суть

В» не составляетъ предѣла нашихъ научныхъ успѣховъ, хотя заходящее за него знаніе наше неудобно примѣнить къ данному частному случаю. Въ этомъ случаѣ мы достаточно хорошо знаемъ, какими обстоятельствами отличается часть А, обладающая свойствомъ В, отъ части, не обладающей этимъ свойствомъ; но мы не имѣемъ средствъ или времени разсмотрѣть, существуютъ ли въ данномъ случаѣ эти характеристическія обстоятельства или нѣтъ. Именно въ такомъ положеніи находимся мы обыкновенно тогда, когда изслѣдованіе бываетъ такъ-называемаго нравственнаго рода, т. е. имѣющаго въ виду предсказать человѣческія дѣянія. Утверждать что-либо, всеобщимъ образомъ, о дѣйствіяхъ цѣлыхъ классовъ людей мы можемъ лишь тогда, когда классификація основывается на обстоятельствахъ ихъ духовнаго развитія и привычекъ, а обстоятельства эти, въ единичномъ случаѣ, рѣдко извѣстны съ точностью. Притомъ же, классы, основанные на такихъ различіяхъ, никогда не совпадали бы вполнѣ съ классами, на которые люди дѣлятся ради общественныхъ цѣлей. Всѣ предложенія, какія можно составить о дѣйствіяхъ людей, при обыкновенной ихъ классификаціи или при классификаціи, основанной на какомъ бы то ни было родѣ внѣшнихъ указаній, будутъ лишь приблизительны. Мы можемъ лишь сказать: «Большинство людей извѣстныхъ лѣтъ, извѣстнаго рода занятій, извѣстнаго народа или даннаго общественнаго положенія обладаютъ такими-то качествами», или «Большинство людей, будучи поставлены въ извѣстныя обстоятельства, дѣйствуютъ такимъ-то образомъ». Не то, чтобы мы часто не знали, отъ какихъ причинъ качества зависятъ, или какого рода люди дѣйствуютъ именно такимъ образомъ: нѣтъ; но мы рѣдко обладаемъ средствами знать, находилось ли извѣстное лицо подъ вліяніемъ этихъ причинъ или принадлежитъ ли оно къ упомянутому роду людей. Мы могли бы замѣстить приблизительныя обобщенія предложеніями всеобще-истинными; но эти послѣднія намъ едвали удалось бы когда-либо приложить къ дѣлу. Мы были бы увѣрены въ нашихъ бо́льшихъ посылкахъ, но никогда не съумѣли бы пріискать соотвѣтственныхъ имъ меньшихъ; и потому мы вынуждены выводить наши заключенія изъ болѣе грубыхъ и обманчивыхъ указаній.

§ 4. Приступая къ обсужденію того, что должно считаться достаточнымъ доказательствомъ приблизительнаго обобщенія, мы не за-

трудимся сразу признать, что если оно, вообще, допустимо, то лишь какъ законъ эмпирическій. Предложенія въ формѣ «Каждое А есть В» не суть непремѣнно законы связи причины со слѣдствіемъ или коренныя единообразія сосуществованія; предложенія, подобныя тому, что «Большинство А суть В», *не могутъ* быть такими законами или единообразіями. Предложенія, оказавшіяся истинными въ каждомъ наблюденномъ случаѣ, могутъ, однако, не быть необходимыми результатами законовъ связи причины со слѣдствіемъ или коренныхъ единообразій и въ такомъ случаѣ, какъ намъ извѣстно, могутъ быть ложны за предѣлами дѣйствительнаго наблюденія. Сказанное еще очевиднѣе справедливо относительно предложеній, истинныхъ лишь въ простомъ большинствѣ наблюденныхъ случаевъ.

Однако, степень достовѣрности предложенія «Большинство А суть В» нѣсколько различна, смотря по тому, обнимаетъ ли это приблизительное обобщеніе все наше знаніе о предметѣ или нѣтъ. Предположимъ сначала первый случай. Мы знаемъ только, что большинство А суть В, а не знаемъ, ни почему это такъ, ни въ какомъ отношеніи тѣ А, которыя суть В, отличны отъ тѣхъ, которыя не суть В. Какъ же узнали мы, что большинство А суть В? Точно такимъ же образомъ, какъ мы узнали, что всѣ А суть В, еслибъ это было фактически справедливо. Мы собрали число случаевъ, достаточное для исключенія случайности, и затѣмъ сравнили число случаевъ, подтверждавшихъ предложеніе, съ числомъ случаевъ отрицательныхъ. Результатъ, подобно другимъ неразложеннымъ производнымъ, заслуживаетъ довѣрія лишь въ предѣлахъ не только времени и мѣста, но и обстоятельствъ, при которыхъ истинность его была дѣйствительно замѣчена. Такъ какъ, по предположенію, мы не знаемъ причинъ, которыя дѣлаютъ предложеніе истиннымъ, то мы не въ состояніи сказать, какимъ образомъ могло бы вліять на него какое-либо новое обстоятельство. Предложеніе «Большинство судей неподкупны» оказалось бы истиннымъ относительно англичанъ, французовъ, германцевъ, сѣверо-американцевъ и проч.; но еслибъ, на основаніи одного этого довода, мы распространили предложеніе на жителей Востока, то зашли бы за предѣлы не только мѣста, но и обстоятельствъ, въ которыхъ былъ наблюдаемъ упомянутый фактъ, и пришли бы къ возможности отсутствія причинъ, его обусловливающихъ, или

присутствія причинъ, ему противодѣйствующихъ, которыя могли бы подорвать приблизительное обобщеніе.

Теперь возьмемъ случай, когда приблизительное предложеніе не составляетъ предѣла нашего научнаго знанія, а лишь ту форму его, которая наиболѣе удобна для руководства на практикѣ; когда мы знаемъ не только то, что большинство А обладаютъ свойствомъ В, но и причины В или нѣкоторыя свойства, которыми часть предметовъ А, обладающая свойствомъ, отличается отъ части, которая его не имѣетъ. Въ такомъ случаѣ наше положеніе нѣсколько благопріятнѣе прежняго. Теперь у насъ два способа удостовѣриться, справедливо ли, что большинство А суть В: прямой способъ—тотъ же, что и прежде,—и косвенный, состоящій въ изслѣдованіи, допускаетъ ли предложеніе выводъ его изъ извѣстной причины или изъ какого-либо извѣстнаго признака явленія В. Пусть вопросъ состоитъ, напримѣръ, въ томъ, умѣетъ ли большинство шотландцевъ читать? Можетъ быть, собственныя наблюденія и свидѣтельства другихъ лицъ не представляютъ намъ шотландцевъ въ достаточномъ числѣ и разнообразіи, чтобы убѣдиться въ этомъ фактѣ. Но если мы сообразимъ, что причина грамотности состоитъ въ обученіи чтенію, то намъ представится другой способъ разрѣшить вопросъ, именно изслѣдованіе обстоятельства: посѣщало ли большинство шотландцевъ школы, въ которыхъ дѣйствительно научаютъ читать. Изъ этихъ двухъ способовъ иногда удобнѣе одинъ, иногда другой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обширному и многообразному наблюденію, необходимому для установленія эмпирическаго закона, доступнѣе повтореніе дѣйствія, въ другихъ повтореніе причинъ или какихъ-либо побочныхъ признаковъ. Обыкновенно случается, что ни тотъ, ни другой родъ наблюденій не допускаетъ такого удовлетворительнаго наведенія, какое желательно, и что основанія, на которыхъ принимается заключеніе, добываются обоими способами. Такъ, кто-либо можетъ думать, что большинство шотландцевъ умѣетъ читать, такъ какъ, насколько ему извѣстно, большинство шотландцевъ посѣщало школы и большинство шотландскихъ школъ научаютъ читать, а также потому, что большинство шотландцевъ, которыхъ онъ зналъ или о которыхъ слышалъ, умѣли читать. Но, самъ по себѣ, ни одинъ изъ этихъ двухъ рядовъ наблюденій, пожалуй, не будетъ достаточно обширенъ и разнообразенъ.

Итакъ, приблизительное обобщеніе можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ, необходимо для нашего руководства, даже когда мы знаемъ причину или какой-либо достовѣрный признакъ приписываемаго свойства. Едвали стоитъ оговаривать, что мы всегда можемъ замѣнить неопредѣленное указаніе опредѣленнымъ, во всякомъ случаѣ, когда мы на дѣлѣ можемъ признать существованіе причины или признака. Напримѣръ, свидѣтель дѣлаетъ показаніе, и вопросъ состоитъ въ томъ, вѣрить ли этому показанію. Не обращая вниманія ни на одно изъ единичныхъ обстоятельствъ случая, мы можемъ руководиться исключительно лишь приблизительнымъ обобщеніемъ, что правда обыкновеннѣе лжи, или, другими словами, что большинство лицъ, въ большинствѣ случаевъ, говоритъ правду. Но если мы сообразимъ, какими обстоятельствами отличаются случаи, въ которыхъ говорится правда, отъ случаевъ, въ которыхъ говорится ложь, то мы найдемъ, напримѣръ, слѣдующее: свидѣтель лицо честное или нѣтъ; онъ наблюдатель точный или нѣтъ; его интересъ связанъ съ показаніемъ или нѣтъ. Но мы не только можемъ быть въ состояніи получить, относительно болѣе или менѣе частаго повторенія этихъ различныхъ возможныхъ фактовъ, другія приблизительныя обобщенія, но мы можемъ знать, которая изъ этихъ возможностей положительно осуществилась въ данномъ единичномъ случаѣ. Связанъ ли интересъ свидѣтеля съ показаніемъ, мы, можетъ быть, знаемъ непосредственно; а до остальныхъ двухъ пунктовъ мы можемъ дойти косвенно, при помощи признаковъ: напримѣръ, зная, каково было поведеніе свидѣтеля въ какомъ-либо прежнемъ случаѣ или какова его слава; послѣдній признакъ, хотя и очень невѣренъ, однако представляетъ приблизительное обобщеніе (напр. «Большинство лицъ, которыхъ считаютъ честными люди, имѣвшіе съ ними частыя сношенія, дѣйствительно честны»), — обобщеніе, которое ближе ко всеобщей истинѣ, нежели приблизительное общее предложеніе, изъ котораго мы исходили, именно: «Большинство людей въ большинствѣ случаевъ говорятъ правду».

Такъ какъ, повидимому, излишне останавливаться долѣе на вопросѣ о доказательствѣ приблизительныхъ обобщеній, то мы перейдемъ къ предмету, не менѣе важному: къ предосторожностямъ, которыя слѣ-

дуетъ наблюдать, заключая отъ этихъ невполнѣ-всеобщихъ предположеній къ частнымъ случаямъ.

§ 5. Когда дѣло идетъ о прямомъ приложеніи приблизительнаго обобщенія къ единичному случаю, вопросъ этотъ не представляетъ затрудненій. Когда предложеніе «Большинство А суть В» установлено достаточнымъ наведеніемъ, какъ эмпирическій законъ, — мы можемъ заключить, что всякое данное А есть В, съ вѣроятностью, пропорціональною преобладанію числа утвердительныхъ случаевъ надъ числомъ исключеній. Если оказалось возможнымъ достичь численной точности въ данныхъ, то соотвѣтственная степень точности можетъ быть придана оцѣнкѣ вѣроятностей ошибки въ заключеніи. Если можно установить, какъ эмпирическій законъ, что изъ десяти А девять суть В, то въ предположеніи, что какое-либо А, единично намъ неизвѣстное, есть В, вѣроятность ошибки будетъ равняться одной десятой. Но это вычисленіе справедливо, конечно, только въ предѣлахъ времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ происходили наблюденія, и потому ненадежно относительно всякаго подотдѣла или разновидности А, не входившихъ въ средній выводъ (или для А во всякомъ ряду иныхъ обстоятельствъ). Должно прибавить, что предложеніемъ «Изъ каждыхъ десяти А девять суть В» мы можемъ руководиться только въ случаяхъ, о которыхъ знаемъ лишь то, что они подходятъ подъ классъ А. Если о какомъ-либо особомъ случаѣ *i* намъ извѣстно не только то, что онъ подходитъ подъ А, но и то, къ какому именно виду или къ какой разновидности онъ принадлежитъ, то мы обыкновенно ошибемся въ приложеніи къ *i* средняго вывода, сдѣланнаго для всего рода и, по всей вѣроятности, существенно отличнаго отъ средняго вывода, соотвѣтствующаго одному этому виду или одной этой разновидности. Точно такъ же ошибемся мы тогда, если *i*, не составляя особаго вида случая, есть случай, о которомъ извѣстно, что онъ находится подъ вліяніемъ особаго рода обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ предположеніе, выведенное изъ численныхъ отношеній во всемъ родѣ, вѣроятно, только ввело бы въ ошибку. Общій средній выводъ слѣдовало бы примѣнить къ случаямъ, о которыхъ и неизвѣстно, и нельзя предположить, что они не средніе случаи, а иные. И потому, во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ опредѣляемыхъ большими числами, такіе средніе выводы, какъ практическое руководство,

приносятъ обыкновенно мало пользы. Таблицы вѣроятностей жизни полезны страховымъ обществамъ, но онѣ весьма мало раскрываютъ отдѣльному лицу вѣроятности его собственной жизни или жизни другаго лица, въ которой онъ заинтересованъ, такъ какъ жизнь почти каждаго лица либо продолжительнѣе, либо короче средней. Такіе средніе выводы можно признать лишь представляющими первый членъ въ ряду приближеній; дальнѣйшіе члены должны основываться на оцѣнкѣ обстоятельствъ особаго случая.

§ 6. Отъ приложенія одного приблизительнаго обобщенія къ единичнымъ случаямъ мы перейдемъ къ совмѣстному приложенію двухъ или болѣе обобщеній къ одному и тому же случаю.

Когда примѣненное къ единичному случаю сужденіе основывается на совокупности двухъ приблизительныхъ обобщеній, то предложенія могутъ содѣйствовать результату двумя различными путями. На одномъ, каждое предложеніе, въ отдѣльности, примѣнимо къ данному случаю, и, соединяя ихъ, мы желаемъ придать заключенію объ этомъ случаѣ двойную вѣроятность, проистекающую изъ двухъ отдѣльныхъ предложеній. Этотъ способъ можетъ быть названъ соединеніемъ двухъ вѣроятностей при помощи сложенія, и результатомъ его будетъ вѣроятность, бо́льшая каждой изъ прежнихъ. Въ другомъ способѣ только одно изъ предложеній прямо примѣнимо къ разсматриваемому случаю, другое же примѣнимо къ нему лишь въ силу примѣненія перваго. Это будетъ соединеніемъ двухъ вѣроятностей путемъ умозаключенія или вывода, и результатомъ его окажется вѣроятность, меньшая каждой изъ прежнихъ. Типъ перваго доказательства таковъ: «Большинство A суть B; большинство C суть B; эта вещь одновременно и A, и C; слѣдовательно, она, вѣроятно, есть одно изъ B». Типъ втораго доказательства: «Большинство A суть B; большинство C суть A; эта вещь есть C; слѣдовательно, она, вѣроятно, одно изъ A, а потому, вѣроятно, и одно изъ B». Примѣромъ перваго способа можетъ служить случай, когда мы подтверждаемъ фактъ показаніемъ двухъ свидѣтелей, которые не зависятъ одинъ отъ другаго; примѣромъ втораго способа можетъ быть случай, когда мы приводимъ лишь показаніе одного свидѣтеля, что онъ слышалъ, какъ другой утверждалъ данную вещь. Или, по первому способу можетъ быть доказываемо, что подсудимый совершилъ преступленіе, по-

тому что онъ скрывался и что платье его было запятнано кровью; по второму способу, — что подсудимый совершилъ преступленіе, такъ какъ онъ мылъ или уничтожилъ свои платья, а это, предполагается, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что платья были запятнаны кровью. Вмѣсто двухъ звеньевъ, какъ въ этихъ примѣрахъ, мы можемъ предположить существованіе цѣпей произвольной длины. Цѣпь перваго рода Бентамъ *) назвалъ подкрѣпляющею самою себя цѣпью доказательства (self-corroborative); втораго рода — ослабляющею самою себя цѣпью (self-infirmative).

Когда приблизительныя обобщенія соединяются посредствомъ сложенія, то, по теоріи вѣроятностей, изложенной въ одной изъ предшествующихъ главъ, легко усмотрѣть, какимъ образомъ каждое изъ обобщеній увеличиваетъ вѣроятность заключенія, оправдываемаго ими всѣми. Если, среднимъ числомъ, изъ каждыхъ трехъ A два суть B, и изъ каждыхъ четырехъ C три суть B, то вѣроятность, относительно чего-либо, одновременно принадлежащаго къ A и къ C, что оно есть также и B, будетъ превосходить отношеніе двухъ къ тремъ или трехъ къ четыремъ. Изъ каждыхъ двѣнадцати вещей, которыя суть A, всѣ, за исключеніемъ четырехъ, суть, по предположенію, B. И если всѣ двѣнадцать вещей, а слѣдовательно и эти четыре, представляютъ въ то же время и признаки C, то, на этомъ основаніи, и изъ этихъ четырехъ три будутъ B. Итакъ, изъ двѣнадцати, которыя суть и A, и C, одиннадцать будутъ B. Изложимъ доводъ иначе. Вещь, которая есть и A, и C, но не есть B, встрѣчается только въ одномъ изъ трехъ разрядовъ класса A и только въ одномъ изъ четырехъ разрядовъ класса C. Но эта четверть C разсѣяна безразлично по всему классу A, и потому только треть ея (или одна двѣнадцатая доля всего числа) принадлежитъ къ третьему разряду A. Слѣдовательно, между двѣнадцатью вещами, которыя суть одновременно и A, и C, вещь, которая не есть B, встрѣчается лишь однажды. На языкѣ теоріи вѣроятностей доводъ былъ бы выраженъ такъ: вѣроятность, что какое-либо A не есть B, равняется $^1/_3$; вѣроятность, что какое-либо C не есть B, равняется $^1/_4$; слѣдовательно, если вещь есть одновременно и A, и C, то вѣроятность, что она не есть B, равна третьей долѣ четверти $= {}^1/_{12}$.

---

*) *Rationale of Judicial Evidence*, vol III, p. 224

Доводъ этотъ предполагаетъ (какъ, вѣроятно, читатель замѣтилъ), что вѣроятности, вытекающія изъ А и С, независимы одна отъ другой. Между А и С не должно быть такой связи, чтобъ вещь, принадлежа къ одному классу, вслѣдствіе этого, принадлежала и къ другому или, по крайней мѣрѣ, чтобъ такая принадлежность была болѣе вѣроятна. Иначе четвертый разрядъ С, вмѣсто того, чтобы быть равномѣрно распредѣленнымъ по тремъ разрядамъ А, можетъ, въ бо́льшей пропорціи или даже цѣликомъ, содержаться въ третьемъ разрядѣ А, а въ такомъ случаѣ вѣроятность, вытекающая изъ А и С вмѣстѣ, будетъ не больше вѣроятности, вытекающей изъ одного класса А.

Когда приблизительныя обобщенія связаны вторымъ способомъ, именно выводомъ, то степень вѣроятности заключенія не только не увеличивается, но съ каждымъ шагомъ уменьшается. Изъ двухъ такихъ посылокъ, каковы «Большинство А суть В» и «Большинство В суть С», мы не можемъ съ достовѣрностью заключить даже того, что хоть одно А есть С; вся доля А, которая какимъ-либо образомъ входитъ въ В, можетъ, пожалуй, содержаться въ его исключительной части. Однако, два разсматриваемыя предложенія представляютъ оцѣнимую вѣроятность, что данное А есть С, лишь бы среднее число случаевъ, которые послужили основаніемъ второму предложенію, было надлежащимъ образомъ соображено съ первымъ: лишь бы предложеніе «Большинство В суть С», по способу его установленія, устраняло подозрѣніе, что вытекающая изъ него вѣроятность распредѣляется неравномѣрно на разрядъ В, принадлежащій къ А. Хотя всѣ случаи, которые суть А, *могутъ* быть въ меньшинствѣ, но они могутъ быть всѣ и въ большинствѣ, и одну возможность слѣдуетъ противопоставить другой. Въ итогѣ вѣроятность, порождаемая двумя предложеніями вмѣстѣ, будетъ правильно измѣряться вѣроятностью, вытекающею изъ одного предложенія и уменьшенною въ мѣрѣ вѣроятности, вытекающей изъ другаго предложенія. Если изъ десяти шведовъ девять бѣлокуры, а изъ девяти жителей Стокгольма восемь шведы, то вытекающая изъ этихъ двухъ предложеній вѣроятность, что какой-либо данный житель Стокгольма бѣлокуръ, будетъ равняться восьми на десять. Однако, вполнѣ возможно, что все шведское населеніе Стокгольма принадлежитъ къ той десятой долѣ шведовъ, которая составляетъ исключеніе.

Если о посылкахъ извѣстно, что онѣ истинны не только о простомъ большинствѣ, а почти о всѣхъ соотвѣтствующихъ имъ предметахъ, то мы можемъ нѣсколько разъ прибавлять одно такое предложеніе къ другому, прежде нежели достигнемъ заключенія, о которомъ нельзя даже предположить, что оно истинно о большинствѣ. Погрѣшность заключенія будетъ равняться совокупности погрѣшностей во всѣхъ посылкахъ. Пусть предложеніе «Большинство A суть B» будетъ истинно въ девяти случаяхъ изъ десяти, а предложеніе «Большинство B суть C» въ восьми случаяхъ изъ девяти; тогда не только одно A на десять не будетъ C, вслѣдствіе того, что оно не B, но даже изъ девяти десятыхъ A, которыя суть B, только восемь десятыхъ будутъ C: т. е., случаевъ A, которыя суть C, будетъ только $^8/_9$ изъ $^9/_{10}$, или четыре пятыхъ. Прибавимъ предложеніе «Большинство C суть D» и предположимъ, что оно истинно о семи случаяхъ на восемь; число A, которые суть D, будетъ равно $^7/_8$ изъ $^8/_9$ изъ $^9/_{10}$, или $^7/_{10}$. Такимъ образомъ вѣроятность прогрессивно слабѣетъ. Однако, опытъ, на которомъ основываются наши приблизительныя обобщенія, такъ рѣдко подвергался точной числовой оцѣнкѣ или такъ рѣдко допускаетъ ее, что, вообще, мы не можемъ прилагать никакого мѣрила къ уменьшенію вѣроятности, происходящему при каждомъ выводѣ, а должны довольствоваться замѣткой, что вѣроятность уменьшается съ каждымъ шагомъ и что если посылки не очень близки ко всеобщей истинѣ, то послѣ весьма немногихъ шаговъ заключеніе теряетъ всю цѣну. Слухъ о слухѣ или доводъ, выставляемый въ доказательство и основанный не на непосредственныхъ признакахъ, а на признакахъ признаковъ, теряетъ всякую цѣну, когда удаляется на весьма немногія ступени отъ первой.

§ 7. Однако, есть два случая, въ которыхъ умозаключенія, основанныя на приблизительныхъ обобщеніяхъ, могутъ быть развиваемы, сколько угодно, съ такою же увѣренностью и остаются столь же строго научны, какъ и въ случаѣ, когда умозаключенія представляютъ всеобщіе законы природы. Но эти случаи суть такія исключенія, о которыхъ обыкновенно говорится, что они подтверждаютъ правило. Въ упомянутыхъ случаяхъ приблизительныя обобщенія такъ же удобны для цѣлей умозаключенія, какъ еслибы они были полными обобщеніями,—потому что они могутъ быть обращены въ совершенно равнозначащія имъ полныя обобщенія.

Первый случай. Когда приблизительное обобщеніе принадлежитъ къ такому роду, въ которомъ мы останавливаемся на приближеніи не по невозможности идти далѣе, а только по неудобству этого; когда намъ извѣстенъ признакъ, который отличаетъ случаи, согласные съ обобщеніемъ, отъ случаевъ, составляющихъ исключенія изъ обобщенія, — тогда мы можемъ замѣнить приблизительное предложеніе всеобщимъ, снабжая послѣднее оговоркой. Къ такимъ обобщеніямъ принадлежитъ предложеніе «Большинство лицъ, облеченныхъ безотвѣтственною властью, злоупотребляютъ ею», которое мы можемъ обратить въ слѣдующее: «*Всѣ* лица, облеченныя безотвѣтственною властью, злоупотребляютъ ею, *если* они не отличаются необыкновенной силой сужденія и честностью намѣреній». Предложеніе, снабженное гипотезою или оговоркою, можно уже разсматривать не какъ приблизительное, а какъ всеобщее предложеніе, и которой бы ступени ни достигло умозаключеніе, ограничивающая его до заключенія гипотеза укажетъ съ точностью, насколько это заключеніе не допускаетъ всеобщаго примѣненія. Если въ дальнѣйшее доказательство будутъ введены другія приблизительныя обобщенія и каждое изъ нихъ будетъ выражено подобнымъ же образомъ, въ видѣ всеобщаго предложенія, съ прибавкою условія, — то въ концѣ доказательства сумма всѣхъ условій представитъ сумму всѣхъ погрѣшностей, измѣняющихъ заключеніе. Такъ, къ приведенному предложенію прибавимъ слѣдующее: Всѣ неограниченные монархи облечены безотвѣтственною властью, если ихъ положеніе не таково, что они нуждаются въ дѣятельной поддержкѣ со стороны своихъ подданныхъ (каково было положеніе королевы Елисаветы, Фридриха Прусскаго и другихъ [1]). Сочетавъ эти два предложенія, мы можемъ вывести изъ нихъ всеобщее заключеніе, которое будетъ ограничено обѣими гипотезами, выставленными въ посылкахъ: «Всѣ неограниченные монархи злоупотребляютъ своею властью, *если*, по своему положенію, они не нуждаются въ дѣятельной

---

[1]) На предъидущее надо смотрѣть, конечно, лишь какъ на примѣръ аргументаціи, потому что, въ дѣйствительности, и цезари римскіе, и богдыханы китайскіе, какъ бы мало видимыхъ ограниченій ни имѣла ихъ власть, отвѣтственны предъ болѣе или менѣе тѣснымъ кружкомъ лицъ, которыя къ нимъ близки, безъ которыхъ они обойтись не могутъ и отъ которыхъ зависятъ. А за этимъ кружкомъ существуетъ еще отвѣтственность предъ преторьянцами, янычарами и т. под. *П. Л.*

поддержкѣ своихъ подданныхъ или *если* они не отличаются необыкновенною силою сужденія и честностью намѣреній.» И какъ бы быстро ни накоплялись погрѣшности въ посылкахъ, не важно, — если мы сможемъ отмѣчать такимъ образомъ каждую погрѣшность и вести имъ счетъ по мѣрѣ накопленія.

Второй случай. Существуетъ случай, когда приблизительныя предложенія остаются всеобщими для цѣлей науки даже по соображеніи нами условій, при которыхъ эти предложенія становятся, въ частности, не истинными. Случай этотъ встрѣчается въ изслѣдованіяхъ, касающихся свойствъ не особей, а большихъ совокупностей. Главное изъ этихъ изслѣдованій — политика или наука о человѣческомъ обществѣ. Эта наука разсматриваетъ преимущественно дѣйствія не недѣлимыхъ, а массъ, судьбы не отдѣльныхъ лицъ, а обществъ. Поэтому, для государственнаго человѣка обыкновенно достаточно знать, что *большинство* лицъ дѣйствуютъ извѣстнымъ образомъ или подпадаютъ извѣстнымъ дѣйствіямъ: его соображенія и практическія мѣры касаются, почти исключительно, случаевъ, въ которыхъ дѣйствіе испытывается разомъ всѣмъ обществомъ или значительною частью его и въ которыхъ, поэтому, совершаемое или испытываемое *большинствомъ* лицъ опредѣляетъ результатъ, производимый обществомъ или на общество вообще. Государственный человѣкъ можетъ довольствоваться приблизительными обобщеніями относительно человѣческой природы, такъ какъ приблизительно-истинное о всѣхъ недѣлимыхъ безусловно-истинно о всѣхъ массахъ [2]). Даже когда его выводы обнимаютъ и дѣйствія недѣ-

---

[2]) Послѣднее положеніе допускаетъ весьма важныя исключенія. Если одно лицо выслушиваетъ пренія по какому-нибудь вопросу, то, вообще говоря, можно съ достаточною вѣроятностью допустить, что оно склонится на сторону справедливѣйшихъ аргументовъ, даже иногда въ ущербъ своимъ минутнымъ влеченіямъ и вопреки своимъ прежнимъ предразсудкамъ. Но если подобныя пренія происходятъ въ присутствіи кружка, сословія или значительнаго слоя общества, то поддержка, которую встрѣчаютъ другъ въ другѣ люди низшаго умственнаго и нравственнаго развитія, такова, что вѣроятность успѣха склоняется не на сторону справедливѣйшихъ мнѣній, а мнѣній, наиболѣе потворствующихъ неразвитости, предразсудкамъ и низшимъ инстинктамъ. Отсюда весьма обыкновенное явленіе огромнаго вліянія, пріобрѣтаемаго недобросовѣстными журналистами или государственными людьми, потворствующими животнымъ стремленіямъ личностей, и вполнѣ пренебрегающими полемикой противниковъ, которая, логически, въ присутствіи каждой личности *отдѣльно*, должна бы поколебать вліяніе упомянутыхъ дѣятелей. *П. Л.*

лимыхъ, когда, напримѣръ, онъ умозаключаетъ о государяхъ или другихъ отдѣльныхъ правителяхъ, онъ принимаетъ мѣры на неопредѣленное время, обнимающее неопредѣленный рядъ такихъ недѣлимыхъ, и потому долженъ умозаключать и дѣйствовать такъ, какъ еслибы истинное о большинствѣ лицъ было истинно о всѣхъ.

Приведенные выше два рода соображеній достаточно опровергаютъ обыкновенное заблужденіе, что умозрѣнія относительно общества и правленія, основываясь на доказательствахъ лишь вѣроятныхъ, должны уступать, въ достовѣрности и научной точности, заключеніямъ наукъ, называемыхъ точными, и заслуживаютъ меньшаго довѣрія на практикѣ. Достаточно существуетъ причинъ, по которымъ науки нравственныя должны уступить превосходство, по крайней мѣрѣ, наиболѣе совершеннымъ изъ физическихъ, и по которымъ законы болѣе сложныхъ явленій, относящихся къ первымъ, не могутъ быть разгаданы такъ же полно, а самыя явленія предсказаны съ тою же степенью увѣренности, какъ въ послѣднихъ. Но хотя мы не можемъ достигнуть на этомъ полѣ столькихъ же истинъ, однако нѣтъ причины, по которой доступныя намъ истины заслуживали бы меньшаго довѣрія или менѣе обладали бы научнымъ характеромъ. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ я буду говорить послѣдовательнѣе въ заключительной книгѣ, куда и отношу всѣ дальнѣйшія соображенія.

ГЛАВА XXIV.

ОБЪ ОСТАЛЬНЫХЪ ЗАКОНАХЪ ПРИРОДЫ.

§ 1. Въ первой книгѣ мы видѣли, что все, словесно утверждаемое, выражаетъ одну или нѣсколько изъ пяти различныхъ вещей: существованіе, порядокъ въ пространствѣ, порядокъ во времени, связь причины со слѣдствіемъ и сходство *). Изъ нихъ, на нашъ взглядъ, связь причины со слѣдствіемъ существенно не отличается отъ порядка во времени, и потому пять родовъ возможныхъ утвержденій сводятся на четыре. Предложенія, утверждающія порядокъ во времени, въ одномъ

*) См. Т. I, стр. 125.

изъ его двухъ видовъ, сосуществованіи и послѣдовательности, составляли предметъ предшествующихъ главъ этой книги. Природа доказательства, на которомъ основываются эти предложенія, и процессы изслѣдованія, служащіе для ихъ обнаруженія и доказательства, изложены нами, насколько они входятъ въ предѣлы, назначенные этой книгѣ. — Затѣмъ остаются три класса фактовъ: существованіе, порядокъ въ пространствѣ и сходство, и въ примѣненіи къ нимъ предстоитъ рѣшить тѣ же вопросы.

Относительно первой изъ этихъ вещей приходится сказать очень мало. Существованіе вообще предметъ не нашей науки, а метафизики. Опредѣленіе того, какія вещи можно признать дѣйствительно существующими, независимо отъ нашихъ чувственныхъ или иныхъ ощущеній и въ какомъ смыслѣ придается вещамъ, въ этомъ случаѣ, такое сказуемое, принадлежитъ къ соображеніямъ о «вещахъ самихъ въ себѣ». соображеніямъ, которыя мы, во всемъ сочиненіи, по возможности, обходили. Существованіе, насколько оно входитъ въ предметъ Логики, касается только явленій: дѣйствительныхъ или возможныхъ состояній внѣшняго или внутренняго сознанія, въ насъ самихъ или въ другихъ. Ощущенія чувствующихъ существъ или возможности имѣть подобныя ощущенія суть единственныя вещи, существованіе которыхъ можетъ быть предметомъ логическаго наведенія, потому что это единственныя вещи, существованіе которыхъ въ единичныхъ случаяхъ можетъ быть предметомъ опыта.

Правда, мы называемъ вещь существующею, даже когда она отсутствуетъ и потому не воспринимается и не можетъ быть воспринята. Но даже и въ этомъ случаѣ существованіе ея лишь иное названіе нашего убѣжденія, что мы восприняли *бы* ее при извѣстныхъ условіяхъ: именно, еслибъ мы находились въ необходимыхъ условіяхъ времени и мѣста и обладали нужнымъ совершенствомъ органовъ. Мое убѣжденіе, что китайскій богдыханъ существуетъ, есть просто убѣжденіе въ томъ, что еслибъ я былъ перенесенъ въ императорскій дворецъ или какое-либо другое мѣсто въ Пекинѣ, то увидѣлъ бы это лицо. Мое убѣжденіе, что Юлій Цезарь существовалъ, есть убѣжденіе въ томъ, что я видѣлъ бы его, еслибъ присутствовалъ при Фарсальской битвѣ или въ зданіи римскаго сената. Когда я убѣжденъ, что звѣзды существуютъ за крайнимъ предѣломъ моего зрѣнія, усиливаемаго лучшими изъ изобрѣтен-

ныхъ донынѣ телескоповъ, мое убѣжденіе, выраженное философски, есть убѣжденіе въ томъ, что при помощи еще лучшихъ телескоповъ, еслибъ они существовали, я могъ бы увидѣть эти звѣзды или что звѣзды эти могутъ быть видимы существами, которыя менѣе удалены отъ нихъ въ пространствѣ или одарены совершеннѣйшими способностями воспріятія, чѣмъ я.

Слѣдовательно, существованіе явленія есть лишь иное названіе того, что явленіе воспринято, или выведенной возможности воспринять его. Когда явленіе находится въ предѣлахъ теперешняго наблюденія, то теперешнимъ наблюденіемъ мы увѣряемся въ его существованіи; когда оно находится внѣ этихъ предѣловъ, и когда поэтому говорится, что оно отсутствуетъ, то мы заключаемъ объ его существованіи по признакамъ или доказательствамъ. Но каковы могутъ быть эти доказательства? Другія явленія, относительно которыхъ увѣрились наведеніемъ, что они связаны съ даннымъ явленіемъ, либо послѣдовательностью, либо сосуществованіемъ. Значитъ, простое существованіе единичнаго явленія, когда оно не замѣчается непосредственно, выводится изъ какого-либо индуктивнаго закона послѣдовательности или сосуществованія и потому не можетъ быть подведено подъ какія-либо особыя индуктивныя правила. Мы доказываемъ существованіе вещи, доказывая, что она связана съ какою-либо извѣстною вещью послѣдовательностью или сосуществованіемъ.

Общія предложенія этого рода, т. е. утверждающія голый фактъ сосуществованія, представляютъ особенность, крайне облегчающую разсмотрѣніе ихъ Логикой: они суть обобщенія, для доказательства которыхъ достаточно одного случая. Существованіе привидѣній или единороговъ или морскихъ змѣй было бы вполнѣ доказано, еслибъ можно было положительно дознаться, что такія вещи были наблюдены хоть однажды. Что случилось однажды, можетъ случиться вновь; вопросъ касается лишь условій, подъ которыми оно случается.

Итакъ, относительно простаго существованія, индуктивной Логикѣ не предстоитъ распутывать узловъ. И потому мы можемъ перейти, по нашему дѣленію, къ остальнымъ двумъ большимъ классамъ фактовъ: сходству и порядку въ пространствѣ.

§ 2. За исключеніемъ случаевъ, въ которыхъ сходство и противоположное ему называются равенствомъ и неравенствомъ, они рѣдко считаются

предметами науки; предполагается, что они могутъ быть восприняты простымъ усмотрѣніемъ, простымъ приложеніемъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ или направленіемъ нашего вниманія на два предмета разомъ или въ непосредственной послѣдовательности. И это одновременное на фактѣ или въ возможности приложеніе нашихъ способностей къ двумъ вещамъ, которыя должны быть сравнены, составляетъ необходимо высшій авторитетъ, всякій разъ, когда упомянутое приложеніе возможно. Но въ большинствѣ случаевъ оно неисполнимо: предметы не могутъ быть сближены настолько, чтобъ въ нашемъ духѣ непосредственно возникало чувство ихъ сходства (по крайней мѣрѣ, полное чувство). Мы въ состояніи только сравнивать каждый изъ двухъ предметовъ съ какимъ-либо третьимъ, который можетъ быть перемѣщаемъ отъ одного къ другому. Даже когда предметы могутъ быть непосредственно сближены, то ихъ сходство или различіе извѣстно намъ лишь несовершенно, если мы не сравнили ихъ въ подробности, часть за частью. Пока этого не сдѣлано, вещи, на дѣлѣ весьма различныя, часто кажутся намъ неразличимо сходными. Двѣ линіи весьма неравной длины, проведенныя въ различныхъ направленіяхъ, будутъ казаться приблизительно равными; но помѣстите ихъ параллельно, выровняйте ихъ болѣе удаленные концы и посмотрите на ближайшіе: неравенство линій станетъ доступно прямому воспріятію.

Итакъ, изслѣдованіе, сходны ли два явленія или различны и въ чемъ именно, не всегда такъ легко, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Когда оба явленія не могутъ быть сближены непосредственно или такъ, чтобы наблюдатель могъ сравнить подробно ихъ различныя части, то онъ долженъ употребить непрямыя средства: умозаключеніе и общія предложенія. Когда мы не можемъ сопоставить двѣ прямыя линіи, для опредѣленія, равны ли онѣ, то прибѣгаемъ къ физическому пособію масштаба, накладываемаго сперва на одну линію и потомъ на другую, и къ логической помощи общаго предложенія или формулы: «Вещи, равныя одной и той же третьей, равны между собою [1])». Сравненіе двухъ вещей чрезъ посредство третьей, когда пря-

[1]) Слѣдовало бы сказать «двѣ *величины*, равныя одной и той же третьей, равны между собою»; но Милль вездѣ употребляетъ «thing, вещь» вовсе не математическій терминъ. Желая строго слѣдовать тексту, мы повсюду удержали этотъ терминъ и просимъ читателя взять это обстоятельство въ соображеніе. *П. Л.*

мое сравненіе невозможно, есть удобный научный процессъ для обнаруженія сходствъ и различій и составляетъ сумму того, чему Логика можетъ учить по этому предмету.

Излишне расширивъ эту замѣтку, Локке сталъ считать самое умозаключеніе не чѣмъ инымъ, какъ сравненіемъ двухъ идей чрезъ посредство третьей, а знаніе воспріятіемъ согласія или несогласія двухъ идей. Кондильякова школа слѣпо приняла эти положенія, безъ ограниченій и различій, которыми тщательно снабдилъ ихъ Локке. Тамъ, гдѣ согласіе или несогласіе какихъ-либо двухъ вещей (иначе называемое сходствомъ и различіемъ) составляетъ самый опредѣляемый предметъ, какъ это особенно бываетъ въ наукахъ о количествѣ и протяженіи, тамъ рѣшеніе, недостижимое прямымъ воспріятіемъ, должно быть отъискиваемо непрямымъ путемъ и состоитъ въ сравненіи этихъ двухъ вещей при посредствѣ третьей. Но это истинно далеко не обо всѣхъ изслѣдованіяхъ. Знаніе, что тѣла падаютъ къ землѣ, есть воспріятіе не согласія или несогласія, а ряда физическихъ случаевъ,—рядъ ощущеній. Локково опредѣленіе знанія и умозаключенія слѣдовало ограничить нашимъ знаніемъ и умозаключеніемъ, относящимся къ сходствамъ. Но даже ограниченныя такимъ образомъ, предложенія не строго справедливы, потому что сравниваются не идеи о двухъ явленіяхъ, какъ говоритъ Локке, а самыя явленія. Эта ошибка была указана нами выше *), и мы указали ея источникъ въ несовершенномъ представленіи о томъ, что происходитъ въ математикѣ, гдѣ, дѣйствительно, очень часто сравниваются идеи, безъ обращенія ко внѣшнимъ чувствамъ, — но лишь потому, что въ математикѣ сравненіе идей строго тожественно сравненію самихъ явленій. Гдѣ, какъ относительно чиселъ, линій и фигуръ, наше понятіе о предметѣ есть полное изображеніе предмета, въ предѣлахъ разсматриваемаго вопроса, — тамъ мы, конечно, можемъ узнать изъ изображенія все то, что могли бы узнать на самомъ предметѣ, простымъ созерцаніемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ данное мгновеніе, когда снято было изображеніе. Простое созерцаніе пороха никогда не научило бы насъ тому, что искра можетъ его воспламенить: слѣдовательно, не научило бы насъ этому и созерцаніе идеи

*) См. кн. I, гл. V, § 1, кн. II, гл. V, § 5.

о порохѣ. Но простое созерцаніе прямой линіи показываетъ, что она не можетъ заключать пространства; слѣдовательно, то же самое покажетъ намъ идея о прямой линіи. Итакъ, случающееся въ математикѣ не можетъ служить доводомъ, что сравниваются лишь идеи. Всегда косвенно или прямо сравниваются два явленія.

Въ случаяхъ, когда мы вовсе не можемъ провѣрить явленія прямымъ наблюденіемъ или не можемъ сдѣлать это съ достаточною точностью, но должны судить объ ихъ сходствѣ, заключая по другимъ сходствамъ или различіямъ, болѣе доступнымъ наблюденію, мы, естественно, какъ во всѣхъ случаяхъ умозаключенія, требуемъ обобщеній или формулъ, приложимыхъ къ предмету. Мы должны умозаключать отъ законовъ природы, отъ единообразій, которыя могутъ быть замѣчаемы въ фактѣ сходства или несходства.

§ 3. Изъ этихъ законовъ или единообразій наибольшимъ объемомъ отличаются представляемыя математикой: аксіомы, касающіяся равенства, неравенства и пропорціональности, и основанныя на нихъ различныя теоремы. Онѣ же — единственные законы сходства, требующіе отдѣльнаго обсужденія и допускающіе его. Существуетъ, правда, безчисленное множество другихъ теоремъ, утверждающихъ сходства явленій: напримѣръ, что уголъ отраженія свѣта *равенъ* углу паденія (равенство есть лишь точное сходство въ величинѣ); или, что небесныя тѣла описываютъ въ равныя времена равныя площади, и что времена ихъ полныхъ обращеній *пропорціональны* (другой родъ сходства) полуторнымъ степенямъ ихъ разстояній отъ центра силы [2]). Эти и подобныя предложенія утверждаютъ сходства одного рода съ утверждаемыми въ математическихъ теоремахъ; различіе состоитъ въ томъ, что математическія теоремы истинны о всѣхъ, какихъ бы ни было, явленіяхъ, — по крайней мѣрѣ, безразлично къ ихъ происхожденію, — между тѣмъ какъ разсматриваемыя нами истины утверждаются лишь о спеціальныхъ явленіяхъ, происходящихъ извѣстнымъ образомъ, и существующія между такими явленіями равенства, пропорціональности и другія сходства необходимо должны быть или выведены изъ закона

---

[2]) Это третій, знаменитѣйшій, законъ Кеплера. Ему здѣсь дана нѣсколько необычная форма; но ниже онъ выраженъ яснѣе. *П. Л.*

ихъ происхожденія — обусловливающаго ихъ законъ связи причины со слѣдствіемъ, — или тожественны съ этимъ закономъ. Равенство площадей, описываемыхъ планетами въ равныя времена, *выведено* изъ законовъ причинъ, и, пока выводъ не былъ доказанъ, оно было закономъ эмпирическимъ. Равенство угловъ отраженія и паденія *тожественно* съ закономъ причины, потому что причина состоитъ въ паденіи луча свѣта на отражающую поверхность, и разсматриваемое равенство есть именно тотъ законъ, сообразно которому упомянутая причина производитъ свои дѣйствія [3]). Слѣдовательно, этотъ классъ единообразій сходства между явленіями нераздѣленъ, на фактѣ и въ мысли, отъ законовъ произведенія этихъ явленій. И примѣнимыя къ разсматриваемымъ единообразіямъ правила наведенія суть тѣ же, о которыхъ мы говорили въ предшествующихъ главахъ этой книги.

Математическія истины представляютъ иное. Законы равенства или неравенства между пространствами или числами не связаны съ законами причины и слѣдствія. Говоря, что уголъ отраженія равенъ углу паденія, мы указываемъ образъ дѣйствія въ особомъ случаѣ; а что двѣ прямыя линіи, взаимно пересѣкаясь, образуютъ равные противоположные углы, истинно обо всѣхъ такихъ линіяхъ и углахъ, какою бы причиною они ни были произведены [4]). Что квадраты періодовъ обращенія планетъ пропорціональны кубамъ ихъ разстояній отъ солнца, составляетъ единообразіе, выведенное изъ законовъ причинъ, производящихъ движенія планетъ: именно, силъ центральной и касательной; а что квадратъ всякаго числа вчетверо больше квадрата половины этого числа, истинно независимо ни отъ какой причины [5]). Итакъ, единственные законы сходства, которые мы должны разсмотрѣть, не-

---

[3]) Здѣсь форма предложенія нѣсколько темна. Смыслъ тотъ (насколько я понимаю Милля), что въ словѣ *отражающая* поверхность уже заключается законъ равенства угловъ паденія и отраженія. *П. Л.*

[4]) Причина, производящая прямыя линіи и углы между ними, *одна*, наше мысленное построеніе ихъ. Лишь для фигуръ, такимъ образомъ *построенныхъ*, и справедливы всѣ геометрическія теоремы. Для всей этой главы ср. примѣчаніе въ концѣ перваго тома «Математическія представленія и математическія понятія». При этомъ обращу вниманіе читателя на то, что въ оглавленіи перваго тома это примѣчаніе озаглавлено невѣрно. *П. Л.*

[5]) Причина — наше мысленное составленіе числа. См. тамъ же. *П. Л.*

зависимо отъ связи причины со слѣдствіемъ, принадлежатъ къ области математики.

§ 4. То же самое очевидно относительно остальной изъ принятыхъ нами пяти категорій: порядка въ пространствѣ. Пространственный порядокъ дѣйствій какой-либо причины (подобно всему другому, принадлежащему къ дѣйствіямъ), есть слѣдствіе законовъ этой причины. Пространственный порядокъ — или, какъ мы назвали его, распредѣленіе — первыхъ причинъ есть (подобно ихъ сходству) въ каждомъ случаѣ коренной фактъ, въ которомъ нельзя указать никакихъ законовъ или единообразій. Единственныя остающіяся общія предложенія относительно порядка въ пространствѣ, — единственныя, не зависящія отъ связи причины со слѣдствіемъ, — это нѣкоторыя истины геометріи; это законы, дающіе намъ возможность изъ порядка нѣкоторыхъ точекъ, линій или тѣлъ въ пространствѣ заключить о порядкѣ другихъ, связанныхъ съ первыми какимъ-либо извѣстнымъ образомъ, — заключить совершенно независимо отъ особой природы этихъ точекъ, линій или тѣлъ, въ какомъ-либо другомъ отношеніи, кромѣ положенія или величины, равно независимо и отъ физической причины, отъ которой они въ данномъ частномъ случаѣ происходятъ.

Итакъ, оказывается, что математика единственный отдѣлъ наукъ, методы котораго еще остается изслѣдовать. И тѣмъ менѣе нужды долго останавливаться на этомъ изслѣдованіи, что во второй книгѣ мы зашли въ немъ довольно далеко. Тамъ мы замѣтили, что прямо-индуктивныя истины математики малочисленны, состоя изъ аксіомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми предложеніями относительно существованія, которыя безмолвно обнимаются большинствомъ такъ-называемыхъ опредѣленій [6]). И мы привели, повидимому, убѣдительные доводы въ пользу того, что эти первыя посылки, изъ которыхъ выводятся остальныя истины науки, суть, не смотря на кажущуюся справедливость противнаго, результаты наблюденія и опыта: короче, основаны на свидѣтельствѣ внѣшнихъ чувствъ. Что вещи, равныя одной и той же, равны между собою, и что двѣ

---

[6]) Какъ указано въ примѣчаніи къ концу перваго тома, всѣ геометрическія фигуры *существуютъ* вслѣдствіе нашего мысленнаго построенія, и *особыя* предложенія объ ихъ существованіи не могутъ имѣть мѣста. Вся геометрія предполагаетъ одно, и *только* одно существованіе, именно существованіе *разстоянія* *П. Л.*

прямыя линіи, взаимно пересѣкшись, продолжаютъ расходиться, суть истины индуктивныя, основанныя, подобно закону всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, только на наведеніи простымъ перечисленіемъ: на фактѣ, что онѣ постоянно оказывались истинными и ни разу не оказались ложными. Этотъ доводъ, какъ мы видѣли въ одной изъ послѣднихъ главъ, равняется полнѣйшему доказательству въ примѣненіи къ закону, до такой степени всеобщему, какъ законъ связи причины со слѣдствіемъ. Онъ еще очевиднѣе справедливъ относительно общихъ предложеній, разсматриваемыхъ нами теперь: такъ какъ воспріятіе ихъ истинности въ какомъ бы то ни было единичномъ случаѣ требуетъ только простаго взгляда на предметы въ надлежащемъ положеніи, то относительно этихъ общихъ предложеній никогда не могло быть случаевъ, которые, повидимому, хотя и не на дѣлѣ, представляли бы исключенія (какъ это было, въ теченіе длиннаго періода, относительно закона связи причины со слѣдствіемъ). Непогрѣшимость ихъ была признана съ самаго начала умозрѣній, и такъ какъ ихъ чрезвычайная привычность отнюдь не позволяла уму представлять себѣ предметы подчиненными какому-либо другому закону, то вообще считали эти общія предложенія и считаютъ еще теперь за истины, признанныя на основаніи ихъ собственной очевидности или на основаніи инстинкта.

§ 5. Необъятное множество истинъ, входящихъ въ математическія науки, такъ же далеко не исчерпано теперь, какъ когда-либо. Тѣмъ не менѣе всѣ эти истины могутъ быть выведены изъ весьма небольшаго числа элементарныхъ законовъ. Съ перваго взгляда непонятно, какъ о предметахъ, повидимому, столь ограниченныхъ, можетъ существовать такое безконечное разнообразіе истинныхъ предложеній.

Начнемъ съ науки о числахъ. Элементарныя или коренныя истины этой науки суть или обыкновенныя аксіомы относительно равенства, именно: «Вещи, равныя одной и той же вещи, равны между собою» [7]) и «Придавъ равныя къ равнымъ, получимъ равныя» (другихъ аксіомъ не требуется [*]), — или опредѣленія различныхъ чиселъ. Подобно

---

[7]) См. прим. 1 къ этой главѣ. *П. Л.*

[*]) Аксіома «Отнявъ отъ равныхъ равныя, получимъ остатки равные» можетъ быть доказана двумя аксіомами, приведенными въ текстѣ. Если $A = a$ и $B = b$, то

другимъ такъ-называемымъ опредѣленіямъ, эти опредѣленія состоятъ изъ двухъ вещей, — объясненія названія и утвержденія факта, — изъ которыхъ только послѣдняя можетъ составлять въ наукѣ основное начало или основную посылку. Фактъ, утверждаемый въ опредѣленіи числа, есть фактъ физическій. Каждое изъ чиселъ — два, три, четыре и т. д. — означаетъ физическія явленія и соозначаетъ физическое свойство этихъ явленій. Два, напримѣръ, означаетъ всѣ пары вещей, двѣнадцать всѣ дюжины вещей, соозначая то, что дѣлаетъ ихъ парами или дюжинами; а то, что дѣлаетъ ихъ парами или дюжинами, есть нѣчто физическое, такъ какъ нельзя отрицать, что два яблока могутъ быть физически отличены отъ трехъ яблоковъ, двѣ лошади отъ одной лошади и т. д., что они суть отличное видимое и вѣсомое явленіе. Я не берусь сказать, въ чемъ состоитъ это различіе: довольно того, что существуетъ различіе, которое можетъ быть познано внѣшними чувствами. И хотя сто двѣ лошади не такъ легко отличить отъ ста трехъ, какъ двѣ лошади отъ трехъ, хотя въ большинствѣ положеній внѣшнія чувства не замѣчаютъ никакой разницы, однако они *могутъ* быть направлены такъ, что разница будетъ замѣтна. Иначе мы никогда не различили бы этихъ двухъ вещей и не придали бы имъ различныхъ названій. Вѣсъ признается физическимъ свойствомъ вещей; однако, малыя различія между большими тяжестями, въ бо́льшей части положеній, такъ же незамѣтны внѣшнимъ чувствамъ, какъ и малыя различія между большими числами;

$A - B = a - b$. Предположимъ противное. Тогда $A - B = a - b + c$. Но такъ какъ $B = b$, то, прибавляя равныя къ равнымъ, получимъ $A = a + c$. Но $A = a$. Слѣдовательно, $a = a + c$, что невозможно *).

Доказавъ это предложеніе, мы можемъ, посредствомъ его, доказать слѣдующее: «Прибавивъ равныя къ неравнымъ, получимъ неравныя». Если $A = a$, а B не равно b, то $A + B$ не равно $a + b$. Но предположимъ, что $A + B = a + b$. Тогда, такъ какъ $A = a$, а $A + B = a + b$, мы, отнимая отъ равныхъ равныя, получимъ $B = b$, что противно предположенію.

Такъ же можетъ быть доказано, что двѣ вещи, изъ которыхъ одна равна, а другая не равна третьей, не равны между собою. Если $A = a$, а A не равно B, то a не равно B. Предположимъ, что они равны. Тогда получимъ: такъ какъ $A = a$ и $a = B$ и такъ какъ вещи, равныя одной и той же вещи, равны между собою, то $A = B$, что противно предположенію.

*) Собственно, вторая аксіома Милля должна быть высказана несравненно общѣе: измѣняя одинаково двѣ равныя величины, получимъ величины тоже равныя.

П. Л.

и обнаруживаются только тѣмъ, что два предмета ставятся въ особое положеніе, — именно, помѣщаются въ противоположныя чашки чувствительныхъ вѣсовъ.

Что же соозначается названіемъ числа? Конечно, какое-либо свойство, принадлежащее скопленію вещей, которому мы придаемъ это названіе, и свойствомъ этимъ бываетъ характеристическій способъ, которымъ скопленіе составляется изъ частей и можетъ быть на нихъ разбито. Я постараюсь вкратцѣ поясить это.

Когда мы называемъ собраніе предметовъ *двумя*, *тремя* или *четырмя*, то предметы эти не суть два, три или четыре въ отвлеченіи; это два, три или четыре предмета извѣстнаго рода: камешки, лошади, дюймы, фунты. Названіемъ числа соозначается то, какимъ образомъ отдѣльные предметы даннаго рода должны быть соединяемы, чтобы произвести особое скопленіе. Если скопленіе состоитъ изъ камешковъ и мы называемъ его *двумя*, то названіе обнимаетъ собою, что для составленія скопленія одинъ камешекъ долженъ быть прибавленъ къ одному камешку. Называя скопленіе *тремя*, мы разумѣемъ, что для произведенія его должны быть собраны одинъ камешекъ и одинъ и одинъ, или, иначе, что одинъ камешекъ долженъ быть прибавленъ къ существующему уже скопленію того рода, которое называется *двумя*. Скопленіе, которое мы называемъ *четырмя*, обладаетъ еще бо́льшимъ числомъ характеристическихъ способовъ составленія: могутъ быть сопоставлены одинъ камешекъ и одинъ и одинъ и одинъ; либо можно соединить два скопленія того рода, который называется *двумя;* либо одинъ камешекъ можетъ быть прибавленъ къ скопленію рода, называемаго *тремя*. Каждое послѣдующее число въ восходящемъ ряду можетъ образоваться отъ соединенія меньшихъ чиселъ при прогрессивно большемъ разнообразіи способовъ. Даже ограничиваясь двумя частями, можно составлять, слѣдовательно и разбивать, число столькими различными способами, сколько есть меньшихъ противъ него чиселъ. А если мы допустимъ еще три, четыре части, то разнообразія будетъ еще болѣе. Другіе способы придти къ тѣмъ же скопленіямъ состоятъ не въ соединеніи меньшихъ, а въ разбивкѣ бо́льшихъ скопленій. Такъ, *три камешка* можно получить, отнявъ одинъ камешекъ отъ скопленія

четырехъ; *два камешка* — дѣленіемъ поровну такого же скопленія, и т. д.

Каждое ариѳметическое предложеніе, каждое объявленіе результата ариѳметическаго дѣйствія есть объявленіе одного изъ двухъ способовъ образованія даннаго числа. Оно утверждаетъ, что извѣстное скопленіе могло быть образовано соединеніемъ другихъ скопленій или отнятіямъ извѣстныхъ частей отъ какого-либо скопленія и, слѣдовательно, что мы могли бы воспроизвести изъ него прежнія скопленія, обратнымъ дѣйствіемъ.

Такъ, говоря, что кубъ 12 есть 1728, мы утверждаемъ слѣдующее: Если, имѣя достаточное число камешковъ или иныхъ вещей, мы будемъ складывать ихъ въ особый родъ группъ или скопленій, называемый двѣнадцатью, эти скопленія будемъ соединять опять въ подобныя же собранія и, наконецъ, образуемъ двѣнадцать такихъ большихъ скопленій, то составившееся этимъ путемъ скопленіе будетъ такимъ, какое называется 1728: именно (слѣдуя самому обыкновенному способу его составленія), то, которое можетъ быть составлено соединеніемъ группы, называемой тысячью камешковъ, группы, называемой семью стами камешковъ, группы, называемой двадцатью камешками, и группы, называемой восемью камешками.

Обратное предложеніе, что кубическій корень 1728 есть 12, утверждаетъ, что это большое скопленіе можетъ быть вновь разложено на двѣнадцать скопленій по двѣнадцати кучекъ изъ двѣнадцати камешковъ, которыя его и составили.

Способы составленія всякаго числа безчисленны; но когда мы знаемъ одинъ способъ составленія каждаго, то всѣ остальные могутъ быть получены дедуктивно. Пусть мы знаемъ, что a состоитъ изъ b и c, b изъ d и e, c изъ d и f, и такъ далѣе, пока не включимъ всѣхъ чиселъ избраннаго нами ряда (лишь бы для каждаго числа способъ его составленія былъ самостоятеленъ и не привелъ бы насъ обратно къ прежнимъ числамъ, а вводилъ бы новое число). Тогда мы получимъ рядъ предложеній, отъ котораго мы можемъ умозаключить ко всѣмъ инымъ способамъ составленія этихъ чиселъ изъ другихъ. Установивъ цѣль индуктивныхъ истинъ, связывающую всѣ числа ряда, мы можемъ изслѣдовать образованіе всякаго изъ этихъ чиселъ изъ всякаго

другаго, просмотрѣвъ лишь цѣпь отъ одного къ другому. Предположите, что мы знаемъ лишь слѣдующіе способы образованія: $6 = 4 + 2$, $4 = 7 - 3$, $7 = 5 + 2$, $5 = 9 - 4$. Мы могли бы опредѣлить, какъ образовать 6 изъ 9, потому что $6 = 4 + 2 = 7 - 3 + 2 = 5 + 2 - 3 + 2 = 9 - 4 + 2 - 3 + 2$. Слѣдовательно, для образованія 6 можно отнять 4 и 3 и прибавить 2 и 2. А если мы, кромѣ того, знаемъ, что $2 + 2 = 4$, то образуемъ 6 изъ 9 простѣйшимъ способомъ, отнявъ 3.

Поэтому, достаточно выбрать одинъ изъ различныхъ способовъ образованія каждаго числа, какъ средство для открытія всѣхъ остальныхъ. А такъ какъ умъ всего легче воспринимаетъ и удерживаетъ вещи однообразныя и потому простыя, то очевидно выгодно выбрать способъ образованія, который былъ бы одинаковъ для всѣхъ чиселъ: установивъ соозначеніе названій чиселъ на одномъ единообразномъ началѣ. Способъ, по которому построена наша теперешняя числовая номенклатура, представляетъ, кромѣ этого преимущества, еще и добавочное: что она удобно показываетъ уму два изъ способовъ образованія каждаго числа. Каждое число разсматривается какъ возникшее отъ прибавки единицы къ ближайшему меньшему числу, и этотъ способъ образованія указывается мѣстомъ числа въ ряду чиселъ. Кромѣ того, каждое число разсматривается еще какъ образовавшееся изъ сложенія числа единицъ, меньшаго десяти, и нѣкотораго числа совокупностей, изъ которыхъ каждая есть одна изъ послѣдовательныхъ степеней десяти; этотъ способъ образованія числа выражается произносимымъ названіемъ и письменнымъ изображеніемъ.

Типомъ выводной науки дѣлаетъ ариѳметику то обстоятельство, что, по счастію, къ ней приложимъ столь пространный законъ, какъ «Суммы равныхъ равны» или, выражая то же начало менѣе привычнымъ, но болѣе характеристическимъ языкомъ: «Все, состоящее изъ частей, состоитъ изъ частей этихъ частей». Эта истина очевидна по свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ во всѣхъ случаяхъ, которые могутъ быть справедливо подчинены ихъ рѣшенію, и дотого общи, что распространяется на всю природу, какъ истинная о всѣхъ родахъ явленій (ибо всѣ они допускаютъ счетъ). Потому она должна быть признана индуктивнымъ закономъ или закономъ природы, и притомъ выс-

шаго разряда. И каждое ариѳметическое дѣйствіе есть приложеніе этого закона или другихъ законовъ, которые могутъ быть изъ него выведены. Онъ служитъ намъ порукою во всѣхъ нашихъ вычисленіяхъ. Мы убѣждены, что пять и два равны семи, на основаніи этого индуктивнаго закона, въ связи съ опредѣленіями взятыхъ чиселъ. Мы приходимъ къ этому заключенію (какъ знаетъ всякій, кто помнитъ, какъ онъ впервые научился ему), прибавляя лишь по единицѣ: $5+1=6$; слѣдовательно, $5+1+1=6+1=7$, или: $2=1+1$, почему $5+2=5+1+1=7$.

§ 6. Какъ ни безчисленны истинныя предложенія, которыя могутъ быть составлены относительно отдѣльныхъ чиселъ, но по числу однихъ этихъ предложеній невозможно составить надлежащаго представленія о распространеніи истинъ, составляющихъ науку чиселъ. Такія предложенія, о которыхъ мы говорили, наименѣе общи изъ всѣхъ численныхъ истинъ. Правда, даже они распространяются на всю природу: свойства числа четыре истинны относительно всѣхъ предметовъ, дѣлимыхъ на четыре равныя части, и всѣ предметы, или на дѣлѣ, или мысленно, дѣлимы такимъ образомъ. Но предложенія, составляющія науку алгебры, истинны не относительно одного какого-либо числа, а относительно всѣхъ чиселъ; не относительно всего дѣлимаго извѣстнымъ образомъ, а относительно всего дѣлимаго какимъ-бы то ни было образомъ; относительно всего, означаемаго какимъ бы то ни было числомъ.

Такъ какъ невозможно, чтобы у различныхъ чиселъ какой-либо способъ ихъ образованія былъ вполнѣ общій, то будетъ какъ бы парадоксомъ, что всѣ предложенія, какія могутъ быть составлены относительно чиселъ, касаются способовъ ихъ образованія изъ другихъ чиселъ и что, однако, существуютъ предложенія, истинныя относительно всѣхъ чиселъ. Но именно этотъ парадоксъ и ведетъ къ настоящему началу обобщенія относительно свойствъ чиселъ. Два различныя числа не могутъ быть получены тѣмъ же способомъ изъ однихъ и тѣхъ же чиселъ, но они могутъ быть получены тѣмъ же способомъ изъ различныхъ чиселъ: девять составлено изъ трехъ, помноженныхъ на самихъ себя, а шестнадцать, тѣмъ же дѣйствіемъ, изъ четырехъ. Такъ возникаетъ классификація способовъ образованія чиселъ или,

употребляя обыкновенный математическій терминъ, классификаціи функцій. Всякое число, разсматриваемое какъ результатъ составленія его изъ другаго числа, называется функціей послѣдняго, и существуетъ столько же родовъ функцій, сколько есть способовъ составленія чиселъ. Простыя функціи отнюдь не многочисленны, такъ какъ большинство функцій составляются или сочетаніемъ различныхъ дѣйствій, образующихъ простыя функціи, или послѣдовательнымъ повтореніемъ котораго-либо изъ этихъ дѣйствій. Простыя функціи даннаго числа x всѣ могутъ быть приведены къ слѣдующимъ формуламъ: $x+a$, $x-a$, ax, $\frac{x}{a}$, x^a, $\sqrt[a]{x}$, $\log. x$ (при основаніи a) и къ тѣмъ же выраженіямъ, измѣненнымъ подстановкою x вмѣсто a и a вмѣсто x, всякій разъ, когда эта замѣна измѣняетъ величину результата; сюда слѣдовало бы, можетъ быть, прибавить еще $\sin. x$ и $\arc\ (\sin = x)$ [9]). Всѣ другія функціи x образуются вставкой, на мѣсто x или a, одной или болѣе изъ простыхъ функцій и произведеніемъ надъ ними тѣхъ же первыхъ дѣйствій.

Чтобы дѣлать общія умозаключенія о функціяхъ, мы нуждаемся въ номенклатурѣ, позволяющей выражать каждыя два числа названіями,

---

[9]) Log. x при основаніи a выражаетъ зависимость y отъ x, получаемую изъ уравненія

$$a^y = x.$$

Во всякомъ числѣ для даннаго угла существуетъ опредѣленная зависимость между величиною дуги и величиною хорды, соотвѣтствующей этой дугѣ. При радіусѣ, равномъ 1, зависимость полухорды отъ полудуги, называя послѣднюю чрезъ x, будетъ $\sin. x$; наоборотъ же, если полухорду обозначимъ чрезъ x, то полудуга, ей соотвѣтствующая, выразится чрезъ $\arc\ (\sin = x)$ или, какъ у насъ принято обозначать, $\arc \sin. x$, т. е. дуга у которой синусъ есть x.

Число простыхъ функцій, т. е. не сводимыхъ на простѣйшія, вовсе не такъ ограничено, какъ говоритъ Милль, и выставленныя имъ формы вовсе ихъ не исчерпываютъ, заключая въ то же время въ себѣ повторенія: ax и x^a суть лишь упрощенія суммы; a^x, функція высшаго рода *трансцендентная*, вовсе не то же, по самой сущности, что x^a. Корни алгебрическихъ уравненій составляютъ *особыя* функціи, не сводимыя на другія, простѣйшія; интегрированіе даетъ *безчисленное* множество простыхъ функцій (эллиптическихъ гаммъ и т. д.), *не сводимыхъ* на другія. Интегрированіе дифференціальныхъ уравненій дастъ еще новое *безчисленное* множество простыхъ функцій, *не сводимыхъ* на интегрированіе явныхъ функцій, и т. д. Сравнительно съ числомъ *всѣхъ* возможныхъ функцій, конечно, можно сказать, что число простыхъ функцій, не сводимыхъ на другія, ограничено; но и это *ограниченное* число неизмѣримо. Можетъ быть, можно допустить, что Милль хотѣлъ говорить объ уравненіяхъ ниже, особо (что, впрочемъ, сомнительно); но и при этомъ ограниченіи остается весь *безконечный* рядъ явныхъ трансцендентныхъ чиселъ.

которыя, не опредѣляя, какія именно это числа, показывали бы, какою функціею каждое изъ нихъ служитъ другому, или, другими словами, обнаруживали бы способъ ихъ происхожденія одного изъ другаго. Это исполняетъ система обобщеннаго языка, называемая алгебраическимъ обозначеніемъ. Выраженія a и a^2+3a означаютъ: одно — всякое число, другое — число, происшедшее изъ перваго особымъ образомъ. Выраженія a, b, n и $(a+b)^n$ означаютъ всякія три числа и четвертое, которое составлено изъ нихъ извѣстнымъ образомъ.

Общею задачею алгебры можно считать слѣдующее: принявъ F за извѣстную функцію даннаго числа, найти, какая функція будетъ F отъ какой угодно другой функціи этого же числа. Напримѣръ, биномъ $a+b$ есть функція его двухъ слагаемыхъ a и b, а слагаемыя эти, въ свою очередь, суть функціи бинома $a+b$; но $(a+b)^n$ есть извѣстная функція бинома; какую функцію составилъ онъ отъ слагаемыхъ a и b? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ теорема бинома. Формула $(a+b)^n = a^n + \frac{n}{1}a^{n-1}b + \frac{n(n-1)}{1.2}a^{n-2}b^2 +$ и т. д. показываетъ, какимъ образомъ число, происшедшее отъ умноженія $a+b$ на самого себя n разъ, могло бы произойти безъ этого процесса, прямо изъ a, b и n. Таковы же, по своей природѣ, всѣ теоремы науки чиселъ. Онѣ утверждаютъ тожество результатовъ полученныхъ различными способами составленія чиселъ. Онѣ утверждаютъ, что нѣкоторый данный способъ составленія числа изъ x и нѣкоторый способъ составленія перваго изъ какой-либо функціи x даютъ въ результатѣ то же самое число.

Кромѣ этихъ общихъ теоремъ или формулъ, вся остальная часть алгебры состоитъ въ рѣшеніи уравненій. Но рѣшеніе уравненія есть также теорема. Возьмемъ уравненіе $x^2+ax=b$. Рѣшеніе [10]) этого уравненія, именно $x=-\frac{1}{2}a\pm\sqrt{\frac{1}{4}a^2+b}$, есть общее предложеніе, которое можно разсматривать какъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: Если b есть функція отъ x и a (именно x^2+ax), то какою функціею будетъ x отъ b и a? Слѣдовательно, рѣшеніе уравненій есть лишь видоизмѣненіе общей задачи, указанной выше. Задача эта такова: Дана функція отъ нѣкотораго числа; найти, какая это будетъ функція отъ

---

[10]) Выраженіе это обыкновенно называется *корнемъ* уравненія. *П. Д.*

какой-либо другой функціи. А при рѣшеніи уравненія задача состоитъ въ томъ, чтобы найти, какую функцію отъ одной изъ своихъ собственныхъ функцій составляетъ данное число.

Мы описали цѣль счисленія. Что же касается его процессовъ, то всякій знаетъ, что они просто дедуктивны. Доказывая алгебраическую теорему или рѣшая уравненіе, мы идемъ отъ *даннаго* къ *искомому* чистымъ умозаключеніемъ, въ которое, кромѣ начальныхъ предположеній, введены посылками только упомянутыя уже основныя аксіомы: вещи, равныя одной и той же третьей, равны между собою, и суммы равныхъ вещей равны. На каждомъ шагу доказательства или вычисленія мы прилагаемъ ту или другую изъ этихъ истинъ или истинъ, которыя могутъ быть изъ нихъ выведены: напримѣръ, что разности, произведенія и т. д., получаемыя отъ равныхъ чиселъ, равны.

Продолжать анализъ истинъ алгебры и ея дѣйствій не было бы ни совмѣстно съ размѣрами этого сочиненія, ни необходимо для его цѣли.

Въ этомъ представляется тѣмъ меньшая нужда, что означенный трудъ совершенъ уже съ бо́льшею подробностью другими авторами. Алгебру Пикока и Уэведево *Ученіе о предѣлахъ (Doctrine of Limits)* слѣдовало бы изучать всякому, кто желаетъ понять доказательство математическихъ истинъ и смыслъ неясныхъ процессовъ счисленія; даже одолѣвъ эти сочиненія, онъ можетъ научиться многому по этому предмету отъ Канта, умозрѣніямъ котораго философія высшихъ частей математики одолжена бо́льшимъ, чѣмъ кому-либо другому изъ извѣстныхъ мнѣ писателей.

§ 7. Крайняя общность числовыхъ законовъ и ихъ отвлеченность не столько отъ внѣшняго чувства, сколько отъ воображенія себѣ предметовъ видимыхъ и осязаемыхъ, имѣетъ слѣдствіемъ, что для насъ довольно труденъ процессъ абстракціи, помощью котораго мы можемъ понять эти законы какъ истины въ сущности физическія, добытыя изъ наблюденія. Законы протяженія не представляютъ этого затрудненія. Родъ фактовъ, выражаемыхъ этими законами, особенно доступенъ внѣшнимъ чувствамъ и порождаетъ въ воображеніи чрезвычайно отчетливые образы. Что геометрія есть наука строго-физическая [11]),

[11]) Совершенно справедливо, что геометрія, изучая протяженія, самое общее явленіе въ природѣ, есть, по всей справедливости, первая изъ наукъ, составляющихъ

было бы, безъ сомнѣнія, признано съ самаго начала, еслибы не препятствовали тому заблужденія, порожденныя двумя обстоятельствами. Одно изъ нихъ состоитъ въ указанной уже характеристической особенности геометрическихъ фактовъ, что они могутъ быть выводимы изъ нашихъ понятій или умственныхъ изображеній предметовъ такъ же хорошо, какъ и изъ самихъ предметовъ [12]). Другое обстоятельство состоитъ въ убѣдительности геометрическихъ истинъ. Одно время предполагали, что она составляетъ коренное отличіе истинъ геометрическихъ отъ физическихъ, которыя, какъ опирающіяся на доказательство лишь вѣроятное, считались существенно непрочными и неточными. Однако, успѣхи знанія сдѣлали очевиднымъ, что естествознаніе, въ своихъ наилучше понятыхъ отрасляхъ, убѣдительно не менѣе геометріи. Трудъ вывода подробностей этихъ отраслей изъ немногихъ, сравнительно-простыхъ началъ оказался отнюдь не невозможнымъ, какимъ его нѣкогда считали. И понятіе о высшей достовѣрности геометріи есть мечта, возникающая изъ древняго предразсудка, который, въ этой наукѣ, ошибочно принимаетъ ея идеальныя данныя, отъ которыхъ мы умозаключаемъ, за особый родъ реально существующихъ вещей, тогда какъ соотвѣтственныя идеальныя данныя всякой выводной физической науки признаются за то, что они суть въ самомъ дѣлѣ, — за чистыя гипотезы.

Всякая геометрическая теорема есть законъ внѣшней природы и могла бы быть обнаружена обобщеніемъ изъ наблюденія и опыта, которые, въ этомъ случаѣ, разлагаются на сравненіе и измѣреніе [13]). Но нашли возможнымъ, а вслѣдствіе того и желательнымъ, выводить эти истины, умозаключеніемъ, изъ небольшаго числа общихъ законовъ природы, достовѣрность и всеобщность которыхъ была очевидна каждому поверхностному наблюдателю и которые составляютъ первыя пра-

---

естествознаніе, и не принадлежитъ, какъ думаютъ многіе, къ наукамъ чистыхъ отвлеченій, *чистой математикѣ, формальной логикѣ* и *теоріи вѣроятностей*. *П. Л.*

[12]) Собственно, *только* изъ первыхъ они и выводятся, а къ послѣднимъ прилагаются по приближенію. См. примѣчаніе въ концѣ перваго тома. *П. Л.*

[13]) Нѣкоторыя теоремы геометріи дѣйствительно были, какъ кажется, выведены этимъ путемъ: между прочимъ, теоремы, заключающія численныя отношенія между геометрическими величинами. См. *Cantor:* «Mathematische Beiträge zur Culturgeschichte». *П. Л.*

вила и коренныя посылки науки. Къ этимъ общимъ законамъ должны быть причислены тѣ два закона, которые мы указали какъ коренныя начала и науки о числахъ и которые приложимы ко всѣмъ родамъ количествъ. Законы эти: Суммы равныхъ равны и Вещи, равныя одной и той же, равны между собою. Чтобы замѣтнѣе было неисчерпаемое множество слѣдствій втораго закона, его можно выразить и въ слѣдующихъ словахъ: Равное которой-либо изъ извѣстнаго числа равныхъ величинъ равно и каждой изъ нихъ. Къ этимъ двумъ началамъ слѣдуетъ присоединить въ геометріи еще третій законъ равенства: Линіи, поверхности или объемы, которые могутъ быть наложены другъ на друга такъ, что совпадутъ, равны. Нѣкоторые писатели утверждали, что этотъ законъ природы есть лишь словесное опредѣленіе; что подъ выраженіемъ «равныя величины» *разумѣются* лишь величины, которыя могутъ быть наложены одна на другую такъ, что совпадутъ. Но съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться. Равенство двухъ геометрическихъ величинъ не можетъ коренным образомъ отличаться, по природѣ, отъ равенства двухъ вѣсовъ, двухъ градусовъ тепла или двухъ періодовъ времени, а между тѣмъ ни къ одному изъ нихъ это — такъ называемое опредѣленіе равенства не приложимо. Ни однѣ изъ этихъ вещей не могутъ быть наложены одна на другую такъ, чтобы совпасть; тѣмъ не менѣе мы прекрасно понимаемъ, что разумѣемъ, называя ихъ равными. Вещи равны по протяженію, какъ вещи равны по вѣсу, когда онѣ сознаны какъ совершенно подобныя въ свойствѣ, по которому мы ихъ сравниваемъ [14]). И наложеніе предметовъ, одного на другой, въ одномъ случаѣ, точно такъ же, какъ взвѣшиваніе ихъ на двухъ чашкахъ вѣсовъ въ другомъ случаѣ, есть только способъ для поставленія ихъ въ положеніе, гдѣ наши внѣшнія чувства могутъ замѣтить недостатокъ точнаго сходства, который иначе ускользнулъ бы отъ нашего вниманія.

Наряду съ этими тремя общими началами или аксіомами, остальныя посылки геометріи состоятъ изъ такъ-называемыхъ опредѣленій,

---

[14]) Тутъ есть разница въ томъ отношеніи, что два протяженія нами *строятся* какъ равныя, и потому дѣйствительно равны. Для двухъ вѣсовъ мы лишь *допускаемъ*, что они равны. *П. Л.*

т. е. изъ предложеній, утверждающихъ дѣйствительное существованіе обозначенныхъ въ нихъ предметовъ и какое-либо свойство каждаго изъ послѣднихъ [15]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновенно утверждаютъ болѣе одного свойства, но ни въ одномъ случаѣ не необходимо болѣе одного. Принимается, что въ природѣ существуютъ прямыя линіи и всякіе двѣ прямыя линіи, исходя изъ одной точки, болѣе и болѣе расходятся, до безконечности. Это положеніе (обнимающее Евклидову аксіому, что двѣ прямыя линіи не могутъ заключать пространства, и идущее далѣе ея) такъ же необходимо въ геометріи, какъ любая изъ другихъ аксіомъ, и не менѣе очевидно,—основываясь на такомъ же простомъ, привычномъ и всеобщемъ наблюденіи. Принимается, что прямыя линіи расходятся въ различной степени, — другими словами, что существуютъ углы и что они могутъ быть равны и неравны. Принимается, что существуетъ кругъ и что всѣ его радіусы равны; что существуютъ эллипсисы и что суммы фокусныхъ разстояній равны для каждой точки въ эллипсисѣ; что существуютъ параллельныя линіи и что линіи эти вездѣ одинаково отстоятъ одна отъ другой *).

[15]) См. о дѣйствительномъ существованіи всѣхъ построенныхъ геометрическихъ протяженій примѣчаніе въ концѣ перваго тома. *П. Л.*

*) Геометры обыкновенно предпочитали опредѣлять параллельныя линіи свойствомъ, что онѣ, лежа въ одной плоскости, никогда не встрѣчаются. Однако, это опредѣленіе заставило геометровъ принимать, въ видѣ добавочной аксіомы, какое-либо другое свойство параллельныхъ линій, и неудовлетворительный выборъ свойствъ для этой цѣли Евклидомъ и другими всегда считался позоромъ начальной геометріи. Даже какъ словесное опредѣленіе равное разстояніе параллельныхъ линій есть свойство, удобнѣйшее для ихъ отличенія, такъ какъ оно есть свойство, дѣйствительно заключающееся въ значеніи названія [16]). Еслибъ подъ параллельностью разумѣлось лишь то, что линіи, находясь въ одной плоскости, никогда не встрѣчаются, то намъ не казалось бы нелѣпымъ говорить о кривой параллельной ея ассимптотѣ. Подъ параллельными линіями должно разумѣть линіи, которыя идутъ совершенно въ одинаковомъ направленіи и потому никогда не приближаются одна къ другой и никогда взаимно не отдаляются. Представленіе это прямо возникаетъ изъ созерцанія природы. Что линіи никогда не встрѣтятся, это, конечно, обнимается болѣе широкимъ предложеніемъ, что онѣ вездѣ одинаково отстоятъ одна отъ другой. А что всякія прямыя линіи, лежащія въ той же плоскости и не одинаково отстоящія одна отъ другой, непремѣнно встрѣтятся, можетъ быть доказано самымъ строгимъ образомъ изъ основнаго свойства прямыхъ линій, принимаемаго въ текстѣ; именно, что если онѣ исходятъ изъ одной точки, то расходятся болѣе и болѣе до безконечности.

[16]) Ассимптота кривой линіи есть прямая линія, къ которой безконечная вѣтвь кривой постоянно приближается, никогда ея не достигая. *П. Л.*

§ 8. Не одно любопытство, но и научный интересъ заставляетъ насъ разсмотрѣть, отъ какой особенности истинъ естествознанія, составляющихъ предметъ геометріи, зависитъ обстоятельство, что всѣ онѣ могутъ быть выведены изъ такого малаго числа коренныхъ посылокъ? Отчего мы можемъ выйти изъ одного какого-либо характеристическаго свойства каждаго рода явленій и, при помощи его и двухъ или трехъ общихъ истинъ, касающихся равенства, переходить отъ признака къ признаку, пока не соберемъ множества выводныхъ истинъ, повидимому крайне несходныхъ съ первоначальными?

Этотъ замѣчательный фактъ объяснимъ, кажется, слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ, всѣ вопросы о положеніи и фигурѣ разложимы на вопросѣ о величинѣ. Положеніе и фигура всякаго предмета опредѣлятся, если будетъ опредѣлено положеніе достаточнаго числа точекъ этого предмета, а положеніе всякой точки можетъ быть опредѣлено величиною трехъ прямоугольныхъ координатъ, т. е. перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ упомянутой точки на произвольно-выбранныя три оси, составляющія между собою прямые углы [17]). Этимъ обращеніемъ всѣхъ вопросовъ о качествѣ въ вопросы лишь о количествѣ геометрія сводится, исключительно, на измѣреніе величинъ, т. е. на опредѣленіе существующихъ между ними равенствъ. Но, по одной изъ общихъ аксіомъ, всякое равенство, бывъ установлено, влечетъ за собою такое же число новыхъ равенствъ, сколько есть другихъ вещей, равныхъ каждой изъ двухъ равныхъ. По другой изъ этихъ аксіомъ всякое установленное равенство доказываетъ равенство столькихъ же паръ величинъ, сколько можетъ составиться при многочисленныхъ дѣйствіяхъ, разлагающихся на сложеніе равныхъ съ тѣми же или съ другими равными величинами. Взявъ это въ соображеніе, мы перестанемъ удивляться, что, по мѣрѣ того, какъ какая-либо наука заключаетъ въ себѣ разсмотрѣніе равенствъ, она доставляетъ и бо́льшее количество признаковъ признаковъ, и что науки о числахъ и о протяженіи, почти исключительно занимающіяся равенствомъ, суть наиболѣе выводныя изъ всѣхъ наукъ.

---

[17]) Положеніе точки иногда выгоднѣе опредѣлять не прямоугольными координатами, а какими-либо другими величинами, которыя будутъ тоже координаты точки, если онѣ удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ: могутъ быть опредѣлены по данной точкѣ и опредѣлятъ точку, если будутъ даны. *П. Л.*

Изъ главныхъ законовъ пространства или протяженія два или три необыкновенно способны дѣлать одно положеніе или одну величину при знакомъ другихъ и потому содѣйствуютъ обращенію этой науки въ выводную по преимуществу. Во-первыхъ, величины замкнутыхъ пространствъ, поверхностей ли, или объемовъ, вполнѣ опредѣляются величинами связывающихъ ихъ линій и угловъ. Во-вторыхъ, длина всякой линіи, прямой ли, или кривой, измѣряется (принявъ нѣкоторыя другія величины за данныя) соотвѣтствующимъ угломъ, и наоборотъ. Наконецъ, уголъ, образуемый двумя прямыми линіями въ недоступной точкѣ, измѣряется углами, подъ которыми эти прямыя, каждая отдѣльно, пересѣкаютъ произвольно взятую третью прямую. При помощи этихъ общихъ законовъ измѣреніе всѣхъ линій, угловъ и пространствъ могло бы быть исполнено измѣреніемъ одной прямой линіи и достаточнаго числа угловъ, какъ это и дѣлается при тригонометрической съемкѣ какой-либо страны. Это, къ счастію, возможно, такъ какъ точное измѣреніе прямыхъ линій затруднительно, а измѣреніе угловъ очень легко. Три обобщенія, подобныя предшествующимъ, представляютъ значительное удобство для того, чтобы измѣрять однѣ величины путемъ измѣренія другихъ (снабжая насъ извѣстными линіями или углами, которые служатъ признакомъ величины неизвѣстныхъ линій и угловъ и опредѣляемаго ими пространства); по этому легко понять, какъ при помощи немногихъ данныхъ мы можемъ опредѣлить величину безконечнаго множества линій, угловъ и пространствъ, которые не легко бы было или и совсѣмъ нельзя бы было измѣрить никакимъ болѣе прямымъ дѣйствіемъ.

§ 9. Таковы немногія замѣтки, которыя казалось необходимымъ сдѣлать въ этомъ мѣстѣ относительно законовъ природы, составляющихъ спеціальный предметъ наукъ о числахъ и протяженіи. Громадное участіе этихъ законовъ въ приданіи выводнаго характера другимъ отдѣламъ естествознанія извѣстно; оно и не удивительно, если мы сообразимъ, что всѣ причины дѣйствуютъ по математическимъ законамъ. Дѣйствіе всегда зависитъ отъ количества дѣятеля, или есть функція этого количества, а обыкновенно и положенія дѣятеля. Поэтому, мы не можемъ умозаключать относительно связи причины со слѣдствіемъ, не вводя, на каждомъ шагу, соображеній о количествѣ и протяженіи. И если природа явленія дозволяетъ намъ получить численныя данныя, до-

статочно точныя, то законы количества становятся великимъ орудіемъ исчисленія будущаго дѣйствія или минувшей причины. Что во всѣхъ другихъ наукахъ, равно какъ и въ геометріи, вопросы о качествѣ едвали бываютъ независимы отъ вопросовъ о количествѣ. — можно видѣть на самыхъ обычныхъ явленіяхъ. Даже когда нѣсколько красокъ смѣшано на палитрѣ живописца, сравнительное количество каждой краски вполнѣ опредѣляетъ цвѣтъ смѣси.

Въ настоящемъ случаѣ я долженъ удовольствоваться предложеннымъ указаніемъ—не болѣе—общихъ причинъ, доставляющихъ математическимъ началамъ и дѣйствіямъ столь сильное преобладаніе въ тѣхъ выводныхъ наукахъ, которыя представляютъ точныя численныя данныя. Читатель, который пожелалъ бы ознакомиться съ предметомъ полнѣе, можетъ обратиться къ первымъ двумъ томамъ систематическаго сочиненія Конта.

Въ томъ же сочиненіи, особенно въ третьемъ томѣ, вполнѣ разобраны предѣлы приложимости математическихъ началъ къ развитію другихъ наукъ. Подобныя начала, очевидно, непримѣнимы тамъ, гдѣ причины, опредѣляющія какой-либо родъ явленій, такъ мало доступны нашему наблюденію, что мы не можемъ, соотвѣтственнымъ наведеніемъ, обнаружить ихъ численные законы; или гдѣ причины дотого многочисленны и представляютъ такую сложную смѣсь, что еслибъ даже законы ихъ были извѣстны, то вычисленіе совокупнаго дѣйствія превзошло бы силы исчисленія, въ теперешнемъ его состояніи и вѣроятномъ будущемъ; наконецъ, гдѣ сами причины постоянно измѣняются, какъ, напримѣръ, въ физіологіи и еще болѣе, если это возможно, въ соціальной наукѣ. Математическія рѣшенія физическихъ вопросовъ становятся прогрессивно болѣе трудными и несовершенными, по мѣрѣ того, какъ вопросы теряютъ свой отвлеченный и гипотетическій характеръ и приближаются къ той сложности, которая дѣйствительно существуетъ въ природѣ. Это дотого справедливо, что, за предѣлами явленій астрономическихъ и наиболѣе сходныхъ съ ними, математическая точность достигается обыкновенно «въ ущербъ реальности изслѣдованія». Даже въ астрономическихъ вопросахъ, «не смотря на удивительную простоту ихъ математическихъ началъ, нашъ слабый умъ оказывается неспособнымъ успѣшно прослѣдить логическія сочетанія законовъ, опредѣляющихъ явленія,—какъ скоро мы пытаемся одновременно сообразить болѣе двухъ

или трехъ существенныхъ вліяній» *). Какъ замѣчательный примѣръ этого, не разъ уже была приводима задача о трехъ тѣлахъ: полное рѣшеніе такого сравнительно-простаго вопроса было не по силамъ самымъ проницательнымъ математикамъ. Поэтому мы можемъ себѣ представить, какъ призрачна была бы надежда съ пользою примѣнить математическія начала къ явленіямъ, зависящимъ отъ взаимнаго дѣйствія безчисленнаго множества частичекъ тѣлъ, — напримѣръ, къ явленіямъ химіи и, еще болѣе, физіологіи. По подобнымъ же причинамъ начала эти остаются непримѣнимыми къ еще сложнѣйшимъ изслѣдованіямъ, предметами которыхъ служатъ явленія общественныя и государственныя.

Польза математическаго образованія, какъ подготовки къ этимъ болѣе труднымъ изслѣдованіямъ, состоитъ въ примѣнимости не аксіомъ математики, а ея метода. Математика всегда остается самымъ совершеннымъ типомъ дедуктивнаго метода вообще, и приложенія математики къ выводнымъ отраслямъ естествознанія представляютъ единственную школу, въ которой философы могутъ дѣйствительно научиться самой трудной и важной части своего искусства: употребленію законовъ простѣйшихъ явленій для поясненія и предсказанія законовъ явленій болѣе сложныхъ. Причины эти совершенно достаточны для того, чтобы признавать математическій навыкъ необходимой основой дѣйствительнаго научнаго образованія и считать того, кто ἀγεωμέτρητος (негеометриченъ,— выраженіе, старымъ преданіемъ ошибочно приписываемое Платону), за лишеннаго одной изъ способностей, наиболѣе необходимыхъ для успѣшнаго занятія высшими отраслями философіи.

ГЛАВА XXV.

ОБЪ ОСНОВАНІЯХЪ НЕСОГЛАСІЯ (a).

§ 1. Методъ полученія общихъ истинъ, или общихъ предложеній, заслуживающихъ довѣрія, и природа доказательства, на которомъ онѣ

*) *Philosophie Positive*, III, 414 — 416.

(a) Слово disbelief, употребленное авторомъ, нельзя во всѣхъ случаяхъ точно перевести по-русски ни *невѣріемъ*, ни *недовѣріемъ*, ни *несогласіемъ*, потому что всѣ эти

основываются, были разсмотрѣны въ двадцати-четырехъ предшествующихъ главахъ, насколько позволяли мѣсто и способности автора. Но результатомъ разсмотрѣнія доказательства не всегда бываетъ согласіе, ни даже воздержаніе отъ сужденія, а иногда бываетъ несогласіе. Поэтому, философія наведенія и опытнаго изслѣдованія будетъ неполною, если не разсмотрѣть основанія не только согласія, но и несогласія, и этому предмету мы посвятимъ одну, заключительную главу.

Подъ согласіемъ разумѣется здѣсь не одно отсутствіе согласія. Основаніемъ къ воздержанію отъ согласія бываетъ, просто, отсутствіе или недостаточность доказательства, и, разсмотрѣвъ, что составляетъ достаточное доказательство въ подтвержденіе даннаго заключенія, мы, посредственно, разсмотрѣли и то, какое доказательство недостаточно для той же цѣли. Подъ несогласіемъ разумѣется здѣсь не то состояніе ума, при которомъ мы не составляемъ себѣ мнѣніе относительно предмета, а то, при которомъ мы вполнѣ убѣждены, что данное мнѣніе невѣрно, убѣждены до такой степени, что еслибъ въ пользу этого мнѣнія было приведено доказательство, даже, повидимому, весьма сильное (основанное ли на свидѣтельствѣ другихъ, или на нашихъ собственныхъ предполагаемыхъ воспріятіяхъ), то мы были бы убѣждены, что свидѣтели показывали ложно или что они либо мы сами, если прямо воспринимали впечатлѣнія, ошиблись.

Никто, вѣроятно, не станетъ оспаривать, что такіе случаи бываютъ. Предложенія, въ пользу которыхъ существуютъ обильныя положительныя доказательства, часто возбуждаютъ недовѣріе, на основаніи ихъ такъ-называемой невѣроятности или невозможности. И намъ предстоитъ разсмотрѣть, каковъ, въ настоящемъ случаѣ, смыслъ приведенныхъ словъ, а также насколько и при какихъ обстоятельствахъ выражаемыя ими свойства представляютъ достаточныя основанія для несогласія.

§ 2. Во-первыхъ, должно замѣтить, что положительное доказательство,

---

три слова, кромѣ смысла disbelief. какъ его беретъ Милль, имѣютъ еще иной обычный смыслъ. *Невѣріе* принимаютъ, большею частью, въ смыслѣ отрицанія *религіозныхъ* убѣжденій; *недовѣріе*—въ смыслѣ особаго состоянія духа, съ которымъ относятся ко *всякому* положенію, высказанному извѣстнымъ лицомъ; *несогласіе* употребляютъ въ смыслѣ *разлада, раздора*. Тѣмъ не менѣе, пришлось употребить эти термины, и въ переводѣ употреблены то тотъ, то другой, съ цѣлью избѣжать двусмысленности. Въ заголовкѣ поставлено *несогласіе*, какъ самое безобидное.

приводимое въ пользу предложенія, тѣмъ не менѣе отвергаемаго по причинѣ невозможности или невѣроятности, никогда не равняется полному доказательству. Оно всегда основывается на какомъ-либо приблизительномъ обобщеніи. Фактъ можетъ быть утверждаемъ сотнею свидѣтелей; но существуетъ много исключеній изъ всеобщности обобщенія, что утверждаемое сотнею свидѣтелей истинно. Намъ самимъ можетъ казаться, что мы дѣйствительно видѣли данный фактъ; но чтобы мы дѣйствительно видѣли то, что думали видѣть, отнюдь не есть всеобщая истина: наши органы могли быть въ болѣзненномъ состояніи, или мы могли заключить что-либо и вообразить, что замѣтили фактъ. И такъ какъ доказательство въ утвердительномъ смыслѣ никогда не бываетъ больше приблизительнаго обобщенія, то все будетъ зависѣть отъ того, въ чемъ состоитъ доказательство въ отрицательномъ смыслѣ. Если и оно основывается на приблизительномъ обобщеніи, то предстоитъ сравнить вѣроятности. Если приблизительныя въ обобщенія утвердительномъ смыслѣ, будучи сложены вмѣстѣ, менѣе сильны, или, другими словами, дальше отъ того, чтобъ быть всеобщими, чѣмъ приблизительныя обобщенія, подкрѣпляющія отрицательную сторону вопроса, то о предложеніи говорятъ, что оно невѣроятно, и ему, пока, не слѣдуетъ вѣрить. Но если приводимый фактъ противорѣчитъ не какому-либо числу приблизительныхъ обобщеній, но полному обобщенію, основанному на строгомъ наведеніи, то о немъ говорятъ, что онъ невозможенъ, и ему вовсе не слѣдуетъ вѣрить.

Это послѣднее правило, повидимому столь простое и очевидное, и есть то ученіе, которое, по случаю попытки приложить его къ вопросу о вѣроятности чудесъ, возбудило столь горячій споръ. Знаменитое ученіе Юма, по которому нельзя вѣрить ничему, что противорѣчитъ опыту или расходится съ законами природы, есть не болѣе, какъ это весьма простое и невинное предложеніе, что все, противорѣчащее полному наведенію, не заслуживаетъ вѣры. Что такое положеніе могло считаться опасною ересью или быть ошибочно принято за великую и глубокомысленную истину, не говоритъ въ пользу высокаго состоянія философскаго умозрѣнія о такихъ предметахъ.

Но не обнимаетъ ли противорѣчія, могутъ спросить, самая постановка предложенія? По изложенной теоріи, проведенному факту не слѣ-

дуетъ вѣрить, если онъ противорѣчитъ полному наведенію. Но для полноты наведенія существенно, чтобы оно не противорѣчило никакому извѣстному факту. Не составляетъ ли, поэтому, преждевременной ссылки на доказываемое правило (petitio principii), что факту слѣдовало бы не вѣрить, такъ какъ противополагаемое ему наведеніе полно? Въ правѣ ли мы назвать наведеніе полнымъ, когда представляемые противъ него факты опираются на доказательство, достойное довѣрія.

Мы въ правѣ сдѣлать это, говорю я, когда насъ оправдываютъ научныя правила наведенія, т. е. когда наведеніе *можетъ* быть полнымъ. Мы въ правѣ сдѣлать это, напримѣръ, въ случаѣ связи причины со слѣдствіемъ, когда былъ сдѣланъ *перекрестный опытъ (experimentum crucis)*. Если къ ряду предшествующихъ, не измѣняя ихъ ни въ какомъ другомъ отношеніи, будетъ прибавлено предшествующее A, и это породитъ не существовавшее до того времени дѣйствіе B, то A, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, есть причина B или необходимая часть причины. Если же A будетъ вновь испытано, при многихъ, вполнѣ различныхъ рядахъ предшествующихъ, и B все-таки послѣдуетъ, то A есть цѣлая причина. Если эти наблюденія или опыты были повторяемы такъ часто и столькими лицами, что устраняютъ всякое предположеніе ошибки въ наблюдателѣ, то установляется законъ природы, и, пока онъ принимается за законъ природы, не должно вѣрить утвержденію, что въ какомъ-либо данномъ случаѣ, за наступленіемъ A, *безъ всякой противодѣйствующей причины*, не слѣдовало B. Такому утвержденію не слѣдуетъ вѣрить, если основаніе утвержденія менѣе того, какое было бы достаточно, чтобы опровергнуть законъ. Общія истины, что всему, чему есть начало, есть и причина, и что при существованіи лишь тѣхъ же самыхъ причинъ наступаютъ тѣ же самыя дѣйствія, — опираются на сильнѣйшее индуктивное доказательство, какое только возможно. Предложеніе, что вещи, утверждаемыя толпою почтенныхъ свидѣтелей, истинны, есть лишь приблизительное обобщеніе; если мы даже воображаемъ, что дѣйствительно видѣли или чувствовали фактъ, противорѣчащій закону, — все же то, что человѣкъ можетъ видѣть, есть не болѣе, какъ рядъ видимостей, изъ котораго дѣйствительная природа явленія есть лишь заключеніе; а въ этомъ заключеніи приблизительныя обобщенія принимаютъ значительное участіе. И потому, если

мы рѣшились удержать законъ, то никакое число доказательствъ не должно убѣдить насъ въ томъ, что случилось событіе, противорѣчащее закону. Въ самомъ дѣлѣ, если, по свойству приведеннаго доказательства, болѣе вѣроятно, что рядъ наблюденій и опытовъ, служащихъ основаніемъ закону, былъ произведенъ неточно или поясненъ неправильно, нежели то, что упомянутое доказательство ложно, то мы можемъ вѣрить доказательству; но тогда мы должны отвергнуть законъ. А такъ какъ онъ былъ принятъ, какъ казалось, на основаніи полнаго наведенія, то долженъ быть отвергнутъ на основаніи равнаго доказательства: какъ несовмѣстный не съ какимъ-либо числомъ приблизительныхъ обобщеній, а съ другимъ лучше доказаннымъ закономъ природы. Этотъ крайній случай, именно столкновеніе между двумя предполагаемыми законами природы, вѣроятно, никогда не встрѣчали тамъ, гдѣ, въ процессѣ изслѣдованія обоихъ законовъ, не были упущены изъ виду истинныя правила научнаго наведенія. Но еслибы такой случай представился, то долженъ привести къ полному отрицанію одного изъ предположенныхъ законовъ. Онъ доказалъ бы ошибку въ логическомъ процессѣ, которымъ тотъ или другой законъ былъ установленъ; а если такъ, то предположенная общая истина вовсе не истина. Мы не можемъ допустить предложеніе какъ законъ природы и, однако, вѣрить факту, который прямо ему противорѣчитъ. Мы должны либо не вѣрить приводимому факту, либо вѣрить, что мы ошибались, принимая предполагаемый законъ.

Но чтобы какой-либо утверждаемый фактъ противорѣчилъ закону связи причины со слѣдствіемъ, должно утверждаться не только то, что за существованіемъ причины не слѣдовало дѣйствія (это явленіе не необыкновенное), но что это случилось въ отсутствіе всякой равносильной противодѣйствующей причины. А относительно приводимаго чуда утверждается прямо противоположное: что дѣйствіе было уничтожено не безъ всякой противодѣйствующей причины, а вслѣдствіе ея дѣйствія, именно вслѣдствіе прямаго вмѣшательства акта воли нѣкотораго существа, властвующаго надъ природой: именно, существа, о волѣ котораго предполагается, что она одарила всѣ причины силами производить свои дѣйствія, и о которой, поэтому, дозволено предположить, что она можетъ и противодѣйствовать причинамъ. Чудо (какъ справедливо замѣтилъ Бро-

унъ *)) не есть противорѣчіе закону причины и слѣдствія: оно есть новое дѣйствіе, о которомъ предполагается, что оно порождено введеніемъ новой причины. Въ достаточности этой причины, если она существуетъ, не можетъ возникнуть сомнѣнія, и единственная предшествующая невѣроятность, которая можетъ быть приписана чуду, состоитъ въ невѣроятности, чтобы такая причина существовала.

Итакъ, доказанное Юмомъ (о но должно быть признано за доказанное) ограничивается слѣдующимъ: при настоящемъ состояніи нашего знанія, при которомъ всегда возможно, что нѣкоторыя изъ физическихъ предшествующихъ могли отъ насъ скрываться, — никакой доводъ не можетъ доказать чуда человѣку, не вѣрившему предварительно въ бытіе существа или существъ, обладающихъ сверхъестественнымъ могуществомъ, или человѣку, который убѣжденъ полнымъ на его взглядъ доказательствомъ, что характеръ признаваемаго имъ существа несовмѣстенъ съ тѣмъ, чтобы въ разсматриваемомъ случаѣ оно сочло удобнымъ вмѣшаться.

Если мы уже не вѣримъ въ сверхъестественныхъ дѣятелей, то никакое чудо не можетъ убѣдить насъ въ ихъ существованіи. Само чудо, разсматриваемое какъ фактъ необыкновенный, можетъ быть достаточно завѣрено нашими внѣшними чувствами или свидѣтельствомъ; но ничто не въ состояніи доказать, что оно дѣйствительно чудо. Возможно еще другое предположеніе: что оно есть результатъ какой-либо неизвѣстной естественной причины. И этой возможности нельзя исключить такъ полно, чтобы осталось лишь признать существованіе и вмѣшательство сверхъестественнаго существа. А тому, кто вѣритъ уже въ такое существо, остаются на выборъ двѣ гипотезы: гипотеза сверхъестественнаго дѣятеля и гипотеза неизвѣстнаго естественнаго дѣятеля, — и предстоитъ обсудить, которая изъ двухъ гипотезъ наиболѣе вѣроятна въ частномъ случаѣ. При составленіи этого сужденія, важнымъ элементомъ вопроса будетъ сообразность результата законамъ предполагаемаго дѣятеля, т. е. характеру Божества, какъ онъ понимается. Но при теперешнемъ нашемъ знаніи объ общемъ единообразіи въ порядкѣ природы, религія, идя по слѣдамъ науки, вынуждена была признать, что міръ управляется, въ цѣломъ, общими законами, а не частными вмѣшательствами. Кто вѣ-

*) См. два замѣчательныя примѣчанія (A и F) къ его Изслѣдованію отношенія между причиной и дѣйствіемъ (Brown, *Inquiry into the Relation of Cause and Effect*).

рить этому, для того существуетъ общая вѣроятность противъ всякаго предположенія божественной дѣятельности помимо общихъ законовъ или, другими словами, въ каждомъ чудѣ есть предшествующая невѣроятность, для преодолѣнія которой требуется необыкновенная сила предшествующей вѣроятности, вытекшей изъ частныхъ обстоятельствъ случая.

§ 3. Изъ сказаннаго слѣдуетъ: утвержденію, что причина не произвела дѣйствія, связаннаго съ нею вполнѣ достовѣрнымъ закономъ связи причины со слѣдствіемъ, должно вѣрить или не вѣрить, сообразно вѣроятности или невѣроятности, что въ данномъ случаѣ существовала равносильная противодѣйствующая причина. Такая оцѣнка не труднѣе оцѣнки другихъ вѣроятностей. Относительно всѣхъ *извѣстныхъ* причинъ, способныхъ противодѣйствовать даннымъ причинамъ, мы обыкновенно обладаемъ нѣкоторымъ предварительнымъ знаніемъ того, часто ли или рѣдко онѣ наступаютъ; изъ этого знанія мы можемъ вывести заключеніе о предшествующей невѣроятности ихъ присутствія въ данномъ случаѣ. Мы также вовсе не обязаны опредѣлить вѣроятность существованія въ природѣ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ причинъ, а только вѣроятность существованія ея въ то время и въ томъ мѣстѣ, къ которымъ относятъ фактъ. Поэтому, когда обстоятельства случая намъ, вообще, извѣстны, мы рѣдко лишены средствъ судить, насколько вѣроятно, чтобы такая причина существовала въ то время и въ томъ мѣстѣ, не обнаруживъ своего присутствія другими признаками и (если это причина неизвѣстная) не проявивъ своего существованія ни въ какомъ другомъ случаѣ. Смотря по тому, въ какой мѣрѣ это обстоятельство или ложность свидѣтельства кажутся болѣе невѣрными, т. е. противорѣчатъ приблизительному обобщенію высшаго рода, мы вѣримъ свидѣтельству или не вѣримъ ему, — съ бо́льшею или мѐньшею силою убѣжденія, смотря по преобладанію той или другой вѣроятности, пока мы не изслѣдовали предмета глубже.

Мы разсмотрѣли случай, въ которомъ приводимый фактъ противорѣчитъ или кажется противорѣчащимъ дѣйствительному закону связи причины со слѣдствіемъ. Но обыкновеннѣе можетъ быть случай, когда приводимый фактъ противорѣчитъ единообразіямъ лишь сосуществованія, зависимость которыхъ отъ связи причины со слѣдствіемъ не доказана: другими словами, когда фактъ противорѣчитъ свойствамъ отдѣловъ

(Kinds). Вотъ съ этими-то единообразіями, преимущественно, способны расходиться чудесные разсказы путешественниковъ, напр. о людяхъ съ хвостами или крыльями, о летающихъ рыбахъ (пока послѣднее не подтверждается опытомъ [2])) или о льдѣ (въ знаменитомъ анекдотѣ о голландскихъ путешественникахъ и сіамскомъ королѣ [3])). Факты этого рода, которые не были извѣстны, но не могли быть сочтены невозможными на основаніи какого-либо извѣстнаго закона связи причины со слѣдствіемъ, Юмъ характеризуетъ не какъ противные опыту, а только какъ несогласные съ нимъ. Бентамъ, въ своемъ сочиненіи «О доказательствѣ» (On Evidence), называетъ ихъ несогласными *въ видѣ* (in specie) и отличаетъ отъ несогласныхъ *въ цѣломъ* (in toto) или *въ степени* (in degree).

Въ случаѣ этого рода утверждаемый фактъ состоитъ въ существованіи новаго отдѣла (Kind). Само по себѣ это отнюдь не невѣроятно и можетъ быть отвергнуто лишь тогда, когда невѣроятность, чтобы ни одинъ видъ предмета, существовавшаго въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, не былъ открытъ раньше, болѣе невѣроятности ошибки или лжи со стороны свидѣтеля. Сообразно этому, подобныя утвержденія, исходя отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, и касаясь странъ, еще не изслѣдованныхъ, не отвергаются, а, по бо́льшей мѣрѣ, признаются требующими подтвержденія будущими наблюдателями, — если только приводимыя свойства предполагаемаго новаго отдѣла не противорѣчатъ извѣстнымъ свойствамъ какого-либо пространнѣйшаго отдѣла, который обнимаетъ и первый, или, другими словами, если говорятъ, что въ новомъ отдѣлѣ, который, какъ утверждаютъ, существуетъ, присутствуютъ иныя свойства, отдѣльно отъ другихъ, всегда, какъ извѣстно, сопровождающихъ первыя. Такой случай представляютъ люди Плинія [4]) и всякій

---

[2]) Собственно летающія рыбы (poissons volants, летучки, Dactylopterus) входятъ во всѣ зоологіи (см. Dactyloptère въ «Dict. univ. d'hist. natur.» p. *Ch. d'Orbigny* (1844) IV), но онѣ *поддерживаются* въ воздухѣ, а не перемѣщаются въ немъ по произволу. *П. Л.*

[3]) По этому анекдоту сіамскій король разспрашивалъ голландскихъ путешественниковъ объ особенностяхъ ихъ отечества и вообще выражалъ довѣріе къ ихъ разсказамъ, даже преувеличеннымъ. Но когда они сказали ему, что въ ихъ отечествѣ бываетъ такъ холодно, что вода иногда дѣлается твердою, онъ рѣшительно отказался вѣрить. *П. Л.*

[4]) Плиній старшій, писатель перваго вѣка по Р. Х., составившій подъ названіемъ «Естественной исторіи» огромный сборникъ, совершенно лишенный критики, описываетъ существованіе людей самыхъ невѣроятныхъ формъ. *П. Л.*

другой родъ животныхъ, съ устройствомъ тѣла, отличнымъ отъ того, которое всегда оказывалось сосуществующимъ съ животною жизнью. Объ обращеніи со всякимъ подобнымъ случаемъ не придется прибавить многаго къ тому, что было сказано объ этомъ предметѣ въ двадцать второй главѣ *). Когда единообразія существованія, которымъ противорѣчитъ приводимый фактъ, таковы, что есть сильное вѣроятіе ихъ происхожденія отъ связи причины со слѣдствіемъ, то противорѣчащему имъ факту вѣрить не должно, по крайней мѣрѣ до подтвержденія его дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ. Когда вѣроятіе усиливается до возможной достовѣрности, какъ относительно общаго строенія организованныхъ существъ, то обсужденія требуетъ лишь вопросъ, не подлежатъ ли явленія, столь мало понятыя, противодѣйствію причинъ, доселѣ неизвѣстныхъ, или не способно ли явленіе возникать инымъ путемъ, который произвелъ бы иной рядъ производныхъ единообразій. Когда (напр., относительно летающихъ рыбъ или утконоса) обобщеніе, изъ котораго приводимый фактъ представилъ бы исключеніе, весьма спеціально и ограниченно, — ни одно изъ упомянутыхъ предположеній не можетъ считаться сильно невѣроятнымъ. Относительно такихъ приводимыхъ аномалій благоразумно пріостановиться сужденіемъ, обождая дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя не преминутъ подтвердить извѣстіе, если оно истинно. Но когда обобщеніе очень пространно, обнимая большое число разнообразныхъ наблюденій и значительную область природы, то, по вполнѣ объясненнымъ нами причинамъ, такой эмпирическій законъ, по достовѣрности, приближается къ признанному закону связи причины со слѣдствіемъ, и приводимое исключеніе изъ него не можетъ быть допущено иначе, какъ на основаніи какого-либо закона связи причины со слѣдствіемъ, доказаннаго еще полнѣйшимъ наведеніемъ.

Единообразія въ порядкѣ природы, не представляющія признаковъ того, что они результаты связи причины со слѣдствіемъ, могутъ, какъ мы видѣли, быть допущены въ качествѣ всеобщихъ истинъ, со степенью довѣрія, пропорціональною ихъ общности. Единообразія, истинныя о всѣхъ, какихъ бы то ни было вещахъ или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ независимыя отъ различій отдѣловъ, именно законы чиселъ и

*) См. выше, стр. 110.

протяженія, къ которымъ можно еще прибавить самый законъ связи причины со слѣдствіемъ, суть, вѣроятно, единственныя, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно. Поэтому, слово «невозможность» (по крайней мѣрѣ, «*полная* невозможность») кажется, вообще, приложимымъ только къ утвержденіямъ, о которыхъ можно предположить, что они противорѣчатъ этимъ законамъ или другимъ, близкимъ къ первымъ по степени всеобщности [*]). О нарушеніяхъ другихъ законовъ, напр. спеціальныхъ законовъ связи причины со слѣдствіемъ, люди, стремящіеся къ точности выраженій говорятъ, что эти нарушенія невозможны *въ обстоятельствахъ даннаго случая*, или невозможны, если не существовало причины, которой не было въ данномъ случаѣ [*]). Ни одно утвержденіе, не противорѣчащее которому-либо изъ этихъ весьма общихъ законовъ, осторожный человѣкъ не признаетъ болѣе, чѣмъ невѣроятнымъ; не признаетъ даже невѣроятнымъ въ высшей степени, если время и мѣсто, въ которомъ, по сказанію, фактъ случился, не дѣлаютъ почти достовѣрнымъ, что аномалія, существуя, не могла ускользнуть отъ вниманія другихъ наблюдателей. Во всѣхъ другихъ случаяхъ благоразумный изслѣдователь воздерживается отъ сужденія, лишь бы свидѣтельство въ пользу аномаліи, будучи тщательно разсмотрѣно, не представляло заподазривающихъ обстоятельствъ.

Но свидѣтельство едвали когда выдерживаетъ это испытаніе въ случаяхъ, въ которыхъ аномалія не дѣйствительна. Въ приводимыхъ случаяхъ,

---

*) Въ математикѣ употребляется въ этомъ случаѣ выраженіе: *нелѣпое*, *абсурдъ*.
П. Л.

*) Писатель, котораго я не разъ цитировалъ, опредѣляетъ, какъ невозможность, то, чего ни одна существующая въ природѣ причина не въ силахъ произвести. Это опредѣленіе не обнимаетъ невозможностей, подобныхъ слѣдующимъ: что два и два пять, что двѣ прямыя линіи заключаютъ пространство или что вещь можетъ начать существовать безъ причины. Я не придумаю опредѣленія невозможности — довольно пространнаго, чтобы оно обняло всѣ виды ея, — кромѣ даннаго мною. Невозможность есть то, истинность чего противорѣчила бы полному наведенію, т. е. наиболѣе убѣдительному доказательству всеобщей истины, какимъ мы обладаемъ.

Что же касается такъ называемыхъ невозможностей, не основанныхъ ни на чемъ иномъ, кромѣ нашего невѣдѣнія причины, способной произвести предполагаемыя дѣйствія, то весьма немногія изъ нихъ несомнѣнно невозможны или постоянно не заслуживаютъ довѣрія. Немного лѣтъ тому назадъ между этими невозможностями стояли весьма высоко: ѣзда по семидесяти миль (105 верстъ) въ часъ, хирургическія операціи безъ боли, разговоръ мгновенными сигналами между Лондономъ и Константинополемъ.

въ которыхъ большое число свидѣтелей, научно образованныхъ и пользующихся хорошею извѣстностью, утверждали истину чего-либо, впослѣдствіи оказавшагося ложнымъ, почти всегда были обстоятельства, которыя внушали бы недовѣрчивость къ свидѣтельству во мнѣніи проницательнаго наблюдателя, принявшаго на себя трудъ надлежащимъ образомъ разсмотрѣть дѣло. Обыкновенно, впечатлѣніе, произведенное на внѣшнія чувства или умы лицъ, выставленныхъ свидѣтелями, было объяснено ошибочными признаками; или въ случаѣ участвовало какое-либо повальное обольщеніе, распространившееся чрезъ заразительное вліяніе народнаго чувства; или задѣта была сильная страсть: религіозное рвеніе, чувство партій, тщеславіе или, по крайней мѣрѣ, страсть къ чудесному, въ лицахъ, весьма къ нему впечатлительныхъ. Когда кажущаяся сила свидѣтельства не объясняется никакимъ изъ этихъ или подобныхъ обстоятельствъ, когда утверждаемое не противорѣчитъ ни тѣмъ всеобщимъ законамъ, которые не допускаютъ противодѣйствія или аномаліи, ни обобщеніямъ, ближайшимъ къ этимъ законамъ по своему объему, и когда утверждаемое, будучи допущено, равнялось бы только существованію неизвѣстной причины или аномальнаго отдѣла, въ обстоятельствахъ, не настолько изслѣдованныхъ, чтобы открытіе вещей, до того времени неизвѣстныхъ, вовсе не заслуживало довѣрія, — тогда осторожный человѣкъ не приметъ и не отвергнетъ свидѣтельства, но будетъ ожидать подтвержденія его въ другихъ случаяхъ и изъ другихъ независимыхъ источниковъ. Такъ слѣдовало поступить королю сіамскому, когда голландскіе путешественники разсказывали ему о существованіи льда. Но невѣжда такъ же упоренъ въ своемъ презрительномъ невѣріи, какъ онъ неразумно легковѣренъ. Все, отличное отъ его узкаго опыта, онъ отвергаетъ, какъ скоро оно не льститъ его склонностямъ, а при этомъ условіи онъ безусловно вѣритъ всякой баснѣ.

§ 4. Теперь я обращу вниманіе на весьма серьезное недоразумѣніе относительно принциповъ разсматриваемаго предмета, въ которое впали нѣкоторые изъ противниковъ Юмова «Опыта о чудесахъ» (Hume, Essay on Miracles), въ своемъ рвеніи разрушить то, что казалось имъ опаснымъ наступательнымъ оружіемъ противъ христіанской религіи. Недоразумѣніе это вноситъ совершенную путаницу въ ученіе объ основаніяхъ невѣрія. Ошибка состоитъ въ упущеніи изъ виду различія

между невѣроятностью до факта (какъ можно назвать ее) и невѣроятностью послѣ факта, двумя различными свойствами, изъ которыхъ послѣднее есть всегда причина не вѣрить предложенію, а первое не всегда.

Многія событія, до своего наступленія или до того времени, когда мы узнаемъ о томъ, что они совершились, вполнѣ для насъ невѣроятны, а между тѣмъ отнюдь не неимовѣрны, въ то время, когда мы узнаемъ о нихъ, потому что не противорѣчатъ никакому, даже приблизительному, наведенію. При бросаніи совершенно вѣрныхъ костей, вѣроятность, что вскроется одно очко, равна одному противъ пяти, т. е. одно очко будетъ выброшено, среднимъ числомъ, одинъ разъ на шесть. Но это не причина не вѣрить, что одно очко вскрылось въ данномъ случаѣ, если фактъ утверждается достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Хотя одно очко вскрывается только одинъ разъ на шесть, *которое-либо* число очковъ, вскрывающееся одинъ разъ на шесть, *должно* было вскрыться, если только кости были брошены. Слѣдовательно, невѣроятность или, другими словами, необычайность факта не причина отвергать его, если, по природѣ случая, достовѣрно, что этотъ фактъ или другой, одинаково невѣроятный, т. е. одинаково необычайный, совершился. Еслибъ мы отвергали всѣ факты, которые до своего наступленія были невѣроятны, то мы едвали вѣрили бы чему бы то ни было. Намъ говорятъ, что А. В. умеръ вчера: до сообщенія намъ извѣстія, вѣроятность противъ его смерти въ этотъ день могла равняться десяти тысячамъ противъ одного; но такъ какъ А. В., конечно, долженъ былъ когда-либо умереть и, умерши, долженъ былъ умереть въ какой-либо день, то, хотя преобладаніе вѣроятности противъ каждаго отдѣльнаго дня весьма велика, однако опытъ не представляетъ основанія заподаоривать всякое свидѣтельство, приведенное въ пользу того, что событіе совершилось въ опредѣленный день.

Тѣмъ не менѣе, Кемпбелль и другіе считали полнымъ отвѣтомъ на Юмово ученіе (о неимовѣрности вещей, *противорѣчащихъ* единообразному порядку, признанному на основаніи опыта), что мы не отказываемся вѣрить вещамъ, строго *согласнымъ* съ единообразнымъ ходомъ событій, въ силу одной невѣроятности этихъ вещей; что мы не отказываемся вѣрить приводимому факту только потому, что сочетаніе причинъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, встрѣчается лишь однажды въ из-

вѣстное число разъ. Что́, по указанію наблюденія или доказательству законами природы, случается въ извѣстной долѣ всего числа возможныхъ случаевъ (какъ бы мала ни была эта пропорція), очевидно, не противно опыту, хотя мы въ правѣ и не вѣрить сообщаемому, если какое-либо другое предположеніе относительно предмета содержитъ, вообще, меньшее отступленіе отъ обыкновеннаго хода событій. Однако, подобными основаніями искусные писатели были приведены къ необыкновенному заключенію, что не слѣдовало бы отказывать въ довѣріи ничему, опирающемуся на свидѣтельство, достойное вѣры.

§ 5. Мы разсмотрѣли два вида событій, о которыхъ обыкновенно говорятъ, что они невѣроятны: одни отнюдь не необычайны, но сталкиваются съ такимъ громаднымъ преобладаніемъ вѣроятностей противъ нихъ, что невѣроятны до тѣхъ поръ, пока не утверждаются, но не далѣе; другіе, противорѣча какому-либо признанному закону природы, не заслуживаютъ довѣрія, не смотря ни на какое накопленіе свидѣтельствъ, за исключеніемъ развѣ достаточнаго для поколебанія нашей вѣры въ самый законъ. Но между этими двумя отдѣлами событій есть еще промежуточный, состоящій изъ такъ-называемыхъ совпаденій: другими словами, тѣхъ сочетаній случайностей, которыя представляютъ нѣкоторую особенную и неожиданную правильность, уподобляющую ихъ, въ этомъ отношеніи, результатамъ закона. Положимъ, напримѣръ, что въ лоттереѣ съ тысячью билетовъ нумера выходили бы въ точной послѣдовательности чиселъ 1, 2, 3 и проч. Намъ предстоитъ разсмотрѣть примѣнимыя къ этому случаю начала доказательства: различаются ли совпаденія и обыкновенныя событія по числу свидѣтельствъ или по инымъ доказательствамъ, необходимымъ для того, чтобы сдѣлать ихъ заслуживающими довѣрія.

Несомнѣнно, что, на основаніи всякаго раціональнаго принципа вѣроятностей, сочетаніе этого особаго рода можетъ быть ожидаемо точно такъ же часто, какъ всякій другой данный рядъ изъ тысячи нумеровъ; что при игрѣ совершенно вѣрными костями шесть очковъ будутъ вскрываться два, три или любое число разъ сряду, точно такъ же часто на тысячу или милліонъ разъ, какъ и всякая другая, заранѣе опредѣленная послѣдовательность чиселъ. И ни одинъ разсудительный игрокъ не поставитъ больше противъ одного ряда, чѣмъ противъ другаго. Не

смотря на это, существуетъ общее расположеніе считать одинъ рядъ гораздо болѣе невѣроятнымъ, чѣмъ другой, и требующимъ гораздо сильнѣйшаго доказательства, чтобъ стать достовѣрнымъ. Сила этого впечатлѣнія такова, что оно привело нѣкоторыхъ мыслителей къ заключенію, будто природѣ труднѣе произвести сочетанія правильныя, чѣмъ неправильныя, или, другими словами, будто существуетъ нѣкоторое стремленіе вещей, нѣкоторый законъ, которые препятствуютъ правильнымъ сочетаніямъ случаться или, по крайней мѣрѣ, случаться такъ же часто, какъ случаются другія. Къ числу этихъ мыслителей можно отнести и д'Аламбера. Въ опытѣ о вѣроятностяхъ, который можно найти въ пятомъ томѣ разныхъ сочиненій д'Аламбера (Mélanges), онъ утверждаетъ, что правильныя сочетанія, хотя, по математической теоріи, одинаково вѣроятны со всѣми другими, однако физически менѣе вѣроятны. Онъ ссылается на здравый смыслъ, или, другими словами, на обычныя впечатлѣнія, и говоритъ: еслибъ въ нашемъ присутствіи неоднократно бросали кости, и каждый разъ вскрывались шесть очковъ, то развѣ не были бы мы готовы, не обжидая даже десяти разъ (не говоря уже о тысячахъ милліоновъ), утверждать, на основаніи самаго положительнаго убѣжденія, что кости поддѣльны?

Обычное и естественное впечатлѣніе въ пользу д'Аламбера: правильный рядъ казался бы гораздо невѣроятнѣйшимъ, нежели неправильный. Но это обычное впечатлѣніе основывается, я думаю, лишь на фактѣ, что едвали кто можетъ припомнить одно изъ этихъ особыхъ совпаденій: по той простой причинѣ, что ничье прошедшее не обнимаетъ числа опытовъ, въ предѣлахъ котораго это или иное данное сочетаніе событій можетъ стать вѣроятнымъ. Вѣроятность шести очковъ на одно выкидываніе двухъ костей равняется $^1/_{36}$; слѣдовательно, вѣроятность появленія шести очковъ десять разъ сряду равняется единицѣ, раздѣленной на 36 въ десятой степени: другими словами, мы имѣемъ право ожидать появленіе такого совпаденія, однажды на 3,656,158,440,062,976 испытаній, на число, милліонной части котораго не достигаетъ опытность ни одного игрока. Но еслибъ, вмѣсто шести очковъ десять разъ сряду, была условлена другая данная послѣдовательность десяти разъ, то было бы столько же невѣроятно, чтобы она встрѣтилась въ чьемъ-либо личномъ опытѣ. Однако, это не *кажется* одинаково невѣроят-

нымъ, такъ какъ никто не могъ припомнить, встрѣчалась ли данная послѣдовательность или нѣтъ, и такъ какъ каждый сравниваетъ про себя не шесть очковъ, вскрывшихся десять разъ и какой-либо другой опредѣленный рядъ вскрывшихся очковъ, а дѣлаетъ сравненіе между всѣми правильными и всѣми неправильными послѣдовательностями, взятыми вмѣстѣ.

Если передъ нашими глазами послѣдовательно выбрасывались шесть очковъ, то мы (какъ говоритъ д'Аламберъ) приписали бы это не случаю, а поддѣлкѣ костей. Это несомнѣнно истинно, но вытекаетъ изъ совершенно инаго принципа. Мы разсматривали бы въ этомъ случаѣ не вѣроятность факта самого въ себѣ, а сравнительную вѣроятность, съ которою фактъ этотъ, когда извѣстно, что онъ случился, можетъ быть приписанъ той или другой причинѣ. Правильный рядъ отнюдь не съ меньшимъ правдоподобіемъ можетъ быть порожденъ случаемъ, чѣмъ неправильный, но онъ съ гораздо бо́льшимъ правдоподобіемъ можетъ быть произведенъ преднамѣренно или какою-либо общею причиною, дѣйствующею чрезъ посредство устройства костей. Случайныя сочетанія, по своей природѣ, производятъ повтореніе того же событія такъ же часто и не чаще, чѣмъ всякій другой рядъ событій. Общія же причины, по своей природѣ, производятъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, всегда одно и то же событіе. Здравый смыслъ и наука равно предписываютъ, чтобы, при одинаковости другихъ обстоятельствъ, мы приписывали дѣйствіе скорѣе такой причинѣ, которая, существуя, вѣроятно, произвела бы его, нежели причинѣ, которая, вѣроятно, не произвела бы его. По Лапласовой шестой теоремѣ, которую мы доказали въ одной изъ предшествующихъ главъ, приращеніе вѣроятности, порождаемое превосходствомъ *вліятельности* постоянной причины, поддѣлки костей, послѣ весьма немногихъ опытовъ бросанія далеко превзошло бы всякую предшествовавшую вѣроятность, какая могла быть противъ существованія постоянной причины.

Д'Аламберу слѣдовало поставить вопросъ иначе. Ему нужно было предположить, что мы сами предварительно испытали кости и убѣдились достаточнымъ опытомъ, что онѣ вѣрны; затѣмъ другое лицо испытываетъ ихъ въ нашемъ отсутствіи и увѣряетъ насъ, что оно выкинуло шесть очковъ десять разъ сряду. Можно ли вѣрить показанію,

или нѣтъ? Здѣсь требуетъ поясненія не самое совпаденіе, а показаніе свидѣтеля. Показаніе это могло быть вызвано или тѣмъ, что утверждаемое дѣйствительно случилось, или какою-либо другою причиною. Намъ предстоитъ оцѣнить сравнительную вѣроятность этихъ двухъ предположеній.

Еслибъ свидѣтель утверждалъ, что онъ выкинулъ какой-либо другой рядъ чиселъ, то, предполагая въ немъ лицо правдивое и удовлетворительно точное и слыша отъ него, что онъ обратилъ особенное вниманіе на сообщаемый фактъ, мы повѣрили бы ему. Но десять шестерокъ точно такъ же могли быть дѣйствительно выкинуты, какъ и всякій другой рядъ. И потому если это показаніе заслуживаетъ меньшаго довѣрія, чѣмъ другое, то причиною этому не то, что оно менѣе другаго можетъ быть дано согласно съ истиной, а то, что оно скорѣе другаго можетъ быть дано лживо.

Почему же такъ-называемое совпаденіе чаще можетъ быть утверждаемо лживо, чѣмъ обыкновенное сочетаніе? Одна причина очевидна: совпаденіе изумляетъ и удовлетворяетъ любви къ чудесному. Слѣдовательно, побужденія ко лжи, изъ которыхъ къ самымъ частымъ принадлежитъ желаніе изумить, дѣйствуютъ сильнѣе въ пользу этого рода утвержденій, чѣмъ въ пользу другаго. Настолько же, очевидно, болѣе причинъ заподозривать объявляемое совпаденіе, чѣмъ фактъ, который самъ по себѣ не болѣе вѣроятенъ, но, будучи объявленъ, не былъ бы сочтенъ замѣчательнымъ. Бываютъ, однако, случаи, въ которыхъ основанная на этомъ вѣроятность клонилась бы въ другую сторону. Есть свидѣтели, которые, чѣмъ необыкновеннѣйшимъ можетъ показаться случай, тѣмъ ревностнѣе станутъ провѣрять его съ крайнимъ тщаніемъ, прежде нежели рѣшатся вѣрить факту и, тѣмъ болѣе, передавать его другимъ.

§ 6. Независимо, однако, отъ всякой особой вѣроятности лжи, — вѣроятности, возникающей изъ сущности утвержденія, — Лапласъ утверждаетъ, что уже на одномъ общемъ основаніи погрѣшимости свидѣтельствъ, совпаденіе не заслуживаетъ довѣрія при томъ же самомъ числѣ свидѣтельствъ, на основаніи котораго мы имѣли бы право вѣрить обыкновенному сочетанію событій. Чтобы не нарушить справедливости относи-

тельно этого довода, должно пояснить его тѣмъ же примѣромъ, который выбранъ самимъ Лапласомъ.

Если, говоритъ онъ, въ ящикѣ была тысяча билетовъ, вынутъ только одинъ, и очевидецъ утверждаетъ, что вынутъ нумеръ 79, то, хотя случайности противъ него равняются 999 на тысячу, но это не дѣлаетъ показаніе заслуживающимъ меньшаго довѣрія: правдоподобіе его равняется предшествовавшей вѣроятности въ пользу правдивости свидѣтеля. Но если въ ящикѣ было 999 черныхъ шаровъ и только одинъ бѣлый, и свидѣтель утверждаетъ, что вынутъ бѣлый шаръ, то, по мнѣнію Лапласа, случай совершенно отличенъ отъ перваго: правдоподобіе втораго свидѣтельства составитъ лишь небольшую долю правдоподобія перваго. Причина разницы слѣдующая.

Свидѣтель, о которомъ мы говоримъ, долженъ быть, по природѣ случая, такого рода, чтобы довѣріе, имъ заслуживаемое, было существенно слабѣе несомнѣнности, и потому предположимъ, что довѣріе, заслуживаемое свидѣтелемъ, въ разсматриваемомъ случаѣ равно $^9/_{10}$, т. е. предположимъ, что изъ каждыхъ десяти показаній, которыя онъ дѣлаетъ, девять, среднимъ числомъ, вѣрны, а одно невѣрно. Сверхъ того, предположимъ, что число вынутыхъ билетовъ или шаровъ было достаточно для исчерпанія всѣхъ возможныхъ сочетаній и что свидѣтель давалъ показаніе о каждомъ случаѣ. Въ одномъ случаѣ на каждые десять, изъ всего числа, онъ фактически давалъ ложное показаніе. Но въ примѣрѣ съ тысячью билетовъ эти ложныя показанія были бы распредѣлены равномѣрно на все число, и изъ 999 случаевъ, въ которыхъ № 79 не былъ вынутъ, былъ бы лишь одинъ случай, въ которомъ онъ, не смотря на это, былъ бы объявленъ. Напротивъ того, въ примѣрѣ съ тысячью шаровъ (когда выкликались непремѣнно либо «черный», либо «бѣлый») если былъ вынутъ не бѣлый шаръ и давалось ложное показаніе, это ложное показаніе *должно* было заключаться въ объявленіи бѣлаго шара; но, по предположенію, ложное показаніе давалось одинъ разъ изъ десяти; слѣдовательно, бѣлый шаръ объявлялся ложно въ десятой части всѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ не былъ вынимаемъ, т. е. въ десятой части 999 случаевъ на каждую тысячу. Итакъ, бѣлый шаръ вынимается, вообще говоря, точно такъ же часто, какъ и билетъ за № 79, а объявляется, не бывши вынутъ, въ 999

разъ чаще № 79, и потому объявленіе, чтобъ стать достовѣрнымъ, требуетъ гораздо бо́льшаго числа свидѣтельствъ *).

Чтобы этотъ доводъ былъ дѣйствительнымъ, нужно, конечно, предположить, что показанія свидѣтеля были средними образцами его общей правдивости и точности или, по крайней мѣрѣ, что они были ни болѣе, ни менѣе правдивы и точны относительно черныхъ и бѣлыхъ шаровъ, какъ и относительно тысячи билетовъ. Но вѣрность этого предположенія не обезпечена. Гораздо менѣе вѣроятно, что человѣкъ ошибется, когда ему нужно остерегаться лишь одного вида ошибки, нежели тогда, когда онъ долженъ избѣгнуть 999 различныхъ ошибокъ. Такъ, въ выбранномъ примѣрѣ, выкликатель, который могъ ошибиться однажды на десять разъ, объявляя нумера, вынимаемые въ лоттереѣ, могъ не ошибиться ни одного разу на тысячу, наблюдая только, былъ ли шаръ черный или бѣлый. Слѣдовательно, доводъ Лапласа ошибоченъ, даже въ примѣненіи къ выбранному имъ самимъ случаю. Еще менѣе можетъ случай этотъ быть принятъ какъ вполнѣ представляющій всѣ случаи совпаденія. Лапласъ построилъ свой примѣръ такъ, что хотя черный шаръ соотвѣтствуетъ 999 различнымъ возможностямъ, а бѣлый только одной, тѣмъ не менѣе въ свидѣтелѣ нѣтъ предрасположенія, которое могло бы заставить его объявить черный шаръ предпочтительно предъ бѣлымъ. Свидѣтель не зналъ, что въ ящикѣ 999 черныхъ шаровъ и только одинъ бѣлый; да еслибъ и зналъ, то Лапласъ позаботился сдѣлать всѣ 999 случаевъ до такой степени неразличимо-сходными, что едвали возможна какая-либо причина лживости или ошибки, которая дѣйствовала бы въ пользу одного изъ этихъ шаровъ и не дѣйствовала бы такимъ же образомъ, еслибъ былъ всего одинъ шаръ. Измѣните это предположеніе, и весь доводъ рушится. Пусть, напримѣръ, шары будутъ нумерованы, и пусть бѣлый шаръ будетъ за № 79. По

*) Но не въ 999 разъ большаго, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Полный анализъ всѣхъ случаевъ показываетъ, что (при той же правдивости свидѣтеля, равной $^9/_{10}$) на 10,000 билетовъ № 79 будетъ вынутъ девять разъ, и ложно объявленъ однажды; а потому правдоподобіе объявленія № 79 будетъ равно $^9/_{10}$, между тѣмъ какъ бѣлый шаръ будетъ вынутъ девять разъ, а ложно объявленъ 999 разъ. Слѣдовательно, правдоподобіе объявленія, что вынутъ бѣлый шаръ, равно $^9/_{1000}$, а отношеніе этихъ двухъ чиселъ будетъ 1008 : 10. Такимъ образомъ одно объявленіе будетъ правдоподобнѣе другаго, приблизительно, лишь въ сто разъ, вмѣсто 999.

отношенію къ цвѣту шаровъ, есть только двѣ вещи, которыя можетъ утверждать свидѣтель, побуждаемый къ тому интересомъ, или вслѣдствіе видѣннаго имъ сна, или въ бреду, или выбирая одну изъ нихъ наудачу: именно, бѣлый и черный цвѣта. Но по отношенію къ выставленнымъ на шарахъ нумерамъ такихъ вещей тысяча, и если выгода или ошибка свидѣтеля связана съ нумерами, то случай совершенно уподобляется случаю съ тысячью билетами, хотя единственное объявленіе, дѣлаемое свидѣтелемъ, касается цвѣта. Или, вмѣсто шаровъ, предположите, что разыгрывается лотерея съ 1,000 билетами и только однимъ выигрышемъ, что у меня № 79 и что, будучи заинтересованъ только этимъ билетомъ, я спрашиваю свидѣтеля не о томъ, какой нумеръ вынутъ, а о томъ, былъ ли вынутъ № 79 или другой. Тутъ только два случая, какъ и въ примѣрѣ Лапласа; но онъ, конечно, не сказалъ бы, что еслибъ свидѣтель отвѣтилъ нумеромъ 79, то объявленіе его было бы въ громадной пропорціи менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ еслибъ онъ отвѣтилъ тѣмъ же, на тотъ же вопросъ, только предложенный иначе. Пусть, напримѣръ (чтобъ взять случай, выбранный самимъ Лапласомъ), свидѣтель поставилъ на одну изъ случайностей большую сумму и думаетъ, что, объявивъ себя выигравшимъ, онъ увеличитъ свой кредитъ; онъ могъ, одинаково вѣроятно, поставить закладъ на всякій изъ 999 нумеровъ, выставленныхъ на черныхъ шарахъ, и, насколько вѣроятность лжи зависитъ отъ упомянутой причины, лицо это въ 999 разъ вѣроятнѣе объявитъ ложно черный шаръ, нежели бѣлый.

Или, предположите, что въ полку изъ 1,000 человѣкъ было 999 англичанъ и одинъ французъ, убитъ одинъ человѣкъ, а какой, неизвѣстно. На мой вопросъ свидѣтель отвѣчаетъ, что убитъ французъ. Фактъ этотъ не только такъ же невѣроятенъ *a priori*, но и самъ по себѣ такое же странное обстоятельство, такое же замѣчательное совпаденіе, какъ то, что вынутъ былъ именно бѣлый шаръ; а между тѣмъ мы повѣрили бы свидѣтелю съ такою же готовностью, какъ еслибы онъ отвѣтилъ: «Джонъ Томпсонъ». Это потому, что хотя всѣ 999 англичанъ были сходны въ томъ, въ чемъ отличались отъ француза, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не были неразличимы, подобно 999 чернымъ шарамъ; но, будучи всѣ различны, они допускали столько же случайностей лжи ради интереса или по ошибкѣ, какъ еслибы каждый

изъ нихъ принадлежалъ къ иной націи. И если была сказана ложь или сдѣлана ошибка, то несправедливое показаніе могло одинаково вѣроятно касаться и всякаго Джонса или Томпсона, безъ различія, какъ и француза.

Примѣръ совпаденія, выбранный Д'Аламберомъ, — шести очковъ, вскрывшихся на парѣ костей десять разъ сряду, — принадлежитъ скорѣе къ этому роду случаевъ, чѣмъ къ такимъ, каковъ случай Лапласа. Здѣсь совпаденіе гораздо замѣчательнѣе, потому что случается гораздо рѣже, чѣмъ вынимание бѣлаго шара. Но хотя невѣроятность его дѣйствительнаго наступленія больше, однако сильнѣйшая вѣроятность того, что совпаденіе объявлено ложно, не можетъ быть установлена при помощи того же доказательства. Объявленіе «черный» представляло 999 случаевъ; но свидѣтель могъ не знать этого, а если и зналъ, то 999 случаевъ были до такой степени сходны, что дѣйствительно существуетъ только одинъ рядъ возможныхъ причинъ лживости, соотвѣтствующій всѣмъ случаямъ. Объявленіе «по шести очковъ *не* десять разъ сряду» представляетъ, что извѣстно и свидѣтелю, чрезвычайное множество случаевъ, изъ которыхъ каждый отличенъ отъ всякаго другаго и потому порождаетъ иной, новый рядъ причинъ лживости.

Поэтому мнѣ кажется, что Лапласово ученіе не строго истинно о всякомъ совпаденіи и вполнѣ непримѣнимо къ бо́льшей части совпаденій. Чтобы узнать, требуетъ ли какое-либо совпаденіе, для своей достовѣрности, бо́льшаго доказательства, чѣмъ обыкновенное событіе, или не требуетъ, — мы должны, въ каждомъ случаѣ, обращаться къ первымъ началамъ и съизнова оцѣнивать вѣроятность, что данное показаніе было бы сдѣлано въ этомъ случаѣ при неистинности утверждаемаго факта.

Этими примѣчаніями мы заключаемъ обсужденіе основаній недовѣрія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изложеніе Логики наведенія, какое дозволяли предѣлы сочиненія и въ силахъ дать авторъ.

КНИГА IV.

О ПРОЦЕССАХЪ, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХЪ НАВЕДЕНІЮ.

«Ясныя и отчетливыя идеи — это термины, обычные и частые въ устахъ людей Но есть основаніе думать, что не всякій, употребляющій эти термины, ихъ вполнѣ понимаетъ. И, можетъ быть, лишь тамъ и самъ человѣкъ задаетъ себѣ трудъ обдумать ихъ настолько, чтобы знать, что̀ именно онъ самъ или другіе подъ ними разумѣютъ. Поэтому я почти вездѣ предпочитаѣъ писать «опредѣленныя», вмѣсто «ясныя и отчетливыя», такъ какъ первое слово, вѣроятно, скорѣе укажетъ читателямъ мое мнѣніе о предметѣ». Локкъ, *Опытъ о человѣческомъ умѣ (Essay on the Human Understanding);* письмо къ читателю.

«Возможенъ лишь одинъ совершенный методъ — *методъ естественный;* такъ называютъ размѣщеніе, при которомъ существа одного рода ближе другъ къ другу, чѣмъ къ существамъ всѣхъ другихъ родовъ; роды одного порядка ближе одинъ къ другому, чѣмъ къ родамъ всѣхъ другихъ порядковъ, и т. д. Этотъ методъ есть идеалъ, къ которому естественная исторія должна стремиться: ясно, что еслибъ она достигла этого идеала, то у насъ было бы точное и полное выраженіе всей природы». Кювье. *Животное царство (Règne Animal)*, введеніе.

«Въ основной теоріи естественнаго метода, въ собственномъ смыслѣ, преобладаютъ два великія философскія понятія, именно: образованіе естественныхъ группъ и ихъ іерархическая послѣдовательность». Контъ, *Курсъ положительной философіи» (Cours de Philosophie Positive)*, лекція 42-я.

ГЛАВА I.

О НАБЛЮДЕНІИ И ОПИСАНІИ.

§ 1. Изслѣдованіе, занимавшее насъ въ двухъ предшествующихъ книгахъ, привело, повидимому, къ удовлетворительному рѣшенію главной задачи Логики, согласно моему понятію о ней. Мы нашли, что умственный процессъ, которымъ занимается Логика, именно обнаруженіе истинъ при помощи доказательства, есть всегда процессъ наведенія, даже когда внѣшности указываютъ на иную теорію. И мы обособили различные виды наведенія и получили ясный взглядъ на принципы, съ которыми оно должно сообразоваться, чтобы привести къ надежнымъ результатамъ.

Однако, разсмотрѣніе наведенія не оканчивается прямыми правилами для совершенія наведенія. Нужно сказать кое-что о другихъ отправленіяхъ ума, которыя или необходимо предполагаются во всякомъ наведеніи, или служатъ орудіемъ для самыхъ трудныхъ и сложныхъ индуктивныхъ процессовъ. Настоящая книга будетъ посвящена разсмотрѣнію этихъ вспомогательныхъ процессовъ, и между ними слѣдуетъ обратить сначала вниманіе на тѣ, которые составляютъ необходимыя приготовленія ко всякому наведенію, каково бы оно ни было.

Такъ какъ наведеніе есть лишь распространеніе на классъ случаевъ чего-либо, что по наблюденію оказалось истиннымъ въ нѣко-

торыхъ единичныхъ случаяхъ класса, то первое мѣсто между дѣйствіями, вспомогательными наведенію, принадлежитъ наблюденію. Однако, отъ насъ нельзя ожидать изложенія правилъ для образованія хорошихъ наблюдателей; да и принадлежатъ эти правила къ области не Логики, а искусства умственнаго воспитанія. Въ нашъ предметъ наблюденіе входитъ лишь своею связью съ настоящею задачею Логики: оцѣнкою доказательства. Намъ слѣдуетъ разсмотрѣть не что и какъ наблюдать, а подъ какими условіями наблюденіе надежно, — предположивъ, что мы наблюдали фактъ, такъ какъ это необходимо для безопаснаго признанія его за фактъ истинный.

§ 2. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ первой его формѣ, весьма простъ. Единственное условіе, подъ которымъ наблюденіе надежно, состоитъ въ томъ, чтобы вещь, которая предполагается наблюдаемою, была дѣйствительно наблюдаема; чтобы мы имѣли дѣло съ наблюденіемъ, а не съ выводомъ. Почти въ каждомъ актѣ нашихъ воспринимающихъ способностей наблюденіе и выводъ тѣсно связаны. То, что мы считаемъ наблюдаемымъ, есть обыкновенно сложный результатъ, одна десятая часть котораго можетъ состоять въ наблюденіи, а остальныя девять десятыхъ въ выводѣ.

Положимъ, я утверждаю, что слышу человѣческій голосъ. Въ обыкновенномъ разговорѣ это было бы признано за прямое воспріятіе. Однако, дѣйствительное воспріятіе состоитъ лишь въ томъ, что я слышу звукъ. Что звукъ есть голосъ, и что голосъ этотъ есть голосъ человѣка, — не воспріятія, а выводы. Или я утверждаю, что я видѣлъ моего брата сегодня, въ извѣстный часъ утра. Объ этомъ предположеніи, скорѣе, чѣмъ о какомъ-либо другомъ относительно факта, можетъ быть утверждаемо въ обыкновенномъ разговорѣ, что оно опирается на прямое свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ. Однако, это далеко не истинно. Я видѣлъ только извѣстную окрашенную поверхность, или, скорѣе, я испыталъ тотъ родъ ощущеній, который обыкновенно производится окрашенною поверхностью, и по этимъ ощущеніямъ, какъ по признакамъ, извѣстнымъ мнѣ за признаки изъ прежняго опыта, я заключилъ, что видѣлъ моего брата. Я могъ бы испытать ощущенія, совершенно подобныя, еслибъ моего брата тамъ и не было. Я могъ видѣть какое-либо другое лицо, столь близко похожее на него по

внѣшности, что, на данномъ разстояніи и при степени вниманія, съ которою я глядѣлъ на это лицо, я могъ принять его за брата; я могъ спать и видѣть брата во снѣ или, бордствуя, при разстроенныхъ нервахъ, видѣть его образъ въ бреду. Въ подобныхъ случаяхъ многіе пришли къ убѣжденію, что они видѣли лицъ, хорошо имъ извѣстныхъ, между тѣмъ какъ лицъ этихъ уже не было въ живыхъ или они находились въ отсутствіи. Еслибъ которое-либо изъ приведенныхъ предположеній было истинно, то утвержденіе, что я видѣлъ моего брата, было бы нелѣпо; но каковъ бы ни былъ предметъ прямаго воспріятія, именно, каковы бы ни были зрительныя ощущенія, — предметъ этотъ былъ бы дѣйствительнымъ. Только выводъ имѣлъ бы дурное основаніе; я приписалъ бы эти ощущенія ложной причинѣ.

Можно бы было привести и разсмотрѣть такимъ же образомъ безчисленное множество примѣровъ того, что обыкновенно называется ошибками внѣшнихъ чувствъ. Но ни одна изъ нихъ не есть собственно ошибка внѣшнихъ чувствъ: онѣ — ошибочные выводы изъ ощущеній чувствъ. Смотря на свѣчу сквозь граненое стекло, я, вмѣсто одной свѣчи, могу видѣть дюжину свѣчъ, и если дѣйствительныя обстоятельства дѣла искусно скрыты, то я могу предположить, что тутъ дѣйствительно находится дюжина свѣчъ. Это былъ бы такъ-называемый оптическій обманъ. Калейдоскопъ дѣйствительно производитъ этотъ обманъ: вмѣсто того, что дѣйствительно есть въ этой трубкѣ, именно, вмѣсто случайно расположенныхъ цвѣтныхъ кусочковъ, смотрящему въ нее представляется то же сочетаніе, повторенное нѣсколько разъ въ симметрическомъ порядкѣ вокругъ одной точки. Обманъ достигается, конечно, тѣмъ, что во мнѣ производятся тѣ же самыя ощущенія, которыя возникли бы, еслибъ такое симметрическое сочетаніе было дѣйствительно предо мною. Скрестивъ два пальца и приведя въ соприкосновеніе съ ними какую-либо маленькую вещь, — напримѣръ, катышъ хлѣба, — въ точкахъ, обыкновенно не задѣваемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же предметомъ, я, если закрою глаза, съ трудомъ подавлю въ себѣ мысль, что, вмѣсто одного катыша, до пальцевъ дотрогиваются два. Но обмануто во второмъ случаѣ не мое осязаніе, а въ первомъ не зрѣніе: обманъ, продолжителенъ ли онъ или мгновененъ, происходитъ въ моемъ сужденіи. Внѣшнія чувства даютъ мнѣ только ощущенія,

а послѣднія истинны. Привыкши испытывать эти или подобныя ощущенія, когда извѣстное сочетаніе внѣшнихъ предметовъ представляется моимъ органамъ, и только въ такомъ случаѣ, я, испытывая эти ощущенія, по обыкновенію, тотчасъ заключаю о существованіи этого состоянія внѣшнихъ предметовъ.. Эта привычка стала дотого могущественною, что выводъ, дѣлаемый съ быстротою и увѣренностью инстинкта, смѣшивается съ непосредственными воспріятіями. Когда онъ вѣренъ, я не сознаю, чтобы онъ нуждался въ доказательствѣ; даже когда я знаю, что онъ невѣренъ, мнѣ стоитъ большаго труда воздержаться отъ него. Для сознанія того, что этотъ выводъ совершается не по инстинкту, а по усвоенной привычкѣ, я вынужденъ обдумать тѣ медленные процессы, посредствомъ которыхъ я научился судить па глазъ о многихъ вещахъ, воспринимаемыхъ мною теперь, повидимому, непосредственно зрѣніемъ; я вынужденъ обдумать и обратный процессъ, совершаемый людьми, которые учатся рисовать: съ трудомъ освобождаются они отъ своихъ пріобрѣтенныхъ воспріятій и учатся вновь видѣть вещи такъ, какъ онѣ представляются глазамъ.

Легко было бы увеличить число приведенныхъ случаевъ, еслибъ было нужно распространяться о предметѣ, много разъ поясненномъ примѣрами въ различныхъ популярныхъ сочиненіяхъ. Изъ сказаннаго достаточно явствуетъ, что единичные факты, изъ которыхъ мы собираемъ наши индуктивныя обобщенія, едвали когда-либо добываются однимъ наблюденіемъ. Наблюденіе обнимаетъ лишь ощущенія, посредствомъ которыхъ мы узнаемъ предметы; но предложенія, къ которымъ мы прибѣгаемъ въ наукѣ и ежедневной жизни, касаются, большею частью, самихъ предметовъ. Въ каждомъ дѣйствіи того, что называется наведеніемъ, по крайней мѣрѣ, одно заключеніе: отъ ощущеній къ присутствію предмета; отъ признаковъ къ цѣлому явленію. Изъ этого, вмѣстѣ съ другими слѣдствіями, вытекаетъ кажущійся парадоксъ, что общее предложеніе, составленное изъ частныхъ, нерѣдко достовѣрнѣе истинно, чѣмъ каждое изъ частныхъ предложеній, изъ которыхъ первое было заключено путемъ наведенія. Каждое изъ этихъ частныхъ (или, скорѣе, единичныхъ) предложеній обнимало заключеніе отъ впечатлѣнія на внѣшнія чувства къ произведшему его факту, а это заключеніе могло быть ошибочно въ которомъ-либо изъ случаевъ, но не

могло быть ошибочно во всѣхъ, если число ихъ было достаточно для исключенія случайности. Поэтому, заключеніе, т. е. общее предложеніе, можетъ заслуживать болѣе полнаго довѣрія, чѣмъ то, съ которымъ мы можемъ безопасно отнестись къ каждой изъ индуктивныхъ посылокъ.

Итакъ, логику наблюденія составляетъ лишь правильное различеніе, въ результатѣ наблюденій, дѣйствительно воспринятаго отъ заключенія изъ воспріятія. Все, входящее въ заключеніе, подпадаетъ изложеннымъ уже правиламъ наведенія и не требуетъ теперь дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Здѣсь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ: что останется по устраненіи всего, принадлежащаго къ заключенію. Остаются, во-первыхъ, собственныя чувствованія (feeling) духа, или состоянія сознанія: именно, внѣшнія чувствованія или ощущенія и внутреннія чувствованія — мысли, душевныя движенія и хотѣнія. Остается ли что-либо иное, или все другое есть заключеніе изъ приведеннаго; способенъ ли духъ прямо воспринять или уловить что-либо, кромѣ состояній его собственнаго сознанія, — составляетъ задачу метафизики, не подлежащую нашему разсмотрѣнію. Но, по устраненіи всѣхъ вопросовъ, спорныхъ для метафизиковъ, остается истиннымъ, что для большинства цѣлей мы должны провести на практикѣ различіе, существующее между ощущеніями и другими чувствами, нашими ли или чужими, и выведенными изъ нихъ заключеніями. Вотъ, повидимому, все, что, для цѣлей настоящаго сочиненія, необходимо было сказать о теоріи наблюденія.

§ 3. Если значительная доля самаго простаго наблюденія или того, что за него принимается, не наблюденіе, а нѣчто иное, то въ самомъ простомъ описаніи наблюденія утверждается, и всегда должно утверждаться, гораздо болѣе того, что заключается въ самомъ воспріятіи. Мы не можемъ описать факта, не обнимая бо́льшаго, чѣмъ самый фактъ. Воспріятіе касается лишь одной единичной вещи; но описать его значитъ утверждать связь между нимъ и всякою другою вещью, которая либо означается, либо соозначается однимъ изъ названій, нами употребленныхъ. Приведемъ примѣръ, проще котораго нельзя придумать: я имѣю ощущеніе зрѣнія и стараюсь описать его, сказавъ, что вижу нѣчто бѣлое. Говоря это, я не только утверждаю мое ощущеніе, но и классифицирую его. Я утверждаю сходство между

вещью, которую вижу, и всѣми вещами, которыя я и другіе привыкли называть бѣлыми. Я утверждаю, что видимая мною вещь походитъ на вещи, называемыя бѣлыми, обстоятельствомъ, въ которомъ всѣ онѣ сходны между собою тѣмъ, по чему ихъ означаютъ приведеннымъ названіемъ. Это не только одинъ изъ способовъ описать наблюденія, но единственный способъ. Желая занести мое наблюденіе для собственнаго употребленія въ будущемъ или объявить его на пользу другихъ, я долженъ утверждать сходство между наблюденнымъ мною фактомъ и чѣмъ-либо инымъ. Описанію присуще быть утвержденіемъ сходства или сходствъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что невозможно выразить въ словахъ никакого результата наблюденія, не совершая дѣйствія, которое не обладало бы тѣмъ, что Уэвель считаетъ характеристическимъ признакомъ наведенія. Въ дѣйствіе это всегда вводится нѣчто, не заключавшееся въ самомъ наведеніи: какое-либо представленіе, общее наблюдаемому явленію съ другими явленіями, съ которыми оно сравнивается. О наблюденіи нельзя говорить никакимъ языкомъ, не утверждая больше этого одного наблюденія, не уподобляя его другимъ явленіямъ, уже наблюденнымъ и классифицированнымъ. Но это отожествленіе предмета, это признаніе его обладающимъ извѣстными отличительными признаками, никогда не было смѣшиваемо съ наведеніемъ. Это есть дѣйствіе, предшествующее всякому наведенію и снабжающее его матеріалами; это есть воспріятіе сходствъ, полученное путемъ сравненія.

Эти сходства не всегда постигаются непосредственно простымъ сравненіемъ наблюдаемаго предмета съ какимъ-либо другимъ присутствующимъ предметомъ или съ нашимъ воспоминаніемъ о предметѣ отсутствующемъ. Они часто обнаруживаются по промежуточнымъ признакамъ, т. е. дедуктивно. Предположимъ, что описывая какое-либо новое животное, я говорю, что длина его, отъ передней части головы до конца хвоста, десять футовъ. Я удостовѣрился въ этомъ не глазомѣромъ, а приложилъ къ предмету двуфутовую мѣру и, какъ обыкновенно говорятъ, измѣрилъ его. Дѣйствіе это было не вполнѣ механическое, а частью и математическое, обнимая слѣдующія два предложенія: «Пятью два десять» и «Вещи, равныя одной и той же вещи, равны между собою». Слѣдовательно, фактъ, что животное длиною въ

десять футовъ, есть не непосредственное воспріятіе, а результатъ умозаключенія, которому наблюденіе предмета доставило лишь меньшія посылки. Тѣмъ не менѣе, фактъ этотъ называется наблюденіемъ или описаніемъ животнаго, а не касающимся этого животнаго наведеніемъ.

Перейду разомъ отъ примѣра весьма простаго къ очень сложному: утверждаю, что земля шарообразна. Предложеніе не основано на прямомъ воспріятіи, потому что видъ земли недоступенъ послѣднему, хотя предложеніе не было бы истиннымъ, еслибъ нельзя было предположить обстоятельствъ, при которыхъ истинность его могла быть воспринята непосредственно. О шарообразной формѣ земли заключаютъ по извѣстнымъ признакамъ: напримѣръ, по тому, что тѣнь земли, падая на луну, кругла; или что на морѣ или на другой обширной равнинѣ нашъ горизонтъ представляетъ всегда кругъ. Каждый изъ этихъ признаковъ несовмѣстенъ ни съ какою другою формою, кромѣ шарообразной. Далѣе, я утверждаю, что земля представляетъ тотъ особый родъ шарообразнаго тѣла, который называется сжатымъ сфероидомъ, такъ какъ измѣреніемъ по направленію меридіана обнаруживается, что дуга на поверхности земли, стягивающая данный уголъ при ея центрѣ, укорачивается съ удаленіемъ отъ экватора и приближеніемъ къ полюсамъ. Но каждое изъ предложеній, что земля шарообразна и что она сжатый сфероидъ, утверждаетъ единичный фактъ. По своей природѣ, онъ можетъ быть воспринятъ внѣшними чувствами, если предположить потребные для того органы и необходимое положеніе, и не воспринимается на дѣлѣ только потому, что недостаетъ этихъ органовъ и этого положенія. Но еслибъ фактъ могъ быть видимъ, то такое отожествленіе земли, сначала съ шарообразнымъ тѣломъ, а потомъ съ сжатымъ сфероидомъ, было бы названо описаніемъ вида земли, и справедливо можетъ быть такъ названо, когда фактъ не воспринимается зрѣніемъ, а составляетъ заключеніе. Но ни одно изъ этихъ утвержденій мы не могли бы справедливо назвать наведеніемъ изъ фактовъ относительно земли. Утвержденія эти не общія предложенія, собранныя изъ частныхъ фактовъ, а частные факты, выведенные изъ общихъ предложеній. Они — заключенія, полученныя дедуктивно изъ посылокъ, представляемыхъ наведеніемъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ посылокъ получены не наблюденіемъ надъ землею и не имѣли къ ней никакого особаго отношенія,

А если истина относительно вида земли не наведеніе, то почему можно считать наведеніемъ истины относительно вида земной орбиты? Оба случая различны лишь въ томъ, что видъ орбиты не былъ, подобно виду самой земли, выведенъ умозаключеніемъ изъ фактовъ, служившихъ признаками эллиптичности, а полученъ смѣлой догадкой, что путь земли представляетъ эллипсисъ, и позднѣйшимъ обнаруженіемъ, что наблюденія согласуются съ гипотезой. Однако, по мнѣнію Уэвеля, не только этотъ процессъ угадыванія и провѣрки догадокъ есть наведеніе, но наведеніе только въ немъ и состоитъ; иное изложеніе этого логическаго процесса не можетъ имѣть мѣста. Ошибочность этого послѣдняго утвержденія достаточно доказана всею предъидущею книгою; а что процессъ, которымъ была обнаружена эллиптичность планетныхъ орбитъ, вовсе не наведеніе, — это я пытался доказать во второй главѣ той же книги *). Теперь, однако, мы приготовились къ болѣе глубокому разсмотрѣнію предмета, чѣмъ на упомянутой предварительной ступени нашего изслѣдованія, и не только можемъ указать, что не принадлежитъ къ обсуждаемому процессу, но и указать, въ чемъ онъ заключается.

§ 4. Во второй главѣ мы замѣтили, что предложеніе: «земля движется по эллипсису», насколько оно служитъ лишь къ соединенію и связыванію дѣйствительныхъ наблюденій (т. е. насколько оно лишь утверждаетъ, что наблюдаемыя положенія земли могутъ быть правильно представлены столькими же точками обвода воображаемаго эллипсиса), — не наведеніе, а описаніе. Оно наведеніе только тогда, когда утверждаетъ, что промежуточныя положенія, не подпадавшія прямому наблюденію, оказались бы соотвѣтствующими остальнымъ точкамъ того же обвода эллипсиса. Но, хотя это дѣйствительное наведеніе одна вещь, а описаніе другая, однако, для совершенія наведенія мы находимся въ весьма розномъ положеніи до полученія описанія и послѣ того. Описаніе это, подобно всѣмъ другимъ описаніямъ, содержитъ объявленіе сходства между описываемымъ явленіемъ и чѣмъ-либо инымъ; указывая нѣчто, къ чему подходитъ рядъ наблюденныхъ мѣстонахожденій планеты, оно указываетъ нѣчто, въ чемъ сходны сами мѣстонахожденія. Если рядъ мѣстъ соотвѣтствуетъ столькимъ же точкамъ эллипсиса, то сами точки

*) См. выше, кн. III, гл. II, §§ 3, 4, 5.

сходны въ томъ, что расположены на этомъ эллипсисѣ. Итакъ, тѣмъ же процессомъ, который далъ намъ описаніе, мы получили данныя для наведенія по методу совпаденія. Принимая послѣдовательныя наблюденныя мѣстонахожденія земли за дѣйствія, а ея движеніе за производящую ихъ причину, мы находимъ, что эти дѣйствія, т. е. эти мѣста, сходны въ томъ обстоятельствѣ, что находятся на эллипсисѣ Отсюда мы заключаемъ, что и остальныя дѣйствія, мѣстонахожденія, которыя не были наблюдаемы, сходны въ томъ же обстоятельствѣ и что *законъ* движенія земли есть движеніе по эллипсису.

Итакъ, связываніе фактовъ гипотезами или, какъ предпочитаетъ выражаться Уэвель, понятіями, [1]) не есть, какъ онъ полагаетъ, само наведеніе, а по справедливости должно занять мѣсто между процессами, вспомогательными для наведенія. Каждое наведеніе предполагаетъ, что мы предварительно сравнили надлежащее число единичныхъ случаевъ и обнаружили, въ какихъ обстоятельствахъ они сходны. Связыванье фактовъ есть не что иное, какъ этотъ предварительный процессъ. Кеплеръ, тщетно пытавшись связать наблюденныя мѣстонахожденія планеты различными предположеніями круговаго движенія, обратился наконецъ къ гипотезѣ эллипсиса и нашелъ, что она соотвѣтствуетъ явленіямъ. Въ этомъ онъ, сперва тщетно, а потомъ съ успѣхомъ, пытался открыть обстоятельства, въ которыхъ сходны всѣ замѣченныя положенія планеты. Связавъ такимъ же образомъ другой рядъ замѣченныхъ фактовъ, періоды различныхъ планетъ, предложеніемъ, что квадраты временъ пропорціональны кубамъ разстояній, онъ, просто, опредѣлилъ свойство, въ которомъ сходны періоды всѣхъ различныхъ планетъ.

Поэтому, въ Уэвелевомъ ученіи «о понятіяхъ» все истинное и идущее къ дѣлу, могло бы быть вполнѣ выражено болѣе привычнымъ терминомъ «гипотеза»; и Уэвелево «связываніе фактовъ подходящими понятіями» есть лишь обыкновенный процессъ отысканія, чрезъ сравненіе явленій, того, въ чемъ они согласны или сходны. Я охотно ограничился бы употребленіемъ этихъ болѣе понятныхъ выраженій и до конца воздержался бы отъ идеологическихъ споровъ, какъ избѣгалъ ихъ до сихъ поръ, считая механизмъ нашихъ мыслей областью, отличною

---

[1]) См. примѣч. 1 къ слѣд. главѣ. *П. Л.*

отъ принциповъ и правилъ, по которымъ слѣдуетъ оцѣнивать достовѣрность результатовъ мышленія, и непримѣнимою къ этимъ принципамъ и правиламъ. Но такъ какъ сочиненіе съ такими большими притязаніями и, должно прибавить, со столькими дѣйствительными достоинствами, основало всю теорію наведенія на подобныхъ идеологическихъ соображеніяхъ, то, повидимому, и позднѣйшимъ сочиненіямъ необходимо потребовать для себя и своихъ ученій то положеніе, которое можетъ по праву принадлежать имъ на томъ же метафизическомъ основаніи. Это будетъ предметомъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

ОБЪ ОТВЛЕЧЕНІИ ИЛИ ОБРАЗОВАНІИ ПОНЯТІЙ [1]).

§ 1. Метафизическое изслѣдованіе природы и склада такъ-называемыхъ отвлеченныхъ идей или, другими словами, понятій, соотвѣтствующихъ въ нашемъ умѣ классамъ и общимъ названіямъ, принадлежитъ не Логикѣ, а иной наукѣ, и наша цѣль не требуетъ того, чтобы мы останавливались здѣсь на этомъ изслѣдованіи. Намъ важенъ лишь общепризнанный фактъ, что такія понятія [2]) существуютъ. Умъ мо-

---

[1]) Не смотря на огромную литературу, относящуюся къ предметамъ психологіи и логики, смыслъ основныхъ терминовъ этихъ наукъ весьма шатокъ и представляетъ не малое затрудненіе, въ особенности при передачѣ этихъ терминовъ съ одного языка на другой. Слово *conception*, употребленное Миллемъ, вообще, передается словомъ *понятіе*; но у насъ, подъ вліяніемъ нѣмецкаго употребленія, понятіе или *Begriff* имѣетъ совершенно иное значеніе, между тѣмъ какъ процессы, описываемые Миллемъ, преимущественно относятся къ теоріи представленій (Vorstellung). Затрудненіе увеличивается тѣмъ, что иногда Милль (и Уэвель имъ разбираемый) переходитъ дѣйствительно въ область составленныхъ понятій. Поэтому, при передачѣ представлялось нѣсколько путей. Не смотря на основное значеніе слова *conception*, можно было его передать словомъ *представленіе* въ большей части случаевъ, объясняя это въ примѣчаніяхъ. Можно было сохранить слово *понятіе*, указывая въ примѣчаніяхъ на неточное его употребленіе. Наконецъ, можно было употребить то и другое средство, смотря по удобству. Мы предпочли предпослать это указаніе, что слово *понятіе* есть здѣсь не нѣмецкій Begriff, но англійское *conception*, и сохранить самое слово. *П. Л.*

[2]) Здѣсь сказано въ оригиналѣ: *notions or conceptions*. *П. Л.*

жетъ представить себѣ множество единичныхъ вещей какъ одно собраніе или какъ классъ, и общія названія дѣйствительно вызываютъ въ насъ нѣкоторыя идеи или умственные образы. Иначе мы не могли бы употреблять названій съ сознаніемъ ихъ значенія. Состоитъ ли идея, вызываемая общимъ названіемъ, изъ различныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ сходны всѣ означаемыя названіемъ особи, но не иныя (по ученію Локке, Брауна и концептуалистовъ); или это идея объ одной изъ упомянутыхъ особей, облеченной въ свои обособляющія частности, но сопровождаемая знаніемъ, что эти особенности не суть свойства класса (по ученію Бэркли, Бэли *) и новѣйшихъ номиналистовъ); или (какъ думаетъ Милль) идея о классѣ есть идея о разнородномъ собраніи особей, принадлежащихъ къ классу; или же, наконецъ (что, повидимому, всего вѣрнѣе), она подходитъ то подъ одно, то подъ другое изъ этихъ опредѣленій, смотря по случайнымъ обстоятельствамъ своего происхожденія?—вѣрно то, что общее названіе вызываетъ какую-либо идею или какое-либо умственное понятіе, когда бы мы ни слышали или ни употребляли его съ сознаніемъ его значенія. И это представленіе или эта идея, которыя мы можемъ, пожалуй, назвать общей идеей, *представляетъ* въ нашемъ умѣ весь классъ вещей, къ которому прилагается названіе. Когда бы мы ни думали или ни умозаключали о классѣ, мы дѣлаемъ это при помощи сказанной идеи. И принадлежащая уму произвольная способность обращать вниманіе на одну часть того, что представляется ему въ данную минуту, и оставлять безъ вниманія другую часть—даетъ намъ возможность оберечь наши умозаключенія и ихъ результаты отъ вліянія всего, принадлежащаго къ идеѣ или духовному образу, что не обще, дѣйствительно, цѣлому классу или что мы, по крайней мѣрѣ, не считаемъ дѣйствительно общимъ.

---

*) Бэли гораздо лучше другихъ опредѣлилъ эту теорію. «Общее названіе», говоритъ онъ, «порождаетъ иногда образъ одной особи видѣннаго прежде класса, иногда другой, а нерѣдко, послѣдовательно, и многихъ особей; иногда оно вызываетъ образъ, состоящій изъ началъ нѣсколькихъ различныхъ предметовъ,—скрытымъ, неизвѣстнымъ мнѣ процессомъ». Bailey, *Letters on the Philosophy of the Human Mind*, 1-st series, letter 22). Но Бэли долженъ допустить, что наведенія и умозаключенія относительно класса мы строимъ при помощи этой идеи или этого понятія о какой-либо одной особи класса. А я только того и требую. Названіе класса вызываетъ *какую-либо* идею, при посредствѣ которой мы можемъ, со всякими намѣреніями и цѣлями, *думать* о классѣ, а не только о единичномъ членѣ его.

Итакъ, существуютъ общія понятія, или понятія, при помощи которыхъ мы можемъ думать вообще. И когда изъ ряда явленій мы образуемъ классъ, т. е. когда мы сравниваемъ ихъ одно съ другимъ для обнаруженія того, въ чемъ они сходны, то въ этомъ умственномъ процессѣ участвуетъ какое-либо общее понятіе. А такъ какъ подобное сравненіе необходимо предшествуетъ наведенію, то вполнѣ истинно, что наведеніе не можетъ совершаться безъ общихъ понятій.

§ 2. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эти общія понятія должны были существовать въ умѣ до сравненія. Нѣтъ закона ума, чтобы, сравнивая вещи одну съ другою и замѣчая ихъ согласіе, мы только признавали осуществленнымъ во внѣшнемъ мірѣ что-либо такое, что уже было въ нашей мысли. Понятіе дошло до насъ уже какъ *результатъ* такого сравненія. Оно было получено (по метафизическому выраженію) путемъ *отвлеченія* отъ единичныхъ вещей. Эти вещи могутъ быть вещами, которыя мы замѣтили или о которыхъ думали прежде, но могутъ быть также вещами, которыя мы замѣчаемъ или о которыхъ думаемъ впервые при этомъ случаѣ. Когда Кеплеръ сравнивалъ наблюденныя мѣстонахожденія планеты Марсъ и нашелъ, что они сходны въ томъ, что представляютъ точки обвода эллипсиса, онъ примѣнилъ общее представленіе, уже бывшее въ его умѣ и выведенное изъ его прежней опытности. Но это случай отнюдь не всеобщій. Когда мы сравниваемъ нѣсколько предметовъ и находимъ ихъ сходными въ томъ, что они бѣлы, или когда мы сравниваемъ различные виды животныхъ, пережевывающихъ жвачку, и находимъ ихъ сходными въ томъ, что они животныя двукопытныя, въ нашемъ умѣ точно такъ же присутствуетъ общее представленіе, какъ существовало оно въ Кеплеровомъ: мы обладаемъ представленіемъ о «бѣлой вещи» или о «двукопытномъ животномъ». Но никто не предполагаетъ, чтобы эти представленія необходимо существовали въ насъ заранѣе и чтобы мы *налагали* ихъ на факты (*superinduce*, по выраженію Уэвеля): въ этихъ простыхъ случаяхъ каждый видитъ, что самое дѣйствіе сравненія, оканчивающееся тѣмъ, что мы связываемъ факты при помощи понятія, можетъ быть источникомъ, изъ котораго мы почерпаемъ самое представленіе. Еслибъ мы до того времени никогда не видали никакого бѣлаго предмета или никакого двукопытнаго животнаго, то при самомъ сравненіи и самымъ этимъ дѣй-

ствіемъ мы пріобрѣтали бы идею и употребляли бы ее для связыванья усмотрѣнныхъ явленій. Кеплеръ, напротивъ, дѣйствительно долженъ былъ приступить къ явленіямъ съ готовою идеею и наложить ее на факты. Онъ не могъ вывести ее изъ этихъ фактовъ: еслибъ идея не сложилась въ немъ раньше, то онъ не могъ бы добыть ее сравненіемъ положеній планеты. Но эта неспособность была совершенно случайна: еслибъ пути планетъ не были, случайно, невидимы, то идея объ эллипсисѣ могла бы быть получена изъ этихъ путей такъ же удобно, какъ и изъ чего-либо другаго. Еслибъ планета оставляла видимый слѣдъ и наше положеніе въ пространствѣ дозволяло бы намъ видѣть этотъ слѣдъ подъ надлежащимъ угломъ, то мы могли бы отвлечь нашу первоначальную идею объ эллипсисѣ отъ планетной орбиты. Въ самомъ дѣлѣ, каждое понятіе, которое можетъ служить орудіемъ для того, чтобы связать рядъ фактовъ, *могло бы* быть первоначально добыто изъ этихъ самыхъ фактовъ. Понятіе есть понятіе *о* чемъ-либо, и то, о чемъ составилось это понятіе, лежитъ, на дѣлѣ, *въ* фактахъ и, при извѣстныхъ предположимыхъ обстоятельствахъ или при предположимомъ расширеніи нашихъ способностей, могло бы быть открыто въ этихъ фактахъ. И это не только само по себѣ возможно, но дѣйствительно бываетъ почти во всѣхъ случаяхъ, когда получить правильное понятіе довольно трудно. Если не требуется никакого новаго понятія, если цѣль можетъ быть достигнута при помощи одного изъ понятій, уже привычныхъ человѣчеству, то вѣрное понятіе можетъ, случайно, придти впервые на мысль почти каждому,—по крайней мѣрѣ, относительно ряда явленій, который весь ученый міръ пытается связать. Кеплеру принадлежитъ честь точныхъ, терпѣливыхъ и трудныхъ вычисленій, посредствомъ которыхъ онъ сравнилъ результаты, вытекавшіе изъ его различныхъ догадокъ, съ наблюденіями Тихо Браге; но заслуга угадать эллипсисъ была весьма не велика; нужно удивляться лишь тому, что люди не угадали его раньше. Они не преминули бы угадать его, еслибъ не существовало упорнаго предубѣжденія *a priori*, что небесныя тѣла *должны* двигаться, если не по окружности, то по какому-либо сочетанію окружностей.

Дѣйствительно трудны тѣ случаи, въ которыхъ понятіе, предназначенное внести свѣтъ и порядокъ въ тьму и смятеніе, должно быть отъискано между тѣми самыми явленіями, которыя оно же должно по-

томъ привести въ порядокъ. Почему не удалось древнимъ, по мнѣнію самого Уэвеля, открыть законы механики, т. е. законы равновѣсія и передачи движенія? Потому что они не имѣли или, по крайней мѣрѣ, не уяснили себѣ идей или понятій о давленіи и сопротивленіи, о моментѣ, о силѣ, производящей равномѣрное и ускорительное движеніе [3]). А откуда могли они почерпнуть эти идеи, какъ не изъ самыхъ фактовъ равновѣсія и движенія? Позднее развитіе многихъ отраслей естественныхъ наукъ, напр. оптики, теоріи электричества и магнетизма и высшихъ обобщеній химіи, Уэвель приписываетъ тому факту, что человѣчество еще не усвоило идеи о полярности, т. е. идеи о противоположныхъ свойствахъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Но что могло подать такую идею, пока, отдѣльнымъ разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ изъ этихъ различныхъ отраслей знанія, не было показано, что факты каждой изъ нихъ представляли, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, любопытное проявленіе противоположныхъ свойствъ въ противоположныхъ направленіяхъ? Поверхностному взгляду фактъ этотъ обнаружился только въ двухъ случаяхъ: въ магнитѣ и въ наэлектризованныхъ тѣлахъ; но здѣсь понятіе было затемнено обстоятельствомъ вещественныхъ полюсовъ или опредѣленныхъ точекъ въ самомъ тѣлѣ, которымъ и казалась присущею эта противоположность свойствъ. Первое сравненіе и отвлеченіе привело лишь къ этому понятію о полюсахъ, и еслибъ что-либо соотвѣтствующее этому понятію существовало въ явленіяхъ химіи или оптики, то затрудненіе, которое теперь справедливо признается столь большимъ, было бы чрезвычайно мало. Неясность порождалась фактомъ, что полярности въ химіи и оптикѣ были, хотя однородны, но разновидны съ полярностями въ электричествѣ и магнетизмѣ и что для уподобленія явленій одного съ другимъ было необходимо сравнить полярность безъ полюсовъ, какую представляетъ, напримѣръ, поляризація свѣта, и полярность съ (явными) полюсами, какіе мы видимъ въ магнитѣ, и признать, что эти полярности, различныя во многихъ другихъ отношеніяхъ, сходствуютъ въ чертѣ, выражаемой такъ: противоположныя свойства въ противоположныхъ направленіяхъ. И, вотъ, изъ

---

[3]) У Милля сказано uniform and accelerating force, *равномѣрная и ускорительная сила;* но смыслъ этихъ словъ тотъ, который переданъ въ текстѣ. *П. Л.*

результата такого-то сравненія умы ученыхъ почерпнули упомянутое новое общее представленіе; но между нимъ и первымъ, смутнымъ сознаніемъ аналогіи между нѣкоторыми явленіями свѣта и явленіями электричества и магнетизма есть долгій промежутокъ, наполненный трудами и болѣе или менѣе проницательными догадками многихъ превосходныхъ умовъ.

Итакъ, понятія, употребляемыя нами для связыванія и методизаціи фактовъ, не развиваются извнутри ума, а вносятся въ него извнѣ; они никогда не получаются иначе, какъ путемъ сравненія и отвлеченія, и, въ самыхъ важныхъ и наиболѣе многочисленныхъ случаяхъ, почерпаются, отвлеченіемъ, изъ тѣхъ самыхъ явленій, которыя они должны связать. Однако, я отнюдь не желаю этимъ отрицать, что совершеніе этого процесса отвлеченія бываетъ часто весьма трудною задачею или что успѣхъ индуктивнаго процесса во многихъ случаяхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ искусства, съ которымъ процессъ исполняется. Бэконъ былъ совершенно правъ, указывая одно изъ главныхъ препятствій строгому наведенію — неправильно составленныя общія понятія: «*notiones temere a rebus abstractas*» (понятія, отвлеченныя отъ предметовъ наобумъ). Къ этому Уэвель прибавляетъ, что плохое отвлеченіе дѣлаетъ плохимъ и наведеніе и что, желая хорошо построить наведеніе, мы должны хорошо отвлечь; наши общія понятія должны быть «ясны» и «соотвѣтствовать» разсматриваемому предмету.

§ 3. Стараясь показать, въ чемъ заключается трудность этого дѣла и какъ ее преодолѣть, я долженъ просить читателя, разъ навсегда, не забывать, что, обсуждая мнѣнія иной философской школы, я готовъ принять ея языкъ и говорить о связываніи фактовъ посредствомъ понятія, но что это техническое выраженіе означаетъ ни болѣе, ни менѣе обыкновенно такъ-называемаго сравненія фактовъ и опредѣленія, въ чемъ они сходны. И выраженіе это не представляетъ даже того преимущества, чтобы оно было метафизически правильно. Факты не *связываются:* развѣ въ чисто-метафорическомъ смыслѣ. Могутъ быть связаны *идеи* о фактахъ, т. е. что-либо можетъ заставить насъ думать объ этихъ фактахъ разомъ; но это слѣдствіе не больше того, что въ состояніи произвести всякая случайная ассоціація. То, что дѣйствительно совершается, можно болѣе философски выразить обычнымъ словомъ «сравненіе»,

чѣмъ словами «связать» или «наложить». Какъ само общее понятіе получается чрезъ сравненіе частныхъ явленій, такъ, получивъ это понятіе, мы прилагаемъ его къ другимъ явленіямъ опять-таки сравненіемъ. Мы сравниваемъ явленія, для полученія понятія, а затѣмъ сравниваемъ эти и другія явленія съ понятіемъ. Получивъ, напримѣръ, путемъ сравненія различныхъ животныхъ, понятіе о животномъ и видя потомъ существо, похожее на животное, мы сравниваемъ его съ нашимъ общимъ понятіемъ о животномъ и, если встрѣтившееся существо сходно съ этимъ общимъ понятіемъ, то мы включаемъ его въ классъ. Понятіе становится типомъ сравненія.

Намъ стоитъ лишь разсмотрѣть сущность сравненія, и мы убѣдимся, что гдѣ болѣе двухъ предметовъ и, особенно, гдѣ ихъ неопредѣленное число, тамъ типъ извѣстнаго рода есть необходимое условіе сравненія. Когда намъ нужно привести въ порядокъ и классифицировать большое число предметовъ по ихъ сходствамъ и различіямъ, то мы не пытаемся безтолково сравнивать всѣ предметы со всѣми. Мы знаемъ, что уму легко обращать вниманіе одновременно не болѣе, какъ на два предмета, и потому выбираемъ одинъ изъ предметовъ, случайно ли или потому что онъ особенно рѣзко представляетъ какую-либо важную черту, и, принявъ его за мѣрило, сравниваемъ съ нимъ одинъ предметъ за другимъ. Когда мы находимъ второй предметъ, представляющій замѣчательное сходство съ первымъ, которое заставляетъ насъ отнести ихъ къ одному классу, то немедленно возникаетъ вопросъ, въ какихъ особыхъ обстоятельствахъ они сходны. Замѣтить эти обстоятельства есть уже первая ступень отвлеченія, порождающая общее понятіе. Совершивъ это и обративъ вниманіе на третій предметъ, мы, естественно, задаемъ себѣ вопросъ не только о томъ, сходенъ ли этотъ предметъ съ первымъ, но и о томъ, сходны ли они въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ которыхъ сходствовалъ второй, или, другими словами, сходствуетъ ли третій предметъ съ общимъ понятіемъ, которое получено отвлеченіемъ отъ перваго и втораго. Итакъ, общія понятія, едва образовавшись, стремятся стать типами, вмѣсто единичныхъ предметовъ, служившихъ такими типами въ нашихъ сравненіяхъ. Мы, можетъ статься, найдемъ, что съ этимъ первымъ общимъ понятіемъ сходствуетъ лишь незначительное число другихъ предметовъ и что намъ слѣдуетъ отказаться отъ нашего понятія

и, снова начавъ съ другаго единичнаго случая, идти новыми сравненіями къ другому общему понятію. Иногда же мы находимъ, что можемъ употребить прежнее понятіе, выпустивъ лишь нѣкоторыя изъ его обстоятельствъ, и этимъ высшимъ усиліемъ отвлеченія мы получаемъ еще болѣе общее понятіе. Такъ, въ приведенномъ выше случаѣ, отъ представленія о полюсахъ мы поднялись къ общему представленію о противоположныхъ свойствахъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Такимъ же образомъ островитяне Тихаго океана, понятіе которыхъ о четвероногомъ животномъ было отвлечено отъ свиней (единственныхъ видѣнныхъ ими животныхъ этого класса), сравнивъ потомъ это понятіе съ другими четвероногими, отбросили нѣкоторыя изъ подробностей и пришли къ болѣе общему понятію, соединяемому съ этимъ терминомъ европейцами.

Эти короткія замѣтки заключаютъ, кажется мнѣ, всю основательную долю ученія, что понятіе, при помощи котораго умъ приводитъ факты въ порядокъ и единство, должно быть доставлено самимъ умомъ, и что мы отъискиваемъ надлежащее понятіе процессомъ попытокъ, производя опытъ сперва надъ однимъ понятіемъ, потомъ надъ другимъ, пока не достигнемъ цѣли. Понятіе не дается умомъ, пока оно не дано уму, и доставляютъ его иногда факты внѣшніе, но чаще тѣ самые факты, которые мы пытаемся привести въ порядокъ помощью этого понятія. Однако, совершенно справедливо, что съ какой бы точки мы ни начали приводить въ порядокъ факты, мы никогда не дѣлаемъ трехъ шаговъ безъ образованія общаго понятія, болѣе или менѣе опредѣленнаго и точнаго, и что это общее понятіе становится нитью, которую мы тотчасъ же стараемся прослѣдить въ остальныхъ фактахъ, или, скорѣе, мѣриломъ, съ которымъ мы ихъ съ того времени сравниваемъ. Если мы не довольны сходствами, которыя открываемъ между явленіями, сравнивая ихъ съ этимъ типомъ или съ какимъ-либо еще болѣе общимъ понятіемъ, могущимъ образоваться изъ этого типа добавочною ступенью отвлеченія, то перемѣняемъ путь и ищемъ другихъ сходствъ. Мы снова начинаемъ сравненіе, исходя изъ другой точки, и такимъ образомъ производимъ иной рядъ общихъ понятій. Это-то и есть процессъ попытокъ, о которомъ говоритъ Уэвель и который довольно естественно породилъ ученіе, что представленіе дается самимъ умомъ, такъ какъ раз-

личныя понятія, послѣдовательно прилагаемыя умомъ, или были уже добыты имъ изъ прежняго опыта, или доставляются ему первою ступенью соотвѣтствующаго акта сравненія, почему, въ дальнѣйшей части процесса, понятіе обнаружилось какъ нѣчто сравниваемое съ явленіями, а не развиваемое изъ нихъ.

§ 4. Если сказанное выше вѣрно изображаетъ участіе общихъ понятій въ сравненіи, необходимо предшествующемъ наведенію, то намъ легко будетъ перевести на нашъ собственный языкъ разумѣемое Уэвелемъ, когда онъ говоритъ, что понятія, для годности ихъ въ процессѣ наведенія, должны быть «ясны» и «соотвѣтственны».

Если понятіе соотвѣтствуетъ дѣйствительному сходству между явленіями; если сдѣланное нами сравненіе ряда предметовъ привело насъ къ классификаціи ихъ по дѣйствительнымъ сходствамъ и различіямъ, то понятіе, исполнившее это, не можетъ не соотвѣтствовать той или другой цѣли. Вопросъ о соотвѣтствіи касается того особаго предмета, который мы имѣемъ въ виду. Какъ скоро мы сравненіемъ удостовѣрились въ какомъ-либо сходствѣ, — въ вещи, которая можетъ быть отнесена общимъ сказуемымъ къ нѣсколькимъ предметамъ, — мы добыли основаніе, на которое способенъ опереться индуктивный процессъ. Но сходства или дальнѣйшія ихъ послѣдствія могутъ быть важны въ весьма различныхъ степеняхъ. Если, напримѣръ, мы сравнимъ животныхъ только по ихъ цвѣту и отнесемъ къ одному классу всѣхъ одноцвѣтныхъ, то образуемъ общія понятія о бѣломъ животномъ, о черномъ животномъ и т. д., понятія, составленныя законно. И еслибъ мы пытались построить наведеніе относительно причинъ, которыми опредѣляются цвѣта животныхъ, то подобное сравненіе было бы соотвѣтственнымъ и необходимымъ приготовленіемъ къ такому наведенію, но не помогло бы намъ открыть законы какихъ-либо другихъ свойствъ животныхъ. Но если мы, вмѣстѣ съ Кювье, сравнимъ животныхъ и распредѣлимъ ихъ на классы по строенію скелета или, съ Бленвиллемъ, по природѣ внѣшнихъ покрововъ, то сходства и различія, которыя могутъ быть наблюдаемы въ этихъ отношеніяхъ, не только гораздо важнѣе сами въ себѣ, но представляютъ признаки сходствъ и различій во многихъ другихъ важныхъ подробностяхъ строенія нравовъ животныхъ. И потому, если мы желаемъ изучить строеніе и нравы, то по-

нятія, порождаемыя этими послѣдними сравненіями, гораздо «соотвѣтнѣе» порождаемыхъ первыми. И подъ соотвѣтствіемъ понятія нельзя разумѣть ничего иного.

Уэвелю случается говорить, что древніе или схоластики или какіе-либо новѣйшіе изслѣдователи не умѣли открыть дѣйствительный законъ извѣстнаго явленія, такъ какъ примѣняли къ нему несоотвѣтственное понятіе вмѣсто соотвѣтственнаго. Уэвель можетъ разумѣть лишь то, что, сравнивая различные случаи явленія, для обнаруженія, въ чемъ эти случаи сходны, изслѣдователи не напали на важныя черты сходства, а остановились на такихъ, которыя или мнимы и вовсе не составляютъ сходства, или, если и суть дѣйствительныя сходства, то сравнительно ничтожны и не находятся въ связи съ явленіемъ, законъ котораго отыскивается.

Аристотель, разсуждая о движеніи, замѣтилъ, что нѣкоторыя движенія происходятъ, повидимому, самопроизвольно: тѣла падаютъ на землю, пламя поднимается вверхъ, пузырьки воздуха поднимаются въ водѣ и т. п.; эти движенія онъ назвалъ природными; другія же не только никогда не происходятъ безъ внѣшняго побужденія, но даже, по приложеніи такого побужденія, самопроизвольно стремятся прекратиться; эти движенія, въ отличіе отъ первыхъ, онъ назвалъ движеніями насильными. Но, при сравненіи такъ-называемыхъ природныхъ движеній одного съ другимъ, Аристотелю казалось, что они сходны въ одномъ обстоятельствѣ: именно, что тѣло, которое движется (или кажется движущимся) самопроизвольно, движется *къ своему собственному мѣсту*, т. е. къ мѣсту, съ котораго оно явилось первоначально или гдѣ собрано большое количество подобнаго ему вещества. Въ другомъ отдѣлѣ движеній—напримѣръ, когда тѣла бываютъ брошены въ воздухъ—они, напротивъ, движутся *отъ* своего собственнаго мѣста. Представленіе о тѣлѣ, движущемся къ своему собственному мѣсту, справедливо можно признать несоотвѣтствующимъ, хотя оно выражаетъ обстоятельство, дѣйствительно встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ движенія, повидимому, произвольно. Во первыхъ, существуетъ много другихъ случаевъ такого движенія, въ которыхъ этого обстоятельства нѣтъ: напримѣръ, въ движеніи земли и другихъ планетъ. Во-вторыхъ, даже когда обстоятельство присутствуетъ, движеніе, по бли-

жайшемъ его разсмотрѣніи, часто оказывается несамопроизвольнымъ: напримѣръ, воздухъ, подымаясь въ водѣ, подымается не по собственной своей природѣ, а приводится въ движеніе бо́льшимъ вѣсомъ давящей на него воды. Наконецъ, есть много случаевъ, когда самопроизвольное движеніе происходитъ въ направленіи, противномъ тому, которое теорія признаетъ направленіемъ къ собственному мѣсту тѣла: напримѣръ, когда съ озера подымается туманъ, или когда вода испаряется. И потому, сходство, выбранное Аристотелемъ какъ принципъ классификаціи, не распространялось на всѣ случаи явленія, которое ему нужно было изучить, именно на всѣ случаи самопроизвольнаго движенія, а между тѣмъ обнимало случаи отсутствія явленія, случаи движенія несамопроизвольнаго. Слѣдовательно, представленіе было «несоотвѣтствующее». Мы можемъ добавить, что въ разбираемомъ вопросѣ ни одно представленіе не было бы соотвѣтствующимъ: нѣтъ сходства, которое проникало бы всѣ случаи движенія самопроизвольнаго или кажущагося такимъ и не встрѣчалось бы въ другихъ случаяхъ; случаи эти нельзя подвести ни подъ какой законъ: это случай множественности причинъ *).

§ 5. Теперь, отъ перваго Уэвелева условія, что понятія должны быть соотвѣтствующія, перейдемъ ко второму — что они должны быть «ясны» — и посмотримъ, что подъ этимъ разумѣется. Если понятіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному сходству, то оно страдаетъ бо́льшимъ

---

*) Еще слѣдующіе примѣры несоотвѣтствующихъ понятій приводятся Уэвелемъ (Phil. Ind., рядъ II, стр. 185): «Аристотель и его послѣдователи тщетно старались объяснить механическое отношеніе силъ въ рычагѣ, прилагая *несоотвѣтствующія* геометрическія понятія о свойствахъ круга; имъ не удалось объяснить *форму* свѣтлаго пятна, производимаго солнцемъ, свѣтящимъ сквозь небольшое отверстіе, потому что они примѣняли *несоотвѣтствующее* понятіе о круговомъ *качествѣ* солнечнаго свѣта; они безплодно разсуждали о составныхъ началахъ тѣлъ, принимая *несоотвѣтствующее* понятіе о сходствѣ между началами и соединеніемъ, вмѣсто истиннаго понятія о началахъ, лишь опредѣляющихъ качества соединенія». Но въ этихъ случаяхъ понятіе не только несоотвѣтствующее, а ложное: это понятіе, которому нѣтъ прототипа въ природѣ, нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ фактахъ. Это очевидно въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ и равно истинно въ первомъ, такъ какъ свойства круга, на которыя ссылались, чисто мечтательны. Слѣдовательно, кромѣ несоотвѣтствующаго выбора принципа обобщенія, есть тутъ еще одна ошибка: ложное предположеніе фактовъ. Дѣлается попытка перевести нѣкоторые законы природы въ болѣе общій законъ, но не такой, который, хотя и существуя, не соотвѣтствовалъ бы случаю, а въ законъ совершенно вымышленный.

недостаткомъ, чѣмъ неясность: оно вовсе не приложимо къ случаю. И потому мы должны предположить, что между явленіями, которыя мы пытаемся связать посредствомъ понятія, дѣйствительно есть сходство и что понятіе есть понятіе *объ* этомъ сходствѣ. Тогда для ясности его требуется только, чтобъ мы съ точностью знали, въ чемъ состоитъ сходство, чтобъ оно подверглось тщательному наблюденію и точно сохранялось памятью. Говорится, что у насъ *нѣтъ* яснаго понятія о сходствѣ ряда предметовъ, когда мы лишь чувствуемъ вообще это сходство, не анализировавъ его или не замѣтивъ, въ какихъ чертахъ оно состоитъ, и не утвердивъ въ нашей памяти точнаго воспоминанія объ этихъ чертахъ. Этотъ недостатокъ ясности, или, какъ можно назвать его иначе, эта неопредѣленность въ общемъ понятіи, можетъ происходить оттого, что мы не обладаемъ точнымъ знаніемъ самихъ предметовъ, или только оттого, что мы ихъ не сравнивали тщательно. Такъ, человѣкъ можетъ не имѣть ясной идеи о кораблѣ, потому что никогда не видалъ его или потому, что помнитъ лишь немногое изъ видѣннаго, да и то слабо. Или онъ можетъ прекрасно знать и помнить много кораблей различнаго рода, между прочими и фрегаты, но имѣть не ясную, а лишь смутную идею о фрегатѣ, потому что никогда не слышалъ, какими особенностями фрегатъ отличается отъ какого-либо другаго рода кораблей, и не сравнивалъ ихъ настолько, чтобы замѣтить и запомнить разницу.

Однако, чтобы имѣть ясныя идеи, не нужно знать всѣхъ общихъ свойствъ вещей, относимыхъ нами къ одному классу. Это было бы необходимо для того, чтобы наше понятіе о классѣ было не только ясно, но и полно. Достаточно, если мы никогда не относимъ вещей въ одинъ классъ, не зная точно, почему мы такъ поступаемъ, не удостовѣрившись точно, какія сходства мы готовы включить въ наше понятіе, и если, опредѣливъ такимъ образомъ наше понятіе, мы никогда отъ него не отступаемъ, никогда не включаемъ въ классъ ничего, что не обладаетъ этими общими свойствами, и не исключаемъ изъ класса ничего, что ими обладаетъ. Ясное понятіе значитъ опредѣленное понятіе, которое не колеблется, не бываетъ сегодня однимъ, а завтра другимъ, а пребываетъ постояннымъ и неизмѣннымъ, исключая случаевъ, когда, по увеличеніи нашего знанія или по исправленіи найденной ошибки, мы сознательно

прибавляемъ что-либо къ понятію или измѣняемъ его. Человѣкъ съ ясными понятіями—это человѣкъ, который всегда знаетъ, въ силу какихъ свойствъ построены его классы, какія свойства соозначаются употребляемыми имъ общими названіями.

Поэтому, главныя требованія для ясныхъ понятій состоятъ въ привычкѣ ко внимательному наблюденію, въ обширной опытности и въ памяти, которая принимаетъ и утверждаетъ точный образъ того, что было наблюдаемо. И въ мѣрѣ того, какъ человѣкъ обладаетъ привычкою точно наблюдать особый классъ явленій и тщательно сравнивать ихъ между собою, а также вѣрною памятью результатовъ наблюденія и сравненія, — въ той же мѣрѣ понятія его объ этомъ классѣ явленій будутъ ясны, лишь бы у него была необходимая привычка никогда не употреблять общія имена безъ точнаго соозначаемаго смысла (происходящая, естественно, отъ другихъ, упомянутыхъ выше способностей).

Какъ ясность нашихъ понятій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ способности *тщательно* и *точно* наблюдать и сравнивать, такъ примѣнимость ихъ или, скорѣе, вѣроятность, что мы во всякомъ случаѣ нападемъ на соотвѣтствующее понятіе, зависитъ преимущественно отъ *дѣятельности* той же способности. Кто, вслѣдствіе привычки, опирающейся на достаточную естественную способность, пріобрѣлъ навыкъ точно наблюдать и сравнивать явленія, тотъ будетъ замѣчать тѣмъ болѣе сходствъ и будетъ замѣчать ихъ тѣмъ быстрѣе сравнительно съ другими людьми, что за нимъ гораздо болѣе вѣроятности замѣтить, во всякомъ случаѣ, то сходство, отъ котораго зависятъ важныя слѣдствія.

§ 6. Правильное уразумѣніе разсмотрѣнной въ этой главѣ части процесса изслѣдованія истины важно до такой степени, что я считаю за лучшее изложить результаты, до которыхъ мы дошли, въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ.

Мы не можемъ опредѣлить общихъ истинъ, т. е. истинъ, приложимыхъ къ классамъ, не образовавши классы такъ, чтобы общія истины могли быть объ нихъ сказываемы. Образованіе *всякаго* класса обнимаетъ понятія о немъ, какъ о классѣ, т. е. понятіе о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, какъ о такихъ, которыя характеризуютъ классъ и отличаютъ составляющіе его предметы отъ всѣхъ другихъ. Когда

мы знаемъ точно, каковы эти обстоятельства, то имѣемъ *ясную идею* (или ясное понятіе) о классѣ и о смыслѣ означающаго его общаго названія. Первое условіе, обнимаемое предположеніемъ этой ясной идеи, состоитъ въ томъ, чтобы классъ былъ дѣйствительно классомъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ дѣйствительному различію, чтобы обнимаемыя имъ вещи дѣйствительно были сходны одна съ другою въ нѣкоторыхъ частностяхъ и тѣми же самыми частностями отличались отъ всѣхъ другихъ вещей. Ясныхъ идей лишенъ тотъ, кто привыкъ относить къ одному классу, подъ тѣми же общими названіями, вещи, не обладающія общими свойствами, либо не обладающія свойствами, которыхъ не имѣли бы и другія вещи, или кто, будучи руководимъ примѣромъ другихъ, не относитъ вещей къ ненадлежащему классу, но неспособенъ сознать общихъ свойствъ, въ силу которыхъ онъ классифицируетъ вещи правильно.

Однако, отъ классификаціи требуется не только того, чтобы классы были въ самомъ дѣлѣ классы, установленные законнымъ умственнымъ процессомъ. Нѣкоторые способы классификаціи вещей полезнѣе другихъ для человѣческихъ цѣлей, какъ въ умозрѣніи, такъ и на практикѣ, и наши классификаціи хороши лишь тогда, когда сопоставляемыя ими вещи не только сходны въ чемъ-либо, отличающемъ ихъ отъ всѣхъ другихъ вещей, но сходны между собою и различаются отъ другихъ вещей именно тѣми обстоятельствами, которыя наиболѣе важны для имѣющейся въ виду цѣли (теоретической или практической) и составляютъ рѣшаемую нами задачу. Другими словами, наши понятія, хотя бы они были ясны, не *соотвѣтствуютъ* нашей цѣли, если влагаемыя въ нихъ свойства не тѣ, которыя могли бы довести насъ до того самаго, что мы желаемъ понимать, т. е. или не проникаютъ всего глубже въ природу вещей, если мы стремимся понять именно ее, или не ближе другихъ связаны съ особымъ свойствомъ, которое мы стараемся изслѣдовать.

Поэтому, мы не можемъ составлять надлежащія общія представленія заранѣе. Что полученное нами понятіе именно то, въ которомъ мы нуждались, — можно знать лишь по исполненіи дѣла, для котораго оно было намъ нужно, по совершенномъ уразумѣніи общаго характера явленій или условій особаго свойства, которымъ мы занимаемся. Об-

щія понятія, построенныя безъ этого полнаго знанія, суть Бэконовы «notiones temere abstractae». Однако, на пути къ лучшему мы постоянно должны строить такія преждевременныя понятія. Они препятствуютъ успѣху знаній только когда ихъ постоянно принимаютъ за истинныя. Если мы усвоили привычку группировать вещи въ невѣрные классы и группы, которыя или не настоящіе классы, потому что не имѣютъ характеристическихъ точекъ сходства (отсутствіе *ясныхъ* идей), или не классы, о которыхъ можетъ сказываться что-либо важное для нашей цѣли (отсутствіе *соотвѣтствующихъ* идей); если, въ убѣжденіи, что эти плохо-построенные классы суть именно классы, освященные природой, и мы отказываемся замѣнить ихъ другими и не можемъ либо не хотимъ построить наши общія понятія изъ какихъ-либо другихъ началъ, — въ этомъ случаѣ дѣйствительно наступаетъ все зло, которое Бэконъ приписываетъ своимъ «notiones temere abstractae» (понятія, отвлеченныя наобумъ). Именно такъ древніе поступали въ естественныхъ наукахъ, а большинство вообще поступаетъ и донынѣ въ нравственности и политикѣ.

Такимъ образомъ, на мой взглядъ, сказать, что получить соотвѣтственныя понятія есть условіе, предшествующее обобщенію, — значило бы выразиться не точно. Въ теченіе всего процесса сравненія явленій съ цѣлью обобщенія умъ пытается построить понятіе, — но пытается построить понятіе о дѣйствительно-важной чертѣ сходства явленій. По мѣрѣ того, какъ мы пріобрѣтаемъ болѣе знанія о самихъ явленіяхъ и объ условіяхъ, отъ которыхъ зависятъ ихъ важныя свойства, наши взгляды на этотъ предметъ, естественно, измѣняются, и такимъ образомъ, въ ходѣ нашихъ изслѣдованій, мы подвигаемся отъ менѣе «соотвѣтствующихъ» общихъ представленій къ болѣе соотвѣтствующимъ.

Въ то же время намъ не слѣдовало бы забывать, что дѣйствительно-важное сходство не всегда можетъ быть открыто простымъ сравненіемъ самихъ разсматриваемыхъ явленій, безъ помощи понятія, полученнаго въ иномъ случаѣ, какъ это было въ часто-упомянутомъ случаѣ относительно планетныхъ орбитъ.

Отъискиваніе сходства въ рядѣ явленій поистинѣ близко напоминаетъ отъискиваніе потерянной или спрятанной вещи. Сначала мы за-

нимаемъ положеніе, которое дозволяло бы намъ обозрѣть мѣстность, и оглядываемся; можемъ мы видѣть предметъ — дѣло кончено; а если нѣтъ, то мы безмолвно спрашиваемъ себя: въ какомъ бы мѣстѣ вещь могла крыться, — съ цѣлью искать ее тамъ. И мы дѣлаемъ это, пока не угадаемъ мѣста, гдѣ вещь дѣйствительно находится. Да и здѣсь намъ нужно было имѣть предварительное понятіе или знаніе объ этихъ различныхъ мѣстахъ. Какъ въ этомъ обычномъ дѣйствіи, такъ и въ философскомъ процессѣ, которому оно служитъ пояснительнымъ примѣромъ, мы стараемся сначала найти потерянную вещь или узнать общее свойство, не прибѣгая, предположительно, къ какому-либо заранѣе составленному понятію, или, другими словами, къ какой-либо гипотезѣ. Въ случаѣ неуспѣха мы вызываемъ изъ нашего воображенія какое-либо предположеніе о возможномъ мѣстѣ или о возможной чертѣ сходства и затѣмъ смотримъ, согласны ли факты съ предположеніемъ.

Для такихъ случаевъ мало иногда ума, привыкшаго къ точному наблюденію и сравненію. Нуженъ умъ, снабженный заранѣе пріобрѣтенными общими понятіями тѣхъ родовъ, которые сходны съ предметомъ частнаго изслѣдованія. Многое будетъ также зависѣть отъ природной силы и развитія того, что было названо научнымъ воображеніемъ: отъ обладаемой способности умственно сопоставлять извѣстныя уже начала въ новыя сочетанія, которыя не были еще наблюдаемы въ природѣ, хотя и не противорѣчатъ никакимъ извѣстнымъ законамъ.

Но разнообразіе привычекъ ума, тѣ цѣли, которымъ онѣ служатъ, и способы ихъ развитія и усовершенствованія, — все это соображенія, обнимаемыя искусствомъ воспитанія, предметомъ, гораздо обширнѣйшимъ Логики и не входящимъ въ планъ настоящаго сочиненія. Поэтому мы удобно можемъ заключить главу.

ГЛАВА III.

О НАЗВАНІИ, КАКЪ ВСПОМОГАТЕЛЬНОМЪ ПРОЦЕССѢ НАВЕДЕНІЯ.

§ 1. По плану сочиненія намъ не слѣдуетъ останавливаться на важномъ значеніи языка, какъ средства для сношенія людей, съ цѣлью ли сочувствія или познанія. И предпріятіе наше дозволяетъ только легкій намекъ на то великое свойство названій, отъ котораго конечнымъ образомъ зависятъ, на дѣлѣ, и употребленіе ихъ какъ умственнаго орудія: могущество ихъ, какъ средства производить и закрѣплять сочетанія между другими нашими идеями. Одинъ даровитый мыслитель *) написалъ объ этомъ предметѣ слѣдующее:

«Названія суть впечатлѣнія на внѣшнее чувство и вслѣдствіе этого наиболѣе утверждаются въ умѣ и легче всѣхъ другихъ впечатлѣній могутъ быть вызваны изъ памяти и удерживаемы въ виду. Поэтому они служатъ центромъ соединенія всѣхъ болѣе мимолетныхъ предметовъ мысли и чувства. Впечатлѣнія, которыя, миновавъ, изгладились бы навсегда, теперь, по своей связи съ языкомъ, всегда доступны. Сами по себѣ, мысли постоянно ускользаютъ изъ поля непосредственнаго умственнаго зрѣнія; но намъ остается названіе, и произнесеніе его мгновенно возсоздаетъ эти мысли. Слова — это хранители каждаго умственнаго произведенія, которое запечатлѣвается слабѣе ихъ. Всѣ расширенія человѣческаго знанія, всѣ новыя обобщенія закрѣпляются и распространяются, даже невольно, употребленіемъ словъ. Вмѣстѣ съ словами роднаго языка, дитя узнаетъ, что вещи, которыя оно сочло бы за различныя, въ важныхъ чертахъ тожественны. Безъ всякаго формальнаго преподаванія, языкъ, употребляемый нами съ дѣтства, научаетъ насъ всей современной общей философіи. Онъ заставляетъ насъ наблюдать и познать вещи, которыя мы, иначе, упустили бы изъ виду; онъ даритъ намъ готовую классификацію, которая (насколько дозволяетъ знаніе минувшихъ поколѣній) сопоставляетъ вещи, предста-

*) Бэнъ.

вляющія наибольшее общее сходство. Числомъ общихъ названій въ языкѣ и степенью ихъ общности можетъ измѣряться знаніе эпохи и разумѣніе, достающееся по наслѣдству всякому, рожденному въ эту эпоху».

Но намъ предстоитъ разсмотрѣть не услуги названій, разсматриваемыхъ вообще, а способъ и степень ихъ прямаго пособія изслѣдованію истины или, другими словами, процессу наведенія.

§ 2. Наблюденіе и отвлеченіе — процессы, занимавшіе насъ въ двухъ предшествующихъ главахъ, — суть необходимыя условія наведенія; гдѣ ихъ нѣтъ, не можетъ быть и наведенія. Казалось, что называніе есть условіе одинаково необходимое. Нѣкоторые мыслители думали, что языкъ не только одно изъ орудій мысли, по общепринятому выраженію, но исключительное орудіе ея (*): что названія или что-либо, имъ соотвѣтствующее, какой-либо родъ искусственныхъ знаковъ, необходимы для умозаключенія; что безъ нихъ не можетъ быть заключенія, — слѣдовательно, и наведенія. Но если сущность умозаключенія была вѣрно изложена въ началѣ этого сочиненія, то приведенное мнѣніе должно быть признано за преувеличеніе, хотя и важной истины. Если умозаключеніе совершается отъ частностей къ частностямъ, если оно состоитъ въ принятіи одного факта за признакъ другаго или за признакъ признака другаго, то для возможности умозаключенія необходимы лишь внѣшнія чувства и сочетаніе идей: внѣшнія чувства для удостовѣренія, что два факта соединены; сочетаніе идей, какъ законъ, по которому одинъ изъ этихъ двухъ фактовъ вызываетъ идею о другомъ *). Для этихъ духовныхъ явленій, равно какъ и для слѣдующаго за ними убѣжденія или ожиданія, въ силу котораго мы признаемъ

(*) Въ оригиналѣ not *an* instrument, but *the* instrument.

Прим. пер.

*) Это положеніе было понимаемо ошибочно: будто я хотѣлъ утверждать, что убѣжденіе есть не что иное, какъ непреодолимая ассоціація. Поэтому я считаю необходимымъ замѣтить, что я не излагаю никакой теоріи относительно основнаго анализа умозаключенія или убѣжденія, двухъ самыхъ темныхъ предметовъ аналитической психологіи. Я говорю не о самихъ способностяхъ, а о предварительныхъ условіяхъ, необходимыхъ для того, чтобы дать этимъ способностямъ возможность дѣйствовать, и утверждаю, что языкъ не принадлежитъ къ этимъ условіямъ, такъ какъ и безъ него внѣшнія чувства и сочетаніе идей достаточны.

учившимся или наступающимъ то, что указывается намъ замѣченнымъ признакомъ, — для всего этого, очевидно, нѣтъ надобности въ ікѣ. А такое заключеніе отъ одного особаго факта къ другому есть примѣръ наведенія. Именно такой родъ наведенія доступенъ безсловесмъ животнымъ; такимъ же образомъ строятъ почти всѣ свои наведія люди неразвитые; да и всѣ мы поступаемъ такъ въ случаяхъ, гда привычный опытъ насильно влагаетъ въ насъ заключенія, безъ якаго дѣятельнаго процесса изслѣдованія съ нашей стороны, и когда -вѣжденіе или ожиданіе слѣдуетъ за внушеніемъ доказательства съ истротою и несомнѣнностью инстинкта *).

§ 3. Но хотя заключеніе съ индуктивнымъ характеромъ возможно безъ употребленія знаковъ, однако безъ ихъ помощи оно никогда зашло бы далеко за только-что описанные нами весьма простые учаи, составляющіе, по всей вѣроятности, предѣлъ умозаключеній, вершаемыхъ животными, которымъ условный языкъ неизвѣстенъ. езъ помощи языка или чего-либо равносильнаго можетъ быть лишь столько умозаключенія изъ опыта, насколько оно возможно безъ побія общихъ предложеній. Хотя, строго говоря, мы можемъ умозаючить отъ минувшей опытности къ новому единичному случаю и езъ посредствующей ступени общаго предложенія, однако, безъ общихъ редложеній мы рѣдко помнили бы наши прошедшіе опыты и едвали мнили бы когда-либо, какія именно заключенія завѣряются этими ытами. Дѣленіе процесса наведенія на двѣ части, изъ которыхъ рвая опредѣляетъ, что составляетъ признакъ даннаго факта, а вто- — существуетъ ли этотъ признакъ въ новомъ примѣрѣ, — такое леніе естественно и научно необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ оно становится необходимымъ уже по одной разницѣ времени. Опытъ, которымъ мы должны руководиться въ нашихъ жденіяхъ, можетъ быть опытомъ другихъ лицъ, а изъ этого опыта

*) Бэйн согласенъ со мною въ томъ, что когда почему-либо, существующему въ нное время для моихъ внѣшнихъ чувствъ, въ соединеніи съ минувшимъ опытомъ, я вѣжденъ, что какое-либо событіе совершилось или совершится или совершается за редѣлами моего личнаго наблюденія, то обо мнѣ можетъ быть въ самомъ строгомъ мыслѣ сказано, что я умозаключаю индуктивно, — такъ какъ дедуктивное умозаключеніе исключается обстоятельствами случая (*The Theory of Reasoning*, 2 изд., стр. 27).

немного можетъ быть намъ сообщено иначе, какъ путемъ слова; когда этотъ опытъ нашъ собственный, онъ обыкновенно давно минувшій; и потому, еслибъ онъ не былъ отмѣченъ при помощи искусственныхъ знаковъ, то (за исключеніемъ случаевъ, обнимающихъ наши сильнѣйшія ощущенія или душевныя движенія, либо предметы, наблюдаемые нами ежедневно и ежечасно) весьма небольшая доля опыта удержалась бы въ нашей памяти. Почти излишне прибавлять, что когда индуктивное заключеніе не принадлежитъ, по своей природѣ, къ самымъ прямымъ и очевиднымъ, когда оно требуетъ нѣсколькихъ наблюденій или опытовъ, при измѣняющихся обстоятельствахъ, и сравненія ихъ между собою, — тогда невозможно сдѣлать шагу безъ искусственной памяти, доставляемой языкомъ. Еслибъ, не одаренные словомъ, мы часто видѣли А въ непосредственномъ и явномъ соединеніи съ В, то ожидали бы В всякій разъ, когда видѣли А. Но обнаружить ихъ соединеніе, когда оно не очевидно, или опредѣлить, въ самомъ ли дѣлѣ оно постоянно, или только случайно, и есть ли основаніе ожидать его при данной перемѣнѣ обстоятельствъ, составляетъ процессъ слишкомъ сложный, чтобы исполнить его безъ какого-либо средства придать точность нашей памяти о нашихъ собственныхъ духовныхъ отправленіяхъ. Такое средство представляетъ намъ языкъ. Когда мы обращаемся къ помощи этого орудія, трудность уменьшается до заботы точно помнить значеніе словъ. Заручившись этимъ, мы можемъ съ точностью запомнить все, что проходитъ чрезъ нашъ умъ; оно тщательно излагается на словахъ, и слова сохраняются либо на письмѣ, либо въ памяти.

Назначеніе названій, особенно общихъ, въ наведеніи — можно вкратцѣ изложить слѣдующимъ образомъ. Каждое индуктивное заключеніе, годное вообще, годно для цѣлаго класса случаевъ. Чтобы въ вѣрности заключенія ручалось нѣчто большее противъ простаго сопоставленія двухъ идей, необходимъ процессъ опыта и сравненія, при которомъ долженъ пройти передъ глазами цѣлый классъ случаевъ и должно быть развито и опредѣлено какое-либо единообразіе въ явленіяхъ природы: существованіе такого единообразія требуется какъ ручательство въ правомѣрности заключенія даже въ единичномъ случаѣ. Единообразіе это можетъ быть опредѣлено разъ навсегда, и если, по опредѣленіи, оно можетъ сохраниться въ памяти, то будетъ служить фор-

мулой для вывода, въ частныхъ случаяхъ, всякихъ заключеній, завѣряемыхъ предшествующимъ опытомъ Но обезпечить память этого единообразія или хотя бы сдѣлать возможнымъ, что въ нашей памяти будетъ сохраняться значительное число такихъ единообразій, мы можемъ только тогда, когда будемъ отмѣчать ихъ какими-либо постоянными знаками, а такъ какъ знаки эти, по природѣ случая, знаки не единичнаго факта, а единообразія, т. е. неопредѣленнаго числа фактовъ, сходныхъ между собою, то знаками этими будутъ знаки общіе, универсаліи, общія названія и общія предположенія.

§ 4. Здѣсь я не могу не оговорить ошибки нѣкоторыхъ замѣчательныхъ метафизиковъ, высказавшихъ мнѣніе, что причина употребленія нами общихъ названій состоитъ въ безчисленномъ множествѣ единичныхъ предметовъ, которое, не дозволяя присвоенія каждому особаго имени, заставляетъ насъ придавать одно названіе многимъ предметамъ. Такой взглядъ на назначеніе общихъ названій весьма ограниченъ. Даже еслибъ и существовало по имени на каждый единичный предметъ, то мы столько же нуждались бы въ общихъ названіяхъ, какъ нуждаемся въ нихъ теперь. Безъ нихъ мы не могли бы ни изложить результатъ отдѣльнаго сравненія, ни отмѣтить которое-либо изъ единообразій, существующихъ въ природѣ, и едвали были бы въ лучшемъ положеніи относительно наведенія, чѣмъ еслибы вовсе не имѣли названій. Только именами особей (или, выражаясь иначе, именами собственными) могли бы мы, произнеся названіе, вызвать идею о предметѣ; но мы не могли бы высказать ни одного предложенія, за исключеніемъ пустыхъ, образуемыхъ сказываніемъ одного собственнаго имени о другомъ. Только при помощи общихъ названій можемъ мы сообщать какое-либо свѣдѣніе, сказывать какое-либо свойство даже объ отдѣльной особи, а тѣмъ болѣе о классѣ. Строго говоря, мы могли бы обойтись безъ всякихъ общихъ названій, за исключеніемъ отвлеченныхъ названій свойствъ; всѣ наши предложенія представляли бы слѣдующую форму: «такая-то особь обладаетъ такимъ-то свойствомъ» или «такое-то свойство всегда соединено съ такимъ-то другимъ свойствомъ (либо никогда не соединено)». На дѣлѣ, однако, человѣчество всегда придавало общія названія какъ предметамъ, такъ и свойствамъ, и предметамъ даже раньше, чѣмъ свойствамъ. А даваемыя предметамъ общія названія обнимаютъ свой-

ства, получаютъ все свое значеніе отъ свойствъ и полезны, главнымъ образомъ, какъ выраженія, посредствомъ которыхъ мы сказываемъ соозначаемыя ими свойства.

Остается разсмотрѣть, какимъ правиламъ должно слѣдовать, придавая общія названія, чтобы они и общія предложенія, въ которыхъ они встрѣчаются, наиболѣе содѣйствовали цѣлямъ наведенія.

ГЛАВА IV.

О ТРЕБОВАНІЯХЪ ФИЛОСОФСКАГО ЯЗЫКА И ПРИНЦИПАХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

§ 1. Чтобы языкъ былъ вполнѣ удобенъ для изслѣдованія и выраженія общихъ истинъ, онъ долженъ удовлетворить двумъ главнымъ и нѣсколькимъ второстепеннымъ требованіямъ. Первое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы каждое общее названіе имѣло смыслъ, твердо установленный и точно опредѣленный. Когда, удовлетворяя этому условію, имѣющіяся у насъ названія способны надлежащимъ образомъ исполнять свое назначеніе, то слѣдующее требованіе, второе по важности, состоитъ въ томъ, чтобы мы всегда имѣли наготовѣ названіе, когда это нужно: когда слѣдуетъ означить имъ вещь, которую важно выразить.

Въ настоящей главѣ мы обратимъ вниманіе исключительно на первое изъ этихъ требованій.

§ 2. Итакъ, каждое общее названіе должно имѣть опредѣленное и познаваемое значеніе. Но смыслъ общаго сознающаго названія (какъ уже часто было объясняемо) лежитъ въ созначеніи: въ свойствѣ, по которому и для выраженія котораго названіе придается. Напримѣръ, такъ какъ названіе «животное» придается всѣмъ предметамъ, которые обладаютъ, какъ свойствами, способностью ощущать и произвольнымъ движеніемъ, то слово «животное» соозначаетъ исключительно эти свойства, и они составляютъ все его значеніе. Если названіе отвлеченно, то значеніе его тожественно съ созначеніемъ соотвѣтствующаго конкретнаго названія: отвлеченное названіе прямо означаетъ свойство, обнимае-

мое конкретнымъ. Слѣдовательно, придать точный смыслъ общимъ названіямъ значитъ неизмѣнно установить свойство или свойства, соозначаемыя каждымъ конкретнымъ общимъ названіемъ и означаемыя соотвѣтствующимъ отвлеченнымъ. Отвлеченныя названія, по времени происхожденія, не предшествуютъ конкретнымъ, а слѣдуютъ за ними, какъ это доказывается этимологическимъ фактомъ, что они суть всегда производныя отъ послѣднихъ. Поэтому мы можемъ разсматривать ихъ смыслъ какъ опредѣляемый смысломъ конкретнаго названія и зависящій отъ него. Такимъ образомъ задача придать точный смыслъ общимъ названіямъ обнимается вполнѣ приданіемъ точнаго созначенія всѣмъ конкретнымъ общимъ названіямъ.

Это не трудно относительно новыхъ названій: техническихъ терминовъ, создаваемыхъ научными изслѣдователями для цѣлей науки или искусства. Но когда названіе вошло въ общее употребленіе, то затрудненіе больше: въ этомъ случаѣ задача состоитъ не въ томъ, чтобы избрать для названія приличное созначеніе, а въ томъ, чтобы опредѣлить и утвердить созначеніе, съ которымъ названіе уже употребляется. Чтобы оно могло когда-либо быть сомнительнымъ, есть родъ парадокса. Но люди неразвитые (причисляя къ нимъ всѣхъ, кто не усвоилъ привычки мыслить опредѣленно) рѣдко знаютъ съ точностью, что они намѣрены утверждать, какое общее свойство они желаютъ выразить, прилагая одно и то же названіе ко многимъ различнымъ вещамъ. Въ ихъ устахъ данное предмету названіе выражаетъ лишь смутное чувство сходства между этимъ предметомъ и однимъ изъ другихъ, которые толпа привыкла означать этимъ названіемъ. Они называли камнемъ различные предметы, видѣнные раньше, видятъ новый предметъ, который, на ихъ взглядъ, нѣсколько подобенъ первымъ, и называютъ его камнемъ, не спрашивая себя, въ какомъ отношеніи этотъ новый предметъ подобенъ прежнимъ или какой видъ, либо какую степень сходства лучшіе авторитеты или даже они сами требуютъ какъ основанія для употребленія названія. Однако, это грубое общее впечатлѣніе сходства состоитъ изъ частныхъ обстоятельствъ сходства, и дѣло логика разложить его на эти обстоятельства, раскрыть, какія черты сходства между различными вещами, обыкновенно означаемыми названіемъ, породили въ людяхъ это смутное чувство сходства, придали вещамъ наружное подобіе, которое

сдѣлало ихъ классомъ и было причиною, что къ нимъ прилагается одно и то же названіе.

Но хотя общія названія придаются впервые людьми неразвитыми безъ всякаго опредѣленнѣйшаго сознаненія, нежели смутное сходство, однако современемъ строятся общія предложенія, въ которыхъ сказуемыя приписываются этимъ названіямъ, т. е. утверждается что-либо вообще о совокупности вещей, означаемыхъ названіемъ. И такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ предложеній, конечно, приписывается какое-либо свойство, понимаемое болѣе или менѣе точно, то идеи объ этихъ различныхъ свойствахъ соединяются съ названіемъ, оно начинаетъ соозначать ихъ неопредѣленнымъ образомъ, и является нерѣшительность прилагать названіе въ какомъ-либо новомъ случаѣ, въ которомъ не существуетъ одного изъ свойствъ, обыкновенно приписываемыхъ классу. Такимъ образомъ, для людей обыкновеннаго ума, предложенія, которыя они привыкли слышать и высказывать относительно класса, составляютъ рядъ неопредѣленнаго сознаненія для названія класса. Возьмемъ, напримѣръ, слово «просвѣщенный». Какъ мало людей, даже изъ лицъ, получившихъ наилучшее воспитаніе, взялись бы сказать точнымъ образомъ, что именно соозначается словомъ «просвѣщенный». Но въ духѣ всѣхъ, употребляющихъ его, существуетъ чувство, что они придаютъ этому слову смыслъ, и смыслъ этотъ составляется, смутнымъ образомъ, изъ всего, что, какъ они слышали или читали, можно ожидать отъ просвѣщенныхъ людей или просвѣщенныхъ обществъ.

На этой-то ступени развитія конкретнаго названія, вѣроятно, входитъ обыкновенно въ употребленіе соотвѣтствующее отвлеченное названіе. Думая, что конкретное названіе должно непремѣнно заключать смыслъ или, другими словами, что существуетъ нѣкое свойство, общее всѣмъ вещамъ, обозначаемымъ этимъ названіемъ, люди придаютъ названіе и упомянутому свойству: отъ конкретнаго «просвѣщенный» производятъ отвлеченное «просвѣщеніе». Но большинство людей никогда не сравнивало различныхъ вещей, означаемыхъ конкретнымъ названіемъ, такъ, чтобы опредѣлить, какія свойства общи этимъ вещамъ, или есть ли у послѣднихъ общія свойства. И потому каждый поневолѣ обращается къ признакамъ, которыми онъ самъ привыкъ руководиться въ приложеніи конкретнаго названія. А признаки эти, состоя единственно въ неопре-

дѣленныхъ слухахъ и общихъ мѣстахъ, не одинаковы не только для любыхъ двухъ личностей, но и для одного лица въ разное время. Вслѣдствіе этого, слово (напримѣръ «просвѣщеніе»), слывущее указаніемъ неизвѣстнаго общаго свойства, едвали возбуждаетъ въ двухъ умахъ одну и ту же идею. Никакія два лица не согласны въ вещахъ, сказываемыхъ объ этомъ общемъ свойствѣ, и когда оно само приписывается чему-либо, то никакое другое лицо, да и самъ говорящій не знаетъ съ точностью, что онъ желаетъ утверждать. Многія другія слова, которыя можно бы было привести, напр. «*честь*» или «*джентльменъ*» могутъ служить еще поразительнѣйшими примѣрами этой неопредѣленности.

Едвали нужно оговаривать, что общія предложенія, смысла которыхъ никто точно не поясниитъ, не могли быть провѣрены правильнымъ наведеніемъ. Чтобы употреблять названіе какъ орудіе мысли или какъ средство сообщать результатъ мысли, необходимо опредѣлить съ точностью выражаемыя названіемъ свойство или свойства: словомъ, придать ему опредѣленное и постоянное сознаніе.

§ 3. Однако, логикъ совершенно ложно понялъ бы свою обязанность въ обращеніи со словами, уже вошедшими въ употребленіе, еслибъ онъ вообразилъ, что такъ какъ у названія нѣтъ въ настоящее время опредѣленнаго сознаніе, то всякій воленъ придать названію такое сознаніе по собственному произволу. Смыслъ употребляемаго уже названія есть не произвольное количество, которое слѣдуетъ установить, а неизвѣстное, которое слѣдуетъ отъискать.

Прежде всего желательно, конечно, воспользоваться, по мѣрѣ возможности, ассоціаціями идей, уже связанныхъ съ названіемъ, не предписывая употребленія его въ смыслѣ, противорѣчащемъ всѣмъ прежнимъ привычкамъ и, особенно, требующемъ нарушенія наиболѣе сильныхъ ассоціацій между названіями: ассоціацій, созданныхъ привычкой къ предложеніямъ, въ которыхъ названія сказываются одно о другомъ. Едвали нашелъ бы подражателей философъ, который придалъ бы своимъ названіямъ такое значеніе, что намъ пришлось бы называть сѣверо-американскихъ индѣйцевъ народомъ просвѣщеннымъ, а высшія сословія Франціи или Англіи дикарями, или говорить, что образованные народы живутъ охотой, а дикари земледѣліемъ. Еслибъ и не было иной причины избѣгать такой полной революціи въ языкѣ, то чрезвычайной трудности ея совершенія было бы

слишкомъ достаточно. Слѣдуетъ стараться, чтобы всѣ обычныя предложенія, въ которыя входитъ какое-либо названіе, были, по опредѣленіи его значенія, по крайней мѣрѣ столь же истинны, какъ прежде, и чтобы, поэтому, конкретному названію не было придано сознаменія, мѣшающаго этому названію означать вещи, о которыхъ оно въ обыкновенномъ разговорѣ постоянно утверждается. Придаваемое ему неизмѣнное и точное сознаменіе должно не расходиться, а согласоваться (насколько возможно) съ неопредѣленнымъ и колеблющимся сознаменіемъ, которымъ названіе уже обладаетъ.

Установить сознаменіе конкретнаго названія или значеніе соотвѣтствующаго отвлеченнаго то же, что опредѣлить названіе. Когда это можно сдѣлать, не подрывая ни одного изъ общепринятыхъ предложеній, то названіе можетъ быть опредѣлено согласно съ его обычнымъ употребленіемъ, и въ просторѣчіи это значитъ опредѣлить не названіе, а вещь. Несоотвѣтствующее выраженіе «опредѣлить вещь» (или, скорѣе, классъ вещей, — потому что никто не говоритъ объ опредѣленіи особи) значитъ «опредѣлить названіе», съ условіемъ, чтобы названіе означало эту вещь. А это, конечно, предполагаетъ сравненіе вещей, черту за чертой и свойство за свойствомъ, съ цѣлью опредѣлить, въ какихъ свойствахъ вещи сходны, а нерѣдко предполагаетъ и процессъ строго-индуктивный съ цѣлью обнаружить какое-либо неявное сходство, составляющее причину сходствъ явныхъ.

Чтобы придать названію, означающему нѣкоторые предметы, сообразное тому сознаменіе, мы должны сдѣлать выборъ между различными свойствами, въ которыхъ эти предметы сходны. Слѣдовательно, первый необходимый логическій процессъ состоитъ именно въ опредѣленіи сходства. Когда это сдѣлано, насколько необходимо и возможно, возникаетъ вопросъ, которое изъ свойствъ выбрать для соединенія съ названіемъ. Когда означаемый названіемъ классъ составляетъ естественный отдѣлъ *(Kind)*, общія свойства безчисленны; даже и въ противномъ случаѣ ихъ чрезвычайно много. Выборъ нашъ ограниченъ, во-первыхъ, преимуществомъ, которое должно дать свойствамъ хорошо извѣстнымъ и обыкновенно сказываемымъ о классѣ. Но даже и эти свойства часто слишкомъ многочисленны, чтобы включать ихъ всѣ въ опредѣленіе; притомъ же, самыя общеизвѣстныя свойства могутъ и не быть полезнѣй-

шими для отличенія одного класса отъ всѣхъ другихъ. Поэтому намъ слѣдовало бы выбирать изъ общихъ свойствъ такія (если они могутъ быть найдены), отъ которыхъ, по свидѣтельству опыта или доказательству выводомъ, зависятъ многія другія или которыя, по крайней мѣрѣ, суть вѣрные признаки другихъ и изъ которыхъ, поэтому, многія другія могутъ быть выведены. Такимъ образомъ мы видимъ, что построить хорошее опредѣленіе названія, уже употребляемаго, — дѣло не выбора, а обсужденія, и обсужденія не одного употребленія языка, но и свойствъ вещей и даже происхожденія этихъ свойствъ. Вслѣдствіе этого всякое расширеніе нашего знанія о предметахъ, которымъ придается названіе, способно подать мысль объ улучшеніи опредѣленія. Пока теорія предмета несовершенна, невозможно построить и совершеннаго ряда опредѣленій по этому предмету; и какъ развивается наука, такъ развиваются и ея опредѣленія.

§ 4. Обсужденіе опредѣленій, насколько оно касается не употребленія словъ, а свойствъ вещей, Уэвель называетъ объясненіемъ понятій (conceptions). Процессъ опредѣленія, лучше прежняго, въ какихъ частностяхъ сходны данныя явленія, отнесенныя къ одному классу, Уэвель, на своемъ техническомъ языкѣ, называетъ раскрытіемъ общаго понятія, въ силу котораго они классифицированы такимъ образомъ. Высказавши мое мнѣніе о затемненіи и ложномъ направленіи дѣла этимъ способомъ выраженія, я нахожу, однако, нѣкоторыя изъ замѣчаній Уэвеля дотого умѣстными, что рѣшаюсь ихъ выписать.

Онъ замѣчаетъ *), что многіе изъ споровъ, оказавшихъ сильное вліяніе на развитіе науки, «принимали видъ битвы за опредѣленія. Напримѣръ, изслѣдованіе относительно законовъ падающихъ тѣлъ привело къ вопросу, которое опредѣленіе *постоянной силы* правильно, то ли, что она порождаетъ скорость, пропорціональную *пространству*, пройденному отъ точки покоя, или пропорціональную *времени*. Споръ о *vis viva* (живой силѣ) вертѣлся на соотвѣтственномъ опредѣленіи *мѣры силы*. Одинъ изъ важныхъ вопросовъ въ классификаціи минераловъ касается опредѣленія *минеральнаго вида*. Физіологи старались освѣтить свой предметъ опредѣленіемъ *организма* или подобнаго термина». Такого же рода во-

*) *Novum Organum Renovatum*, pp. 35 — 37.

просы еще не рѣшены относительно опредѣленій удѣльной теплоты, скрытой теплоты, химическаго соединенія и раствора.

«Для насъ весьма важно замѣтить, что эти споры никогда не были вопросами относительно объединенныхъ и *произвольныхъ* опредѣленій, какими, повидимому, ихъ часто готовы считать. Во всѣхъ случаяхъ существуетъ безмолвное признаніе какого-либо предложенія, которое выражается опредѣленіемъ и придаетъ ему извѣстную цѣну. Такимъ образомъ споръ объ опредѣленіи пріобрѣтаетъ дѣйствительное значеніе и становится вопросомъ объ истинномъ и ложномъ. Такъ, при обсужденіи вопроса: «Что такое постоянная сила?» было принято за данное, что тяжесть сила постоянная. Въ спорѣ о живой силѣ было принято, что во взаимномъ дѣйствіи тѣлъ количество дѣйствія силы остается неизмѣннымъ. Въ зоологическомъ опредѣленіи видовъ (что видъ состоитъ изъ особей, происшедшихъ или допускающихъ происхожденіе отъ однихъ родоначальниковъ), предполагается, что состоящія въ такомъ родствѣ особи представляютъ бо́льшее сходство, чѣмъ особи, исключаемыя такимъ опредѣленіемъ, или, можетъ быть, что опредѣленные такимъ образомъ виды представляютъ постоянныя и опредѣленныя различія. Опредѣленіе организма или какого-либо другаго термина, не имѣющее въ виду выразить извѣстный принципъ, было бы лишено значенія.

«Итакъ, установленіе вѣрнаго опредѣленія термина можетъ быть полезнымъ шагомъ въ объясненіи нашихъ понятій; но это лишь въ такомъ случаѣ, когда мы разсматриваемъ какое-либо предложеніе, въ которомъ терминъ употребляется: тогда вопросъ, дѣйствительно, въ томъ, какъ понимать и опредѣлять данное понятіе, чтобы предложеніе было истинно.

«Разъясненіе нашихъ понятій посредствомъ опредѣленій никогда не было полезно наукѣ, не соединяясь съ немедленнымъ употребленіемъ опредѣленій. Попытка опредѣлить постоянную силу соединялась съ утвержденіемъ, что тяжесть есть постоянная сила; за попыткою опредѣлить ускорительную силу непосредственно слѣдовало ученіе, что ускорительныя силы могутъ быть составляемы; процессъ опредѣленія момента былъ связанъ съ принципомъ, что пріобрѣтенные и потерянные моменты (количество движенія) равны между собою [1]); натуралисты

[1]) Моментъ есть слово, употребляемое въ механикѣ съ самымъ разнообразнымъ значеніемъ, но всегда какъ произведеніе двухъ величинъ. Здѣсь моментъ есть *количе-*

тщетно дали бы приведенное нами опредѣленіе вида, еслибъ въ то же время не дали признаковъ отдѣленныхъ такимъ образомъ видовъ... Опредѣленіе можетъ быть лучшимъ способомъ объяснить наше понятіе, но пояснять это понятіе какъ бы то ни было стоитъ лишь при возможности употребить его въ выраженіи истины. Когда опредѣленіе предлагается намъ какъ полезный шагъ въ знаніи, мы всегда въ правѣ спросить, какой принципъ выражается этимъ опредѣленіемъ».

Слѣдственно, придавая точное сознаніе выраженію «постоянная сила», подразумѣвали условіе, что выраженіе это по прежнему будетъ означать тяжесть. И разсужденіе относительно опредѣленія приводилось къ такому вопросу: Чтó есть постояннаго по природѣ въ движеніяхъ, производимыхъ тяжестью? Наблюденія и сравненія показали, что въ этихъ движеніяхъ было постояннымъ отношеніе пріобрѣтенной скорости къ протекшему времени, такъ какъ скорость получаетъ одинаковыя приращенія въ равные промежутки времени. Поэтому опредѣленіе назвало постоянною силою ту, которая доставляетъ скорости равныя приращенія въ равные промежутки времени. То же было и при опредѣленіи момента (количества движенія). Уже до того времени было признано, что при столкновеніи двухъ предметовъ моментъ (количество движеній), утраченный однимъ, равенъ моменту (количеству движенія), пріобрѣтенному другимъ. Эту пропорцію сочли нужнымъ сохранить не по тому поводу (дѣйствующему во многихъ другихъ случаяхъ), что она твердо установилась въ общемъ убѣжденіи: приведенное предложеніе было извѣстно только людямъ, образованнымъ научно. Но въ немъ слышалась истина: даже поверхностное наблюденіе явленій не оставляло сомнѣнія, что при распространеніи движенія съ одного тѣла на другое есть *нѣчто*, чего одно тѣло пріобрѣтаетъ точно столько же, сколько другое теряетъ. И для выраженія этого неизвѣстнаго чего-то употребляется слово моментъ (количество движенія). Поэтому, въ установленіи опредѣленія момента заключалось рѣшеніе вопроса: Что это такое, чего тѣло, приводя въ движеніе другое тѣло, теряетъ совершенно столько же, сколько сообщаетъ? И когда опытъ показалъ, что это нѣчто было произведеніе скорости

ство движенія, произведеніе массы тѣла на его скорость, что, правду сказать, по-русски не называется моментомъ. *П. Л.*

тѣла на его массу, или количество вещества, то это стало опредѣленіемъ момента (количества движенія).

Поэтому, слѣдующія замѣтки *) совершенно справедливы: «Опредѣлять значитъ, частью, открывать.... Опредѣлить такъ, чтобы опредѣленіе имѣло научную цѣну, — для этого требуется не мало той проницательности, которою истина открывается.... Когда выяснилось, какимъ слѣдуетъ быть нашему опредѣленію, то должно быть хорошо извѣстно, какую истину предстоитъ установить. Подобно открытію, и опредѣленіе предполагаетъ рѣшительный шагъ въ нашемъ знаніи. Въ средніе вѣка писатели по Логикѣ ставили опредѣленіе послѣднею ступенью въ успѣхахъ знанія, и, по крайней мѣрѣ относительно этого порядка, исторія науки и опирающаяся на исторію философія подтверждаютъ ихъ умозрѣнія». Дѣйствительно, для окончательнаго сужденія о томъ, какъ наилучшимъ образомъ опредѣлить названіе, означающее классъ, мы должны знать всѣ общія этому классу свойства и всѣ отношенія причиненія и зависимости между этими свойствами.

Если свойства, которыя всего удобнѣе выбрать какъ признаки другихъ общихъ свойствъ, такъ же очевидны и обычны и, особенно, если они сильно участвуютъ въ порожденіи того общаго вида сходства, который былъ первоначальнымъ поводомъ къ образованію класса, то опредѣленіе будетъ наиболѣе удачно. Но часто необходимо опредѣлять классъ какимъ-либо свойствомъ, не близко извѣстнымъ, лишь бы оно было лучшимъ признакомъ извѣстныхъ. Напримѣръ, Бленвиль основалъ свое опредѣленіе жизни на процессѣ разложенія и соединенія, безпрерывно происходящемъ въ каждомъ живомъ тѣлѣ, такъ что составляющія его частицы ни на минуту не остаются тѣми же самыми. Это свойство живыхъ тѣлъ отнюдь не одно изъ самыхъ очевидныхъ; оно могло бы совершенно ускользнуть отъ вниманія ненаучнаго наблюдателя. Однако, высокіе авторитеты (помимо Бленвиля, который самъ есть первостепенный авторитетъ) полагали, повидимому весьма основательно, что никакое другое свойство не соотвѣтствуетъ такъ хорошо условіямъ, которыхъ требуетъ опредѣленіе.

---

*) *Nov. Org. Renov.* pp. 39, 40.

§ 5. Изложивъ правила, которыя, вообще, слѣдовало бы соблюдать, когда мы пытаемся придать точное созначеніе употребительному термину, я долженъ прибавить, что соблюденіе этихъ правилъ не всегда возможно и въ нѣкоторыхъ случахъ, будучи возможно, не желательно.

Случаи, въ которыхъ невозможно исполнить всѣхъ условій точнаго опредѣленія названія согласно его употребленію, встрѣчаются весьма часто. Иногда слову нельзя придать ни одного созначенія, такъ чтобы оно попрежнему означало всякую вещь, которую привыкли называть этимъ словомъ, или чтобы остались истинными всѣ предложенія, въ которыя его обыкновенно вводятъ и которыя сколько-нибудь истинны. Независимо отъ случайныхъ двусмысленностей, въ которыхъ различныя значенія не находятся во взаимной связи, постоянно случается, что слово употребляется въ двухъ или болѣе смыслахъ, происходящихъ одинъ отъ другаго, но, совершенно различныхъ. Пока терминъ смутенъ, т. е. пока его созначеніе не опредѣлено и не твердо установлено, онъ постоянно можетъ быть, въ своемъ приложеніи, *распространяемъ* съ одной вещи на другую, пока не достигнетъ вещей, представляющихъ мало или даже не представляющихъ никакого сходства съ вещами, сначала обозначавшимися этимъ терминомъ.

Предположимъ, говоритъ Дёгальдъ Стьюартъ въ своихъ *Философскихъ Опытахъ* *), «что буквы A, B, C, D, E означаютъ рядъ предметовъ; что A обладаетъ однимъ общимъ качествомъ съ B, B однимъ общимъ качествомъ съ C, C однимъ общимъ качествомъ съ D, D однимъ общимъ качествомъ съ E, и что въ то же время нельзя найти ни одного качества, которое было бы обще любымъ *тремъ* предметамъ упомянутаго ряда. Не вообразимо ли, что сродство между A и B послужитъ поводомъ къ перенесенію имени съ перваго предмета на второй и что вслѣдствіе такого же сродства, связывающаго остальные предметы, то же имя можетъ перейти затѣмъ и съ B на C, съ C на D и съ D на E? Такимъ образомъ возникнетъ общее названіе для A и E, хотя, по своей природѣ и свойствамъ, эти предметы могутъ быть такъ далеки одинъ отъ другаго, что никакое усиліе воображенія не въ состояніи представить намъ, какимъ образомъ мысли переходили отъ

*) *Philosophical Essays*, 4-to edition, p. 217.

перваго предмета на второй. Тѣмъ не менѣе всѣ переходы могли быть столь легки и постепенны, что еслибъ они были успѣшно открыты счастливой догадкой теоретика, то мы немедленно признали бы не только вѣроятность, но и истинность предположенія: точно такъ же, какъ мы, съ увѣренностью непосредственнаго убѣжденія, допускаемъ несомнѣнность хорошо извѣстнаго этимологическаго процесса, связывающаго латинскій предлогъ *e* или *ex* съ англійскимъ существительнымъ *stranger* (чужой и чужеземецъ), какъ только подвергаются нашему разсмотрѣнію посредствующія звенья цѣпи» *).

Приложенія слова вслѣдствіе этого постепеннаго распространенія его съ одного ряда предметовъ на другой, Стьюартъ, заимствуя выраженіе Пэйнъ Найта (Payne Knight), называетъ *переносными (transitive)* приложеніями слова. Объяснивъ вкратцѣ переносныя приложенія, возникающія изъ мѣстныхъ или случайныхъ ассоціацій, Стьюартъ продолжаетъ **):

«Но хотя несравненно большая часть переносныхъ или производныхъ приложеній зависитъ отъ случайныхъ и необъяснимыхъ капризовъ чувствъ или воображенія, однако есть случаи, въ которыхъ они представляютъ весьма интересное поле для философскаго умозрѣнія. Таковы приложенія, въ которыхъ подобный интересъ соотвѣтствующаго термина можетъ быть замѣченъ всегда или весьма часто въ другихъ языкахъ и въ которыхъ, конечно, единообразіе результата должно быть приписано кореннымъ свойствамъ человѣческаго духа. Однако, и по изслѣдованіи такихъ случаевъ отнюдь не всегда окажется, что различныя приложенія того же термина порождены общимъ качествомъ или общими качествами въ обозначаемыхъ имъ предметахъ. Въ большинствѣ случаевъ приложенія могутъ быть приписаны естественнымъ и всеобщимъ ассоціаціямъ идей, возникающимъ изъ общихъ способно-

---

*) «E, ex, extra, extraneus, étranger, stranger.»

Другой приводимый иногда этимологическій примѣръ состоитъ въ производствѣ англійскаго слова *uncle* (дядя) отъ латинскаго *avus* (дядя). Едвали возможно найти два слова, представляющія менѣе внѣшнихъ признаковъ сродства; однако, между ними только одно звено: *avus*, *avunculus*, *uncle*.

Такъ же *pilgrim* (пилигримъ) отъ *ager* (поле): *per agrum*, *peragrinus*, *peregrinus*, *pellegrino*, *pilgrim*.

**) Стр. 226 и 227.

стей, общихъ органовъ и общаго состоянія человѣческаго рода.... Сообразно различнымъ степенямъ близости и силы ассоціацій, на которыхъ основываются *переносы* языка, можно ожидать и возникнія весьма различныхъ дѣйствій. Когда ассоціація случайна и не близка, разныя значенія останутся отличенными и часто, съ теченіемъ времени, примутъ видъ капризныхъ разнообразій въ употребленіи того же произвольнаго знака. *Гдѣ ассоціація дотого естественна и обычна, что становится дѣйствительно неразрывною, тамъ переносные смыслы сольются въ одно сложное понятіе, и каждый новый переносъ станетъ болѣе обширнымъ обобщеніемъ термина*».

Я прошу обратить особенное вниманіе на духовный законъ, который выраженъ въ послѣднемъ положеніи и составляетъ источникъ затрудненія, столь часто испытываемаго въ открытіи этихъ переходовъ смысла. Невѣдѣніе этого закона есть та отмель, на которой потерпѣли крушеніе самые сильные умы, когда-либо стоявшіе впереди человѣчества. Платонъ разсмотрѣлъ нѣкоторые изъ наиболѣе общихъ терминовъ умозрѣнія въ области нравственности, и Бэконъ охарактеризовалъ его изслѣдованія какъ наибольшее приближеніе къ истинному индуктивному методу, чѣмъ какое можно найти у другихъ древнихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованія эти почти совершенные образцы приготовительнаго процесса сравненія; но, не зная только-что упомянутаго закона, Платонъ часто расточалъ силы этого великаго логическаго орудія на изслѣдованія, которыя не могли привести ни къ какому результату, такъ какъ онъ ревностно старался открыть общія свойства въ явленіяхъ, которыя, на дѣлѣ, не имѣли никакихъ общихъ свойствъ. Самъ Бэконъ впалъ въ ту же ошибку въ своихъ умозрѣніяхъ о природѣ теплоты, въ которыхъ онъ, очевидно, смѣшивалъ подъ названіемъ «теплый» роды явленій, не имѣвшихъ никакихъ общихъ свойствъ. Стьюартъ, конечно, преувеличиваетъ, говоря о предразсудкѣ, унаслѣдованномъ новѣйшимъ временемъ отъ схоластическихъ вѣковъ, что когда слово допускаетъ нѣсколько различныхъ значеній, то всѣ эти значенія должны быть видами одного и того же рода и потому должны обнимать какую-либо существенную идею, общую каждой особи, къ которой можетъ быть приложенъ «родовой терминъ» *): и Аристотель, и

*) *Essays*, p. 214.

его послѣдователи хорошо знали, что въ языкѣ существуютъ двусмысленности, и находили удовольствіе въ различеніи ихъ. Но они никогда не подозрѣвали двусмысленности тамъ, гдѣ, по замѣчанію Стьюарта, ассоціація, послужившая основаніемъ переходу смысла, дотого естественна и обычна, что два значенія сливаются въ умѣ и дѣйствительный переходъ становится кажущимся обобщеніемъ. Вслѣдствіе этого они тратили безконечный трудъ, стараясь найти опредѣленіе, которое обнимало бы разомъ нѣсколько различныхъ значеній. Такъ, въ примѣрѣ, приведенномъ самымъ Стьюартомъ, относительно «причиненія» (связи причины со слѣдствіемъ, *causation*). Двусмысленность слова, которое въ греческомъ языкѣ соотвѣтствуетъ англійскому *) слову *cause* (причина), побудила ихъ къ тщетной попыткѣ отъискать общую идею, которая, въ случаѣ *дѣйствія*, принадлежала бы и *дѣятелю*, и *веществу*, и *формѣ*, и *цѣли*. «Пустыя обобщенія», прибавляетъ онъ, «встрѣчаемыя нами у другихъ философовъ, относительно идей о *хорошемъ*, *удобномъ*, *приличномъ*, порождены тѣмъ же ненадлежащимъ вліяніемъ общеупотребительныхъ эпитетовъ на умозрѣнія ученыхъ» *).

Слово «прекрасный» Стьюартъ признаетъ однимъ изъ словъ, подвергшихся столькимъ послѣдовательнымъ переходамъ значенія, что потерянъ всякій слѣдъ свойства, общаго всѣмъ вещамъ, къ которымъ это слово прилагается, или, по крайней мѣрѣ, общаго этимъ вещамъ и составляющаго ихъ особую принадлежность. Не пытаясь рѣшить вопроса, который ни въ какомъ отношеніи не принадлежитъ къ Логикѣ, я, вмѣстѣ съ нимъ, не могу подавить въ себѣ сильнаго сомнѣнія въ томъ, что слово «прекрасный» соозначаетъ одно и то же свойство, когда мы говоримъ о прекрасномъ цвѣтѣ, о прекрасномъ лицѣ, о прекрасной сценѣ, о прекрасномъ характерѣ, о прекрасной поэмѣ. Слово это было, конечно, распространено съ одного изъ этихъ предметовъ, послѣдовательно, на другіе, на основаніи сходства между ними или, еще вѣроятнѣе, между впечатлѣніями, которыя они порождаютъ. Вслѣдствіе этого постепеннаго распространенія, слово стало прилагаться къ вещамъ, весьма далекимъ отъ тѣхъ видимыхъ предметовъ, къ которымъ

(*) И русскому. *Перев.*

*) *Essays*, p. 215.

оно, безъ сомнѣнія, прилагалось вначалѣ. И, по крайней мѣрѣ, не рѣшено, существуетъ ли какое-либо свойство, общее всѣмъ вещамъ, которыя можно обычно назвать прекрасными, — за исключеніемъ свойства пріятности, которое, конечно, соозначается терминомъ, но не можетъ обнимать всего, что люди обыкновенно хотятъ выразить словомъ «прекрасный», такъ какъ есть много пріятныхъ вещей, которыя никогда не называются прекрасными. А въ такомъ случаѣ невозможно придать слову «прекрасный» никакого опредѣленнаго означенія, такого, чтобы слово это означало всѣ предметы, къ которымъ прилагается теперь на разговорномъ языкѣ, но не означало никакихъ другихъ. А ему слѣдовало бы имѣть опредѣленное означеніе; пока этого означенія нѣтъ, слово не можетъ употребляться какъ научный терминъ и представляетъ постоянный источникъ ложныхъ аналогій и ошибочныхъ обобщеній.

Приведенный примѣръ поясняетъ наше замѣчаніе, что когда и существуетъ свойство, общее всѣмъ вещамъ, которыя означаются извѣстнымъ названіямъ, — возводить это свойство въ опредѣленіе и исключительное означеніе названія не всегда желательно. Различныя вещи, называемыя прекрасными, безъ сомнѣнія, сходны въ томъ, что пріятны; но сдѣлать это опредѣленіемъ красоты и такимъ образомъ распространить слово «прекрасный» на всѣ пріятныя вещи — значило бы вполнѣ отказаться отъ части смысла, которую слово, дѣйствительно, хотя и неясно передаетъ, и сдѣлать все, зависящее отъ насъ, чтобы тѣ качества предметовъ, на которыя слово, хотя и неопредѣленно, передъ тѣмъ указывало, были упущены изъ виду и забыты. Въ такомъ случаѣ придать слову опредѣленное означеніе лучше ограничивая, чѣмъ расширяя его употребленіе; лучше исключить изъ эпитета «прекрасный» нѣкоторыя вещи, къ которымъ онъ считается приложимымъ, чѣмъ опустить изъ его означенія какія-либо качества, которыми общее мнѣніе, — хотя, при случаѣ, и теряя ихъ изъ виду, — могло привычно руководиться въ наиболѣе обыкновенныхъ и интересныхъ приложеніяхъ эпитета. Называя что-либо прекраснымъ, люди, конечно, намѣрены утверждать нѣчто большее, нежели простую пріятность вещи. Они намѣрены приписать особый *родъ* пріятности, сходный съ находимымъ въ другихъ вещахъ, къ которымъ они привыкли прилагать то же названіе. И потому, если существуетъ особый родъ пріятности, об-

щій хотя не всѣмъ, но главнымъ изъ вещей, называемыхъ прекрасными, то лучше ограничить значеніе слова этими вещами, чѣмъ оставить упомянутый родъ качествъ безъ соозначающаго термина и тѣмъ отвлечь вниманіе отъ особенностей этого рода качествъ.

§ 6. Послѣдняя замѣтка поясняетъ весьма важное правило терминологіи, которое было признаваемо за правило развѣ лишь немногими мыслителями нынѣшняго поколѣнія. Когда мы пытаемся исправить употребленіе колеблющагося термина, придавая ему опредѣленное созначеніе, мы должны стараться не исключать (развѣ намѣренно, на основаніи ближайшаго знакомства съ предметомъ) никакой части принадлежавшаго ему созначенія, какъ бы смутна ни была ихъ связь. Иначе языкъ утратитъ одно изъ присущихъ ему свойствъ, весьма цѣнное: что онъ — хранитель древняго опыта, оберегатель тѣхъ мыслей и наблюденій прежнихъ вѣковъ, которыя могутъ быть чужды стремленіямъ настоящаго времени. Эта услуга языка такъ часто упускается изъ виду и не оцѣнивается по достоинству, что, повидимому, настоятельно требуетъ нѣсколькихъ замѣчаній.

Даже когда созначеніе слова было тщательно опредѣлено, и еще болѣе, если оно осталось въ состояніи смутнаго, неанализированнаго чувства сходства, — слово, вслѣдствіе обычнаго употребленія, стремится утратить часть своего созначенія. По хорошо извѣстному закону духа, слово, первоначально связанное съ весьма сложной группой идей, отнюдь не вызываетъ всѣхъ этихъ идей въ умѣ всякій разъ, когда употребляется: оно вызываетъ лишь одну или двѣ, отъ которыхъ умъ, по новымъ ассоціаціямъ, переходитъ къ другому ряду идей, не выжидая возбужденія остатка сложной группы. Иначе, процессы мысли никогда не могли бы совершаться съ тою быстротою, съ которой они, какъ извѣстно, происходятъ. Въ самомъ дѣлѣ, часто, употребляя слово въ отправленіяхъ нашего ума, мы не только не выжидаемъ, чтобы сложная идея, соотвѣтствующая смыслу слова, предстала нашему сознанію во всѣхъ своихъ частяхъ, но, по новымъ ассоціаціямъ, которыя вызываются однимъ этимъ словомъ, переходимъ къ новому ряду идей, не построивъ въ нашемъ воображеніи рѣшительно ни одной части значенія слова. Такимъ образомъ мы употребляемъ слово, и употребляемъ его правильно и точно, даже совершаемъ, при помощи его, важные про-

цессы умозаключенія — почти механически, до такой степени, что нѣкоторые метафизики, обобщая крайній случай, вообразили, что *всякое* умозаключеніе есть лишь механическое употребленіе ряда терминовъ по данной формѣ. Мы можемъ обсуждать и рѣшать самыя важныя дѣла городовъ и народовъ, прилагая установленныя раньше общія теоремы или практическія правила, ни разу, въ теченіе цѣлаго процесса, не вызвавъ въ своемъ сознаніи дома́ и зеленыя поля, оживленные рынки и домашніе очаги, тогда какъ изъ нихъ-то и состоятъ города̀ и народы и ихъ-то очевидно и означаютъ слова «городъ» и «народъ».

Итакъ, общія названія могутъ употребляться (и даже хорошо исполнять часть своего дѣла), не вызывая въ умѣ всего, означаемаго ими, вызывая нерѣдко весьма малую долю его или даже не возбуждая и ея. Поэтому нечего удивляться, что употребляемыя такимъ образомъ слова утрачиваютъ со временемъ способность вызывать какія-либо присвоенныя имъ идеи, кромѣ тѣхъ, ассоціація съ которыми всего непосредственнѣе и сильнѣе или наиболѣе поддерживается событіями жизни. Остальное значеніе совершенно теряется, если умъ не сохраняетъ ассоціаціи, сознательно останавливаясь на идеяхъ. Слова, естественно, сохраняютъ наиболѣе значенія для лицъ съ живымъ воображеніемъ, обыкновенно представляющихъ себѣ вещи конкретно, съ подробностями, принадлежащими этимъ вещамъ въ дѣйствительномъ мірѣ. Для умовъ инаго склада единственное средство противъ этого извращенія языка состоитъ въ предложеніяхъ. Привычка сказывать о названіи всѣ, обозначавшіяся имъ различныя свойства поддерживаетъ ассоціацію между названіемъ и этими свойствами.

Но для такого дѣйствія предложеній необходимо, чтобы сами сказуемыя сохранили свою ассоціацію со свойствами, которыя они отдѣльно соозначаютъ. Предложенія не могутъ сохранять словамъ ихъ смыслъ, когда сами его утратили. А зачастую бываетъ, что они механически повторяются, механически удерживаются въ памяти, истинность ихъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія и принимается за надежное основаніе, между тѣмъ какъ предложенія эти не представляютъ уму никакого опредѣленнаго смысла; фактъ или законъ природы, который они сначала выражали до такой степени теряется изъ виду, и имъ до того пренебрегаютъ на практикѣ, какъ будто о немъ никогда не слыхали. Обще-

извѣстно, что въ предметахъ, которые одновременно и привычны, и сложны,—особенно въ тѣхъ, которые такъ привычны и сложны, какъ предметы нравственные и общественные,—множество важныхъ предложеній пользуются довѣріемъ и повторяются по привычкѣ, между тѣмъ какъ содержимыя ими истины не могли бы быть объяснены и не проявляются на практикѣ. Вотъ почему унаслѣдованныя правила старинной опытности, хотя рѣдко возбуждающія сомнѣніе, такъ мало вліяютъ на поведеніе людей: большинство лицъ не сознаютъ, дѣйствительно, ихъ значенія, пока оно не уяснится имъ личнымъ опытомъ. Потому же, столь многія ученія религіи, этики и даже политики, столь полныя значенія и дѣйствительной силы для первыхъ обращенныхъ, выказали стремленіе быстро снизойти на степень мертвыхъ догматовъ, послѣ того, какъ ассоціація значенія съ словесными формулами перестала поддерживаться сопровождавшими ихъ введеніе преніями. Опытъ показываетъ, что для противодѣйствія этому стремленію едва достаточно всѣхъ усилій воспитанія, прямо и искусно направленнаго къ тому, чтобы сохранить живымъ это значеніе.

Мысль различныхъ поколѣній занята различными вещами: въ одно время умъ человѣческій побуждается окружающими обстоятельствами обратить болѣе вниманія на одно изъ свойствъ вещи, въ иное время на другое свойство. Въ каждый вѣкъ извѣстная доля отмѣченнаго и унаслѣдованнаго знанія, не будучи постоянно затрогиваема интересами и изслѣдованіями, занимающими человѣчество въ то время, естественно и неизбѣжно какъ бы засыпаетъ и изглаживается изъ памяти. Она подвергалась бы опасности утратиться совершенно, еслибъ не оставались предложенія или формулы, результаты прежней опытности, — можетъ быть, однѣ формы словъ, но словъ, которыя нѣкогда дѣйствительно имѣли смыслъ, предполагаемый въ нихъ и теперь; а смыслъ этотъ, хотя и утратился, но можетъ быть исторически выслѣженъ, и въ такомъ случаѣ люди, обладающіе необходимымъ знаніемъ, могутъ признать его фактомъ или истиной. Пока формулы остаются, смыслъ можетъ во всякое время ожить, и какъ, съ одной стороны, формулы постепенно теряютъ смыслъ, который хотѣли придать имъ, такъ, съ другой, когда это забываніе достигло своего предѣла и начало порождать очевидныя

слѣдствія, являются умы, которые, разсматривая формулы, вновь открываютъ истину, если она дѣйствительно содержалась въ формулахъ, и вновь объявляютъ ее человѣчеству, не какъ открытіе, а какъ смыслъ того, чему людей учили и что они еще признаютъ своимъ вѣрованіемъ.

Такимъ образомъ существуетъ безпрерывное колебаніе въ духовныхъ (не подразумѣваю: религіозныхъ) истинахъ и въ духовныхъ, сколько-нибудь важныхъ ученіяхъ, хотя бы они не были истинны. Смыслъ ихъ почти постоянно или утрачивается, или открывается вновь. Кто интересовался исторіею наиболѣе серьезныхъ убѣжденій человѣчества,—исторіею мнѣній, которыми люди особенно руководятся или должны бы были, по ихъ мнѣнію, руководиться въ жизни вообще, тотъ знаетъ, что даже признавая на словахъ тѣ же самыя ученія, люди придаютъ имъ въ различные періоды не только больше или меньше значенія, но и различныя значенія. Слова, въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, соозначали, а предложенія выражали смѣсь внѣшнихъ фактовъ и внутреннихъ чувствъ, къ различнымъ отдѣламъ которыхъ особенно впечатлительно общее направленіе умовъ различныхъ поколѣній. Обыкновеннымъ умамъ сказывается, во всякомъ поколѣніи, лишь та часть смысла, которой соотвѣтствуетъ обычный опытъ того же поколѣнія. Но сохраняющіяся слова и предложенія готовы выразить остатокъ смысла всякому уму, надлежащимъ образомъ подготовленному. Такіе единичные умы почти всегда найдутся, и утраченный, но оживленный ими смыслъ снова постепенно входитъ въ общее сознаніе.

Однако, наступленіе этой благой реакціи можетъ быть существенно замедлено поверхностными представленіями и неосторожными дѣйствіями чистыхъ логиковъ. Иногда случается, что къ концу нисходящаго періода, когда слова утратили часть своего значенія и еще не начали вновь пріобрѣтать его, являются личности, руководящую и любимую идею которыхъ составляетъ важность ясныхъ представленій и точныхъ мыслей и вытекающая отсюда необходимость въ опредѣленномъ языкѣ. Разсматривая старинныя формулы, такое лицо легко замѣчаетъ, что слова употребляются въ нихъ безъ значенія, и если человѣкъ этотъ не принадлежитъ къ роду людей, способныхъ вновь открыть утерянное значеніе, то, естественно, отбрасываетъ формулу и опредѣляетъ названіе, не об-

ращая вниманія на формулу. Дѣйствуя такимъ образомъ, упомянутыя лица закрѣпляютъ названіе за тѣмъ, что соозначается имъ обычно въ то время, когда слово обладаетъ наименьшимъ количествомъ значенія, и вводятъ обыкновеніе употреблять его, основательно и единообразно, согласно этому созначенію. Этимъ путемъ значеніе слова расширяется далеко за предѣлы прежняго смысла: оно распространяется на вещи, которымъ до того времени, повидимому произвольно, отказывали въ этомъ названіи. Изъ числа предложеній, въ которыхъ слово употреблялось до того времени, истинныя въ силу забытой части его значенія — теперь, въ болѣе яркомъ свѣтѣ, распространяемомъ опредѣленіемъ, оказываются, сообразно ему, неистинными. Между тѣмъ, опредѣленіе есть признанное и достаточно правильное выраженіе всего, что, какъ замѣчаютъ, представляется уму всякаго, употребляющаго слово въ настоящее время. Поэтому старинныя формулы становятся въ глазахъ общества предразсудками, и людей не учатъ, по прежнему, даже не понимая ихъ, вѣрить, что въ нихъ есть истина. Формулы эти уже не пребываютъ въ умѣ людей, внушая уваженіе и готовясь во всякое время заявить свой первоначальный смыслъ. Если онѣ заключаютъ истины, то истины эти, при упомянутыхъ обстоятельствахъ, открываются вновь гораздо медленнѣе; даже въ случаѣ ихъ открытія, предубѣжденіе, съ какимъ люди встрѣчаютъ вещи новыя, не только не въ пользу этихъ формулъ, а, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, противъ нихъ.

Замѣчанія эти можно пояснить примѣромъ. Во всѣ времена, за исключеніемъ эпохъ, когда умозрѣнія въ области нравственности были подавляемы внѣшнимъ насиліемъ или когда побуждающія къ нимъ чувства продолжали удовлетворяться традиціоннымъ ученіемъ установленной вѣры, — всегда однимъ изъ предметовъ, наиболѣе занимавшихъ мыслящихъ людей, было изслѣдованіе того, что-такое добродѣтель? или что-такое добродѣтельное поведеніе? Объ этомъ предметѣ возникали въ различныя времена и были одновременно въ ходу различныя теоріи, изъ которыхъ каждая, какъ отчетливое зеркало, отражала точный образъ породившаго ее вѣка. По одной изъ нихъ, добродѣтель состоитъ въ правильномъ вычисленіи нашихъ личныхъ интересовъ, либо въ одномъ здѣшнемъ мірѣ, либо и въ другомъ. Для допустимости этой теоріи было, конечно, необходимо, чтобы единственныя благотворительныя

дѣла, которыя народъ вообще привыкъ видѣть или привыкъ, поэтому, хвалить, были дѣйствительно результатомъ разсчетливаго вниманія къ собственнымъ интересамъ, либо, по крайней мѣрѣ, чтобы въ этихъ дѣлахъ можно было, безъ противорѣчія очевиднымъ фактамъ, предположить подобный результатъ, такъ, чтобы слова, въ общемъ ихъ употребленіи, дѣйствительно соозначали лишь выраженное въ опредѣленіи.

Предположимъ, что сторонникамъ приведенной теоріи пришла мысль ввести согласное такому опредѣленію и неизмѣнное употребленіе термина «добродѣтель». Предположимъ, что они ревностно старались и успѣли изгнать изъ языка слово «безкорыстіе», вывели изъ употребленія всѣ выраженія, выдывающія предпочтеніе къ эгоизму и похвалу самопожертвованію или обнимающія мысль, что въ великодушіи и добротѣ есть нѣчто болѣе благодѣянія съ цѣлью получить въ возвратъ бо́льшую личную выгоду. Стоитъ ли говорить, что эта отмѣна старинныхъ формулъ для сохраненія ясныхъ идей и для состоятельности мысли было бы великимъ зломъ? Между тѣмъ, самая невозможность сосуществованія формулъ съ философскими мнѣніями, которыя, повидимому, осуждали ихъ какъ нелѣпости, дѣйствовали какъ побужденіе ко вторичному разсмотрѣнію предмета. Такимъ образомъ, тѣ же ученія, которыя возникли изъ забвенія, постигшаго часть истины, косвенно, но мощно способствовали ея оживленію.

Ученіе школы Кольриджа, что языкъ всякаго изстари образованнаго народа есть священный вкладъ, собственность всѣхъ вѣковъ, измѣнить которую ни одинъ вѣкъ не долженъ считать себя въ правѣ,— будучи выражено такимъ образомъ, дѣйствительно граничитъ съ бреднем. Но оно основано на истинѣ, зачастую упускаемой изъ виду тѣмъ классомъ логиковъ, который заботится болѣе о ясности, нежели объ обширности смысла, сознаетъ, что каждый вѣкъ прибавляетъ свои истины къ унаслѣдованнымъ отъ предшественниковъ, но не замѣчаетъ постоянно совершающагося обратнаго процесса, утраты уже добытыхъ истинъ, которому слѣдуетъ тщательно противодѣйствовать. Языкъ есть накопившійся запасъ опытности, въ который всѣ минувшіе вѣка внесли свою долю и который есть наслѣдіе всѣхъ будущихъ вѣковъ. Мы не въ правѣ лишать себя возможности передать потомству бо́льшее наслѣдіе, чѣмъ какимъ пользовались сами; часто мы можемъ далеко превзойти

нашихъ предковъ въ заключеніяхъ; но намъ должно стараться о томъ, чтобъ ни одна изъ унаслѣдованныхъ посылокъ не выскользнула у насъ между пальцевъ. Можетъ быть полезнымъ *измѣнить* смыслъ слова, но не хорошо дозволить какой-либо части смысла *затеряться*. Кто старается ввести правильнѣйшее употребленіе слова, отъ того слѣдуетъ требовать близкаго знакомства съ исторіею этого слова и мнѣніями, которыя оно выражало въ различныя эпохи своего развитія. Чтобы имѣть право опредѣлить названіе, мы должны знать все, что когда-либо было извѣстно о свойствахъ того класса предметовъ, который означается этимъ названіемъ теперь или былъ означаемъ имъ первоначально. Придавая названію значеніе, вслѣдствіе котораго окажется ложнымъ какое-либо предложеніе, признававшееся всѣми за истинное, мы должны быть увѣрены въ томъ, что знаемъ и обсудили все, что они подъ нимъ разумѣли.

ГЛАВА V.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ИЗМѢНЕНІЙ ВЪ СМЫСЛѢ СЛОВЪ.

§ 1. Общеупотребительныя слова способны перемѣнять свое сознаніе не только указаннымъ нами путемъ, именно постепенно усиливающимся невниманіемъ къ части выражаемыхъ идей. Дѣло въ томъ, что сознаніе такихъ словъ измѣняется безпрерывно, какъ и можно было ожидать по способу пріобрѣтенія общеупотребительными словами ихъ сознаненія. Техническій терминъ, изобрѣтенный для цѣлей искусства или науки, обладаетъ сначала сознаніемъ, которое придалъ ему изобрѣтатель. Но названіе, употребляемое всѣми до чьей-либо попытки опредѣлить его, получаетъ сознаніе лишь отъ обстоятельствъ, обыкновенно представляющихся уму при произнесеніи названія. Между этими обстоятельствами главное мѣсто занимаютъ, естественно, свойства, общія тѣмъ вещамъ, которыя означаются названіемъ. Они были бы единственными сознаначающими обстоятельствами, еслибы языкъ управлялся скорѣе дого-

воромъ, чѣмъ привычкой и случаемъ. Но, кромѣ этихъ общихъ свойствъ, которыя, если существуютъ, *необходимо* присутствуютъ во всякомъ употребленіи названія, наряду съ ними могутъ *случайно* оказаться другія обстоятельства, дотого часто, что сочетаются съ названіемъ тѣмъ же путемъ и такъ же сильно, какъ и сами общія свойства. По мѣрѣ возникания этой ассоціаціи, люди отказываются отъ употребленія названія, когда этихъ случайныхъ обстоятельствъ не существуетъ. Предпочитаютъ употреблять какое-либо другое названіе или то же названіе съ прибавкой, чѣмъ прибѣгать къ выраженію, необходимо вызывающему идею, которой не желаютъ будить. Такимъ образомъ, обстоятельство, первоначально случайное, становится постоянною частью созначенія слова.

Это-то безпрерывное присоединеніе обстоятельствъ, первоначально случайныхъ, къ постоянному значенію словъ составляетъ причину, по которой существуетъ такъ мало точныхъ синонимовъ. По этой же причинѣ указываемое въ словаряхъ значеніе словъ, по общему замѣчанію, представляетъ такое несовершенное изложеніе ихъ дѣйствительнаго значенія. Въ словарѣ значеніе излагается широко, грубо и, вѣроятно, обнимаетъ все, что было сначала необходимо для правильнаго употребленія слова. Но съ теченіемъ времени къ словамъ присоединяется столько побочныхъ ассоціацій, что человѣкъ, который вздумалъ бы въ употребленіи словъ руководиться лишь словаремъ, перепуталъ бы тысячу мелкихъ различій и тонкихъ оттѣнковъ значенія, которыхъ словари не объясняютъ. Примѣромъ этого можемъ служить устное и письменное изложеніе мыслей иностранцемъ, который не совершенно владѣетъ языкомъ. Исторія слова, указывая причины, опредѣлившія его употребленіе, руководитъ въ примѣненіи лучше всякаго опредѣленія. Опредѣленія могутъ показать лишь значеніе слова въ данное время, никакъ не болѣе ряда послѣдовательныхъ значеній; исторія же можетъ указать законъ, произведшій эту послѣдовательность. Напримѣръ, слово «*джентльменъ*», для правильнаго употребленія котораго нельзя руководиться словаремъ, означало первоначально лишь человѣка, рожденнаго въ извѣстномъ общественномъ положеніи (rank). Постепенно оно стало соозначать всѣ тѣ качества или случайныя обстоятельства, которыя обыкновенно встрѣчались въ лицахъ такого общественнаго положенія. Это соображеніе разомъ поясняетъ, почему, въ одномъ изъ своихъ обыч-

ныхъ значеній, слово «джентльменъ» служитъ названіемъ человѣку, живущему безъ работы, въ другомъ — человѣку нечернорабочему, и почему, въ своемъ болѣе возвышенномъ значеніи, оно во всѣ вѣка означало поведеніе, характеръ, привычки и внѣшній видъ, замѣтные во всякомъ, кто, по понятіямъ того вѣка, принадлежалъ или казался принадлежащимъ къ лицамъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ высокомъ общественномъ положеніи.

Безпрестанно случается, что изъ двухъ словъ, значеніе которыхъ по словарю тожественно или весьма мало различно, одно умѣстно при одной совокупности обстоятельствъ, другое при другой, между тѣмъ какъ невозможно показать, чѣмъ именно порождено обыкновеніе употреблять ихъ такимъ образомъ. Случайность, что одно, а не другое слово было употребляемо въ извѣстныхъ обстоятельствахъ или въ извѣстномъ кругу общества, достаточна для порожденія такой сильной ассоціаціи между словомъ и какими-либо особыми обстоятельствами, что люди отвыкаютъ отъ употребленія этого слова во всякомъ другомъ случаѣ и особыя обстоятельства становятся частью значенія слова. Волна обычая нанесетъ слово на извѣстное значеніе, отхлынетъ и оставитъ названіе на берегу.

Примѣромъ этого можетъ служить замѣчательная перемѣна, которой подверглось, по крайней мѣрѣ въ англійскомъ языкѣ, значеніе слова *loyally* (вѣрность престолу). Въ англійскомъ это слово означало первоначально то же, что оно и теперь еще означаетъ въ языкѣ, изъ котораго заимствовано (*): честное, прямое поведеніе и вѣрность обязательствамъ. Въ этомъ смыслѣ выражаемое имъ качество составляло часть идеальнаго рыцарскаго характера. Рѣшить, какимъ образомъ въ Англіи значеніе этого слова было ограничено лишь вѣрностью престолу, я не берусь, по недостаточному знакомству съ исторіей придворнаго языка. Разстояніе между французскимъ *loyal chevalier* и вѣрнымъ подданнымъ, конечно, велико. Могу лишь предположить, что слово это, въ какой-либо періодъ, было при дворѣ любимымъ терминомъ для означенія вѣрности присягѣ на подданство, до тѣхъ поръ, когда желавшіе

(*) Французское *loyalité loyal*. *Пер.*

говорить объ иномъ родѣ вѣрности, — считавшемся, вѣроятно, низшимъ—или не рѣшались употреблять такого высокаго термина, или считали удобнымъ прибѣгать къ иному слову, чтобъ не быть понятыми ложно.

§ 2. Нерѣдко обстоятельство, вошедши случайно въ созначеніе слова, первоначально съ нимъ несвязаннаго, — со временемъ вполнѣ замѣщаетъ первоначальный смыслъ и становится не только частью созначенія, но всѣмъ созначеніемъ. Примѣромъ этого можетъ служить слово *pagan, paganus* (язычникъ). Первоначально слово это, какъ показываетъ его этимологія, было равнозначно *селянину*, обывателю деревни (pagus). Въ извѣстную эпоху распространенія христіанства по римской имперіи приверженцы старой религіи и сельскіе жители были, приблизительно, одни и тѣ же люди: жители городовъ обратились раньше, потому что во всѣ времена, какъ и въ наше, они, вслѣдствіе дѣятельнѣйшей общественной жизни, раньше принимаютъ новыя мнѣнія и моды, тогда какъ старыя привычки и предразсудки всего дольше сохраняются между поселянами; кромѣ того, города непосредственнѣе испытывали прямое вліяніе правительства, которое въ то время уже приняло христіанство. Вслѣдствіе этого случайнаго совпаденія слова *paganus* обнимало представленіе о поклонникѣ прежнихъ боговъ и болѣе постоянно стало вызывать его; наконецъ, оно такъ сильно порождало это представленіе, что не желавшіе вызывать послѣдняго, избѣгали употребленія слова. А когда оно начало соозначать язычество, то весьма неважное въ отношеніи къ этому факту обстоятельство мѣстопребыванія скоро стало упускаться изъ виду при употребленіи слова. И такъ какъ рѣдко представлялся случай для особыхъ предложеній о язычникахъ-селянахъ, то для обозначенія ихъ и не было нужды въ особомъ словѣ, и слово *paganus* стало не только обнимать язычника, но означать его исключительно ([a]).

Примѣръ, еще болѣе знакомый большинству читателей, представляетъ слово *villain* или *villein*. Въ средніе вѣка терминъ этотъ, какъ знаетъ всякій, имѣлъ такое точно-опредѣленное созначеніе, какое только могло быть у слова: законъ присваивалъ это названіе лицамъ, которыя подлежали наименѣе тяжкимъ ([b]) формамъ феодальной зависимости. Пре-

---

([a]) Этимъ же поясняется и употребленіе словъ: французскаго *païen* и нѣмецкаго *Heide*. *Пер.*

([b]) И самымъ унизительнымъ. *Пер.*

зрѣніе полудикой военной аристократіи къ этимъ униженнымъ людямъ дѣлало сравненіе кого-либо съ ними признакомъ величайшаго пренебреженія. То же презрѣніе побуждало аристократію приписывать людямъ этого званія всякаго рода ненавистныя качества, въ которыхъ они, по своему унизительному положенію, безъ сомнѣнія, обвинялись часто не безъ основанія. Эти соединенныя обстоятельства дотого неизбѣжно связывали съ названіемъ villain представленіе о преступленіи, что даже приложеніе этого эпитета къ людямъ, которымъ онъ былъ присвоенъ закономъ, стало оскорбленіемъ и избѣгалось, когда не было желанія оскорбить. Тогда преступленіе стало частью означенія, а скоро и всѣмъ означеніемъ, такъ какъ людямъ не было настоятельнаго повода попрежнему различать, въ языкѣ, скверныхъ людей изъ кабальнаго сословія отъ скверныхъ людей всякаго другаго званія.

Въ приведенныхъ примѣрахъ первоначальное значеніе названія утрачивается совершенно: иное и вполнѣ отличное значеніе сначала прививается къ первому, а потомъ заглушаетъ его и замѣняетъ. Эти и подобные примѣры поясняютъ собою постоянно совершающееся въ языкѣ двойное движеніе, именно два противоположныя движенія: одно состоитъ въ обобщеніи, вслѣдствіе котораго слова постоянно теряютъ части своего означенія и являются съ меньшимъ содержаніемъ, но допускаютъ болѣе общее приложеніе; второе движеніе состоитъ въ спеціализаціи, вслѣдствіе котораго другія слова или и тѣ же самыя постоянно получаютъ новое означеніе, — пріобрѣтаютъ добавочное значеніе, будучи, въ приложеніи, ограничиваемы лишь частью случаевъ, въ которыхъ они могли быть соотвѣтственно употреблены до того времени. Этотъ двойной токъ представляетъ настолько важное явленіе въ естественной исторіи языка (съ которой искусственныя измѣненія всегда должны бы были находиться въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи), что даетъ намъ право заняться еще нѣсколько времени сущностью этихъ движеній и производящими ихъ причинами.

§ 3. Начнемъ со стремленія къ обобщенію. Незачѣмъ останавливаться на тѣхъ перемѣнахъ въ значеніи названій, которыя происходятъ единственно отъ невѣжественнаго употребленія ихъ лицами, не осилившими принятаго означенія слова и примѣняющими его въ болѣе неопредѣленномъ и широкомъ смыслѣ, чѣмъ какой принадлежитъ этому слову.

Однако, это дѣйствительная причина измѣненій въ языкѣ: вслѣдствіе того, что слово часто употребляется въ такихъ случаяхъ, гдѣ одного изъ соозначаемыхъ имъ качествъ не существуетъ, — слово перестаетъ достовѣрно означать это качество, и даже люди, не заблуждающіеся относительно настоящаго его значенія, предпочитаютъ выражать этотъ смыслъ какимъ-либо инымъ путемъ и предоставлять первоначальное слово его судьбѣ. Такіе случаи представляются словами: *сквайръ (squire)*, въ значеніи собственника помѣстья ([a]); *Parson*, въ значеніи не блюстителя прихода, а священника вообще; *Artist*, въ значеніи лишь живописца или ваятеля ([b]) *). Независимо, однако, отъ обобщенія названій вслѣд-

([a]) Собственно, сквайръ есть *дворянское* званіе, слѣдующее за званіемъ майта. *Пер.*

([b]) Наряду съ этими словами можно привести почти однозначащія русскія: баринъ (боаринъ), батюшка (духовный отецъ), художникъ. *Пер.*

*) Такіе случаи поясняютъ процессъ вырожденія языка въ историческіе періоды, когда литературное развитіе останавливалось. Въ настоящее время намъ грозитъ подобное же зло отъ поверхностнаго распространенія тѣхъ же занятій. Столько лицъ безъ всякаго образованія стали писателями по профессіи, что печать, можно сказать, находится преимущественно въ рукахъ людей, несвѣдущихъ въ надлежащемъ употребленіи этого орудія и дѣлающихъ его болѣе и болѣе негоднымъ для людей умѣлыхъ. Грубое просторѣчіе, закрадывающееся неѣдомыми путями, день за день лишаетъ англійскій языкъ прекрасныхъ способовъ выражать мысль. Вотъ современный примѣръ: глаголъ *transpire* (выпотѣть, а въ переносномъ смыслѣ выйти наружу) весьма выразительно передавалъ настоящее его значеніе,—именно, *стать извѣстнымъ* незамѣченными путями: какъ бы выпотѣть невидимыми испаренями, подобно выдѣляющемуся пару или газу. Но въ послѣднее время вошло въ обычай употреблять это слово, для большаго изящества, какъ синонимъ слову «случиться»: «событія, вышедшія наружу въ Крыму», — означая событія войны. Этотъ образчикъ плохаго англійскаго языка уже встрѣчается въ депешахъ лицъ высшаго сословія и вицекоролей, и, вѣроятно, недалеко то время, когда никто не будетъ понимать слово «*transpire*», употребленное въ его дѣйствительномъ значеніи. Весьма ошибочно мнѣніе, что эти извращенія языка безвредны. Кто борется съ трудностью выражаться и ясно, и точно (и потому знаетъ, что трудность эта и теперь уже не мала), замѣчаетъ постоянное ослабленіе орудія слова безграмотными писателями, которые уклоняютъ отъ ихъ назначенія формы языка, служившія нѣкогда для выраженія недвусмысленнаго значенія краткимъ и сжатымъ реченіемъ. Трудно повѣрить, какъ часто писатель вынужденъ прибѣгать къ описательному способу выраженія вкравшимися въ языкъ употребленіемъ нѣкоторыхъ словъ вмѣсто другихъ, недостаточно изящныхъ для риторики тщеславныхъ невѣждъ ([aa]).

([aa]) Дальнѣйшіе примѣры Милля, для передачи которыхъ потребовались бы длинныя поясненія, отнюдь не интересны для русскаго читателя, и потому мы ихъ не приводимъ. *Пер.*

ствіе невѣжественнаго ихъ употребленія, существуетъ стремленіе въ томъ же направленіи, совмѣстное съ полнымъ знаніемъ ихъ значенія и возникающее изъ факта, что число извѣстныхъ намъ вещей, о которыхъ мы желаемъ говорить, увеличивается быстрѣе числа названій. За исключеніемъ предметовъ, для которыхъ построена научная терминологія, не подлежащая вмѣшательству людей неученыхъ, чрезвычайно затруднительно, вообще, ввести въ употребленіе новое названіе. Независимо отъ этого затрудненія, естественно желаніе придать новому предмету названіе, которое, по крайней мѣрѣ, выражало бы сходство этого предмета съ чѣмъ-либо уже извѣстнымъ, такъ какъ сказывая о предметѣ названіе совершенно новое, мы сначала не сообщаемъ никакого свѣдѣнія. Этимъ путемъ названіе видовое часто становится родовымъ: напримѣръ, *соль* или *масло*. Сначало слово «соль» означало лишь хлористый натрій (поваренную соль); масломъ, какъ показываетъ этимологія этого слова ([1]), называлось только оливковое масло. Теперь же оба эти слова означаютъ обширные и разнообразные классы веществъ, сходныхъ съ названными въ нѣкоторыхъ качествахъ, и соозначаютъ только эти общія качества, вмѣсто всѣхъ отличительныхъ свойствъ оливковаго масла и поваренной соли. Такимъ же образомъ слова *стекло* и *мыло* употребляются новѣйшими химиками для означенія родовъ, въ которыхъ вещества, обыкновенно называемыя стекломъ и мыломъ, представляютъ лишь отдѣльные виды. И часто, какъ и въ этихъ случаяхъ, названіе сохраняетъ, наряду съ болѣе общимъ значеніемъ, и спеціальное и становится двусмысленнымъ, т. е. представляетъ два названія вмѣсто одного.

Эти перемѣны, вслѣдствіе которыхъ слова становятся въ общемъ употребленіи все болѣе общими и менѣе выразительными, еще въ сильнѣйшей степени испытываются словами, означающими сложныя явленія духа и общества. Историки, путешественники, — вообще, люди, говорящіе и пишущіе о нравственныхъ и общественныхъ явленіяхъ, не близко имъ знакомыхъ, — вотъ величайшіе дѣятели въ этомъ измѣненіи языка. Относительно названныхъ предметовъ, у всѣхъ людей, за исклю-

---

([1]) Англ. *oil*, нѣм. *Öl*, фр. *huile*, итал. *oilo* отъ лат. *oleum*, которое породило родовое названіе маслины, *olea*. *Пер.*

ченіемъ необыкновенно свѣдущихъ и мыслящихъ, запасъ словъ весьма бѣденъ. Большинство людей обладаетъ незначительнымъ собраніемъ словъ, имъ привычныхъ и ими употребляемыхъ для означенія самыхъ разнообразныхъ явленій, потому что большинство людей никогда не анализировало фактовъ, соотвѣтствующихъ этимъ словамъ на своей родинѣ, до такой степени, чтобы соединять съ ними идеи, вполнѣ опредѣленныя. Напримѣръ, первые англійскіе завоеватели въ Бенгаліи внесли выраженіе *поземельный собственникъ (landed proprietor)* въ страну, въ которой права частныхъ лицъ на землю, какъ въ степени, такъ и въ сущности, отличны отъ признаваемыхъ въ Англіи. Примѣняя къ такому положенію вещей упомянутый терминъ, со всѣми идеями, соединяемыми съ нимъ въ Англіи, они предоставили безусловное право лицамъ, имѣвшимъ только ограниченное право, а другихъ, какъ не обладавшихъ безусловнымъ правомъ, лишили всякаго права, раззорили и довели до отчаянія цѣлые классы народа, наполнили страну разбойниками, породили чувство, что ничто не обезпечено, и, съ лучшими намѣреніями, произвели общественную неурядицу, какой не произвели въ этой странѣ самые безжалостные изъ ея дикихъ завоевателей. Тѣмъ не менѣе, употребленіе словъ этими-то лицами, способными впасть въ такую грубую ошибку, опредѣляетъ значеніе словъ; неправильно употребляемыя ими слова все болѣе и болѣе обобщаются; люди свѣдущіе бываютъ вынуждены уступить, сначала избавить слова отъ неопредѣленности, придавая имъ точное сознаніе, и затѣмъ употреблять ихъ какъ родовыя названія, разбивая роды на виды.

§ 4. Быстрѣйшее увеличеніе числа идей, чѣмъ названій, порождаетъ постоянную необходимость употреблять эти названія, хотя бы несовершенно, въ большемъ числѣ случаевъ. Но одновременно съ этимъ происходитъ противоположное движеніе, вслѣдствіе котораго, наоборотъ, названія ограничиваются меньшимъ числомъ случаевъ, пріобрѣтая какъ бы добавочное сознаніе, отъ обстоятельствъ, которыя первоначально не заключались въ значеніи, но потомъ были связаны съ нимъ, въ умѣ, какою-либо случайною причиною. Выше, въ словахъ *paganus* и *villain* мы видѣли замѣчательные примѣры того, что смыслъ словъ, вслѣдствіе случайныхъ ассоціацій, становится болѣе спеціальнымъ и затѣмъ часто обобщается въ новомъ направленіи.

Подобныя спеціализаціи нерѣдко встрѣчаются даже въ исторіи научной номенклатуры. «Отнюдь не рѣдко», говоритъ Пари въ своей Фармакологіи *), «можно встрѣтить слово, которое, бывъ употребляемо для выраженія общихъ свойствъ, впослѣдствіи становится названіемъ особаго вещества, отличающагося преобладаніемъ такихъ свойствъ. Мы увидимъ, что такимъ образомъ могутъ быть объяснены въ номенклатурѣ нѣкоторыя важныя уродливости. Названіе *Ἀρσενικόν*, отъ котораго происходитъ слово *Arsenic* (мышьякъ), было стариннымъ эпитетомъ, прилагавшимся къ тѣмъ естественнымъ веществамъ, которыя обладали сильными и острыми свойствами; а такъ какъ ядовитость мышьяка оказалась замѣчательно сильною, то названіе было спеціально присвоено оперменту, формѣ, въ которой этотъ металлъ встрѣчается наиболѣе часто. Названіе *Verbena* (вмѣсто *Herbena*) первоначально означало всѣ тѣ травы, которыя считались священными, потому что были употребляемы при обрядахъ жертвоприношенія, какъ сообщаютъ намъ поэты; но такъ какъ въ этихъ случаяхъ употреблялась обыкновенно *одна* трава, то слово *Verbena* стало означать *одну* эту траву, которая и до настоящаго времени извѣстна подъ этимъ названіемъ (желѣзнякъ). До новѣйшаго времени она сохранила медицинскую славу, доставленную ей древнимъ священнымъ употребленіемъ: ее носили на шеѣ въ качествѣ талисмана. Слово *Vitriol* (купоросъ) въ начальномъ значеніи, прилагалось ко *всякому* кристаллическому тѣлу въ нѣкоторой степени прозрачному (*vitrum*, стекло). Едвали нужно сказать, что теперь названіе присвоено особой группѣ [1]). Такимъ же образомъ слово *Bark* (кора), названіе общее, употребляется для выраженія *одного* рода, и тогда, для указанія этого частнаго значенія, къ слову приставляется опредѣленный членъ (the bark — хинная корка). Та же замѣтка примѣнима къ слову *Opium*, которое, въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, означало *всякій* сокъ (*ὀπός*, succus), тогда какъ теперь означаетъ лишь одинъ видъ: именно, сокъ мака. Точно такъ же слово *Elaterium* употреблялось Гиппократомъ для означенія различныхъ сильныхъ внутреннихъ врачебныхъ средствъ, осо-

---

*) *Pharmacologia, Historical Introduction*, vol. I, pp. 66—8.

[1]) Группѣ сѣрнокислыхъ солей формулы

$$SMe^{2}O^{4},$$

гдѣ Ме означаетъ металлъ (мѣдь, желѣзо или цинкъ). *П. Л.*

бенно слабительныхъ (отъ слова ἐλαύνω, *agito, moveo, stimulo*, двигаю, побуждаю); но послѣдующіе авторы прилагали его исключительно къ дѣйствующему веществу, получаемому изъ осадка сока ослинаго огурца — (дерябки). Слово *Fecula* первоначально должно было обнимать *всякое* вещество, само собою осѣвшее изъ жидкости (отъ слова *foex*, подонки или осадокъ всякой жидкости); потомъ оно было присвоено крахмалу, осаждающемуся такимъ образомъ, когда пшеничная мука взболтана въ водѣ; наконецъ, оно прилагается къ особому растительному началу, которое, подобно крахмалу, нерастворимо въ холодной, но вполнѣ растворимо въ кипящей водѣ, съ которою образуетъ студень. Неопредѣленное значеніе слова *fecula* породило множество ошибокъ въ фармацевтической химіи; напримѣръ, объ Elaterium говорится, что онъ *fecula*, и, въ первоначальномъ смыслѣ слова fecula это справедливо, потому что Elaterium самъ собою осаждается изъ растительнаго сока; но въ ограниченномъ и новомъ смыслѣ термина *fecula*, предложеніе ошибочно, потому что вмѣсто дѣятельности соковаго начала, находящагося въ *fecula*, Elaterium есть особое болѣе существенное начало *sui generis* (своего рода), которому я рѣшился придать названіе *Elatin*. Потому же и значеніе слова *Extract* весьма сомнительно и темно, такъ какъ слово это прилагается, *вообще*, ко всякому веществу, добываемому выпариваніемъ растительнаго раствора, и *въ частности*, къ особому, болѣе существенному началу, обладающему извѣстными признаками, которыми оно и отличается отъ всякаго другаго простаго тѣла».

Родовое названіе всегда можетъ быть ограничено отдѣльнымъ видомъ или даже особью, если люди находятъ случай думать и говорить объ этой особи или объ этомъ видѣ гораздо чаще, нежели о чемъ-либо иномъ, содержащемся въ родѣ. Такъ, подъ словомъ «животина» (cattle) извощикъ разумѣетъ однѣхъ лошадей; на языкѣ земледѣльцевъ «скотиной» (beasts) называются лишь коровы и быки, а въ устахъ нѣкоторыхъ охотниковъ слово «дичь» (birds) означаетъ лишь куропатокъ. Въ этихъ народныхъ реченіяхъ проявляется тотъ же законъ языка, сообразно которому слова Θεός, Deus и Богъ были заимствованы христіанствомъ у политеизма (многобожія) для выраженія единаго предмета обожанія. Почти вся терминологія христіанской церкви состоитъ изъ словъ, употреблявшихся сначала въ гораздо обширнѣйшемъ смыслѣ: *Ecclesia*

(церковь) — собраніе; *епископъ* (Episcopus) — надзиратель; пресвитеръ, (πρεσβύτερος [a]) — старшій; дьяконъ (Diaconus) — управитель; *Sacrament* (таинство) — обѣтъ послушанія; евангеліе, (Evangelium) — благая вѣсть. Нѣкоторыя слова, напр. *Minister* (главный слуга, управитель), и донынѣ употребляются и въ общемъ, и въ ограниченномъ смыслѣ [b]. Интересно было бы прослѣдить, какимъ образомъ слово авторъ (творецъ) стало означать, въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ, писателя, а слово ποιητής, или дѣлатель, поэта.

Легко было бы указать много примѣровъ того, что въ смыслъ слова были вводимы обстоятельства, случайно связанныя съ нимъ въ какой-либо особый періодъ времени, какъ мы сдѣлали это относительно слова paganus. Слово *physician* (φυσικός, или натуралистъ) стало, по крайней мѣрѣ въ Англіи, синонимомъ врача, такъ какъ до сравнительно-недавняго времени врачи были единственными естествоиспытателями. Слово *Clerc*, или *clericus*, ученый, стало означать члена духовенства, потому что въ теченіе многихъ столѣтій духовенство представляло единственныхъ ученыхъ.

Но представленія, наиболѣе способныя уцѣпиться ассоціаціей за предметъ, съ которымъ они когда-либо были въ близкомъ отношеніи, — это представленія о нашихъ наслажденіяхъ и страданіяхъ, о предметахъ, которые мы обыкновенно считаемъ источниками нашихъ удовольствій и страданій. Поэтому, изъ всѣхъ добавочныхъ сознаваній, слово скорѣе и легче всего принимаетъ сознаваніе пріятности или непріятности, въ ихъ различныхъ родахъ и степеняхъ: что означаемый словомъ предметъ хорошъ или дуренъ, что его слѣдуетъ желать или избѣгать, что онъ предметъ ненависти, страха, презрѣнія, восторга, надежды или любви. Вслѣдствіе этого едвали есть хоть одно названіе, которое выражало бы какой-либо нравственный или общественный фактъ, способный вызвать сильное сочувствіе или сильную непріязнь, и не обладало бы рѣзкимъ и непреодолимымъ сознаваніемъ этихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, похвалы или порицанія, — такъ что употребленіе этихъ названій въ связи съ другими, которыми выражаются про-

---

(a) Отъ этого слова фр. prêtre, нѣм. Priester, англ. priest. *Пер.*

(b) Въ англійскомъ и французскомъ языкахъ слово minister, ministre употребляется въ смыслѣ агента. *Пер.*

тивныя чувства, дѣйствовало бы какъ парадоксъ или даже какъ противорѣчіе въ словахъ. Погубное вліяніе усвоеннаго такимъ образомъ сознаменія на наши господствующія привычки мысли, особенно въ нравственныхъ и политическихъ наукахъ, было во многихъ случаяхъ прекрасно указано Бентамомъ. Оно порождаетъ ложныя заключенія изъ «названій возводящихъ вопросъ въ положеніе (question-begging names)». Мы изслѣдуемъ, обладаетъ ли данная вещь извѣстнымъ свойствомъ, или нѣтъ, а между тѣмъ самое это свойство до такой степени связано съ названіемъ вещи, что входитъ въ его значеніе, и мы, произнося названіе, уже принимаемъ доказываемое. Это самый обильный источникъ предложеній, повидимому очевидныхъ и не требующихъ доказательства.

Не приводя новыхъ примѣровъ для объясненія перемѣнъ, какія обычай постоянно производитъ въ значеніи терминовъ, я предлагаю практическое правило, чтобы логикъ, не имѣя возможности предотвратить перемѣны, добровольно подчинялся безвозвратно совершившимся; если необходимо опредѣленіе, пусть онъ опредѣляетъ слово согласно его новому значенію, а прежнее удержитъ какъ второе значеніе, если оно нужно и если онъ можетъ надѣяться сохранить его въ философскомъ языкѣ или въ общемъ употребленіи. Логики могутъ *создавать* значеніе лишь научныхъ терминовъ: значеніе всѣхъ другихъ словъ установляется человѣчествомъ. Но логики могутъ выяснить, что именно, своимъ тайнымъ дѣйствіемъ, привело умъ человѣческій къ особому употребленію названія; найдя это, они могутъ обозначить тайнаго дѣятеля такими опредѣленными и неизмѣнными словами, что люди увидятъ значеніе, которое прежде только чувствовали, и не допустятъ, чтобъ впослѣдствіи оно было забыто или ложно понимаемо.

ГЛАВА VI.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ ОБСУЖДЕНІЕ ПРАВИЛЪ ФИЛОСОФСКАГО ЯЗЫКА.

§ 1. До сихъ поръ мы разсматривали только одно изъ требованій языка, приспособленнаго къ изъисканію истины: чтобы каждое изъ названій обладало опредѣленнымъ и недвусмысленнымъ значеніемъ. Но, какъ мы уже замѣтили, есть и другія требованія. Нѣкоторыя изъ нихъ лишь второстепенной важности; но одно требованіе — коренное и если уступаетъ по важности какому-либо другому, то лишь требованію качества, которое мы такъ долго разсматривали. Чтобы языкъ могъ служить своимъ цѣлямъ, не только каждое слово должно въ совершенствѣ выражать свое значеніе, но не должно быть ни одного важнаго значенія безъ присвоеннаго ему названія. Все, о чемъ мы имѣемъ случай думать часто и съ научными цѣлями, должно обладать особымъ названіемъ.

Это необходимое качество философскаго языка можетъ быть разсматриваемо въ трехъ различныхъ отношеніяхъ, обнимая равное число особыхъ условій.

§ 2. Вопервыхъ: должны существовать всѣ названія, необходимыя для того, чтобы, въ описаніи единичнаго наблюденія, слова указывали точно, какой именно фактъ былъ наблюдаемъ. Другими словами: должна быть точная описательная терминологія.

Мы можемъ прямо наблюдать лишь наши собственныя ощущенія или другія чувства. Поэтому, полнымъ описательнымъ языкомъ будетъ лишь тотъ, который обладаетъ названіемъ для каждаго видоизмѣненія простыхъ ощущеній или чувствъ. Сочетанія ощущеній или чувствъ всегда могутъ быть описаны, какъ скоро мы обладаемъ названіемъ для каждаго изъ составныхъ простыхъ чувствъ. Но краткости описанія и ясности (часто весьма сильно зависящей отъ краткости) очень помогаетъ присвоеніе отличительныхъ названій не однимъ началамъ, но и всѣмъ часто встрѣчающимся сочетаніямъ. Относительно этой важной отрасли нашего предмета я признаю за лучшее привести нѣкоторыя изъ прекрасныхъ замѣчаній Уэвеля *).

*) *History of Scientific Ideas*, II, 110, 111.

«Значеніе техническихъ терминовъ (описательныхъ) можетъ быть установлено сначала только соглашеніемъ и уяснено лишь тѣмъ, что чувства ощутятъ то, что составляетъ значеніе термина. Значеніе цвѣта по названію можетъ быть усвоено только при помощи глаза. Никакое описаніе не передаетъ слушателю того, что разумѣется подъ словами «яблочно-зеленый» или «французско-сѣрый (french-grey)». Пожалуй, относительно перваго слова можно предположить, что прибавки «яблочно». ссылаясь на такой знакомый предметъ, достаточно поясняетъ описываемый цвѣтъ. Но легко убѣдиться въ томъ, что это несправедливо: яблоки бываютъ весьма различныхъ оттѣнковъ зеленаго цвѣта, и только соглашеніе можетъ присвоить приведенное названіе особому оттѣнку. Когда названіе ему присвоено, оно ссылается на ощущеніе, а не на свои части: онѣ входятъ въ него лишь пособіями памяти, будутъ ли указывать связь природную, «*яблочно*-зеленый», или случайную, «французско-сѣрый». Чтобы можно было надлежащимъ образомъ пользоваться техническими терминами этого рода, они должны быть *непосредственно* ассоціированы со впечатлѣніями, которымъ присвоены, а не связаны съ ними неопредѣленнымъ обычнымъ употребленіемъ. Память должна сохранять ощущеніе, и техническое названіе должно быть понимаемо такъ же непосредственно, какъ самое обыкновенное слово, только отчетливѣе. Нужно, чтобы при названіяхъ «оловянно-бѣлый» или «томпаково-бурый», означаемые ими металлическіе цвѣта представлялись нашей памяти безъ замедленія и поисковъ.

«Сказанное весьма важно запомнить относительно простѣйшихъ свойствъ тѣлъ, каковы цвѣтъ и форма; но оно не менѣе истинно и въ примѣненіи къ болѣе сложнымъ понятіямъ. Во всѣхъ случаяхъ названію присвоено особое значеніе путемъ условія, и для употребленія слова слѣдуетъ точно знать условіе, чтобъ не нужно было строить предположенія на самомъ словѣ. Такія догадки будутъ всегда ненадежны, а часто и ошибочны. Такъ, прилагаемое къ цвѣтку названіе «мотыльковый» употребляется съ цѣлью указать не только сходство съ мотыльком, но сходство, производимое пятью лепестками особой формы и особаго расположенія: еслибъ сходство было гораздо сильнѣе, чѣмъ оно бываетъ въ указываемыхъ случаяхъ, но было произведено инымъ путемъ — напримѣръ, однимъ лепесткомъ или двумя, вмѣсто одного «па-

руса», двухъ «крыльевъ» и двухъ лепестковъ, болѣе или менѣе сросшихся въ «лодочку»,—то мы были бы уже не въ правѣ назвать цвѣтокъ мотыльковымъ.»

Когда, какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, то, чему дается названіе, есть сочетаніе простыхъ ощущеній, то для ознакомленія со значеніемъ слова не необходимо возвращаться къ самымъ ощущеніямъ: значеніе слова можетъ быть передано при помощи другихъ словъ; короче, названія могутъ быть опредѣляемы. Но названія простыхъ ощущеній или простыхъ чувствъ всякаго рода не могутъ быть опредѣляемы. И нѣтъ инаго средства передать ихъ значеніе, какъ заставить учащагося испытать ощущеніе или напомнить ему, извѣстнымъ признакомъ, что онъ испытывалъ это ощущеніе раньше. Слѣдовательно, точному описательному языку доступны, дѣйствительно, лишь впечатлѣнія на внѣшнія чувства или тѣ внутреннія чувства, которыя связаны со внѣшними предметами весьма явнымъ и единообразнымъ способомъ. Тщетною была бы попытка придать названія множеству разнообразныхъ ощущеній, порождаемыхъ, напримѣръ, болѣзнью или особыми физіологическими состояніями; никто не можетъ судить о томъ, тожественно ли испытываемое имъ впечатлѣніе съ моимъ, и потому названіе не можетъ имѣть, для насъ двоихъ, никакого общаго значенія. Это же въ значительной степени справедливо относительно чисто-духовныхъ чувствъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ наукахъ, занимающихся внѣшними предметами, едвали возможно превзойти то совершенство, котораго достигло разсматриваемое нами свойство философскаго языка.

«Въ ботаникѣ, продолжаетъ Уэвель *), точный и богатый описательный языкъ созданъ съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ, что, до созданія его, едвали можно было считать это дѣло исполнимымъ. Каждая часть растенія названа, и формѣ каждой части, даже самой малой, присвоено множество описательныхъ названій, при помощи которыхъ ботаникъ можетъ передавать и пріобрѣтать свѣдѣнія о формѣ и строеніи такъ же точно, какъ еслибы каждая малая часть была изображена предъ нимъ въ сильно-увеличенномъ видѣ. Этотъ успѣхъ вхо-

*) *History of Scientific Ideas*, II, 111 — 113.

дилъ въ Линнееву реформу.... Турнфоръ, говоритъ Декандоль, повидимому, первый созналъ выгоду опредѣлить смыслъ названій такимъ образомъ, чтобъ употреблять каждое слово всегда въ одномъ и томъ же значеніи и всегда выражать то же понятіе тѣми же самыми словами; но лишь Линней дѣйствительно создалъ и утвердилъ такой ботаническій языкъ, и это его лучшее право на славу, потому что, придавъ языку опредѣленность, онъ придалъ ясность и точность всѣмъ частямъ науки.

«Излишне было бы входить здѣсь въ подробности о ботаническихъ названіяхъ. Главныя названія были вводимы постепенно, по мѣрѣ того, какъ были тщательно и подробно разсмотрѣны части растеній. Такъ, въ цвѣткѣ необходимо было отличить чашечку *(calyx)*, вѣнчикъ *(corolla)*, тычинки *(stamina)* и пестики *(pistilla)*; части вѣнчика Колонна [1]) назвалъ лепестками *(petala)*, а дѣленія чашечки Неккеръ [2]) назвалъ чаше-листиками (sepala). Иногда были изобрѣтаемы названія болѣе общія: напр., околоцвѣтникъ *(perianthium)*, для означенія чашечки и вѣнчика, находятся ли въ цвѣткѣ обѣ эти части или только одна; околоплодникъ *(pericarpium)*, для части растенія, облекающей сѣмя, какого бы рода она ни была, ягода, орѣхъ, стручекъ и т. п. Легко понять, что, путемъ опредѣленія и сочетанія, описательныя названія могутъ стать весьма многочисленными и точными. Такъ, листъ можетъ быть названъ перисторазрѣзнымъ (folium pinnatifidum), перистораздѣльнымъ (pinnatipartitum), перисторазсѣченнымъ (pinnatisectum), перистолопастнымъ (pinnatilobatum), дланеразрѣзнымъ (palmatifidum), дланераздѣльнымъ (palmatipartitum) и проч., и каждое изъ этихъ словъ означаетъ извѣстное сочетаніе различныхъ, по виду и глубинѣ, дѣленій листа съ дѣленіями его края. Иногда въ опредѣленіе вводятся произвольныя числовыя отношенія: такъ, листъ называется двулопастнымъ *(bilobatus)*, когда онъ дѣлится вырѣзомъ на двѣ части; но если вырѣзъ доходитъ до половины его длины, то листъ будетъ двураздѣльный *(bifidus)*; почти до основанія

---

[1]) Фабіо Колонна (Fabius Columna), итальянскій натуралистъ, род. 1567, ум. 1680 г. Онъ былъ членъ академіи Lyncei, написалъ нѣсколько ботаническихъ сочиненій, предложилъ названіе *petala* въ примѣчаніяхъ къ сокращенію естественной исторіи Мексики—Хернандесса, сдѣланному Рекки (Recchi). Его считаютъ однимъ изъ основателей родовъ въ ботаникѣ. *П. Л.*

[2]) Іозефъ Неккеръ, нѣмецкій ботаникъ, род. 1729, ум. 1793 г. Онъ особенно занимался мхами. *П. Л.*

листа — двураздѣльный *(bipartitus)*; до основанія — двуразсѣченный (bisectus). Точно такъ же, плодъ крестоцвѣтнаго растенія называется стручкомъ (siliqua), когда длина его вчетверо больше ширины; если же плодъ короче этого, то называется стручечкомъ (silicula). По установленіи такихъ названій форма самаго сложнаго листа или вая одного папоротника (Hymenophyllum Wilsoni) точно передается слѣдующей фразой: вая сжато-перистыя, перья отогнутыя, односторонне-перисторазрѣзныя, отрѣзки линейные нераздѣльные или двуразрѣзные колоче-пило-образно-зубчатые».

«Другіе признаки передаются съ такою же точностью, какъ и форма: цвѣтъ при помощи расположенной по классамъ скалы цвѣтовъ... Это чрезвычайно точно исполнилъ Вернеръ [3]), и его скалы цвѣтовъ до сихъ поръ наиболѣе употребляются естествоиспытателями. Вернеръ же ввелъ точнѣйшую терминологію относительно другихъ признаковъ, важныхъ въ минералогіи: блеска, твердости. Моосъ [4]) сдѣлалъ новое усовершенствованіе, давъ твердости численную мѣру, въ которой талькъ равенъ 1, гипсъ 2, известковый шпатъ 3, и т. д.... Нѣкоторыя свойства напр. удѣльный вѣсъ, уже въ опредѣленіи представляютъ числовую мѣру; другія, напр. кристаллическая форма, требуютъ, для указанія ихъ отношеній и постепенности, значительныхъ математическихъ вычисленій и умозаключеній.

§ 3. Отъ описательной терминологіи, или языка, необходимаго для сохраненія нашихъ наблюденій надъ единичными случаями, мы перейдемъ къ наведенію или, скорѣе, къ сравненію наблюденныхъ случаевъ, которое составляетъ приготовительный шагъ къ наведенію. Здѣсь намъ представляется нужда въ иномъ, добавочномъ родѣ общихъ названій.

Наведеніе можетъ потребовать (по выраженію Уэвеля) новаго общаго представленія, т. е. сравненіе ряда явленій можетъ привести къ

---

[3]) Абрагамъ Готлибъ Вернеръ, знаменитый нѣмецкій литераторъ и геологъ, род. 1750, ум. 1817. О немъ см. *Fr. v. Kobell:* «Gesch. d. Mineralogie» (1864). *П. Л.*

[4]) Фридрихъ Моосъ (Mooss), нѣмецкій литераторъ, род. 1774 г., ум. 1839. Онъ считается однимъ изъ главныхъ основателей естественнаго метода классификаціи минераловъ по физическимъ свойствамъ, въ противоположность чисто-химической классификаціи Берцеліуса. О Моосѣ см. *Fr. v. Kobell:* «Gesch. d. Mineralogie» (1864), 216 и слѣд. *П. Л.*

признанію въ нихъ какого-либо новаго обстоятельства, которое, не привлекши нашего вниманія раньше, составляетъ для насъ явленіе новое. Въ такомъ случаѣ важно, чтобъ этому новому представленію или этому новому результату отвлеченія было присвоено названіе, особенно если обнимаемое имъ обстоятельство таково, что ведетъ ко многимъ послѣдствіямъ или, вѣроятно, встрѣтится въ другихъ классахъ явленій. Конечно, въ большинствѣ случаевъ этого рода значеніе могло бы быть выражено соединеніемъ нѣсколькихъ уже употребляемыхъ словъ. Но если о вещи приходится говорить часто, то нужно называть ее какъ можно кратче, и не только для сбереженія времени и мѣста. Какъ темны стали бы геометрическія доказательства, еслибъ вездѣ, гдѣ мы употребляемъ слово «*кругъ*», вмѣсто него стояло бы опредѣленіе круга. Сущность процессовъ математики и ея приложеній требуетъ, чтобъ вниманіе было сильно сосредоточено, а отнюдь не разбросано, и потому въ этихъ наукахъ всегда надлежащимъ образомъ сознавалась важность сжатыхъ выраженій. Замѣтивъ, что придется часто говорить объ одной и той же совокупности двухъ вещей, математикъ тотчасъ же создаетъ терминъ для выраженія этого сочетанія, точно-такъ же, какъ въ своихъ алгебрическихъ дѣйствіяхъ онъ замѣняетъ выраженія $\left(a^m + b^n\right)\frac{p}{q}$ или $\frac{a}{b}+\frac{b}{c}+\frac{c}{d}+\ldots$ отдѣльными буквами P, Q или S, не только для сокращенія своихъ символическихъ выраженій, но и для упрощенія чисто-умственной части своихъ дѣйствій: чтобы дать уму возможность обратить вниманіе исключительно на отношеніе между количествомъ S и другими количествами, входящими въ уравненіе, не развлекаясь безъ пользы мыслью о составныхъ частяхъ S.

Но, кромѣ большей ясности, есть еще и другая причина придать краткое и сжатое названіе каждому изъ значительнѣйшихъ результатовъ отвлеченія, полученныхъ въ теченіе нашихъ умственныхъ процессовъ. Придавъ названія этимъ результатамъ, мы обращаемъ на нихъ вниманіе, постояннѣе удерживаемъ ихъ въ умѣ. Названія запоминаются, а утвердившись въ памяти, вызываютъ за собою и свои опредѣленія. А еслибы, вмѣсто особыхъ и характеристическихъ названій, смыслъ былъ выраженъ сочетаніемъ нѣсколькихъ другихъ названій, то это особое сочетаніе словъ, получившихъ уже въ общемъ употребленіи иное назначеніе,

не напоминалось бы ничѣмъ другимъ. Иногда нужно, чтобъ особое сочетаніе идей постоянно присутствовало въ умѣ; а ничто не закрѣпитъ его подобно названію, спеціально ему присвоенному. Еслибъ математики вынуждены были говорить о «томъ, къ чему количество, увеличиваясь или уменьшаясь, постоянно приближается, до разницы, меньшей всякаго опредѣленнаго количества, но чему оно никогда не становится совершенно равнымъ», — вмѣсто того, чтобъ выражать все это словами «предѣлъ количества»,—то, вѣроятно, намъ еще долго не пришлось бы пользоваться наиболѣе важными изъ истинъ, открытыхъ при помощи отношенія между количествами различнаго рода и ихъ предѣлами. Еслибъ, вмѣсто слова «моментъ» (количество движенія), мы должны были говорить «произведеніе числа единицъ скорости въ скорости на число единицъ массы въ массѣ», то, по всей вѣроятности, многія изъ истинъ динамики, усвоенныхъ теперь при помощи этой сложной идеи, ускользнули бы отъ нашего вниманія, оттого, что сама идея вызывалась бы недостаточно быстро и легко. И, переходя къ предметамъ, менѣе далекимъ отъ темъ общаго разговора,—еслибъ кто пожелалъ обратить общее вниманіе на какое-либо новое и непривычное различіе между вещами, то всего вѣрнѣе достигъ бы своей цѣли, изобрѣтя или выбравъ приличныя названія именно для обозначенія этихъ различій.

Цѣлый томъ, посвященный объясненію того, что авторъ разумѣетъ подъ образованіемъ, не создастъ такого живаго представленія объ образованіи, какое будетъ вызвано выраженіемъ, что цивилизація не то же, что образованіе. Сжатость этого короткаго обозначенія качества противопоставленіемъ ему другаго соотвѣтствуетъ длинному разсужденію. Точно такъ же, желая запечатлѣть въ умѣ и памяти различіе между двумя существующими понятіями о представительномъ правленіи, мы всего скорѣе достигнемъ этой цѣли, сказавъ, что избраніе депутатовъ не то же, что представительство страны. Едва ли хоть одна оригинальная мысль о духовныхъ или соціальныхъ предметахъ проникла въ общество или пріобрѣла должное значеніе, хотя бы въ умѣ своего изобрѣтателя, пока она не была какъ бы пригвождена удачно-выбраннымъ словомъ или выраженіемъ.

§ 4. Изъ трехъ существенныхъ частей философскаго языка оговорены нами двѣ: терминологія, удобная для точнаго описанія наблю-

денныхъ единичныхъ фактовъ, и названіе для каждаго общаго свойства, обнаруженнаго нами при сравненіи этихъ фактовъ и сколько-нибудь важнаго или интереснаго, включая сюда — какъ соотвѣтствующія этимъ отвлеченнымъ конкретныя—названія для классовъ, искусственно построенныхъ нами на основаніи этихъ свойствъ, или, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ классовъ, о которыхъ намъ часто случается что-либо высказывать.

Но существуютъ классы, для признанія которыхъ нѣтъ надобности въ такомъ трудномъ процессѣ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ выдѣляется отъ всѣхъ прочихъ не какимъ-либо однимъ свойствомъ, обнаруженіе котораго можетъ зависѣть отъ труднаго процесса отвлеченія, а совокупностью своихъ свойствъ. Я разумѣю существенные отдѣлы вещей (Kinds), въ смыслѣ, который былъ присвоенъ такимъ отдѣламъ настоящимъ сочиненіемъ. Подъ существеннымъ отдѣломъ, какъ припомнитъ читатель, мы разумѣемъ одинъ изъ тѣхъ классовъ, которые отличаются отъ всѣхъ прочихъ не однимъ или немногими опредѣленными свойствами, а неизвѣстнымъ множествомъ ихъ: сочетаніе свойствъ, служащее классу основаніемъ, представляетъ указаніе безчисленнаго множества другихъ отличительныхъ свойствъ. Классъ «лошадь» есть существенный отдѣлъ, потому что вещи, сходныя въ обладаніи признаковъ, по которымъ мы отличаемъ лошадь, сходны въ большемъ числѣ другихъ свойствъ, намъ извѣстныхъ, и, конечно, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ намъ извѣстно. Точно такъ же «животное» есть существенный отдѣлъ, потому что ни одно возможное опредѣленіе названія «животное» не исчерпало бы свойствъ, общихъ всѣмъ животнымъ, и не снабдило бы посылками, изъ которыхъ могли бы быть выведены всѣ остальныя общія свойства. А сочетаніе свойствъ, не доказывающее существованія другихъ независимыхъ особенностей, не порождаетъ существеннаго отдѣла. Поэтому «бѣлыя лошади» не существенный отдѣлъ: лошади, сходныя бѣлымъ цвѣтомъ, не сходны ни въ чемъ, кромѣ свойствъ, общихъ всѣмъ лошадямъ, и всего того, что можетъ быть причиною или слѣдствіемъ этого особаго цвѣта.

Согласно съ правиломъ, что каждая вещь, о которой намъ часто случается что-либо утверждать, должна имѣть названіе, слѣдовало бы, очевидно, присвоить особое названіе и каждому существенному отдѣлу. По самому смыслу существеннаго отдѣла, составляющія его особи обла-

даютъ неопредѣленнымъ множествомъ общихъ свойствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если не при настоящемъ нашемъ знаніи, то при свѣдѣніяхъ, доступныхъ намъ въ будущемъ, существенный отдѣлъ — такое подлежащее, которому придется приписывать много сказуемыхъ. Итакъ, третье основное правило философскаго языка состоитъ въ томъ, чтобы каждому существенному отдѣлу было присвоено особое названіе. Другими словами, необходима не только терминологія, но и номенклатура.

Слова «номенклатура» и «терминологія» употребляются большинствомъ авторовъ почти безразлично. Насколько мнѣ извѣстно, Уэвель былъ первый писатель, постоянно придававшій этимъ двумъ словамъ различное значеніе. Такъ какъ проведенное имъ различіе существенно и важно, то по данному примѣру, вѣроятно, послѣдуютъ и другіе. И, какъ часто случается съ успѣшными нововведеніями въ языкѣ, смутное понятіе о различіи дѣйствовало на употребленіе упомянутыхъ названій въ общежитіи еще до указанія выгоды различать ихъ философски. Всякій скажетъ, что реформа, произведенная Лавуазье и Гюитономъ-Морво въ языкѣ химіи, состояла въ установленіи новой номенклатуры, а не новой терминологіи. Называніе листьевъ линейными, ланцетовидными, овальными или продолговатыми, пилообразно- либо кругло-зубчатыми входитъ въ терминологію ботаники, тогда какъ названія «Viola odorata» (фіалка душистая) или «Ulex europæus» (колючій дрокъ или утесникъ) принадлежатъ къ номенклатурѣ.

Номенклатуру можно опредѣлить какъ собраніе названій всѣхъ существенныхъ отдѣловъ, разсматриваемыхъ какою-либо наукой, или, лучше, всѣхъ низшихъ отдѣловъ, *infimæ species*, — тѣхъ, которые могутъ быть, правда, подраздѣлены, но не на существенные отдѣлы, и которые, вообще, совпадаютъ съ тѣмъ, что въ естествознаніи называется просто видами. Наука представляетъ два блестящіе примѣра систематической номенклатуры: построенную Линнеемъ и его послѣдователями для животныхъ и растеній и номенклатуру химическую, которою мы обязаны знаменитому сонму французскихъ химиковъ конца восемнадцатаго столѣтія. Въ этихъ двухъ научныхъ областяхъ не только присвоено названіе каждому извѣстному виду, или низшему отдѣлу, но, по открытіи новыхъ низшихъ отдѣловъ, имъ тотчасъ же придаются названія по однообразному правилу. Въ другихъ наукахъ номенклатура еще

не построена сообразно какой-либо системѣ, или потому, что требующіе названія виды не настолько многочисленны, чтобы нуждаться въ номенклатурѣ (напр. въ геометріи), или потому, что никто еще не предложилъ удобнаго правила для такой системы, чему примѣромъ можетъ служить минералогія, въ которой недостатокъ научно-построенной номенклатуры составляетъ теперь главное препятствіе успѣхамъ.

§ 5. Слово, очевидно принадлежащее къ номенклатурѣ, отличается, повидимому, отъ другихъ конкретныхъ названій въ слѣдующемъ: смыслъ его заключается не въ его созначеніи, не въ принадлежащихъ къ послѣднему свойствахъ, а въ значеніи, т. е. въ особой группѣ вещей, которую оно должно обозначать, и потому такое слово не можетъ быть разъясняемо опредѣленіемъ, а должно становиться извѣстнымъ какъ-либо иначе. Мнѣніе это кажется мнѣ, однако, ошибочнымъ. Слова, принадлежащія къ номенклатурѣ, отличаются, какъ я думаю, отъ другихъ словъ преимущественно тѣмъ, что, кромѣ обыкновеннаго созначенія, они обладаютъ еще особымъ, собственнымъ созначеніемъ: соозначая нѣкоторыя свойства, они соозначаютъ еще и то, что эти свойства отличаютъ существенный отдѣлъ. Такъ, названіе «перекись желѣза», принадлежа, по своей формѣ, къ систематической номенклатурѣ химіи, на первый же взглядъ заявляетъ себя какъ названіе особаго существеннаго отдѣла веществъ. Кромѣ того, подобно названію всякаго другаго класса, оно соозначаетъ извѣстную часть свойствъ, общихъ классу: что перекись желѣза есть соединеніе желѣза съ наибольшимъ, по вѣсу, количествомъ кислорода, съ какимъ желѣзо можетъ соединиться ([1]). Слѣдовательно, созначеніе названія «перекись желѣза» обнимаетъ двѣ вещи: фактъ, что перекись желѣза есть такое соединеніе, и фактъ, что она составляетъ существенный отдѣлъ. Поэтому, говоря о предлежащемъ веществѣ, что оно—перекись желѣза, мы, вопервыхъ, утверждаемъ, что оно есть соединеніе желѣза и наибольшаго количества кислорода, и, вовторыхъ, что образовавшееся такимъ путемъ вещество составляетъ особый существенный отдѣлъ веществъ.

Эта вторая часть созначенія слова, входящаго въ номенклатуру,

---

([1]) Существуетъ, правда, еще высшій окисель желѣза, желѣзная кислота, но не въ свободномъ состояніи. *Прим. нѣм. пер.*

столь же существенна въ его созначеніи, какъ и первая. Опредѣленіе же можетъ заявить только первую часть; оттого и кажется, что значеніе такихъ названій не можетъ быть выяснено опредѣленіемъ. Но это только кажется. Названіе *Viola odorata* означаетъ отдѣлъ, признаки котораго, въ числѣ, достаточномъ для отличенія, излагаются въ ботаническихъ сочиненіяхъ. Это перечисленіе признаковъ, конечно, какъ и въ другихъ случаяхъ, опредѣленіе названія. Нѣтъ, говорятъ нѣкоторые, это не опредѣленіе, потому что названіе *Viola odorata* не означаетъ этихъ признаковъ; оно означаетъ лишь особую группу растеній, а признаки выбираются изъ гораздо большаго числа признаковъ, только какъ отличія группы. Но на это я отвѣчу, что названіе не означаетъ группы; оно будетъ прилагаться къ ней лишь пока группа считается за низшій видъ *(infima species)*; еслибъ оказалось, что нѣсколько различныхъ отдѣловъ было смѣшиваемо подъ этимъ однимъ названіемъ, то никто не сталъ бы уже прилагать названіе *Viola odorata* ко всей группѣ, а, удержавъ названіе, присвоилъ бы его лишь одному изъ отдѣловъ, заключающихся въ группѣ. Слѣдовательно, необходимо не то, чтобы названіе означало особое собраніе предметовъ, а чтобы оно означало отдѣлъ, и отдѣлъ низшій. Форма названія показываетъ, что во всякомъ случаѣ оно должно означать низшій видъ *(infima species)* и что, поэтому, соозначаемыя имъ свойства, выраженныя въ опредѣленіи, должны быть соозначаемы названіемъ лишь пока мы остаемся въ убѣжденіи, что свойства эти, встрѣчаясь вмѣстѣ, означаютъ существенный отдѣлъ и что совокупность ихъ встрѣчается не болѣе, какъ въ одномъ отдѣлѣ.

Съ прибавкою этого особаго созначенія, обнимаемаго формою каждаго названія въ систематической номенклатурѣ, рядъ признаковъ, употребляемый для отличенія одного отдѣла отъ всѣхъ прочихъ отдѣловъ (и образующій дѣйствительное опредѣленіе), составляетъ, такъ же полно, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, все значеніе названія. Тщетно было бы возраженіе, что рядъ признаковъ можетъ быть измѣненъ (какъ часто случается въ естествознаніи), и вмѣсто него принятъ другой, какъ болѣе удобный для различенія, между тѣмъ какъ слово, продолжая означать ту же группу вещей, не будетъ считаться получившимъ новое значеніе. Тому же подвержено всякое общее названіе: измѣняя его созначеніе, мы можемъ не касаться его значенія, и это, обыкновенно,

даже желательно. Тѣмъ не менѣе, созначеніе составляетъ настоящій смыслъ названія, потому что мы прилагаемъ названіе, какъ только встрѣчаются признаки, стоящіе въ опредѣленіи; а что исключительно руководитъ нами въ приложеніи названія, должно составлять его значеніе. Если, вопреки нашему прежнему мнѣнію, мы находимъ, что признаки принадлежатъ не одному виду, то мы перестаемъ употреблять названіе въ предѣлахъ распространенія признаковъ, но потому, что отпадаетъ другая часть созначенія,—условіе, чтобы классъ былъ существеннымъ отдѣломъ. Слѣдовательно, и тутъ созначеніе остается смысломъ названія; рядъ описательныхъ признаковъ составляетъ вѣрное опредѣленіе, и смыслъ названія раскрывается, правда, не однимъ опредѣленіемъ (какъ въ другихъ случаяхъ), а вмѣстѣ и опредѣленіемъ, и формою слова.

§ 6. Теперь мы разсмотрѣли, что́ обнимается двумя главными требованіями философскаго языка: во-первыхъ, точность, или опредѣленность, и, во-вторыхъ, полнота. Всѣ дальнѣйшія замѣтки о способѣ построенія номенклатуры должны быть отложены до того времени, когда мы будемъ говорить о классификаціи, такъ какъ способъ называть отдѣлы вещей необходимо подчиненъ способу сопоставлять эти отдѣлы въ болѣе обширные классы. Что касается менѣе важныхъ требованій терминологіи, то нѣкоторыя изъ нихъ хорошо изложены и объяснены примѣрами въ «Афоризмахъ о научномъ языкѣ», помѣщенныхъ въ Уэвелевой Философіи индуктивныхъ наукъ. По меньшей важности ихъ въ отношеніи къ Логикѣ, я не буду на нихъ останавливаться, а ограничу свои замѣтки свойствомъ, которое, послѣ двухъ разсмотрѣнныхъ нами, кажется наиболѣе важнымъ изъ могущихъ принадлежать научному языку. Общее понятіе о немъ можетъ быть дано слѣдующимъ афоризмомъ:

Когда процессы умозаключенія, по природѣ предмета, о которомъ идетъ дѣло, могутъ, безъ опасности, совершаться механически, — языкъ слѣдовало бы построить на возможно-механическихъ началахъ; въ противномъ случаѣ его слѣдуетъ построить такъ, чтобы представлялись возможно-большія препятствія къ чисто-механическому его употребленію.

Знаю, что правило это требуетъ пространныхъ поясненій. Я не замедлю дать ихъ. Вопервыхъ, что разумѣется подъ механическимъ употребленіемъ языка? Примѣромъ вполнѣ или крайне-механическаго употребленія его можетъ служить пользованіе языкомъ безъ всякаго со-

знанія значенія, когда мы сознаемъ лишь то, что употребляемъ извѣстные видимые или слышимые знаки сообразно прежде-установленнымъ техническимъ правиламъ. Этотъ крайній случай представляютъ лишь цифры и алгебрическіе знаки, единственный, въ своемъ родѣ, языкъ, который, для поставленныхъ ему цѣлей, едвали не ближе къ совершенству, чѣмъ любое созданіе человѣческаго ума. Совершенство этого языка состоитъ въ полномъ приспособленіи его къ чисто-механическому употребленію. Знаки — лишь счетныя марки, не имѣющія и призрака значенія, кромѣ условія, обновляемаго при каждомъ ихъ употребленіи и измѣняемаго при каждомъ обновленіи, такъ какъ одинъ и тотъ же знакъ *a* или *x* употребляется въ различныхъ случаяхъ для изображенія вещей, не обладающихъ ни однимъ общимъ свойствомъ (развѣ то, что, подобно всѣмъ вещамъ, они допускаютъ счетъ [1])). Поэтому, ничто не отвлекаетъ ума отъ ряда предстоящихъ механическихъ дѣйствій надъ знаками, каковы: возведеніе въ квадратъ обоихъ членовъ уравненія, умноженіе или дѣленіе на тѣ же или равнозначащіе символы, и проч. Каждое изъ этихъ дѣйствій соотвѣтствуетъ, правда, силлогизму, представляетъ одинъ шагъ умозаключенія, относящійся не къ знакамъ, а къ означаемымъ ими вещамъ. Но такъ какъ оказалось возможнымъ построить техническую форму, сообразуясь съ которою мы можемъ обезпечить отысканіе результата умозаключенія, то цѣль наша можетъ быть вполнѣ достигнута и безъ мысли нашей о чемъ-либо, кромѣ знаковъ. При этомъ чисто-механическомъ назначеніи знаки обладаютъ и необходимыми качествами механизма. Они возможно-меньшаго объема, такъ что едва занимаютъ мѣсто, и при дѣйствіяхъ надъ ними не теряется времени; они кратки и могутъ быть сближены до такой степени, что глазъ окидываетъ разомъ почти всякое дѣйствіе, для совершенія котораго они употребляются.

Эти удивительныя свойства символическаго языка математики произвели на нѣкоторыхъ мыслителей такое сильное впечатлѣніе, что побудили ихъ считать этотъ языкъ идеаломъ философскаго языка вообще; породили въ нихъ мысль, что всѣ названія, или (какъ эти мыслители

---

[1]) Считать можно не все, а только части однѣхъ и тѣхъ же *величинъ*, собирая ихъ въ одно цѣлое. *П. Л.*

любятъ называть ихъ) знаки, приспособлены къ цѣлямъ мысли въ мѣрѣ приближенія къ сжатости, совершенному отсутствію значенія и способности служить счетными знаками безъ возбужденія мысли о томъ, что они представляютъ, — въ мѣрѣ приближенія къ свойствамъ, характеризующимъ алгебрическіе знаки a и b, x и y. Это понятіе привело къ мечтамъ объ ускореніи успѣховъ науки средствами, которыя, думаю я, отнюдь не могутъ привести къ этой цѣли; оно принадлежитъ къ тому преувеличенному мнѣнію о вліяніи знаковъ, которое не мало препятствовало правильному пониманію дѣйствительныхъ законовъ нашихъ умственныхъ отправленій.

Вопервыхъ, рядъ знаковъ, помощью которыхъ мы умозаключаемъ, не сознавая ихъ значенія, можетъ служить намъ, по бо̀льшей мѣрѣ, лишь въ выводныхъ процессахъ. Въ прямыхъ наведеніяхъ мы ни минуты не можемъ обойтись безъ отчетливаго умственнаго образа явленія, такъ какъ весь процессъ вращается на воспріятіи особенностей, въ которыхъ эти явленія сходны или различны. Сверхъ того, это умозаключеніе по счетнымъ знакамъ пригодно только для весьма ограниченной части даже нашихъ выводныхъ процессовъ. Въ наши умозаключенія относительно чиселъ намъ случается вводить лишь слѣдующіе общіе принципы: «Вещи, равныя одной и той же вещи, равны между собою»; «Суммы и разности равныхъ вещей равны», и различныя слѣдствія изъ этихъ началъ. Такъ какъ они вѣрны относительно всѣхъ возможныхъ величинъ, то въ примѣнимости ихъ не можетъ возникнуть сомнѣнія; мало того: всѣ допускаемыя ими примѣненія могутъ быть сведены на техническія правила, каковы, на дѣлѣ, всѣ правила счисленія. Но знаки могутъ представлять не одни числа, а какія-либо иныя вещи, напримѣръ, хотя бы прямыя или кривыя линіи; въ послѣднемъ случаѣ намъ предстоитъ прилагать теоремы геометрическія, которыя истинны *не* о всѣхъ линіяхъ безъ исключенія, и выбирать изъ нихъ истинныя о линіяхъ, служащихъ предметомъ умозаключенія. А можно ли исполнить это, не помня твердо, какія именно это линіи? Такъ какъ добавочныя геометрическія истины могутъ быть введены въ умозаключеніе на всякой его ступени, то мы не можемъ дозволить себѣ, даже въ теченіе малѣйшей его части, употреблять названія механически, не соединяя съ ними никакого образа (какъ мы употребляемъ алгебрическіе знаки). Лишь тогда знаки,

лишенные содержанія, могутъ быть полезны, а природу самихъ изслѣдуемыхъ фактовъ лишь тогда дозволено упустить изъ виду, когда мы удостовѣрились, что рѣшеніе вопроса относительно линій можно сдѣлать зависящимъ отъ нѣкотораго предварительнаго вопроса относительно чиселъ, или, другими словами (выражаясь технически), лишь по приведеніи вопроса къ уравненію. До этого времени языкъ математическихъ умозаключеній, по природѣ своей, не разнится отъ языка, употребляемаго строгими мыслителями о всякомъ другомъ родѣ предметовъ.

Я не отвергаю, что всякое правильное умозаключеніе, будучи облечено въ форму силлогизма, доказательно по самой формѣ выраженія, лишь бы ни одно изъ употребленныхъ названій не было двусмысленно. Это одно изъ обстоятельствъ, подавшихъ нѣкоторымъ писателямъ мысль, что еслибъ всѣ названія были составлены настолько разсудительно и опредѣлены дотого тщательно, что не допускали бы никакой двусмысленности, то сдѣланное такимъ образомъ усовершенствованіе въ языкѣ не только придало бы каждой выводной наукѣ, въ ея заключеніяхъ, одинаковую достовѣрность съ математикой, но свело бы всѣ умозаключенія на приложеніе технической формы и дало бы возможность разумно признавать ихъ доказательность послѣ простаго механическаго процесса, какъ это, несомнѣнно, дѣлается въ алгебрѣ. Но, кромѣ геометріи, заключенія которой уже достигли возможной достовѣрности и точности, только въ наукѣ чиселъ практическая сила умозаключенія можетъ быть замѣтна лицу, обратившему вниманіе лишь на форму процесса. Кто согласенъ со сказаннымъ въ предшествующей книгѣ о случаѣ составленія причинъ и объ еще болѣе рѣзкомъ случаѣ полной замѣны одного ряда законовъ другимъ, тотъ знаетъ, что геометрія и алгебра суть единственныя науки, въ которыхъ предложенія безусловно истинны: общія предложенія всѣхъ другихъ наукъ истинны лишь гипотетически, при *предположеніи*, что не встрѣтится никакой противодѣйствующей причины. Поэтому, какъ бы правильно ни было, по формѣ, выведено заключеніе изъ признанныхъ законовъ природы, оно будетъ обладать лишь гипотетическою достовѣрностью. На каждомъ шагу мы должны убѣдиться въ томъ, что никакой другой законъ природы не замѣнилъ законовъ, служащихъ намъ посылками въ умозаключеніи, и не примѣшалъ къ этимъ законамъ своего дѣйствія. А можемъ ли мы убѣ-

диться въ этомъ, лишь смотря на слова? Мы должны постоянно не только думать о самихъ явленіяхъ, но изучать ихъ: знакомиться съ особенностями каждаго случая, къ которому мы пытаемся приложить наши общія начала.

Какъ философскій языкъ, алгебрическое обозначеніе въ совершенствѣ приспособлено къ обыкновенному своему употребленію: къ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ сведено уже на опредѣленіе отношенія между числами. Но какъ бы алгебрическое обозначеніе ни было хорошо для своей собственной цѣли, однако приспособляющія его къ этому свойства такъ мало дѣлаютъ его идеальнымъ образцомъ философскаго языка вообще, что чѣмъ болѣе языкъ какой-либо другой науки приближается къ алгебрическому обозначенію, тѣмъ менѣе онъ соотвѣтствуетъ своему собственному назначенію. Во всѣхъ другихъ наукахъ, вмѣсто мѣръ, которыя не давали бы нашему вниманію развлекаться размышленіемъ о смыслѣ нашихъ законовъ, желательны мѣры, которыя отнюдь не позволяли бы намъ даже на минуту терять изъ виду этотъ смыслъ.

Сообразно такому взгляду, въ самое слово при его образованіи должно влагать возможно болѣе смысла, употребляя производство и аналогію для поддержки сознанія всего, что означается словомъ. Въ этомъ отношеніи громаднымъ преимуществомъ пользуются языки, которые, подобно нѣмецкому, образуютъ свои сложныя и производныя слова отъ собственныхъ корней, не заимствуя ихъ отъ чужаго и мертваго языка, особенно въ такой степени, какъ это дѣлаютъ англійскій, французскій и итальянскій. Въ лучшихъ условіяхъ находятся языки, образующіе слова по опредѣленнымъ аналогіямъ, которыя соотвѣтствуютъ отношеніямъ между выражаемыми идеями. Это дѣлаютъ, болѣе или менѣе, всѣ языки,—особенно, между новыми европейскими, нѣмецкій; но и онъ уступаетъ греческому, въ которомъ отношеніе между значеніемъ производнаго слова и смысломъ кореннаго обыкновенно ясно выражается способомъ образованія, — за исключеніемъ словъ составныхъ съ предлогами, которыя часто, въ обоихъ этихъ языкахъ, чрезвычайно неправильны.

Но все, чего можно достигнуть способомъ образованія словъ, чтобъ они не выродились въ звуки, проходящіе сквозь умъ безъ всякаго опре-

дѣленнаго понятія объ ихъ значеніи, далеко недостаточно. Слова, какъ бы хорошо они ни были первоначально составлены, всегда, подобно монетѣ, утрачиваютъ въ обращеніи свой чеканъ. Единственный возможный способъ обновить его состоитъ въ томъ, чтобы постоянно отчеканивать слова заново, не переставая созерцать самыя явленія и не довольствуясь знакомствомъ съ выражающими ихъ словами. Пусть кто-либо, узнавъ изложенные въ словахъ законы явленій, сообщенные ли ему другими, или открытые имъ самимъ, согласится впредь жить между этими формулами, думать исключительно о нихъ и прилагать ихъ по мѣрѣ возниканіе случаевъ, не обновляя знанія явленій, изъ которыхъ эти законы выведены. Онъ будетъ постоянно терпѣть неудачи на практикѣ, потому что будетъ прилагать свои формулы безъ должнаго обсужденія, не измѣняются или не устраняются ли онѣ, въ данномъ случаѣ, другими законами природы. Мало того: постепенно онъ забудетъ и смыслъ самыхъ формулъ и, наконецъ, даже не будетъ способенъ узнать съ достовѣрностью, подпадаетъ ли случай его формуламъ, или нѣтъ. Короче, во всѣхъ нематематическихъ предметахъ необходимо, чтобы вещи, о которыхъ мы умозаключаемъ, представлялись намъ конкретно, «облеченными въ обстоятельства», точно такъ же, какъ въ алгебрѣ мы должны старательно устранять изъ виду всѣ обособляющія частности.

Этою замѣткой мы заключаемъ наши разсужденія о философіи языка.

ГЛАВА VII.

О КЛАССИФИКАЦІИ, КАКЪ ПОСОБІИ НАВЕДЕНІЮ.

§ 1. Какъ уже не разъ было сказано въ этомъ сочиненіи, существуетъ классификація вещей, нераздѣльная съ фактомъ, что вещамъ придаются общія названія. Каждое названіе, соозначающее какое-либо свойство, тѣмъ самымъ дѣлитъ всѣ возможныя вещи на два класса: обладающія этимъ свойствомъ и не обладающія, — вещи, которымъ на-

званіе можетъ быть придано, и вещи, которымъ оно чуждо. И установленное такимъ образомъ дѣленіе есть дѣленіе не только вещей, дѣйствительно существующихъ или извѣстныхъ за существующія, но и всѣхъ тѣхъ, которыя могутъ быть открыты впослѣдствіи, и даже всѣхъ вообразимыхъ.

Объ этомъ родѣ классификаціи намъ нечего прибавлять къ сказанному раньше. Классификація, которую мы должны обсудить какъ отдѣльный духовный процессъ, совершенно отлична отъ этой. Въ одной — сопоставленіе предметовъ въ группы и распредѣленіе ихъ на разряды есть дѣйствіе лишь случайное, вытекающее изъ употребленія названій, данныхъ съ другою цѣлью, именно: выразить только нѣкоторыя изъ свойствъ вещей. Въ другой классификаціи — главная цѣль заключается въ сопоставленіи и распредѣленіи, а называніе есть дѣйствіе второстепенное и не только не управляетъ болѣе важнымъ, а преднамѣренно бываетъ ему подчиняемо.

Съ этой точки зрѣнія, классификація есть мѣра для возможно-лучшаго приведенія въ порядокъ, въ нашемъ умѣ, идей о предметахъ: она причиною, что идеи сопровождаютъ одна другую или слѣдуютъ одна за другою въ такомъ порядкѣ, который даетъ намъ наибольшую власть надъ пріобрѣтеннымъ уже нами знаніемъ и всего прямѣе ведетъ къ дальнѣйшему его пріобрѣтенію. Въ этомъ отношеніи задача классификаціи можетъ быть изложена, вообще, слѣдующимъ образомъ: заставить думать о вещахъ въ такихъ группахъ, а объ этихъ группахъ въ такомъ порядкѣ, чтобы скорѣе всего запомнить и обнаружить ихъ законы.

Классификація, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, отличается отъ классификаціи въ обширнѣйшемъ смыслѣ, относясь исключительно къ предметамъ, дѣйствительно существующимъ, а не ко всѣмъ вообразимымъ вещамъ: цѣль ея заключается въ должномъ сопоставленіи въ нашихъ умахъ лишь тѣхъ вещей, со свойствами которыхъ мы въ самомъ дѣлѣ имѣемъ случай ознакомиться. Но, съ другой стороны, такая классификація обнимаетъ *всѣ* дѣйствительно-существующіе предметы. Мы не можемъ правильно установить ни одного класса, безъ отношенія къ общему дѣленію цѣлой природы; не можемъ опредѣлить группы, въ которую приличнѣе всего можно помѣстить данный предметъ, безъ

соображенія всѣхъ различій между существующими предметами, — по крайней мѣрѣ, всѣми, представляющими какую-либо степень сродства съ даннымъ предметомъ. Ни одно семейство растеній или животныхъ не можетъ быть разумно установлено, если не признавать его частью систематическаго распорядка всѣхъ растеній или животныхъ; а такой общій порядокъ не можетъ быть правильно установленъ, безъ предварительнаго точнаго опредѣленія мѣста, занимаемаго растеніями и животными въ какомъ либо общемъ дѣленіи природы.

§ 2. Нѣтъ такого свойства предметовъ, которое нельзя было, бы пожалуй, принять за основаніе для классификаціи или умственной группировки этихъ предметовъ, и въ нашихъ первыхъ попыткахъ мы, вѣроятно, выберемъ для этой цѣли свойства простыя, которыя легко себѣ представить и которыя замѣтны на первый взглядъ, безъ всякаго предварительнаго процесса мысли Такъ, Турнфорова классификація растеній была основана на формѣ и дѣленіи вѣнчика, а называемая обыкновенно Линнеевой (хотя Линней предложилъ и другую, болѣе научную классификацію) — основана, главнымъ образомъ, на числѣ тычинокъ и пестиковъ.

Но эти классификаціи, хотя и представляютъ сначала выгоду въ легкомъ опредѣленіи, къ какому классу принадлежитъ данная особь, рѣдко хорошо приноровлены къ цѣлямъ той классификаціи, которая составляетъ предметъ нашихъ теперешнихъ замѣтокъ. Линнеевъ порядокъ заставляетъ насъ, правда, думать разомъ о всѣхъ отдѣлахъ растеній, которые обладаютъ одинаковымъ числомъ тычинокъ и пестиковъ; но такая мысль о нихъ приноситъ мало пользы, потому что намъ рѣдко приходится утверждать что-либо общее растеніямъ съ даннымъ числомъ тычинокъ и пестиковъ. Еслибъ растенія класса пятимужія, разряда одноженства ([a]) были сходны во всѣхъ другихъ свойствахъ, то привычка думать и говорить объ этихъ растеніяхъ подъ однимъ общимъ названіемъ напоминала бы намъ эти общія свойства, насколько они обнаружены, и побуждала бы насъ отъискивать тѣ изъ нихъ, ко-

([a]) Растенія съ 5-ю свободными, равнодлинными тычинками и однимъ пестикомъ. *Пер.*

торыя еще неизвѣстны. Но этого нѣтъ, и Линнеева классификація оказываетъ мысли лишь ту услугу, что позволяетъ намъ лучше запомнить настоящее число тычинокъ и пестиковъ каждаго рода растеній. А это свойство не важно и мало интересно; слѣдовательно, и запоминаніе его съ особенною точностью не имѣетъ большаго значенія. А такъ какъ, представляя себѣ растенія обыкновенно въ этихъ группахъ, мы отлучаемся отъ представленія ихъ себѣ въ группахъ, обладающихъ бо́льшимъ числомъ общихъ свойствъ, то дѣйствіе такой классификаціи на наши привычки мышленія, если мы будемъ систематично держаться ея, должно быть признано вреднымъ.

Наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ научной классификаціи, когда предметы сопоставляются въ группы, относительно которыхъ можетъ быть построено бо́льшее число и болѣе-важныхъ предложеній, чѣмъ относительно какихъ-либо другихъ группъ, на которыя могли бы быть распредѣлены тѣ же самыя вещи. Поэтому, предметы слѣдовало бы распредѣлять, по возможности, сообразно свойствамъ, которыя суть причины многихъ другихъ свойствъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ вѣрные признаки. Причины должно предпочитать, какъ самые вѣрные и прямые признаки, а равно и потому, что сами онѣ суть свойства, на которыя наиболѣе полезно обращать пристальное вниманіе. Но свойство, составляющее причину главныхъ особенностей класса, къ несчастію, рѣдко способно служить и признакомъ класса. Вмѣсто причины мы обыкновенно принуждены выбирать которыя-либо изъ ея наиболѣе замѣтныхъ дѣйствій, могущія служить признаками другихъ дѣйствій и признаками причины.

Построенная такимъ образомъ классификація есть дѣйствительно научная и философская и называется обыкновенно естественною, въ противоположность технической или искусственной. Выраженіе «естественная классификація», повидимому, всего приложимѣе къ такимъ распредѣленіямъ, которыя, въ установляемыхъ ими группахъ, соотвѣтствуютъ естественнымъ склонностямъ ума, сопоставляя предметы, наиболѣе сходные общимъ видамъ, — въ противоположность тѣмъ техническимъ системамъ, которыя, распредѣляя вещи сообразно ихъ сходству въ какомъ-либо произвольно выбранномъ обстоятельствѣ, часто относятъ въ одну и ту же группу предметы, въ общей совокупности своихъ свойствъ

не представляющіе никакого сходства, а въ различныя и отдаленныя группы относятъ вещи, чрезвычайно сходныя. Одно изъ самыхъ сильныхъ правъ всякой классификаціи на научность составляетъ то, чтобы она была естественною и въ этомъ смыслѣ, потому что доказательствомъ ея естественнаго характера служитъ число и важность общихъ свойствъ, которыя можно приписать всѣмъ предметамъ, включеннымъ въ группу; а свойства, отъ которыхъ зависитъ общій видъ вещей, важны уже на одномъ этомъ основаніи, а въ бо́льшей части случаевъ и многочисленны. Но, какъ ни сильно упомянутое право, это обстоятельство не есть условіе непремѣнное *(sine qua non)*, такъ какъ самыя очевидныя свойства вещей могутъ быть вовсе не важны въ сравненіи съ другими, не очевидными. Мнѣ случалось читать, какъ обвиненіе Линнеевой классификаціи въ великой нелѣпости, что она помѣщаетъ фіалку рядомъ съ дубомъ (чего, мимоходомъ сказать, она не дѣлаетъ). Она, конечно, разрываетъ естественныя сродства и сопоставляетъ растенія, столь же несходныя, какъ дубъ и фіалка. Но различіе, повидимому столь сильное, которое дѣлаетъ сопоставленіе этихъ двухъ растеній такимъ удобнымъ образчикомъ плохаго распредѣленія, состоитъ въ глазахъ большинства, главнымъ образомъ, только въ размѣрахъ и ткани, и если мы пожелаемъ принять классификацію, наименѣе подвергающую насъ опасности подобныхъ *сближеній*, то должны будемъ возвратиться къ забытому дѣленію на деревья, кусты и травы. А это дѣленіе, хотя оно весьма важно относительно одного общаго наружнаго вида, однако (въ сравненіи даже съ небольшимъ и неочевиднымъ различіемъ между двусѣмянодольными и односѣмянодольными) соотвѣтствуетъ дотого немногимъ различіямъ въ другихъ свойствахъ растеній, что основанная на немъ классификація (помимо неясности границъ) была бы такая же искусственная и техническая, какъ и Линнеева.

Итакъ, часто наши естественныя группы должны основываться не на очевидныхъ, а на неявныхъ свойствахъ вещей, если эти послѣднія свойства важнѣе. Но въ такихъ случяахъ необходимо, чтобы съ ними сосуществовало какое-либо другое свойство или сосуществовалъ рядъ другихъ свойствъ, которыя были бы легче открываемы наблюдателемъ и могли бы быть приняты за признаки свойствъ, составляющихъ настоя-

щее основаніе классификаціи. Напримѣръ, естественный распорядокъ животныхъ долженъ, главнымъ образомъ, опираться на ихъ внутреннее строеніе, но, какъ справедливо замѣчали, былъ бы нелѣпъ, еслибъ мы не могли опредѣлить рода и вида животнаго, не убивъ его. И потому, между зоологическими классификаціями, должно, повидимому, отдать предпочтеніе классификаціи Бленвилля [1]), основанной на различіяхъ во внѣшнихъ покровахъ, — различіяхъ, которыя точнѣе, чѣмъ можно предположить, соотвѣтствуютъ дѣйствительно важнымъ различіямъ какъ въ другихъ частяхъ организма, такъ и въ правахъ и исторіи животныхъ.

Это сильнѣе всего другаго показываетъ, какое обширное знаніе свойствъ предметовъ требуется для построенія хорошей классификаціи. Одна изъ выгодъ ея состоитъ въ томъ, что, привлекая наше вниманіе

---

[1]) *Система Бленвилля:*

Зигозои (парныя)	Остеозои (костистыя)	млекопитающія, птицы, птеродактили, пресмыкающіяся, ихтіозавры, амфибіи, рыбы.
	Энтомозои (членистыя)	шестиногія (насѣкомыя), осьминогія (паукообразныя), десятиногія, гетероподы (съ перем. числ. ногъ), четырнадцатиногія, тысяченожки, мягкопогія, хетоподы (ноги членистыя), безногія.
	Малакозои (членистыя, моллюски)	кефалины (голова ясная), кефалидьяны (гол. мало отдѣленная), безголовыя.
Актинозои (лучистыя)		кирродермы (кожа покрыта присосками), арахнодермы (тонкокожія), зоантеры (съ толстыми и многочисленными щупальцами), полиповыя (питеобразныя щупальца), зоофитныя (перистыя щупальца).
Гетерозои (несимметричныя)		аморфозои.

на свойства, служащія основаніемъ распредѣленію и, если оно хорошо, признаками многихъ другихъ свойствъ, такая классификація облегчаетъ открытіе этихъ свойствъ. Изъ этого видно, какъ наше знаніе вещей и ихъ классификація безконечно стремятся ко взаимному усовершенствованію.

Мы сейчасъ сказали, что классификація предметовъ должна бы основываться на тѣхъ изъ ихъ свойствъ, которыя указываютъ не только самыя многочисленныя, но и самыя важныя особенности. Что же считать важнымъ? Это касается особой, имѣющейся въ виду цѣли, и потому одни и тѣ же предметы могутъ удобно допускать нѣсколько различныхъ классификацій. Каждая наука и каждое искусство строятъ свои классификаціи вещей сообразно свойствамъ, которыя они спеціально разсматриваютъ или должны принимать во вниманіе для достиженія своихъ особыхъ практическихъ цѣлей. Сельскій хозяинъ не дѣлитъ растеній, подобно ботанику, на односѣмянодольныя и двусѣмянодольныя, а отличаетъ полезныя отъ сорныхъ. Геологъ дѣлитъ ископаемые остатки не такъ, какъ зоологъ, на семейства, соотвѣтствующія теперешнимъ, а на остатки вторичнаго и третичнаго періодовъ, лежащіе подъ каменнымъ углемъ и надъ нимъ, и т. д. Киты рыбы или не рыбы, смотря по цѣли, съ которой мы ихъ разсматриваемъ. «Говоря о внутреннемъ строеніи и физіологіи этого животнаго, не должно называть его рыбой, потому что въ этихъ отношеніяхъ оно сильно разнится отъ рыбъ: обладаетъ теплою кровью и родитъ и кормитъ своихъ дѣтенышей подобно млекопитающимъ суши. Но это не мѣшаетъ относить китоловство къ *рыбной ловлѣ* ([a]) и называть кита *рыбой* во всѣхъ случаяхъ, касающихся этого промысла, потому что обнимаемыя этимъ отношенія касаются лишь того, что китъ живетъ въ водѣ и ловится такимъ же способомъ, какъ и рыбы [1]). Искъ, основанный на томъ, что законы, говорящіе о рыбахъ, не касаются китовъ, былъ бы немедленно отвергнутъ умнымъ судьей [*]).»

([a]) Англичане и нѣмцы прямо называютъ китоловство рыбною ловлей: whalefishery, Wallfischfang. *Пер.*

[1]) Едвали можно согласиться съ Уэвелемъ и Миллемъ допустить здѣсь употребленіе слова *рыба*, подводя подъ него и кита. Лучше употребить термины: морскія животныя, водныя животныя и т. п. *П. Л.*

[*]) *Novum Organum Renovatum*, pp. 286, 287.

Всѣ эти различныя классификаціи хороши для цѣлей особыхъ отраслей знанія или практической дѣятельности. Но, изучая предметы не со спеціальною практическою цѣлью, а для расширенія нашего знанія о всѣхъ ихъ особенностяхъ и отношеніяхъ, мы должны считать наиболѣе важными тѣ свойства, которыя, или сами собою, или своимъ дѣйствіями наиболѣе способствуютъ обнаруженію сходства между данными вещами и отличія ихъ отъ прочихъ; которыя придаютъ состоящему изъ этихъ вещей классу наиболѣе рѣзкую особенность; которыя, такъ сказать, наиболѣе занимаютъ мѣста въ ихъ существованіи и произвели бы самое сильное впечатлѣніе на зрителя, знающаго всѣ ихъ свойства, но не заинтересованнаго, въ видахъ спеціальной цѣли, ни однимъ изъ нихъ. Построенные на этомъ началѣ классы могутъ, съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ всѣ другіе, быть названы естественными группами.

§ 3. Относительно этихъ группъ Уэвель изложилъ теорію, основанную на важной истинѣ, которую онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, высказалъ и объяснилъ весьма удачно, но, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ безошибочно. По обѣимъ этимъ причинамъ будетъ полезно привести ученіе Уэвеля въ подлинныхъ его словахъ *).

По теоріи Уэвеля «естественныя группы даются типомъ, а не опредѣленіемъ». Это соображеніе объясняетъ ту «неопредѣленность и нерѣшительность, которая часто замѣтна въ очертаніяхъ такихъ группъ и должна казаться столь странною и непослѣдовательною всякому, кто не предполагаетъ, что эти очертанія имѣютъ болѣе твердое основаніе сближеній, чѣмъ произвольный выборъ батаника. Такъ намъ говорятъ, что въ семействѣ розовыхъ *сѣменныя почечки весьма рѣдко* прямостоячія, а *рыльца обыкновенно* простыя. Спрашивается: какую пользу могутъ принести такія неопредѣленныя описанія? На это отвѣчаютъ, что онѣ помѣщаются не для отличенія вида, а съ цѣлью очертить семейство, и что отношенія сѣменныхъ почечекъ и рыльцъ въ семействѣ лучше познаются изъ этого общаго положенія. То же замѣчаніе можно сдѣлать относительно аномалій каждой группы, которыя встрѣчаются такъ часто, что Линдлей [1]), въ своемъ *Введеніи къ естественной бота-*

*) *History of Scientific Ideas*, II, pp. 120 — 122.

[1]) Джонъ Линдлей, современный англійскій ботаникъ, род. 1799 г. и написалъ, кромѣ указаннаго, еще много другихъ ботаническихъ сочиненій. Онъ былъ однимъ изъ

нической системѣ (Introduction to the Natural System of Botany), излагаетъ Аномаліи особымъ параграфомъ въ каждомъ семействѣ. Такъ, въ признаки розовыхъ входитъ, что листья у нихъ попеременные, съ прилистниками, а сѣмена безъ бѣлка. Между тѣмъ, у *Lowea*, одного изъ родовъ этого семейства, прилистниковъ нѣтъ, а у другаго рода, Neillia, есть бѣлокъ. Это, какъ мы уже видѣли, доказываетъ, что искусственная характеристика (или, какъ называетъ ее Линдлей, діагностика) несовершенна. Она почти, но не точно совпадаетъ съ естественною группою, и потому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такая характеристика уступаетъ общему значенію естественнаго сродства.

«Эти представленія — о классахъ, опредѣляемыхъ признаками, которые не могутъ быть выражены словами, — о предложеніяхъ, высказывающихъ то, что встрѣчается не во всѣхъ случаяхъ, а лишь обыкновенно, — объ особенностяхъ, включаемыхъ въ классъ, хотя онѣ выходятъ за его опредѣленіе, — вѣроятно, поразятъ читателя. Они до такой степени противорѣчатъ многимъ общепринятымъ понятіямъ объ употребленіи опредѣленій и природѣ научныхъ предложеній, что, вѣроятно, покажутся многимъ крайне нелогичными и нефилософскими. Но склонность къ такому сужденію порождается, бо́льшею частью, тѣмъ, что взглядъ людей на общую природу и форму научной истины, въ сильной степени, обусловленъ математическими и математико-физическими науками, между тѣмъ какъ естествознаніе не имѣло еще времени и случая оказать надлежащее вліяніе на обычныя привычки мышленія. Кажущаяся неопредѣленность и непослѣдовательность классификацій и опредѣленій отличаетъ, еще въ большей степени противъ естествознанія, всѣ другія умозрѣнія, кромѣ математическихъ; и способы, которыми, въ естествознаніи, приближались къ точнымъ различеніямъ и общимъ истинамъ, достойны нашего вниманія даже по свѣту, бросаемому ими на лучшіе способы изслѣдовать истины всякаго рода.

«Хотя въ естественной группѣ предметовъ опредѣленіе уже не можетъ принести никакой пользы, какъ руководящее начало, — тѣмъ не менѣе классы не остаются вполнѣ неопредѣленными, безъ всякаго

ученыхъ, которые, въ Англіи, наиболѣе способствовали замѣнѣ системы Линнея естественною системою. *П. Л.*

мѣрила или руководства. Классъ установленъ твердо, хотя и не ограниченъ точно; онъ данъ, хотя и не очерченъ; его опредѣляетъ не внѣшній предѣлъ, а внутреннее средоточіе, — не то, что классъ строго исключаетъ, а то, что онъ преимущественно обнимаетъ, — примѣръ, а не правило. Короче, вмѣсто опредѣленія нами долженъ руководить типъ.

«Типъ есть образецъ изъ класса — напримѣръ, видъ изъ даннаго рода, — который разсматриваютъ какъ преимущественно обладающій характеромъ класса. Всѣ виды, представляющіе бо́льшее сродство съ этимъ типическимъ видомъ, чѣмъ со всякимъ другимъ, образуютъ родъ и становятся вокругъ типа, отходя отъ него въ различныхъ направленіяхъ и въ разной степени. Вслѣдствіе этого, родъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ видовъ, весьма близко подходящихъ къ типу и обладающихъ несомнѣннымъ правомъ стоять вмѣстѣ съ нимъ. Кромѣ ихъ, могутъ быть другіе виды, отстоящіе дальше отъ этого средоточія, но, очевидно, связанные съ нимъ ближе, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ. Еслибъ даже были виды, мѣсто которыхъ сомнительно и которые, повидимому, одинаково связаны съ двумя родовыми типами, — то легко понять, что это не уничтожаетъ дѣйствительности родовыхъ группъ, точно такъ же, какъ деревья, разбросанныя по промежуточной равнинѣ, не затемняютъ нашихъ словъ объ отдѣльныхъ лѣсахъ на двухъ разъединенныхъ равниною холмахъ.

«Итакъ, типическимъ видомъ каждаго рода, типическимъ родомъ каждаго семейства служитъ тотъ, который замѣтнѣе другихъ обладаетъ признаками и свойствами рода. Типъ семейства розовыхъ представляетъ поперемѣнные листья съ прилистниками, отсутствіе бѣлка, непрямостоячія сѣменныя почечки, простыя рыльца, и, кромѣ этихъ признаковъ, отличающихъ его отъ исключеній и разновидностей его класса, онъ обладаетъ чертами, дающими ему первенство въ его классѣ. Это одинъ изъ типовъ, явно обладающихъ многими руководящими свойствами. Такимъ образомъ, хотя мы не можемъ сказать ни объ одномъ родѣ, что онъ *долженъ* быть типомъ семейства, ни объ одномъ видѣ, что онъ *долженъ* быть типомъ рода, однако мы не въ совершенныхъ потемкахъ. Типъ долженъ представлять многія черты сродства съ большинствомъ видовъ или родовъ его группы; онъ долженъ находиться близъ ея центра, а не быть однимъ изъ разсѣянныхъ видовъ или родовъ.»

Въ этомъ отрывкѣ (въ которомъ я не могу не обратить особеннаго вниманія на послѣднюю часть, какъ на прекрасный образчикъ философскаго слога) Уэвель ясно и сильно, хотя (мнѣ кажется) не указывая всѣхъ необходимыхъ различій, изложилъ одно изъ началъ естественной классификаціи. Въ чемъ состоитъ это начало, гдѣ его границы и въ чемъ, по моему мнѣнію, Уэвель перешелъ ихъ,—обнаружится, когда мы изложимъ другое правило естественнаго распредѣленія, кажущееся мнѣ еще болѣе основнымъ.

§4. Читатель уже близко знакомъ съ общею истиною (приводимою мною такъ часто во вниманіе къ связанной съ нею обыкновенно большой неясности), что въ природѣ существуютъ различія существенныхъ отдѣловъ (Kinds), различія, которыя не состоятъ въ данномъ числѣ опредѣленныхъ свойствъ, *плюсъ* вытекающія изъ послѣднихъ дѣйствія, а проникаютъ всю природу,—вообще, свойства различаемыхъ такимъ образомъ вещей. Наше знаніе о свойствахъ существеннаго отдѣла никогда не полно. Мы постоянно открываемъ и надѣемся открыть новыя. Гдѣ различіе между двумя классами вещей не есть отличіе существеннаго отдѣла, тамъ мы надѣемся найти ихъ свойства сходными, развѣ есть причина ихъ различія. Напротивъ, когда различіе въ существенномъ отдѣлѣ, тогда мы надѣемся найти свойства различными, развѣ есть причина ихъ тожества. Все знаніе о существенномъ отдѣлѣ должно быть добыто изъ наблюденія и опыта надъ самимъ отдѣломъ; относительно свойствъ существеннаго отдѣла никакой выводъ изъ свойствъ вещей, не входящихъ въ связь самаго отдѣла, не заходитъ дальше того рода предположенія, который характеризуется обыкновенно какъ аналогія и, по бо́льшей части, представляетъ одну изъ ея слабѣйшихъ степеней.

Общія свойства дѣйствительно-существеннаго отдѣла, — слѣдовательно, и общія предложенія, которыя могутъ быть высказаны относительно его или которыя навѣрное возникнутъ впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія нашего знанія, неопредѣленны и неисчерпаемы; кромѣ того, первое начало естественной классификаціи требуетъ составленія классовъ, такъ чтобы принадлежащія къ каждому предметы могли обладать наибольшимъ числомъ общихъ свойствъ. Изъ сказаннаго вытекаетъ требованіе этого начала, чтобы каждая такая классификація признала и обняла всѣ различія существенныхъ отдѣловъ, существующія между

предметами, которые она намѣрена классифицировать. Обойти какія-либо различія существенныхъ отдѣловъ и замѣнить ихъ различіями опредѣленными, которыя, какъ бы они ни были велики, не указываютъ дальнѣйшихъ неизвѣстныхъ различій, — значило бы замѣнить классы съ бо́льшимъ числомъ общихъ свойствъ классами съ меньшимъ числомъ и разрушить естественный методъ классификаціи.

Вслѣдствіе этого, сознавали ли составители естественныхъ распредѣленій дѣйствительность различія существенныхъ отдѣловъ, или нѣтъ,— распредѣленіямъ этимъ, по самому преслѣдованію ими собственной цѣли, пришлось сообразоваться съ различіями существенныхъ отдѣловъ, насколько различія эти были въ то время изслѣдованы. Виды растеній не только дѣйствительно-существенные отдѣлы, но, вѣроятно *), всѣ они суть дѣйствительные низшіе отдѣлы, infimæ species. Еслибъ мы стали ихъ подраздѣлить на подклассы, что, конечно, въ нашей волѣ, то подраздѣленіе непремѣнно было бы основано на *опредѣленныхъ* различіяхъ, не указывающихъ ни одного инаго различія (кромѣ возможныхъ свѣдѣній объ ихъ причинахъ или дѣйствіяхъ).

Насколько естественная классификація основана на дѣйствительно-существенныхъ отдѣлахъ, группы ея, конечно, не условны; совершенно истинно, что онѣ не зависятъ отъ произвольнаго выбора натуралиста. Но изъ этого не слѣдуетъ и, по моему мнѣнію, не истинно, что эти классы опредѣляются типомъ, а не признаками. Опредѣляя ихъ по типу, мы такъ же вѣрно не нашли бы отдѣла, какъ еслибы выбрали

*) Я говорю «вѣроятно», а не «непремѣнно», потому что не этимъ соображеніемъ руководствуется ботаникъ въ признаніи или непризнаніи чего-либо за видъ. Въ естествознаніи къ одному и тому же виду принадлежатъ предметы, которые или произошли или, согласно опыту, могли произойти отъ того же племени. Къ счастью, въ большинствѣ случаевъ и, вѣроятно, даже во всѣхъ случаяхъ, это различіе совпадаетъ съ другимъ. Повидимому, существуетъ физіологическій законъ, что животныя и растенія, какъ въ обыкновенномъ смыслѣ, такъ и въ философскомъ, воспроизводятъ свой существенный отдѣлъ: они передаютъ своимъ потомкамъ [1]) всѣ отличія отдѣла (до самаго спеціальнаго или низшаго), которыми обладаютъ.

[1]) При новомъ взглядѣ на выработку видовъ путемъ естественнаго подбора по теоріи Дарвина, какъ опредѣленіе вида съ точки зрѣнія наслѣдственности, такъ и идея безусловной передачи всѣхъ особенностей вида потомкамъ, должны быть въ извѣстной степени ограничены. *П. Л.*

рядъ признаковъ произвольно. Классы опредѣляются признаками; но признаки не произвольны. Задача состоитъ въ томъ, чтобы найти небольшое число опредѣленныхъ признаковъ, которые указываютъ множество неопредѣленныхъ. Существенные отдѣлы суть классы, между которыми существуетъ непереходимая граница, и намъ слѣдуетъ искать признаковъ, могущихъ руководить нами въ опредѣленіи, по которую сторону границы находится предметъ. Слѣдуетъ выбрать признаки, лучше другихъ соотвѣтствующіе этой цѣли. Если они, притомъ, важны въ самихъ себѣ, тѣмъ лучше. Выбравъ признаки, мы, какъ я думаю, распредѣляемъ предметы сообразно имъ, а не по сходству съ типомъ. Видъ Ranunculus acris мы составляемъ не изъ всѣхъ растеній, представляющихъ удовлетворительную степень сходства съ образцовымъ курослѣпомъ, а изъ растеній, обладающихъ извѣстными признаками, выбранными нами за такіе, по которымъ мы могли бы признать возможность общаго производства. Перечисленіе же этихъ признаковъ есть опредѣленіе вида.

Всѣ существенные отдѣлы должны встрѣчаться между классами. Поэтому рождается вопросъ, всѣ ли классы естественнаго распредѣленія должны быть существенными отдѣлами? На это я отвѣчаю, конечно: нѣтъ. Отличія существенныхъ отдѣловъ не довольно многочисленны, чтобы составить цѣлую классификацію. О весьма немногихъ родахъ растеній или даже семействахъ можно сказать съ увѣренностью, что они существенные отдѣлы. Большія различія между сосудистыми и клѣтчатыми растеніями, двусѣмянодольными или кругоростными (exogenae) и односѣмянодольными или средоростными (endogenæ) суть, можетъ быть, различія существенныхъ отдѣловъ, и разграничивающая эти классы межа проходитъ, повидимому, по всему міру растеній (хотя я не рѣшился бы утверждать и этого). Но различные виды одного рода или роды семейства обладаютъ обыкновенно лишь ограниченнымъ числомъ общихъ признаковъ. Роза, повидимому, отличается отъ малины или зонтичныя растенія отъ лютиковыхъ почти единственно признаками, которые ботаника приписываетъ этимъ родамъ или семействамъ. Различія, не вошедшія въ перечисленіе, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуютъ. Есть семейства растеній, которыя обладаютъ особенностями химическаго состава или даютъ продукты, оказывающіе особыя

дѣйствія на животную жизнь. Крестоцвѣтныя и грибы содержатъ необыкновенное количество азота; губоцвѣтныя представляютъ главный источникъ эѳирныхъ маслъ; пасленовыя обыкновенно наркотичны, и т. д. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ, можетъ быть, мы имѣемъ предъ собою различія существенныхъ отдѣловъ; но присутствіе ихъ отнюдь не необходимо. Роды и семейства могутъ быть въ высшей степени естественны, но, притомъ, отличаться другъ отъ друга ограниченнымъ числомъ свойствъ, лишь бы эти свойства были важны и предметы, заключающіеся въ каждомъ родѣ или въ каждомъ семействѣ, представляли больше сходства между собою, чѣмъ съ какимъ-либо предметомъ, исключеннымъ изъ рода или семейства.

Итакъ, когда *низшіе виды (infimæ species)* признаны и опредѣлены, слѣдуетъ распредѣлить эти виды въ бо́льшія группы, такъ, чтобы группы, если возможно, соотвѣтствовали существеннымъ отдѣламъ, хотя всего чаще не существуетъ подобнаго руководства. Правда, что дѣлая это, мы — по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ — естественно руководимся сходствомъ съ типомъ. Мы располагаемъ наши группы вокругъ избранныхъ существенныхъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый служитъ чѣмъ-то въ родѣ образчика своей группы. Но хотя типы наводятъ насъ на группы, однако я не могу думать, чтобы составленіе группъ *опредѣлялось* типомъ,—чтобы, рѣшая, принадлежитъ ли извѣстный видъ къ группѣ, мы обращались къ типу, а не къ признакамъ; что признаки «не могутъ быть выражены въ словахъ». Это положеніе несовмѣстно съ Уэвелевымъ же изложеніемъ кореннаго начала классификаціи: именно, что «общія предложенія должны быть возможны». Еслибъ классъ не обладалъ общими признаками, то какія общія предложенія были бы относительно его возможны? О классѣ могло бы быть утверждаемо лишь то, что всѣ предметы его сходны между собою болѣе, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ.

Напротивъ, истинно то, что каждый родъ или каждое семейство составляются съ явнымъ обращеніемъ къ извѣстнымъ признакамъ и состоятъ преимущественно изъ видовъ, обладающихъ всѣми этими признаками. Къ этимъ видамъ присоединяются, какъ нѣчто въ родѣ прибавленія и, обыкновенно, въ небольшомъ числѣ, другіе виды, обладающіе *почти* всѣми выбранными свойствами; однимъ изъ нихъ недостаетъ

одного свойства, другимъ другаго, и, сходствуя съ остальными видами *почти* въ такой же степени, въ какой тѣ сходны между собою, присоединяемые виды не представляютъ равнаго сходства ни съ какою другою группою. Наше представленіе о классѣ продолжаетъ основываться на признакахъ, и классъ можно опредѣлить какъ совокупность вещей, которыя или обладаютъ этимъ рядомъ признаковъ, или сходны съ вещами, ими обладающими, болѣе, чѣмъ съ какими-либо иными вещами.

Да и это сходство не есть, подобно сходству между простыми ощущеніями, фактъ коренной, недоступный анализу. Даже низшая степень сходства возникаетъ изъ обладанія общими признаками. Что сходно съ родомъ Роза болѣе, чѣмъ съ какимъ-либо инымъ, представляетъ это явленіе потому, что обладаетъ бо́льшимъ числомъ признаковъ этого рода, чѣмъ всякаго другаго. И отнюдь не можетъ встрѣтиться ни малѣйшаго затрудненія указать, перечисленіемъ признаковъ, природу и степень сходства, строго необходимаго, чтобы включить данный предметъ въ классъ. Всегда есть нѣкоторыя свойства, общія всѣмъ включеннымъ вещамъ. Часто есть другія свойства, относительно которыхъ нѣсколько предметовъ, тѣмъ не менѣе занесенныхъ въ классъ, представляютъ исключеніе. Но предметы, составляющіе исключеніе по одному признаку, не представляютъ исключенія по другому: сходство, недостающее въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, должно восполняться въ другихъ. Поэтому, классъ установляется обладаніемъ *всѣми* признаками, для него общими, и *большинствомъ* признаковъ, допускающихъ исключенія. Еслибъ у какого-либо растенія сѣменныя почечки были прямостоячія, рыльца раздѣльныя, былъ бѣлокъ и не было прилистниковъ, то этого растенія, вѣроятно, не отнесли бы къ розовымъ. Но оно можетъ не обладать однимъ изъ этихъ признаковъ или болѣе, чѣмъ однимъ, и все-таки не быть исключеннымъ. Цѣли научной классификаціи достигаются лучше включеніемъ. Такъ какъ, въ своихъ извѣстныхъ свойствахъ, разсматриваемое растеніе столь близко подходитъ подъ сумму признаковъ класса, то оно, вѣроятно, сходно съ этимъ классомъ болѣе, чѣмъ съ другимъ, въ тѣхъ изъ своихъ свойствъ, которыя еще не открыты.

Итакъ, естественныя группы не менѣе всякихъ искусственныхъ классовъ опредѣляются признаками; мало того: онѣ установляются въ уваженіе и на основаніи признаковъ. Но при этомъ не только прини-

маются въ уваженіе признаки, непремѣнно общіе всѣмъ предметамъ, включеннымъ въ группу, а соображается вся совокупность признаковъ, изъ которыхъ всѣ встрѣчаются въ большинствѣ упомянутыхъ предметовъ и большинство во всѣхъ. Вслѣдствіе этого, наше представленіе о классѣ, складывающійся въ нашемъ умѣ образъ класса, рисуетъ намъ его какъ образчикъ, совершенный во всѣхъ признакахъ, и, весьма естественно, какъ образчикъ, который, обладая всѣми этими признаками въ высшей степени, въ какой они когда-либо встрѣчаются, наиболѣе способенъ указать намъ ясно и рѣзко, въ чемъ они состоятъ. Къ этому-то мѣрилу, не вмѣсто опредѣленія класса, а въ поясненіе опредѣленія, обыкновенно и съ удобствомъ обращаемся мы въ нашемъ умѣ, для разрѣшенія вопроса, принадлежитъ ли особь либо родъ къ данному классу, или нѣтъ. Вотъ, по моему мнѣнію, доля истины, заключающаяся въ ученіи о типахъ.

Сейчасъ мы увидимъ, что когда классификація строится съ особою цѣлью спеціальнаго индуктивнаго изслѣдованія, то, для исполненія условій вѣрнаго индуктивнаго метода, не подлежитъ произволу, а необходимо установить типическій видъ или родъ, именно такой, который въ высшей степени представлялъ бы изслѣдуемое особое явленіе. Но объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Для полноты теоріи естественныхъ группъ остается сказать нѣсколько словъ о принципахъ соотвѣтствующей имъ номенклатуры.

§ 5. Какъ мы сказали, научная номенклатура есть система названій существенныхъ отдѣловъ. Эти названія, какъ и другія классныя названія, опредѣляются перечисленіемъ отличительныхъ признаковъ класса. Помимо этого, единственное достоинство ряда названій можетъ состоять въ томъ, что они, по своему складу, сообщаютъ возможно-большее количество свѣдѣній: лицу, знающему вещь, они, насколько это возможно для названія, помогаютъ припомнить извѣстное, а лицу, незнакомому съ вещью, они, самымъ произнесеніемъ ихъ, сообщаютъ столько свѣдѣній, сколько допускаетъ данный случай.

Есть два способа придать названію отдѣла этотъ родъ значенія. Лучшій, но, къ сожалѣнію, рѣдко приложимый способъ состоитъ въ томъ, чтобы слово, своимъ складомъ, означало тѣ самыя свойства, которыя оно должно соозначать. Названіе отдѣла соозначаетъ, конечно, не

всѣ свойства отдѣла, потому что они неисчерпаемы, а лишь достаточныя для отличенія отдѣла: вѣрные признаки всѣхъ остальныхъ свойствъ. Но цѣль эта весьма рѣдко достижима однимъ свойствомъ, даже двумя или тремя. Чтобы отличить обыкновенную маргаритку отъ всѣхъ другихъ видовъ растеній, потребовалось бы перечисленіе многихъ признаковъ. А названіе, чтобъ не быть слишкомъ громоздкимъ для употребленія, можетъ, своею этимологіею, или складомъ, указать лишь весьма небольшое число признаковъ. И потому, возможность идеально-совершенной номенклатуры ограничивается, вѣроятно, случаемъ, въ которомъ мы, къ счастью, обладаемъ близко-подходящимъ къ ней образцомъ: это номенклатура элементарной химіи. Тѣла, простыя и сложныя, которыми занимается химія, суть существенные отдѣлы, и потому свойства, отличающія ихъ отъ другихъ тѣлъ, безчисленны. Простыхъ тѣлъ не такое множество, чтобы они требовали систематической номенклатуры; сложныя же тѣла обладаютъ свойствомъ, химическимъ составомъ, которое уже само по себѣ достаточно для отличенія отдѣла и (съ нѣсколькими исключеніями, еще не вполнѣ разъясненными) представляетъ вѣрный признакъ всѣхъ прочихъ свойствъ сложнаго тѣла. Поэтому, нужно было достигнуть только того, чтобы названіе каждаго сложнаго тѣла, самымъ своимъ складомъ, показывало составъ тѣла, т. е. слѣдовало образовать названіе каждаго сложнаго тѣла, по какому-либо единообразному способу, изъ названій простыхъ веществъ, входящихъ въ составъ сложнаго тѣла въ видѣ началъ. Это весьма искусно и успѣшно исполнили французскіе химики. Единственною вещью, не выраженною ими, было точное отношеніе, въ которомъ соединены начала; съ установленія же атомической теоріи оказалось возможнымъ выразить и это отношеніе простымъ приспособленіемъ выраженій.

Но когда, для достаточнаго опредѣленія отдѣла, нужно принять въ соображеніе слишкомъ большое число признаковъ, чтобы выразить ихъ всѣ въ производствѣ названія, и когда ни одинъ изъ нихъ не настолько важенъ, чтобы оправдать означеніе его одного, — тогда мы можемъ прибѣгнуть къ вспомогательному средству. Хотя мы не можемъ указать отличительныхъ свойствъ отдѣла, однако въ состояніи указать его ближайшія естественныя сродства, вставляя въ его названіе названіе ближайшей естественной группы, къ которой онъ принадлежитъ какъ видъ.

На этомъ началѣ построена чудная двойная номенклатура въ ботаникѣ и зоологіи. Въ этой номенклатурѣ названіе каждаго вида состоитъ изъ названія рода, или ближайшей естественной группы въ восходящемъ порядкѣ, и слова, прибавляемаго для отличія особаго вида. Послѣдняя часть сложнаго названія заимствуется: иногда отъ какой-либо особенности, которою этотъ видъ отличается отъ другихъ видовъ того же рода: Clematis *integrifolia* (ломоносъ *цѣльно-листый*), Potentilla *alba* (могучникъ *бѣлый*), Viola *palustris* (фіалка *болотная*), Artemisia *vulgaris* (чернобыльникъ *обыкновенный*); иногда отъ обстоятельства историческаго: Narcissus *poeticus* (нарциссъ поэтовъ), Potentilla *tormentilla* (потому что растеніе было прежде извѣстно подъ послѣднимъ названіемъ; по-русски лапчатка), Exacum *Candollii* (по факту, что растеніе это открыто Декандолемъ); иногда названіе чисто условно: Thlaspi *bursa pastoris* (Ярукта пастушья-сумка (¹)), Ranunculus *thora*. Которымъ изъ этихъ способовъ произведена послѣдняя часть сложнаго названія не важно, потому что другое или, какъ его обыкновенно отличаютъ, видовое названіе можетъ, по большей мѣрѣ, помимо условія, выражать лишь весьма небольшую часть соозначаемаго названіемъ. Но, придавъ къ нему названіе высшаго рода, мы, насколько умѣемъ, исправляемъ невозможность составить названіе такъ, чтобы оно выражало всѣ отличительные признаки отдѣла. Мы, во всякомъ случаѣ, заставляемъ его выражать тѣ изъ нихъ, которые общи ближайшей естественной группѣ, обнимающей отдѣлъ. Еслибъ даже эти общіе признаки были столь многочисленны или такъ мало знакомы, что потребовали бы дальнѣйшаго расширенія того же способа, то, вмѣсто двойной номенклатуры, мы могли бы принять тройную, употребляя названіе не только рода, но и естественной группы ближайшей по восходящему порядку обобщенія и обыкновенно называемой семействомъ. Это было сдѣлано въ минералогической номенклатурѣ, предложенной профессоромъ Моосомъ. Въ ней названія состояли не изъ двухъ, а изъ трехъ началъ, означавшихъ соотвѣтствующіе видъ, родъ и порядокъ; такъ, мы встрѣчаемъ въ ней виды: ромбоэдальный галоидъ извести, октаэдральный галоидъ фтора,

---

(¹) По треугольной формѣ стручечковъ. *Пер.*

призматическій галоидъ барита» *). Однако, двойная номенклатура признана достаточною въ ботаникѣ и зоологіи, единственныхъ наукахъ, въ которыхъ этотъ общій принципъ былъ до сихъ поръ успѣшно примѣненъ къ построенію номенклатуры.

Кромѣ выгоды, что этотъ принципъ классификаціи придаетъ видовымъ названіямъ наибольшее количество независимаго значенія, какое допускается обстоятельствами даннаго случая, онъ соотвѣтствуетъ другой цѣли: чрезвычайно уменьшаетъ употребленіе названій и предотвращаетъ непомѣрное обремененіе памяти. Когда названія видовъ черезчуръ размножаются, то (какъ замѣчаетъ Уэвель **)) становится безусловно необходимымъ дать возможность помнить ихъ и прилагать. Напримѣръ, извѣстныхъ видовъ растеній было, во времена Линнея, десять тысячъ, а теперь ихъ, вѣроятно, шестьдесятъ тысячъ [1]). Попытка построить и употреблять отдѣльное названіе для каждаго изъ этихъ видовъ была бы безполезна. Классификація предметовъ по нисходящей системѣ дозволяетъ намъ ввести номенклатуру, не требующую этого громаднаго числа названій. У каждаго рода свое названіе, а виды означаются прибавкою какого-либо прилагательнаго къ названію рода. Такимъ образомъ Линней нашелъ, что, приблизительно, тысячи-семисотъ родовыхъ названій, съ умѣреннымъ числомъ видовыхъ, было достаточно для точнаго означенія всѣхъ растительныхъ родовъ, извѣстныхъ въ то время. И хотя съ тѣхъ поръ число родовыхъ названій весьма увеличилось, однако отнюдь не въ той мѣрѣ, въ какой увеличилось число извѣстныхъ видовъ.

ГЛАВА VIII.

О КЛАССИФИКАЦІИ РЯДАМИ.

§ 1. До сихъ поръ мы разсматривали начала научной классификаціи лишь въ отношеніи къ составленію естественныхъ группъ, и на

*) *Novum Organum Renovatum*, p. 274.

**) *History of Scientific Ideas*, II, 183.

[1]) Видовъ однихъ цвѣтобрачныхъ было въ 1849 г., по Гумбольдту, болѣе 160,000. *П. Л.*

этомъ останавливалось большинство лицъ, пытавшихся построить теорію естественнаго распредѣленія, и между прочими Уэвель. Однако, остается еще другая и не менѣе важная часть ученія, которая, насколько мнѣ извѣстно, не разработана ни однимъ писателемъ, исключая Конта. Это— размѣщеніе естественныхъ группъ въ естественный рядъ *).

Цѣль классификаціи, какъ орудія для изслѣдованія природы, состоитъ, сказали мы, въ томъ, чтобы заставить насъ соединять мысленно предметы, которые обладаютъ наибольшимъ числомъ важныхъ общихъ свойствъ и которые, поэтому, въ теченіе нашихъ наведеній, всего чаще представляютъ намъ случай къ совмѣстному соображенію. Такимъ образомъ наши представленія о предметахъ приводятся въ порядокъ, наиболѣе благопріятный для успѣшнаго продолженія индуктивныхъ изслѣдованій вообще. Но когда мы хотимъ облегчить какое-либо особое индуктивное изслѣдованіе, требуется нѣчто большее. Чтобы соотвѣтствовать этой цѣли, классификація должна сопоставлять предметы, одновременное разсмотрѣніе которыхъ обѣщаетъ бросить наиболѣе свѣта на особый предметъ изслѣдованія; предметъ этотъ состоитъ въ законахъ какого-либо явленія или связномъ рядѣ явленій, и потому за основаніе классификаціи должны быть приняты разсматриваемыя явленія или рядъ явленій.

Отъ классификаціи, долженствующей облегчить изученіе особаго явленія, требуется, вопервыхъ, чтобы она сопоставила въ одинъ классъ всѣ отдѣлы вещей, представляющіе это явленіе, въ какихъ бы то ни было формахъ или степеняхъ, и, вовторыхъ, чтобы она размѣстила эти отдѣлы въ рядъ, согласно степени, въ которой они представляютъ явленіе, начиная съ отдѣловъ, въ которыхъ оно встрѣчается всего силь-

---

*) Уэвель, въ своемъ отвѣтѣ (*Philosophy of Discovery*, p. 270), говоритъ, что онъ «остановился предъ ученіемъ о рядѣ органическихъ существъ или, вѣрнѣе, прошелъ мимо этого ученія», потому что «считалъ его плохой и узкой философіей». Если Уэвель руководился этимъ мнѣніемъ, то, очевидно, не понимая этой формы ученія, потому что затѣмъ онъ приводитъ отрывокъ изъ своей «Исторіи», въ которомъ отзывается объ осуждаемой теоріи какъ о «чисто-линейномъ развитіи въ природѣ, которое привело бы каждый родъ въ соприкосновеніе лишь съ предшествующимъ и съ послѣдующимъ родами». Но ряды, о которыхъ говорится въ текстѣ, сходны съ этимъ линейнымъ развитіемъ развѣ лишь въ томъ, что они представляютъ развитіе.

Возможно расположить всѣ *мѣста*, напримѣръ, по порядку ихъ разстоянія отъ сѣвернаго полюса, хотя каждому отдѣльному градусу скалы соотвѣтствовали бы не только многія мѣста, а цѣлый кругъ ихъ.

нѣе, и кончая тѣми, въ которыхъ оно замѣтно всего слабѣе. До настоящаго времени главный примѣръ подобной классификаціи представляетъ намъ сравнительная анатомія и физіологія, изъ которой мы, поэтому, и позаимствуемъ наши пояснительные примѣры [1]).

§ 2. Пусть изслѣдуемымъ предметомъ будутъ законы животной жизни. По составленіи наиболѣе отчетливаго представленія о самомъ явленіи, насколько допускаетъ это настоящее состояніе нашего знанія, первымъ шагомъ должно быть созданіе одного большаго класса (класса животныхъ) изъ всѣхъ извѣстныхъ отдѣловъ существъ, въ которыхъ встрѣчается изслѣдуемое явленіе, въ какихъ бы то ни было различныхъ сочетаніяхъ съ другими свойствами и въ какихъ угодно различныхъ степеняхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отдѣловъ общее явленіе животной жизни обнаруживается въ весьма высокой степени, въ другихъ въ весьма незначительной, едва достаточной для его усмотрѣнія. Поэтому, вслѣдъ за первымъ шагомъ мы должны расположить различные отдѣлы въ рядъ, такъ, чтобы они слѣдовали одинъ за другимъ сообразно степенямъ, въ которыхъ каждый представляетъ изслѣдуемое явленіе: начать съ человѣка и кончить самыми несовершенными отдѣлами зоофитовъ.

Этимъ мы сказали только, что должны сопоставить случаи, изъ которыхъ надлежитъ индуктивно вывести законъ, въ порядокъ, предполагаемый однимъ изъ четырехъ методовъ опытнаго изслѣдованія, разсмотрѣнныхъ нами въ предъидущей книгѣ: четвертымъ методомъ, методомъ сопутствующихъ измѣненій. Какъ сказано раньше, это часто единственный методъ, къ которому можно прибѣгнуть съ надеждою на истинное заключеніе, въ случаяхъ, когда мы обладаемъ лишь ограниченными средствами раздѣлить, искусственными опытами, обстоятельства, обыкновенно соединенныя. Правило метода состоитъ въ томъ, что факты, которые

---

[1]) Есть еще одинъ блестящій примѣръ рядоваго расположенія явленій по закону ихъ развитія и примѣръ несравненно болѣе точный, чѣмъ зоологическая система существъ, потому что здѣсь мы можемъ *дѣйствительно* слѣдить за самымъ процессомъ развитія. Это рядъ ступеней въ области феноменологіи духа. Безусловное преклоненіе передъ системою Гегеля породило теперь нѣсколько презрительное отношеніе къ его сочиненіямъ; но въ субъективной области феноменологіи духа у него можно найти много весьма вѣрнаго. Практическая область нравственныхъ идеаловъ также можетъ представить хорошіе примѣры для разсматриваемаго процесса. *П. Л.*

вмѣстѣ усиливаются или слабѣютъ и вмѣстѣ исчезаютъ, суть либо причина и слѣдствіе, либо дѣйствія общей причины. Удостовѣрившись, что между измѣненіями дѣйствительно существуетъ такое отношеніе, мы смѣло можемъ признать связь между самими явленіями, или какъ законъ природы, или только какъ эмпирическій законъ, — смотря по обстоятельствамъ.

Что приложенію этого метода должно предшествовать составленіе такого рода, какой мы описали, — по очевидности своей не требуетъ доказательства, и требованія нашихъ индуктивныхъ процессовъ дотого естественно наводятъ насъ на простое расположеніе предметовъ въ рядъ, сообразно степени обнаруженія въ нихъ какого-либо факта, законъ котораго мы изслѣдуемъ, — что избавляютъ насъ отъ дальнѣйшихъ поясненій. Но есть случаи, въ которыхъ расположеніе предметовъ для спеціальной цѣли становится опредѣляющимъ началомъ классификаціи тѣхъ же самыхъ предметовъ ради цѣлей общихъ. Это, естественно, случится именно тогда, когда законы предметовъ, искомые спеціальнымъ изслѣдованіемъ, составляютъ столь важную часть общаго характера и исторіи этихъ предметовъ, оказываютъ столько вліянія при обусловленіи всѣхъ явленій, въ которыхъ они участвуютъ либо какъ дѣятели, либо какъ поле дѣйствія, что всѣ другія различія, существующія между предметами, удобно могутъ быть признаны, просто, за видоизмѣненія искомаго явленія, за слѣдствія совмѣстнаго дѣйствія какого-либо случайнаго обстоятельства съ законами этого явленія. Такъ, относительно живыхъ существъ, различія между однимъ классомъ животныхъ и другимъ могутъ быть разумно признаны просто за видоизмѣненія общаго явленія, животной жизни, — за видоизмѣненія, производимыя или различною степенью проявленія жизни въ различныхъ животныхъ, или тѣмъ, что дѣйствія случайныхъ причинъ, принадлежащихъ къ природѣ каждаго животнаго, смѣшались съ дѣйствіями общихъ законовъ жизни, причемъ эти законы все-еще оказываютъ преобладающее вліяніе на результатъ. При этихъ условіяхъ никакое индуктивное изслѣдованіе относительно животныхъ не можетъ быть произведено съ успѣхомъ, если не будетъ подчинено великому изслѣдованію всеобщихъ законовъ животной жизни. И классификація животныхъ, наиболѣе соотвѣтствующая

Digitized by Google

этой послѣдней цѣли, будетъ пригоднѣйшею и для всѣхъ другихъ цѣлей зоологіи.

§ 3. Построеніе такой классификаціи или даже пониманіе уже построенной требуетъ способности признать существенное подобіе явленія, въ меньшихъ степеняхъ и менѣе отчетливыхъ формахъ, *тому же самому*, какъ говорятъ, явленію въ его совершеннѣйшемъ развитіи, — т. е. отожествить всѣ явленія, различныя лишь въ степени или въ свойствахъ, о которыхъ мы предполагаемъ, что они произведены различіемъ въ степени. Чтобы признать это тожество, или, другими словами, это точное подобіе въ свойствѣ, необходимо предположить типическій видъ. Типомъ класса слѣдуетъ признать тотъ изъ обнимаемыхъ имъ существенныхъ отдѣловъ, который представляетъ высшую степень свойствъ, опредѣлившихъ установленіе класса; а другія различія должно представлять себѣ какъ бы случаями вырожденія типа, отступленіями отъ него вслѣдствіе меньшей силы отличительнаго свойства или отличительныхъ свойствъ. При равенствѣ прочихъ условій *(cœteris paribus)*, каждое явленіе всего лучше изучать тамъ, гдѣ оно наиболѣе сильно [1]). Тамъ же будутъ существовать въ сильнѣйшей степени и дѣйствія, зависящія либо отъ него, либо отъ однѣхъ съ нимъ причинъ. Слѣдовательно, тамъ же, и только тамъ, могутъ вполнѣ обнаружиться намъ и эти дѣйствія явленія или дѣйствія причинъ, общихъ и ему, и другимъ явленіямъ, — такъ что мы можемъ научиться узнавать ихъ слабѣйшія степени или даже одни ихъ зачатки, въ случаяхъ, въ которыхъ прямое изученіе было бы затруднительно или невозможно. Не говорю уже о томъ, что явленіе, въ его высшихъ степеняхъ, можетъ сопровождаться дѣйствіями или побочными обстоятельствами, которыя, въ его слабѣйшихъ степеняхъ, вовсе не наступаютъ, такъ какъ для произведенія ихъ въ ощутимой степени требуется бо́льшая сила причины, чѣмъ встрѣчается здѣсь. Напримѣръ, въ человѣкѣ (въ видѣ, въ которомъ явленіе и животной, и органической жизни присутствуетъ въ высшей степени), въ теченіе его одушевленнаго существованія, развиваются многія вто-

---

*) Это слишкомъ безусловно. Явленія весьма *быстро* совершающіяся, выгодно изучать при возможномъ ослабленіи ихъ быстроты. Фр. Бэконъ, сознавая это, указалъ тотъ и другой случаи въ числѣ *инстанцій*, для достиженія опытныхъ аксіомъ.

П. Л.

ричныя явленія, не представляемыя низшими породами животныхъ. Однако, знаніе этихъ свойствъ можетъ сильно способствовать открытію условій и законовъ явленія жизни, общаго человѣку и этимъ низшимъ животнымъ. Свойства эти даже справедливо признаются свойствами самой одушевленной природы, потому что они, очевидно, могутъ быть подчинены общимъ законамъ одушевленной природы; мы можемъ разумно предположить, что зачатки или слабыя степени этихъ свойствъ были бы открыты во всѣхъ животныхъ при помощи совершеннѣйшихъ органовъ или даже совершеннѣйшихъ инструментовъ, чѣмъ наши; свойствами класса можно вѣрно назвать тѣ свойства, которыя представляетъ намъ вещь совершенно въ той же степени, въ какой она принадлежитъ къ классу, т. е. въ какой она обладаетъ главными качествами, служащими основаніемъ установленію класса.

§ 4. Остается разсмотрѣть удобнѣйшій способъ внутренняго расположенія ряда: какъ удобнѣе разбить его на порядки, семейства и роды.

Главнымъ принципомъ дѣленія должно быть, конечно, естественное сродство; составленные классы должны быть естественными группами, а образованіе послѣднихъ разсмотрѣно уже достаточно. Но правила естественной группировки должны прилагаться въ подчиненіи правилу естественнаго ряда. Группы не должны быть составлены такъ, чтобы въ одну и ту же группу попадали вещи, которымъ слѣдовало бы занимать различныя мѣста въ общемъ ряду. Съ этою цѣлью необходимо наблюдать такую предосторожность: чтобы первыя дѣленія основывались не на всѣхъ различіяхъ безъ разбора, а на различіяхъ, соотвѣтствующихъ колебаніямъ въ степеняхъ главнаго явленія. Рядъ живой природы слѣдовало бы разбивать на части въ тѣхъ самыхъ точкахъ, гдѣ измѣненіе въ степени силы самаго важнаго явленія (указываемое его главными признаками, ощущеніемъ, мыслью, произвольнымъ движеніемъ и проч.) начинаетъ сопровождаться замѣтными перемѣнами въ различныхъ свойствахъ животнаго. Такія хорошо-замѣтныя перемѣны происходятъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ кончается классъ млекопитающихъ, на точкахъ отдѣленія рыбъ отъ насѣкомыхъ, насѣкомыхъ отъ мягкотѣлыхъ. Сложившись такимъ образомъ, первыя естественныя группы составятъ рядъ простымъ сближеніемъ, безъ вторичнаго ихъ распредѣленія: каждая изъ нихъ будетъ соотвѣтствовать опредѣленной части ряда. Точно

Digitized by Google

такъ же, каждое семейство слѣдовало бы, если возможно, подраздѣлить такъ, чтобы одна часть его стояла выше, а другая ниже, хотя, конечно, смежно въ общемъ ряду. Только при неисполнимости этого дозволено основывать остальныя подраздѣленія на признакахъ, не представляющихъ опредѣлимой связи съ главнымъ явленіемъ.

Гдѣ главное явленіе, по степени важности, такъ же далеко превосходитъ всѣ другія свойства, могущія служить основаніемъ классификаціи, какъ въ избранномъ нами для примѣра одушевленномъ существованіи, тамъ всякое значительное уклоненіе отъ только-что изложеннаго нами правила обыкновенно достаточно предотвращается первымъ принципомъ естественнаго распредѣленія: чтобы группы складывались по важнѣйшимъ признакамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ впервые успѣшно были изучаемы анатомія и физіологія животныхъ, всѣ попытки научной классификаціи животныхъ представляютъ, въ нѣкоторой степени, инстинктивное обращеніе къ естественному ряду; онѣ съ гораздо большаго числа сторонъ согласовались, чѣмъ расходились, съ классификаціею, какая была бы, естественно, основана на такомъ рядѣ. Но согласіе не всегда было полное, и до сихъ поръ часто возникаетъ споръ о томъ, которая изъ различныхъ классификацій всего болѣе согласуется съ истинною постепенностью силы главнаго явленія. Напримѣръ, Кювье справедливо былъ осуждаемъ за то, что, при составленіи своихъ группъ, придалъ слишкомъ большое значеніе способу питанія, обстоятельству, которое прямо связано лишь съ органическою жизнью и не указываетъ распредѣленія, наиболѣе удобнаго для изслѣдованія законовъ животной жизни, такъ какъ и хищныя, и траводныя животныя встрѣчаются почти на каждой ступени совершенства животнаго развитія. Блеинвиллеву классификацію уважаемые авторитеты признаютъ неподлежащею этому упреку: находятъ, что самымъ порядкомъ главныхъ группъ она вѣрно изображаетъ постепенное вырожденіе животной природы отъ самыхъ совершенныхъ до наиболѣе неразвитыхъ ея представителей.

§ 5. Сообразная изложеннымъ началамъ классификація была доселѣ признана примѣнимою, изъ всѣхъ широкихъ областей природы, къ однимъ лишь животнымъ. Даже относительно растеній естественное распредѣленіе не было проведено дальше составленія естественныхъ группъ. Естествоиспытатели находили и, вѣроятно, будутъ находить невозможнымъ со-

поставлять эти группы въ какіе-либо ряды, члены которыхъ соотвѣтствовали бы дѣйствительнымъ степенямъ въ явленіи растительной или органической жизни. Такая разница въ степени можетъ быть проведена между сосудистыми растеніями и клѣтчатными, обнимающими лишаи, водоросли и другія существа, организація которыхъ проще и болѣе зачаточна, чѣмъ у высшихъ растеній, и которыя поэтому ближе подходятъ къ чисто-неорганической природѣ [1]). Но, поднявшись значительно надъ этою ступенью, мы не находимъ достаточной разницы въ степеняхъ, въ которыхъ различныя растенія обладаютъ, какъ свойствами, организаціею и жизнью. Двусѣмянодольныя представляютъ болѣе сложное строеніе и нѣсколько совершеннѣйшіе органы, чѣмъ односѣмянодольныя; нѣкоторыя двусѣмянодольныя семейства, напримѣръ сложноцвѣтныя, обнаруживаютъ нѣсколько сложнѣйшую организацію, чѣмъ остальныя. Но различія не рѣзки и не обѣщаютъ бросить яркій свѣтъ на условія и законы растительной жизни и растительнаго развитія. Еслибъ это случилось, то классификацію растеній слѣдовало бы построить, подобно классификаціи животныхъ, сообразно указанной постепенности или ряду.

Итакъ, единственный полный примѣръ истинныхъ началъ разумной классификаціи, въ составленіи какъ группъ, такъ и рядовъ, представляютъ намъ научныя распредѣленія органической природы. Тѣмъ не менѣе эти начала приложимы ко всѣмъ случаямъ, въ которыхъ человѣчеству надлежитъ умственно сопоставить различныя части какого-либо обширнаго предмета. Они одинаково полезны, предстоитъ ли классификація предметовъ для цѣлей искусства, практической жизни или для цѣлей науки. Такъ, надлежащее распредѣленіе свода законовъ зависитъ отъ тѣхъ же научныхъ условій, какъ и классификація въ естествознаніи, и для этого важнаго дѣла нѣтъ лучшей подготовки, чѣмъ изученіе началъ естественнаго распредѣленія, не только въ отвлеченіи, но и въ ихъ дѣйствительномъ приложеніи къ классу явленій, для которыхъ эти начала были впервые выработаны и которыя и до сихъ поръ пред-

---

[1]) Едва ли можно, *пожалуй*, говорить о большей близости одного организованнаго существа къ неорганической природѣ, чѣмъ другаго. Одна живая клѣточка его же далека отъ міра неорганическаго, какъ и сложный организмъ. *П. Л.*

ставляютъ лучшую школу для того, чтобы научиться употребленію упомянутыхъ началъ. Это хорошо сознавалъ великій авторитетъ въ дѣлѣ кодификаціи, Бентамъ: его ранній *Отрывокъ о правленіи (Fragment on Goverument)* — удивительное введеніе къ ряду сочиненій, несравненныхъ въ своей области — содержитъ (въ предѣлахъ изслѣдованія) такія ясныя и вѣрныя сужденія о значеніи естественнаго распредѣленія, какія едвали могли бы придти на мысль человѣку, жившему раньше Линнея и Бернара Жюссье.

Digitized by Google

КНИГА V.

О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ.

Digitized by Google

«Errare non modo affirmando et negando, sed etiam sentiendo, et in tacita hominum cogitatione contingit». (Ошибаться случается не только утверждая и отрицая, но и чувствуя и безмолвно размышляя). Гоббзъ, *Счисленіе, или Логика* (Hobbes, *Computatio sive Logica*), гл. V.

«Стоитъ лишь, кажется имъ, вздумать сомнѣваться и говорить вообще, что наша природа слаба, что умъ нашъ слѣпъ, что нужно всячески стараться избавиться отъ предразсудковъ и тому подобныя вещи. Этого, по ихъ мнѣнію, достаточно, чтобы не даться въ обманъ внѣшнимъ чувствамъ и впредь ни въ чемъ не ошибаться. Недовольно сказать, что умъ слабъ: нужно дать ему почувствовать его слабости. Мало сказать, что онъ подверженъ ошибкамъ: нужно указать, въ чемъ состоятъ его ошибки». Мальбраншъ, *Изысканіе Истины*. (Malebranche, *Recherche de la Verité*).

«Безконечное и абсолютное суть только названія двухъ противоположныхъ безсилій человѣческаго ума, обращенныхъ въ свойства природы вещей, — двухъ субъективныхъ отрицаній, обращенныхъ въ объективныя утвержденія». Вилліамъ Гамильтонъ, *Разсужденія о философіи*. (Sir William Hamilton, *Discussions on Philosophy*).

ГЛАВА I.

О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ВООБЩЕ.

§ 1. У схоластиковъ было правило «contrariorum eadem est scientia» (наука — во взаимной противоположности), т. е. мы никогда дѣйствительно не знаемъ вещи, если мы не въ состояніи дать надлежащаго отчета о противоположномъ ей. Сообразно этому правилу, въ бо́льшей части трактатовъ о Логикѣ значительный отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію заблужденій, и обычай этотъ слишкомъ достоинъ соблюденія, чтобы мы дозволили себѣ нарушить его. Философія умозаключенія, для полноты ея, должна содержать теорію какъ правильнаго, такъ и неправильнаго умозаключенія.

Мы старались опредѣлить начала, по которымъ можетъ быть повѣрена достаточность всякаго доказательства и заранѣе опредѣлена природа и распространеніе доводовъ, необходимыхъ для доказательства всякаго даннаго заключенія. При слѣдованіи этимъ принципамъ, хотя число и достоинство обнаруженныхъ истинъ были бы ограничены счастьемъ, рвеніемъ, догадливостью и терпѣніемъ изслѣдователя, — по крайней мѣрѣ, заблужденіе не принималось бы за истину. Но общее согласіе людей, основанное на ихъ опытѣ, свидѣтельствуетъ въ томъ, что они, въ употребленіи своей способности къ умозаключенію, дѣйствительно, далеки даже отъ этого отрицательнаго рода совершенства.

Въ жизни — въ практической дѣятельности человѣчества — ложныя заключенія, неправильныя толкованія опыта, если не предупреждаются сильнымъ развитіемъ мыслительной способности, безусловно неизбѣжны, и въ большинствѣ людей, при высшей степени развитія, какой они когда-либо достигаютъ, такія ошибочныя заключенія, порождающія соотвѣтственныя ошибки въ поведеніи, плачевно-часты. Есть области умозрѣнія, которымъ систематически посвящали себя замѣчательные умы и въ которыхъ совокупное мышленіе всего учепаго міра постоянно готово помочь усиліямъ и исправлять заблужденія отдѣльныхъ лицъ. Но и въ этихъ областяхъ, мнѣнія, неоснованныя на правильномъ наведеніи, были, говоря вообще, изгнаны лишь изъ наукъ самыхъ совершенныхъ, предметъ которыхъ наименѣе сложенъ. Въ изслѣдованіяхъ, касающихся болѣе сложныхъ явленій природы, и, особенно, въ изслѣдованіяхъ, предметомъ которыхъ служитъ человѣкъ, въ нравственномъ ли или умственномъ отношеніи, въ общественномъ ли или даже какъ существо физическое, различіе мнѣній, господствующее донынѣ между образованными лицами, и равная увѣренность, съ которою люди самаго различнаго образа мыслей держатся, каждый, своего убѣжденія, доказываютъ, что объ этихъ предметахъ не только не установились, вообще, правильные способы мышленія, но что приняты ложные; что изслѣдователи не только не находили, вообще, истины, но часто принимали за нее ложь; что даже образованнѣйшая часть человѣчества не научалась еще воздерживаться отъ заключеній, не оправдываемыхъ доказательствомъ.

Единственную полную охрану противъ неправильнаго умозаключенія представляетъ привычка умозаключать правильно: знакомство съ правилами вѣрнаго умозаключенія и навыкъ въ приложеніи этихъ правилъ. Однако, не безполезно разсмотрѣть, каковы самые обыкновенные способы плохаго умозаключенія: какія внѣшности всего вѣроятнѣе могутъ обольстить умъ и отклонить его отъ соблюденія истинныхъ началъ наведенія; короче, каковы самые обыкновенные и наиболѣе опасные виды кажущагося доказательства, вовлекающіе людей во мнѣнія, для оправданія которыхъ не существуетъ основательнаго доказательства.

Перечень видовъ кажущагося доказательства, которые не суть дѣйствительныя доказательства, есть перечисленіе заблужденій. Безъ по-

добнаго перечисленія настоящее сочиненіе представляло бы пробѣлъ въ существенномъ отношеніи. Писатели, не включавшіе въ свою теорію умозаключенія ничего, кромѣ силлогизма, ограничивали свои замѣтки, согласно его предѣламъ, заблужденіями, коренящимися въ этой части процесса изслѣдованій. Мы же, взявшись разсмотрѣть весь процессъ, должны, къ правиламъ для вѣрнаго совершенія его, прибавить предостереженія отъ невѣрнаго исполненія въ какой бы то ни было части: будетъ ли ошибоченъ силлогизмъ либо опытъ, или ошибка будетъ состоять въ опущеніи и силлогизма, и наведенія.

§ 2. Разсматривая источники безосновательнаго заключенія, излишне перечислять заблужденія, проистекающія не отъ ложнаго метода, ни даже отъ незнанія вѣрнаго метода, а отъ случайной ошибки, порожденной поспѣшностью или невниманіемъ въ приложеніи истинныхъ правилъ наведенія. Такія ошибки, подобно случайнымъ промахамъ въ сложеніи чиселъ, не требуютъ философскаго анализа или философской классификаціи; теоретическія соображенія не дадутъ намъ средствъ избѣжать ихъ. Въ настоящемъ сочиненіи мы должны обратить вниманіе не на чистую неопытность въ правильномъ совершеніи процесса (исправляемую только сосредоточеннымъ вниманіемъ и ревностнымъ упражненіемъ), а на способы совершенія его такимъ путемъ, который существенно ложенъ; на условія, порождающія въ человѣческомъ умѣ убѣжденіе, что онъ обладаетъ достаточными основаніями для заключенія, котораго онъ не достигъ ни однимъ изъ законныхъ методовъ наведенія, котораго онъ и не пытался повѣрять, хотя бы небрежно и поспѣшно, этими законными методами.

§ 3. Въ томъ, что можно назвать философіей заблужденія, есть другая отрасль, о которой мы должны здѣсь упомянуть, хотя бы только для того, чтобы исключить ее изъ нашего предмета. Источники ошибочныхъ мнѣній двояки: источники нравственные и умственные. Нравственные не входятъ въ предѣлы этого сочиненія. Ихъ можно разбить на два отдѣла: равнодушіе къ достиженію истины и увлеченіе. Самый обыкновенный случай увлеченій состоитъ въ томъ, что насъ увлекаютъ наши желанія. Если заключенія затрогиваютъ одну изъ нашихъ сильныхъ страстей, то мы почти одинаково склонны безосновательно принять заключеніе, для насъ непріятное, какъ и пріятное. Люди роб-

каго характера тѣмъ болѣе склонны повѣрить какому-либо извѣстію, чѣмъ оно способнѣе тревожить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, это психологическій законъ, который можетъ быть выведенъ изъ наиболѣе общихъ законовъ духовнаго склада людей, что всякая сильная страсть дѣлаетъ насъ легковѣрными къ существованію предметовъ, способныхъ возбудить ее.

Но нравственныя причины мнѣній, хотя въ большинствѣ лицъ онѣ наиболѣе могущественны, суть лишь причины отдаленныя: онѣ дѣйствуютъ не прямо, а при помощи причинъ умственныхъ, къ которымъ онѣ стоятъ въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ, по теоріи медицины, обстоятельства, называемыя причинами *предрасполагающими*, стоятъ къ причинамъ *возбуждающимъ*. Равнодушіе къ истинѣ, само по себѣ, не можетъ породить заблужденія; оно дѣйствуетъ, препятствуя уму собрать надлежащія доказательства или провѣрить ихъ законнымъ и строгимъ наведеніемъ. Вслѣдствіе этого опущенія, умъ беззащитенъ противъ вліянія мнимаго доказательства всякаго рода, которое представляется само собою или порождается тѣмъ меньшимъ количествомъ труда, какое умъ готовъ исполнить. Точно такъ же и увлеченіе не прямой источникъ ошибочныхъ заключеній. Мы не можемъ повѣрить предложенію единственно по желанію или по страху повѣрить ему. Самая страстная склонность найти рядъ предложеній истиннымъ не сдѣлаетъ самаго слабаго человѣка способнымъ повѣрить имъ безъ признака умственныхъ основаній, безъ всякаго, хотя бы кажущагося доказательства. Она дѣйствуетъ косвенно, представляя человѣку умственныя основанія убѣжденія въ неполномъ или извращенномъ видѣ. Склонность заставляетъ пугаться досадливаго труда строгаго наведенія, когда родилось опасеніе, что результатъ можетъ быть непріятенъ, — а въ предпринятомъ изслѣдованіи заставляетъ направлять ненадлежащимъ образомъ то, что въ нѣкоторой степени произвольно, именно вниманіе, удѣляя бо́льшую долю его доказательству, которое, повидимому, благопріятно желаемому заключенію, и меньшую долю — доказательству, которое, повидимому, неблагопріятно. Склонность дѣйствуетъ также, заставляя человѣка ревностно искать доводовъ или мнимыхъ доводовъ въ подтвержденіе мнѣній, сообразныхъ его выгодамъ или чувствамъ, и противиться неблагопріятнымъ. А когда выгоды или чувства общи множеству лицъ, то прини-

маются и становятся общеупотребительными доводы, на которые, въ качествѣ доводовъ, никто не обратилъ бы вниманія, еслибы ничто не говорило могущественнѣе ихъ въ пользу заключеній. Естественныя и усвоенныя пристрастія человѣчества постоянно порождаютъ философскія теоріи, въ пользу которыхъ говорятъ лишь посылки, представляемыя этими пристрастіями для доказательства любимыхъ ученій или для оправданія дорогихъ чувствъ. А когда одна изъ этихъ теорій до того упала въ общественномъ мнѣніи, что не можетъ уже служить цѣли, то ее всегда готова замѣстить другая. Эта склонность, если она проявляется въ пользу какого-либо весьма распространеннаго убѣжденія или чувства, часто украшается лестными эпитетами, а противоположная привычка сохранять сужденіе въ полномъ подчиненіи доказательству, клеймится разными злобными названіями, каковы: скептицизмъ, безнравственность, холодность, безсердечіе и тому подобными выраженіями, сообразно природѣ случая. Но хотя мнѣнія большинства, когда они зависятъ не отъ одной привычки и не отъ одного натверживанья, коренятся гораздо болѣе въ склонностяхъ, чѣмъ въ умѣ, однако для торжества нравственной склонности необходимо, чтобъ она сперва извратила разсудокъ. Каждое ошибочное заключеніе, хотя бы оно порождалось нравственными причинами, обнимаетъ умственный процессъ признанія недостаточнаго доказательства за достаточное. И кто остерегался всякаго рода неосновательныхъ доказательствъ, которыя могутъ быть приняты за убѣдительныя, тотъ не подвергается опасности быть вовлеченнымъ въ ошибку и самою сильною склонностью. Есть умы, дотого окрѣпшіе въ мышленіи, что они не *могли бы* заслониться отъ свѣта истины, какъ бы этого, дѣйствительно, ни желали; съ наибольшею склонностью въ мірѣ, они не могли бы навязать себѣ плохихъ доводовъ вмѣсто основательныхъ. Еслибъ сдѣлать невозможною софистику ума, то софистика чувствъ, лишенная орудія для дѣятельности, была бы безсильна. Поэтому, полная классификація всѣхъ вещей, которыя, не будучи доказательствами, могутъ показаться доказательствами для ума, будетъ заключать всѣ ошибки сужденія, происходящія отъ нравственныхъ причинъ, за исключеніемъ лишь ошибокъ на практикѣ, дѣлаемыхъ не смотря на наше знаніе вѣрнѣйшаго пути.

Затѣмъ, намъ предстоитъ изслѣдовать различные роды доказа-

тельствъ, которыя отнюдь не доказательства, и роды доказательствъ, повидимому полныхъ, которыя вовсе не полны.

Предметъ этотъ не заходитъ за предѣлы классификаціи и сжатаго обзора. Въ самомъ дѣлѣ, вещи, не составляющія доказательства даннаго заключенія, очевидно, безконечны, и это отрицательное свойство, отнюдь не завися ни отъ какихъ положительныхъ, не можетъ быть принято за основу дѣйствительной классификаціи. Но вещи, которыя, не будучи доказательствомъ, могутъ казаться доказательствомъ, допускаютъ классификацію, имѣющую отношеніе къ обладаемому ими положительному свойству: что онѣ могутъ казаться доказательствомъ. И распредѣлить ихъ мы можемъ, по нашему выбору, на любомъ изъ двухъ началъ: сообразно причинѣ, по которой они кажутся доказательствомъ, не будучи имъ, или сообразно особому роду заключающагося въ нихъ, повидимому, доказательства. Классификація заблужденій, которую мы попытаемся изложить въ слѣдующей главѣ, основана на обоихъ этихъ соображеніяхъ.

ГЛАВА II.

КЛАССИФИКАЦІЯ ЗАБЛУЖДЕНІЙ.

§ 1. Пытаясь установить нѣкоторыя общія отличія, которыя разграничивали бы одинъ отъ другаго разные роды ошибочнаго доказательства, мы стремимся къ совершенно розной цѣли со многими достойными мыслителями, которые, подъ названіемъ политическихъ и другихъ заблужденій, давали простой перечень извѣстнаго числа ошибочныхъ мнѣній, излагали часто встрѣчающіяся ложныя общія предложенія, — *loci communes* (общія мѣста) плохихъ доводовъ относительно какого-либо особаго предмета. Логика разсматриваетъ не ложныя мнѣнія, случайно раздѣляемыя людьми, а путь, которымъ люди доходятъ до этихъ мнѣній. Спрашивается не то, какіе факты были когда-либо ошибочно принимаемы за доказательство другихъ фактовъ, а какое свойство этихъ фактовъ повело людей къ такому ошибочному предположенію.

Когда фактъ, хотя ошибочно, принимается за доказательство или признакъ другаго, то должна быть причина ошибки: фактъ, считаемый доказательствомъ, долженъ быть связанъ особеннымъ образомъ съ фактомъ, по которому его принимаютъ за доказательство, — долженъ стоять въ особенномъ отношеніи, безъ котораго онъ не представлялся бы въ этомъ свѣтѣ. Отношеніе можетъ или быть однимъ изъ тѣхъ, которыя порождаются простымъ взглядомъ на два поставленные рядомъ факта, или зависѣть отъ какого-либо умственнаго процесса, который еще раньше установилъ между ними ассоціацію. Однако, тутъ должна существовать какая-либо особенность отношенія: фактъ, о которомъ, хотя бы вслѣдствіе самаго дикаго заблужденія, предполагается, что онъ доказываетъ другой фактъ, — долженъ стоять къ нему въ какомъ-либо особенномъ положеніи. И еслибъ мы могли обнаружить и опредѣлить это особенное положеніе, то замѣтили бы источникъ ошибки.

Мы не можемъ считать одинъ фактъ доказательствомъ другаго, если не убѣждены въ томъ, что оба эти факта всегда или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ соединены. Если мы считаемъ А доказательствомъ В, — если, видя А, мы склонны вывести изъ него В, — то причиною тому наше убѣжденіе, что вездѣ, гдѣ есть А, всегда или большею частью существуетъ и В, какъ фактъ предшествующій, или послѣдующій, или сопутствующій. Если, видя А, мы склонны не ожидать В, — если мы считаемъ А доказательствомъ отсутствія В, — то причиною тому наше убѣжденіе, что гдѣ есть А, тамъ В или не оказывается никогда, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчается рѣдко. Короче, ошибочныя заключенія не менѣе правильныхъ стоятъ въ неизмѣнномъ, высказанномъ ли, или безмолвно предположенномъ отношеніи къ общей формулѣ. Когда мы выводимъ одинъ фактъ изъ другаго, который на дѣлѣ его не доказываетъ, мы или допустили, или, еслибъ были послѣдовательны, должны бы были допустить, относительно соединенія означенныхъ двухъ фактовъ, какое-либо безосновательное общее предложеніе.

Слѣдовательно, каждому свойству фактовъ или нашего способа разсматривать факты, заставляющему насъ думать, что они обыкновенно соединены, когда этого нѣтъ, или что они не соединены, когда на дѣлѣ это такъ, соотвѣтствуетъ извѣстный родъ заблужденій. И перечень заблужденій долженъ состоять въ подробномъ указаніи тѣхъ свойствъ фак-

товъ и тѣхъ особенностей въ нашемъ способѣ разсматривать ихъ, которыя порождаютъ упомянутыя ошибочныя мнѣнія.

§ 2. Начнемъ этотъ перечень. Предполагаемая связь или несовмѣстность двухъ фактовъ можетъ или быть заключеніемъ изъ доказательства (т. е. изъ одного или нѣсколькихъ другихъ предложеній), или быть допущена безъ всякаго такого основанія, — допущена, какъ говорится, по своей собственной очевидности, — признана какъ очевидная сама по себѣ: какъ аксіомная истина. Это порождаетъ первое большое различіе: между заблужденіями въ выводѣ и заблужденіями съ перваго взгляда (of simple inspection). Въ послѣдній разрядъ должны быть включены не только всѣ случаи, въ которыхъ предложенію вѣрятъ и считаютъ его истиннымъ, буквально безъ всякаго внѣшняго доказательства, спеціальнымъ ли опытомъ или общимъ умозаключеніемъ, — но входятъ и тѣ болѣе частые случаи, когда съ перваго взгляда рождается *предположеніе (presumption)* въ пользу предложенія, не достаточное для убѣжденія, но достаточное для того, чтобы строгія начала правильнаго наведенія не были соблюдены и чтобы возникло предрасположеніе вѣрить предложенію на основаніи доказательства, которое, при отсутствіи такого предположенія, было бы признано недостаточнымъ. Этотъ классъ, обнимающій все, что можетъ быть названо естественными предразсудками и что я буду называть, безразлично, заблужденіями съ перваго взгляда или заблужденіями *a priori*, долженъ быть поставленъ во главѣ нашего перечня.

Заблужденія въ выводѣ или ошибочныя заключенія изъ предполагаемаго доказательства должны быть подраздѣлены по природѣ мнимаго доказательства, изъ котораго выведены заключенія, — или (что одно и то же) по особому роду вѣрнаго довода, видъ котораго принимаетъ на себя разсматриваемое заблужденіе. Но сперва должно провести различіе, не соотвѣтствующее ни одному изъ подраздѣленій здравыхъ доводовъ, но вытекающее изъ природы ложныхъ доводовъ. Мы можемъ знать съ точностью основаніе нашего доказательства и, однако, вывести изъ этого основанія ложное заключеніе; можемъ знать съ точностью, каковы наши посылки, какіе мнимые факты или общія начала служатъ основаніемъ нашему заключенію, и, однако, оно можетъ быть ошибочно, потому что наши посылки ложны или мы вывели изъ нихъ то, чего

онѣ не оправдываютъ. Но, можетъ быть, еще чаще заблужденіе происходитъ оттого, что мы не понимаемъ нашихъ посылокъ съ надлежащею ясностью, т. е., какъ показано въ предшествующей книгѣ *), съ должною опредѣленностью: составляя одно представленіе о нашемъ доказательствѣ, когда его собираемъ или получаемъ, и другое, когда его употребляемъ, или, подставляя, въ продолженіе доказательства, ненамѣренно и, обыкновенно, безсознательно, посылки, отличныя отъ тѣхъ, изъ которыхъ мы исходили, или заключеніе, отличное отъ того, которое намѣревались доказать. Это порождаетъ родъ заблужденій, которыя справедливо можно назвать заблужденіями отъ сбивчивости (confusion): относя сюда, между прочими, всѣ заблужденія, порождаемыя языкомъ: неопредѣленностью или двусмысленностью названій или сопряженными съ ними случайными ассоціаціями.

Когда заблужденіе происходитъ не отъ сбивчивости, т. е. когда допускаемое предложеніе и доказательство, на основаніи котораго оно пользуется довѣріемъ, понимаются одинаковымъ образомъ и выражаются недвусмысленно, то остается еще провести два перекрестныя дѣленія, отчего произойдутъ четыре класса. Кажущимся доказательствомъ могутъ быть или особые факты, или прежнія обобщенія; процессъ можетъ уподобляться или простому наведенію, или выводу; кромѣ того, доказательство, состоитъ ли оно изъ фактовъ или изъ общихъ предложеній, можетъ быть или ложно само въ себѣ, или, будучи истиннымъ, можетъ не оправдывать доказательства, которое мы хотимъ основать на немъ. Это даетъ намъ, вопервыхъ, заблужденія индуктивныя и заблужденія дедуктивныя, а затѣмъ подотдѣлы каждаго изъ этихъ отдѣловъ, смотря по тому, ложно ли предполагаемое доказательство, или оно истинно, но не оправдываетъ нашего заключенія.

Заблужденія въ наведеніи, состоящія въ томъ, что наведеніе построено на ошибочныхъ фактахъ, могутъ быть названы заблужденіями въ наблюденіи. Терминъ этотъ не строго точенъ или, скорѣе, не точно совпадаетъ съ классомъ заблужденій, который я хочу имъ означить. Наведеніе не всегда основывается на фактахъ, непосредственно наблюденныхъ; иногда оно опирается на факты выведенные, а при ошибоч-

*) См. выше, стр. 193.

ности послѣднихъ заблужденіе можетъ быть, въ буквальномъ смыслѣ, не примѣромъ плохаго наблюденія, а примѣромъ плохаго вывода. Однако, удобнѣе составить лишь одинъ классъ изъ всѣхъ наведеній, ошибочность которыхъ лежитъ въ недостаточномъ установленіи фактовъ, служащихъ основаніемъ теоріи, — будетъ ли плохое наблюденіе причиною ошибки непосредственно или при помощи промежуточныхъ признаковъ, которые не доказываютъ того, что предполагалось ими доказать. А за отсутствіемъ термина, который обнималъ бы всѣ способы изслѣдованія фактовъ, служащихъ основаніемъ наведенію, и за даннымъ мною поясненіемъ, я рѣшаюсь называть разсматриваемый родъ заблужденій — заблужденіями въ наблюденіи.

Другой родъ индуктивныхъ заблужденій, въ которомъ факты вѣрны, но не оправдываютъ заключенія, правильно назвать заблужденіями въ обобщеніи, и онъ, въ свою очередь, распадается на различные виды или естественныя группы, часть которыхъ мы перечислимъ въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ заблужденіямъ вывода, именно къ тѣмъ способамъ неправильнаго доказательства, въ которыхъ посылки или нѣкоторыя изъ посылокъ суть общія предложенія, а доводъ — умозаключеніе. И эти заблужденія мы можемъ, естественно, разбить на два вида, подобные двумъ предшествующимъ, именно: на доказательства, основанныя на ложныхъ посылкахъ, и доказательства, посылки которыхъ хотя истинны, но не оправдываютъ заключенія. Но, изъ этихъ видовъ, первый необходимо долженъ входить въ одинъ изъ перечисленныхъ уже нами отдѣловъ, такъ какъ ошибка должна состоять или въ посылкахъ, образуемыхъ общими предложеніями, или въ посылкахъ, утверждающихъ единичные факты. Въ первомъ случаѣ ошибка представляетъ индуктивное заблужденіе того или другаго рода; во второмъ она заблужденіе въ наблюденіи, — если только, въ которомъ-либо изъ этихъ случаевъ, ошибочная посылка не была принята съ перваго взгляда, — когда заблужденіе будетъ апріорическое. Наконецъ, можетъ случиться, что посылки, какого бы рода онѣ ни были, никогда не были понимаемы такъ отчетливо, чтобы ясно сознавались способы ихъ достиженія. Примѣромъ тому можетъ служить такъ-называемое заключеніе ложнаго круга. Тогда заблужденіе есть заблужденіе по сбивчивости.

Итакъ, единственнымъ родомъ заблужденій, коренящихся въ выводѣ, остаются умозаключенія, въ которыхъ посылки не оправдываютъ доказательства: короче, различные случаи невѣрнаго доказательства, предупреждаемые правилами силлогизма. Эти заблужденія мы назовемъ заблужденіями въ умозаключеніи.

Такимъ образомъ намъ представляется пять различныхъ родовъ заблужденій, которые могутъ быть сопоставлены въ слѣдующую синоптическую таблицу:

- Заблужденія
  - съ перв. взгляда . . . . . 1. Заблужденія апріорическія.
  - въ заключеніи
    - изъ доказательства, ясно сознаваемаго
      - Заблужденія индуктивныя
        - 2. Заблужденія въ наблюденіи.
        - 3. Заблужденія въ обобщеніи.
      - Заблужденія дедуктивныя
        - 4. Заблужденія въ умозаключеніи.
    - изъ доказательства неясно сознаваемаго . . . . . 5. Заблужденія отъ сбивчивости представленій.

§ 3. Однако, не слѣдуетъ надѣяться, что дѣйствительныя заблужденія людей всегда или хоть обыкновенно до такой степени очевидно входятъ въ одинъ изъ этихъ классовъ, чтобы ихъ нельзя было отнести въ другой. Ошибочные доводы не допускаютъ такого рѣзкаго дѣленія, какъ правильные. Когда доводъ изложенъ вполнѣ, съ отчетливымъ указаніемъ всѣхъ его ступеней, языкомъ, не допускающимъ ложнаго пониманія, то ошибка его должна несомнѣнно подходить подъ одинъ изъ перечисленныхъ пяти классовъ, — правда, первыхъ четырехъ, потому что, при такомъ предположеніи, пятый исчезаетъ. Но плохое умозаключеніе, по самой природѣ своей, не выражается такъ недвусмысленно. Когда софиста, обманывающаго себя самого или пытающагося обмануть другихъ, заставите облечь свое софистическое доказательство въ такую отчетливую форму, то во многихъ случаяхъ оно не потребуетъ дальнѣйшаго разъясненія.

Во всѣхъ доказательствахъ, за исключеніемъ приводимыхъ въ школахъ, нѣкоторыя изъ звеньевъ опускаются. Тѣмъ скорѣе будутъ они опущены, когда доказывающій хочетъ обмануть, или когда онъ плохой либо неопытный мыслитель, не привыкшій провѣрять чѣмъ бы то ни было процессы своего мышленія. И всего чаще ошибка скрывается именно въ тѣхъ ступеняхъ умозаключенія, которыя совершаются такимъ безмолвнымъ и полусознательнымъ или даже вполнѣ безсознательнымъ образомъ. Чтобы открыть заблужденіе, безмолвно принимаемое предложеніе должно быть вставлено. Но, по всей вѣроятности, строющій умозаключеніе никогда не задавалъ себѣ вопроса о томъ, что онъ принимаетъ за данное; и потому, если нельзя выпытать этого сократическимъ выспрашиваньемъ, — опровергающій долженъ самъ обсудить, какова должна быть опущенная посылка, чтобы оправдать заключеніе. И потому, какъ говоритъ Уэтли, «рѣшеніе вопроса, къ какому роду отнести каждый *отдѣлъ* заблужденій», даже рѣшеніе вопроса, къ какому отдѣлу отнести какое-либо *данное* заблужденіе, часто должно быть сомнительно или, скорѣе, произвольно. Такъ какъ въ каждомъ доказательствѣ одна посылка обыкновенно опускается, то, въ случаѣ заблужденія, слушателю часто предоставляется вставить *либо* посылку, которая *не истинна*, *либо* посылку, которая *не оправдываетъ* заключенія. Пусть, напримѣръ, человѣкъ распространяется о бѣдствіяхъ страны и доказываетъ имъ, что въ этой странѣ правленіе тиранническое. Мы должны предположить этого человѣка признающимъ *либо* то, что каждая несчастная страна управляется тиранически, что очевидно ложно, *либо* только то, что «каждая страна, управляемая тиранически, несчастна, что, хотя истинно, но ничего не доказываетъ, такъ какъ недостаетъ средняго предложенія.» По нашей классификаціи, первое доказательство относилось бы къ заблужденіямъ въ обобщеніи, второе къ заблужденіямъ въ умозаключеніи. «О которомъ же изъ доводовъ должны мы предположить, что именно его хотѣлъ вызвать въ нашемъ умѣ говорящій? Конечно (если онъ только понималъ самого себя), тотъ, который случится предпочесть каждому изъ слушателей: нѣкоторые могутъ согласиться съ ложною посылкой, другіе могутъ допустить невѣрный силлогизмъ.»

Итакъ, строго говоря, почти всѣ заблужденія могли бы быть отнесены въ нашъ пятый классъ, къ заблужденіямъ отъ сбивчивости.

Заблужденіе рѣдко можетъ быть безусловно причислено къ которому-либо изъ остальныхъ классовъ. Мы въ правѣ только сказать, что еслибъ были вставлены всѣ звенья, какія могутъ находиться въ правильномъ доказательствѣ, то разсужденіе расположилось бы или такъ (представляя заблужденіе одного класса), или такъ (заблужденіе другаго класса). По большей мѣрѣ, мы можемъ лишь сказать, что, *вѣроятно*, заключеніе порождено заблужденіемъ такого-то или такого-то класса. Такъ, въ только-что приведенномъ примѣрѣ, сдѣланную ошибку можно приписать, съ наибольшею вѣроятностію, заблужденію въ обобщеніи: потому что неопредѣленный признакъ или неопредѣленный членъ доказательства былъ ложно принятъ за опредѣленный; что по дѣйствію заключали о которой-либо изъ его возможныхъ причинъ, когда есть другія причины, одинаково способныя произвести это дѣйствіе.

Хотя указанные пять классовъ сливаются и данное заблужденіе часто кажется произвольно относимымъ къ одному изъ нихъ, а не къ другому, однако различіе ихъ приноситъ значительную пользу. Мы найдемъ удобнымъ отдѣлить, относя ихъ къ заблужденіямъ отъ сбивчивости, тѣ заблужденія, въ которыхъ сбивчивость представляется наиболѣе очевиднымъ характеристическимъ признакомъ; въ которыхъ не можетъ быть указано иной причины сдѣланной ошибки, кромѣ нерадѣнія или неспособности къ надлежащей постановкѣ вопроса и къ опредѣленному и къ точному уразумѣнію доказательства. Въ остальные четыре класса я помѣщу не только тѣ случаи, въ которыхъ, хотя ясно видна сущность доказательства, однако изъ него выводится невѣрное заключеніе, но и тѣ случаи, въ которыхъ, хотя и есть сбивчивость, однако эта сбивчивость не единственная причина ошибки, а, наряду съ нею, есть тѣнь основанія приписать эту ошибку природѣ самого доказательства. А когда, при распредѣленіи этихъ случаевъ сбивчивости, въ частности, по четыремъ классамъ, точный источникъ заблужденія можетъ быть еще сомнителенъ, я предположу его въ той части процесса, въ которой, по природѣ случая и склонностямъ человѣческаго ума, ошибка, при данныхъ обстоятельствахъ, наиболѣе вѣроятна.

Послѣ этихъ замѣтокъ, мы, безъ дальнѣйшаго вступленія, разсмотримъ по очереди всѣ пять классовъ.

ГЛАВА III.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ СЪ ПЕРВАГО ВЗГЛЯДА ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНІЯ АПРІОРИЧЕСКІЯ.

§ 1. Въ заблужденіяхъ, классъ которыхъ мы должны разсмотрѣть прежде другихъ, вовсе не происходитъ никакого дѣйствительнаго вывода; предложеніе (въ такихъ случаяхъ оно не можетъ быть названо заключеніемъ) принимается не какъ доказанное, а какъ не требующее доказательства, какъ очевидная по себѣ истина, или, иначе, какъ предложеніе, обладающее такимъ внутреннимъ правдоподобіемъ, что внѣшнее доказательство, само по себѣ недостаточное, становится достаточною помощью предшествовавшему предположенію.

Попытка полнаго разбора этого предмета зашла бы за предѣлы, предназначенные настоящему сочиненію, потому что такой разборъ потребовалъ бы изслѣдованія, которое, болѣе всякаго другаго, составляетъ великій вопросъ такъ-называемой метафизики, а именно: какія предложенія могутъ быть разумно принимаемы безъ доказательства? Всѣ согласны въ томъ, что нѣкоторыя такія предложенія должны существовать, потому что нельзя же имѣть безконечный рядъ доказательствъ,— цѣпь, ни на чемъ не висящую. Но опредѣленіе этихъ предложеній составляетъ *opus magnum* (великую задачу) наиболѣе отвлеченной философіи духа. Съ самаго рожденія философскихъ школъ, онѣ держались по этому предмету двухъ главныхъ мнѣній. Одно признаетъ коренными посылками лишь факты нашего субъективнаго сознанія: наши ощущенія, душевныя движенія, умственныя состоянія духа и хотѣнія. По этой теоріи намъ доступно лишь знаніе перечисленнаго и всего того, что можетъ быть изъ него выведено строгимъ наведеніемъ; объ остальномъ мы должны оставаться въ невѣдѣніи. Противоположная школа убѣждена, что есть другія бытія, которыя, правда, указываются нашему духу перечисленными субъективными явленіями, но не могутъ быть выведены изъ нихъ никакимъ процессомъ вывода или наведенія, и которыя мы, по складу нашей духовной природы, должны, однако, признать за реальныя бытія, — даже за реальныя бытія высшаго рода, сравнительно съ явленіями нашего сознанія, такъ какъ бытія эти суть

дѣйствующія причины и необходимые субстраты всѣхъ явленій. Къ этимъ бытіямъ причисляются сущности, будетъ ли то вещество или духъ: отъ праха подъ нашими стопами до души и отъ нея до божества. Всѣ эти бытія, по изложенному воззрѣнію, — существа внѣестественныя или сверхъестественныя, не имѣющія ничего себѣ сходнаго въ предѣлахъ опыта, хотя все подлежащее опыту есть проявленіе ихъ дѣятельности. По этой теоріи, реальное бытіе упомянутыхъ сущностей, вмѣстѣ съ большею или меньшею долею законовъ, которымъ онѣ слѣдуютъ въ своей дѣятельности, понимаются и познаются самимъ духомъ, путемъ прямаго усмотрѣнія: опытъ (въ видѣ ли ощущенія или внутренняго чувства) участвуетъ въ познаваніи и пониманіи лишь тѣмъ, что доставляетъ факты, которые согласны съ этими необходимыми постулятами [1]) ума и объясняются ими.

Рѣшеніе спора между этими теоріями не входитъ въ задачу настоящаго сочиненія, и она не дозволяетъ намъ изслѣдовать существованіе и опредѣлить объемъ и предѣлы апріорическаго знанія, а также охарактеризовать тотъ родъ вѣрнаго предположенія, видъ котораго принимаетъ на себя разсматриваемое нами заблужденіе, состоящее въ невѣрномъ предположеніи. Но такъ какъ обѣ спорящія стороны соглашаются въ томъ, что такія предположенія часто безосновательны, то мы позволимъ себѣ, не вдаваясь въ коренныя метафизическія основанія спора, изложить нѣсколько умозрительныхъ предложеній и указать нѣсколько практическихъ предосторожностей относительно формъ, въ которыхъ такія неоправданныя предположенія, вѣроятно, будутъ высказаны.

§ 2. Въ случаяхъ, въ которыхъ, по мнѣнію мыслителей онтологической школы [2]), духъ непосредственно усматриваетъ вещи и законы вещей, непознаваемые нашею способностью ощущать, — его воспріятія, непосредственныя или предполагаемыя непосредственными, не отличимы отъ того, что противная школа привыкла называть идеями духа. Когда онтологисты говорятъ, что усматриваютъ вещи непосредственнымъ проявленіемъ способности, дарованной имъ съ этою цѣлью Создателемъ, —

---

[1]) Постулатъ — предложеніе, принимаемое безъ доказательства, какъ очевидное само по себѣ. *П. Л.*

[2]) Онтологія — изученіе сущности вещей. Онтологическая школа — та, которая принимаетъ эти сущности вещей, какъ предметъ доступный изученію или, даже, какъ главный предметъ изученія. *П. Л.*

то имъ могутъ возразить, что они находятъ въ своемъ собственномъ духѣ идею или представленіе и изъ нихъ уже заключаютъ о существованіи соотвѣтствующей объективной дѣйствительности. И возраженіе это будетъ не уловкой, а лишь выраженнымъ въ другихъ словахъ объясненіемъ, которое даютъ явленію многіе изъ самихъ онтологистовъ, — объясненіемъ, съ которымъ самые зоркіе изъ нихъ могли бы, не колеблясь, согласиться, да обыкновенно и соглашаются. А если, въ случаяхъ, которые скорѣе другихъ могутъ служить примѣромъ знанія *a priori*, духъ переходитъ отъ идеи о вещи къ дѣйствительности самой вещи, то нечего удивляться, что незаконныя апріорическія предположенія состоятъ въ совершеніи того же самаго по ошибкѣ: въ ошибочномъ признаніи субъективныхъ фактовъ за объективные, законовъ воспринимающаго духа за законы воспринимаемаго предмета, свойствъ идей или представленій за свойства представляемыхъ вещей.

Поэтому, значительная доля встрѣчающихся заблужденій порождается безмолвнымъ предположеніемъ, что между предметами въ природѣ долженъ существовать тотъ же порядокъ, какой существуетъ между идеями о нихъ; что если мы всегда сочетаемъ двѣ вещи въ нашемъ умѣ, то онѣ должны и существовать всегда вмѣстѣ; что если одна вещь заставляетъ насъ думать о другой, какъ о предшествующей или послѣдующей, то эта вторая вещь должна предшествовать первой или слѣдовать за нею фактически; и, обратно, если мы не въ состояніи представить себѣ двухъ вещей въ совокупности, то онѣ и не могутъ существовать вмѣстѣ, и сочетаніе ихъ можетъ, безъ дальнѣйшаго доказательства, быть исключено изъ списка возможныхъ явленій.

Немногіе люди, думаю я, размышляли о мѣрѣ, въ какой это заблужденіе господствовало и господствуетъ надъ нынѣшними убѣжденіями и дѣйствіями человѣчества. Для перваго примѣра приведемъ богатый отдѣлъ народныхъ предразсудковъ. Присмотритесь къ тому, въ какихъ частностяхъ сходно большинство вещей, которыя, въ различные вѣка и различными частями человѣчества, считались предзнаменованіями какого-либо важнаго событія, бѣдственнаго ли, или счастливаго; обыкновенно, вещи эти отличаются тою особенностью, что онѣ заставляютъ умъ *думать* о томъ, дѣйствительное наступленіе чего онѣ, по предпо-

ложенію, предсказываютъ. «О чортѣ помолвка, а чортъ и тутъ *)» вошло въ пословицу. Говори о чортѣ, т. е. возбуди идею, и наступитъ дѣйствительность. Во времена, когда появленіе этой личности въ видимомъ образѣ считалось событіемъ нерѣдкимъ, людямъ съ живымъ воображеніемъ и впечатлительными нервами, безъ сомнѣнія, часто случалось разговорами о чортѣ настроить себя къ тому, чтобы онъ имъ представился, какъ даже въ наше невѣрующее время разсказы о привидѣніяхъ предрасполагаютъ насъ видѣть привидѣнія. Вслѣдствіе этого, апріорическое заблужденіе могло найти опору въ ошибочномъ наблюденіи и основанномъ на немъ ложномъ обобщеніи. Заблужденія различныхъ родовъ часто сочетаются и скопляются такимъ образомъ, причемъ одно пролагаетъ путь другому. Но источникъ предразсудка былъ, очевидно, тотъ, который мы указали. Точно такъ же вездѣ признавалось опаснымъ говорить о бѣдѣ. День, въ который приключилась бѣда, считался несчастнымъ, и вездѣ чувство, а у нѣкоторыхъ народовъ и религіозный долгъ, воспрещали заниматься въ такой день важными дѣлами, потому что въ теченіе его наши мысли, вѣроятно, будутъ тоже бѣдственны. На подобномъ же основаніи всякое неблагопріятное событіе при началѣ предпріятія считалось предвѣстіемъ неудачи; безъ сомнѣнія, такое событіе часто въ самомъ дѣлѣ способствовало неуспѣху, болѣе или менѣе нарушая спокойное настроеніе лицъ, причастныхъ къ предпріятію; но убѣжденіе господствовало и тамъ, гдѣ непріятное обстоятельство, помимо суевѣрія, было слишкомъ ничтожно, чтобы собственнымъ вліяніемъ лишить человѣка бодрости. Всякому извѣстно, что Цезарь, высаживаясь на африканскій берегъ, случайно споткнулся и упалъ, но, сохранивъ присутствіе духа, обратилъ несчастную примѣту въ счастливую, воскликнувъ: «Африка, обнимаю тебя!» Правда, такія предзнаменованія часто считались предостереженіями, даваемыми дружественнымъ или непріязненнымъ божествомъ. Но самый этотъ предразсудокъ былъ порожденъ предшествовавшею склонностью: предполагалось, что, для предреченія будущаго, божество насылаетъ такое событіе, которое люди уже склонны разсматривать въ томъ же свѣтѣ. То же можно сказать о счастливыхъ и несчастныхъ именахъ. Геродотъ разсказываетъ,

(*) У насъ эта пословица говорится о волкѣ. *Пер.*

что греки, на пути къ Микале, были ободрены въ своемъ предпріятіи прибытіемъ пословъ съ Самоса, изъ которыхъ одинъ назывался Игизистратомъ, предводителемъ армій.

Можно указать случаи, въ которыхъ вещь, неспособная оказать на дѣлѣ инаго вліянія, кромѣ возбужденія *мысли* о несчастіи, считалась не только его предзнаменованіемъ, но и чѣмъ-то близкимъ къ дѣйствительной причинѣ бѣды. *Εὐφήμει* (говори только доброе) грековъ и *favete linguis* (благопріятствуйте намъ языками) или *bona verba quæso* (прошу добрыхъ словъ) [1] римлянъ свидѣтельствуютъ о заботливости, съ которою они старались воспрепятствовать произнесенію каждаго слова, выражающаго или напоминающаго несчастіе, — побуждаемые не понятіями о нѣжной вѣжливости, весьма мало соотвѣтствовавшей ихъ поведенію вообще и чувству, а искреннимъ опасеніемъ, чтобы событіе, внушаемое воображенію, не наступило на дѣлѣ. Нѣкоторые признаки подобнаго суевѣрія встрѣчаются, какъ извѣстно, въ невоспитанныхъ лицахъ, даже и въ наше время: считается не христіанскимъ дѣломъ говорить о смерти или предполагать смерть лица, еще живаго. Извѣстно, какъ тщательно римляне избѣгали произнесенія всякаго слова, прямо означающаго смерть или другую бѣду, и прибѣгали къ иносказательнымъ выраженіямъ: такъ, вмѣсто «*mortuus est*» (мертвъ), они говорили «*vixit*» (жилъ), или «будь событіе счастливое либо *иное*», вмѣсто «*злополучное*». Зловѣщее имя Maleventum, ѳессалійское происхожденіе котораго (*Μαλόεις, Μαλόεντος*) столь проницательно открыто Сальмазіемъ, они измѣнили въ Beneventum ([a]); Egesta (Egestas, бѣдность) въ Segesta ([b]), а Epidamnus (damnum, ущербъ), имя, столь интересное по ассоціаціямъ, которое оно вызываетъ въ читавшемъ Ѳукидида, — въ Dyrrhachium ([c]), чтобы избѣгнуть опасности названія, напоминающаго damnum (окаянный) и вредъ.

«Когда заяцъ перебѣжитъ черезъ дорогу», говоритъ Томасъ Браунъ *), » то найдется немногимъ больше полусотни людей, которые бы

([1]) Приведенныя правила особенно строго соблюдались при жервоприношеніяхъ. *Пер.*

([a]) Городъ въ Церковной области.

([b]) Нынѣ г. г. Кастелламаре и Эрикъ, въ западной части Сициліи.

([c]) Нынѣ г. Дураццо, на полуостровѣ Иллиріи.

*) *Vulgar Errors*, кн. V, гл. 21.

этимъ не смутились, хотя безпокойство порождается въ этомъ случаѣ лишь предзнаменованіемъ, — по принятому сказанію: *Inauspicatum dat iter oblatus lepus* (не благопріятствуетъ пути попавшійся навстрѣчу заецъ). А поводомъ къ этой мысли было, вѣроятно, лишь то, что бѣгущее мимо насъ пугливое животное предвѣщаетъ что-либо пугающее. На подобномъ же соображеніи встрѣча съ лисицей предвѣщала какой-либо обманъ.» Суевѣрія, подобныя этимъ послѣднимъ, должны быть результатомъ изученія: они слишкомъ отвлеченны, чтобы могли возникнуть естественно или сами собою. Но когда уже была сдѣлана попытка построить науку предсказаній, тогда всякая, даже самая слабая и отдаленная ассоціація, которою предметъ могъ быть связанъ, хотя бы натяжкой, съ идеями о счастіи или объ опасности и бѣдѣ, была признаваема достаточною для причисленія предмета къ хорошимъ или дурнымъ предзнаменованіямъ.

Примѣръ нѣсколько инаго рода, но подпадающій тому же правилу, представляетъ намъ знаменитая попытка, на которую было потрачено алхимиками столько труда и изобрѣтательности: попытка привести золото въ такое состояніе, чтобы его можно было пить. Къ ней побуждала мысль, что золото, въ видѣ напитка, непремѣнно составляетъ всеобщее лекарство. А почему ожидали этого именно отъ золота? Потому что оно такъ цѣнно. Ему надлежало обладать всѣми чудесными свойствами естественныхъ веществъ, потому что умъ уже привыкъ ему удивляться.

Подобному же чувству должно приписать, что «каждое вещество, происхожденіе котораго», какъ говоритъ д-ръ Парисъ *), «облечено тайной, въ различныя времена было ревностно примѣняемо къ цѣлямъ медицины. Незадолго до настоящаго времени, въ сѣверной Италіи выпалъ родъ дождя, образуемый, какъ извѣстно теперь, испражненіями насѣкомыхъ; жители приняли его за манну или какое-либо сверхъестественное всеобщее лекарство и глотали его съ такою жадностью, что только съ величайшимъ трудомъ можно было добыть небольшое количество этого вещества для химическаго изслѣдованія.» Въ этомъ случаѣ суевѣріе, отчасти, было религіознаго свойства, но, по всей вѣроят-

*) *Paris, Pharmacologia*, Historical Introduction, p. 16.

ности, порождалось и предразсудкомъ, что чудесная вещь должна, несомнѣнно, обладать и чудесными свойствами.

§ 3. Приведенные нами примѣры апріорическихъ заблужденій принадлежатъ къ классу заблужденій черни и уже не обманываютъ умовъ, сколько-нибудь просвѣщенныхъ, да и могли обманывать ихъ развѣ въ грубый вѣкъ. Но заблужденіямъ, къ которымъ мы намѣрены перейти теперь, поддавались и поддаются чуть не всѣ мыслители. Та же склонность придавать объективность закону духа, — предполагать, что истинное относительно нашихъ идей о вещахъ должно быть истинно и относительно самыхъ вещей, — замѣтна во многихъ способахъ философскаго изслѣдованія, пользующихся довѣріемъ въ примѣненіи какъ къ физическимъ, такъ и къ метафизическимъ предметамъ. Въ одномъ изъ своихъ самыхъ прямыхъ проявленій, склонность эта выражается въ двухъ положеніяхъ, притязающихъ на истинность аксіомъ: Вещи, которыхъ мы не можемъ представить себѣ вмѣстѣ, не могутъ сосуществовать; вещи, которыя мы поневолѣ представляемъ себѣ вмѣстѣ, должны сосуществовать.—Я не увѣренъ въ томъ, что эти положенія были когда-либо выражены именно въ приведенныхъ словахъ; но исторія, какъ философіи, такъ и народныхъ убѣжденій, обильна мнѣніями, подходящими подъ ту и другую форму ученія.

Начнемъ съ послѣдней: Вещи, которыя мы поневолѣ представляемъ себѣ не иначе, какъ вмѣстѣ, должны существовать вмѣстѣ. Принимается общеупотребительнымъ и уважаемымъ способомъ умозаключенія, что А должно сопровождать В фактически, такъ какъ «оно обнимается идеею». Мыслители, примѣняющіе этотъ способъ умозаключенія, не думаютъ о томъ, что идея, будучи результатомъ отвлеченія, должна бы была сообразоваться съ фактами, а не можетъ заставить факты сообразоваться съ нею. Приведенный доводъ допустимъ развѣ только какъ ссылка на авторитетъ, какъ догадка, что составляющее теперь часть идеи было, прежними изслѣдователями, предварительно найдено въ фактахъ. Тѣмъ не менѣе философъ, который — если судить по его словамъ — болѣе всѣхъ другихъ отвергалъ авторитетъ, Декартъ, построилъ свою систему именно на приведенномъ основаніи. Любимымъ пріемомъ его для обнаруженія истины, даже относительно внѣшнихъ предметовъ, было обращеніе къ своему собственному уму. «Credidi me»,

гласило его знаменитое правило, «pro regula generali sumere posse, omne id quod valde dilucide et distincte concipiebam, verum esse» (Я считалъ возможнымъ принять за общее правило, что все, сознаваемое мною весьма ясно и отчетливо, — истинно): все, что можетъ быть весьма ясно сознано, должно, конечно, существовать, — т. е., какъ поясняетъ онъ позже, если идея обнимаетъ существованіе. На этомъ основаніи Декартъ заключаетъ, что геометрическія фигуры дѣйствительно существуютъ, такъ какъ ихъ можно отчетливо себѣ представить. Всякій разъ, когда «идея обнимаетъ» существованіе, сообразная ей вещь должна существовать. То же самое значило бы сказать, что всему, заключающемуся въ идеѣ, должно найтись соотвѣтствующее въ вещи, и что все, чего нельзя опустить въ идеѣ, не можетъ отсутствовать въ дѣйствительности *). Этимъ предположеніемъ проникнута философія не одного Декарта, а всѣхъ мыслителей, слѣдовавшихъ преимущественно указанному имъ пути; особенно проникнута этимъ предположеніемъ философія двухъ изъ нихъ, наиболѣе замѣчательныхъ, Спинозы и Лейбница, въ сущности породившихъ новѣйшую германскую метафизическую философію. Я, въ самомъ дѣлѣ, готовъ думать, что разсматриваемое нами заблужденіе было источникомъ двухъ третей плохой философіи и, преимущественно, плохой метафизики, которыя не переставалъ порождать человѣческій умъ. Наши общія идеи содержатъ лишь то, что было вложено въ нихъ либо нашимъ невольнымъ опытомъ, либо нашими дѣятельными привычками мысли. И метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей

*) Въ подобное заблужденіе впалъ, какъ мнѣ кажется, авторъ одного изъ *Bridgewater Treatises:* стараясь странными доводами доказать, что вещество можетъ существовать безъ всякаго изъ извѣстныхъ свойствъ вещества и потому можетъ быть измѣнчиво, онъ заключаетъ, что оно не можетъ быть вѣчно, «потому что вѣчное (страдательное) существованіе необходимо обнимаетъ неспособность измѣняться». По моему мнѣнію, трудно указать какую-либо другую связь между фактами вѣчнаго существованія и неизмѣнности, кромѣ сильной связи между соотвѣтствующими двумя идеями. Бо́льшая часть апріорическихъ доводовъ, религіозныхъ и антирелигіозныхъ, о происхожденіи вещей суть заблужденія, почерпнутыя изъ того же источника.

о вещахъ то, что они сами сначала впутали. Этимъ путемъ всѣ глубоко коренящіяся мнѣнія и чувства способны создать мнимыя доказательства ихъ истинности и разумности, повидимому, вытекающія изъ ихъ сущности.

Другая форма заблужденія: вещи, которыя мы не можемъ представить себѣ въ совокупности, не могутъ существовать вмѣстѣ. Одною изъ вѣтвей этого заблужденія будетъ, что вещи, которыя мы вовсе не можемъ представить себѣ существующими, вовсе не могутъ существовать. Короче, все заблужденіе выразится такъ: чего нельзя себѣ представить, должно быть ложно.

Это весьма распространенное ученіе я достаточно оспаривалъ въ одной изъ предшествующихъ книгъ *), и здѣсь нужно привести лишь примѣры. Антиподы долго считались невозможными, потому что признавалось труднымъ представить себѣ людей, головы которыхъ находились бы въ одномъ направленіи съ нашими ногами. И въ числѣ доводовъ противъ Коперниковой системы было принято то, что мы не можемъ представить себѣ такого большаго пустаго пространства, какое предполагается этою системою въ небесныхъ сферахъ. Когда люди привыкли представлять себѣ звѣзды крѣпко сидящими въ твердыхъ сферахъ, имъ, естественно, было очень трудно вообразить ихъ въ положеніи, столь различномъ отъ этого и, какъ имъ казалось несомнѣннымъ, въ столь непрочномъ. Но они не имѣли права ошибочно признать предѣлы своихъ собственныхъ способностей (природные ли, или, какъ оказалось на дѣлѣ, только искусственные) за предѣлы, присущіе возможнымъ способамъ бытія во вселенной.

Въ опроверженіе можетъ быть сказано, что въ этихъ случаяхъ ошибка была въ меньшей посылкѣ, а не въ большей; она касалась факта, а не правила; состояла не въ предположеніи, что невообразимое не можетъ быть истинно, а въ предположеніи, что антиподы немыслимы: современный опытъ доказываетъ, что ихъ можно себѣ представить. Но, хотя бы мы допустили это возраженіе, и хотя бы предложеніе, что немыслимое не можетъ быть истинно, не возбуждало сомнѣнія, какъ умозрительная истина, — все же оно было истиной, на

*) См. выше, кн. II, гл. V, § 6, и гл. VII, §§ 1, 2, 3.

которой нельзя основать никакого практическаго слѣдствія, такъ какъ, сообразно сказанному выше, ни объ одномъ предложеніи, не противорѣчивомъ въ самыхъ словахъ, нельзя сказать, чтобы оно было немыслимо. Антиподы были не фиктивно, а въ самомъ дѣлѣ немыслимы для нашихъ предковъ; мы же можемъ ихъ себѣ представить. Если расширеніемъ нашей опытности и болѣе разнообразнымъ упражненіемъ нашего воображенія такъ сильно были расширены предѣлы нашей способности представленія, то потомство можетъ найти вполнѣ вообразимыми многія сочетанія, которыя немыслимы для насъ. По ограниченности нашего опыта, мы всегда и необходимо должны обладать ограниченными способностями представленія; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы то же ограниченіе существовало въ возможностяхъ природы, ни даже въ ея настоящихъ проявленіяхъ.

Немногимъ болѣе полутора столѣтія до нашего времени никто не опровергалъ и не считалъ требующею доказательства тогдашнюю научную аксіому: что «вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ». Аксіома эта служила картезіанцамъ страшнымъ оружіемъ противъ теоріи тяготѣнія, которая, по ихъ мнѣнію, обнимая очевидную нелѣпость, должна быть отвергнута на самомъ порогѣ *(in limine)*: солнце, не будучи на землѣ, не можетъ на нее и дѣйствовать. Что приверженцы старыхъ астрономическихъ системъ приводили этотъ доводъ противъ новой, — не удивительно; но ложное предположеніе обманывало самого Ньютона, который, для отраженія довода, выдумалъ тонкій эѳиръ, наполняющій пространство между солнцемъ и землею и своимъ посредствующимъ дѣйствіемъ составляющій причину явленій тяготѣнія. «Немыслимо», говоритъ Ньютонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бентли *), «чтобы неодушевленная грубая матерія могла, безъ посредства чего-либо инаго, нематеріальнаго, дѣйствовать и вліять на другую матерію *безъ взаимнаго соприкосновенія*..... Мысль, что тяготѣніе прирождено и

*) Я привожу это мѣсто по знаменитому сочиненію Плейфера: *Dissertation on the Progress of Mathematical and Physical Science* (¹).

(¹) Ричардъ Бентли, 1662 — 1742, докторъ богословія, извѣстный критикъ древнихъ классиковъ, содѣйствовавшій новому, исправленному изданію Ньютоновыхъ Principia.

присуще матеріи, такъ, что одно тѣло можетъ дѣйствовать на другое, на разстояніи, чрезъ пустоту, безъ посредства чего-либо инаго, при помощи чего и чѣмъ дѣйствіе и сила тѣла могли бы быть передаваемы отъ него другому тѣлу, — кажется мнѣ такою нелѣпостью, что, по моему мнѣнію, въ нее никогда не впадетъ ни одинъ человѣкъ, способный разсуждать о философскихъ предметахъ.» Это мѣсто слѣдовало бы вывѣсить въ своемъ кабинетѣ всякому, занимающемуся наукой, который подверженъ соблазну объявить фактъ невозможнымъ, потому что послѣдній кажется ему немыслимымъ. Въ наше время соблазнительнѣе обратное заключеніе, хотя не менѣе несправедливое: усмотрѣніе какой-либо нелѣпости въ вещи столь простой и естественной скорѣе можно принять за признакъ «неспособности правильно разсуждать».

Теперь никому не трудно представить себѣ тяжесть, въ одинаковой мѣрѣ со всякимъ другимъ свойствомъ, «присущею матеріи»; пониманіе тяжести никому отнюдь не облегчается предположеніемъ эѳира, и никто не находитъ невѣроятнымъ, чтобы небесныя тѣла могли дѣйствовать и дѣйствовали тамъ, гдѣ они тѣлесно не присутствуютъ. Для насъ дѣйствіе тѣлъ одного на другое безъ «взаимнаго соприкосновенія» не удивительнѣе ихъ дѣйствія въ соприкосновеніи; мы освоились съ обоими этими фактами и находимъ, что они одинаково необъяснимы, но и одинаково легко вообразимы. Ньютону же, воображеніе котораго освоилось съ однимъ изъ этихъ фактовъ, онъ казался естественнымъ и понятнымъ самъ по себѣ, между тѣмъ какъ другой фактъ, вслѣдствіе противоположной причины, казался слишкомъ нелѣпымъ, чтобъ ему вѣрить.

Послѣ такого предостереженія странно, со стороны кого бы то ни было, безусловное довѣріе къ апріорическому доказательству предложеній, подобныхъ слѣдующимъ: что матерія не можетъ мыслить, что пространство или протяженіе безконечно; что ничто не можетъ произойти изъ ничего *(ex nihilo nihil fit)*. Здѣсь не мѣсто обсужденію того, справедливы ли эти предложенія или нѣтъ, ни даже того, разрѣшимы ли эти вопросы для человѣческихъ способностей. Но подобныя ученія такъ же мало очевидныя по себѣ истины, какъ и древняя аксіома, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, — аксіома, которой теперь, вѣроятно, не вѣритъ ни одинъ образованный человѣкъ въ

Европѣ. Матерія не можетъ мыслить? Почему? Потому что мы *не въ состояніи представить себѣ* мысль связанною съ какимъ-либо расположеніемъ матеріальныхъ частицъ. Пространство безпредѣльно потому, что, никогда не знавши части пространства, за которою бы не было другихъ частей, мы *не можемъ представить себѣ* безусловнаго предѣла. *Ex nihilo nihil fit*, потому что, никогда не знавши никакого физическаго продукта безъ существовавшаго до него физическаго матеріала, мы *не можемъ*, или думаемъ, что не можемъ, *представить себѣ* творчество изъ ничего. Но сами въ себѣ эти вещи могутъ быть такъ же вообразимы, какъ и тяготѣніе безъ посредствующей среды, которое Ньютонъ считалъ слишкомъ большою нелѣпицею, чтобы ее могло допустить лицо, способное къ философскому мышленію. Предположимъ даже, что упомянутыя вещи немыслимы; все же, насколько мы знаемъ, это можетъ быть лишь однимъ изъ ограниченій нашего весьма ограниченнаго ума, а вовсе не лежать въ самой природѣ.

Ни одинъ писатель не усваивалъ полнѣе разсматриваемаго заблужденія и не выражалъ его въ болѣе опредѣленныхъ словахъ, чѣмъ Лейбницъ. На его взглядъ, если вещь нельзя себѣ представить и даже объяснить, то она не можетъ существовать въ природѣ. По мнѣнію Лейбница, всѣ *естественныя* явленія должны допускать объясненіе *a priori*. Единственные факты, которымъ нельзя дать иначе объясненія, кромѣ воли Божіей, суть чудеса собственно такъ называемыя. «Я признаю», говоритъ Лейбницъ *), «что не дозволено отрицать того, чего не понимаешь; но прибавляю, что (по крайней мѣрѣ въ естественномъ порядкѣ) мы имѣемъ право отрицать вещи, которыхъ безусловно нельзя ни понять, ни объяснить. Утверждаю также.... что представленіе существъ (la conception des créatures) не есть мѣра Божьяго могущества, но что ихъ способность представленія (conceptivité ou force de concevoir) есть мѣра могущества природы, такъ какъ все, сообразное естественному порядку, какое-либо существо можетъ себѣ представить или понять».

Не довольствуясь принятіемъ положенія «ничто не можетъ быть

---

*) *Nouveaux Essais sur l'Entendement humain — Avant-propos* (Oeuvres. Paris, ed. 1842, vol. I, p. 19.

истинно, чего мы не можемъ себѣ представить», научные изслѣдователи часто еще болѣе расширяли это ученіе и думали, что даже изъ вещей, не вполнѣ немыслимыхъ, вѣроятно, истиннѣе тѣ, которыя мы всего легче можемъ себѣ представить. Долго признавалась, да и теперь не совершенно отвергнута, аксіома, что «природа дѣйствуетъ всегда самыми простыми средствами», т. е. такими, которыя всего легче себѣ представить. Значительная доля всѣхъ ошибокъ, сдѣланныхъ когда-либо въ изслѣдованіи законовъ природы, порождена мнѣніемъ, что самое привычное объясненіе или предположеніе должно быть самымъ истиннымъ. Къ числу самыхъ поучительныхъ фактовъ въ исторіи наукъ принадлежитъ упрямство, съ которымъ человѣческій умъ держался убѣжденія, что небесныя тѣла должны двигаться по окружностямъ или быть обращаемы вращеніемъ сферъ, — единственно потому, что эти предположенія, сами по себѣ, наиболѣе просты, хотя, для соглашенія ихъ съ фактами, которые болѣе и болѣе имъ противорѣчили, приходилось прибавлять сферу къ сферѣ и окружность къ окружности, пока предположенія, первоначально простыя, не стали почти неразрѣшимо-сложными.

§ 4. Переходимъ къ другому апріорическому заблужденію или естественному предразсудку, связанному съ первымъ и, подобно ему, коренящемуся въ склонности предполагать точное соотвѣтствіе между законами ума и законами вещей, которыя находятся внѣ его. Заблужденіе можетъ быть выражено въ слѣдующей общей формѣ: все, что можно себѣ представить отдѣльнымъ, существуетъ отдѣльно, — и замѣчательнѣйшее проявленіе этого заблужденія состоитъ въ олицетвореніи отвлеченій. Человѣчество во всѣ вѣка было весьма склонно заключать, что гдѣ есть названіе, тамъ должно существовать и соотвѣтствующее ему отличимое отдѣльное бытіе. И о всякой сложной идеѣ, которую умъ составилъ для себя, дѣйствуя на свои представленія объ единичныхъ вещахъ, думали, что ей соотвѣтствуетъ какая-либо внѣшняя объективная реальность. Судьба, случай, природа, время, пространство были дѣйствительными существами, даже богами. Если анализъ свойствъ въ первой части этого сочиненія правиленъ, то названія свойствъ и названія сущностей обозначаютъ одинъ и тотъ же рядъ фактовъ или явленій: *бѣлизна* и *бѣлая вещь* суть только различныя выраженія, требуемыя удобствомъ рѣчи объ одномъ и томъ же внѣшнемъ фактѣ при различныхъ обстоятельствахъ.

Однако, не такое понятіе вызывалось этимъ словеснымъ различіемъ въ прежнее время, какъ въ простомъ народѣ, такъ и въ ученыхъ. Бѣлизна была бытіемъ, присущимъ бѣлому веществу или сидящимъ въ немъ. Такъ было и со всѣми другими свойствами. Это доходило до того, что даже въ конкретныхъ общихъ названіяхъ предполагались названія не неопредѣленнаго числа единичныхъ сущностей, а особаго рода бытіи, называвшихся всеобщими сущностями. Мы можемъ думать и говорить о человѣкѣ вообще, т. е. о всѣхъ лицахъ, въ силу того, что они обладаютъ общими свойствами этого вида, и не относить нашихъ мыслей постоянно къ одному отдѣльному лицу. Поэтому предполагалось, что человѣкъ вообще не совокупность единичныхъ лицъ, а отличный отъ нихъ, отвлеченный или всемірный человѣкъ.

Можно себѣ представить, какую безурядицу вносили въ философію метафизики, воспитанные въ этихъ привычкахъ, дойдя до самыхъ обширныхъ обобщеній. Приходилось плохо отъ *Substantiæ Secundæ* (вторичныхъ сущностей) всякаго рода; но такія Substantiæ Secundæ, какъ напримѣръ, τό ὄν и τό ἕν (существующее и единое), которыя считались особыми бытіями и о которыхъ предполагалось, что они присущи всѣмъ *существующимъ* вещамъ, или говорилось, что они *одно*,—были въ состояніи покончить всякое понятное разсужденіе,—особенно съ тѣхъ поръ, когда было справедливо замѣчено, что истины, искомыя философіей, суть истины *общія*, и вслѣдствіе того было признано, что эти общія сущности, будучи неизмѣнны, составляютъ единственный предметъ науки, между тѣмъ какъ сущности единичныя, познаваемыя внѣшними чувствами и постоянно колеблющіяся, не могутъ быть предметомъ дѣйствительнаго знанія. Въ этомъ ложномъ понятіи о значеніи общихъ названій и состоитъ мистицизмъ. Слово это гораздо чаще писалось и говорилось, чѣмъ понималось. Въ Ведахъ, въ сочиненіяхъ и платониковъ, и гегельянцевъ, мистицизмъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ приписываніе объективнаго существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей, идеямъ или чувствамъ нашего духа, и убѣжденіе, что, сторожа и созерцая эти идеи собственнаго произведенія, духъ можетъ читать въ нихъ происходящее во внѣшнемъ мірѣ.

§ 5. Продолжая перечислять апріорическія заблужденія и стараясь расположить ихъ возможно точнѣе, по ихъ естественному сродству, мы

приходимъ къ заблужденію, которое не менѣе послѣдняго родственно предшествующему и стоитъ въ такомъ же отношеніи къ одному его виду, въ какомъ послѣднее заблужденіе стоитъ къ другому виду. Это новое заблужденіе также представляетъ природу подверженною неспособностямъ, соотвѣтственно неспособностямъ нашего ума; но оно не ограничивается утвержденіемъ, что природа не можетъ сдѣлать вещи, которой мы не можемъ представить себѣ сдѣланною, а идетъ еще дальше: утверждаетъ, что природа дѣлаетъ извѣстную вещь, и утверждаетъ это единственно на томъ основаніи, что мы не можемъ видѣть причины, по которой природа не дѣлала бы этой вещи. Какъ ни нелѣпо приведенное заблужденіе въ такомъ простомъ изложеніи, но оно признается учеными за правило для апріорическаго доказательства законовъ естественныхъ явленій. Явленіе должно слѣдовать извѣстному закону, потому что мы не видимъ причины, по которой оно уклонилось бы отъ этого закона скорѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую. Это правило называется правиломъ достаточнаго основанія *), и при помощи его философы часто надѣются, вовсе не ссылаясь на опытъ, установлять самыя общія истины опытнаго естествознанія.

Возьмемъ, напримѣръ, два изъ самыхъ начальныхъ законовъ, законъ инерціи и первый законъ движенія. Утверждаютъ, что тѣло, находящееся въ покоѣ, не можетъ начать двигаться, не подвергшись дѣйствію какой-либо внѣшней силы; перейдя въ движеніе, оно должно бы было двигаться вверхъ или внизъ, впередъ или назадъ, и т. д.; но если оно не испытываетъ дѣйствія никакой внѣшней силы, то ему *нѣтъ причины* двигаться скорѣе вверхъ, чѣмъ внизъ, или скорѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, и т. д., и, *слѣдовательно,* оно вовсе не будетъ двигаться.

Это умозаключеніе, по моему мнѣнію, совершенно ошибочно, какъ весьма проницательно и справедливо показалъ Броунъ, въ своемъ сочиненіи «Причина и дѣйствіе». Мы замѣтили уже, что почти каждое заблужденіе можно подвести подъ различные роды, замѣщая различнымъ образомъ опущенныя ступени. Приведенное заблужденіе можетъ, по на-

---

*) Не Лейбницевымъ, а правиломъ, на которое, называя его такимъ образомъ, обыкновенно ссылаются математики.

шему мнѣнію, быть подведено подъ *petitio principii*. Оно предполагаетъ, что, кромѣ внѣшней силы, ничто не можетъ быть «достаточною причиною» движенія тѣла въ извѣстномъ направленіи. Но это-то и слѣдуетъ доказать. Отчего же не можетъ подѣйствовать такимъ образомъ *внутренняя* сила? Отчего не законъ собственной природы вещи? Такъ какъ упомянутые философы признаютъ необходимымъ доказать законъ инерціи, то, конечно, не предполагаютъ, что онъ очевиденъ самъ по себѣ. Поэтому они должны быть того мнѣнія, что, до времени всякаго доказательства, предположеніе о движеніи тѣла по внутреннему побужденію есть гипотеза допустимая. А почему же не допустима въ такомъ случаѣ и та гипотеза, что внутренній толчекъ дѣйствуетъ естественно въ одномъ какомъ-либо направленіи, а не въ другомъ? Еслибъ самопроизвольное движеніе могло быть закономъ вещества, то почему бы не быть закономъ самопроизвольному движенію къ солнцу, къ землѣ, къ зениту или, какъ полагали древніе, къ опредѣленному мѣсту во вселенной, которое присвоено каждому особому роду вещества? Нельзя, конечно, допустить, чтобы самопроизвольность движенія была вѣроятна сама въ себѣ и невѣроятна при предположеніи, что она проявляется въ опредѣленномъ направленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ кто вздумалъ утверждать, что всѣ тѣла, будучи предоставлены самимъ себѣ, двинутся по прямой линіи къ сѣверному полюсу, то онъ могъ бы доказать свое положеніе правиломъ достаточнаго основанія. На какомъ правѣ принимается, что состояніе покоя есть именно то состояніе, изъ котораго тѣло не можетъ выйти безъ особенной причины? Почему не состояніе движенія и какого-либо особаго рода движенія? Почему нельзя сказать: естественное состояніе лошади, предоставленной самой себѣ, есть бѣгъ иноходью, такъ какъ въ противномъ случаѣ лошадь должна бѣжать рысью, галопомъ или стоять смирно, а мы не знаемъ причины, по которой она должна находиться въ одномъ изъ этихъ состояній скорѣе, чѣмъ въ другомъ? Чтобы назвать это заключеніе нечестнымъ примѣненіемъ «достаточнаго основанія», а другое честнымъ, должно безусловно предположить, что для лошади состояніе покоя естественнѣе иноходи. Сказанное можетъ означать, что покой есть состояніе, которое лошадь изберетъ, будучи предоставлена самой себѣ; но это-то именно положеніе и слѣдуетъ до-

казать. Разумѣя же что-либо иное, мы можемъ разумѣть лишь то, что состояніе покоя есть состояніе простѣйшее, а потому, вѣроятно, и преобладающее въ природѣ,—что составляетъ одно изъ разсмотрѣнныхъ уже нами заблужденій или естественныхъ предразсудковъ.

То же можно сказать и о первомъ законѣ движенія, что движущееся тѣло, будучи предоставлено самому себѣ, продолжаетъ двигаться единообразно по прямой линіи. Пытаясь доказать этотъ законъ, говорятъ, что въ противномъ случаѣ тѣло должно бы было отклониться либо вправо, либо влѣво, и что нѣтъ причины случиться скорѣе одному, чѣмъ другому. Но можетъ ли кто-нибудь, до опыта, сказать, существуетъ ли такая причина или нѣтъ? Развѣ въ природѣ тѣлъ или нѣкоторыхъ особыхъ тѣлъ не можетъ лежать уклоненіе вправо? или, если предпочесть другое предположеніе,—къ востоку или югу? Долго полагали, что тѣла — по крайней мѣрѣ, земныя — естественно стремятся отклониться внизъ, и предположеніе это не представляетъ и тѣни чего-либо вызывающаго возраженіе, за исключеніемъ того, что оно не истинно. Мнимое доказательство закона движенія еще очевиднѣе незащитимо, чѣмъ законъ инерціи, потому что оно явно непослѣдовательно. Оно принимаетъ, что продолженіе движенія въ первоначальномъ направленіи естественнѣе отклоненія и вправо, и влѣво, но отрицаетъ, чтобы одно изъ этихъ отклоненій было естественнѣе другаго. Всѣ эти мечты о возможности знать, что̀ естественно и неестественно, прибѣгая къ какому-либо иному средству, кромѣ опыта, — поистинѣ, вполнѣ ничтожны. Дѣйствительное и единственное доказательство законовъ движенія, какъ и всякаго другаго закона вселенной, есть опытъ,—уже потому, что никакія другія предположенія не объясняютъ фактовъ всемірной природы и не согласуются съ ними.

Во всѣ вѣка геометры подавали наиболѣе повода къ обвиненію въ желаніи доказать самые общіе факты внѣшняго міра софистическимъ умозаключеніемъ, чтобы избѣгнуть ссылокъ на внѣшнія чувства. По словамъ Плейфера *), Архимедъ установилъ нѣкоторыя изъ основныхъ положеній статики процессомъ мышленія, при которомъ онъ не заимствуетъ ни одного правила изъ опыта, а доходитъ до заключенія вполнѣ

*) *Dissertation on the Progress of Mathematical and Physical Science*, p. 27.

апріорически. Въ самомъ дѣлѣ, онъ принимаетъ, что равныя тѣла на концахъ равноплечнаго рычага, будутъ взаимно уравновѣшиваться, и, кромѣ того, что въ цилиндрѣ или параллелопипедѣ однороднаго вещества точка равновѣсія будетъ совпадать съ центромъ величины. Но предложенія эти не выводы изъ опыта, а, собственно говоря, заключенія изъ правила достаточнаго основанія. И до настоящаго дня лишь немногіе геометры не сочли бы гораздо болѣе научнымъ установить эти и всякія другія посылки указаннымъ выше путемъ, чѣмъ опереть свое доказательство на обыкновенномъ опытѣ, на который, въ разсматриваемомъ случаѣ, было такъ легко сослаться.

§ 6. Другимъ естественнымъ предразсудкомъ, весьма распространеннымъ и принимавшимъ большое участіе въ порожденіи ошибокъ, въ которыя впадали древніе въ своихъ изслѣдованіяхъ природы, былъ слѣдующій: что различія въ природѣ должны соотвѣтствовать принятымъ нами различіямъ; что дѣйствія, которыя мы, въ обыкновенномъ разговорѣ, привыкли означать различными названіями и относить въ различные классы, должны быть неодинаковы по природѣ и порождаться различными причинами. Этотъ предразсудокъ, столь очевидно вытекающій изъ одного источника съ разсмотрѣнными нами, обозначаетъ преимущественно самую раннюю ступень науки, когда она еще не сбрасывала путъ разговорнаго языка. Чрезвычайная распространенность этого заблужденія между греческими философами можетъ быть объяснена тѣмъ, что обыкновенно они не знали инаго языка, кромѣ своего роднаго, отчего ихъ идеи слѣдовали случайнымъ и произвольнымъ сочетаніямъ языка такъ близко, какъ, въ новѣйшее время, это можетъ случиться только съ лицами необразованными. Греческимъ философамъ было чрезвычайно трудно различать вещи, которыя ихъ языкъ смѣшивалъ, или соединять въ умѣ такія, которыя языкъ различалъ; они едва могли соединять естественные предметы въ какіе-либо классы, кромѣ установленныхъ для этихъ предметовъ мѣстными народными выраженіями, или, по крайней мѣрѣ, невольно считали эти классы естественными, а всѣ другіе произвольными и искусственными. Вслѣдствіе этого, у греческихъ умозрительныхъ школъ и у ихъ послѣдователей въ средніе вѣка, научное изслѣдованіе было немногимъ болѣе простаго выдѣленія и анализа понятій, связанныхъ съ обыкновеннымъ языкомъ. Эти философы думали, что,

опредѣляя смыслъ словъ, они могутъ ознакомиться съ фактами. «Они», говоритъ Уэвель *), «принимали за данное, что философія должна вытекать изъ отношеній между понятіями, воплощенныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ, и стали искать ея, изучая такія понятія». Въ слѣдующей главѣ своего сочиненія Уэвель такъ прекрасно пояснилъ эту ошибку примѣрами, что я рѣшаюсь привести изъ сочиненія цѣлый отрывокъ.

«Склонность искать принциповъ въ обычномъ языкѣ можетъ быть обнаружена въ весьма раннемъ періодѣ. Примѣромъ ея могутъ служить слова, приписываемыя Ѳалесу, основателю греческой философіи. На вопросъ: «Какая вещь *наибольшая?*», онъ отвѣтилъ: «*Мѣсто*, потому что всѣ другія вещи находятся *въ* мірѣ, а міръ — *въ* мѣстѣ» (пространствѣ). Совершенство этого способа умозрѣнія мы находимъ въ Аристотелѣ. Въ большинствѣ случаевъ исходная точка его изслѣдованій состоитъ въ томъ, что въ обыкновенномъ языкѣ *мы говоримъ* такъ-то. Когда Аристотелю предстоитъ обсудить вопросъ, существуетъ ли въ какой-либо части вселенной пустота, или мѣсто, пространство, въ которомъ нѣтъ ничего, онъ сначала изслѣдуетъ, въ сколькихъ смыслахъ мы говоримъ, что одна вещь находится *въ* другой. Онъ перечисляетъ многіе смыслы. Мы говоримъ: часть находится въ цѣломъ, какъ палецъ *въ* рукѣ; видъ содержится въ родѣ, какъ человѣкъ *въ* животномъ; правленіе Греціи заключается *въ* царѣ. Изложены и пояснены многіе другіе смыслы, но *самый точный тотъ*, когда мы говоримъ, что вещь находится *въ* сосудѣ или, вообще, *въ мѣстѣ*. Затѣмъ Аристотель разсматриваетъ, что-такое *мѣсто*, и приходитъ къ тому заключенію, что «если около тѣла есть другое, обнимающее его, то первое находится въ мѣстѣ; а если нѣтъ, такъ нѣтъ». Тѣло движется, когда перемѣняетъ мѣсто; но Аристотель прибавляетъ, что хотя бы вода находилась въ недвигающемся сосудѣ, части ея могутъ двигаться, потому что заключаются одна въ другой; слѣдовательно, въ то время, когда цѣлое не перемѣняетъ мѣста, части могутъ перемѣнять мѣсто въ круговомъ порядкѣ. Переходя потомъ къ вопросу о *пустотѣ*, Аристотель по обыкновенію разсматриваетъ различные смыслы, въ которыхъ употребляется

*) *History of Inductive Sciences*, кн. I, гл. 1.

это слово, и принимаетъ за самый точный смыслъ *мѣсто безъ вещества*, не приходя этимъ путемъ ни къ какому полезному результату.

«Такимъ же образомъ, относительно механическаго дѣйствія, Аристотель говоритъ: «Когда человѣкъ двигаетъ камень, толкая его палкой, мы *говоримъ* розно: — иногда, что человѣкъ двигаетъ камень, — иногда, что палка двигаетъ камень; послѣднее *точнѣе*.

«Такимъ же образомъ, греческіе философы старались извлечь свои догматы изъ самыхъ общихъ и отвлеченныхъ понятій, какія они могли открыть, — напримѣръ: изъ представленія о вселенной, какъ объ одной вещи или какъ о многихъ вещахъ. Они пытались опредѣлить, насколько мы можемъ или должны сочетать съ этими представленіями: представленіе о цѣломъ, частяхъ, числѣ, предѣлахъ, пространствѣ, началѣ и концѣ, полнотѣ и пустотѣ, покоѣ и движеніи, причинѣ и дѣйствіи и т. п. Анализъ представленій съ этой точки зрѣнія занимаетъ, напримѣръ, почти весь Аристотелевъ трактатъ О небѣ (De Cœlo).»

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій параграфъ Уэвеля: «Другимъ способомъ умозаключенія, находившимъ въ этихъ попыткахъ весьма частое примѣненіе, было *ученіе о противоположностяхъ*. Въ немъ принималось, что прилагательныя или существительныя, которыя, въ обыкновенномъ языкѣ или въ какомъ-либо отвлеченномъ способѣ представленія, противополагаются одно другому, должны указывать какое-либо противоположеніе въ природѣ, которое необходимо изслѣдовать. Такъ, Аристотель говоритъ, что изъ противоположностей, представляемыхъ числами, послѣдователи Пиѳагора вывели десять принциповъ: ограниченное и безпредѣльное, четъ и нечетъ, одно и многое, правое и лѣвое, мужское и женское, покой и движеніе, прямое и кривое, свѣтъ и темноту, добро и зло, квадратное и продолговатое..... Самъ Аристотель вывелъ ученіе о четырехъ стихіяхъ и другіе догматы изъ противоположностей того же рода.»

Въ томъ же сочиненіи, нѣсколькими страницами ниже, приведенъ примѣръ того, какимъ образомъ древніе, изъ добытыхъ этимъ путемъ посылокъ, пытались вывести законы природы. «Аристотель рѣшаетъ, что пустоты не существуетъ, на основаніи слѣдующихъ доводовъ. Въ пустотѣ не могло бы быть разницы между вверхъ и внизъ: какъ не представляетъ различій Ничто, такъ ихъ не можетъ быть и въ лише-

нія или отрицанія. А пустота есть лишь отсутствіе или отрицаніе вещества, и потому въ пустотѣ тѣла не могли бы двигаться вверхъ и внизъ, тогда какъ движеніе это лежитъ въ ихъ природѣ. Легко замѣтить» (весьма справедливо прибавляетъ Уэвель), «что такой способъ умозаключенія придаетъ обычнымъ формамъ языка и умственнымъ сочетаніямъ названій верховность надъ фактами, ставя истину въ зависимость отъ того, отрицательны ли названія, или нѣтъ, и говоримъ ли мы, что тѣла падаютъ *естественно.*»

Склонность принимать, что между самими предметами существуютъ тѣ же отношенія, какія существуютъ между нашими представленіями объ этихъ предметахъ, видна здѣсь въ крайней степени своего развитія. Поясненный предшествующими примѣрами способъ умозрѣнія принимаетъ не менѣе того, что настоящій путь къ достиженію знанія природы состоитъ въ субъективномъ изученіи самой природы, въ наблюденіи и анализѣ не фактовъ, а общепринятыхъ понятій объ этихъ фактахъ.

Можно было бы привести много другихъ поразительныхъ примѣровъ склонности принимать, что вещи, относимыя, для удобства обыденной жизни, въ различные классы, должны различаться во всякомъ отношеніи. Таковъ былъ, въ древности и въ средніе вѣка всеобщій и глубоко укоренившійся предразсудокъ, что небесныя и земныя явленія должны быть существенно различны и ни въ образѣ, ни въ степени не могутъ зависѣть отъ однихъ и тѣхъ же законовъ. Того же рода былъ предразсудокъ, съ которымъ боролся Бэконъ, что человѣкъ не можетъ успѣшно подражать ничему, произведенному природой: «Теплота солнца и теплота огня совершенно различны въ родѣ; пусть не думаютъ люди, что при помощи огня они могутъ вызвать и образовать что-либо подобное произведеніямъ природы»; и дальше: «только сложеніе дѣло человѣка, а смѣшеніе дѣло одной природы; пусть люди не надѣются породить или преобразовать что-либо при помощи своего знанія естественныхъ тѣлъ *).»

Къ принятію важнаго различія, которое проводилось въ древнихъ научныхъ умозрѣніяхъ между движеніями естественными и насильственными, хотя оно не лишено благовиднаго осно-

*) *Novum Organum*, Aph. 75.

ванія въ самихъ внѣшнихъ явленіяхъ, — сильно побуждало согласіе этого различія съ приведеннымъ предразсудкомъ.

§ 7. Отъ основнаго заблужденія древнихъ научныхъ изслѣдователей перейдемъ, естественной ассоціаціей, къ едвали менѣе основному заблужденію ихъ великаго противника и преемника, Бэкона. Философы удивлялись тому, что изъ подробной системы индуктивной логики, которую старался построить этотъ необыкновенный человѣкъ, позднѣйшіе изслѣдователи извлекли такъ мало прямой пользы: какъ теорію, ее продолжали признавать лишь въ немногихъ изъ ея обобщеній; на практикѣ она не привела ни къ какимъ великимъ научнымъ результатамъ. Но хотя это было нерѣдко замѣчаемо, однако едвали объяснено удовлетворительно. Нѣкоторые философы даже скорѣе рѣшались утверждать, что всѣ правила наведенія безполезны, нежели предположить, что Бэконовы правила основаны на недостаточномъ анализѣ индуктивнаго процесса. Однако, мы убѣдимся въ справедливости послѣдняго мнѣнія, какъ скоро сообразимъ, что Бэконъ совершенно упустилъ изъ виду множественность причинъ. Всѣ его правила безмолвно обнимаютъ предположеніе, столь противное теперешнему состоянію нашихъ знаній о природѣ, что явленіе можетъ быть произведено не болѣе, какъ одною причиной.

Изслѣдуя то, что онъ называетъ *forma calidi aut frigidi, gravis aut levis, sicci aut humidi* (форма теплаго или холоднаго, тяжелаго или легкаго, сухаго или влажнаго) и т. п., Бэконъ ни мгновенія не сомнѣвается, что во всѣхъ случаяхъ тепла, холода и всякаго другаго разсматриваемаго имъ явленія существуетъ и присутствуетъ какая-либо вещь, какое-либо неизмѣнное условіе или рядъ условій. Единственное затрудненіе состоитъ въ обнаруженіи, что̀ это за вещь. Бэконъ старается исполнить это процессомъ исключенія, отвергая или исключая, при помощи отрицательныхъ случаевъ, все, что не *форма* или причина, — съ цѣлью дойти до нея. Но въ томъ, что эта *форма* или причина *едина*, и что она одна и та же во всѣхъ теплыхъ предметахъ, — въ этомъ онъ сомнѣвается такъ же мало, какъ другое лицо въ томъ, что всегда существуетъ та *или другая* причина. При нынѣшнемъ состояніи знанія, даже еслибъ мы не разсмотрѣли еще вопроса съ такою полнотою, нѣтъ надобности указывать, какъ далеко это предположеніе

отъ истины. Бэконъ особенно несчастливъ въ томъ, что, впавши въ эту ошибку, онъ занялся почти исключительно классомъ изслѣдованій, въ которомъ она наиболѣе пагубна: изслѣдывалъ причины ощутимыхъ свойствъ предметовъ. Бэконово предположеніе, безосновательное во всякомъ случаѣ, особенно ложно въ примѣненіи къ этимъ ощутимымъ свойствамъ. Едвали есть хоть одно ощутимое свойство, въ примѣненіи къ которому оказалось бы возможнымъ выслѣдить какое-либо единство причины, какой-либо рядъ условій, неизмѣнно сопровождающихъ свойство. Сочетаніе такихъ свойствъ образуетъ различіе существенныхъ отдѣловъ (Kinds), въ которомъ, какъ было уже сказано, не удалось выслѣдить никакого закона. Бэконъ искалъ несуществующаго. Онъ отъискивалъ одну причину явленія, которому, по бо́льшей части, вовсе нѣтъ причины, а если есть, то она (насколько донынѣ обнаружено) зависитъ отъ неопредѣленнаго множества различныхъ причинъ.

Объ эту скалу долженъ разбиться всякій, на чей взглядъ первая и основная задача науки—изслѣдовать причину даннаго явленія, скорѣе, чѣмъ обнаружить дѣйствія данной причины. Въ началѣ нашего изслѣдованія природы наведенія *) было показано, насколько богатѣйшими средствами обладаетъ наука для выполненія именно послѣдней задачи. Только на предметъ этого изслѣдованія можемъ мы бросить, опытомъ, хоть сколько-нибудь прямаго свѣта, между тѣмъ какъ возможность искусственно произвести дѣйствіе требуетъ предварительнаго знанія, по крайней мѣрѣ, одной изъ причинъ дѣйствія. Если мы открываемъ причины дѣйствій, то обыкновенно не иначе, какъ обнаруживъ предварительно дѣйствія причинъ. Величайшее искусство въ пріисканіи перекрестныхъ случаевъ для первой цѣли не приведетъ, подобно Бекоповымъ изслѣдованіямъ, вовсе ни къ какому результату. Что же заставило даже Бэкона, этого защитника опыта, предпочесть прямой способъ, хотя при помощи одного наблюденія, способу косвенному, въ которомъ только и возможенъ опытъ? Не страстное ли желаніе пріобрѣсть, для блага человѣчества, силу производить дѣйствія, практически-важныя для людей? Не оно ли заставило его нетерпѣливо стремиться къ цѣли окольнымъ путемъ? Или даже умъ Бэкона не былъ совершенно свободенъ

*) См. кн. III, гл. VII, § 4.

отъ понятія древнихъ, что единственная задача философіи «rerum cognoscere *causas*» (познать *причины* вещей) и что изслѣдовать *дѣйствія* вещей задача рабскихъ и механическихъ искусствъ?

Стоитъ замѣтить, что въ то же время, какъ изъ несправедливаго презрѣнія къ механическому труду былъ упущенъ единственный дѣйствительный способъ разрабатывать умозрительную науку, порожденные этимъ умозрительные взгляды, въ свою очередь, придали ложное направленіе тѣмъ практическимъ и механическимъ занятіямъ, которыя были еще терпимы. Предположеніе, всеобщее въ древніе и средніе вѣка, что существуютъ *начала* тепла и холода, сухости и влажности и проч., прямо привело къ вѣрѣ въ алхимію, въ превращеніе веществъ, въ переходъ изъ одного существеннаго отдѣла *(Kind)* въ другой. Почему бы было невозможно дѣлать золото? У каждаго изъ отличительныхъ свойствъ золота есть своя *форма*, своя сущность, свой рядъ условій, и еслибъ мы могли открыть ихъ и научиться осуществлять, то могли бы налагать это особое свойство на всякое другое вещество, дерево, желѣзо, известь, глину. А еслибъ мы могли исполнить это относительно каждаго изъ существенныхъ свойствъ драгоцѣннаго металла, то обратили бы данное вещество въ золото. Какъ скоро посылки были уступлены, дѣло это уже не казалось превосходящимъ настоящихъ силъ человѣчества. Ежедневный опытъ показалъ, что почти каждое изъ отличительныхъ ощутимыхъ свойствъ всякаго предмета, его твердость, цвѣтъ, вкусъ, запахъ, форма, можетъ быть вполнѣ измѣнено огнемъ, водой или какимъ-либо другимъ химическимъ дѣятелемъ. А когда, такимъ образомъ, казалось во власти человѣка произвести или уничтожить *формы* всѣхъ этихъ свойствъ, то не только представлялось отвлеченно-возможнымъ преобразованіе веществъ, а даже считалось отнюдь не безнадежнымъ воспользоваться этою возможностью, по нашему произволу, для практическихъ цѣлей *).

Всеобщій въ древнемъ мірѣ предразсудокъ, который и вліялъ на Бэкона до такой степени, что проникалъ и извращалъ всю практиче-

*) Едвали нужно оговаривать, что мы вовсе не намѣрены отвергать, въ неопредѣленномъ будущемъ, возможности дѣлать золото, открывъ въ немъ сперва сложное тѣло и, затѣмъ, сложивъ его различныя начала или составныя части. Но эта мысль совершенно отлична отъ мысли искателей великой тайны.

скую часть его системы Логики, мы имѣемъ полное право ставить высоко въ ряду разсматриваемыхъ нами теперь заблужденій.

§ 8. Остается еще одно апріорическое заблужденіе, одинъ естественный предразсудокъ,—можетъ быть наиболѣе закоренѣлый изъ всѣхъ, перечисленныхъ нами: заблужденіе это не только царило въ древнемъ мірѣ, но почти неограниченно господствовало надъ многими изъ самыхъ развитыхъ умовъ, и между примѣрами, которыми я считаю нужнымъ пояснить это заблужденіе, нѣсколько самыхъ замѣчательныхъ будутъ приведены изъ сочиненій новѣйшихъ мыслителей. Заблужденіе состоитъ въ томъ, будто условія явленія должны походить или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно походятъ на самое явленіе.

На основаніи замѣченнаго уже нами частаго случая, это заблужденіе, безъ большой погрѣшности, можно бы было отнести къ другому классу, къ заблужденіямъ въ обобщеніи, такъ какъ опытъ до нѣкоторой степени оправдываетъ упомянутое предположеніе. Въ очень многихъ случаяхъ причина сходна съ дѣйствіемъ, подобное производитъ подобное. Многія явленія обнаруживаютъ прямое стремленіе безконечно продолжать свое существованіе или породить другія, подобныя имъ явленія. Не говорю уже о формахъ, дѣйствительно снимаемыхъ одна съ другой, — напримѣръ, объ оттискахъ на воскѣ и т. п., въ которыхъ самое близкое сходство между дѣйствіемъ и его причиной составляетъ самый законъ явленія. Но каждое движеніе стремится продолжить себя, съ собственною своею скоростью и въ своемъ первоначальномъ направленіи, и одно движущееся тѣло стремится привести въ движеніе другія, представляя тѣмъ самый обыкновенный изъ способовъ, которыми порождаются движенія тѣлъ. Почти не стоитъ указывать заразу, броженіе и т. п. или произведеніе дѣйствій ростомъ и распространеніемъ зародыша, сходнаго, въ меньшихъ размѣрахъ, съ полнымъ явленіемъ,— напримѣръ развитіе растенія или животнаго изъ зародыша, причемъ самый зародышъ производится другимъ растеніемъ или животнымъ того же самаго рода. Но и мысли, и воспоминанія, которыя суть дѣйствія нашихъ минувшихъ ощущеній, сходны съ этими ощущеніями; чувства вызываютъ сходныя чувства путемъ сочувствія; дѣйствія вызываютъ подобныя дѣйствія непроизвольнымъ или произвольнымъ подражаніемъ. При столькихъ благопріятныхъ признакахъ не мудрено было возникнуть

предположенію, что причины *необходимо* должны походить на свои дѣйствія и что подобное можетъ быть произведено *только* подобнымъ.

Этотъ принципъ заблужденій обыкновенно руководилъ фантастическими попытками вліять на порядокъ природы гадательными средствами, выборъ которыхъ не опредѣлялся прежнимъ наблюденіемъ и опытомъ. Догадка почти всегда останавливалась на средствахъ, обладавшихъ чертами дѣйствительнаго или мнимаго соотвѣтствія имѣвшейся въ виду цѣли. Когда—напримѣръ, въ Овидіевой Медеѣ—нуженъ былъ талисманъ для продолженія жизни, то набирали всѣхъ долговѣчныхъ животныхъ или считавшихся такими и приготовляли изъ нихъ отваръ:

. . . . . nec defuit illic
Squamea Cinyphii tenuis membrana chelydri
Vivacisque jecur cervi: quibus insuper addit
Ora caputque novem cornicis sæcula passæ [a]).

Подобное понятіе вошло въ знаменитую медицинскую теорію, называвшуюся «Ученіемъ о сигнатурахъ». «Оно», говоритъ д-ръ Парисъ [*]), «есть не менѣе, какъ вѣра, что каждое природное вещество, обладающее врачебною силою, указываетъ исцѣляемую имъ болѣзнь или предметъ, для котораго оно должно быть употребляемо, какимъ-либо очевиднымъ и рѣзкимъ внѣшнимъ признакомъ». Этимъ внѣшнимъ признакомъ служила обыкновенно какая-либо черта дѣйствительнаго или мнимаго сходства либо съ предполагаемымъ дѣйствіемъ вещества, либо съ явленіемъ, на которое, какъ думали, ему слѣдуетъ оказать вліяніе. «Такъ, легкія лисицы должны быть специфическимъ средствомъ противъ одышки, потому что животное это замѣчательно по силѣ дыханія. Куркума (желтый инбирь) яркаго желтаго цвѣта, и это означаетъ, что она можетъ исцѣлять желтуху. На томъ же основаніи маковыя головки должны лечить болѣзни головы, грибы-пластиночники—болѣзни мочеваго пузыря, сладкая трость (дивій медъ, *Cassia fistula*)—недуги кишокъ, кокорникъ (змѣ-

---

[a]) . . . . . и не было тамъ недостатка
Въ тонкомъ чешуйчатомъ черепѣ chelydri Cinyphii (видъ рѣчной черепахи)
И въ печенкѣ быстраго оленя; къ этимъ вещамъ онъ еще прибавляетъ
Голову вороны, пережившей девять вѣковъ.

[*]) *Pharmacologia*, pp. 43—5.

ный корень, *Aristolochia*)—болѣзненныя состоянія матки; рѣзкіе признаки сѣмянъ воробейника *(Lithospermum officinale)*, ихъ гладкая, какъ-бы полированная поверхность и твердость, подобная твердости камня, принимались за вѣрное указаніе, что сѣмена эти цѣлебны противъ каменной болѣзни; на подобномъ же основаніи прославились, какъ средство противъ этой болѣзни корни бѣлой камнеломки *(Saxifraga granulata)*. Очанка *(Euphrasia)* прославилась какъ лекарство отъ болѣзней глазъ, потому что вѣнчикъ ея представляетъ черное пятно, похожее на зрачокъ. Кровавикъ (*Heliotropium* древнихъ), по случаю маленькихъ пятенъ кровянаго цвѣта, встрѣчающихся иногда на его зеленой поверхности, даже въ настоящее время употребляется, во многихъ мѣстахъ Англіи и Шотландіи, какъ средство остановить кровотеченіе изъ носа, а чай изъ крапивы продолжаетъ быть народнымъ средствомъ противъ крапивной лихорадки. Утверждаютъ также, что нѣкоторыя вещества носятъ на себѣ *сигнатуру* жидкостей организма: тычинки красной розы — сигнатуру крови, а корни ревеня и цвѣты шафрана — сигнатуру желчи».

Прежнимъ умозрѣніямъ о химическомъ составѣ тѣлъ наиболѣе вредило предположеніе, что, въ своихъ свойствахъ, начала должны быть сходны съ образующимися изъ нихъ сложными тѣлами.

Обратимся къ позднѣйшимъ примѣрамъ. Долго думали, будто движеніе не можетъ быть объяснено ничѣмъ, кромѣ предшествующаго движенія: толчка или прикосновенія другаго тѣла. Положеніе это было съ увѣренностью утверждаемо картезіанцами и даже Лейбницомъ противъ системы Ньютона (да и самъ Ньютонъ, какъ мы видѣли, не оспаривалъ этого мнѣнія, а обошелъ его при помощи произвольной гипотезы). Много времени прошло до тѣхъ поръ, когда ученые рѣшились допустить притяженіе и отталкиваніе (т. е. самобытныя стремленія частицъ сблизиться или отдалиться), — въ видѣ коренныхъ законовъ, такъ же мало требующихъ поясненія, какъ и толчокъ, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, толчокъ не разлагался на притяженіе и отталкиваніе. Та же причина породила безчисленныя гипотезы, построенныя съ цѣлью объяснить тѣ роды движенія, которые казались наиболѣе таинственными, потому что не представляли явной возможности приписать ихъ толчку,—напримѣръ, произвольныя движенія человѣческаго тѣла. Таковы безконечныя системы колебаній, распространяющихся вдоль нервовъ, или животныхъ

силъ, восходящихъ и нисходящихъ между мускулами и мозгомъ. Еслибъ эти колебанія и силы были фактически доказаны, то составили бы важное приращеніе нашихъ свѣдѣній о физіологическихъ законахъ; но только при сильномъ самообольщеніи можно думать, что, вслѣдствіе такого изобрѣтенія или произвольнаго предположенія, явленія животной жизни будутъ понятнѣе или менѣе таинственны. Тѣмъ не менѣе, ничто не казалось удовлетворительнѣе соглашенія, что движеніе производится движеніемъ,—чѣмъ-либо подобнымъ ему: не однимъ родомъ движенія, такъ другимъ. Такимъ же образомъ было предположено, что физическія свойства предметовъ должны возникать изъ какого-либо подобнаго качества,—можетъ быть, изъ качества, означаемаго тѣмъ же названіемъ въ составныхъ частицахъ или атомахъ предметовъ; напримѣръ, что острый вкусъ долженъ производиться острыми частицами. Повернувъ выводъ, предполагали, что дѣйствія, производимыя явленіемъ, должны своими физическими свойствами походить на самое явленіе. Вліянія планетъ предполагались подобными ихъ видимымъ особенностямъ: Марсъ, краснаго цвѣта, предвѣщалъ огонь и рѣзню, и т. п.

Отъ физики перейдемъ къ метафизикѣ. Между замѣчательнѣйшими плодами этого *апріорическаго* заблужденія мы можемъ указать двѣ близкосходныя теоріи, которыя въ древнее и новое время служили мостомъ черезъ пропасть, раздѣляющую міръ духовный отъ вещественнаго: это—*чувственные виды (Species sensibiles)* эпикурейцевъ и новое ученіе о воспріятіи при помощи идей. Въ самомъ дѣлѣ, теоріи эти, вѣроятно, обязаны своимъ существованіемъ не одному разсматриваемому заблужденію, а ему, въ связи съ другимъ, уже упомянутымъ природнымъ предразсудкомъ: что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Обѣ теоріи принимаютъ, что явленіе, происходящее *въ насъ*, когда мы видимъ или осязаемъ предметъ, и признаваемое нами за дѣйствіе этого предмета или, скорѣе, за его присутствіе нашимъ органамъ, по необходимости должно весьма близко походить на самый внѣшній предметъ. Для выполненія этого условія, эпикурейцы предполагали, что предметы постоянно разбрасываютъ во всѣхъ направленіяхъ неосязаемые образы самихъ себя, входящіе въ глаза и проникающіе до ума. Хотя новѣйшіе метафизики и отвергали эту гипотезу, однако всѣ признали необходимымъ предположить, что непосредственнымъ предметомъ воспріятія

бываетъ не самая вещь, а умственный образъ ея или представленіе о ней. И для освоенія философовъ съ истиною, что ощущеніямъ или производимымъ на нашъ умъ впечатлѣніямъ не зачѣмъ непремѣнно быть копіями съ производящей ихъ причины или походить на нее, Рейду пришлось приводить бездну доказательствъ и примѣровъ природнаго предразсудка, побуждающаго людей уподоблять дѣйствіе тѣлъ на наши внѣшнія чувства и, при помощи ихъ, на духъ — передачѣ данной формы однимъ предметомъ другому, дѣйствительнымъ тисненіемъ или отливкой. Сочиненія Рейда и понынѣ лучшее руководство для человѣка, желающаго освободить свой умъ отъ предразсудка, которому мы привели примѣръ. И услуга, оказанная Рейдомъ популярной философіи, теряетъ лишь небольшую долю своей цѣны вслѣдствіе того обстоятельства, что онъ—какъ, вмѣстѣ съ Брауномъ, думаю и я—зашелъ слишкомъ далеко, приписывая «идеальную теорію», какъ дѣйствительный догматъ, большинству предшествовавшихъ философовъ, особенно Локке и Юму: если они сами и не впадали сознательно въ приведенную ошибку, то, безъ сомнѣнія, часто вовлекали въ нее своихъ читателей.

Предразсудокъ, что условія явленія должны походить на самое явленіе, разрастается иногда — по крайней мѣрѣ, словесно — до еще очевиднѣйшей нелѣпости: объ условіяхъ вещи говорится, какъ-будто бы они были *самою* вещью. Въ Бэконовомъ примѣрномъ изслѣдованіи, занимающемъ столько мѣста въ его *Novum Organum*,—именно въ разъисканіи о формѣ (видѣ) тепла *(inquisitio in formam calidi)*, авторъ склоняется къ заключенію, что тепло есть родъ движенія. Конечно, Бэконъ разумѣетъ подъ тепломъ не ощущеніе тепла, а условія ощущенія; слѣдовательно, онъ хочетъ сказать только то, что гдѣ есть тепло, тамъ долженъ быть сначала особый родъ движенія; но, въ своихъ выраженіяхъ, онъ отнюдь не различаетъ этихъ двухъ представленій и говоритъ такъ, какъ будто теплота и условія теплоты одно и то же. Такъ и Дарвинъ, въ началѣ своей Зоономіи, говоритъ: «Въ сочиненіяхъ метафизиковъ слову «идея» придаются различные смыслы; здѣсь оно употребляется единственно для означенія тѣхъ понятій о внѣшнихъ предметахъ, съ которыми впервые знакомятъ насъ органы чувствъ» (до сихъ поръ это предложеніе хотя неопредѣленно, но неоспоримо), «и идея опредѣляется какъ сокращеніе, движеніе или фигура фибръ, составляющихъ непо-

средственный органъ внѣшнихъ чувствъ». Наши понятія — фигура фибръ! Каковъ долженъ быть логикъ, полагающій, что явленіе, по своему *опредѣленію*, *есть* условіе, отъ котораго онъ считаетъ его зависящимъ? Сообразно тому, онъ вскорѣ затѣмъ говоритъ не то, что наши идеи производятся нѣкоторыми органическими явленіями или слѣдуютъ за ними, а что «наши идеи *суть* животныя движенія органовъ внѣшняго чувства». И эта путаница проникаетъ всѣ четыре тома Зоономіи; читатель никогда не знаетъ, говоритъ ли авторъ о дѣйствіи или объ его предполагаемой причинѣ; объ идеѣ, состояніи духовнаго сознанія, или о состояніи нервовъ и мозга, предполагаемомъ, по его мнѣнію, идеею.

Я привелъ различные случаи, въ которыхъ природный предразсудокъ, что причины и ихъ дѣйствія должны быть сходны, своимъ вліяніемъ породилъ важныя заблужденія. Теперь пойду дальше и приведу изъ сочиненій нынѣшняго или очень недавняго времени примѣры, въ которыхъ этотъ предразсудокъ выставляется признаннымъ правиломъ. Викторъ Кузенъ, въ послѣдней изъ своихъ прославленныхъ лекцій о Локке, излагаетъ положеніе слѣдующимъ безусловнымъ образомъ: «Tout ce qui est vrai de l'effet est vrai de la cause» (все, истинное о дѣйствіи, истинно о причинѣ). Нельзя вообразить себѣ, чтобы нашелся человѣкъ, готовый принять это ученіе въ буквальномъ его смыслѣ, — развѣ при какомъ-либо особомъ и техническомъ значеніи словъ «причина» и «дѣйствіе». А кто могъ написать это положеніе, отнюдь не понималъ, что едвали не справедливо противное: нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что ни одно свойство, истинное о дѣйствіи, не можетъ быть истинно о причинѣ. Не заходя такъ далеко въ выраженіи, Кольриджъ, въ своей Biographia Literaria (литературной біографіи) *), утверждаетъ какъ «очевидную истину», что «законъ связи причины со слѣдствіемъ справедливъ только относительно вещей однородныхъ, т. е. обладающихъ какимъ-либо общимъ свойствомъ», и потому «не можетъ» распространяться изъ одного міра въ другой, противоположный; а такъ какъ духъ и вещество не обладаютъ общими свойствами, то духъ не можетъ дѣйствовать на вещество, а ве-

*) Томъ 1., гл. 8.

щество на духъ. Что же это такое, если не апріорическое заблужденіе, о которомъ мы говоримъ? Ученіе это, подобно многимъ другимъ положеніямъ Кольриджа, заимствовано у Спинозы, въ Этикѣ котораго, въ первой книгѣ (De Deo, О Богѣ), оно стоитъ третьимъ предложеніемъ: «Если въ вещахъ нѣтъ ничего общаго, то одна изъ нихъ не можетъ быть причиною другой». Предложеніе это доказывается тамъ двумя такъ-называемыми аксіомами, не менѣе безосновательными. Но Спиноза, всегда систематически послѣдовательный, развилъ ученіе до его неизбѣжнаго слѣдствія, вещественности Бога.

То же представленіе о невозможности навело изобрѣтательный и острый умъ Лейбница на его знаменитое ученіе о предустановленной гармоніи. Онъ также думалъ, что ни духъ не можетъ дѣйствовать на вещество, ни вещество на духъ, и что оба они, должно быть, устроены Создателемъ подобно двоимъ часамъ, которые, хотя и не связаны, но бьютъ одновременно и всегда указываютъ одинъ и тотъ же часъ. Другою формою того же представленія была не менѣе знаменитая теорія Мальбранша о случайныхъ причинахъ: вмѣсто предположенія, что часы бьютъ одновременно по своему первоначальному устройству, онъ думалъ, что когда бьютъ одни часы, Богъ вступается въ это дѣло и заставляетъ вторые часы бить въ соотвѣтствіи съ первыми.

Такимъ же образомъ, Декартъ, сочиненія котораго представляютъ богатый источникъ почти всякаго рода апріорическихъ заблужденій, говоритъ, что причина дѣйствующая (causa efficiens) должна обладать, по крайней мѣрѣ, всѣми совершенствами дѣйствія — по слѣдующей странной причинѣ: «Если предположить нѣчто существующимъ въ идеѣ, чего не было въ ея причинѣ, то въ идеѣ оно взялось изъ ничего». Едвали будетъ пародіей на это, что если перецъ есть въ супѣ, то долженъ быть и въ варившемъ супъ поварѣ, потому что иначе перцу не было бы причины. Въ подобное же заблужденіе впадаетъ Цицеронъ, въ своей второй книгѣ о высшемъ благѣ или о высшемъ началѣ нравственности *(De Finibus)*. Говоря отъ своего собственнаго лица противъ эпикурейцевъ, онъ обвиняетъ ихъ въ непослѣдовательности утвержденія, что духовныя наслажденія порождаются наслажденіями тѣла и что, однако, первыя болѣе цѣнны, — какъ будто дѣйствіе можетъ превзойти причину. «Наслажденіе души порождается наслажденіемъ тѣла, и все-

таки наслажденіе души выше наслажденія тѣла? Это одинаково съ предположеніемъ, что поздравляющій радуется болѣе поздравляемаго.» Но и это, конечно, не невозможно: часто благосостояніе лица доставляло больше удовольствія другимъ, чѣмъ самому этому лицу.

Декартъ, съ неменьшимъ рвеніемъ, прилагаетъ то же правило въ противоположномъ направленіи и выводитъ природу дѣйствій изъ предположенія, что въ томъ или другомъ свойствѣ или во всѣхъ своихъ свойствахъ они должны походить на свою причину. Къ этому классу заблужденій принадлежатъ умозрѣнія Декарта и, за нимъ, столь многихъ другихъ мыслителей, стремящихся вывести порядокъ вселенной не изъ наблюденія, а путемъ апріорическаго умозаключенія изъ предполагаемыхъ свойствъ божества. Никогда, вѣроятно, этотъ родъ вывода не былъ простираемъ дальше, чѣмъ сдѣлалъ это, однажды, Декартъ. Въ доказательство одного изъ своихъ физическихъ правилъ, что количество движенія во вселенной неизмѣнно, онъ привелъ неизмѣнность божественной природы. Однако, весьма сходное съ этимъ умозаключеніе почти столь же обыкновенно теперь, какъ было во времена Декарта, и зачастую служитъ для отраженія непріятныхъ заключеній. Писатели до сихъ поръ не перестали противопоставлять теорію божественной благодати свидѣтельству физическихъ фактовъ, — напримѣръ, правилу умноженія народонаселенія. И, повидимому, большинство людей увѣрено въ чрезвычайной силѣ своего довода, когда скажутъ, что предположить извѣстное предложеніе истиннымъ значило бы отвергать мудрость и благость божества. Изложенный въ возможно простѣйшихъ выраженіяхъ, доводъ ихъ таковъ: «Еслибъ это зависѣло отъ меня, то я не оправдалъ бы предложеніе на дѣлѣ, и потому оно не истинно». Другими словами, оно выразится такъ: «Богъ совершенъ, и потому (я думаю) совершенство должно господствовать въ природѣ». Но такъ какъ на дѣлѣ каждый чувствуетъ, что природа очень далека отъ совершенства, то ученіе никогда не прилагается съ послѣдовательностью. Оно представляетъ доводъ, который (подобно многимъ другимъ сходнымъ доводамъ) люди любятъ приводить, когда онъ говоритъ въ ихъ пользу. Никто имъ не убѣждается, но всякій, повидимому, думаетъ, что доводъ этотъ ставитъ религію на его сторону и есть полезное наступательное оружіе на противника.

Къ приведеннымъ нами заблужденіямъ, вѣроятно, можно было бы прибавить много другихъ видовъ. Но мы изложили всѣ, отъ которыхъ намъ казалось нужнымъ спеціально предостеречь. Мы намѣрены были затронуть предметъ, не пытаясь его исчерпать и не надѣвая на себя этой личины. И потому, приведя достаточное число примѣровъ этого класса заблужденій, перехожу ко второму.

ГЛАВА IV.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ВЪ НАБЛЮДЕНІИ.

§ 1. Отъ заблужденій, которыя суть предразсудки въ собственномъ смыслѣ, или предположенія, предшествующія доказательству и замѣняющія его, мы переходимъ къ заблужденіямъ, заключающимся въ неправильномъ совершеніи процесса доказательства. А такъ какъ доказательство, въ самомъ обширномъ значеніи, обнимаетъ или одинъ изъ своихъ процессовъ, или два, или всѣ три—наблюденіе, обобщеніе и выводъ, то мы и разсмотримъ по порядку ошибки, возможныя въ этихъ трехъ процессахъ. Начнемъ съ перваго.

Заблужденіе въ наблюденіи можетъ быть или отрицательное, или положительное: состоять либо въ ненаблюденіи, либо въ невѣрномъ наблюденіи. Когда вся ошибка заключается въ упущеніи изъ виду какихъ-либо фактовъ или особенностей, которые слѣдовало бы замѣтить, либо въ пренебреженіи такими фактами, то это будетъ не наблюденіе. Когда что-либо не просто упущено изъ виду, но замѣчено невѣрно, когда фактъ или явленіе признаются не за то, что они на самомъ дѣлѣ, а за что-либо иное, то это будетъ невѣрное наблюденіе.

§ 2. Ненаблюденіе можетъ состоять либо въ томъ, что не были замѣчены случаи явленія, либо въ томъ, что упущены изъ виду обстоятельства даннаго случая. Еслибъ мы признали гадальщицу за истинную пророчицу вслѣдствіе того, что не обратили вниманія на случаи, въ которыхъ ея предсказанія не были оправданы событіями, то наше заключеніе было бы порождено ненаблюденіемъ случаевъ; но еслибъ мы не замѣтили или оставались въ невѣдѣніи факта, что въ случаяхъ,

когда предсказанія сбылись, гадальщица дѣйствовала соумышленно съ лицомъ, доставившимъ ей необходимыя для предсказанія свѣдѣнія, — то это было бы ненаблюденіемъ обстоятельствъ.

Первый случай, насколько въ немъ участвуетъ процессъ наведенія изъ недостаточныхъ свидѣтельствъ, относится не къ этому, второму классу заблужденій, а къ третьему, заблужденіямъ въ обобщеніи. Однако, каждый такой случай представляетъ, вмѣсто одного недостатка или заблужденія, два: ошибочное признаніе недостаточнаго доказательства за достаточное, что есть заблужденіе третьяго класса, — и самая недостаточность, неимѣніе лучшаго доказательства. Если такое доказательство, или, иными словами, другіе случаи, были доступны, то недостаточность будетъ ненаблюденіемъ, а ошибочное заключеніе, насколько оно можетъ быть приписано этой причинѣ, есть заблужденіе втораго класса.

Въ нашу цѣль не входитъ разсмотрѣть наблюденіе, какъ происходящее отъ случайнаго невниманія, отъ общей медленности умственныхъ привычекъ, недостатка надлежащаго навыка въ пользованіи способностью наблюденія или недостаточнаго интереса къ предмету. Логикѣ подлежитъ лишь вопросъ: Допустивъ, что наблюдатель не удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ справедливаго приговора, — относительно какихъ пунктовъ этотъ недостатокъ, вѣроятно, вовлечетъ его въ ошибку? или, лучше, какіе роды случаевъ или обстоятельствъ даннаго случая всего вѣроятнѣе ускользнутъ отъ вниманія наблюдателей вообще, — отъ человѣчества?

§ 3. Итакъ, вопервыхъ, очевидно, что если случаи, относящіеся къ одной сторонѣ вопроса, удержатся въ памяти и будутъ записаны скорѣе относящихся къ другой сторонѣ, — особенно, если будетъ сильное побужденіе сохранить въ памяти первые, но не вторые, — то эти послѣдніе будутъ, вѣроятно, упущены изъ виду и ускользнутъ отъ наблюденія большинства людей. Вотъ признанное объясненіе довѣрія, которымъ, вопреки разсудку и очевидности, пользуются многіе виды обманщиковъ: врачи-знахари, гадальщицы всѣхъ вѣковъ, прорицатели новѣйшихъ временъ и оракулы древнихъ. Рѣдко кто обращалъ вниманіе на то, въ какихъ размѣрахъ это заблужденіе дѣйствуетъ на практикѣ, даже вопреки самымъ осязательнымъ отрицательнымъ доказатель-

ствамъ. Поразительнымъ примѣромъ его можетъ служить вѣра, съ которою, въ Англіи и другихъ странахъ, необразованная часть земледѣльческаго класса продолжаетъ относиться къ предсказаніямъ погоды авторами альманаховъ. Каждое время года представляетъ земледѣльцамъ множество случаевъ совершенно ошибочнаго предсказанія, но такъ какъ оно представляетъ и нѣсколько случаевъ, въ которыхъ предсказаніе сбывается, то этого довольно, чтобы поддержать довѣріе къ пророку въ людяхъ, не размышляющихъ о числѣ случаевъ, необходимыхъ для процесса, названнаго нами, въ терминологіи наведенія, исключеніемъ случайности. Нѣкоторое число случайныхъ совпаденій не только можетъ, но должно наступить между каждыми двумя несвязанными событіями.

Кольриджъ, въ одномъ изъ опытовъ, помѣщенныхъ въ «Другѣ» *(Friend)*, пояснилъ обсуждаемый нами предметъ примѣромъ, разсмотрѣвъ происхожденіе пословицы, «которая, въ различныхъ выраженіяхъ, встрѣчается во всѣхъ европейскихъ языкахъ», именно: «дуракамъ счастье». Онъ приписываетъ пословицу, частью, склонности преувеличивать всѣ дѣйствія, кажущіяся несоразмѣрными своей видимой причинѣ, и всѣ обстоятельства, которыя какимъ-либо образомъ сильно противоположны нашимъ понятіямъ о лицахъ, находящихся въ этихъ обстоятельствахъ.» Опуская поясненія, которыя отнесли бы ошибку къ плохому наблюденію или къ другимъ видамъ ненаблюденія (обстоятельствъ), я цитирую дальше. «Непредвидѣнныя обстоятельства могутъ сильно помочь человѣку; но если они сдѣлали для него лишь то, что, по своимъ способностямъ, онъ могъ исполнить для себя самъ, то его счастье привлечетъ менѣе вниманія, и случаи менѣе запечатлятся въ памяти. Что умные люди достигаютъ своихъ цѣлей, кажется естественнымъ, и мы пренебрегаемъ обстоятельствами, которыя, можетъ быть, породили этотъ успѣхъ сами собою, безъ помощи искусства или прозорливости; но если то же самое случится съ человѣкомъ глупымъ и невѣжественнымъ, то мы останавливаемся на фактѣ и запоминаемъ его, какъ нѣчто странное. Точно такъ же, хотя бы этотъ человѣкъ испыталъ неудачу въ своихъ предпріятіяхъ отъ стеченія обстоятельствъ, могущихъ постигнуть и мудрѣйшаго человѣка, однако, такъ какъ эта неудача не превысила обѣщаемаго и объяснимаго глупостью, то она не приковываетъ нашего вниманія, но проносится мимо насъ,

вмѣстѣ съ другими неразличимыми волнами жизни, и забывается. Предположимъ истиннымъ очевидно ложное: будто всеобъемлющія открытія, озарившія свѣтомъ *науки искусство* химіи и недвусмысленнымъ образомъ обѣщающія намъ открыть какой-либо великій всепроникающій законъ, въ свѣтѣ котораго кроется владычество и сила пророчества, — будто сказанныя открытія не были, какъ это совершилось на дѣлѣ, предуготовлены размышленіемъ; будто они порождены не собственнымъ умомъ знаменитаго отца и основателя философской алхиміи, а рядомъ счастливыхъ *случайностей;* предположимъ, что они представились Дэви единственно вслѣдствіе обладанія имъ, *по счастью*, особой галванической баттареей; что, по отношенію къ Дэви, и самая баттарея эта была случайностью, а не составляла предметъ его желаній и не была добыта имъ съ цѣлью заручиться свидѣтельствомъ опыта въ пользу своихъ началъ, подвергнуть матеріальную природу изслѣдованію разума и вынудить у нея, какъ бы пыткою, недвусмысленные отвѣты на *готовые* и *задуманные* вопросы. И все-таки эти открытія были бы обсуждаемы и описываемы не какъ примѣры *счастья*, а какъ естественные результаты признаннаго генія и извѣстнаго искусства Дэви. Но еслибъ къ такимъ открытіямъ случай привелъ какого-либо бирмингамскаго или шеффильскаго механика, еслибъ человѣкъ этотъ, вслѣдствіе открытій, разбогатѣлъ и, частью по зависти сосѣдей, частью основательно, признавался ими за человѣка, стоящаго по способностямъ вообще ниже обыкновеннаго уровня, тогда непремѣнно раздались бы восклицанія: «Вотъ счастливчикъ-то! И выходитъ, что дуракамъ счастье. Всегда такъ!» И вслѣдъ затѣмъ, воскликнувшій приводитъ полдюжины подобныхъ примѣровъ. Такъ, накопляя одинъ родъ фактовъ и никогда не собирая другихъ, мы выставляемъ часть за цѣлое, подобно разглагольствующимъ поэтамъ и разсуждающимъ шарлатанамъ.»

Этотъ отрывокъ указываетъ весьма удачно, какимъ образомъ, подъ распущеннымъ наведеніемъ — которое заключаетъ отъ *простаго перечисленія*, не пща случаевъ, дѣйствительно рѣшающихъ вопросъ, а обобщая отъ первыхъ встрѣчныхъ или, лучше, удержавшихся въ памяти, — какимъ образомъ возникаютъ мнѣнія, повидимому освящаемыя опытомъ, но вовсе не опирающіяся на законы природы. «Итакъ», можемъ мы ска-

зать за Бэкономъ *), «человѣкъ, которому показывали въ храмѣ изображеніе людей, исполнившихъ обѣты, спасшіе ихъ отъ опасности кораблекрушенія, и къ которому приступали съ вопросами, неужели онъ и теперь не повѣритъ въ силу боговъ, — человѣкъ этотъ отвѣтилъ вѣрно, спросивши снова: *А гдѣ же изображеніе тѣхъ, которые, давши обѣты, погибали?* На томъ же основываются почти всѣ предразсудки въ астрологіи, въ гаданіи сновъ, въ предзнаменованіяхъ, въ карѣ судебъ и тому подобномъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ люди, страстные къ подобнымъ пустякамъ, замѣчаютъ исходъ дѣла, когда онъ оправдываетъ ожиданія; а когда онъ обманываетъ, что случается гораздо чаще, люди небрегутъ имъ и отвращаются отъ него.» Далѣе онъ говоритъ, что, независимо отъ любви къ чудесному или всякаго другаго направленія склонностей, въ самомъ умѣ замѣтно естественное стремленіе къ этому роду заблужденій,—такъ какъ на умъ дѣйствуютъ сильнѣе случаи подтверждающіе, хотя въ философіи наиболѣе полезны отрицающіе: «Человѣческому уму постоянно свойственна та ошибка, что его болѣе трогаютъ и возбуждаютъ факты подтверждающіе, чѣмъ отрицающіе, между тѣмъ какъ, при надлежащемъ порядкѣ вещей, тѣ и другіе должны бы были имѣть равное значеніе. Мало того: при установленіи каждой вѣрной аксіомы, наибольшая сила въ случаяхъ отрицательныхъ.»

Но сильнѣйшая изъ всѣхъ причинъ ненаблюденія состоитъ въ предвзятомъ мнѣніи. Оно-то, во всѣ вѣка, заставляло весь родъ человѣческій и каждую особую часть его почти никогда не замѣчать всѣхъ фактовъ, противорѣчащихъ первому взгляду или принятымъ положеніямъ, какъ бы обильны эти факты ни были и хотя бы они совершались вочію. Стоитъ при случаѣ припомнить забывчивому человѣчеству нѣкоторые изъ поразительныхъ примѣровъ того, что мнѣнія, ошибочность которыхъ была бы обнаружена простѣйшимъ опытомъ, продолжали существовать, потому что никто никогда не думалъ произвести этотъ опытъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ тому можетъ служить споръ о системѣ Коперника. Противники Коперника отвергали движеніе земли, на томъ основаніи, что еслибъ она двигалась, то камень, упавъ съ высокой башни, достигъ бы земли не у подошвы баш-

*) *Nov. Org.*, Aph. 46.

ни, а на небольшомъ отъ нея разстояніи, въ направленіи, противномъ движенію земли, — точно такъ же (говорили они), какъ мячикъ, выпущенный изъ рукъ съ вершины мачты, на полномъ ходу корабля, упадетъ не вплоть у основанія мачты, а ближе къ кормѣ корабля. Сторонники Коперника разомъ заставили бы своихъ оппонентовъ замолчать, еслибъ они *испытали* уронить мячикъ съ верху мачты. Тогда они увидѣли бы, что онъ падаетъ вплоть у мачты, какъ того требуетъ теорія. Но нѣтъ: они допустили мнимый фактъ и тщетно пытались отъискать различіе между двумя случаями. «Мячикъ не *часть* корабля, и движеніе впередъ не *естественно* ни для корабля, ни для мячика. Съ другой стороны, камень, упавшій съ вершины башни, *часть* земли, и потому суточныя и годовыя вращенія, *естественныя* для земли, *естественны* и для камня: вслѣдствіе этого, камень сохранитъ одно движеніе съ башней и упадетъ на землю у самой подошвы башни *).»

Уэвель **) приводитъ другіе, едвали менѣе поразительные примѣры, когда воображаемые законы природы продолжали считаться истинными единственно потому, что никто не приглядывался пристально къ фактамъ, которые почти каждый имѣлъ случай наблюдать. «Разсѣянное и небрежное созерцаніе фактовъ, легко наблюдаемыхъ, надолго оставляло людей въ убѣжденіи, что тѣло, въ десять разъ тяжелѣйшее другаго, падаетъ въ десять разъ быстрѣе; что предметы, погруженные въ воду, представляются всегда въ увеличенномъ видѣ, независимо отъ формы поверхности; что сила магнита непреодолима; что хрусталь находятъ всегда въ сообществѣ со льдомъ, и т. п.. Эти и многіе другіе примѣры показываютъ, какъ слѣпъ и безпеченъ можетъ быть человѣкъ въ наблюденіи даже самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ явленій, и убѣждаютъ въ томъ, что однѣ лишь способности воспріятія, хотя и упражняются на безчисленныхъ предметахъ, могутъ долго не приводить насъ ни къ какому точному знанію.

Если даже относительно физическихъ фактовъ, и притомъ самыхъ очевидныхъ, наблюдательныя способности людей могутъ быть до такой степени пассивными рабами ихъ предвзятыхъ впечатлѣній, то нечего

*) Playfair's *Dissertation*, sect. 4.

**) *Novum Organum Renovatum*, p. 61.

удивляться горькой, но подтверждаемой всѣмъ опытомъ истинѣ того же самаго относительно вещей, ближе связанныхъ съ сильнѣйшими чувствами людей, — относительно предметовъ нравственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ. Свѣдѣнія, выносимыя обыкновеннымъ путешественникомъ изъ чужой страны, какъ засвидѣтельствованныя его внѣшними чувствами, почти всегда точно совпадаютъ со мнѣніями, съ которыми онъ отправился въ путь. Онъ видѣлъ и слышалъ лишь такія вещи, какія надѣялся найти. Люди читаютъ священныя книги своего вѣроисповѣданія и не замѣчаютъ въ нихъ множества вещей, несогласимыхъ даже съ ихъ собственными понятіями о нравственномъ совершенствѣ. На основаніи тѣхъ же авторитетовъ, различные историки, одинаково невинные въ умышленномъ лжетолкованіи, видятъ лишь благопріятное протестантамъ или католикамъ, роялистамъ или республиканцамъ, Карлу I или Кромвеллю; другіе же, исходя изъ предвзятаго понятія, что крайности непремѣнно несправедливы, неспособны видѣть истину и право, когда послѣднія находятся, цѣликомъ, на одной сторонѣ.

Хорошимъ примѣромъ вліянія предвзятой теоріи могутъ служить суевѣрія дикарей относительно силы лекарствъ и чаръ. Негры, носящіе кораллъ какъ талисманъ (это дѣлали и наши предки), утверждаютъ, по словамъ Париса *), что цвѣтъ его «всегда зависитъ отъ состоянія здоровья человѣка, носящаго амулетъ, и блѣднѣетъ отъ болѣзни этого человѣка.» О предметѣ, доступномъ всеобщему наблюденію, общее предложеніе, не представляющее ни малѣйшаго признака истинности, принимается какъ результатъ опыта, такъ что, повидимому, предвзятое мнѣніе препятствуетъ всякому наблюденію надъ предметомъ.

§ 4. Приведеннаго достаточно для поясненія перваго вида ненаблюденія, — ненаблюденія случаевъ. Но возможно еще ненаблюденіе какихъ-либо существенныхъ обстоятельствъ, въ случаяхъ, не совершенно упущенныхъ изъ виду, — даже въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, на которыхъ построено все зданіе какой-либо теоріи. Въ случаяхъ, донынѣ разсмотрѣнныхъ нами, общее предложеніе было принято слишкомъ быстро, на основаніи частностей, хотя истинныхъ, но недостаточныхъ для его оправданія. Точно такъ же, въ случаяхъ, къ которымъ мы обращаемся

*) *Pharmacologia*, p. 21.

теперь, сами частности были наблюдаемы несовершенно, и единичныя предложенія, на которыхъ основывается обобщеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ единичныхъ предложеній—ложны.

Такой случай представляетъ, напримѣръ, одна изъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ знаменитой флогистической теоріи,—ученіи, которое объясняло горѣніе выдѣленіемъ вещества, названнаго флогистономъ, и предполагало его во всякомъ горючемъ тѣлѣ. На поверхностный взглядъ гипотеза эта удовлетворительно согласовалась съ явленіемъ: восхожденіе пламени естественно пораждаетъ мысль объ освобожденіи вещества; видимаго же остатка, пепла, по объему и вѣсу, обыкновенно гораздо менѣе горючаго матеріала. Ошибка состояла въ ненаблюденіи важной части дѣйствительнаго остатка: именно, газообразныхъ продуктовъ горѣнія. Когда, наконецъ, они были замѣчены и приняты въ счетъ, то оказалось всеобщимъ закономъ, что, подвергаясь горѣнію, всѣ вещества не уменьшаются въ вѣсѣ, а увеличиваются. И, послѣ обычной попытки приспособить старую теорію къ новымъ фактамъ при помощи произвольной гипотезы (что флогистонъ обладаетъ, вмѣсто тяжести, качествомъ положительной легкости), химики пришли къ истинному объясненію: именно, что вмѣсто вещества выдѣляемаго существовало, напротивъ, вещество поглощаемое.

Многіе нелѣпые пріемы, которые считались обладающими врачебною силою, вошли въ славу по ненаблюденію какого-либо сопровождавшаго обстоятельства, бывшаго настоящимъ дѣятелемъ въ случаяхъ изцѣленія, приписанныхъ самому пріему. Такъ, Парисъ говоритъ о симпатическомъ порошкѣ доктора сэра Кинельма Дигби ([1]): «Въ случаѣ нанесенія раны, порошокъ этотъ прикладывался къ причинившему ее оружію, которое; кромѣ того, покрывалось мазью раза два или три въ день. Между тѣмъ, самую рану предписывалось сложить краями, тщательно завязать чистыми холщевыми тряпками и, *главное, не трогать въ теченіе семи дней*. По прошествіи ихъ, перевязка снималась, и рана обыкновенно оказывалась совершенно сросшеюся. Торжество леченія было приписываемо таинственному дѣйствію симпатическаго порошка,

([1]) Сэръ Кинельмъ Дигби, 1603—1665, авторъ сочиненія «*Of the cure of wounds by the powder of sympathy*» и другихъ.

который такъ ревностно прикладывали къ оружію. Но едвали нужно прибавлять, что быстрота леченія зависѣла отъ недопущенія воздуха къ ранѣ и врачующаго дѣйствія природы, котораго не нарушало услужливое вмѣшательство искусства. Безъ сомнѣнія, результатъ подалъ хирургамъ первую мысль о совершеннѣйшемъ пріемѣ заживлять раны, который технически называется *первымъ побужденіемъ»* (the first intention) *). Парисъ прибавляетъ: «Во всѣхъ извѣстіяхъ о необыкновенныхъ случаяхъ исцѣленія, произведенныхъ таинственными силами, замѣтно желаніе скрыть употребленныя одновременно съ ними лекарства и другія врачующія средства. Такъ, для исцѣленія падучей болѣзни Орибазій (¹) напыщенно рекомендуетъ ожерелье изъ корня піона; но извѣстно, что онъ всегда сопровождалъ употребленіе этого средства частыми слабительными, хотя и не признаетъ за ними никакого участія въ исцѣленіи. Позднѣе мы встрѣчаемъ хорошій примѣръ этого рода обмана въ сочиненіи Морлея о золотухѣ, писанномъ, какъ сообщаютъ, съ единственною цѣлью возстановить сильно упавшую славу и употребленіе желѣзняка (Verbena). Авторъ велитъ носить корень этого растенія, на аршинѣ бѣлой атласной ленты, на шеѣ, до выздоровленія. Но, замѣтьте, въ теченіе этого времени Морлей прибѣгаетъ къ помощи самыхъ дѣйствительныхъ лекарствъ» **).

Въ другихъ случаяхъ, дѣйствительное исцѣленіе, произведенное покоемъ, діэтой и развлеченіями, было приписываемо употреблявшимся медицинскимъ или, случалось, и сверхъестественнымъ средствамъ. «Знаменитый Джонъ Уэсли (²), вспоминая торжество сѣры и молитвы надъ его тѣлесной болѣзнью, забываетъ признать врачующее вліяніе четырехмѣсячнаго отдыха отъ пастырскихъ трудовъ. И такова склонность человѣческаго ума вѣрить въ дѣйствіе таинственныхъ силъ, что Уэсли болѣе склоненъ приписать свое выздоровленіе бурому бумажному пластырю изъ яйца и сѣры, чѣмъ спасительному предписанію доктора Фо-

---

*) *Pharmacologia*, pp. 23—4.

(¹) Орибазій, во 2-й половинѣ 4-го столѣтія, врачъ имп. Юліана, составившій извлеченіе изъ всѣхъ бывшихъ до него медицинскихъ сочиненій. Это извлеченіе издано Буссемакеромъ и Дарембергомъ (Парижъ, 1852—1854).

**) Ibid., p. 28.

(²) Джонъ Уэсли, 1703—1791, основатель секты методистовъ.

зергилля пользоваться сельскимъ воздухомъ, покоемъ, ослинымъ молокомъ и верховой ѣздой» *).

Въ слѣдующемъ примѣрѣ упущенное изъ виду обстоятельство было нѣсколько инаго рода. «Когда въ Америкѣ свирѣпствовала желтая лихорадка, врачи вѣрили исключительно обильному употребленію ртути; сначала считали это средство дотого неизмѣнно-дѣйствительнымъ, что, въ преходящемъ увлеченіи, торжественно провозгласили, будто смерть не наступаетъ никогда, коль скоро ртуть оказала свое дѣйствіе на организмъ. Это было совершенно справедливо, но отнюдь не доказывало дѣйствительности металла; болѣзнь, въ болѣе сильномъ видѣ, развивалась такъ быстро, что губила свои жертвы задолго до того времени, когда организмъ испытывалъ дѣйствіе ртути, между тѣмъ какъ въ слабѣйшемъ видѣ недугъ проходилъ безъ всякаго искусственнаго пособія» **).

Въ приведенныхъ случаяхъ упущенное изъ виду обстоятельство могло быть усмотрѣно внѣшними чувствами. Въ другихъ случаяхъ оно таково, что знаніе его доступно лишь умозаключенію; однако, заблужденіе все-таки можетъ быть отнесено въ разрядъ, который, по недостатку болѣе соотвѣтствующаго имени, мы назвали заблужденіями отъ ненаблюденія. Этотъ естественный разрядъ заблужденій порождается не природою способностей, которыя слѣдовало бы употребить, а неупотребленіемъ ихъ. Всякій разъ, когда ошибка отрицательна, а не положительна, когда она состоитъ именно въ *упущеніи изъ виду*, незнаніи или забвеніи какого-либо факта, который, еслибъ былъ извѣстенъ и принятъ во вниманіе, то измѣнилъ бы достигаемое заключеніе, — ошибку справедливо отнести въ разсматриваемый нами классъ. Заблужденія этого класса не представляютъ, подобно всѣмъ другимъ, положительно-ложную оцѣнку имѣющагося доказательства. Заключеніе было бы вѣрно, еслибъ видимая часть случая составляла весь случай; но въ немъ упускается изъ виду другая часть, и это извращаетъ заключеніе.

Напримѣръ, существуетъ замѣчательное ученіе, которое иногда высказывалось въ публичныхъ рѣчахъ недальновидныхъ законодателей, но, насколько мнѣ извѣстно, лишь въ одномъ случаѣ было освящено фило-

---

*) *Pharmacologia*, p. 62.
**) Ibid, p. 61 — 62.

софскимъ писателемъ, именно Кузеномъ. Въ своемъ предисловіи къ Платонову Горгіасу, онъ утверждалъ, что наказаніе должно находить оправданіе въ чемъ-либо иномъ и высшемъ, нежели предупрежденіе преступленія, и прибѣгаетъ къ слѣдующему доводу: еслибъ наказаніе существовало лишь ради примѣра, то было бы все равно, наказывать ли виновнаго или невиннаго, потому что наказаніе, разсматриваемое лишь какъ примѣръ, одинаково дѣйствительно въ обоихъ случаяхъ. Сообразно этому умозаключенію, мы должны предположить, что когда лицо, подвергающееся искушенію, видитъ кого-либо наказываемымъ, оно признаетъ и себя въ опасности быть также наказаннымъ и ужасается. Но при этомъ забыто слѣдующее: если наказываемое лицо предполагается невиннымъ и даже если его вина сомнительна, то зритель сообразитъ, что угрожающая ему самому опасность, какова бы она ни была, не зависитъ отъ его виновности, но одинаково угрожаетъ ему и въ томъ случаѣ, когда онъ пребываетъ невиннымъ. Какимъ же образомъ страхъ наказанія удерживаетъ его отъ преступленія? Кузенъ предполагаетъ, что люди будутъ удерживаемы отъ вины всѣмъ, дѣлающимъ положеніе виновнаго болѣе опаснымъ, но забываетъ, что положеніе невиннаго (также входящее въ разсчетъ) въ разсматриваемомъ случаѣ становится опаснѣйшимъ въ совершенно одинаковой степени. Это — заблужденіе отъ опущенія изъ виду, а по нашей классификаціи — отъ ненаблюденія.

Заблужденія этого рода суть наибольшее препятствіе правильному мышленію въ политической экономіи. Экономическія общественныя явленія представляютъ многіе случаи, въ которыхъ дѣйствія причины состоятъ изъ двухъ рядовъ явленій: одного непосредственнаго, сосредоточеннаго, всѣмъ очевиднаго и общимъ мнѣніемъ признаваемаго за цѣлое дѣйствіе; другаго — разсѣяннаго или лежащаго глубже подъ поверхностью и прямо-противоположнаго первому. Возьмемъ, напримѣръ, общепринятое мнѣніе, на первый взглядъ столь благовидное, о поощреніи промышленности роскошью. Объ А, растрачивающемъ весь свой доходъ и даже капиталъ на роскошную жизнь, предполагается, что онъ даетъ много занятія труду. В, который тратитъ небольшую долю дохода, а остальную капитализируетъ, считается дающимъ мало занятія или никакого. Всякій видитъ барыши, извлекаемые изъ расходовъ А его поставщиками, слугами и проч. Напротивъ того, сбереженное В

переходитъ въ руки лица, у котораго онъ купилъ вексель и который, его деньгами, уплатитъ долгъ какому-нибудь банкиру; тотъ снова отдастъ ихъ взаемъ другому купцу или фабриканту. И капиталъ, затраченный на наемъ прядильщиковъ и ткачей или извощиковъ и матросовъ купеческихъ кораблей, не только дастъ немедленное занятіе столькимъ же промышленникамъ, сколько бываетъ занято лицомъ А въ теченіе всей его жизни, но капиталъ этотъ, будучи съ прибылью вырученъ продажею предметовъ производства или ввоза, образуетъ фондъ для вѣчнаго занятія такого же или еще бо́льшаго числа рабочихъ. Однако, наблюдатель не видитъ и потому не соображаетъ того, что дѣлается съ деньгами В; онъ видитъ лишь, что дѣлается съ деньгами А: замѣчаетъ промышленность, поощряемую расточительностью А, а не замѣчаетъ еще большей массы промышленности, которую эта расточительность лишаетъ поддержки. Отсюда возникъ всеобщій во время Адама Смита предразсудокъ, что промышленность поощряется роскошью, а подрывается бережливостью.

Обыкновеннымъ доводомъ противъ свободной торговли было заблужденіе того же рода. Покупщикъ англійскаго шелка поощряетъ англійскую промышленность; покупщикъ ліонскаго шелка поощряетъ лишь французскую; первое дѣйствіе патріотическое, второе слѣдовало бы воспретить закономъ. Упускается изъ виду обстоятельство, что покупщикъ всякаго иностраннаго товара необходимо, прямо или косвенно, порождаетъ вывозъ, на равную сумму, предмета внутренняго производства (сверхъ вывозимаго уже), или въ ту же самую чужую страну, или въ какую-либо другую. Хотя фактъ этотъ, по сложности обстоятельствъ, не всегда можетъ быть провѣренъ спеціальнымъ наблюденіемъ, однако нельзя привести ни одного наблюденія, которое бы ему противорѣчило, между тѣмъ какъ доказывающее фактъ умозаключеніе неопровержимо. Слѣдовательно, здѣсь то же заблужденіе, что и въ предшествующемъ случаѣ: видятъ лишь часть явленія и принимаютъ эту часть за цѣлое. И потому приведенное сужденіе можетъ быть отнесено къ заблужденіямъ отъ ненаблюденія.

§ 5. Для полноты изслѣдованія втораго изъ нашихъ пяти классовъ мы должны теперь остановиться на ложномъ наблюденіи. Въ немъ

ошибка состоитъ не въ фактѣ, что какая-либо вещь остается незамѣченною, а въ томъ, что она представляется въ ложномъ видѣ.

Воспріятіе есть непогрѣшимое доказательство всего, что дѣйствительно воспринимается. Поэтому, мы можемъ впасть въ разсматриваемую нами ошибку не иначе, какъ принимая за воспріятіе то, что, на дѣлѣ, есть выводъ. Мы показали уже, какъ тѣсно связаны они почти во всемъ, что называется наблюденіемъ, и еще болѣе въ каждомъ описаніи *). Наши внѣшнія чувства дѣйствительно воспринимаютъ въ каждомъ случаѣ самую малость, и она, обыкновенно, составляетъ весьма незначительную часть тѣхъ фактовъ, которые мы желаемъ изслѣдовать или сообщить. Поэтому было бы нелѣпо требовать, чтобъ либо въ нашихъ наблюденіяхъ, либо въ сообщеніи ихъ результата другимъ мы не примѣшивали вывода къ факту. Можно лишь сказать, что, поступая такимъ образомъ, мы должны замѣчать это и различать, какая часть утверждаемаго основывается на прямомъ сознаніи и потому неопровержима, и какая опирается на выводъ и потому сомнительна.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ случаевъ всеобщей ошибки, порожденной тѣмъ, что выводъ былъ принятъ за прямое свидѣтельство чувствъ, можетъ служить невѣріе, съ какимъ, на основаніи здраваго смысла, была встрѣчена Коперникова система. Люди воображали, что видятъ солнце восходящимъ и западающимъ, а звѣзды вращающимися вокругъ полюса. Мы знаемъ теперь, что они не видѣли ничего подобнаго; то, что они дѣйствительно видѣли; былъ рядъ кажущихся явленій, одинаково согласимыхъ и съ тою теоріей, которой они держались, и съ совершенно отличной. Повидимому, странно, что такой случай, въ которомъ свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ было съ полнымъ убѣжденіемъ приведено въ пользу чистаго вывода сужденія, и, какъ оказалось, вывода ложнаго, — что такой случай не открылъ глаза слѣпымъ сторонникамъ здраваго смысла и не породилъ болѣе скромнаго недовѣрія къ способности невѣждъ произносить приговоръ надъ заключеніями умовъ развитыхъ.

Недостатку знанія и умственнаго развитія обыкновенно соразмѣрна въ человѣкѣ и его неспособность различать выводы отъ воспріятій, на

---

*) См. выше, стр. 180.

которыхъ они основываются. Эта неспособность породила много чудесныхъ разсказовъ, много скандальныхъ анекдотовъ. Разскащикъ сообщаетъ не то, что онъ видѣлъ или слышалъ, а впечатлѣніе, произведенное на него видѣннымъ или слышаннымъ, — впечатлѣніе, большая часть котораго состояла, можетъ быть, изъ вывода, хотя все оно сообщается не какъ выводъ, а какъ фактъ. Трудность заставить свидѣтелей умѣренно примѣшивать выводы къ изложенію своихъ воспріятій хорошо извѣстна опытнымъ судебнымъ слѣдователямъ. Она еще значительнѣе, когда невѣжды пытаются описать какое-либо естественное явленіе. «Самый простой разсказъ самаго невѣжественнаго наблюдателя», говоритъ Дёгальдъ Стьюартъ *), «заключаетъ большее или меньшее число гипотезъ; мало того: обыкновенно, чѣмъ человѣкъ невѣжественнѣе, тѣмъ болѣе въ его разсказѣ найдется гипотетическихъ предложеній. Деревенскій аптекарь и — если возможно, еще въ большей степени — опытная кормилица рѣдко способны описать самый простой случай, не прибѣгая къ выраженіямъ, каждое слово которыхъ есть теорія, между тѣмъ какъ простое и вѣрное обозначеніе отдѣльныхъ явленій, составляющихъ признакъ данной болѣзни, — обозначеніе, не извращаемое воображеніемъ или предвзятыми понятіями, можно принять за несомнѣнное доказательство ума, который долгимъ и успѣшнымъ изученіемъ усвоилъ самое трудное изъ всѣхъ искусствъ: искусство вѣрно *толковать* природу».

Всеобщее смѣшеніе воспріятій съ выведенными изъ нихъ заключеніями и рѣдкость способности различать ихъ перестанутъ изумлять насъ, если мы сообразимъ, что въ большинствѣ случаевъ дѣйствительныя воспріятія нашихъ внѣшнихъ чувствъ важны или интересны для насъ только какъ признаки, изъ которыхъ мы выводимъ нѣчто дальнѣйшее. Намъ важны не цвѣтъ и поверхностное протяженіе, замѣчаемые глазомъ, а предметъ, о присутствіи котораго свидѣтельствуютъ эти видимыя явленія. Но гдѣ самое ощущеніе безразлично, — каково оно обыкновенно и бываетъ, — тамъ мы не побуждаемся ничѣмъ обращать на него особенное вниманіе, а усваиваемъ привычку пропускать ощущеніе безъ отчетливаго сознанія и разомъ переходить къ выводу.

---

*) *Elements of the Philosophy of the Mind*, vol. II, ch. 4, sect. 5.

И чтобы знать, каково дѣйствительно было ощущеніе, необходимо изучать его, къ чему, напримѣръ, живописцамъ слѣдуетъ привыкать спеціальнымъ и продолжительнымъ упражненіемъ. Относительно вещей, еще менѣе подвластныхъ внѣшнимъ чувствамъ, ни одинъ человѣкъ, не обладающій большою опытностью въ психологическомъ анализѣ, не въ состояніи разорвать этой тѣсной ассоціаціи. А при отсутствіи такихъ аналитическихъ привычекъ въ требуемой степени, едвали возможно привести хоть одно изъ обычныхъ сужденій человѣчества о предметахъ сильно отвлеченныхъ, которое бы не признавалось, теперь или въ прошедшее время, прямымъ воспріятіемъ: начиная съ существа Бога и безсмертія души до таблицы умноженія. Такъ сильна склонность приписывать прямому воспріятію сужденія чисто выводныя и нерѣдко ложныя. Никто не можетъ сомнѣваться въ искреннемъ убѣжденіи многихъ самообольщавшихся мечтателей, что они были непосредственно вдохновляемы Небомъ и что Всемогущій бесѣдовалъ съ ними лицомъ къ лицу, — хотя убѣжденіе это, съ ихъ стороны, было лишь заключеніемъ, выведеннымъ изъ внѣшнихъ ощущеній и чувствъ внутренняго сознанія, не представлявшихъ основанія такому вѣрованію. И предостеречь отъ этого класса заблужденій не только слѣдовало, но было необходимо. Однако, рѣшеніе того, дѣйствительно ли дѣлаются эти ошибки по которымъ-либо изъ великихъ метафизическихъ вопросовъ, не входитъ въ нашу задачу и, какъ я часто говорилъ, подлежитъ иной наукѣ.

ГЛАВА V.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ВЪ ОБОБЩЕНІИ.

§ 1. Классъ заблужденій, который мы должны разсмотрѣть, самый обширный изъ всѣхъ: обнимаетъ большее число разныхъ безосновательныхъ выводовъ, чѣмъ который-либо изъ другихъ классовъ; притомъ, его даже труднѣе разбить на подклассы или виды. Если сдѣланная нами въ предшествующихъ книгахъ попытка опредѣлить правила основательнаго обобщенія была успѣшна, то въ этотъ классъ могли бы

быть отнесены, въ извѣстномъ смыслѣ, всѣ обобщенія, несогласныя съ правилами. Однако, если правила извѣстны и не упускаются изъ виду, но въ приложеніи ихъ сдѣлана случайная ошибка, то это будетъ промахомъ, а не заблужденіемъ. Чтобы къ ошибкѣ въ обобщеніи было приложимо послѣднее названіе, она должна быть сдѣлана на основаніи правила; должна обнимать какое-либо ошибочное общее представленіе объ индуктивномъ процессѣ: законный способъ вывода заключеній изъ наблюденій и опыта долженъ быть понимаемъ совершенно ложно.

Исчерпывающая классификація всѣхъ ложныхъ представленій, могущихъ существовать объ этомъ предметѣ, — химера. И потому, изъ всѣхъ возможныхъ предостереженій, мы ограничимся небольшимъ числомъ самыхъ полезныхъ и необходимыхъ.

§ 2. Вопервыхъ, существуютъ нѣкоторые роды обобщенія, которые, при вѣрности изложенныхъ правилъ, *должны* быть безосновательны: опытъ не можетъ представлять необходимыхъ условій для установленія ихъ правильнымъ наведеніемъ. Таковы, напримѣръ, всѣ заключенія отъ порядка природы, существующаго на землѣ или въ солнечной системѣ, къ порядку, могущему существовать въ отдаленныхъ частяхъ вселенной, гдѣ, насколько намъ извѣстно, явленія могутъ быть совершенно иныя или слѣдовать одно за другимъ по инымъ законамъ или даже не слѣдовать никакимъ опредѣленнымъ законамъ. Таковы же, относительно предметовъ, зависящихъ отъ связи причины со слѣдствіемъ, всѣ всеобщія отрицанія, всѣ предложенія, утверждающія невозможность. Несуществованіе какого-бы то ни было даннаго явленія, какъ бы единообразно опытъ ни свидѣтельствовалъ до сихъ поръ объ этомъ фактѣ, доказываетъ, по большей мѣрѣ, что ни одна причина, способная произвести это явленіе, до сихъ поръ не обнаруживалась. Но чтобы такихъ причинъ въ природѣ не существовало, можетъ быть выведено лишь при безумномъ предположеніи, что мы знаемъ всѣ силы природы. По крайней мѣрѣ, предположеніе было бы преждевременно теперь, когда наше знакомство даже съ нѣкоторыми изъ силъ, намъ извѣстныхъ, до такой степени ново. И какъ бы ни расширилось впослѣдствіи наше знаніе природы, не легко представить себѣ, какимъ образомъ это знаніе можетъ когда-либо стать полнымъ, а если и будетъ полнымъ, то какъ мы увѣримся въ его полнотѣ.

Digitized by Google

Единственные законы природы, представляющіе достаточное основаніе для утвержденія невозможности (даже относительно существующаго порядка природы и нашей собственной области вселенной), суть: вопервыхъ, законы чиселъ и протяженія, господствующіе надъ законами послѣдовательности явленій и не подверженные вліянію противодѣйствующихъ причинъ; вовторыхъ, всеобщій законъ связи причины со слѣдствіемъ. Что не наступитъ измѣненія ни въ какомъ дѣйствіи, ни въ какомъ слѣдствіи, пока всѣ предшествующія явленія остаются тѣ же,— можно утверждать съ полною увѣренностью. Но заключать положительно, что прибавка какого-либо новаго предшествующаго явленія не можетъ совершенно измѣнить и уничтожить обычнаго послѣдующаго, или что способныхъ на это предшествующихъ не существуетъ въ природѣ, — мы ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ.

§ 3. Прежде всего должно замѣтить, что всѣ обобщенія, которыя, подобно ученіямъ Ѳалеса, Демокрита и другихъ раннихъ греческихъ философовъ, пытаются разложить всѣ вещи на какое-либо одно начало или, подобно многимъ новѣйшимъ теоріямъ, свести явленія, радикально различныя, на одно и то же, — необходимо ложны. Подъ радикально-различными явленіями я разумѣю такія впечатлѣнія на наши внѣшнія чувства, которыя отличаются въ качествѣ, а не только въ степени. Объ этомъ предметѣ, все, что казалось необходимымъ, сказано въ главѣ о предѣлахъ объясненія законовъ природы. Но какъ упомянутое заблужденіе сильно распространено даже въ наше время, то я разсмотрю его здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Говоря, что сила, удерживающая планеты на ихъ орбитахъ, сводится на тяжесть, или что сила, заставляющая вещества соединяться химически, сводится на электричество, мы утверждаемъ въ одномъ случаѣ то, что есть, а въ другомъ то, что могло бы быть законнымъ результатомъ наведенія и, вѣроятно, наконецъ и будетъ имъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ движеніе сводится на движеніе. Утверждается, что случай движенія, предполагавшійся особеннымъ и слѣдующимъ особому, собственному закону, слѣдуетъ общему закону, управляющему другимъ классомъ движеній и обнимается упомянутымъ закономъ. Но эти и подобныя обобщенія оказали поддержку и дали ходъ попыткамъ свести не движеніе на движеніе, а теплоту на движеніе, свѣтъ на движеніе,

самое ощущеніе на движеніе, состоянія сознанія на состоянія нервной системы, какъ мы видимъ это въ грубѣйшихъ формахъ матеріалистической философіи, — жизненныя явленія на механическіе или химическіе процессы, примѣръ чего представляютъ нѣкоторыя физіологическія школы.

Однако, я отнюдь не утверждаю, будто слѣдующія положенія не допускаютъ доказательства или, будучи доказаны, не составили бы важнаго приращенія къ нашему знанію: что нѣкоторыя движенія матеріальныхъ частицъ входятъ въ *условія* произведенія теплоты или свѣта; что нѣкоторыя физическія измѣненія нервовъ, могущія быть указанными, составляютъ, пожалуй, *условія* не только нашихъ ощущеній или душевныхъ движеній, но даже и нашихъ мыслей; что нѣкоторыя механическія и химическія условія могутъ, въ порядкѣ природы, быть достаточными для приведенія въ дѣйствіе физіологическихъ законовъ жизни. Вмѣстѣ со всѣми мыслителями, имѣющими ясное представленіе о логикѣ науки, я отвергаю лишь предположеніе, что, доказавъ эти вещи, мы сдѣлали бы шагъ къ дѣйствительному объясненію теплоты, свѣта или ощущенія; или что родовая особенность этихъ явленій можетъ быть хотя сколько-нибудь обойдена подобными открытіями, какъ бы несомнѣнны они ни были. Пусть, напримѣръ, будетъ доказано, что, производя ощущеніе цвѣта, въ глазу и мозгу чередуются самые сложные ряды физическихъ причинъ и дѣйствій: лучи падаютъ на глазъ, преломляются, сближаются, взаимно пересѣкаются, производятъ опрокинутый образъ на сѣтчатой оболочкѣ, а затѣмъ движеніе (пусть то будутъ дрожаніе или токъ нервной жидкости либо чего иного вдоль по зрительному нерву), производятъ передачу этого движенія самому мозгу и сколько вамъ угодно различныхъ движеній, — все-таки, въ концѣ этихъ движеній есть нѣчто, что не движеніе: есть чувство или ощущеніе цвѣта. Какое бы число движеній намъ ни удалось вставить, и будутъ ли то дѣйствительныя движенія или воображаемыя, — все же, въ концѣ ряда, мы найдемъ въ предшествующемъ движеніе, въ послѣдующемъ цвѣтъ. Какимъ образомъ каждое изъ движеній производитъ ближайшее, могло бы еще быть объяснено какимъ-либо общимъ закономъ движенія; но способъ, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе цвѣта, не можетъ быть объясненъ никакимъ закономъ дви-

женія: тутъ дѣйствуетъ законъ цвѣта — вещь отличная, которая всегда ею и останется. Гдѣ наше сознаніе признаетъ между двумя явленіями присущее имъ различіе; гдѣ мы ощущаемъ различіе, состоящее не исключительно въ степени, и чувствуемъ, что никакое приращеніе явленія не произведетъ другаго,—тамъ всякая теорія, пытающаяся подчинить одно явленіе законамъ другаго, должна быть ложна, хотя теорія, признающая одно явленіе причиною или условіемъ другаго, можетъ, пожалуй, быть истинною.

§ 4. Изъ остальныхъ формъ ошибочнаго обобщенія, нѣкоторыя наиболѣе важныя и наиболѣе требующія вниманія были уже разсмотрѣны нами въ различныхъ мѣстахъ сочиненія, когда, изслѣдуя правила вѣрнаго наведенія, мы имѣли случай касаться различія между нимъ и какимъ-либо обычнымъ видомъ неправильнаго наведенія. Къ числу этихъ ошибочныхъ обобщеній принадлежитъ и то, что я назвалъ природнымъ наведеніемъ неанализирующихъ умовъ, наведеніе древнихъ, происходящее *per enumerationem simplicem* (при помощи простаго перечисленія): «это А, то А и иное А суть В; я не могу представить себѣ ни одного А, которое не было бы В; поэтому, каждое А есть В». Въ конечное осужденіе этого грубаго и небрежнаго способа обобщенія я приведу выразительное обличеніе его Бэкономъ, составляющее, какъ я не разъ рѣшался утверждать, самую важную часть услуги, оказанной философіи этимъ мыслителемъ. «Наведеніе при помощи простаго перечисленія есть способъ дѣтскій и заключаетъ шатко» (только *съ вашего позволенія,* или до поры), «подвергаясь опасности отъ противорѣчащихъ случаевъ; обыкновенно оно заключаетъ на основаніи меньшаго числа случаевъ, чѣмъ слѣдуетъ,—на основаніи находящихся подъ рукою. А чтобъ быть полезнымъ для изобрѣтенія и доказательства въ наукахъ и искусствахъ, наведеніе должно различать природу, надлежащимъ образомъ отвергая и исключая, и, по достаточномъ числѣ случаевъ отрицательныхъ, заключать на основаніи утвердительныхъ».

Я уже сказалъ, что способъ простаго перечисленія есть обыкновенный и общепринятый методъ наведенія во всемъ, касающемся человѣка и общества. Достаточно будетъ привести весьма немного примѣровъ, скорѣе съ цѣлью напомнить, чѣмъ сообщить свѣдѣніе. Что, напримѣръ, подумать о всѣхъ положеніяхъ на основаніи «здраваго смысла», все-

общею формулою которымъ можетъ служить слѣдующее: «Чего никогда не было, того никогда и не будетъ». Такъ, негры никогда не были столь образованы, какими бываютъ иногда бѣлые; поэтому неграмъ и невозможно достичь такой степени образованія. Предполагается, что женщины, какъ классъ, до сихъ поръ не равнялись мужчинамъ по уму; поэтому онѣ необходимо уступаютъ мужчинамъ. Общество не можетъ процвѣтать безъ того или другаго установленія: такъ въ Аристотелево время оно нуждалось въ рабствѣ; позднѣе въ установленномъ духовенствѣ, въ искусственномъ различіи по чинамъ. Когда между тысячью лицъ одно образованное приходилось на девятьсотъ девяносто девять непросвѣщенныхъ, то оно обыкновенно стремилось возвыситься надъ своимъ сословіемъ; слѣдовательно, образованіе внушаетъ недовольство положеніемъ рабочаго. Книжные ученые, оторванные отъ своихъ умозрительныхъ занятій и усаженные за незнакомую имъ работу, исполняли ее, въ самомъ дѣлѣ или по мнѣнію другихъ, плохо; слѣдовательно, философы неспособны къ дѣламъ, и т. д. Все это наведенія при помощи простаго перечисленія. Можетъ быть, и были попытки, хотя безуспѣшныя, объяснить нѣкоторыя изъ этихъ предложеній причинами, сколько-нибудь относящимися къ правиламъ научнаго изслѣдованія. Но для большинства людей, безсмысленно повторяющаго такія предложенія, *простое перечисленіе, рѣшающее на основаніи только тѣхъ явленій, которыя подъ рукою*, есть единственное доказательство. Ошибочность этихъ предложеній состоитъ въ томъ, что они наведенія, построенныя безъ исключенія: при построеніи ихъ не было дѣйствительнаго сравненія случаевъ; не были даже обнаружены существенныя обстоятельства какого-либо даннаго случая. Сверхъ того, сдѣлана еще одна ошибка: забыто, что такія обобщенія, даже еслибъ они были основательны, не могутъ быть коренными истинами, а должны представлять результаты законовъ, гораздо элементарнѣйшихъ; поэтому, если они не выведены изъ такихъ законовъ, то, по большей мѣрѣ, могутъ быть допущены только какъ законы эмпирическіе, вѣрные лишь въ тѣхъ предѣлахъ пространства и времени, которыми ограничивались частныя наблюденія, внушившія обобщеніе.

Эта ошибка, состоящая въ сопоставленіи законовъ чисто-эмпирическихъ и законовъ, въ которыхъ нѣтъ прямаго доказательства причи-

ненія, на одну степень достовѣрности съ законами связи причины и слѣдствія, есть ошибка, въ которой коренится, можетъ быть, большинство плохихъ наведеній. Она поясняется лишь въ своей грубѣйшей формѣ упомянутымъ нами родомъ обобщеній. Они не обладаютъ даже степенью достовѣрности, принадлежащею вполнѣ дознанному эмпирическому закону, а могутъ быть опровергаемы на томъ же эмпирическомъ основаніи, причемъ не приходится восходить до законовъ связи причины со слѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно понять, что на однихъ отрицаніяхъ можетъ основываться лишь самый низшій и наименѣе цѣнный родъ эмпирическихъ законовъ. Явленіе никогда не было замѣчено; это доказываетъ лишь, что условія упомянутаго явленія еще не встрѣчались на опытѣ, а отнюдь не доказываетъ, будто они не могутъ встрѣтиться впослѣдствіи. Есть лучшій противъ этого родъ эмпирическихъ законовъ: именно, когда наблюдаемое явленіе представляетъ, въ предѣлахъ наблюденія, рядъ степеней, въ которомъ замѣтны правильность или нѣчто похожее на математическій законъ. Это можетъ дозволять нѣкоторыя разумныя предположенія относительно членовъ ряда, лежащихъ за предѣлами наблюденія. Въ отрицаніи же нѣтъ постепенности, нѣтъ рядовъ, и потому обобщенія, отрицающія возможность даннаго положенія человѣка и общества, лишь потому, что оно никогда не встрѣчалось, не могутъ обладать этою большею достовѣрностью даже какъ эмпирическіе законы. Мало того: точнѣйшее разсмотрѣніе, предполагаемое этимъ высшимъ родомъ эмпирическихъ законовъ, будучи приложено къ упомянутымъ обобщеніямъ, не только ихъ не подтверждаетъ, но дѣйствительно опровергаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, минувшее человѣка и общества отнюдь не очерчиваетъ ихъ неподвижными, неизмѣнными, неспособными представить когда-либо новыя явленія, а, напротивъ того, показываетъ ихъ не только измѣнчивыми, но и подверженными прогрессивному измѣненію. И потому, эмпирическій законъ, въ большинствѣ случаевъ наилучшимъ образомъ выражающій истинный результатъ наблюденія, состоялъ бы не въ томъ, что такое-то явленіе будетъ неизмѣнно, а въ томъ, что оно будетъ попрежнему измѣняться какимъ-либо особымъ образомъ.

До послѣдняго пятидесятилѣтія почти всѣ обобщенія относительно человѣка и общества впадали въ грубую ошибку, которую мы стара-

лись охарактеризовать: именно, безмолвно предполагали, что человѣческая природа и общество будутъ вѣчно вращаться по одной и той же орбитѣ и представлять существенно тожественныя явленія. Эта же ошибка обычна и въ наше время хвастливымъ практикамъ, сторонникамъ такъ-называемаго здраваго смысла, особенно въ Великобританіи. Болѣе мыслящіе умы нынѣшняго столѣтія, подвергнувъ извѣстія о минувшемъ человѣчества точнѣйшему анализу, почти всѣ склонились къ противоположному мнѣнію: что родъ человѣческій находится въ состояніи необходимаго прогресса и что изъ прошедшихъ членовъ ряда мы можемъ положительно вывести будущіе. Это ученіе, какъ философское вѣрованіе, мы разсмотримъ полнѣе въ заключительной книгѣ. Если оно, во всѣхъ своихъ формахъ, не безошибочно, то, по крайней мѣрѣ, свободно отъ того грубаго и нелѣпаго заблужденія, которое мы пояснили примѣрами. Однако, лишь въ наиболѣе философскихъ умахъ оно не заражено заблужденіемъ именно того же *рода*. Слѣдуетъ помнить, что даже это второе, лучшее обобщеніе, о прогрессивномъ развитіи человѣческаго рода, есть, окончательно, лишь законъ эмпирическій,—притомъ такой, которому не трудно привести чрезвычайно широкія исключенія. И еслибъ даже удалось сладить съ ними либо отвергая факты, либо выясняя и ограничивая ученіе, все-же общее возраженіе остается въ силѣ противъ предполагаемаго закона, въ примѣненіи его къ какимъ бы то ни было случаямъ, кромѣ названныхъ нами, въ третьей книгѣ, смежными, такъ какъ законъ этотъ не только не коренной, но даже не законъ связи причины со слѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка и общества подвержено перемѣнамъ; но каждая изъ этихъ перемѣнъ зависитъ отъ опредѣленныхъ причинъ; «развитіе человѣчества» не причина, а выраженіе, означающее общій результатъ всѣхъ причинъ. Когда, совершенно отличнымъ родомъ наведенія, будетъ обнаружено, какія причины произвели эти послѣдовательныя перемѣны, въ мѣрѣ ихъ наступленія отъ начала исторіи, и какими противодѣйствовавшими причинами перемѣны были иногда сдерживаемы или даже предотвращены,—тогда мы будемъ подготовлены къ разсудительному предсказанію будущаго, будемъ дѣйствительно знать *законъ* грядущаго и сможемъ объявить, отъ какихъ обстоятельствъ будетъ случайно зависѣть продолженіе того же движенія впередъ. Но это-то и упускаютъ

изъ виду многіе изъ самыхъ передовыхъ мыслителей настоящаго вѣка; они воображаютъ, что эмпирическій законъ, выведенный лишь изъ сравненія состояній человѣчества въ различныя минувшія эпохи, есть дѣйствительный законъ, именно законъ перемѣнъ въ этихъ состояніяхъ, не только прошедшихъ, но и будущихъ. Дѣло въ томъ, что причины, отъ которыхъ зависятъ явленія міра нравственнаго, сочетаются, въ каждомъ столѣтіи и почти въ каждой странѣ, въ различной пропорціи, и потому едвали можно надѣяться, чтобы общій результатъ ихъ всѣхъ близко подходилъ къ какому-либо единообразно-прогрессивному ряду,— по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. И всѣ обобщенія, утверждающія, что человѣчество обнаруживаетъ склонность стать лучше или хуже, богаче или бѣднѣе, стать просвѣщеннѣе или возвратиться къ дикому состоянію, что народонаселеніе умножается быстрѣе средствъ къ пропитанію, или средства къ пропитанію быстрѣе народонаселенія, что неравенство имуществъ стремится увеличиться или уничтожиться, и тому подобныя предложенія, довольно цѣнныя какъ эмпирическіе законы въ извѣстныхъ предѣлахъ (впрочемъ, обыкновенно узкихъ),—на дѣлѣ бываютъ истинны или ложны сообразно времени и обстоятельствамъ.

Сказанное нами объ эмпирическихъ обобщеніяхъ отъ временъ прошедшихъ къ будущимъ одинаково истинно о подобныхъ же обобщеніяхъ отъ настоящаго къ прошедшему. Иногда лица, знакомство которыхъ съ нравственными и общественными явленіями ограничивается ихъ собственнымъ вѣкомъ, принимаютъ людей и вещи этого вѣка за типъ людей и вещей вообще и, толкуя историческія событія, не задумываясь прилагаютъ къ нимъ эмпирическіе законы, изображающіе, съ достаточною точностью для руководства въ жизни, обыкновенныя явленія человѣческой природы въ настоящую эпоху и при современномъ особомъ состояніи общества. Еслибъ нужны были примѣры, то ими изобиловали, до весьма недавняго времени, почти всѣ историческія сочиненія. То же самое можно сказать о лицахъ, эмпирически обобщающихъ отъ своихъ соотечественниковъ къ населенію другихъ странъ, какъ будто бы люди чувствовали, судили и дѣйствовали вездѣ одинаково.

§ 5. Въ предшествующихъ примѣрахъ упускается изъ виду разница между эмпирическими законами, выражающими лишь обычный порядокъ въ послѣдовательности дѣйствій, и законами причиненія, отъ

Digitized by Google

которыхъ дѣйствія зависятъ. Однако, можетъ существовать неправильное обобщеніе, въ которомъ этой ошибки не сдѣлано: когда изъисканіе слѣдуетъ собственному пути, направлено къ причинамъ, а ошибочно полученный результатъ выдается за дѣйствительный законъ причины и слѣдствія.

Самая обыкновенная форма этого заблужденія выражается такъ: «*post hoc, ergo propter hoc*» (послѣ этого,—значитъ, вслѣдствіе этого) или: «*cum hoc, ergo propter hoc*» (вмѣстѣ съ этимъ,—значитъ, вслѣдствіе этого). Такъ приходили къ заключенію, что промышленнымъ превосходствомъ Англія обязана своимъ ограниченіямъ торговли; такъ, старая школа финансистовъ и нѣкоторые умозрительные писатели утверждали, что государственный долгъ есть одна изъ причинъ народнаго благосостоянія; такъ, совершенство церкви, палаты лордовъ или общинъ, судопроизводства и проч. было выводимо изъ того лишь факта, что при нихъ страна благоденствовала. Еслибъ въ подобныхъ случаяхъ можно было, инымъ доказательствомъ, установить вѣроятность, что предполагаемыя причины сколько-нибудь стремятся произвести приписываемое имъ дѣйствіе, то фактъ, что оно было произведено хотя въ одномъ случаѣ, имѣетъ нѣкоторую цѣну какъ провѣрка положенія спеціальнымъ опытомъ; но самъ по себѣ этотъ фактъ едвали хоть сколько-нибудь доказываетъ упомянутое стремленіе, потому что, и допуская дѣйствіе, мы можемъ признать за сотнею другихъ предшествующихъ явленій равносильное право *этого* рода считаться причиною.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ плохое обобщеніе *a posteriori* или эмпиризмъ собственно такъ называемый: связь причины со слѣдствіемъ выводится изъ случайнаго сочетанія, безъ надлежащаго исключенія или вѣроятности, возникающей изъ извѣстныхъ свойствъ предполагаемаго дѣятеля. Но отнюдь не менѣе обыкновенно и плохое обобщеніе *a priori*, справедливо называемое ложною теоріей: заключенія, выведенныя, путемъ дедукціи, изъ свойствъ одного какого-либо дѣятеля, присутствіе котораго извѣстно или предполагается, причемъ всѣ другіе существующіе дѣятели упускаются изъ виду. Какъ первое обобщеніе есть обычная ошибка совершенныхъ невѣждъ, такъ вторая особенно свойственна людямъ полуобразованнымъ, впадающимъ въ нее

Digitized by Google

преимущественно при попыткахъ объяснить сложныя явленія теоріею простѣйшею, чѣмъ какую допускаетъ природа этихъ явленій.

Такъ, одна школа врачей искала общей причины всякой болѣзни въ «медленности и болѣзненной вязкости крови» и, приписывая бо́льшую часть тѣлесныхъ разстройствъ механическимъ заваламъ, думала лечить ихъ механическими средствами *). Въ то же время другая школа, химическая, «не признавала иного источника болѣзни, кромѣ присутствія какой-либо враждебной кислоты или щелочи или какого-либо нарушеннаго условія въ химическомъ составѣ жидкихъ или твердыхъ частей», и потому думала, что «всѣ лекарства должны дѣйствовать не иначе, какъ производя въ тѣлѣ химическія измѣненія. Мы видимъ Турнфора (²) усердно испытывающимъ всякій растительный сокъ, съ цѣлью открыть въ немъ слѣды кислотной или щелочной составной части, которая могла бы придать ему медицинское дѣйствіе. Страшный примѣръ пагубныхъ ошибокъ, въ которыя такая гипотеза способна была вовлечь врача-практика, представляется намъ въ исторіи памятной лихорадки, свирѣпствовавшей въ Лейденѣ въ 1699 году и сведшей двѣ трети мѣстнаго населенія преждевременно въ могилу. Событіе это въ сильной степени должно быть приписано профессору Сильвію де ла Боэ, который, только-что принявъ химическое ученіе Ванъ-Гельмонта, указывалъ причину недуга въ преобладающей кислотѣ и объявилъ, что болѣзнь эта можетъ быть излечена только обильнымъ употребленіемъ поглощающихъ лекарствъ, содержащихъ известь» **).

Этимъ заблужденіямъ въ теоріи медицины встрѣчаются точныя

---

*) «Фуркруа» (¹), говоритъ д-ръ Парисъ, «объяснялъ дѣйствіе ртути ея удѣльнымъ вѣсомъ, и, на основаніи этой гипотезы, сторонники сказаннаго ученія старались о повсемѣстномъ введеніи желѣзныхъ препаратовъ, особенно при желѣзковатыхъ опухоляхъ селезенки или печени: что́, говорили они, наиболѣе дѣйствительно въ удаленіи препятствія, то должно быть лучшимъ средствомъ исцѣленія; такова сталь: кромѣ отличающей ее мягчительной силы, она обладаетъ въ этомъ случаѣ еще бо́льшею силою по тяжести своихъ частицъ; будучи удѣльно въ семь разъ тяжелѣе всякаго растительнаго вещества, она дѣйствуетъ вслѣдствіе этого съ большимъ напоромъ и потому могущественнѣе устраняетъ завалы. Это можетъ служить образчикомъ того, какъ такіе механическіе врачи разсуждали и поступали на практикѣ.» *Pharmacologia*, pp. 38—9.

(¹) Французскій химикъ конца XVIII столѣтія.

(²) Французскій ботаникъ конца XVIII столѣтія.

**) *Pharmacologia*, pp. 39, 40.

параллели въ политикѣ. Всѣ ученія, приписывающія безусловное достоинство извѣстнымъ формамъ правленія, особымъ общественнымъ учрежденіямъ и даже особымъ способамъ воспитанія, безъ отношенія къ состоянію цивилизаціи и къ различнымъ характеристическимъ чертамъ общества, на которыя эти учрежденія и способы направлены, подлежатъ тому же возраженію: что эти ученія предполагаютъ господствующее вліяніе на явленія въ одномъ классѣ обстоятельствъ, тогда какъ явленія эти зависятъ въ равной или высшей степени отъ многихъ другихъ. Но здѣсь намъ тѣмъ менѣе нужно останавливаться на этихъ соображеніяхъ, что мы разсмотримъ ихъ подробнѣе въ заключительной книгѣ.

§ 6. Послѣдній видъ ошибочнаго обобщенія, котораго я коснусь, можетъ быть названъ ложною аналогіею. Это заблужденіе отличается отъ разсмотрѣнныхъ уже нами тою особенностію, что оно даже не прикрывается личиною полнаго законченнаго наведенія, а состоитъ въ неумѣстномъ примѣненіи довода, который, въ крайнемъ случѣ, допустимъ лишь какъ неубѣдительное предположеніе, гдѣ дѣйствительное доказательство недостижимо.

Доказательство по аналогіи есть заключеніе, что истинное въ одномъ случаѣ истинно въ случаѣ, о которомъ извѣстно, что онъ нѣсколько сходенъ съ первымъ, но неизвѣстно, чтобы онъ былъ ему точно параллеленъ, т. е. сходенъ съ нимъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Предметъ обладаетъ свойствомъ B; о другомъ предметѣ неизвѣстно, чтобы онъ обладалъ этимъ свойствомъ; но онъ сходенъ съ первымъ въ свойствѣ A, связь котораго съ B не обнаружена. Аналогія направлена къ заключенію, что предметъ этотъ обладаетъ и свойствомъ B. Таково, напримѣръ, заключеніе, что планеты обитаемы, потому что земля обитаема. Планеты сходствуютъ съ землею въ томъ, что описываютъ эллиптическія орбиты вокругъ солнца, притягиваются имъ и взаимно одна другою, приблизительно шарообразны, вращаются на своихъ осяхъ и проч.; но неизвѣстно, чтобы которое-либо изъ этихъ свойствъ или всѣ они вмѣстѣ были условіями, отъ которыхъ зависитъ обитаемость, или были признаками этихъ условій. Тѣмъ не менѣе, пока мы не знаемъ этихъ условій, они, какимъ-либо закономъ природы, *могутъ* быть связаны съ этими общими свойствами, и въ пре-

дѣлахъ этой возможности, вѣроятнѣе, что планеты обитаемы, чѣмъ еслибъ они вовсе не были сходны съ землею. Это неопредѣлимое и, вообще, малое увеличеніе вѣроятности, сверхъ той, которая существовала бы иначе, и составляетъ все доказательство, которое можетъ быть почерпнуто заключеніемъ изъ аналогіи. Если мы обладаемъ хотя малѣйшимъ основаніемъ предположить какую-либо дѣйствительную связь между двумя свойствами, А и В, то доказательство перестаетъ быть доводомъ аналогіи. Еслибъ обнаружилось (я намѣренно дѣлаю нелѣпое предположеніе), что существуетъ связь причины со слѣдствіемъ между фактомъ вращенія на оси и населенностью, или еслибъ было какое-либо разумное основаніе хоть подозрѣвать такую связь, то возникла бы вѣроятность населенности планетъ, которая могла бы обладать какою-угодно силою, до полнаго наведенія. Но тогда мы заключили бы о фактѣ по обнаруженному или предположенному закону связи причины со слѣдствіемъ, а не по аналогіи съ землею.

Однако, названіе «аналогія», въ обширномъ смыслѣ, употребляется иногда для обозначенія тѣхъ доводовъ индуктивнаго характера, но не равняющихся дѣйствительному наведенію, которыя употребляются для усиленія довода, почерпнутаго изъ простаго сходства. Хотя объ А, свойствѣ, общемъ двумъ случаямъ, не можетъ быть доказано, что оно причина или слѣдствіе В, но умозаключающій по аналогіи постарается показать, что между ними существуетъ связь, не столь тѣсная; что А принадлежитъ къ ряду условій, которыя, при совпаденіи ихъ всѣхъ, породили бы В, или есть случайное послѣдствіе какой-либо причины, о которой было извѣстно, что она производитъ и В, и т. п. Каждая изъ этихъ вещей, будучи доказана, сдѣлала бы существованіе В вѣроятнѣйшимъ, чѣмъ еслибъ между В и А не было и этой степени дознанной связи.

Ошибка или заблужденіе въ аналогіи можетъ произойти двумя путями. Иногда заблужденіе состоитъ въ употребленіи довода того или другаго рода, хотя и правильномъ, но превышающемъ его доказательную силу. Эта весьма обыкновенная ошибка предполагается иногда особенно свойственною лицамъ, отличающимся воображеніемъ; но на дѣлѣ она есть характеристическій умственный недостатокъ людей съ воображеніемъ скуднымъ по недостатку упражненія, по природной слабости или

узкому умственному кругозору. Такимъ умамъ предметы представляются облеченными лишь немногими свойствами; и такъ какъ эти люди замѣчаютъ лишь немногія аналогіи между однимъ предметомъ и другимъ, то они почти постоянно придаютъ этимъ немногимъ аналогіямъ слишкомъ большую важность, тогда какъ другой человѣкъ, съ болѣе широкимъ воображеніемъ, замѣчаетъ и помнитъ столько аналогій, ведущихъ къ противорѣчивымъ заключеніямъ, что онъ не легко придастъ которой-либо изъ нихъ ненадлежащее значеніе. Мы всегда замѣчаемъ, что люди, освоившіеся лишь съ однимъ родомъ метафоръ, наиболѣе заражены страстью къ метафорическому языку.

Но это лишь одинъ изъ видовъ ошибочнаго удотребленія доказательствъ аналогіей. Существуетъ другой видъ, точнѣе заслуживающій названіе заблужденія: именно, когда сходство въ одномъ обстоятельствѣ выводится изъ сходства въ другомъ, хотя не только не существуетъ доказательства, которое связывало бы эти два обстоятельства отношеніемъ причины къ слѣдствію, но доказательство положительно стремится разобщить ихъ. Вотъ это-то именно и есть заблужденіе ложными аналогіями.

Первымъ примѣромъ мы можемъ привести любимое доказательство въ защиту неограниченной власти, почерпаемое изъ аналогіи отеческаго правленія въ семьѣ, — правленія, которое, хотя и сильно нуждается въ контролѣ, однако не контролируется и не можетъ быть контролируемо самими дѣтьми, пока они остаются ими. Отеческое правленіе, говоритъ доводъ, дѣйствуетъ хорошо; поэтому, деспотическое правленіе въ государствѣ будетъ дѣйствовать хорошо. Я обхожу, какъ неподходящее въ этомъ мѣстѣ, все, что могло бы быть сказано въ защиту утверждаемаго превосходства отеческаго правленія. Какъ бы то ни было, доказательство отъ семьи къ государству все-таки опиралось бы на ложную аналогію, подразумѣвая, что благотворное дѣйствіе отеческаго правленія зависитъ, въ семьѣ, отъ единственнаго обстоятельства, общаго этому правленію съ политическимъ деспотизмомъ, — именно безотвѣтственности. Между тѣмъ, когда это отеческое правленіе дѣйствительно таково, оно основывается не на одномъ этомъ, но на двухъ другихъ обстоятельствахъ случая: привязанности отца къ дѣтямъ и его превосходствѣ въ мудрости и опытности. Ни на одно изъ этихъ обстоя-

тельствъ нельзя разсчитывать между политическимъ деспотомъ и его подданными; ни одно изъ нихъ отнюдь не вѣроятно. А когда котораго-либо изъ этихъ обстоятельствъ не оказывается даже въ семьѣ, а вліянію безотвѣтственности дозволяютъ дѣйствовать неисправленнымъ, результатомъ бываетъ отнюдь не хорошее правленіе. Итакъ, это ложная аналогія.

Другимъ примѣромъ можетъ служить нерѣдко употребляемое dictum, что политическія тѣла, подобно естественнымъ организмамъ, переживаютъ юность, зрѣлый возрастъ, старость и подвержены смерти; что по извѣстномъ періодѣ процвѣтанія они самобытно клонятся къ разрушенію. Это также ложная аналогія, потому что упадокъ жизненныхъ силъ въ одушевленномъ тѣлѣ можетъ быть точно приписанъ естественному развитію именно тѣхъ перемѣнъ въ строеніи, которыя, на болѣе раннихъ ступеняхъ, составляютъ ростъ одушевленнаго тѣла до полной зрѣлости. Въ политическомъ же тѣлѣ развитіе этихъ перемѣнъ не можетъ имѣть, вообще, инаго слѣдствія, кромѣ дальнѣйшаго продолженія роста: только прекращеніе этого развитія и начало движенія вспять могли бы составить упадокъ. Политическія тѣла умираютъ, но отъ болѣзни или насильственной смерти: у нихъ нѣтъ старости.

Слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Гукера «Церковное управленіе» (Hooker's *Ecclesiastical Polity*) представляетъ примѣръ ложной аналогіи отъ тѣлъ физическихъ къ такъ-называемымъ тѣламъ политическимъ. «Такъ какъ въ тѣлахъ физическихъ не могло быть движенія чего-либо безъ того, чтобы не существовало нѣчто, движущее всѣ вещи и остающееся неподвижнымъ, — такъ и въ политическихъ обществахъ должны существовать лица, не подлежащія наказанію, или ему не долженъ подвергаться никто». Здѣсь двойное заблужденіе: не только аналогія, но и посылка, изъ которой она истекаетъ, незащитимы. Понятіе, что должно существовать нѣчто неподвижное и движущее все остальное, есть древнее схоластическое заблужденіе о *primum mobile*.

Слѣдующій примѣръ взятъ изъ Риторики архіепископа Уэтли: «Всякій допуститъ, что большое и постоянное уменьшеніе въ количествѣ какого-либо полезнаго предмета, напримѣръ хлѣба или каменнаго угля, или желѣза, по всему свѣту, было бы важной и постоянной потерей; съ другой стороны, еслибъ поля и копи каменнаго угля давали

правильно двойное количество при томъ же трудѣ, то мы были бы настолько же богаче. Отсюда можно бы было заключить, что еслибъ количество золота и серебра въ мірѣ уменьшилось наполовину или удвоилось, то послѣдовали бы тѣ же результаты, такъ какъ полезность этихъ металловъ, въ видѣ монеты, очень велика. Но между благородными металлами съ одной стороны и хлѣбомъ, каменнымъ углемъ и проч. съ другой существуетъ много точекъ сходства и много точекъ различія; для предполагаемаго же довода важно обстоятельство, что *полезность* золота и серебра (преимущественно въ видѣ монеты) *зависитъ отъ ихъ цѣны*, опредѣляемой ихъ рѣдкостью или, говоря точнѣе, отъ трудности ихъ добыванія. И потому, еслибъ хлѣбъ и каменный уголь были въ десять разъ обильнѣе (т. е. легче добываемы), то мѣра того и другаго была бы не менѣе полезна, чѣмъ теперь. Но еслибъ добываніе золота облегчилось вдвое, то соверенъ чеканился бы вдвое большимъ; еслибъ оно вдвое затруднилось, то соверенъ былъ бы вдвое меньше, и это (помимо ничтожнаго обстоятетьства дороговизны или дешевизны золотыхъ украшеній) составляло бы всю разницу. Слѣдовательно, аналогія подрывается въ части, существенно необходимой для доказательства.»

Тотъ же авторъ приводитъ, по сочиненію епископа Копльстона, примѣръ ложной аналогіи, состоящей въ заключеніи, изъ многостороннаго сходства между столицею государства и сердцемъ животнаго, что увеличенный размѣръ столицы есть болѣзнь.

Нѣкоторыя изъ ложныхъ аналогій, на которыхъ, во времена греческихъ философовъ, довѣрчиво были основываемы системы физики, мы называли бы теперь фантастическими, не потому, чтобы сходства не были часто дѣйствительными, а потому, что уже съ давнихъ поръ никто не желалъ строить на нихъ заключеній, которыя были дѣлаемы въ то время. Таковы, напримѣръ, любопытныя умозрѣнія пиѳагорейцевъ относительно чиселъ. Найдя, что разстоянія планетъ, во взаимныхъ отношеніяхъ, представляли или казались представляющими пропорцію, близкую къ дѣленіямъ монохорда, они выводили изъ нея существованіе неслышной музыки, музыки небесныхъ сферъ: какъ будто бы музыка арѳы зависѣла только отъ численныхъ пропорцій, а не отъ матеріала, ни даже отъ существованія какого-либо матеріала, какихъ

бы то ни было струнъ. Подобнымъ же образомъ вообразили, что извѣстныя сопряженія чиселъ, обнаруживающіяся въ нѣкоторыхъ естественныхъ явленіяхъ, должны проникать всю природу: что должны быть четыре стихіи, такъ какъ существуетъ четыре возможныхъ сопряженія горячаго и холоднаго, мокраго и сухаго; должно быть семь планетъ, потому что существуетъ семь металловъ, и даже потому, что въ недѣлѣ семь дней. Самъ Кеплеръ думалъ, что можетъ быть только шесть планетъ, такъ какъ существуетъ только пять правильныхъ тѣлъ (¹). Сюда же можно отнести заключенія, столь частыя въ умозрѣніяхъ древнихъ, основанныя на предполагаемомъ въ природѣ *совершенствѣ:* понимая подъ природою обычный порядокъ событій, какъ они наступаютъ сами собою безъ вмѣшательства человѣка. Это также грубое угадываніе аналогіи, о которой предполагается, что она проникаетъ всѣ явленія, какъ бы несходны они ни были. Изъ того, что считавшееся совершенствомъ оказывалось существующимъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ, заключали (вопреки очевидности), что оно существуетъ во всѣхъ. «Мы всегда», говоритъ Аристотель, «предполагаемъ совершающимся въ природѣ, если это возможно, лучшее», и такъ какъ въ понятіи о *лучшемъ* смѣшивались самыя неопредѣленныя и разнородныя качества, то дикимъ заключеніямъ не было предѣловъ. Напримѣръ, такъ какъ небесныя тѣла «совершенны», то они должны двигаться по окружностямъ и единообразно. «Они (пиѳагорейцы) не хотѣли допустить», говоритъ Геминусъ *), «такого безпорядка въ вещахъ божественныхъ и вѣчныхъ, чтобы онѣ двигались иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, а иногда останавливались: никто не потерпѣлъ бы такой аномаліи даже въ движеніяхъ человѣка приличнаго и порядочнаго. Правда, случайности жизни часто заставляютъ людей идти быстрѣе или медленнѣе; но въ безпорочной природѣ

(¹) По Кеплеру, между пятью правильными тѣлами и шестью планетами существуетъ слѣдующая связь. Если около шара, въ которомъ лежитъ орбита земли, описать пентагональный додекаэдръ, а около его вершинъ опять шаръ, то получится шаръ, заключающій орбиту Марса. Описавъ около этого шара тетраэдръ, а около его вершинъ шаръ, получаемъ область пути Юпитера. Наложивъ на путь Юпитера кубъ, а на его вершины шаръ, получимъ путь Сатурна. Икосаэдръ въ шару земной орбиты, а въ этомъ икосаэдрѣ шаръ, касающійся его граней, даютъ путь Венеры. Вложивъ въ путь Венеры октаэдръ, а въ него шаръ, получимъ область Меркурія.

*) Я цитирую по Уэвелевой History of Inductive Sciences, 3-му изд., т. I, стр. 129.

звѣздъ невозможно допустить какой-либо причины ускоренія или замедленія». Нужно слишкомъ далеко ходить за доказательствомъ аналогіи, если предположить, что звѣзды должны соблюдать, въ походкѣ и внѣшности, правила приличія, которыя предписывали себѣ длиннобородые философы, осмѣянные Лукіаномъ.

Еще во время Коперникова спора было приводимо доказательствомъ въ пользу истинной теоріи солнечной системы, что она помѣщала огонь, благороднѣйшую изъ стихій, въ центръ вселенной. Это было остаткомъ понятія, что порядокъ природы долженъ быть совершенъ и что совершенство состоитъ въ соблюденіи правилъ предшествія по сану, дѣйствительному или условному. Обращаюсь снова къ числамъ: нѣкоторыя числа считались *совершенными* и потому должны были существовать въ великихъ явленіяхъ природы. Шесть было число совершенное, т. е. равно суммѣ всѣхъ своихъ множителей: это служило добавочнымъ основаніемъ, по которому слѣдовало быть именно шести планетамъ. Съ другой стороны, пиѳагорейцы приписывали совершенство числу десять; но они, согласно съ первыми, думали, что совершенное число должно какимъ-либо образомъ осуществляться въ небѣ, и, зная только девять небесныхъ тѣлъ, для пополненія счета, утверждали, что существуетъ *антихтонъ*, или противоземля, по другую сторону солнца, невидимая для насъ» *). Даже Гюйгенсъ былъ убѣжденъ, что число небесныхъ тѣлъ, достигши двѣнадцати, не допускало уже дальнѣйшаго увеличенія. Творческая сила не могла зайти за священное число.

Нѣкоторые любопытные примѣры ложной аналогіи можно найти въ доводахъ стоиковъ въ пользу равенства всѣхъ преступленій и одинаковой преступности всѣхъ людей, которые не осуществили ихъ идеи о совершенной добродѣтели. Цицеронъ, въ концѣ своей четвертой книги «О высшемъ благѣ» (De Finibus) приводитъ нѣкоторыя ложныя аналогіи слѣдующимъ образомъ. «Какъ на бо́льшей части струнныхъ инструментовъ, если ни одна изъ струнъ не настроена такъ, чтобы вмѣстѣ онѣ могли образовать ладъ, то всѣ онѣ равно худо настроены; такъ и всѣ погрѣшенія, производя дисгармонію, производятъ ее одинаково и потому равны». На это Цицеронъ самъ искусно отвѣчаетъ: «Одинаково

*) *History of Inductive Sciences*, Т. I, стр. 52.

случается со всѣми струнами, что онѣ не настроены». Стоикъ продолжаетъ: «Какъ равно виновенъ кормчій, если онъ погубитъ корабль съ соломой или корабль съ золотомъ, — такъ одинаково грѣшатъ и тотъ, кто безправно бьетъ родителей, и тотъ, кто бьетъ раба». Здѣсь стоикъ принимаетъ, что такъ какъ величина довѣреннаго кормчему интереса не производитъ разницы въ простомъ недостаткѣ искусства, то не можетъ породить разницы и въ нравственномъ недостаткѣ: аналогія ложная. Дальше: «Кто не знаетъ, что если, напримѣръ, нѣсколько человѣкъ хотятъ вынырнуть изъ воды, то одни, уже приблизившіеся къ поверхности воды, скорѣе будутъ вновь дышать; но всѣ они могутъ дышать не болѣе находящихся на самой глубинѣ. Слѣдовательно, нисколько не помогаетъ успѣвать въ добродѣтели; все же остаешься самымъ несчастнымъ, пока ея не достигнешь, какъ ничто не помогаетъ въ водѣ. Такъ и щенки, которые уже готовы стать зрячими, одинаково слѣпы съ только-что родившимися. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что и Платонъ, не видѣвъ мудрости, былъ такъ же слѣпъ душою, какъ и Фаларитъ». Цицеронъ, отъ себя, опровергаетъ эти ложныя аналогіи другими, приводящими къ противоположному заключенію. «Эти вещи не сходныя, Катонъ.... Вотъ подходящія: одинъ страдаетъ слабостью зрѣнія, другой разслабленіемъ тѣла; пользуясь леченіемъ, они день ото дня находятъ облегченіе, — одинъ изъ нихъ ежедневно здоровѣетъ, другой лучше видитъ. Вотъ они-то сходны со всѣми, которые стремятся къ добродѣтели: избавляются отъ пороковъ, избавляются отъ заблужденій».

§ 7. Въ этихъ и всѣхъ другихъ доказательствахъ, почерпнутыхъ изъ далекихъ аналогій и метафоръ, которыя суть случаи аналогіи, очевидно (особенно, если мы сообразимъ чрезвычайную легкость построить противоположныя аналогіи и опровергающія метафоры), что не только метафора или аналогія ничего не доказываетъ, но приложимость-то метафоры и должна быть доказана. Должно обнаружить, что въ двухъ случаяхъ, которые выставляются аналогичными, въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ; что сходства извѣстное и выводное какимъ-либо образомъ связаны причиненіемъ. Цицеронъ и Катонъ могли бы вѣчно перекидываться противоположными аналогіями: каждому изъ нихъ оставалось доказать правильнымъ наведеніемъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ, что разсматриваемый случай сходствовалъ

Digitized by Google

съ однимъ рядомъ аналогичныхъ случаевъ, а не съ другимъ, въ обстоятельствахъ, около которыхъ вопросъ дѣйствительно вращался. Метафоры, бо́льшею частью, принимаютъ предложеніе, въ доказательство котораго они приводятся; назначеніе ихъ облегчить пониманіе предложенія; выставить ясно и живо, что́ именно употребляющій метафору желаетъ доказать, а иногда и то, какими путями онъ хочетъ этого достигнуть. Искусная метафора, хотя не можетъ ничего доказать, часто наводитъ на доказательство.

Напримѣръ, когда Д'Аламберъ (кажется) замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ правленіяхъ только два животныя достигаютъ высшихъ мѣстъ, орелъ и змѣя, — метафора не только съ чрезвычайною живостью передаетъ утверждаемое, но и способствуетъ его опредѣленности, намекая, художественнымъ образомъ, какими путями два противоположные, такимъ образомъ очерченные, характеры достигаютъ высоты. Когда говорится, что извѣстное лицо не понимаетъ другое потому, что меньшій предметъ не можетъ обнять бо́льшаго, приложеніе того, что истинно въ буквальномъ смыслѣ слова *обнять* (comprehend), къ его метафорическому смыслу, указываетъ на фактъ, служащій основаніемъ и оправданіемъ утверждаемаго положенія: что одинъ умъ не можетъ вполнѣ понять другой, пока онъ не можетъ заключить его въ себѣ, т. е. пока онъ не обладаетъ всѣмъ, заключающимся въ другомъ. Когда, доказательствомъ въ дѣлѣ воспитанія, говорится, что если почва остается безъ ухода, то на ней размножатся плевелы, — метафора, хотя не составляетъ доказательства, а лишь излагаетъ доказываемое, излагаетъ въ словахъ, которыя, приводя параллельный случай, наводятъ умъ на слѣдъ дѣйствительнаго доказательства. Причина, по которой плевелы растутъ на необработанной почвѣ, состоитъ въ томъ, что сѣмена негодныхъ травъ существуютъ вездѣ и могутъ произрастать почти при всякихъ обстоятельствахъ, тогда какъ цѣнныя сѣмена представляютъ противоположный случай. А такъ какъ сказанное одинаково истинно относительно духовныхъ плодовъ, то это изложеніе довода, помимо метафорическихъ преимуществъ, имѣетъ и логическую цѣну: оно не только вызываетъ въ умѣ основанія заключенія, но указываетъ другой случай, въ которомъ эти основанія признаны достаточными или, по крайней мѣрѣ, казались такими.

Съ другой стороны, когда Бэконъ, одинаково сильный въ употребленіи и злоупотребленіи фигуральныхъ примѣровъ, говоритъ, что потокъ временъ донесъ до насъ лишь наименѣе цѣнную часть сочиненій древнихъ, какъ рѣка несетъ плавающія на ея поверхности пѣну и солому, тогда какъ болѣе вѣскіе предметы опускаются на дно. Эта метафора, еслибъ даже иллюстрируемое ею положеніе было истинно, была бы плохой иллюстраціей, по неодинаковости случаевъ. Маловѣскость, вслѣдствіе которой вещества плывутъ по рѣкѣ, и маловѣскость, однозначащая съ негодностью, не представляютъ ничего общаго, кромѣ названія; и (для обнаруженія, какъ слаба эта метафора) намъ стоитъ лишь замѣнить слово «маловѣскій» словомъ «*плывучій*», чтобъ обратить заключающееся въ Бэконовой метафорѣ мнимое доказательство противъ него самого.

Итакъ, метафору слѣдуетъ считать не за доказательство, а за утвержденіе, что доказательство существуетъ; что есть равенство между случаемъ, изъ котораго метафора почерпнута, и случаемъ, къ которому она примѣнена. Это равенство можетъ существовать, хотя оба случая кажутся весьма далекими одинъ отъ другаго; единственное сходство между ними можетъ быть сходствомъ отношеній, аналогіей по мысли Фергюсона и архіепископа Уэтли: какъ въ предшествующемъ примѣрѣ, въ которомъ образъ, позаимствованный изъ земледѣлія, былъ примѣненъ къ воспитанію.

§ 8. Чтобы покончить съ заблужденіями въ обобщеніи, остается сказать, что самый богатый источникъ ихъ—плохая классификація, сопоставленіе въ одну группу и подъ одно названіе вещей, не обладающихъ общими свойствами или обладающихъ исключительно такими, которыя слишкомъ маловажны, чтобы дозволять сколько-нибудь цѣнныя общія предложенія относительно класса. Сбивчивость бываетъ всего сильнѣе, когда слово, въ обычномъ употребленіи выражающее какой-нибудь опредѣленный фактъ, легкими, связывающими звеньями, распространяется на случаи, въ которыхъ существуетъ не тотъ же фактъ, а другой или другіе, сходные съ нимъ лишь поверхностно. Такимъ образомъ, Бэконъ *), говоря объ идолахъ (Idola) или заблужденіяхъ, порождаемыхъ понятіями, отвлеченными отъ предметовъ наобумъ и не

*) *Novum Organum*, Aph. 60.

Digitized by Google

соотвѣтственно, приводитъ въ примѣръ понятіе «влажность или мокрота», столь обычное въ физикахъ древности и среднихъ вѣковъ. «Найдется, что слово «влажность» не что иное, какъ смѣшанные этикеты различныхъ дѣйствій, которыя не допускаютъ никакого постоянства или сведенія на одно; оно обозначаетъ: и то, что легко обтекаетъ другое тѣло, и что само по себѣ не имѣетъ предѣловъ и не можетъ сплотиться, и что легко подается въ стороны, и что легко дѣлится и расходится, и что легко соединяется и связывается, и что легко течетъ и останавливается въ движеніи, и что легко пристаетъ къ другимъ тѣламъ и ихъ увлажняетъ, и что легко переходитъ въ жидкое состояніе или таетъ, послѣ нахожденія въ болѣе твердомъ. И когда дойдешь до смысла и приложенія этого имени, то изъ него вытекаетъ, что пламя влажно, если примешь одно изъ этихъ свойствъ; если примешь другое, то воздухъ не влаженъ; если третье, то тонкая пыль влажна; еще иное — стекло влажно, и легко обнаруживается, что понятіе о влажности необдуманно отвлечено только отъ воды и простыхъ и обыкновенныхъ жидкостей, безъ всякой необходимой повѣрки.»

Самъ Бэконъ подпадаетъ подобному обвиненію, когда изслѣдуетъ природу тепла. При этомъ случаѣ онъ поступаетъ подобно человѣку, который, отъискивая причину твердости и разсмотрѣвъ это качество въ желѣзѣ, кварцѣ и алмазѣ, надѣялся бы найти, что твердость есть нѣчто, могущее быть выслѣженнымъ и въ жесткой водѣ, крѣпкомъ узлѣ и черствомъ сердцѣ (¹).

Слово κίνησις въ греческой философіи и слова «порожденіе и порча» (generation and corrarption) означали, тогда и долго потомъ, такое множество разнородныхъ явленій, что всякая попытка въ философствованіи, въ которой встрѣчались эти слова, была почти такъ же неизбѣжно тщетною, какъ еслибы словомъ «твердый» былъ обозначенъ классъ, обнимающій всѣ упомянутые выше предметы. Напримѣръ, слово κίνησις, значившее собственно движеніе, было употребляемо для обозначенія не только всякаго движенія, но даже всякаго измѣненія: ἀλλοίωσις было признано за одинъ изъ видовъ κίνησις. Слѣдствіемъ было то, что съ каждою формою ἀλλοίωσις или измѣненія соединялись представленія, почерпнутыя

(¹) Въ англійскомъ говорится: твердая вода, твердый узелъ, твердое сердце.

изъ движенія въ его настоящемъ и буквальномъ смыслѣ и не имѣвшія никакой дѣйствительной связи съ какимъ-либо инымъ видомъ κίνησις, кромѣ этого. Аристотель и Платонъ постоянно боролись съ затрудненіями отъ этого злоупотребленія терминами. Но если мы пойдемъ дальше въ этомъ направленіи, то захватимъ заблужденія изъ двусмыслія, принадлежащія къ иному классу, послѣднему по порядку нашей классификаціи, именно къ заблужденіямъ изъ смѣшенія.

ГЛАВА VI.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ВЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІИ.

§ 1. Въ нашемъ обзорѣ различныхъ классовъ заблужденій мы дошли теперь до такихъ, которымъ, вообще, исключительно приписывается это названіе въ обыкновенныхъ книгахъ Логики; до тѣхъ, которыя встрѣчаются въ умозаключительной или дедуктивной части изслѣдованія истины. Объ этихъ заблужденіяхъ намъ не нужно говорить столь же подробно, такъ какъ они, весьма удовлетворительно изложены въ сочиненіи, которое хорошо знакомо, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Англіи, почти всѣмъ, кто чувствуетъ нѣкоторый интересъ къ такого рода умозрѣніямъ, именно въ *Логикѣ* архіепископа Уэтли. Противъ наиболѣе очевидныхъ формъ этого класса заблужденій правила силлогизма составляютъ полную охрану, — не потому (какъ мы это часто говорили), что умозаключеніе можетъ быть хорошо не иначе, какъ въ формѣ силлогизма, но потому, что когда оно будетъ изложено нами въ этой формѣ, мы навѣрное можемъ открыть его недостатокъ или, по крайней мѣрѣ, то, не содержитъ ли оно въ себѣ какого-нибудь заблужденія этого класса.

§ 2. Къ числу заблужденій въ умозаключеніи намъ слѣдовало бы, можетъ быть, отнести ошибки, совершаемыя въ пріемахъ, которые только кажутся, а не бываютъ дѣйствительно выводами изъ посылокъ; заблужденія, связанныя съ обращеніемъ и равнозначительностію предложеній. Я полагаю, что ошибки такого рода встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ

это обыкновенно предполагается или чѣмъ допускаетъ, повидимому, ихъ чрезвычайная очевидность. Напримѣръ, простое обращеніе общаго утвердительнаго предложенія: Всѣ А суть В, слѣдовательно всѣ В суть А, — по моему мнѣнію, очень обыкновенная форма ошибки, хотя она, подобно многимъ другимъ заблужденіямъ, совершается чаще въ безмолвномъ мышленіи, чѣмъ въ прямыхъ словахъ, ибо ее едвали можно ясно выразить и тотчасъ же не открыть. Точно то же и относительно другой формы заблужденія, существенно не отличающейся отъ первой: ошибочнаго обращенія гипотетическаго предложенія.

Надлежаще-обращенное гипотетическое предложеніе будетъ таково: Если послѣдующее ложно, то и предъидущее ложно. Но такое обращеніе: Если послѣдующее вѣрно, то и предъидущее вѣрно — никакимъ образомъ не имѣетъ силы и составляетъ ошибку, соотвѣтствующую прямому обращенію общаго утвердительнаго сужденія. Между тѣмъ едвали что-нибудь случается, столь обыкновенно, какъ то, что люди, въ невысказанныхъ мысляхъ, выводятъ такое слѣдствіе; напримѣръ, когда заключеніе принимается за доказательство посылокъ, чѣмъ оно часто и бываетъ. Что посылки не могутъ быть вѣрны, когда заключеніе ложно, есть не терпящее исключеній основаніе законнаго способа разсужденія, называемаго reductio ad absurdum. Но люди постоянно думаютъ и выражаются такъ, какъ будто считаютъ, что посылки не могутъ быть ложны, если заключеніе вѣрно. Истина или предполагаемая истина слѣдствій, вытекающихъ изъ какого-нибудь ученія, часто способствуетъ его принятію, не смотря на заключающіяся въ немъ большія нелѣпости. Сколько философскихъ системъ, почти не имѣющихъ никакой силы въ самихъ себѣ, были признаваемы глубокомысленными людьми по той причинѣ, что онѣ, какъ думали, представятъ новыя опоры для религіи, для нравственности, для какого-нибудь любимаго политическаго возрѣнія или другаго дорогаго убѣжденія! И не только потому, что на сторонѣ этихъ слѣдствій были желанія людей, а потому, что выводъ такихъ заключеній, почитаемыхъ здравыми, казался сильнымъ доводомъ въ пользу истинности ученій, хотя доводъ этотъ, разсматриваемый съ надлежащей точки зрѣнія, состоялъ только въ отсутствіи того особеннаго доказательства ложности, которое получилось бы, еслибы правильный выводъ изъ нихъ привелъ къ слѣдствію, признанному ложнымъ.

Точно также весьма часто встрѣчающаяся ошибка, состоящая въ принятіи за справедливое того, что́ составляетъ обратное несправедливому, — есть практическая форма логической ошибки, относящейся къ противоположенію предложеній. Она совершается по недостатку привычки различать предложеніе, *противное* данному, отъ предложенія, *противоположнаго* данному, и отъ нарушенія логическаго канона, что противныя предложенія, хотя не могутъ быть оба истинными, могутъ быть оба ложными. Если бы эта ошибка была выражена въ словахъ, то оказалось бы, что она прямо идетъ противъ этого канона. Но она обыкновенно не выражается въ словахъ, и принудить ее къ такому выраженію, есть самый дѣйствительный способъ открыть и разъяснить ее.

§ 3. Въ числѣ ошибокъ въ умозаключеніи, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены всѣ случаи неправильныхъ силлогизмовъ, перечисленные въ книгахъ. Они обыкновенно приводятся къ тому, что въ силлогизмѣ бываетъ больше трехъ терминовъ, или явно, или скрытымъ образомъ въ одномъ и томъ же среднемъ терминѣ, или же въ *недозволительномъ движеніи* одного изъ двухъ крайнихъ терминовъ. Не совсѣмъ легко вполнѣ доказать, что какое-нибудь доказательство принадлежитъ къ одному изъ этихъ неправильныхъ случаевъ въ частности; ибо, какъ уже мы часто говорили, посылки рѣдко бываютъ формально раскрыты: если бы было такъ, то заблужденіе никого не обмануло бы; а если этого нѣтъ, то почти всегда до нѣкоторой степени предоставляется на произволъ, какимъ образомъ восполнить недостающій членъ. Правила силлогизма суть правила, принуждающія имѣть въ виду все, что́ слѣдуетъ намъ защищать, если мы хотимъ настоять на своемъ заключеніи. Почти всегда во власти разсуждающаго сдѣлать свой силлогизмъ правильнымъ, введя въ него ложную посылку; и потому едва ли можно когда нибудь рѣшительно утверждать, что какое нибудь доказательство заключаетъ въ себѣ невѣрный силлогизмъ; но это нисколько не уменьшаетъ значенія силлогистическихъ правилъ, потому что разсуждающій принуждается ими со всею опредѣленностію выбрать посылки, которыя онъ долженъ быть готовъ защищать. Когда выборъ сдѣланъ, то, вообще, такъ легко видѣть, слѣдуетъ ли заключеніе изъ предложенныхъ посылокъ, что мы безъ особой логической неправильности могли бы

отнести этотъ четвертый классъ заблужденій къ пятому классу,—къ заблужденіямъ отъ сбивчивости.

§ 4. Но, можетъ быть, обыкновеннѣйшія и, навѣрное, опаснѣйшія заблужденія этого класса — тѣ, которыя заключаются не въ одномъ силлогизмѣ, а входятъ въ цѣпь доказательствъ между одним силлогизмомъ и другимъ, и происходятъ вслѣдствіе *смѣшенія посылокъ*. Въ первой части аргументаціи доказано нѣкоторое предложеніе, или выставлена признанная истина; во второй же дальнѣйшее доказательство основывается не на этомъ самомъ предложеніи, а на какомъ-нибудь другомъ, настолько похожемъ на него, что они могутъ быть смѣшаны между собою. Примѣры этого заблужденія могутъ быть найдены почти во всѣхъ аргументативныхъ разсужденіяхъ неточныхъ мыслителей; и намъ нужно обратить здѣсь вниманіе только на одну изъ болѣе темныхъ формъ его, обозначаемую схоластиками какъ софизмъ *à dicto secundum quid ad dictum simpliciter*. Эта ошибка дѣлается, когда въ посылкахъ нѣкоторое предложеніе утверждается съ ограниченіемъ, и это ограниченіе теряется изъ вида въ заключеніи; или еще чаще, когда ограниченіе, или условіе, хотя не высказанное, необходимо для истины предложенія, но забывается, когда предложеніе употребляется какъ посылка. Многіе изъ ходячихъ неправильныхъ аргументовъ принадлежатъ къ этому классу ошибокъ. Посылка есть какая-нибудь допущенная истина, какое нибудь обыкновенное правило, основанія или доказательства котораго забыты или не приходятъ на умъ въ это время; между тѣмъ, если бы ихъ вспомнить, оказалась бы необходимость ограничить посылки такимъ образомъ, что онѣ уже не подтверждали бы выводимаго изъ нихъ заключенія.

Такого свойства заблужденіе, въ которое впала меркантильная теорія Политической Экономіи у Адама Смита и другихъ. Эта теорія выходитъ изъ обыкновеннаго правила, что все доставляющее деньги обогащаетъ, или что всякій богатъ по мѣрѣ количества денегъ, которыми обладаетъ. Отсюда заключается, что достоинство данной вѣтви торговли или всей торговли извѣстной страны состоитъ въ производимомъ ею денежномъ балансѣ; что всякая торговля, которая выноситъ изъ страны больше денегъ, чѣмъ въ нее вноситъ, есть невыгодная торговля; что, слѣдовательно, деньги должны быть привлекаемы въ страну и удерживаемы въ ней запрещеніями и наградами; и цѣлый рядъ по-

Digitized by Google

добныхъ королларіевъ. Все это—отъ опущенія изъ вида соображенія, что если богатство недѣлимаго пропорціонально количеству обладаемыхъ имъ денегъ, то потому только, что оно составляетъ мѣру его способности купить на цѣну этихъ денегъ; и что, слѣдовательно, оно подвержено условію, что нѣтъ препятствій для употребленія денегъ на такую покупку. Итакъ, посылка вѣрна только *secundum quid;* теорія же принимаетъ ее за вѣрную абсолютно, и заключаетъ, что приращеніе денегъ есть приращеніе богатства, даже если оно происходитъ средствами, уничтожающими условіе, при которомъ одномъ деньги могутъ быть богатствомъ.

Другой примѣръ — доказательство, посредствомъ котораго, прежде отмѣны десятины, обыкновенно доказывалось, что десятина падаетъ на землевладѣльца и, слѣдовательно, составляетъ уменьшеніе ренты; такъ какъ рента земель свободныхъ отъ десятины была всегда выше, чѣмъ рента земель такого же качества и такого же выгоднаго положенія, но обложенныхъ десятиною. Вѣрно или ложно то, что десятина падаетъ на ренту, не мѣсто изслѣдовать въ трактатѣ логики; но достовѣрно то, что указанный фактъ не доказываетъ этого положенія. Будетъ ли предложеніе вѣрно или ложно, земля, свободная отъ десятины, *должна* необходимымъ образомъ платить болѣе высокую ренту. Ибо, если десятина не падаетъ на ренту, то это должно происходить оттого, что она падаетъ на потребителя, что она возвышаетъ цѣну земледѣльческихъ произведеній. Но если произведенія возвышаются въ цѣнѣ, то фермеръ земли, свободной отъ десятины, точно такъ же, какъ фермеръ земли, обложенной десятиною, получаетъ выгоду. Для послѣдняго возвышеніе составляетъ только вознагражденіе за десятину, которую онъ платитъ; для перваго, который не платитъ десятины, оно есть чистый барышъ и потому даетъ фермеру возможность, а если существуетъ свобода конкуренціи, то принуждаетъ его платить землевладѣльцу настолько же большую ренту. Остается вопросъ: къ какому классу заблужденій принадлежитъ этотъ случай? Посылка состоитъ въ томъ, что собственникъ земли, обложенной десятиною, получаетъ менѣе ренты, чѣмъ собственникъ земли, свободной отъ десятины; заключеніе—въ томъ, что, слѣдовательно, онъ получаетъ менѣе, чѣмъ получалъ бы, еслибы десятина была уничтожена. Но посылка вѣрна только подъ условіемъ: собственникъ земли,

Digitized by Google

обложенной десятиною, получаетъ менѣе, чѣмъ можетъ получать собственникъ земли, свободной отъ десятины, *другія земли когда обложены десятиной;* между тѣмъ, заключеніе прилагается къ обстоятельствамъ, когда этого условія не достаетъ, и когда, слѣдовательно, посылка не была бы вѣрна. Итакъ, заблужденіе есть *a dicto secundum-quid ad dictum simpliciter.*

Третій примѣръ составляетъ возраженіе, приводимое иногда противъ законныхъ вмѣшательствъ правительства въ экономическія дѣла общества, основанное на неправильномъ приложеніи правила, что каждый недѣлимый гораздо лучшій судья въ дѣлахъ, касающихся его собственнаго интереса, чѣмъ правительство. Это возраженіе было сдѣлано противъ принципа колонизаціи м-ра Векфильда, именно—противъ сосредоточенія поселенцевъ назначеніемъ такой цѣны на незанятыя земли, которая могла бы сохранить наилучшую желательную пропорцію между количествомъ обрабатываемой земли и обрабатывающимъ населеніемъ. Противъ этого возражали, что если недѣлимые находятъ выгоду въ занятіи обширныхъ пространствъ земли, то такъ какъ они наилучшіе судьи своихъ собственныхъ интересовъ, чѣмъ законодательство (могущее руководиться только общими правилами), то ихъ не нужно отъ этого удерживать. Но въ этомъ доказательствѣ было забыто, что фактъ занятія извѣстнымъ лицомъ большаго количества земли доказываетъ только, что въ его интересѣ — взять столько же, сколько берутъ другіе, а не то, что не будетъ въ его интересѣ ограничиться мѣньшимъ, если онъ можетъ быть увѣренъ, что другіе сдѣлаютъ то же самое; — а увѣренность эту можетъ дать только одно правительственное распоряженіе. Если другіе берутъ много, а онъ одинъ мало, то онъ не получитъ ни одной изъ выгодъ, происходящихъ отъ сосредоточенія населенія и послѣдующей возможности добыть наемную работу, а по собственной волѣ поставитъ себя, безъ всякаго вознагражденія, въ невыгодное положеніе. Итакъ, предложеніе, что люди, предоставленные самимъ себѣ, займутъ такое количество земли, какое занять всего лучше въ ихъ интересѣ, вѣрно только *secundum quid*: это въ ихъ интересѣ, пока они не имѣютъ никакой гарантіи въ поведеніи другихъ, Между тѣмъ, разсужденіе упускаетъ изъ виду это ограниченіе и принимаетъ предложеніе за вѣрное *simpliciter.*

Одно изъ условій, опускаемыхъ всего чаще, когда предложеніе, которое можетъ въ другихъ случаяхъ быть вѣрно, употребляется какъ посылка, для доказательства другихъ предложеній, есть условіе *времени*. Одинъ изъ принциповъ политической экономіи состоитъ въ томъ, что цѣны, барыши, платы и пр. «всегда приходятъ въ равновѣсіе»; но это часто истолковывается такъ, какъ будто они всегда или вообще находятся въ своемъ равновѣсіи, между тѣмъ, какъ истина заключается въ томъ, по эпиграмматическому выраженію Кольриджа, что они всегда *ищутъ* своего равновѣсія, «что можно принять за перифразу или ироническое опредѣленіе бури».

Къ этому же роду заблужденій *(a dicto secundum quid ad dictum simpliciter)* могутъ быть отнесены ошибки, которыя обыкновенно называются неправильнымъ приложеніемъ отвлеченныхъ истинъ: то есть, когда принципъ, вѣрный (какъ обыкновенно говорится) *въ отвлеченіи* (абстрактѣ), то есть, при предположеніи отсутствія всѣхъ видоизмѣняющихъ причинъ, считается за абсолютно вѣрный, какъ будто нѣтъ никакихъ возможныхъ видоизмѣняющихъ обстоятельствъ. Здѣсь мы не станемъ пояснять примѣрами этой весьма обыкновенной формы заблужденія, такъ какъ она будетъ потомъ въ частности разобрана въ ея приложеніи къ предметамъ, гдѣ она встрѣчается всего чаще и всего опаснѣе къ политикѣ и къ обществу (¹).

---

¹) «Адвокатъ», говоритъ м-ръ Де Морганъ (Formal Logic, p. 270), «иногда бываетъ виноватъ въ аргументѣ *a dicto secundum quid ad dictum simpliciter:* таково его дѣло, что онъ долженъ сдѣлать для своего кліента все, что тотъ могъ бы сдѣлать *честнымъ образомъ* для самого себя. Развѣ на письмѣ не пропускается иногда слово? *Можетъ* ли кто честно пытаться сдѣлать для себя все то, что часто старается сдѣлать для него повѣренный? Намъ часто приходятъ на умъ два человѣка, укравшіе рукоятку молотка. Одинъ могъ поклясться, что у него ея нѣтъ; другой – что онъ ея не бралъ. Повѣренный исполняетъ свою обязанность въ отношеніи къ своему кліенту; кліентъ предоставилъ дѣло своему повѣренному. Между неисполненнымъ намѣреніемъ кліента и ненамѣреннымъ исполненіемъ его повѣреннаго можетъ быть совершенъ обманъ и притомъ такъ, что если мы признаемъ обыкновенныя правила, въ обманѣ не будетъ обманщика».

Тотъ же писатель справедливо замѣчаетъ (стр. 251), что существуетъ обратное заблужденіе *a dicto simpliciter ad dictum secundum quid*, называемое у логиковъ схоластиковъ *fallacia accidentis;* и еще заблужденіе, которое можно назвать *a dicto secundum quid ad dictum secundum alterum quid* (стр. 265). Хорошіе примѣры того и другаго читатель найдетъ у м-ра Де Моргана въ главѣ *о заблужденіяхъ*.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ОТЪ СБИВЧИВОСТИ.

§ 1. Къ этому шестому и послѣднему классу слѣдуетъ отнести тѣ заблужденія, въ которыхъ источникъ ошибки заключается не столько въ ложной оцѣнкѣ доказательной силы аргумента, сколько въ неотчетливомъ, неопредѣленномъ и колеблющемся пониманіи того, изъ чего состоитъ доказательство.

Въ главѣ ихъ стоитъ тотъ многочисленный рядъ ложныхъ разсужденій, въ которыхъ источникъ ошибки составляетъ двусмысленность словъ,—когда что-нибудь вѣрное при употребленіи какого-нибудь слова въ особенномъ смыслѣ считается вѣрнымъ въ другомъ смыслѣ. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ ошибочной оцѣнки доказательства, такъ какъ собственно тутъ нѣтъ никакого доказательства, относящагося къ настоящему предмету; доказательство, здѣсь заключающееся, относится къ другому предмету, который, вслѣдствіе неяснаго пониманія смысла терминовъ, принимается за настоящій. Эта ошибка, естественнымъ образомъ, чаще совершается въ нашихъ разсужденіяхъ, чѣмъ въ нашихъ прямыхъ наведеніяхъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ, мы дешифруемъ свои или чужія замѣтки, тогда какъ въ послѣднемъ, передъ нами находятся самыя вещи, или передъ нашими чувствами или передъ нашею памятью. Нужно исключить, конечно, тѣ случаи, когда наведеніе дѣлается не отъ индивидуальныхъ случаевъ къ общему, а отъ общихъ положеній къ болѣе общимъ; въ этихъ случаяхъ заблужденіе двусмысленности можетъ войти въ индуктивный процессъ точно такъ же, какъ въ дедуктивный. При дедукціи, оно случается двоякимъ образомъ: когда двусмысленъ средній терминъ, или когда какой-нибудь терминъ силлогизма принимается въ одномъ смыслѣ — въ посылкахъ и въ другомъ — въ заключеніи.

Нѣсколько хорошихъ примѣровъ этого заблужденія представлены архіепископомъ Уэтли. «Одинъ случай» — говоритъ онъ — «который можно считать подходящимъ подъ двусмысленность средняго термина, есть заблужденіе (называемое логическими писателями, кажется, Fallacia Figuræ Dictionis), основанное на грамматическомъ строеніи языка, именно, что люди обыкновенно принимаютъ, что *паронимическія* (или

сродныя по производству) слова, т. е. существительное, прилагательное, глаголъ и проч. одного и того же корня, имѣютъ совершенно точно соотвѣтствующій смыслъ, чего отнюдь не бываетъ постоянно. Этого заблужденія нельзя бы было даже привести въ строгую логическую форму, которая сдѣлала бы невозможною даже попытку на него, такъ какъ тутъ и по звуку существуютъ два средніе термина, а не только по смыслу. Но нѣтъ ничего обыкновеннѣйшаго въ практикѣ, какъ постоянное измѣненіе употребляемыхъ терминовъ ради грамматическаго удобства; и въ такого рода практикѣ нѣтъ ничего дурнаго до тѣхъ поръ, пока *смыслъ* остается неизмѣненнымъ; напр.: «убійство должно быть наказываемо смертью; этотъ человѣкъ убійца, и потому ему слѣдуетъ умереть» и т. д. Здѣсь мы поступаемъ на основаніи предположенія (на этотъ разъ вѣрнаго), что совершить убійство и быть убійцею, подлежать смерти и быть осуждену умереть,—составляютъ однозначащія выраженія; часто мы испытывали бы бо́льшее неудобство, если бы не позволяли себѣ подобной вольности; но злоупотребленіе ею производитъ ошибку, о которой идетъ рѣчь; напр.: *прожектерамъ* не слѣдуетъ вѣрить; этотъ человѣкъ составилъ *проектъ;* слѣдовательно, ему не слѣдуетъ вѣрить: здѣсь софистъ исходитъ изъ гипотезы, что тотъ, кто составляетъ *проектъ*, долженъ быть *прожектеръ*, между тѣмъ какъ дурной смыслъ, обыкновенно связываемый съ послѣднимъ словомъ, вовсе не влагается въ первое. Эту ошибку часто можно разсматривать такъ, какъ будто она заключается не въ среднемъ терминѣ, а въ одномъ изъ терминовъ заключенія; такъ что выведенное заключеніе вовсе не оправдывается посылками, хотя такъ кажется вслѣдствіе грамматическаго сродства словъ. Есть безчисленные случаи подобнаго несоотвѣтствія сродныхъ по производству (паронимическихъ) словъ; напр.: *искусство* и *искусственный*, *духъ* и *духовный*, *вѣра* и *вѣрный* и т. д. Чѣмъ меньше отступленіе смысла, тѣмъ бо́льшій успѣхъ можетъ имѣть такое заблужденіе; если же слова уже очень далеко отступаютъ одно отъ другаго по смыслу, то каждый замѣтитъ этого рода ошибку, и разсужденіе, на ней построенное, можетъ быть употребляемо развѣ въ шутку ([1]).

---

[1]) Примѣръ этого заблужденія представляетъ народная ошибка, что *крѣпкіе* напитки должны порождать въ насъ *крѣпость*. Здѣсь заблужденіе въ заблужденіи; пред-

«Настоящее заблужденіе имѣетъ близкое сродство или, пожалуй, составляетъ только вѣтвь заблужденія, основаннаго на *этимологіи*, т. е. когда слово берется одинъ разъ въ его употребительномъ смыслѣ, а другой разъ въ этимологическомъ. Можетъ быть, нельзя найти этому примѣра болѣе частаго и болѣе зловреднаго, какъ толкованіе слова *представитель*: принимая, что настоящій его смыслъ долженъ точно соотвѣтствовать строгому и первоначальному значенію глагола *представлять*, софистъ убѣждаетъ толпу, что членъ палаты общинъ обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ руководиться мнѣніемъ своихъ избирателей, словомъ, быть просто ихъ *предъявителемъ*; между тѣмъ, законъ и обычай, который въ этомъ случаѣ можно считать устанавливающимъ смыслъ термина, ничего подобнаго не требуетъ, а обязываетъ представителя дѣйствовать согласно его *собственному* крайнему разумѣнію и подъ личною отвѣтственностью».

Слѣдующіе примѣры, въ которыхъ аргументы обыкновенно основываются на словесной двусмысленности, имѣютъ большую практическую важность.

Торговые люди часто вводятся въ такого рода ошибку фразою — «недостатокъ денегъ». На языкѣ торговли «деньги» имѣютъ два смысла: *размѣнныхъ денегъ*, или обращающейся монеты, и *капитала, ищущаго помѣщенія*, въ особенности помѣщенія въ заемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слово употребляется, когда говорится о «денежномъ рынкѣ» и когда называютъ «цѣну денегъ» высокою или низкою, подъ чѣмъ разумѣютъ величину процентовъ. Слѣдствіе этой двусмысленности то, что какъ скоро начинаетъ чувствоваться недостатокъ монеты въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, какъ скоро является затрудненіе въ полученіи займовъ и проценты очень высоки, — заключаютъ, что это должно происходить отъ причинъ дѣйствующихъ на количество монеты въ другомъ, болѣе обыкновенномъ смыслѣ; что, должно быть, обращающіяся деньги уменьшились въ количествѣ и ихъ количество нужно увеличить. Я

полагая даже, что слова *крѣпкій* и *крѣпость* не прилагаются, какъ тутъ, въ совершенно различномъ смыслѣ къ спиртнымъ напиткамъ и къ человѣческому тѣлу, ошибка была бы уже въ самомъ предположеніи, что дѣйствіе должно быть подобно своей причинѣ; что условія явленія, вѣроятно, походятъ на самое явленіе; мы разбирали уже это заблужденіе, какъ апріорическое заблужденіе перваго порядка. Одинаково справедливо было бы предположить, что *сильный ядъ*, принятый человѣкомъ, долженъ сдѣлать его *сильнымъ*.

знаю, что въ самыхъ фактахъ есть нѣкоторыя особенности, дающія видимую поддержку этой ошибкѣ; но двусмысленность языка стоитъ на самомъ порогѣ предмета и препятствуетъ всѣмъ усиліямъ бросить на него свѣтъ.

Другое двусмысленное выраженіе, постоянно встрѣчающееся въ политическихъ спорахъ настоящаго времени, особенно въ тѣхъ, которые относятся къ органическимъ перемѣнамъ, представляетъ фраза «вліяніе собственности»: она иногда употребляется въ смыслѣ вліянія уваженія къ бо́льшему умственному развитію, или въ смыслѣ благодарности за услуги, которыя могутъ оказать люди, обладающіе большою собственностію; иногда же — въ смыслѣ вліянія страха той зловредной власти, которую даетъ большая собственность ея владѣльцу, власти дѣлать вредъ людямъ, отъ него зависящимъ. Смѣшеніе этихъ двухъ смысловъ составляетъ постоянный софизмъ двусмысленности, выставляемый противъ тѣхъ, кто стремится очистить избирательную систему отъ подкуповъ и застращиванія. Вліяніе убѣжденія, дѣйствующее на совѣсть подающаго голосъ и увлекающее его сердце и душу — благодѣтельно; слѣдовательно (такъ заключаютъ), вліяніе принужденія, приводящее его къ забвенію того, что онъ нравственный дѣятель, или къ дѣйствію противному его нравственнымъ убѣжденіямъ, не должно быть ограничиваемо.

Другое слово, часто обращаемое въ орудіе софизма двусмысленности, есть *теорія*. Въ своемъ настоящемъ значеніи, теорія означаетъ законный результатъ философскаго наведенія изъ опыта. Въ этомъ смыслѣ есть теоріи какъ ошибочныя, такъ и вѣрныя, такъ какъ наведеніе можетъ быть сдѣлано неправильно; но нѣкоторая теорія есть необходимый результатъ познанія какого-нибудь предмета и изложенія свѣдѣній о немъ въ формѣ общихъ предложеній для руководства на практикѣ. Въ этомъ настоящемъ смыслѣ слова, теорія есть объясненіе практики. Въ другомъ и больше обыкновенномъ смыслѣ, теорія означаетъ чистое изобрѣтеніе воображенія, усиливающагося понять, какимъ образомъ всего вѣроятнѣе произошла нѣкоторая вещь, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, какъ она произошла. Только въ этомъ смыслѣ теорія и теоретики не надежные руководители; между тѣмъ, по причинѣ этого, стараются подвергнуть осмѣянію или недовѣрію теорію въ ея настоящемъ смыслѣ, то есть законное обобщеніе, цѣль и конецъ всей философіи; и заключеніе выставляется негоднымъ именно въ силу того,

что сдѣлано то, что́ будучи сдѣлано правильно, даетъ принципу наивысшую годность, какую онъ можетъ имѣть для руководства въ практикѣ, именно обнимать въ немногихъ словахъ дѣйствительный законъ, отъ котораго зависитъ явленіе, или обнимать нѣкоторое его свойство и отношеніе, всегда относительно его вѣрное.

«Церковь» иногда понимается какъ одно духовенство, иногда какъ вся совокупность вѣрующихъ, или, по крайней мѣрѣ, причащающихся. Декламаціи относительно ненарушимости церковной собственности большею частію своей кажущейся силы обязаны этой двусмысленности. Духовные, будучи называемы церковью, принимаются при этомъ за дѣйствительныхъ собственниковъ того, что́ называется церковною собственностію, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они только дѣлопроизводящіе члены болѣе обширнаго общества собственниковъ, и на ихъ долю приходится только одно пользованіе имуществомъ, не простирающееся далѣе пожизненной ренты.

Приведемъ здѣсь стоическій аргументъ, заимствуемый изъ Цицерона *De Finibus,* книга третья: «Quod est bonum, omne laudabile est. Quod autem laudabile est, omne honestum est. Bonum igitur quod est, honestum est». Здѣсь двусмысленное слово есть *laudabile*, которое въ меньшей посылкѣ означаетъ нѣчто, что люди на твердыхъ основаніяхъ привыкли цѣнить и высоко ставить, напр., красота или счастіе; между тѣмъ, въ большей посылкѣ оно исключительно означаетъ нравственныя качества. Почти такимъ же образомъ стоики старались логически оправдать, какъ философскія истины, свое фигуральное и риторическое выраженіе этическаго чувства: что только одинъ добродѣтельный человѣкъ свободенъ, прекрасенъ, царь и пр. Кто имѣетъ добродѣтель, имѣетъ *благо* (такъ какъ напередъ было рѣшено ничего другаго не называть благомъ); но, съ другой стороны, благо необходимо заключаетъ свободу, красоту и даже царственное достоинство, такъ какъ всѣ эти вещи суть благо; слѣдовательно, кто имѣетъ добродѣтель, тотъ имѣетъ и всѣ эти вещи.

Вотъ еще аргументъ Декарта, для доказательства, по его способу *a priori,* что Богъ существуетъ. Понятіе, говоритъ онъ, безконечнаго существа доказываетъ реальное бытіе такого существа. Ибо, если реально такого существа нѣтъ, то *Я* составилъ себѣ это понятіе; но если я могъ его составить, то я могу и уничтожить его, что́, конечно, не-

справедливо; итакъ, долженъ существовать внѣ меня архетипъ, отъ котораго и происходитъ это представленіе. Въ этомъ аргументѣ (который, нужно замѣтить, одинаково доказалъ бы дѣйствительное существованіе привидѣній и вѣдьмъ) двусмысленность заключается въ мѣстоименіи *я*, подъ которымъ въ первомъ мѣстѣ разумѣется моя *воля*, а во второмъ *законы моей природы*. Если представленіе, существующее въ моей душѣ, не имѣетъ внѣ ея оригинала, то несомнѣнно вытекало бы заключеніе, что его составилъ *я*, т. е. законы моей природы должны были самобытно создать его; но что его составила моя *воля*,—этого не слѣдуетъ. Между тѣмъ, когда Декартъ потомъ прибавляетъ, что я не могу разрушить представленія, онъ хочетъ сказать, что я не могу откинуть его дѣйствіемъ моей воли,—что справедливо, но не составляетъ требуемаго предложенія. Я точно такъ же не могу разрушить это представленіе, какъ и всякое другое: никакое понятіе, которое я нѣкогда имѣлъ, я не могу отбросить простымъ хотѣніемъ; но то, что́ произвели нѣкоторые законы моей природы, другіе законы, или тѣ же самые законы въ другихъ обстоятельствахъ, могутъ впослѣдствіи изгладить и часто изглаживаютъ.

Подобны этимъ нѣкоторыя двусмысленности въ спорѣ о свободѣ воли: здѣсь я упоминаю о нихъ только *memoriæ causa*, такъ какъ онѣ спеціально разсматриваются въ слѣдующей книгѣ. И въ этомъ спорѣ слово *я* часто перескакиваетъ съ одного смысла на другой: въ одномъ случаѣ обозначая мои хотѣнія, въ другомъ — дѣйствія, которыя составляютъ ихъ слѣдствія, или душевное настроеніе, отъ котораго они происходятъ. Послѣдняя двусмысленность находится въ аргументѣ Кольриджа (въ его *Aids to Reflection*) въ пользу свободы воли. Несправедливо, говоритъ онъ, что человѣкъ управляется мотивами; «человѣкъ порождаетъ мотивъ, а не мотивъ человѣка»; доказательство въ томъ, «что то, что́ для одного человѣка составляетъ сильный мотивъ, не составляетъ для другаго никакого мотива». Посылка вѣрна, но сводится только на то, что различныя лица въ различной степени впечатлительны къ одному и тому же мотиву; точно такъ же, они различно воспріимчивы къ одной и той же опьяняющей жидкости, что не доказываетъ, чтобы они по произволу могли быть пьяными или непьяными, какое бы количество жидкости они ни выпили. Доказано лишь то, что извѣстныя душевныя условія въ самомъ человѣкѣ должны со-

дѣйствовать произведенію дѣйствія, возбуждаемаго внѣшнимъ поводомъ; но эти душевныя условія суть также дѣйствіе причинъ, и ничто въ аргументѣ не доказываетъ, что они могутъ явиться безъ причины, — что можетъ когда-нибудь имѣть мѣсто самобытное опредѣленіе воли безъ всякой причины, какъ это предполагаетъ ученіе о свободной волѣ.

Двоякій смыслъ въ спорѣ о свободѣ воли имѣетъ слово *необходимость*, которое иногда означаетъ достовѣрность, а иногда принужденіе; въ однихъ случаяхъ то, чего *нельзя* предотвратить, въ другихъ только то, о чемъ мы имѣемъ основаніе думать, что оно *не будетъ* предотвращено. Мы впослѣдствіи будемъ имѣть случай прослѣдить эти ошибки до нѣкоторыхъ изъ ихъ крайнихъ выводовъ.

Весьма важная двусмысленность, какъ въ обыкновенномъ, такъ и въ метафизическомъ языкѣ, указывается архіепископомъ Уэтли въ прибавленіи къ его Логикѣ. «*То же самое* (а также *одно и то же*, *тожественное* и другія производныя отъ нихъ слова) часто употребляется въ смыслѣ совершенно различномъ отъ первоначальнаго значенія, прилагаемаго къ *единичному* предмету: именно, употребляется для обозначенія большаго *сходства*. Когда нѣсколько предметовъ неразличимо сходны между собою, то *одно и то же описаніе* одинаково прилагается къ каждому изъ нихъ; и тогда говорятъ, что всѣ они *одной и той же* природы, вида и т. д. Такъ, напримѣръ, когда мы говоримъ: «этотъ домъ построенъ изъ того же самаго камня, какъ и другой», то мы хотимъ сказать только, что камни неразличимы по своимъ качествамъ, а не то, что одно строеніе было разобрано и другое построено изъ его матеріала. *Тожественность* въ первичномъ смыслѣ не заключаетъ въ себѣ необходимо сходства; ибо, если мы говоримъ о какомъ-нибудь человѣкѣ, что онъ измѣнился съ извѣстнаго времени, то разумѣемъ и включаемъ въ самое выраженіе, что онъ составляетъ одно лицо, хотя различное въ нѣкоторыхъ качествахъ. Достойно замѣчанія, что слова, «*то же*», во второмъ ихъ смыслѣ, въ обыкновенномъ употребленіи допускаютъ степени: мы говоримъ о двухъ вещахъ, что онѣ почти одно и то же, но не вполнѣ: личное тожество не допускаетъ степеней. Ничто, можетъ быть, не способствовало столько заблужденію реализма, какъ упущеніе изъ виду этой двусмысленности. Говоря, что нѣсколько лицъ имѣютъ *одно и то же* мнѣніе, *одну и ту же* мысль или идею, многіе, вмѣсто того,

чтобы видѣть здѣсь простое заявленіе факта, что всѣ они *мыслятъ подобно*, ищутъ здѣсь чего-то болѣе абструзнаго и мистическаго, и воображаютъ, что существуетъ *нѣкоторая вещь*, въ первичномъ смыслѣ, хотя и не что-либо индивидуальное, которая присутствуетъ разомъ въ душѣ каждаго изъ этихъ лицъ; отсюда легко возникла Платонова теорія идей, изъ которыхъ каждая, по его мнѣнію, была нѣкоторый реальный внѣшній предметъ, существующій вполнѣ въ каждомъ изъ индивидуальныхъ предметовъ, извѣстныхъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ».

Дѣйствительно, это не выводное предположеніе, а дѣйствительная исторія, что Платоновское ученіе объ идеяхъ и Аристотелевское ученіе (въ сущности тожественное съ Платоновскимъ) о субстанціальныхъ формахъ и вторыхъ субстанціяхъ, произошли именно тѣмъ путемъ, который здѣсь указанъ; они явились вслѣдствіе предполагаемой необходимости найти въ вещахъ, имѣющихъ *ту же* природу, или *ть же* качества, нѣчто такое, что было бы *тожественно* въ настоящемъ смыслѣ, въ которомъ человѣкъ тожественъ съ самимъ съ собою. Всѣ пробныя умозрѣнія относительно *τὸ ὄν, τὸ ἕν, τὸ ὅμοιον* и подобныхъ отвлеченій, столь обыкновенныя въ древнихъ и въ нѣкоторыхъ новыхъ школахъ философіи, проистекли изъ того же источника. Аристотелевскіе логики, впрочемъ, видѣли одинъ случай двусмысленности, и, съ своею особенно счастливою изобрѣтательностію техническихъ терминовъ, ограждали себя отъ нея, различая вещи, различныя *specie* и *numero*, отъ вещей, различныхъ *numero tantum*, то есть такихъ, которыя совершенно подобны (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ особенныхъ отношеніяхъ), но суть различныя недѣлимыя. Распространеніе этого различія на два смысла слова *то же*, именно различіе вещей, которыя одно и то же *specie tantum*, и вещей, которыя одно и то же какъ *numero*, такъ и *specie*, предупредило бы смѣшеніе, бывшее источникомъ такой темноты и такого изобилія положительныхъ ошибокъ въ метафизической философіи.

Одинъ изъ самыхъ странныхъ примѣровъ, какъ далеко отличный мыслитель можетъ быть увлеченъ двусмысленностію языка, относится именно къ этому случаю. Я говорю о знаменитомъ аргументѣ, посредствомъ котораго епископъ Берклей льстилъ себя надеждою положить навсегда конецъ «скептицизму, атеизму и невѣрію». Вотъ онъ вкратцѣ: «Я думалъ вчера о нѣкоторой вещи; я пересталъ думать о ней; теперь

я опять о ней думаю. Итакъ, я имѣлъ вчера въ моей душѣ *идею* предмета; я имѣю идею предмета и теперь; идея эта, очевидно, не другая, а та же самая идея. Но прошло промежуточное время, въ которое я не имѣлъ ея. Гдѣ же была идея въ этотъ промежутокъ? Она должна была гдѣ-нибудь да быть; она не переставала существовать; иначе идея, которую я имѣлъ вчера, не можетъ быть та же *самая* идея; точно такъ, какъ человѣкъ, котораго я сегодня вижу живаго, не можетъ быть тѣмъ же, котораго я видѣлъ вчера, если человѣкъ умеръ въ этотъ промежутокъ. Но идея не можетъ быть представляема существующею нигдѣ кромѣ души, и, слѣдовательно, должна существовать Всеобщая Душа, въ которой идеи имѣютъ свое постоянное пребываніе въ промежуткахъ ихъ сознательнаго присутствія въ нашихъ собственныхъ душахъ.

Очевидно, что Берклей смѣшалъ тожество *numero* съ тожествомъ *specie*, то есть съ строгимъ сходствомъ, и принялъ первое тамъ, гдѣ было только второе, не замѣчая, что когда мы говоримъ, что сегодня имѣемъ ту же самую идею, какую имѣли вчера, то мы не разумѣемъ ту же самую индивидуальную мысль, но мысль совершенно подобную, точно такъ же, какъ мы говоримъ, что имѣемъ ту же самую болѣзнь, какъ въ прошломъ году, при чемъ разумѣемъ только тотъ же самый родъ болѣзни.

Былъ замѣчательный случай, когда научный міръ раздѣлился на двѣ яростно враждебныя партіи изъ-за двусмысленности языка, касавшейся науки, которая, болѣе чѣмъ всякая другая, обладаетъ выгодою точной и строго опредѣленной терминологіи. Я разумѣю знаменитый споръ относительно *vis viva*, исторія котораго подробно изложена въ диссертаціи профессора Плейфайра. Вопросъ былъ въ томъ: *сила* движущагося тѣла пропорціональна ли (при данной массѣ) просто его скорости, или же квадрату его скорости?—и двусмысленность была въ словѣ сила. «Одно изъ дѣйствій», говоритъ Плейфайръ, «производимыхъ движущимся тѣломъ, пропорціонально квадрату скорости, между тѣмъ какъ другое пропорціонально простой скорости». «Отсюда болѣе ясные мыслители впослѣдствіи установили двоякую мѣру дѣйствія движущей силы: одну, которая называется *vis viva*, и другая *momentum*. Относительно фактовъ обѣ партіи были согласны съ самаго начала; единственный вопросъ былъ, съ какимъ изъ двухъ дѣйствій долженъ быть или мо-

жетъ быть соединяемъ терминъ *сила?* Но спорящіе отнюдь не замѣчали, что въ этомъ заключается все; они думали, что сила есть одна вещь, а произведеніе дѣйствій другая; и вопросъ, какимъ рядомъ дѣйствій должна быть измѣряема сила, производящая оба ряда, считался вопросомъ не о терминологіи, а о фактѣ.

Двусмысленность слова *безконечность* составляетъ софизмъ въ забавной логической загадкѣ объ Ахиллесѣ и черепахѣ—загадкѣ, которая была не по силамъ остроумію и терпѣнію многихъ философовъ и, между прочими, д-ра Томаса Броуна, считавшаго софизмъ неразрѣшимымъ, принимавшаго его за правильный аргументъ, хотя и ведущій къ осязательной нелѣпости; онъ не замѣчалъ, что подобное мнѣніе было *reductio ad absurdum* самой способности разсуждать. Ошибка, какъ намекалъ Гоббзъ, заключается въ умалчиваемомъ предположеніи, что все, дѣлимое до безконечности, безконечно. Но слѣдующее разрѣшеніе (на изобрѣтеніе котораго я не имѣю никакого притязанія) болѣе точно и удовлетворительно.

Аргументъ таковъ: пусть Ахиллесъ бѣжитъ вдесятеро скорѣе черепахи; если только черепаха впереди, то Ахиллесъ никогда ея не догонитъ. Предположимъ, что сначала они раздѣлены промежуткомъ въ тысячу футовъ: когда Ахиллесъ пробѣжитъ эту тысячу футовъ, черепаха пройдетъ сто; когда Ахиллесъ пробѣжитъ эти сто, черепаха пройдетъ десять, и такъ далѣе безъ конца: слѣдовательно, Ахиллесъ можетъ бѣжать безъ конца и не догнать черепахи.

Но «безъ конца» — въ заключеніи означаетъ какую угодно продолжительность времени, предполагаемую по произволу; между тѣмъ какъ въ посылкѣ — «безъ конца» означаетъ не *продолжительность* времени, а означаетъ *число подраздѣленій* времени. Оно означаетъ, что мы можемъ раздѣлить тысячу футовъ на десять, потомъ частное опять на десять, и повторять это столько разъ, сколько вздумаемъ; что никогда нельзя найти конца подраздѣленіямъ разстоянія и, слѣдовательно, и подраздѣленіямъ времени, въ которыя они проходятся. Но неограниченное число подраздѣленій можно сдѣлать въ предметѣ, который самъ ограниченъ. Аргументъ доказываетъ безконечность времени не больше той, какая заключается въ пяти минутахъ. Пока не прошло пяти минутъ, то, что остается отъ нихъ, можетъ быть дѣлимо на десять и снова на десять, такъ часто,

какъ намъ угодно, что совершенно согласимо съ тѣмъ, что вмѣстѣ взятыя, они будутъ составлять только пять минутъ. Словомъ, все это доказываетъ, что для прохожденія конечнаго пространства требуется время, дѣлимое до безконечности, но не безконечное время: смѣшеніе этого различія составляетъ, какъ уже замѣтилъ Гоббзъ, источникъ ошибки.

Слѣдующія двусмысленности слова *право* (какъ добавленіе къ очевидному и обыкновенному смѣшенію *права* и прилагательнаго *правый*) извлечены изъ моей собственной позабытой журнальной статьи:

«Говоря нравственно, вы имѣли бы право дѣлать нѣчто, еслибы всѣ лица были нравственно обязаны не препятствовать вамъ дѣлать это. Но, въ другомъ смыслѣ, имѣть право дѣлать нѣчто противоположно *не*имѣнію такого права, то есть нравственному обязательству—не совершать поступка. Въ этомъ смыслѣ, сказать, что вы имѣете право сдѣлать нѣчто, значитъ, что вы можете дѣлать это безъ всякаго нарушенія долга съ вашей стороны; что другія лица не только не должны препятствовать вамъ, но не имѣютъ никакой причины думать о васъ худо по причинѣ вашего дѣйствія. Это предложеніе совершенно различно отъ предъидущаго. Право, которое вы имѣете въ силу долга, лежащаго на другихъ лицахъ, очевидно, совершенно различно отъ права, состоящаго въ отсутствіи всякаго долга, лежащаго на васъ самихъ. Между тѣмъ, та и другая вещь постоянно смѣшиваются. Такимъ образомъ, иной говоритъ, что онъ имѣетъ право публиковать свои мнѣнія; это можетъ быть вѣрно въ томъ смыслѣ, что всякое другое лицо нарушило бы свой долгъ, еслибы воспрепятствовало публикаціи; но пишущій предполагаетъ вслѣдствіе этого, что, публикуя свои мнѣнія, онъ самъ не нарушаетъ никакого долга, а это можетъ быть и вѣрно, и ложно, именно зависитъ отъ того, принялъ ли онъ на себя достаточный трудъ убѣдиться, во-первыхъ, что его мнѣнія вѣрны, а во-вторыхъ, что ихъ обнародованіе такимъ образомъ и при этихъ особенныхъ обстоятельствахъ вѣроятно будетъ благодѣтельно для интересовъ истины вообще.

«Вторая двусмысленность состоитъ въ смѣшеніи права какого-нибудь рода съ правомъ вынуждать это право сопротивленіемъ или наказаніемъ его нарушенія. Напримѣръ: люди говорятъ, что они имѣютъ право на хорошее правительство, что, конечно, вѣрно, такъ какъ нравственный долгъ ихъ правителей состоитъ въ хорошемъ управленіи. Но

если вы допустите это, то вамъ припишутъ мысль, что вы допускаете ихъ право или свободу изгонять своихъ правителей, или можетъ быть, наказывать ихъ за упущеніе упомянутой обязанности; а это далеко не то же самое, никакимъ образомъ не справедливо вообще, и зависитъ отъ безчисленнаго множества измѣняющихся обстоятельствъ», требующихъ тщательнаго взвѣшиванія, прежде чѣмъ можно принять такое рѣшеніе и дѣйствовать на основаніи его. Послѣдній примѣръ представляетъ (какъ и другіе, приведенные нами) случай заблужденія въ заблужденіи; онъ не только заключаетъ вторую изъ указанныхъ двусмысленностей, но также и первую.

Одна изъ обыкновенныхъ формъ заблужденія отъ двусмысленности словъ извѣстна технически подъ названіемъ Fallacia Compositionis et Divisionis: именно: когда тотъ же самый терминъ бываетъ собирательнымъ въ посылкахъ и раздѣлительнымъ въ заключеніи, или vice versâ, либо когда средній терминъ собирательный въ одной посылкѣ, а въ другой раздѣлительный. Такъ, можно бы сказать (я беру изъ архіепископа Уэтли): «Всѣ углы треугольника равны двумъ прямымъ угламъ: ABC есть уголъ треугольника; слѣдовательно, ABC равенъ двумъ прямымъ угламъ.... Нѣтъ ошибки болѣе обыкновенной и легче обманывающей, чѣмъ настоящая. Форма, въ которой ее всего чаще употребляютъ, состоитъ въ томъ, что утверждается какая-нибудь истина, касающаяся *каждаго отдѣльнаго* члена нѣкотораго класса, а потомъ то же самое заключается собирательно о *всемъ классѣ, вмѣстѣ взятомъ*.» Такъ бываетъ, напр., во встрѣчающемся иногда аргументѣ, которымъ доказывается, что міръ не нуждается въ великихъ людяхъ. Еслибы (говорятъ) Колумбъ никогда не жилъ, Америка все-таки была бы открыта, развѣ только нѣсколько лѣтъ спустя; еслибы не было Ньютона, какое-нибудь другое лицо открыло бы законъ тяготѣнія и т. д. Совершенно справедливо: эти вещи были бы сдѣланы, но, по всей вѣроятности, не иначе, какъ еслибы нашлись люди съ качествами Колумба или Ньютона. Такъ какъ каждый великій человѣкъ могъ бы быть замѣщенъ другими великими людьми, то, заключаютъ, всѣ великіе люди не нужны. Терминъ «великіе люди»—раздѣлительный въ посылкахъ и собирательный въ заключеніи.

«Таково же заблужденіе, которое, вѣроятно, увлекаетъ играющихъ въ лотереи; напр., «выигрышъ большой суммы — случай вовсе не

необыкновенный; а того, что́ не составляетъ необыкновеннаго случая, можно разумно ожидать; слѣдовательно, выигрыша большой суммы можно разумно ожидать»: это заключеніе, прилагаемое къ недѣлимому (какъ это бываетъ въ практикѣ), должно быть понимаемо въ смыслѣ «разумно ожидать *для извѣстнаго недѣлимаго*»; слѣдовательно, чтобы большая посылка была вѣрна, средній терминъ долженъ означать «не составляетъ необыкновеннаго случая для нѣкоторой *данной* особы»; меньшая же посылка (поставленная напередъ), чтобы быть вѣрною, должна быть понимаема въ смыслѣ — «не необыкновенный случай *для того или другаго*»; такимъ образомъ, мы получаемъ софизмъ сложенія.

«Это софизмъ, которымъ люди чрезвычайно способны обманывать *самихъ* себя; ибо, когда множество частностей представляется уму, многіе слишкомъ слабы или слишкомъ лѣнивы, чтобы обозрѣть ихъ всѣ, и ограничиваютъ свое вниманіе попеременно отдѣльными точками и затѣмъ рѣшаютъ, выводятъ слѣдствія и сообразно съ тѣмъ дѣйствуютъ; такъ, напр., неблагоразумный расточитель, находя, что онъ можетъ сдѣлать ту *или* эту *или* другую издержку, забываетъ, что *всѣ онѣ вмѣстѣ* могутъ раззорить его.» Кутила разрушаетъ свое здоровье послѣдовательными дѣйствіями невоздержности, такъ какъ ни одно изъ этихъ дѣйствій, взятое отдѣльно, не можетъ внушить ему серьезнаго опасенія. Больной разсуждаетъ съ самимъ собой: «тотъ и другой и третій изъ моихъ симптомовъ не доказываетъ, что у меня опасная болѣзнь», и заключаетъ отсюда, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, также этого не доказываютъ.

§ 2. Теперь мы достаточно пояснили одинъ изъ главныхъ родовъ этого класса заблужденій,—тотъ, въ которомъ источникъ ошибки заключается въ двусмысленности терминовъ, такъ что посылки по словамъ представляютъ то, что́ требуется для заключенія, но не представляютъ этого на дѣлѣ. Во второмъ большомъ отдѣлѣ заблужденій отъ сбивчивости, они не бываютъ достаточны ни по словамъ, ни на дѣлѣ, хотя вслѣдствіе ихъ многообразія и неправильнаго расположенія, а чаще отъ недостатка памяти, они кажутся не тѣмъ, что́ они есть. Заблужденіе, которое я разумѣю, есть Petitio Principii; оно заключаетъ въ себѣ еще болѣе запутанную и довольно обыкновенную разновидность, которая называется круговымъ заключеніемъ.

Petitio Principii, по опредѣленію архіепископа Уэтли, есть заблужденіе, «въ которомъ посылка или явнымъ образомъ тожественна съ заключеніемъ, или прямо доказывается заключеніемъ, или такова, что ее можно бы доказать имъ, естественнымъ и ясныхъ образомъ.» Подъ послѣднею частью опредѣленія я полагаю, разумѣется то, что она не можетъ быть ничѣмъ другимъ доказана; ибо иначе тутъ не было бы софизма. Изъ одного предложенія выводить другія, изъ которыхъ оно само могло бы быть выведено болѣе естественно, есть дозволительное отступленіе отъ обыкновеннаго дидактическаго порядка или не болѣе того, что̀ можетъ быть названо, если употребимъ знакомое математикамъ выраженіе, логическимъ *неизяществомъ* [1]).

Употребить какое-нибудь предложеніе для доказательства другаго, отъ котораго оно само ожидаетъ доказательства,—вовсе не представляетъ такой степени умственной слабости, какъ можно предполагать на первый взглядъ. Понять, какъ возможно совершить такую ошибку, становится легко, если мы разсудимъ, что всѣ лица, даже образованныя, держатся множества мнѣній, не вспоминая хорошенько, какъ они пришли къ нимъ. Полагая, что они въ прежнее время повѣрили ихъ достаточными доказательствами, но забыли эти доказательства, они легко могутъ быть вовлечены въ то, что станутъ выводить изъ нихъ тѣ самыя предложенія, которыя одни способны служить посылками для ихъ утвержденія. «Такъ, напримѣръ», говоритъ архіепископъ Уэтли, «еслибы кто пытался доказывать существованіе Божіе изъ авторитета Священнаго Писанія», что̀ легко могло бы случиться съ тѣмъ, для кого оба ученія, какъ фундаментальныя положенія, опираются на общей основѣ привычной и традиціонной вѣры.

Круговое заключеніе представляетъ однако, гораздо бо̀льшую ошибку и содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ простое признаніе посылки кѣмъ-нибудь, забывшимъ, какъ она доказывается. Оно содержитъ дѣйствитель-

---

[1]) Въ послѣднихъ своихъ изданіяхъ архіепископъ Уэтли ограничиваетъ названіе Petitio principii «тѣми случаями, въ которыхъ одна изъ посылокъ или явно тожественна по смыслу, съ заключеніемъ, или въ дѣйствительности имъ доказывается, или такова, что лица, къ которымъ вы обращаетесь, вѣроятно, признаютъ или допускаютъ ее не иначе, какъ въ видѣ вывода изъ заключенія: напр., еслибы кто-нибудь доказывалъ достовѣрность какой-нибудь исторіи на томъ основаніи, что она сообщаетъ тѣ или другіе факты, дѣйствительность которыхъ опирается на свидѣтельствѣ этой самой исторіи.»

ную попытку доказать два предложенія взаимно одно другимъ; къ нему рѣдко прибѣгаютъ, по крайней мѣрѣ въ ясныхъ выраженіяхъ, во время собственныхъ умозрѣній; но въ него впадаютъ тѣ, кто, будучи тѣснимъ противниками, принужденъ приводить доказательства для мнѣнія, основанія котораго онъ недостаточно разсмотрѣлъ, когда началъ аргументировать. Такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ, приводимомъ архіепископомъ Уэтли: «Нѣкоторые механики стараются доказать (что́ они должны бы принять за вѣроятную, но сомнительную гипотезу [1]), что каждая частица матеріи тяготѣетъ одинаково.—«Почему?»—«потому что тѣла, содержащія болѣе частицъ, и тяготѣютъ сильнѣе, *т. е.* тяжелѣе.»—«Но (можно возразить) тѣла наиболѣе тяжелыя не всегда наиболѣе объемисты.»—«Да, но они содержатъ болѣе частицъ, только сильнѣе сгущенныхъ.»—«Откуда вы знаете это?»—«Потому что они тяжелѣе.»—«Какое же это доказательство?» — «Такое, что всѣ частицы матеріи тяготѣютъ одинаково, и, слѣдовательно, масса, которая удѣльно тяжелѣе, должна имѣть ихъ больше въ одномъ и томъ же пространствѣ.» Мнѣ кажется, что ошибочно разсуждающій, въ мысляхъ про себя, едвали пошелъ бы дальше перваго шага: онъ остановился бы на достаточности перваго приведеннаго основанія — «тѣла, содержащія больше частицъ, тяжелѣе.» Только въ случаѣ, когда это подвергается сомнѣнію, и онъ долженъ доказать положеніе, самъ не зная какъ, онъ пытается подтвердить свою посылку, предполагая доказаннымъ то, что́ онъ хочетъ ею доказать. Самое дѣйствительное средство обнаружить Petitio Principii, если только обстоятельства позволяютъ, — заставить разсуждающаго доказать свои посылки; если онъ попытается это сдѣлать, то необходимо впадетъ въ круговое заключеніе.

Нерѣдко случается, впрочемъ, что и мыслители, и при томъ не послѣдняго разбора, вовлекаются даже въ своихъ собственныхъ мысляхъ— не то чтобы въ прямое доказательство двухъ предложеній одного дру-

---

[1]) Даже и не за вѣроятную гипотезу, съ того времени, какъ утвердилась атомистическая теорія: теперь достовѣрно извѣстно, что составныя частицы различныхъ веществъ тяготѣютъ не одинаково. Правда, что эти частицы, хотя онѣ и дѣйствительныя *minima* въ отношеніи къ химическимъ соединеніямъ, можетъ быть, еще не послѣднія частицы вещества; одно это сомнѣніе дѣлаетъ гипотезу допустимою, именно какъ гипотезу.

гимъ, а въ допущеніе предложеній, которыя только такимъ образомъ и могутъ быть доказаны. Въ предъидущемъ примѣрѣ оба предложенія, взятыя вмѣстѣ, образуютъ полное и твердое, хотя гипотетическое, объясненіе подлежащихъ фактовъ. Стремленіе принимать взаимную связь за истину, искать своего спасенія въ крѣпкой цѣпи, хотя не имѣющей точки опоры, — лежитъ въ глубинѣ многаго, что́, будучи приведено въ строгую форму аргументаціи, окажется ничѣмъ инымъ, какъ круговымъ заключеніемъ. Опытъ доказываетъ все чарующее дѣйствіе ловкаго сцѣпленія ученій въ одну систему и трудность, съ которою люди допускаютъ убѣжденіе, что нѣчто, такъ крѣпко взаимно связанное, можетъ обрушиться.

Такъ какъ всякій случай, въ которомъ заключеніе могущее, быть доказаннымъ только извѣстными посылками, употребляется для доказательства этихъ посылокъ, составляетъ petitio principii, то этотъ софизмъ заключаетъ въ себѣ огромное множество неправильныхъ разсужденій. Для полноты нашего взгляда на это заблужденіе, необходимо показать на примѣрахъ, подъ какими оболочками оно обыкновенно скрывается и ускользаетъ отъ раскрытія.

Никто въ здравомъ разумѣ не принялъ бы какого-нибудь предложенія какъ выводъ изъ него самого, еслибы оно не было выражено въ словахъ, дающихъ ему различный видъ. Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ способовъ выражать его такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы представить самое предложеніе въ отвлеченныхъ терминахъ, какъ доказательство того же самаго предложенія въ конкрентыхъ словахъ. Таковъ очень обыкновенный способъ не только мнимыхъ доказательствъ, но и мнимаго объясненія, и его пародировалъ Мольеръ, заставляя одного изъ своихъ смѣшныхъ медиковъ говорить: l'opium endormit parce qu'il a une vertu soporifique, или на соотвѣтствующей латинскомъ:

Mihi demandatur
A doctissimo doctore
Quare opium facit dormire;
Et ego respondeo,
Quia est in eo
Virtus dormitiva,
Cujus natura est sensus assupire.

Digitized by Google

Слова *природа* и *сущность* суть великія орудія этого способа предрѣшать вопросъ. Такъ, напр., въ извѣстномъ аргументѣ схоластическихъ теологовъ, что душа мыслитъ всегда, такъ какъ *сущность* души есть мышленіе. Локкъ указалъ, что если подъ сущностію здѣсь разумѣется нѣкоторое свойство, которое должно обнаруживаться дѣятельнымъ проявленіемъ во всякое время, то посылка есть прямое допущеніе заключенія; между тѣмъ какъ если подъ нею разумѣется, что мышленіе составляетъ отличительное свойство души, то нѣтъ связи между посылкою и заключеніемъ, такъ какъ нѣтъ необходимости, чтобы отличительное свойство было постоянно въ дѣйствіи.

Слѣдующій примѣръ представляетъ одинъ изъ способовъ, какъ въ такомъ софизмѣ употребляются въ дѣло эти отвлеченныя слова—*природа* и *сущность*. Болѣе или менѣе произвольно избираются нѣкоторыя частныя особенности вещи и называются ея природою или сущностію; когда это сдѣлано, принимается, что эти свойства имѣютъ нѣкоторую неприкосновенность, что они господствуютъ надъ всѣми другими свойствами вещи и не могутъ быть подчинены или уничтожены ими. Такъ, Аристотель, въ приведенномъ уже мѣстѣ «доказываетъ слѣдующими доводами, что нѣтъ пустоты: въ пустотѣ не могло бы быть различія между верхомъ и низомъ; ибо, такъ какъ Ничто не можетъ заключать никакихъ различій, то нѣтъ ихъ въ отсутствіи и отрицаніи; но пустота есть чистое отсутствіе или отрицаніе вещества; слѣдовательно, въ пустотѣ тѣла не могли бы двигаться вверхъ и внизъ, тогда какъ это лежитъ въ ихъ *природѣ*.» [1]). Другими словами: въ *природѣ* тѣла двигаться вверхъ и внизъ; *слѣдовательно*, никакой физическій фактъ, предполагающій, что они такъ не движутся, не можетъ быть достовѣренъ. Такой способъ разсужденія, при которомъ дурному обобщенію дается господство надъ всѣми фактами, ему противорѣчащими, есть petitio principii въ одной изъ его самыхъ осязательныхъ формъ.

Ни одинъ способъ принимать то, что́ еще слѣдуетъ доказать, не встрѣчается такъ часто, какъ способъ, который Бентамъ именуетъ «названіями, возводящими вопросъ въ рѣшеніе»; это — имена, которыя разрѣшаютъ вопросъ подъ видомъ того, что они его ставятъ. Самыя

---

[1]) Hist. Ind. Sc. i. 34.

дѣйствительныя изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ хвалебный или укорительный характеръ. Таково въ политикѣ слово *нововведеніе*. Такъ какъ буквальный смыслъ этого слова есть просто «измѣненіе къ чему-нибудь новому», то для защитниковъ даже самаго спасительнаго улучшенія трудно отрицать, что оно есть нововведеніе; между тѣмъ, такъ какъ слово пріобрѣло, въ обыкновенномъ употребленіи, сверхъ словеснаго смысла, укорительное означеніе, то признаніе вещи нововведеніемъ понимается всегда какъ большая уступка въ невыгоду предлагаемой вещи.

Слѣдующее мѣсто изъ доказательства въ опроверженіе эпикурейцевъ, во второй книгѣ Цицерона *De Finibus*, представляетъ прекрасный примѣръ такого рода ошибки. «Et quidem illud ipsum non nimium probo (et tantum patior) philosophum loqui de cupiditatibus finiendis. An potest cupiditas finiri? tollenda est, atque extrahenda radicitus. Quis est enim, in quo sit cupiditas, quin recte cupidus dici possit? Ergo et avarus erit, sed finite: adulter, verum habebit modum: et luxuriosus eodem modo. Qualis ista philosophia est, quæ non interitum afferat pravitatis, sed sit contenta mediocritate vitiorum?» Вопросъ состоялъ въ томъ: извѣстныя желанія, сдержанныя въ предѣлахъ, составляютъ ли пороки или нѣтъ, и доказательство рѣшаетъ этотъ вопросъ, прилагая къ нимъ слово *(cupiditas)*, *подразумѣвающее* въ себѣ порокъ. Впрочемъ, изъ замѣчаній, которыя слѣдуютъ дальше, видно, что Цицеронъ не смотрѣлъ на это, какъ на серьезный аргументъ, а только какъ на критику выраженія, казавшагося ему несоотвѣтственнымъ. «Rem ipsam prorsus probo: elegantiam desidero. Appellet hæc *desideria naturæ*, cupiditatis nomen servet alio», etc. Но нѣкоторыя лица, какъ древнія, такъ и новыя, употребляли такіе или подобные пріемы, какъ дѣйствительное и имѣющее силу доказательство. Можно еще замѣтить, что мѣсто, относящееся къ *cupiditas* и *cupidus*, есть также примѣръ другаго софизма, который мы уже указали: софизма паронимическихъ словъ.

Многіе другіе аргументы древнихъ моралистовъ, особенно стоиковъ, подходятъ подъ опредѣленіе Petitio principii. Напримѣръ, обладаютъ ли какою-нибудь силою доказательства Катона въ третьей книгѣ сочиненія De Finibus, которое я продолжаю приводить, какъ лучшій, по всей вѣроятности, оставшійся намъ образчикъ ученій и методовъ существовавшихъ тогда философскихъ школъ: еслибы добродѣтель не была счастіемъ, то

она не была бы вещью, которою можно *хвалиться;* далѣе: — еслибы смерть и страданіе были зломъ, то невозможно было бы ихъ не бояться, и потому не было бы достохвально презирать ихъ, и пр. Съ одной стороны, на эти аргументы можно смотрѣть, какъ на ссылки на авторитетъ общаго мнѣнія человѣчества, которое въ приведенныхъ выраженіяхъ положило знакъ одобренія на извѣстныя дѣйствія и характеры; но невѣроятно, чтобы фразѣ придавался именно такой смыслъ, такъ какъ древніе философы питали презрѣніе къ народнымъ мнѣніямъ. Во всякомъ другомъ смыслѣ это ясные примѣры Petitio Principii, такъ какъ слово достохвальный и идея превозношенія заключаютъ въ себѣ принципы поведенія; а практическія правила могутъ быть доказаны только умозрительными истинами, именно свойствами подлежащаго предмета, и, слѣдовательно, не могутъ быть употребляемы для доказательства этихъ свойствъ. Столько же основательно было бы заключать, что правительство хорошо, потому что мы должны его поддерживать, или что существуетъ Богъ, потому что нашъ долгъ — ему молиться.

Всѣми спорящими въ книгѣ *De Finibus* принято аа основу изслѣдованія о *summum bonum*, что «sapiens semper beatus est»: не просто, что мудрость даетъ наилучшую надежду на счастье, или что мудрость состоитъ въ знаніи того, что́ такое счастье и какими вещами оно достигается; этихъ предложеній для нихъ было мало: нѣтъ, что мудрый всегда есть и необходимо долженъ быть счастливъ. Мысль, что мудрость можетъ совмѣщаться съ несчастіемъ, постоянно отвергалась, какъ невозможная; причина, указываемая однимъ изъ разговаривающихъ въ началѣ третьей книги, состоитъ въ томъ, что еслибы мудрый могъ быть несчастливъ, то мало было бы пользы въ стремленіи къ мудрости. Но подъ несчастіемъ они разумѣютъ не страданіе или боль; что до этого, то признано было, что и мудрѣйшій человѣкъ подверженъ имъ наравнѣ съ другими: онъ былъ счастливъ потому, что обладая мудростью, онъ обладалъ самымъ драгоцѣннымъ благомъ, вещью, которую наиболѣе слѣдуетъ желать и цѣнить; обладать же самою драгоцѣнною вещью значитъ быть наиболѣе счастливымъ. Такимъ образомъ, допустивши въ самомъ началѣ изслѣдованія, что мудрый долженъ быть счастливъ, они уже предрѣшили подлежащій разбору вопросъ о *summum bonum;* точно такъ какъ и дальнѣйше положеніе, что боль и страданіе, насколько они

могутъ существовать вмѣстѣ съ мудростію, не составляютъ несчастія и не суть зло.

Вотъ еще примѣры болѣе или менѣе скрытаго Petitio Principii.

Платонъ, въ *Софистахъ*, старается доказать возможность существованія невещественныхъ предметовъ тѣмъ аргументомъ, что справедливость и мудрость невещественны, а справедливость и мудрость суть нѣчто. Если здѣсь подъ *нѣчто* разумѣется, какъ и разумѣетъ Платонъ, вещь, способная существовать сама въ себѣ и сама по себѣ, а не качество какой-нибудь другой вещи, то онъ предрѣшаетъ вопросъ, утверждая, что справедливость и мудрость должны быть нѣчто; если же онъ разумѣетъ иное, то его заключеніе не доказано. Этотъ софизмъ можетъ быть также отнесенъ къ двусмысленности средняго термина: въ одной посылкѣ *нѣчто* означаетъ нѣкоторую сущность, а въ другой только нѣкоторый предметъ мысли, — все равно, сущность или аттрибутъ.

Какъ доказательство въ пользу уже потерявшей теперь популярность доктрины о безконечной дѣлимости вещества приводили прежде аргументъ, что каждая часть вещества, какъ бы мала она ни была, должна же имѣть верхнюю и нижнюю поверхность. Прибѣгавшіе къ этому аргументу, не замѣчали что онъ предполагалъ именно то, въ чемъ состоялъ вопросъ, то есть невозможность достигнуть minimum'а толщины: если существуетъ minimum, то верхняя и нижняя поверхности будутъ, конечно, одною; да и само оно будетъ плоскостью и ничѣмъ болѣе. Аргументъ обязанъ своею значительною благодарностью тому, что посылка, повидимому, яснѣе заключенія, хотя въ дѣйствительности она съ нимъ тожественна. Предложеніе, выраженное такъ, какъ оно является въ посылкѣ прямо и въ конкретныхъ словахъ ссылается на неспособность человѣческаго воображенія представить себѣ minimum. Разсматриваемое съ этой стороны, оно становится случаемъ заблужденія *a priori* или естественнаго предразсудка, что все, чего нельзя понять, не можетъ существовать. Всякое заблужденіе отъ сбивчивости (этого почти не нужно повторять), будучи выяснено, становится заблужденіемъ какого-нибудь другаго рода; вообще, относительно дедуктивныхъ или умозаключительныхъ заблужденій всегда окажется, что ошибка ихъ, какъ и въ этомъ случаѣ, бо́льшею частію, составляетъ скрытое заблужденіе какого-нибудь другаго разряда, вслѣдствіе котораго шумиха

словъ, составляющая внѣшность или ядро этого рода софизма, остается неразгаданною.

Алгебра Эйлера, книга, въ другихъ отношеніяхъ имѣющая большое достоинство, но наполненная до избытка логическими ошибками въ отношеніи къ основаніямъ науки, содержитъ слѣдующій аргументъ въ доказательство того, что *минусъ*, умноженный на *минусъ*, даетъ *плюсъ*, — ученіе, составляющее посрамленіе всѣхъ чистыхъ математиковъ и объ истинномъ доказательствѣ котораго Эйлеръ не имѣлъ никакого понятія. Онъ говоритъ, что *минусъ*, умноженный на *минусъ*, не можетъ дать минусъ; ибо минусъ, помноженный на *плюсъ*, даетъ минусъ, и потому минусъ, помноженный на минусъ, не можетъ дать того же самаго произведенія, какъ минусъ, умноженный на плюсъ. Но всякій долженъ спросить: почему же минусъ, умноженный на минусъ, непремѣнно даетъ какое бы то ни было произведеніе? а если даетъ, то почему это произведеніе не можетъ быть то же самое, что и произведеніе минуса на плюсъ? Ибо, на первый взглядъ, это не представляетъ бо́льшей нелѣпости, чѣмъ то, что минусъ на минусъ долженъ давать то же произведеніе, какъ и плюсъ на плюсъ, — положеніе, предпочитаемое Эйлеромъ. Посылка требуетъ доказательства, точно такъ же, какъ заключеніе: она не иначе можетъ быть доказана, какъ болѣе обширнымъ взглядомъ на природу умноженія и, вообще, алгебраическихъ процессовъ, который представилъ бы и лучшій доводъ въ пользу таинственнаго ученія, которое Эйлеръ старался здѣсь доказать.

Поразительный примѣръ круговаго умозаключенія представляютъ нѣкоторые этическіе писатели, которые принимаютъ за масштабъ нравственной истины то, что́, вслѣдствіе всеобщности, они считаютъ естественными и инстинктивными чувствами и понятіями человѣчества, а потомъ излагаютъ множество примѣровъ уклоненія отъ принятаго ими масштаба, выставляя ихъ случаями, въ которыхъ понятія не здравы. Какой-нибудь частный родъ поведенія или чувствованія признается за *неестественный*; — почему? потому что онъ противенъ общимъ и естественнымъ чувствамъ человѣчества. Не находя такого чувства въ васъ самихъ, вы выражаете сомнѣніе въ фактѣ; и въ отвѣтъ на это слышите (если вашъ антагонистъ вѣжливъ); что вы составляете исключеніе, особенный случай. Но, говорите вы, я не нахожу такого чувства отвращенія

и у народовъ другихъ странъ или прежняго времени. — «Ахъ, отвѣчаютъ,» «ихъ чувства были искажены и не здравы.»

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ круговаго разсужденія есть ученіе Гоббза, Руссо и другихъ, которые основываютъ обязательства, связывающія людей, какъ членовъ общества, на предполагаемомъ общественномъ договорѣ. Я не говорю здѣсь о фиктивномъ свойствѣ самаго договора; но когда Гоббзъ, чрезъ весь Левіаѳанъ, съ великимъ трудомъ выводитъ обязательство повиноваться государю не изъ необходимости или пользы такого повиновенія, а изъ предполагаемаго обѣта, который дали наши предки, отказавшись отъ дикой жизни и согласившись устроить политическое общество, то невозможно не обратиться къ вопросу, почему мы обязаны держать обѣщаніе, данное за насъ другими? почему, вообще, мы обязаны держать обѣщаніе? Этой обязательности нельзя указать никакого удовлетворительнаго основанія, кромѣ вредныхъ слѣдствій отсутствія вѣрности и взаимнаго довѣрія между людьми. Итакъ, какъ къ послѣднему основанію обязательности обѣщаній, мы всегда придемъ къ интересамъ общества; а между тѣмъ эти интересы не считаются достаточнымъ оправданіемъ существованія правительства и законовъ. Думаютъ, будто безъ обѣщанія мы не были бы обязаны къ тому, что́ непремѣнно требуется всѣми видами жизни въ обществѣ, именно къ тому, чтобы повиноваться установленнымъ въ обществѣ законамъ, а обѣщаніе считаютъ столь необходимымъ, что если въ дѣйствительности его не существовало, то думаютъ придать большую твердость основаніямъ общества, выдумавши небывалое обѣщаніе.

§ 3. Два главныя подраздѣленія класса заблужденій отъ сбивчивости уже изложены нами; остается третій, въ которомъ сбивчивость заключается не въ темнотѣ значенія посылокъ, какъ въ заблужденіяхъ отъ двусмысленности, и не въ забываніи свойства посылокъ, какъ въ Petitio Principii, а въ непониманіи заключенія, которое слѣдуетъ доказать. Это заблужденіе *Ignoratio Elenchi*, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова; архіепископъ Уэтли называетъ его *заблужденіемъ отъ ненадлежащаго заключенія*. Его примѣры и заключенія въ высокой степени достойны того, чтобъ привести ихъ.

«Различнаго рода предложенія, смотря по обстоятельствамъ, ставятся на мѣсто того, которое требуется доказать: иногда частное вмѣсто

всеобщаго, иногда предложеніе съ иными терминами; и различнаго рода бываютъ хитрости, употребляемыя для того, чтобы произвести или скрыть эту подстановку и заставить заключеніе служить той же практической цѣли, которой служилъ бы выводъ, какой слѣдовало бы извлечь софисту. Мы говоримъ «служить той же практической цѣли», потому что очень часто случается, что возбуждается нѣкоторое *впечатлѣніе*, внушается нѣкоторая мысль (помощію искуснаго употребленія этого софизма), такого рода, что приводитъ людей въ *расположеніе*, требуемое для нашей цѣли, хотя съ *предложеніемъ*, которое намъ слѣдовало утвердить, они не соглашаются; или можетъ быть, они даже вовсе не ясно представляютъ его себѣ. Такъ, если софисту приходится защищать человѣка, провинившагося въ какомъ-нибудь тяжеломъ проступкѣ, который нужно смягчить, то хотя бы софистъ и не могъ ничего ясно доказать, онъ практически достигъ бы той же самой цѣли, еслибы *заставилъ своихъ слушателей смѣяться*. Точно такъ же, если кто указалъ на облегчающія обстоятельства въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ проступка, такъ что показалъ, какъ далеко они отстаютъ отъ обычныхъ случаевъ того же самаго класса, то софистъ, хотя бы и не могъ отвергнуть этихъ доказательствъ, можетъ уничтожить ихъ силу простымъ *отнесеніемъ дѣйствія къ тому классу*, къ которому оно несомнѣнно принадлежитъ и одно имя котораго возбуждаетъ чувство отвращенія, способное противодѣйствовать смягченію. Положимъ, напримѣръ, что у насъ случай *утайки казенныхъ денегъ* и что можно привести много смягчающихъ обстоятельствъ; софистическій оппонентъ можетъ отвѣчать:— «Хорошо, но въ концѣ концовъ, человѣкъ этотъ все-таки *воръ* и ничего болѣе.» Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ (по нашему предположенію) это и не подлежало вопросу, и простое утвержденіе того, чего никто не отрицалъ, *не должно* бы, по справедливости, рѣшать что-нибудь. Между тѣмъ, практически, отвращеніе къ слову, происходящее большею частью отъ ассоціаціи тѣхъ обстоятельствъ, которыя свойственны большинству случаевъ класса, но которыя именно предполагались *отсутствующими* въ *этомъ частномъ* случаѣ, возбуждаетъ непріятное чувство, уничтожающее силу защиты. Точно такъ же, мы можемъ отнести къ этому отдѣлу всѣ случаи неправильнаго обращенія къ страстямъ и всего того, что Аристотель обозначаетъ какъ чуждое предмету (ἔξω τοῦ πράγματος).»

Точно такъ же, «вмѣсто доказательства, что *заключенный совершилъ гнусный обманъ*, вы доказываете, что обманъ, совершенный имъ, гнусный; вмѣсто доказательства (какъ въ извѣстной сказкѣ о Кирѣ и двухъ платьяхъ), что болѣе взрослый мальчикъ имѣетъ право принудить другаго мальчика помѣняться съ нимъ платьемъ, вы доказываете, что мѣна, была бы выгодна для обоихъ; вмѣсто доказательства, что бѣдному слѣдуетъ помогать лучше такимъ, а не другимъ образомъ, вы доказываете, что бѣдному слѣдуетъ помогать; вмѣсто доказательства, что неразумное существо — животное или сумасшедшій человѣкъ — никогда не можетъ быть удержано отъ какого-нибудь дѣйствія страхомъ наказанія (напр. собаки отъ кусанья овецъ — страхомъ палки), вы доказываете, что наказаніе одной собаки не дѣйствуетъ на *другихъ* собакъ *примѣромъ* и пр.

«Очевидно, *ignoratio elenchi* можетъ быть употребляемо какъ для кажущагося опроверженія предложенія вашего противника, такъ и для кажущагося утвержденія вашего собственнаго предложенія; ибо, въ сущности одно и то же — доказывать то, чего не отрицаютъ, и опровергать то, чего не утверждаютъ. Послѣдній пріемъ не менѣе обыкновененъ и наиболѣе оскорбителенъ онъ часто равняется личной обидѣ, приписывая людямъ мнѣнія и пр., которыя для нихъ, можетъ быть, ненавистны. Такъ, если въ спорѣ одна сторона защищаетъ, на основаніи общественной пользы, данный случай сопротивленія правительству, по поводу невыносимаго угнетенія, то противникъ можетъ серьезно утверждать, «что мы не должны дѣлать зла, съ цѣлью, чтобы изъ него вышло добро;» предложенія этого, конечно, никто никогда не отрицалъ, и спорный пунктъ заключается въ томъ — «будетъ ли въ этомъ случаѣ сопротивленіе *злымъ* дѣломъ, или нѣтъ». Или также, въ опроверженіе мнѣнія, что каждый имѣетъ право судить о религіозныхъ вещахъ, можно услышать серьезный аргументъ, что не можетъ же каждый быть *правъ въ своемъ сужденіи*.»

Произведенія полемическихъ писателей рѣдко свободны отъ этого софизма. Напр., попытки опровергнуть ученіе Мальтуса о населеніи, бо́льшею частію, ignoratio elenchi. Думали отвергнуть Мальтуса доказательствомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или въ нѣкоторыя времена населеніе оставалось почти неизмѣннымъ; какъ будто бы онъ утверждалъ,

что населеніе всегда растетъ въ извѣстной пропорціи, и не объявилъ прямо, что оно возрастаетъ лишь настолько, насколько не задерживается благоразуміемъ или же бѣдностію и болѣзнью. Или, напримѣръ, приводится масса фактовъ для доказательства, что въ извѣстной странѣ народъ пользуется бо́льшимъ благосостояніемъ при густомъ населеніи, чѣмъ въ другой странѣ при рѣдкомъ; или что народъ сталъ одновременно и многочисленнѣе и богаче. Какъ будто утвержденіе состояло въ томъ, что густое населеніе не можетъ благоденствовать; какъ будто въ это ученіе не входитъ, и притомъ существенною частью, что тамъ, гдѣ капиталъ обильнѣе, можетъ существовать и бо́льшее населеніе безъ увеличенія бѣдности или даже съ уменьшеніемъ ея.

Любимый аргументъ противъ Берклеевой теоріи несуществованія вещества, аргументъ очень популярный, который былъ признаваемъ не только людьми въ родѣ Самуила Джонсона [слишкомъ преувеличенный талантъ его, конечно, не имѣлъ метафизическаго направленія], но который составляетъ главный аргументъ шотландской школы метафизиковъ, есть очевидное *ignoratio elenchi*. Этотъ аргументъ почти такъ же часто выражается жестомъ, какъ и словами, и одна изъ обыкновеннѣйшихъ формъ его состоитъ въ томъ, что ударятъ палкою по землѣ. Это короткое и легкое опроверженіе не принимаетъ во вниманіе фактъ, что, отрицая вещество, Берклей не отрицалъ ничего свидѣтельствуемаго нашими внѣшними чувствами, и что, слѣдовательно, ему нельзя отвѣчать ссылкой на нихъ. Его скептицизмъ относился къ предполагаемому субстрату или скрытой причинѣ видимостей, воспринимаемыхъ нашими внѣшними чувствами; а ихъ свидѣтельство, что бы мы ни думали объ его убѣдительности, конечно, не есть свидѣтельство разума. Поэтому, навсегда останется очевиднымъ признакомъ недостатка метафизической глубины Рейда, Стьюарта и, прибавлю съ сожалѣніемъ, Броуна, что они настаивали на утвержденіи, будто Берклей, еслибы вѣрилъ своей собственной доктринѣ, долженъ бы былъ попасть въ канаву или разбить себѣ голову о какой-нибудь столбъ. Какъ будто бы люди, не признающіе скрытой причины своихъ ощущеній, не могутъ вѣрить, однако же, что въ самыхъ ощущеніяхъ господствуетъ опредѣленный порядокъ. Такой недостатокъ пониманія различія между вещью и ея чувственнымъ обнаруженіемъ, или, говоря метафизическимъ языкомъ, между

noumenon и phenomenon, невозможенъ для самаго тупаго ученика Канта или Кольриджа.

Легко было бы привести гораздо больше примѣровъ этого софизма, точно такъ же, какъ и другихъ, которые я старался охарактеризовать. Но въ болѣе обильномъ поясненіи примѣрами, повидимому, нѣтъ необходимости: проницательный читатель безъ большаго труда дополнитъ каталогъ изъ своего собственнаго чтенія и опыта. И потому, мы заключимъ здѣсь наше изложеніе общихъ принциповъ логики и перейдемъ къ дополнительному изслѣдованію, необходимому для довершенія нашего плана.

КНИГА VI.

О ЛОГИКѢ ПРАВСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

«Если человѣкъ можетъ предсказать, почти съ полною достовѣрностью, явленія, законы которыхъ онъ знаетъ; если даже, не зная ихъ, онъ по опыту можетъ съ большою вѣроятностію предвидѣть будущія слѣдствія; то почему считать химерическимъ предпріятіемъ — желаніе начертить съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ картину будущихъ судебъ человѣческаго рода, по результатамъ его исторіи? Единственное основаніе вѣры въ естественныя науки заключается въ той идеѣ, что извѣстные или неизвѣстные общіе законы, управляющіе явленіями міра, необходимы и постоянны; на каномъ же основаніи этотъ принципъ былъ бы менѣе истиннымъ для развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, чѣмъ для другихъ процессовъ природы? Наконецъ, такъ какъ мнѣнія, составленныя на основаніи опыта.... суть единственное правило поведенія наиболѣе мудрыхъ людей, то почему было бы воспрещено философу опираться въ своихъ предположеніяхъ на это же самое основаніе, лишь бы только онъ не приписывалъ имъ бо́льшей достовѣрности, чѣмъ та, какую могутъ дать число, постоянство, точность наблюденій?» — Кондорсе, *Очеркъ исторической картины прогресса человѣческаго духа* (Condorcet, *Esquisse d'un Tableau Historique des Progrès de l'Esprit Humain*).

Digitized by Google

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

§ 1. Принципы доказательства и теоріи метода не должны быть строимы a priori. Законы нашего разума, подобно законамъ всякаго другаго естественнаго дѣятеля, изучаются только наблюденіемъ дѣятеля въ его дѣятельности. Первые труды науки были сдѣланы безъ сознательнаго наблюденія какого бы то ни было научнаго метода; и мы никогда не узнали бы, какимъ процессомъ можно удостовѣриться въ истинѣ, еслибы напередъ не удостовѣрились въ нѣкоторыхъ истинахъ. Но такимъ образомъ могли быть рѣшены только самыя легкія задачи; естественное остроуміе, обративъ свою силу на болѣе трудныя задачи, или вовсе не имѣло успѣха, или, успѣвши иногда и достигши рѣшенія, не имѣло никакихъ вѣрныхъ средствъ убѣдить другихъ въ томъ, что его рѣшеніе было правильно. Въ научномъ изслѣдованіи, какъ во всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ человѣческаго искусства, путь для достиженія цѣли усматривается какъ бы инстинктивно лучшими умами въ какомъ-нибудь сравнительно простомъ случаѣ, и тогда, посредствомъ разумнаго обобщенія, прилагается ко множеству сложныхъ случаевъ. Мы научаемся дѣлать что-нибудь въ трудныхъ обстоятельствахъ, обращая вниманіе на способъ, которымъ мы, не думая, дѣлали то же самое въ болѣе легкихъ.

Эта истина доказывается на примѣрахъ исторіею различныхъ отраслей знанія, которыя послѣдовательно, въ восходящемъ порядкѣ ихъ сложности, принимали характеръ наукъ; и, она конечно, вновь подтвердится въ тѣхъ отрасляхъ, которыхъ окончательный научный складъ долженъ еще совершиться и которыя, пока, предоставлены колебаніямъ шаткихъ и популярныхъ изслѣдованій. Хотя нѣкоторыя науки вышли изъ этого состоянія въ сравнительно недавнее время, но уже ни одна не остается въ немъ, кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ самому человѣку, самому сложному и самому трудному предмету наученія, какимъ только можетъ заниматься человѣческій умъ.

Относительно физической природы человѣка, какъ органическаго существа,—хотя тутъ много шаткаго и спорнаго, что́ можетъ быть порѣшено только общимъ признаніемъ и употребленіемъ болѣе строгихъ правилъ наведенія, чѣмъ какія признавались до сихъ поръ, — однако же существуетъ значительная масса истинъ, которыя всѣми, обращавшими вниманіе на этотъ предметъ, признаются за совершенно установленныя, да и нѣтъ никакого радикальнаго недостатка въ методѣ, наблюдаемомъ въ этомъ отдѣлѣ науки наилучшими современными учеными. Но законы души и, еще въ большей степени, законы общества, такъ далеко и еще отъ подобной степени даже частнаго признанія, что составляетъ даже спорный вопросъ, способны ли они стать предметомъ науки въ строгомъ смыслѣ слова; и между тѣми, кто согласенъ въ этомъ пунктѣ, господствуетъ самое непримиримое разнорѣчіе въ большей части другихъ. Итакъ, здѣсь именно больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно ожидать пользы отъ приложенія началъ, изложенныхъ въ предъидущихъ книгахъ.

Если, въ отношеніи къ предмету самому важному, какимъ только можетъ заниматься человѣческій умъ, должно установиться между мыслителями большее согласіе; если тому, что́ называется «собственнымъ изученіемъ человѣчества» не суждено оставаться единственнымъ предметомъ, котораго философіи не удается освободить отъ эмпиризма, то тотъ самый процессъ, посредствомъ котораго законы многихъ болѣе простыхъ явленій были по общему признанію, поставлены, внѣ спора, долженъ быть сознательно и осмотрительно примѣненъ къ этимъ болѣе труднымъ изысканіямъ. Если есть нѣкоторые предметы, относительно

Digitized by Google

которыхъ добытые результаты были наконецъ единодушно признаны всѣми, кто занимался ихъ доказательствомъ; если есть другіе, въ отношеніи къ которымъ человѣчество не достигло такого же успѣха, — предметы, которыми съ древнѣйшихъ временъ, занимались самые проницательные умы, никогда не успѣвая утвердить значительное количество истинъ, лежащихъ внѣ отрицанія и сомнѣнія, — то, обобщая методы, успѣшно употребленные въ перваго рода изъисканіяхъ и прилагая ихъ къ послѣднимъ, мы можемъ надѣяться снять это пятно съ лица науки. Слѣдующія главы составляютъ попытку — облегчить этотъ столь желательный трудъ.

§ 2. Принимаясь за этотъ предметъ, я ни мало не забываю, какъ мало можно сдѣлать въ отношеніи къ нему въ простомъ трактатѣ логики, или какъ шатки и неудовлетворительны должны необходимо оказаться всѣ правила метода, если они не пояснены практически посредствомъ установленія полнаго ученія о предметѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ дѣйствительнымъ способомъ показать, какъ могутъ быть построены науки Этика и Политика, было бы — построить ихъ: задача, выполнить которую, конечно, я не имѣю намѣренія. Но еслибы и не было другихъ примѣровъ, то одного достопамятнаго примѣра Бэкона было бы довольно для доказательства, что иногда и возможно, и полезно показать дорогу, не будучи готовымъ самому далеко зайти по ней. Да еслибы я и пытался сдѣлать болѣе, то, по крайней мѣрѣ, здѣсь это было бы не на мѣстѣ.

Въ сущности, все, что́ можно сдѣлать для логики нравственныхъ наукъ въ такомъ сочиненіи, какъ это, уже исполнено или слѣдовало исполнить въ пяти предъидущихъ книгахъ; настоящая книга можетъ быть для нихъ только нѣкотораго рода дополненіемъ или прибавленіемъ, такъ какъ методы изслѣдованія, приложимые къ нравственной и общественной наукѣ, должны быть уже описаны, если мнѣ удалось перечислить и охарактеризовать методы науки вообще. Остается, впрочемъ, изслѣдовать, который изъ этихъ методовъ особенно пригоденъ для различныхъ отраслей нравственнаго изслѣдованія; съ какими особенными удобствами или неудобствами они могутъ быть здѣсь употребляемы; насколько неудовлетворительное состояніе этихъ изслѣдованій зависитъ отъ дурнаго выбора методовъ, насколько отъ недостатка искусства въ при-

ложеніи годныхъ методовъ и какой степени окончательнаго успѣха можно достигнуть или ожидать при лучшемъ выборѣ или болѣе тщательномъ употребленіи логическихъ процессовъ, пригодныхъ къ дѣлу. Другими словами, существуютъ ли нравственныя науки или только могутъ существовать; до какой степени совершенства онѣ могутъ быть доведены, и какимъ выборомъ или приноровленіемъ методовъ, изложенныхъ въ предъидущей части этого сочиненія, можетъ быть достигнута эта степень совершенства.

На порогѣ этого изслѣдованія намъ встрѣчается возраженіе, которое, если не будетъ устранено, подорветъ попытку разсматривать дѣйствія человѣческія какъ предметъ науки. Подчинены ли дѣйствія человѣческихъ существъ, подобно всѣмъ естественнымъ событіямъ, неизмѣннымъ законамъ? Существуетъ ли въ этихъ дѣйствіяхъ та неизмѣнность причинности, которая составляетъ основаніе всякой научной теоріи послѣдовательныхъ явленій? Это часто было отрицаемо; и, ради систематической полноты, если и не ради какой-нибудь дѣйствительно неизбѣжной практической необходимости, вопросъ долженъ получить въ этомъ мѣстѣ точный отвѣтъ. Мы посвятимъ этому предмету отдѣльную главу.

ГЛАВА II.

О СВОБОДѢ И НЕОБХОДИМОСТИ.

§ 1. Вопросъ, прилагается ли законъ причинности въ томъ же строгомъ смыслѣ къ человѣческимъ дѣйствіямъ, какъ и къ другимъ явленіямъ, есть знаменитый споръ, касающійся свободы воли: онъ, по крайней мѣрѣ со временъ Пелагія, раздѣлялъ и философскій, и религіозный міръ. Положительное мнѣніе обыкновенно называется ученіемъ Необходимости, такъ какъ утверждаетъ, что человѣческія желанія и дѣйствія необходимы и неизбѣжны. Отрицательное утверждаетъ, что воля не опредѣляется предъидущимъ, подобно другимъ явленіямъ, но опредѣляетъ сама себя; что наши хотѣнія не суть, собственно говоря

слѣдствія причинъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ причинъ, которымъ они подчинялись бы единообразно и слѣпо.

Я уже достаточно явно показалъ, что первое изъ этихъ мнѣній считаю истиннымъ; но вводящіе въ заблужденіе термины, въ которыхъ оно часто выражается, и неясный способъ, которымъ оно обыкновенно понимается, и препятствуютъ его признанію, и извращаютъ его вліяніе въ случаѣ признанія. Метафизическая теорія свободной воли, какъ ее понимаютъ философы (ибо практическое чувство такой воли, въ большей или меньшей степени свойственное всему человѣчеству, вовсе не несогласимо съ противоположною теоріею), была изобрѣтена потому, что предполагаемая альтернатива допустить *необходимость* человѣческихъ дѣйствій считалась несогласимою съ инстинктивнымъ сознаніемъ каждаго, а также оскорбительною для гордости и даже унизительною для нравственной природы человѣка. Я не отрицаю, что это ученіе, какъ его часто понимаютъ, заслуживаетъ эти укоризны; ибо недоразумѣнія, отъ которыхъ, какъ я покажу, они происходятъ, къ несчастію, встрѣчаются не у однихъ противниковъ этого ученія, а раздѣляются многими его защитниками, можно даже сказать наибольшимъ ихъ числомъ.

§ 2. Будучи правильно понято, ученіе такъ-называемой *философской необходимости* заключается въ слѣдующемъ: если даны мотивы, присутствующіе въ душѣ недѣлимаго, и даны также характеръ и настроеніе недѣлимаго, то безошибочно можно вывести, какъ онъ поступитъ; если мы вполнѣ знаемъ человѣка и знаемъ всѣ побужденія дѣйствующія на него, то мы можемъ предсказать его поведеніе съ такою же достовѣрностію, съ какою предсказываемъ какое-нибудь физическое событіе. Это предложеніе я считаю чистымъ толкованіемъ всеобщаго опыта, выраженіемъ въ словахъ того, въ чемъ каждый внутренно убѣжденъ. Всякій, кто думаетъ, что онъ совершенно знакомъ съ обстоятельствами какого-нибудь случая и съ характеромъ различныхъ лицъ, до которыхъ онъ касается, не затруднится предсказать, какъ всѣ они будутъ дѣйствовать.

Какое бы сомнѣніе онъ дѣйствительно ни имѣлъ въ этомъ отношеніи, оно проистекаетъ отъ неувѣренности, что онъ вполнѣ знаетъ обстоятельства, что онъ знакомъ въ надлежащей степени съ характеромъ того или другаго лица, но никакъ не отъ мысли, что еслибы онъ

зналъ эти вещи, то все-таки не могъ бы быть увѣренъ, какой выйдетъ поступокъ. И полная увѣренность эта отнюдь не противорѣчитъ тому, что называется нашимъ чувствомъ свободы. Мы чувствуемъ себя нисколько не менѣе свободными оттого, что тѣ, кто насъ хорошо знаетъ, увѣрены, какъ мы поступимъ въ частномъ случаѣ. Напротивъ, мы часто смотримъ на сомнѣніе въ томъ, какъ мы поступимъ, какъ на признакъ незнанія нашего характера, и иногда даже обижаемся сомнѣніемъ. Религіозные метафизики, признававшіе свободу воли, всегда утверждали, что она согласима съ божественнымъ предвидѣніемъ нашихъ дѣйствій; а если съ божественнымъ, то и со всякомъ другимъ предвидѣніемъ. Мы можемъ быть свободны, и, однако же, другой можетъ имѣть причины быть совершенно увѣреннымъ, какое употребленіе мы сдѣлаемъ изъ своей свободы. Итакъ, самое ученіе, что наши явленія и дѣйствія неизмѣнно вытекаютъ изъ нашихъ предъидущихъ душевныхъ состояній, не противорѣчитъ нашему сознанію и не ощущается какъ нѣчто унижающее.

Но ученіе о причинности, разсматриваемое въ приложеніи къ нашимъ хотѣніямъ и ихъ предшествующимъ, понимается почти всѣми такъ, какъ будто въ немъ заключается не одно это. Многіе не вѣрятъ, и лишь немногіе чувствуютъ на дѣлѣ, что въ причинности не заключается ничего, кромѣ неизмѣнной, достовѣрной и безусловной послѣдовательности. Мало такихъ, кому чистое постоянство послѣдовательности кажется достаточно твердою связью въ такомъ особенномъ отношеніи, какъ отношеніе между причиною и слѣдствіемъ. Даже если умъ отвергаетъ, то воображеніе все-таки удерживаетъ ощущеніе какой-то болѣе тѣсной, особенной связи, какого-то таинственнаго принужденія, производимаго предъидущимъ на послѣдующее. И вотъ это-то и есть то, что́ въ примѣненіи къ человѣческой волѣ, противорѣчитъ нашему сознанію и возмущаетъ наше чувство. Мы увѣрены, что въ отношеніи къ нашимъ желаніямъ этого таинственнаго принужденія не существуетъ. Мы знаемъ, что мы не вынуждены какимъ-то колдовствомъ непремѣнно повиноваться опредѣленному мотиву. Мы чувствуемъ, что еслибы мы желали доказать, что имѣемъ силу противостоять мотиву, то могли бы это сдѣлать (нечего оговаривать, что желаніе это составляетъ *новое предшествующее*), и было бы унизительно для нашей гордости и противно

нашему желанію превосходства, еслибы мы думали иначе. Но, согласно съ лучшими философскими авторитетами, *никакая* причина не производитъ на свое дѣйствіе того таинственнаго принужденія, о которомъ мы говоримъ. Тѣ, которые думаютъ, что причины влекутъ за собою свои слѣдствія какою-то мистическою связью, правы, полагая, что отношеніе между желаніями и ихъ антецедентами бываетъ иного рода. Но имъ слѣдовало бы идти далѣе и допустить, что то же справедливо и относительно другихъ дѣйствій и ихъ предшествующихъ. Если такого рода связь подразумѣвается подъ словомъ необходимость, то ученіе несправедливо относительно человѣческихъ дѣйствій; но въ такомъ случаѣ оно несправедливо и относительно неодушевленныхъ предметовъ. Правильнѣе было бы сказать, что вещество *не связано* необходимостію, чѣмъ сказать, что душа ею *связана*.

Метафизики, признающіе свободную волю, бо́льшею частію, принадлежатъ къ школѣ, отрицающей Юмовъ и Броуновъ анализъ причины и дѣйствія, и потому неудивительно, что они, за недостаткомъ свѣта, бросаемаго этимъ анализомъ, сбились съ дороги. Но удивительно, что приверженцы ученія о необходимости, обыкновенно допускающіе эту философскую теорію, на практикѣ тоже упускаютъ ее изъ виду. То же недоразумѣніе ученія философской необходимости, которое мѣшаетъ противоположной партіи признать его справедливость, я полагаю, болѣе или менѣе темно существуетъ въ умахъ бо́льшей части нецессаріанцевъ, хотя на словахъ они, пожалуй, будутъ отрицать это. Я сильно ошибаюсь, если они обыкновенно чувствуютъ, что необходимость, признаваемая ими въ дѣйствіяхъ, есть только однообразіе порядка и способность быть предсказываемымъ. Они питаютъ чувство, какъ будто въ глубинѣ между желаніями и ихъ причинами существуетъ болѣе крѣпкая связь: такъ что, утверждая, что воля управляется суммою мотивовъ, они разумѣли нѣчто болѣе принудительное, чѣмъ еслибы просто сказали, что, зная побужденія и нашу обыкновенную воспріимчивость къ нимъ, можно предсказать, какъ мы захотимъ поступить. Они, противорѣча своей собственной научной системѣ, совершаютъ ту же самую ошибку, какую дѣлаютъ ихъ противники, согласно съ своею системою; вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны отвѣчать за эти неблагопріятныя слѣдствія, которыя ихъ противники ошибочно приписываютъ самому ученію.

Digitized by Google

§ 3. Я расположенъ думать, что эта ошибка почти цѣликомъ происходитъ отъ ассоціацій идей со словомъ и что мы избѣжали бы ея, еслибы остереглись употреблять для выраженія простаго факта причинности столь мало подходящее слово, какъ *необходимость*. Это слово въ другихъ своихъ значеніяхъ заключаетъ гораздо болѣе простаго однообразія послѣдовательности: подъ нимъ разумѣется непреодолимость. Въ примѣненіи къ волѣ, оно значитъ только, что за данною причиною будетъ слѣдовать результатъ, подверженный впрочемъ всѣмъ возможностямъ противодѣйствія другихъ причинъ; но въ обыкновенномъ употребленіи подъ нимъ разумѣется дѣйствіе исключительно этихъ причинъ, которыя предполагаются дотого сильными, что вовсе не допускаютъ противодѣйствія. Когда мы говоримъ, что всѣ человѣческія дѣйствія происходятъ необходимо, то разумѣемъ только, что они навѣрное случатся, если ничто не помѣшаетъ; если же мы говоримъ, что кто не получаетъ пищи, тотъ необходимо умретъ съ голоду, то думаемъ, что это непремѣнно случится, чтó бы мы ни дѣлали въ предупрежденіе слѣдствія. Приложеніе того же термина и къ силамъ, отъ которыхъ зависятъ человѣческія дѣйствія, и къ тѣмъ силамъ природы, которыя дѣйствительно непреодолимы, при долгомъ употребленіи непремѣнно произведетъ мнѣніе о непреодолимости и первыхъ. Между тѣмъ, это чистая мечта. Есть физическія слѣдствія, которыя мы называемъ необходимыми, напримѣръ смерть отъ недостатка пищи или воздуха; есть другія, которыя не называются необходимыми, напр. смерть отъ яда, которую иногда можно предупредить противоядіемъ или употребленіемъ желудочнаго насоса. Люди, хотя помнятъ умомъ, но забываютъ чувствомъ, что человѣческія дѣйствія принадлежатъ къ этому послѣднему разряду: они никогда (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ маніи) не управляются какимъ-нибудь мотивомъ такъ абсолютно, чтобы не допускать вліянія другихъ мотивовъ. Итакъ, причины, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе, никогда не бываютъ непреодолимы; и всякій данный результатъ необходимъ лишь тогда, когда причины, которыя стремятся произвести его, не встрѣчаютъ противодѣйствія. Конечно, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что все, чтó бы ни случилось, не могло не случиться, если не было ничего такого, чтó способно было бы помѣшать случившемуся. Но называть это именемъ необходимости значитъ употреблять этотъ

терминъ въ смыслѣ столь различномъ отъ его первоначальнаго и обыкновеннаго значенія, отъ того, которое онъ имѣетъ въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, что выходитъ почти игра словъ. Ассоціаціи, происходящія отъ обыкновеннаго смысла термина, связываются съ нимъ не смотря на всѣ наши усилія; и хотя ученіе о *необходимости,* какъ его понимаетъ большая часть его приверженцевъ, очень далеко отъ фатализма, однако вѣроятно, что бо́льшая часть нецессаріанцевъ въ своихъ чувствахъ болѣе или менѣе фаталисты.

Фаталистъ вѣритъ или полувѣритъ (потому что послѣдовательныхъ фаталистовъ нѣтъ) не только, что все, что́ случится, будетъ неизбѣжнымъ результатомъ своихъ производящихъ причинъ (таково истинное нецессаріатское ученіе), но что, кромѣ того, безполезно противиться тому, что́ будетъ: оно случится, какъ бы мы ни старались ему воспрепятствовать. Нецессаріанецъ, признающій, что наши дѣйствія зависятъ отъ нашихъ характеровъ, а наши характеры отъ нашей организаціи, отъ воспитанія и отъ нашихъ обстоятельствъ, способенъ, съ бо́льшимъ или съ меньшимъ сознаніемъ стать фаталистомъ въ отношеніи къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ и думать, что его природа такова, или что его воспитаніе и его обстоятельства такъ образовали его характеръ, что ничто не можетъ воспрепятствовать ему чувствовать и дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, или, по крайней мѣрѣ, что этого не могутъ сдѣлать его собственныя усилія. По словамъ секты, которая въ наше время всего усерднѣе проповѣдовала это великое ученіе и всего превратнѣе его понимала, характеръ человѣка образованъ для него, а не *имъ;* слѣдовательно, желаніе человѣка, чтобы его характеръ былъ образованъ иначе, тщетно: человѣкъ не имѣетъ силы измѣнить его. Но это великое заблужденіе. Человѣкъ до извѣстной степени имѣетъ силу измѣнить свой характеръ. Хотя въ послѣдней инстанціи характеръ образованъ для него, однако это не противорѣчитъ тому, что онъ образованъ, отчасти, и *имъ,* какъ одною изъ посредствующихъ силъ. Его характеръ образованъ его обстоятельствами (включая сюда и его особенную организацію), но собственное желаніе человѣка сформировать его извѣстнымъ образомъ есть одно изъ этихъ обстоятельствъ и никакъ не изъ слабѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ прямо желать быть не такими, каковы мы есть. Но точно такъ же и тѣ, которые пред-

Digitized by Google

полагаются образовавшимъ нашъ характеръ, не хотѣли прямо, чтобы мы были тѣмъ, что́ мы есть. Ихъ воля имѣетъ прямую власть только надъ ихъ собственными дѣйствіями. Они сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлали, желая не результата, а пригодныхъ средствъ; такъ и мы, если наши привычки не слишкомъ закоренѣлы, можемъ сдѣлать себя иными подобнымъ желаніемъ пригодныхъ средствъ. Если эти люди могли ставить насъ подъ вліяніе извѣстныхъ обстоятельствъ, то и мы можемъ поставить себя подъ вліяніе другихъ обстоятельствъ. Мы совершенно такъ-же способны образовать нашъ собственный характеръ, *если хотимъ*, какъ другіе способны образовать его для насъ.

Да (отвѣчаетъ приверженецъ Оуэна), но эти слова «если хотимъ» разрушаютъ все дѣло: желаніе измѣнить нашъ собственный характеръ дается намъ не какимъ-нибудь нашимъ собственнымъ усиліемъ, а обстоятельствами, которыя отъ насъ не зависятъ; оно приходитъ къ намъ или отъ внѣшнихъ причинъ, или вовсе не приходитъ. Весьма справедливо; еслибы приверженецъ Оуэна остановился на этомъ, то онъ былъ бы въ положеніи, изъ котораго его не можетъ никто выбить. Нашъ характеръ образуется какъ нами, такъ и для насъ; но желаніе, которое ведетъ насъ къ усиліямъ образовать его, само образуется для насъ: какимъ образомъ? Обыкновенно, не нашею организаціею и даже не вполнѣ нашимъ воспитаніемъ, а нашимъ опытомъ; опытомъ дурныхъ слѣдствій того характера, который мы имѣли прежде, или какимъ-нибудь случайно возбужденнымъ сильнымъ чувствомъ удивленія и влеченія. Но думать, что мы не имѣемъ силы измѣнить нашъ характеръ, и думать, что мы не употребимъ нашей силы, пока не пожелаемъ это сдѣлать,—суть двѣ мысли различныя и производящія на душу весьма различное впечатлѣніе. Человѣкъ, который не желаетъ измѣнить своего характера, никакъ не тотъ же человѣкъ, который пораженъ и убитъ мыслью, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Угнетающее дѣйствіе фаталистическаго ученія можетъ быть чувствуемо только тогда когда *есть* желаніе сдѣлать то, что́ ученіе выставляетъ невозможнымъ. Не важно, то или другое мы считаемъ образующимъ характеръ, если мы не имѣемъ никакого желанія образовать нашъ собственный; но очень важно, чтобы намъ не мѣшала образовать такое желаніе мысль, что дѣло невозможно; важно, чтобы

имѣя желаніе, мы знали, что дѣло не сдѣлано такъ безвозвратно, чтобы его нельзя было измѣнить.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ дѣло ближе, то найдемъ, что это ощущеніе въ себѣ способности измѣнить свой собственный характеръ, если мы этого *желаемъ*, есть самое чувство нравственной свободы, которую мы сознаемъ. Тотъ чувствуетъ себя нравственно свободнымъ, кто чувствуетъ, что его привычки и его увлеченія не владѣютъ имъ, а что онъ ими владѣетъ; кто, даже уступая имъ, знаетъ, что онъ могъ бы устоять; что еслибы онъ пожелалъ отдѣлаться отъ нихъ вовсе, то для этого нужно было бы не болѣе сильное желаніе, чѣмъ какое онъ способенъ питать. Конечно, для того, чтобы сдѣлать полнымъ наше сознаніе свободы, необходимо, чтобы мы успѣвали сдѣлать изъ нашего характера все, что́ мы стремились изъ него сдѣлать: если мы желали и не достигали этого, то, значитъ, мы не имѣемъ силы надъ нашимъ собственнымъ характеромъ, мы не свободны. Или, по крайней мѣрѣ, мы должны чувствовать, что наше желаніе, если не довольно сильно для того, чтобы измѣнить нашъ характеръ, довольно сильно для того, чтобы побѣдить его, если онъ столкнется съ нашимъ желаніемъ въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ.

Приложеніе столь неподходящаго термина какъ *необходимость* къ ученію о причинѣ и дѣйствіи въ отношеніи къ человѣческому характеру, кажется мнѣ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ злоупотребленія терминовъ въ философіи, а его практическія слѣдствія — однимъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ власти, которую имѣетъ языкъ надъ нашими ассоціаціями. Разсматриваемаго нами предмета нельзя будетъ понять, пока не откинуто неумѣстное слово. Ученіе о свободной волѣ, имѣя въ виду именно ту часть истины, которую слово *необходимость* скрываетъ изъ виду, именно способность души содѣйствовать образованію нашего собственнаго характера, дало своимъ приверженцамъ практическое чувство, гораздо болѣе близкое къ истинѣ, чѣмъ то, которое вообще (по моему мнѣнію) существовало въ душахъ нецессаріанцевъ. Послѣдніе, можетъ быть, тверже сознавали важность того, что люди могутъ сдѣлать для образованія характеровъ другъ у друга; но ученіе о свободной волѣ, я думаю, питало въ своихъ послѣдователяхъ болѣе крѣпкій духъ самообразованія.

§ 4. Нужно обратить вниманіе еще на одинъ фактъ (сверхъ существованія силы самообразованія), прежде чѣмъ ученіе о причинности человѣческихъ дѣйствій можетъ быть свободно отъ путаницы и недоразумѣній, окружающихъ его въ нѣкоторыхъ умахъ. Если говорятъ, что воля опредѣляется мотивами, то подъ мотивами не разумѣется всегда или единственно ожиданіе удовольствія или неудовольствія. Я не стану изслѣдовать здѣсь, справедливо ли, что въ началѣ всѣ наши произвольныя дѣйствія суть только чистыя средства, сознательно употребляемыя для того, чтобы получить какое-нибудь удовольствіе или избѣжать какого-нибудь неудовольствія. Достовѣрно по крайней мѣрѣ то, что мы постепенно, посредствомъ вліянія ассоціаціи, приходимъ къ тому, что желаемъ этихъ средствъ, не думая о цѣли: предметомъ желанія становится самое дѣйствіе, и оно совершается безъ всякаго отношенія къ другому мотиву, кромѣ самого себя. Конечно, можно возразить на это, что когда дѣйствіе стало пріятнымъ вслѣдствіе ассоціаціи, то мы, какъ и прежде, побуждаемся ожиданіемъ удовольствія, именно удовольствія самого дѣйствія. Но если и признать это, то дѣло здѣсь не оканчивается. Когда мы постепенно образуемъ свои привычки и привыкаемъ желать извѣстнаго дѣйствія или извѣстнаго поведенія, по причинѣ доставляемаго ими удовольствія, то мы наконецъ продолжаемъ желать ихъ безъ всякаго отношенія къ удовольствію. Хотя бы мы, вслѣдствіе какой-нибудь перемѣны въ нашихъ обстоятельствахъ, и перестали находить удовольствіе въ дѣйствіи или, можетъ быть, ожидать удовольствія какъ его послѣдствія, мы, однако жъ, продолжаемъ желать дѣйствія и потому совершать его. Такимъ образомъ происходитъ, что привычки къ вредному излишеству продолжаютъ исполняться, хотя онѣ давно перестали приносить удовольствіе; такимъ же образомъ происходитъ, что привычка желать дѣйствовать по избранному пути не оставляетъ нравственнаго героя и тогда, когда награда, несомнѣнно находимая имъ въ сознаніи хорошаго дѣйствія, какъ она ни дѣйствительна, все-таки не составляетъ вознагражденія за страданія, которымъ онъ подвергается, или за желанія, отъ которыхъ онъ долженъ отказаться.

Привычка желать обыкновенно называется побужденіемъ, и къ причинамъ нашихъ намѣреній и дѣйствій, которыя изъ нихъ проистекаютъ, должны быть причислены не только склонности и отвращенія, но также и

Digitized by Google

побужденія. Только тогда, когда наши побужденія станутъ независимы отъ чувствъ неудовольствія или удовольствія, которыми они первоначально порождены, можно сказать, что у насъ установившійся характеръ. «Характеръ», говоритъ Навалисъ, «есть вполнѣ сложившаяся воля»: а воля, однажды такимъ образомъ сложившаяся, можетъ быть постоянна и неизмѣнна, хотя бы пассивная воспріимчивость къ удовольствію или неудовольствію ослабѣла или существенно измѣнилась.

Съ данными поправками и объясненіями, ученіе о причинной зависимости нашихъ намѣреній отъ мотивовъ и мотивовъ отъ представившихся намъ желаемыхъ предметовъ, въ сочетаніи съ нашею особенною воспріимчивостію желаній, — можетъ быть считаемо, я надѣюсь, достаточно установленнымъ для цѣлей настоящаго трактата.

ГЛАВА III.

ЧТО СУЩЕСТВУЕТЪ ИЛИ МОЖЕТЪ СУЩЕСТВОВАТЬ НАУКА О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ.

§ 1. Обыкновенно думаютъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ подразумевается въ обыкновенныхъ выраженіяхъ, что мысли, чувства и дѣйствія чувствующихъ существъ не составляютъ предмета науки въ томъ же самомъ строгомъ смыслѣ, въ которомъ это имѣетъ мѣсто относительно предметовъ внѣшней природы. Такое мнѣніе, намъ кажется, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое смѣшеніе идей, которое необходимо уяснить съ самаго начала.

Быть предметомъ науки способны, сами по себѣ, всякіе факты, слѣдующіе одинъ за другимъ по нѣкоторымъ постояннымъ законамъ, хотя бы эти законы не были открыты или даже не могли быть открыты нашими существующими средствами. Возьмемъ, напримѣръ, самый обыкновенный классъ метеорологическихъ явленій, дождь и солнечное сіяніе. Научное изслѣдованіе еще не успѣло удостовѣриться въ порядкѣ предшествованія или послѣдованія между этими явленіями,

такъ чтобы мы могли, по крайней мѣрѣ въ нашихъ областяхъ земли, предсказывать ихъ съ достовѣрностію или хоть съ значительною степенью вѣроятности. Между тѣмъ, несомнѣнно, что эти явленія зависятъ отъ законовъ, а эти законы должны быть производные отъ нѣкоторыхъ конечныхъ законовъ, именно законовъ теплоты, испаренія и упругихъ жидкостей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы мы были знакомы со всѣми предъидущими обстоятельствами, то мы могли бы, именно изъ этихъ общихъ законовъ, предсказать (конечно, не безъ ошибокъ въ вычисленіи) состояніе погоды во всякое будущее время. И потому, метеорологія не только удовлетворяетъ всѣмъ естественнымъ требованіямъ, чтобы быть наукою, но и есть наука, хотя, вслѣдствіе трудности наблюденія фактовъ, отъ которыхъ зависятъ явленія (трудность, происходящая отъ особенной природы этихъ явленій), наука эта весьма несовершенна. Да еслибы она и была совершенна, то, вѣроятно, не приносила бы большой пользы въ практикѣ, такъ какъ данныя, требуемыя для приложенія ея принциповъ къ частнымъ обстоятельствамъ, рѣдко могли бы быть добыты.

Можно представить себѣ случай нѣкотораго средняго состоянія между совершенствомъ науки и ея крайнимъ несовершенствомъ. Можетъ случиться, что важнѣйшія причины, тѣ, отъ которыхъ зависитъ главная доля явленій, доступны наблюденію и измѣренію, такъ что еслибы не было другихъ причинъ, то могло бы быть дано не только полное объясненіе явленія вообще, но и всѣхъ измѣненій и варіяцій, которыя оно допускаетъ. Но такъ какъ другія — можетъ быть, многія — причины, въ отдѣльности незначительныя по своимъ дѣйствіямъ, дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ или во всѣхъ случаяхъ вмѣстѣ съ этими главнѣйшими причинами, то результатъ представляетъ бо́льшее или ме́ньшее уклоненіе отъ того, что́ производилось бы однѣми главными причинами. Но если эти меньшія причины не такъ постоянно доступны или вовсе недоступны правильному наблюденію, то, хотя главная масса результата можетъ быть попрежнему объяснена и даже предсказана, однако окажутся видоизмѣненія, которыхъ мы не будемъ въ силахъ объяснить вполнѣ, и наши предсказанія оправдаются не съ точностію, а только приблизительно.

Таковъ случай, напримѣръ, съ теоріею приливовъ и отливовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Тайдологія (какъ предлагаетъ назвать ее д-ръ

Уэвелль), дѣйствительно, наука. Насколько явленія зависятъ отъ притяженія солнца и луны, мы понимаемъ ихъ вполнѣ и можемъ предсказать ихъ съ достовѣрностію для всякой, даже неизвѣстной мѣстности на земномъ шарѣ; а главная часть явленій зависитъ именно отъ этихъ причинъ. Но обстоятельства мѣстнаго или случайнаго свойства, напр. форма дна океана, расположеніе береговъ, направленіе вѣтра и т. д. во многихъ или, правильнѣе, во всѣхъ мѣстахъ производятъ вліяніе на высоту и время прилива; а какъ часть этихъ обстоятельствъ не можетъ быть вполнѣ извѣстна, или точно измѣрена, или, наконецъ, не можетъ быть навѣрное предсказана, то приливъ въ извѣстныхъ мѣстахъ обыкновенно отступаетъ отъ вычисленнаго результата общихъ началъ на нѣкоторую разницу, которой мы не можемъ объяснить, а въ неизвѣстныхъ мѣстахъ можетъ отличаться отъ него на разницу, которой мы не можемъ предвидѣть или предполагать. Тѣмъ не менѣе, не только достовѣрно, что эти разницы зависятъ отъ нѣкоторыхъ причинъ и слѣдуютъ за своими причинами по законамъ неуклоннаго однообразія; слѣдовательно, не только тайдологія есть наука, подобно метеорологіи, но она есть наука весьма полезная въ практикѣ, чего еще нельзя сказать о метеорологіи. Относительно прилива и отлива; можно установить общіе законы; на этихъ законахъ можно основать предсказанія, и результаты, въ главныхъ чертахъ, хотя часто не вполнѣ точно, будутъ соотвѣтствовать предсказаніямъ.

И вотъ это-то разумѣется или должно быть разумѣемо тѣми, кто говоритъ о наукахъ *неточныхъ*. Астрономія была нѣкогда наукою, не будучи точною наукою. Она не могла стать точною прежде, чѣмъ были объяснены и отнесены къ своимъ причинамъ не только общій ходъ планетныхъ движеній, но также и пертурбаціи. Она стала точною наукою потому, что ея явленія были подведены подъ законы, объемлющіе всю совокупность причинъ, отъ которыхъ они зависятъ въ большой или ничтожной степени, во всѣхъ или только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; подъ законы, указывающіе для каждой изъ этихъ причинъ объемъ дѣйствія, который ей дѣйствительно принадлежитъ. Но въ теоріи приливовъ единственные законы, которые строго дознаны, суть законы причинъ, вліяющихъ на явленіе во всѣхъ случаяхъ и въ значительной степени, между тѣмъ какъ другія причины, дѣйствующія на явленіе только въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ или, если во всѣхъ, то только въ слабой степени, недостаточно дознаны и изучены, такъ что мы не можемъ установить ихъ законовъ; еще менѣе можемъ мы вывести полный законъ явленія, слагая дѣйствія бо́льшихъ причинъ съ дѣйствіями меньшихъ. Такимъ образомъ тайдологія еще наука неточная,—не отъ внутренней неспособности стать такою наукою, а отъ трудности дознать съ полною точностію дѣйствительныя производныя однообразія. Впрочемъ, соображая точные законы бо́льшихъ причинъ и тѣхъ изъ меньшихъ, которыя достаточно извѣстны, съ относящимися къ различнымъ видоизмѣненіямъ эмпирическими законами или приблизительными обобщеніями, какія могутъ быть получены посредствомъ спеціальнаго наблюденія, мы можемъ установить общія предложенія, которыя будутъ вѣрны вообще, и на которыхъ, принимая въ разсчетъ степень ихъ вѣроятной неточности, мы можемъ безопасно основать наши ожиданія и наше поведеніе.

§ 2. Наука о человѣческой природѣ принадлежитъ къ этому разряду. Она очень далека отъ степени точности, достигнутой нынѣ въ астрономіи; но нѣтъ причины, почему бы не признать ее наукою, наравнѣ съ тайдологей, или съ астрономіей, когда вычисленія послѣдней одолѣвали только главныя явленія, а не пертурбаціи.

Явленія, которыми занимается эта наука, суть мысли, чувства и дѣйствія людей, и она достигла бы идеальнаго совершенства науки, еслибы дала намъ возможность предсказывать, какъ данное недѣлимое будетъ мыслить, чувствовать или дѣйствовать въ теченіе жизни, съ тою же достовѣрностію, съ которою астрономія даетъ намъ возможность предсказывать мѣста и затмѣнія небесныхъ тѣлъ. Едвали нужно говорить, что ничего приближающагося къ этому не можетъ быть сдѣлано. Дѣйствія недѣлимыхъ не могутъ быть предсказываемы съ научною точностію уже потому, что мы не можемъ предвидѣть всю совокупность обстоятельствъ, въ которыя будутъ поставлены эти недѣлимыя. Но далѣе, даже въ каждомъ данномъ сочетаніи (настоящихъ) обстоятельствъ, нельзя сдѣлать никакого утвержденія, которое было бы, вмѣстѣ, и точно, и вообще вѣрно, относительно того, какъ люди будутъ думать, чувствовать или дѣйствовать. Однако, это справедливо не потому, чтобы способъ мышленія, чувствованія и дѣйствія каждаго лица не зависѣлъ

Digitized by Google

отъ извѣстныхъ причинъ; точно такъ же несомнѣнно, что еслибы въ отношеніи къ какому-нибудь недѣлимому наши данныя могли быть полны, то мы уже теперь настолько знаемъ послѣдніе законы, опредѣляющіе душевныя явленія, чтобы быть въ состояніи во многихъ случаяхъ предсказать, съ нѣкоторою вѣроятностію, каково будетъ его поведеніе или мнѣніе въ бо́льшей части предполагаемыхъ комбинацій обстоятельствъ. Но впечатлѣнія и дѣйствія людей суть не только результатъ ихъ настоящихъ обстоятельствъ, а совокупный результатъ этихъ обстоятельствъ и характеровъ недѣлимыхъ: вліянія же, опредѣляющія человѣческій характеръ, дотого многочисленны и разнообразны (такъ какъ все, что́ случилось съ человѣкомъ въ теченіе жизни, не остается безъ нѣкотораго вліянія), что въ своей совокупности они никогда не бываютъ совершенно сходны въ какихъ-нибудь двухъ случаяхъ. Итакъ, еслибы даже наша наука о человѣческой природѣ была теоретически совершенна, т. е. еслибы мы могли вычислять всякій характеръ, какъ мы можемъ вычислить орбиту каждой планеты, по извѣстнымъ *даннымъ*, то все-таки мы никогда не имѣемъ всѣхъ данныхъ, они никогда не бываютъ совершенно сходны въ различныхъ случаяхъ, и потому мы не можемъ ни дѣлать положительныхъ предсказаній, ни установлять общихъ предложеній.

Но такъ какъ многія изъ этихъ явленій, которыя всего важнѣе подчинить человѣческому предвидѣнію и контролю, опредѣляются, подобно приливамъ и отливамъ, въ несравненно бо́льшей степени общими причинами, чѣмъ всѣми частными, взятыми вмѣстѣ; такъ какъ они зависятъ наиболѣе отъ такихъ обстоятельствъ и качествъ, которыя общи всему человѣчеству или, по крайней мѣрѣ, большимъ массамъ, и только въ малой степени отъ идіосинкразій организаціи или особой исторіи недѣлимыхъ, то, очевидно, въ отношеніи ко всѣмъ такимъ явленіямъ возможно дѣлать предсказанія, которыя *почти* всегда будутъ оправдываться, и общія предложенія, которыя почти всегда будутъ вѣрны. И каждый разъ, когда достаточно знать, какъ будетъ мыслить, чувствовать или дѣйствовать большинство человѣческаго племени или какой-нибудь націи, какого-нибудь класса людей, эти предложенія получаютъ силу всеобщихъ предложеній. Для цѣлей политической и соціальной

науки этого достаточно. Какъ мы замѣтили выше (¹), приблизительное обобщеніе въ соціальныхъ изслѣдованіяхъ, въ бо́льшей части практическихъ случаевъ, имѣетъ силу точнаго обобщенія; то, что́ только вѣроятно, когда утверждается объ индивидуальныхъ людяхъ, взятыхъ безъ различія, достовѣрно, когда утверждается о характерѣ и коллективномъ поведеніи массъ.

Итакъ, наука о человѣческой природѣ не унижается тѣмъ, что тѣ изъ ея общихъ предложеній, которыя достаточно входятъ въ подробности, чтобы служить основаніемъ для предсказанія явленій въ частности, большею частію вѣрны только приблизительно. Но, чтобы дать изслѣдованію чисто научный характеръ, необходимо эти приблизительныя обобщенія, которыя сами по себѣ достигли бы только самого низшаго разряда эмпирическихъ законовъ, дедуктивно связать съ законами природы, изъ которыхъ они вытекаютъ, свести на свойства причинъ, отъ которыхъ зависятъ явленія. Другими словами, науку о человѣческой природѣ можно считать существующею въ той мѣрѣ, въ какой приблизительныя истины, составляющія практическое познаніе человѣчества, могутъ быть выдаваемы за слѣдствія изъ общихъ законовъ человѣческой природы, на которыхъ они основаны; чрезъ это будутъ показаны настоящія границы упомянутыхъ приблизительныхъ истинъ, и мы, въ ожиданіи спеціальнаго опыта, будемъ въ состояніи выводить другія истины для всякаго новаго сочетанія обстоятельствъ.

Высказанное нами предложеніе послужитъ текстомъ, комментаріи на который составятъ двѣ слѣдующія главы.

ГЛАВА IV.

О ЗАКОНАХЪ ДУШИ.

§ 1. Рѣшать, что́-такое душа, что́-такое вещество, а также всякій другой вопросъ, касающійся вещей въ самихъ себѣ, какъ отличныхъ отъ ихъ чувственныхъ проявленій, — не входитъ въ предметъ

(¹) См. стран. 130

настоящаго трактата. Здѣсь, какъ и въ продолженіе всего нашего изслѣдованія, мы воздержимся отъ всякихъ умозрѣній относительно собственной природы души и подъ законами души будемъ понимать законы душевныхъ явленій, то есть различныхъ чувствъ или состояній сознанія чувствующихъ существъ. Эти состоянія, согласно классификаціи, которой мы постоянно слѣдовали, суть *мысли*, *возбужденія*, *желанія* и *ощущенія:* послѣднія столь же истинно состоянія души, какъ и три первые разряда. Въ самомъ дѣлѣ, объ ощущеніяхъ принято говорить, какъ о состояніяхъ тѣла, а не души. Но это только обыкновенное смѣшеніе, происходящее оттого, что одно и то же имя дается явленію и ближайшей причинѣ или условіямъ явленія. Непосредственный антецедентъ ощущенія есть состояніе тѣла, но самое ощущеніе есть состояніе души. Если слово душа означаетъ что-нибудь, то означаетъ именно то, что́ чувствуетъ. Какого бы мнѣнія мы ни держались относительно основнаго тожества или различія души и тѣла, во всякомъ случаѣ — различіе между душевными и физическими фактами, между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ всегда будетъ существовать какъ предметъ классификаціи, и въ этой классификаціи, ощущенія, подобно другимъ чувствамъ, должны быть причислены къ душевнымъ явленіямъ. Только механизмъ ихъ происхожденія, какъ въ самомъ тѣлѣ, такъ и въ томъ, что̀ называется внѣшнею природою, — вотъ одно, что̀ можетъ быть съ нѣкоторымъ основаніемъ причислено къ физическимъ явленіямъ.

Итакъ, явленія души суть различныя чувства нашей природы, какъ тѣ, которыя неправильно называются физическими, такъ и тѣ, которыя въ частности называются душевными; и подъ законами души я разумѣю законы, по которымъ эти чувства порождаютъ одно другое.

§ 2. Всѣ состоянія души непосредственно производятся или другими состояніями души, или состояніями тѣла. Когда какое-нибудь состояніе души производится другимъ состояніемъ души, я называю законъ, по которому это происходитъ *закономъ души*. Когда состояніе души производится непосредственно состояніемъ тѣла, то законъ есть *законъ тѣла* и принадлежитъ къ физической наукѣ.

Относительно тѣхъ состояній души, которыя называются ощущеніями, всѣ согласны, что ихъ непосредственные антецеденты суть со-

стоянія тѣла. Каждое ощущеніе имѣетъ своею ближайшею причиною нѣкоторое возбужденіе той части нашего организма, которая называется нервною системою; возбужденіе происходитъ или отъ дѣйствія какого-нибудь внѣшняго предмета, или отъ какого-нибудь патологическаго состоянія самой нервной организаціи. Законы этой части нашего существа — разнообразіе нашихъ ощущеній и физическія условія, отъ которыхъ они ближайшимъ образомъ зависятъ, очевидно принадлежатъ къ области физіологіи.

Зависитъ ли и остальная часть нашихъ душевныхъ состояній точно такъ же отъ физическихъ условій, есть одинъ изъ *vexatæ questiones* науки о человѣческой природѣ. Все еще спорятъ о томъ, не порождаются ли наши мысли, возбужденія и желанія при посредствѣ матеріальнаго механизма; не имѣемъ ли мы органовъ мысли и возбужденія въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ имѣемъ органы чувствъ. Многіе отличные физіологи даютъ утвердительный отвѣтъ. Они утверждаютъ (напримѣръ), что мысль есть такой же результатъ нервной дѣятельности, какъ ощущеніе; что нѣкоторое особенное состояніе нашей нервной системы, въ особенности центральной части, называемой мозгомъ, непремѣнно предшествуетъ каждому состоянію нашего сознанія и непремѣнно имъ предполагается. По этой теоріи, одно состояніе души въ дѣйствительности никогда не производится другимъ: всѣ они производятся состояніями тѣла. Когда одна мысль, повидимому, вызываетъ другую по закону ассоціаціи, то въ дѣйствительности, не мысль вызываетъ мысль; ассоціація существовала не между двумя мыслями, а между двумя состояніями мозга или нервовъ, предшествовавшими мыслямъ: одно изъ этихъ состояній вызываетъ другое, и каждое сопровождается при своемъ появленіи тѣмъ особеннымъ состояніемъ сознанія, которое составляетъ его слѣдствіе. По этой теоріи однообразіе послѣдовательности душевныхъ состояній есть только производное однообразіе, происходящее отъ законовъ послѣдовательности тѣлесныхъ состояній, которыя ихъ причиняютъ. Коренныхъ *душевныхъ законовъ*, законовъ духа, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю этотъ терминъ, вовсе нѣтъ: и наука духа есть только отрасль физіологіи, хотя самая высшая и трудная. Согласно съ этимъ г. Контъ предоставляетъ изученіе нравственныхъ и умственныхъ явленій исключительно физіологамъ и не только отрицаетъ научный характеръ

психологіи или собственно такъ называемой *душевной философіи*, но, по химерическому свойству ея предметовъ и притязаній, ставитъ ее почти наравнѣ съ астрологіей.

Но, послѣ того, какъ сказано все, что можно сказать, остается несомнѣннымъ, что между душевными состояніями существуютъ однообразія послѣдовательности и что они могутъ быть дознаны наблюденіемъ и опытомъ. Далѣе, что каждое душевное состояніе имѣетъ своимъ непосредственнымъ антецедентомъ и своею ближайшею причиною нѣкоторое нервное состояніе, — это хотя и весьма вѣроятно, но не можетъ еще считаться доказаннымъ столь же строго, какъ это доказано относительно ощущеній; и будь это даже достовѣрно, то каждый долженъ бы былъ допустить, что мы совершенно ничего не знаемъ о качествѣ этихъ нервныхъ состояній; мы не знаемъ, и въ настоящее время не можемъ знать, въ какомъ отношеніи одно изъ нихъ отличается отъ другаго; единственное наше средство изучать ихъ послѣдовательность или единовременность состоитъ въ наблюденіи послѣдовательности и единовременности душевныхъ состояній, которымъ они, по предположенію, служатъ источникомъ или причиною. Итакъ, послѣдовательность, существующая между психическими явленіями, не можетъ быть выводима изъ физіологическихъ законовъ нашей нервной организаціи; и всякаго дѣйствительнаго познанія ея нужно попрежнему искать, на долгое время, если не навсегда, въ прямомъ изученіи, посредствомъ наблюденія и опыта, послѣдовательности явленій въ самой душѣ. Если же поэтому порядокъ нашихъ душевныхъ явленій долженъ быть изучаемъ на этихъ явленіяхъ, а не выводимъ изъ законовъ какихъ-нибудь болѣе общихъ явленій, то существуетъ отдѣльная и особая *наука о душѣ*.

Дѣйствительно, никогда не должно упускать изъ виду отношеній науки о душѣ къ физіологіи или пренебрегать этими отношеніями. Отнюдь не слѣдуетъ забывать, что законы души могутъ быть производными законами, вытекающими изъ законовъ животной жизни, и что истинность ихъ окончательно опирается, можетъ быть, на физическія условія; вліяніе физіологическихъ состояній или физіологическихъ измѣненій на измѣненіе или нарушеніе душевныхъ послѣдовательностей есть одинъ изъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ психологической науки. Но, съ другой стороны, отвергать пособіе психологическаго анализа и строить теорію

души на однѣхъ тѣхъ данныхъ, какія представляетъ физіологія въ настоящее время, кажется мнѣ важною ошибкой въ принципѣ и еще бо́льшей на практикѣ. Какъ ни несовершенна наука о душѣ, я, не колеблясь, утверждаю, что она ушла впередъ значительно дальше, чѣмъ соотвѣтствующая ей часть физіологіи; и отказываться отъ первой изъ-за послѣдней, по моему мнѣнію, значитъ нарушать истинныя правила индуктивной философіи, отчего должны произойти и происходятъ ошибочныя заключенія въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ отдѣлахъ науки о человѣческой природѣ.

§ 3. Итакъ, предметъ *психологіи* составляютъ однообразія послѣдовательности, законы, самобытные или производные, по которымъ наши душевныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ, по которымъ одно причиняется другимъ или, по крайней мѣрѣ, вынуждено слѣдовать за нимъ. Изъ этихъ законовъ одни общіе, другіе болѣе частные. Вотъ примѣры наиболѣе общихъ законовъ.

Первое. Если какое-нибудь состояніе сознанія разъ было возбуждено въ насъ, все равно, какою бы ни было причиною,—то низшая степень того же состоянія сознанія—состоянія, подобнаго первому, но слабѣйшаго по напряженію, — можетъ быть воспроизведена въ насъ въ отсутствіи всякой причины, возбудившей его въ первый разъ. Такъ, если мы однажды видѣли или касались нѣкотораго предмета, то мы можемъ потомъ думать объ этомъ предметѣ, хотя бы онъ былъ далекъ отъ нашего зрѣнія или нашего осязанія. Если мы при какомъ-нибудь событіи чувствовали радость или горе, то мы можемъ думать или вспоминать о прошломъ горѣ и прошлой радости, хотя бы съ нами вновь не происходило ничего горестнаго или радостнаго. Когда поэтъ создалъ духовный образъ какого-нибудь воображаемаго предмета, Замка праздной нѣги, или Уны, или Гамлета, то онъ можетъ потомъ думать объ идеальномъ предметѣ, имъ созданномъ, безъ всякаго новаго акта умственнаго сочетанія. Этотъ законъ выражается на языкѣ Юма такъ: каждое душевное *впечатлѣніе* имѣетъ свою *идею*.

Второе. Эти идеи или вторичныя душевныя состоянія возбуждаются нашими впечатлѣніями или другими идеями по извѣстнымъ законамъ, называемымъ *законами ассоціаціи*. Первый изъ этихъ законовъ тотъ, что подобныя идеи возбуждаютъ одна другую. Второй тотъ, что

когда два впечатлѣнія были часто испытываемы (или даже мыслимы) или одновременно, или въ непосредственной послѣдовательности, то когда одно изъ этихъ впечатлѣній или идея его повторится, они стремятся возбудить идею другаго. Третій законъ тотъ, что бо́льшее напряженіе каждаго или обоихъ впечатлѣній, производя возбуждаемость одного посредствомъ другаго, равняется болѣе частому повторенію ихъ сочетанія. Вотъ законы идеи; я не буду распространяться о нихъ въ этомъ мѣстѣ, а отошлю читателя къ чисто психологическимъ сочиненіямъ, именно къ Миллеву *Analysis of the Phenomena of the Human Mind* (Анализъ явленій человѣческой души), гдѣ обильно объяснены примѣрами и мастерски изложены главные законы ассоціаціи, вмѣстѣ со многими ихъ приложеніями (¹).

Эти простые или элементарные законы души были найдены обыкновенными методами опытнаго изслѣдованія; они и не могли быть найдены какимъ-нибудь другимъ способомъ. Но когда такимъ образомъ получено нѣкоторое число элементарныхъ законовъ, дальнѣйшею задачею научнаго изслѣдованія будетъ опредѣлить, насколько эти законы могутъ объяснить дѣйствительныя явленія. Ясно, что сложные законы мысли и чувства не только могутъ, но и должны происходить отъ этихъ простыхъ законовъ. И нужно замѣтить, что тутъ не всегда бываетъ случай составленія причинъ: результатъ содѣйствующихъ причинъ не всегда составляетъ точную сумму дѣйствій этихъ причинъ, взятыхъ отдѣльно, ни даже непремѣнно результатъ одного рода съ этими дѣйствіями. Обращаясь къ различію, занимающему такое важное мѣсто въ теоріи наведенія, мы должны сказать, что законы явленій души иногда подобны механическимъ, а иногда химическимъ законамъ. Если нѣсколько впе-

---

(¹) Глава эта была написана прежде чѣмъ г. Бэнъ издалъ первую часть своего глубокаго Трактата о душѣ «The Senses and the Intellect» (Чувства и умъ). Въ ней законы ассоціаціи установлены въ большемъ объемѣ и обильнѣе пояснены примѣрами, чѣмъ у всѣхъ предъидущихъ писателей; и это сочиненіе, будучи дополнено изданіемъ «The Emotions and the Will» (Душевныя движенія и воля), можетъ быть указано, какъ самое полное аналитическое изложеніе душевныхъ явленій, на основаніи правильнаго наведенія.

Многія поразительныя приложенія законовъ ассоціаціи къ объясненію сложныхъ душевныхъ явленій могутъ быть также найдены у Герберта Спенсера, въ его «Principles of Psychology» (Основанія психологіи).

чатлѣній или идей дѣйствуютъ въ душѣ вмѣстѣ, то происходитъ иногда процессъ, подобный химическому соединенію. Когда впечатлѣнія были испытываемы въ соединеніи такъ часто, что каждое изъ нихъ легко и мгновенно вызываетъ идеи цѣлой группы, то эти идеи иногда сливаются между собою и кажутся не нѣсколькими идеями, а одною, точно такъ же, какъ семь призматическихъ цвѣтовъ, представляясь глазу въ быстрой послѣдовательности, производятъ ощущеніе бѣлаго. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ правильнѣе сказать, что семь цвѣтовъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ, *порождаютъ* бѣлый цвѣтъ, а не то, что они *суть* бѣлый цвѣтъ. Такъ же, мнѣ кажется, о сложной идеѣ, образуемой сліяніемъ нѣсколькихъ простѣйшихъ, когда она дѣйствительно кажется простою (т. е. когда отдѣльные элементы въ ней сознательно не различимы), нужно говорить, что она *производится* или *порождается* простыми идеями, а не *состоитъ* изъ нихъ. Наша идея объ апельсинѣ *состоитъ* изъ простыхъ идей объ извѣстномъ цвѣтѣ, извѣстной формѣ, извѣстномъ вкусѣ и запахѣ и пр., такъ какъ, допрашивая наше сознаніе, мы можемъ найти въ нашей идеѣ всѣ эти элементы. Но въ столь простомъ, повидимому, ощущеніи, какъ наше воспріятіе глазомъ формы какого-нибудь предмета, мы не можемъ найти всего того множества идей, проистекающихъ изъ другихъ чувствъ, безъ котораго, какъ навѣрное извѣстно, не могло бы существовать никакое зрительное воспріятіе этого рода; точно такъ же въ нашей идеѣ о *протяженіи* мы не можемъ открыть тѣхъ элементарныхъ идей о сопротивленіи, происходящихъ отъ нашего мускульнаго устройства, въ которыхъ, какъ показали д-ръ Броунъ и другіе, находится источникъ этой идеи. Итакъ, вотъ случаи душевной химіи, въ которыхъ приличнѣе сказать, что простыя идеи порождаютъ, а не составляютъ сложную.

Въ отношеніи ко всѣмъ другимъ элементамъ души, ея вѣрованіямъ, ея абстрактнымъ понятіямъ, ея чувствамъ, волненіямъ и желаніямъ, нѣкоторые (въ томъ числѣ Гертли и авторъ Анализа) думаютъ, что все это порождается простыми идеями ощущенія, посредствомъ химіи, похожей на ту, примѣры которой мы привели. Я не могу согласиться на то, чтобы подобное заключеніе, при настоящемъ состояніи науки, было вполнѣ доказано. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я даже не могу убѣдиться, что принятый способъ доказательства ведетъ къ такому заключенію. Въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, эти философы правильно показали, что существуетъ такая вещь, какъ душевная химія, что разнородная природа чувства A по отношенію къ чувствамъ B и C не есть еще твердое доказательство, что A не происходитъ отъ B и C. Доказавши это, они стараются показать, что гдѣ было найдено A, тамъ B и C присутствовали или могли присутствовать. Почему же, спрашиваютъ они, A не могло быть порождено B и C? Но еслибы даже это доказательство было доведено до высочайшей степени полноты, какую только оно допускаетъ; еслибы было показано (чего не было сдѣлано), что извѣстныя группы содружественныхъ идей не только могли быть, но и дѣйствительно присутствовали всякій разъ, когда было испытываемо болѣе темное душевное чувство, — то все это составило бы только приложеніе *метода совпаденія*, а никакъ не доказало бы причинности, пока не было бы подтверждено болѣе прочнымъ доказательствомъ *метода разницы*. Если вопросъ въ томъ, составляетъ ли *вѣрованіе* простой случай близкой ассоціаціи идей, то необходимо было бы изслѣдовать путемъ опыта, справедливо ли, что идеи, какъ скоро онѣ ассоціированы съ требуемою степенью близости, порождаютъ вѣрованіе. Если изслѣдуется источникъ нравственныхъ чувствъ, напримѣръ нравственнаго осужденія, то первымъ дѣломъ будетъ сравнить всѣ разновидности дѣйствій или душевныхъ состояній, которыя когда-либо нравственно осуждаются, и потомъ посмотрѣть, можно ли во всѣхъ этихъ случаяхъ показать, что дѣйствіе или состояніе души было связано въ осуждающей душѣ, посредствомъ ассоціаціи, съ какимъ-нибудь особымъ классомъ ненавистныхъ противныхъ идей. Методъ, который такимъ образомъ будетъ употребленъ, есть методъ *совпаденія*. Но этого мало. Предполагая, что совпаденіе доказано, мы должны, посредствомъ метода разницы, изслѣдовать: производитъ ли данный особенный родъ ненавистныхъ или противныхъ идей, когда онъ ассоціируется съ дѣйствіемъ вообще безразличнымъ, то, что дѣйствіе это становится предметомъ нравственнаго осужденія. Если на этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно, то будетъ дознанъ законъ человѣческой души, что ассоціація этого особаго вида составляетъ производящую причину нравственнаго осужденія. Но этихъ опытовъ или вовсе не дѣлали, или не дѣлали съ такою точностію, какая требуется для твердости доказательства; и, принимая во вниманіе трудность точныхъ опытовъ

надъ человѣческою душою, вѣроятно, что положеніе дѣла еще долго не измѣнится.

Далѣе, нужно помнить, что еслибы даже было доказано все, утверждаемое этою теоріею душевныхъ явленій, то мы все-таки не получили бы возможности разложить законы болѣе сложныхъ чувствъ на законы чувствъ болѣе простыхъ. Порожденіе одного класса душевныхъ явленій другимъ, когда оно можетъ быть доказано, составляетъ крайне интересный фактъ въ психологической химіи; но оно точно такъ же не избавляетъ насъ отъ необходимости путемъ опыта изучать порождаемое явленіе, какъ знаніе свойствъ кислорода и сѣры не даетъ намъ возможности вывести свойства сѣрной кислоты безъ особаго наблюденія и опыта. Итакъ, каковъ бы ни былъ окончательный исходъ попытокъ объяснить происхожденіе нашихъ сужденій и нашихъ желаній изъ болѣе простыхъ душевныхъ явленій, тѣмъ не менѣе требуется изслѣдовать послѣдовательность самихъ сложныхъ явленій особымъ изученіемъ сообразно съ законами индукціи. Такъ въ отношеніи къ *вѣрованію* психологи всегда должны будутъ изслѣдовать, какія вѣрованія даются намъ прямымъ сознаніемъ и по какимъ законамъ одно вѣрованіе производитъ другое; каковы законы, въ силу которыхъ одна вещь признается нами, правильно или неправильно, за доказательство другой вещи. Въ отношеніи къ *желанію* они должны изслѣдовать, какихъ предметовъ мы желаемъ естественно и какія причины заставляютъ насъ желать вещей, первоначально для насъ безразличныхъ или даже непріятныхъ, и т. д. Можно замѣтить, что общіе законы ассоціаціи господствуютъ точно такъ же надъ этими болѣе сложными душевными состояніями, какъ и надъ болѣе простыми. Желаніе, волненіе или идея въ высшей степени отвлеченная, даже наши сужденія и акты воли, когда они стали привычными, вызываются ассоціаціею по совершенно тѣмъ же законамъ, какъ наши простыя идеи.

§ 4. При этихъ изслѣдованіяхъ естественно и необходимо разсмотрѣть, насколько произведеніе одного состоянія души другимъ подвержено вліянію какого-нибудь опредѣленнаго состоянія тѣла. Обыкновеннѣйшее наблюденіе показываетъ, что различныя души въ различной степени воспріимчивы къ дѣйствію тѣхъ же самыхъ психологическихъ причинъ. Такъ, напримѣръ, идея даннаго желаемаго предмета возбуждаетъ

въ различныхъ душахъ весьма неравныя степени напряженія желанія. Тотъ же самый предметъ размышленія, представившійся различнымъ душамъ, возбудитъ въ нихъ весьма неодинаковыя степени умственной дѣятельности. Эти различія душевной воспріимчивости въ различныхъ недѣлимыхъ могутъ быть, вопервыхъ, первоначальными и послѣдними фактами, или, во-вторыхъ, они могутъ быть слѣдствіями предшествовавшей душевной исторіи этихъ недѣлимыхъ, или, наконецъ вретьихъ, они могутъ зависѣть отъ различія физической организаціи. Что предшествовавшая душевная исторія недѣлимыхъ должна имѣть нѣкоторое участіе въ произведеніи или видоизмѣненіи ихъ всецѣлаго душевнаго характера,—это есть неизбѣжное слѣдствіе законовъ души; но что различія въ тѣлесномъ устройствѣ также содѣйствуютъ образованію характера, есть мнѣніе всѣхъ физіологовъ, подтверждаемое общимъ опытомъ. Нужно сожалѣть, что до сихъ поръ этотъ опытъ, будучи признаваемъ вообще, безъ должнаго анализа, былъ полагаемъ въ основаніе эмпирическихъ обобщеній самыхъ вредныхъ для успѣховъ истиннаго знанія.

Достовѣрно, что естественныя различія, дѣйствительно существующія въ душевныхъ предрасположеніяхъ или воспріимчивостяхъ различныхъ часто лицъ, не безъ связи съ различіями въ ихъ органическомъ устройствѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что эти органическія различія должны во всѣхъ случаяхъ, прямо и непосредственно, вліять на душевныя явленія. Они часто дѣйствуютъ на нихъ чрезъ посредство своихъ психологическихъ причинъ. Напримѣръ, идея какого-нибудь опредѣленнаго удовольствія можетъ возбуждать въ различныхъ лицахъ, даже независимо отъ ихъ привычекъ и воспитанія, желанія весьма различной силы, и это можетъ быть результатомъ различныхъ степеней или родовъ ихъ нервной воспріимчивости; но нужно помнить, что эти органическія различія дѣлаютъ и само пріятное ощущеніе болѣе напряженнымъ въ одномъ изъ этихъ лицъ, чѣмъ въ другомъ, такъ что и идея удовольствія будетъ болѣе напряженнымъ ощущеніемъ и, посредствомъ дѣйствія однихъ душевныхъ законовъ, возбудитъ болѣе напряженное желаніе. При этомъ нѣтъ необходимости предполагать, что самое желаніе прямо подвержено вліянію физической особенности. Какъ въ приведенномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ тѣми различіями въ родѣ или въ напряженіи физическихъ ощущеній, которыя необходимо должны происходить отъ раз-

личія тѣлесной организаціи, объясняются многія различія не только въ степени, но и въ родѣ другихъ душевныхъ явленій. Это дотого справедливо, что даже различныя *качества* души, различные типы душевнаго характера, естественнымъ образомъ производятся одними различіями въ *напряженіи* ощущеній вообще; это весьма хорошо показано въ прекрасной статьѣ д-ра Пристли, упомянутой въ одной изъ предъидущихъ главъ:

«Ощущенія, составляющія элементы всякаго познанія, получаются или одновременно, или послѣдовательно; если получается одновременно нѣсколько ощущеній, напр. запахъ, вкусъ, цвѣтъ, форма и пр. какого-нибудь плода, то ихъ совокупная ассоціація составляетъ идею *предмета*; если же они получаются послѣдовательно, то ихъ ассоціація производитъ идею *событія*. Итакъ, все, что́ благопріятствуетъ ассоціаціямъ одновременныхъ идей, будетъ стремиться произвести познаніе предметовъ, воспріятіе качествъ, тогда какъ все, что́ благопріятствуетъ ассоціаціи въ послѣдовательномъ порядкѣ, будетъ стремиться произвести познаніе событій, порядка случаевъ и связи причины и дѣйствія: другими словами, въ одномъ случаѣ результатомъ будетъ воспріимчивая душа, съ разборчивымъ чувствомъ пріятныхъ и непріятныхъ свойствъ вещей, пониманіе великаго и прекраснаго; въ другомъ случаѣ — душа внимательная къ движеніямъ и явленіямъ, мыслящій и философскій умъ. Но признано какъ принципъ, что всѣ ощущенія, испытанныя въ теченіе какого-нибудь живаго впечатлѣнія, бываютъ крѣпко ассоцированы съ нимъ и между собою. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что одновременныя ощущенія чувствительной натуры (т. е. такой, которая получаетъ живыя впечатлѣнія) будутъ тѣснѣе слиты, чѣмъ въ душѣ, образованной иначе? Если эта догадка основательна, то она ведетъ къ немаловажному заключенію, именно, — что если природа одарила какого-нибудь человѣка большою первоначальною чувствительностію, то онъ, вѣроятно, будетъ отличаться любовью къ естественной исторіи, пониманіемъ прекраснаго и великаго и нравственнымъ энтузіазмомъ, между тѣмъ какъ при посредственной чувствительности результатомъ, вѣроятно, будетъ любовь къ наукѣ, къ отвлеченной истинѣ, при слабости вкуса и энтузіазма.»

Изъ этого примѣра мы видимъ, что когда общіе законы души из-

вѣстны болѣе точно и, главное, болѣе искусно прилагаются къ подробному изъясненію душевныхъ особенностей, то они даютъ отчетъ въ гораздо большемъ числѣ этихъ особенностей, чѣмъ это обыкновенно предполагается. Къ сожалѣнію, реакція послѣдняго и настоящаго поколѣнія противъ философіи восемнадцатаго столѣтія произвела весьма общее пренебреженіе къ этому великому отдѣлу аналитическаго изслѣдованія. Вслѣдствіе этого, настоящіе успѣхи его ни мало не пропорціональны его прежнимъ обѣщаніямъ. Большинство тѣхъ, кто размышляетъ о человѣческой природѣ, предпочитаютъ скорѣе догматически принимать, что душевныя различія, которыя они замѣчаютъ или думаютъ замѣчать между людьми, суть послѣдніе факты, которые не могутъ быть ни объяснены, ни измѣнены, чѣмъ постараться, посредствомъ надлежащихъ пріемовъ мысли, дойти до возможности отнести эти душевныя различія къ внѣшнимъ причинамъ, которыми они большею частію производятся и съ удаленіемъ которыхъ они перестали бы существовать. Германская школа метафизическаго умозрѣнія, которая еще не потеряла своего временнаго господства въ европейской мысли, сказала, въ числѣ другихъ вредныхъ вліяній, и это; а на противоположномъ концѣ психологической лѣствицы ни одинъ писатель, какъ прежняго, такъ и нынѣшняго времени, не былъ въ большей степени виноватъ въ этомъ уклоненіи отъ истинно научнаго духа, чѣмъ Контъ.

Достовѣрно, что, по крайней мѣрѣ въ людяхъ, различія въ воспитаніи и во внѣшнихъ обстоятельствахъ могутъ дать полное объясненіе наибольшей части характера и что все остальное, большею частію, объяснимо физическими различіями въ ощущеніяхъ, производимыхъ въ различныхъ недѣлимыхъ одною и тою же внѣшнею или внутреннею причиною. Есть, однако же, нѣкоторые душевные факты, которые, повидимому, не допускаютъ этого способа объясненія. Таковы, если возьмемъ самый важный случай, различные инстинкты животныхъ и часть человѣческой природы, соотвѣтствующая этимъ инстинктамъ. Не было предложено, даже въ видѣ гипотезы, ни одного способа найти имъ какое-нибудь удовлетворительное или хоть вѣроятное объясненіе посредствомъ однѣхъ психологическихъ причинъ; слѣдовательно, есть важное основаніе думать, что они имѣютъ такую же положительную и даже прямую и непосредственную связь съ физическими условіями мозга и

нервовъ, какъ любыя изъ нашихъ простыхъ ощущеній. Предположеніе это (можетъ быть, не лишне добавить) нисколько не противорѣчитъ неоспоримому факту, что эти инстинкты могутъ быть или вовсе подавлены, или видоизмѣнены до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ у людей, другими душевными вліяніями и воспитаніемъ.

Производятъ ли органическія причины прямое вліяніе на какія-нибудь другіе классы душевныхъ явленій, до сихъ поръ столь же мало извѣстно, какъ и точное свойство органическихъ условій даже въ примѣненіи къ самимъ инстинктамъ. Впрочемъ, физіологія мозга и нервной системы движется впередъ такъ быстро и постоянно добываетъ такіе новые и интересные результаты, что если дѣйствительно существуетъ связь между душевными особенностями и какими-нибудь уловимыми для нашихъ чувствъ различіями въ устройствѣ мозговаго и нервнаго аппарата, то мы идемъ наилучшею дорогою къ открытію природы этой связи. Послѣднія открытія въ физіологіи мозга, повидимому, доказали, что всякая могущая существовать связь такого рода имѣетъ характеръ, коренным образомъ различный отъ того, какой предполагали Галль и его послѣдователи, и какова бы ни оказалась истинная теорія этого предмета, френологія во всякомъ случаѣ должна быть отвергнута.

ГЛАВА V.

ОБЪ ЭТОЛОГІИ, ИЛИ НАУКѢ ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ХАРАКТЕРА.

§ 1. Законы души, какъ мы ихъ характеризовали въ предъидущей главѣ, составляютъ общую или отвлеченную часть философіи человѣческой природы; и всѣ обычно-опытныя истины, составляющія практическое познаніе человѣчества, должны, насколько они справедливы, быть результатами или слѣдствіями этихъ законовъ. Обычныя же истины, собираемыя a posteriori изъ наблюденія жизни, занимаютъ между истинами науки мѣсто того, о чемъ въ нашемъ анализѣ индукціи мы такъ часто говорили подъ именемъ *эмпирическихъ законовъ*.

Digitized by Google

Эмпирическій законъ (нужно помнить) есть однообразіе или послѣдовательности, или сосуществованія, которое оказывается истиннымъ во всѣхъ случаяхъ въ дѣлахъ нашего наблюденія; но, по своей природѣ, онъ не внушаетъ убѣжденія, что будетъ истиненъ и внѣ этихъ предѣловъ,—или потому, что послѣдующее не есть дѣйствительное произведеніе предъидущаго, а составляетъ вмѣстѣ съ нимъ только часть цѣпи дѣйствій, проистекающихъ изъ болѣе раннихъ, еще не найденныхъ причинъ, или такъ какъ есть основаніе думать, что послѣдовательность (хотя она есть случай причинности) можетъ разрѣшиться на болѣе простыя послѣдовательности и, завися отъ стеченія нѣсколькихъ естественныхъ силъ, подвержена неизвѣстному количеству возможностей противодѣйствія. Другими словами, эмпирическій законъ есть обобщеніе, относительно котораго, не довольствуясь тѣмъ, что находимъ его истиннымъ, мы принуждены спросить, почему оно истинно? такъ какъ мы знаемъ, что его истинность не абсолютна, а зависитъ отъ нѣкоторыхъ болѣе общихъ условій и что мы можемъ полагаться на него только будучи увѣрены, что эти условія осуществлены.

Наблюденія, относящіяся къ человѣческимъ дѣламъ и взятыя изъ обыкновеннаго опыта, представляютъ именно это свойство. Даже еслибы они были вообще и строго вѣрны въ предѣлахъ опыта, чего никогда не бываетъ, то все-таки они не послѣдніе законы человѣческихъ дѣйствій; они не принципы человѣческой природы, а результаты этихъ принциповъ при обстоятельствахъ, въ которыхъ случилось находиться человѣчеству. Когда поэтъ «во гнѣвѣ своемъ говоритъ, что всякій человѣкъ ложь», онъ говоритъ то, что́ въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ странахъ подтверждается обширнымъ опытомъ; но лгать не есть законъ человѣческой природы, хотя одно изъ слѣдствій законовъ человѣческой природы то, что ложь почти всеобща, когда всеобщи извѣстныя внѣшнія обстоятельства, именно обстоятельства, производящія постоянное недовѣріе и страхъ. Когда о характерѣ стариковъ говорятъ, что онъ остороженъ, а о характерѣ молодыхъ, что онъ порывистъ, то это опять эмпирическій законъ; молодые порывисты не по причинѣ ихъ молодости, и старики осторожны не по причинѣ ихъ старости. Главнымъ образомъ, если не всецѣло, это бываетъ потому, что старые, въ теченіе столькихъ лѣтъ своей

жизни, видѣли обыкновенно многія изъ ея различныхъ бѣдствій и, пострадавши или видѣвши, какъ другіе страдаютъ отъ неосторожности, пріобрѣли ассоціаціи, благопріятныя для осмотрительности, между тѣмъ какъ молодые, и вслѣдствіе отсутствія подобной опытности, и вслѣдствіе бо́льшей силы наклонностей, побуждающихъ къ предпріятіямъ, легче вдаются въ послѣднія. Вотъ *объясненіе* эмпирическаго закона; вотъ условія, которыя окончательно опредѣляютъ, господствуетъ ли этотъ законъ, или нѣтъ. Если старый человѣкъ былъ не болѣе молодаго въ столкновеніяхъ съ опасностями и затрудненіями, то онъ будетъ столько же неостороженъ; если у юноши наклонности не сильнѣе, чѣмъ у стараго человѣка, то первый, вѣроятно, будетъ столь же мало предпріимчивъ. Эмпирическій законъ, заимствуетъ всю свою истинность отъ законовъ причиненія, которыхъ послѣдствіе онъ составляетъ. Если мы знаемъ эти законы, то мы знаемъ, каковы предѣлы производнаго закона: если же мы еще не объяснили эмпирическаго закона, если онъ опирается только на наблюденіи, то нѣтъ достовѣрности въ приложеніи его далеко за предѣлами времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ были сдѣланы наблюденія.

Итакъ, дѣйствительно научныя истины суть не эти эмпирическіе законы, а объясняющіе ихъ законы причиненія. Эмпирическіе законы тѣхъ явленій, которыя зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ и которымъ поэтому можно построить общую теорію, каково бы ни было ихъ значеніе въ практикѣ, въ наукѣ служатъ лишь для повѣрки заключеній теоріи. Тѣмъ болѣе должно быть такъ, когда большая часть эмпирическихъ законовъ, даже въ предѣлахъ наблюденія, достигаютъ только до приблизительныхъ обобщеній.

§ 2. Это не составляетъ однако же, какъ иногда предполагаютъ, особенности наукъ, называемыхъ нравственными. Только въ самыхъ простыхъ отрасляхъ науки эмпирическіе законы бываютъ когда-либо совершенно точны; но не всегда и тутъ. Астрономія, напримѣръ, есть простѣйшая изъ всѣхъ наукъ, объясняющихъ конкретно дѣйствительный ходъ естественныхъ событій. Причины или силы, отъ которыхъ зависятъ астрономическія явленія, менѣе многочисленны, чѣмъ причины или силы, опредѣляющія какое-либо иное явленіе природы. Слѣдовательно, такъ какъ каждый результатъ происходитъ отъ содѣйствія лишь немногихъ при-

чинъ, то въ явленіяхъ можно заранѣе ожидать значительной правильности и однообразія; такъ оно и бываетъ: явленія слѣдуютъ твердому порядку и возвращаются циклами. Но предложенія, которыя должны выражать съ абсолютною точностію всѣ послѣдовательныя положенія планеты, пока не закончится циклъ, были бы почти непреодолимо сложны и могли бы быть выведены только изъ теоріи. Обобщенія, которыя въ этомъ случаѣ могутъ быть сдѣланы изъ прямаго наблюденія, даже такія, какъ напримѣръ Кеплеровы законы, суть чистыя приближенія: планеты, вслѣдствіе возмущеній, производимыхъ другъ на друга, не движутся по точнымъ эллипсамъ. Такимъ образомъ, даже въ астрономіи нельзя найти совершенной точности въ чисто эмпирическихъ законахъ; тѣмъ менѣе ея можно ожидать въ болѣе сложныхъ предметахъ изслѣдованія.

Тотъ же самый примѣръ показываетъ, какъ мало основанія заключать противъ всеобщности или даже простоты конечныхъ законовъ изъ невозможности установить какіе-нибудь даже приблизительные законы дѣйствій. Законы причиненія, по которымъ происходитъ извѣстный классъ явленій, могутъ быть весьма малочисленны и просты, и, однако, самыя дѣйствія могутъ быть дотого разнообразны и сложны, что невозможно будетъ указать въ нихъ всѣхъ какую бы то ни было правильность. Явленія эти могутъ имѣть въ высшей степени видоизмѣняемый характеръ, такъ что безчисленныя обстоятельства способны вліять на результатъ, хотя всѣ они могутъ дѣйствовать по весьма малому числу законовъ. Предположимъ, что все, происходящее въ душѣ человѣка, опредѣляется немногими простыми законами; если, однако, эти законы таковы, что ни одинъ изъ фактовъ, окружающихъ человѣка, или ни одно изъ событій, съ нимъ случающихся, не остается безъ вліянія на его послѣдующую душевную исторію, и если обстоятельства различныхъ людей бываютъ чрезвычайно различны, то не будетъ ничего удивительнаго, если относительно подробностей ихъ поступковъ или чувствъ можно будетъ сдѣлать лишь малое число предложеній, вѣрныхъ относительно всего человѣчества.

Не рѣшая, много или мало послѣднихъ законовъ нашей душевной природы, можно по крайней мѣрѣ быть увѣрену, что они таковы,

Digitized by Google

какъ сказано выше. Достовѣрно, что наши душевныя состоянія и наши душевныя способности и воспріемлемости видоизмѣняются, на время или навсегда, каждою вещью, случающеюся съ нами въ жизни. Итакъ, принимая въ соображеніе, какъ сильно эти видоизмѣняющія причины различаются для каждыхъ двухъ недѣлимыхъ, было бы нелѣпо ожидать, что эмпирическіе законы человѣческой души, обобщенія, которыя можно сдѣлать относительно чувствъ или дѣйствій человѣчества, не принимая въ разсчетъ причинъ, ихъ опредѣляющихъ, будутъ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ приблизительныхъ обобщеній. Они составляютъ обыкновенную житейскую мудрость и въ этомъ смыслѣ безцѣнны, — въ особенности потому, что они прилагаются, большею частію, къ случаямъ не слишкомъ различнымъ отъ тѣхъ, съ которыхъ взяты. Но если правила этого рода, взятыя съ англичанъ, будутъ приложены къ французамъ, или взятыя съ настоящаго времени — къ прошедшимъ или будущимъ поколѣніямъ, то они могутъ оказаться весьма невѣрными. Пока мы не разложили эмпирическій законъ на законы причинъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, и не удостовѣрились, что эти причины простираются на случай, который мы имѣемъ въ виду, мы никакъ не можемъ полагаться на наши выводы. Всякій недѣлимый окруженъ обстоятельствами, отличными отъ обстоятельствъ каждаго другаго недѣлимаго; каждый народъ или поколѣніе человѣчества отличается въ этомъ отношеніи отъ каждаго другаго народа или поколѣнія; и ни одно изъ этихъ различій не остается безъ вліянія на образованіе различныхъ типовъ характера. Конечно, существуетъ и общее сходство; но частности обстоятельствъ постоянно порождаютъ исключенія даже изъ такихъ положеній, которыя вѣрны въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Впрочемъ, едвали есть какой-нибудь образъ чувствъ или поведенія, который былъ бы въ абсолютномъ смыслѣ общимъ для всего человѣчества. Обобщеній, утверждающихъ, что нѣкоторая данная разновидность поведенія или чувствованія имѣетъ мѣсто у всѣхъ, (какъ бы близко эти обобщенія не подходили къ истинѣ въ данныхъ предѣлахъ наблюденія) не признаетъ научными положеніями никто, знакомый съ научнымъ изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе всѣ виды чувствованія и поступковъ, встрѣчающіеся въ человѣчествѣ, имѣютъ свои производящія

причины; и въ предложеніяхъ, указывающихъ эти причины, нужно искать объясненія эмпирическихъ законовъ и ограничительнаго начала для нашей вѣры въ нихъ. Не всѣ люди чувствуютъ и дѣйствуютъ одинаково въ одинаковыхъ обстоятельствахъ; но возможно опредѣлить, почему одно лицо въ данномъ положеніи чувствуетъ и дѣйствуетъ однимъ способомъ, другое другимъ; какимъ путемъ данный образъ чувствъ и дѣйствій, согласный съ общими (физическими и душевными) законами человѣческой природы, сложился или можетъ сложиться. Другими словами, человѣчество не имѣетъ общаго характера; но существуютъ общіе законы *образованія характера*. А такъ какъ этими законами, въ сочетаніи съ фактами каждаго частнаго случая, порождается вся совокупность явленій человѣческаго дѣйствія и чувства, то отъ нихъ должна исходить всякая раціональная попытка построить конкретно и для практическихъ цѣлей науку о человѣческой природѣ.

§ 3. Итакъ, законы образованія характера составляютъ главный предметъ научнаго изслѣдованія человѣческой природы; остается теперь опредѣлить методъ изслѣдованія, наиболѣе годный для дознанія этихъ законовъ. Логическіе принципы, по которымъ слѣдуетъ рѣшить этотъ вопросъ, должны быть тѣ же самые, которыми руководится всякая другая попытка изслѣдовать законы очень сложныхъ явленій. Очевидно, что и характеръ всякаго человѣка, и совокупность обстоятельствъ, которыми образованъ этотъ характеръ, суть факты весьма сложные. Но мы видѣли, что къ такимъ случаямъ приложимъ только дедуктивный методъ, исходящій изъ общихъ законовъ и повѣряющій ихъ выводы спеціальнымъ опытомъ. Основанія этой великой логической доктрины изложены выше: и ея истина получитъ добавочное подтвержденіе отъ краткаго разсмотрѣнія особенностей настоящаго случая.

Есть только два способа, которыми могутъ быть дознаны законы природы: путемъ вывода и путемъ опыта; подъ названіемъ опытнаго изслѣдованія мы разумѣемъ и наблюденіе, и искусственный опытъ. Могутъ ли законы образованія характера быть удовлетворительно изслѣдованы посредствомъ метода экспериментаціи? Очевидно, нѣтъ; даже если мы предположимъ неограниченную власть видоизмѣнять опытъ (что отвлеченно возможно, хотя никто, кромѣ восточнаго деспота, или не имѣетъ этой власти, или, имѣя ее, не распо-

ложенъ употреблять), то недостаетъ еще болѣе существеннаго условія: возможности производить которые-либо изъ этихъ опытовъ съ научною точностію.

Для того, чтобы совершить прямое опытное изслѣдованіе надъ образованіемъ человѣческаго характера, нужно бы взростить и воспитать нѣкоторое число людей отъ дѣтства до зрѣлаго возраста. А для того, чтобы сдѣлать который-либо изъ этихъ опытовъ съ научною строгостью, нужно бы знать и помнить всякое впечатлѣніе или ощущеніе, получаемое юнымъ питомцемъ задолго до того времени, когда онъ можетъ говорить, — включая сюда и его собственныя понятія объ источникахъ всѣхъ этихъ ощущеній и впечатлѣній. Этого невозможно сдѣлать не только вполнѣ, но даже до сноснаго приближенія. Какое-нибудь, повидимому, пустое обстоятельство, ускользнувшее отъ нашей бдительности, можетъ повести за собою рядъ впечатлѣній и ассоціацій, достаточный для того, чтобы испортить опытъ, какъ достовѣрное обнаруженіе дѣйствій, проистекающихъ изъ данныхъ причинъ. Всякій, кто только достаточно размышлялъ о воспитаніи, знаетъ эту истину; а кто не размышлялъ, тотъ найдетъ ее весьма поучительно объясненною въ сочиненіяхъ Руссо и Гельвеція по этому великому предмету.

При такой невозможности изучать законы образованія характера посредствомъ опытовъ, нарочно для этого устроенныхъ, остается лишь средство простаго наблюденія. Но если невозможно обнаружить, хоть съ приблизительною полнотою, вліяющія обстоятельства, когда мы сами ими распоряжаемся, то это еще менѣе возможно, когда случаи еще болѣе удалены отъ нашего наблюденія и совершенно изъяты изъ нашего контроля. Нужно принять во вниманіе трудность самаго перваго шага: дознать, каковъ дѣйствительно характеръ недѣлимаго въ каждомъ частномъ случаѣ, который мы будемъ изслѣдовать. Едвали есть живой человѣкъ, относительно существенныхъ частей характера котораго не разнорѣчили бы даже въ мнѣніяхъ его ближайшихъ знакомыхъ; а единичное дѣйствіе или поведеніе, принятое лишь съ недавняго времени, мало способствуетъ опредѣленію. Мы можемъ дѣлать наши наблюденія только грубымъ образомъ и en masse: не пытаясь дознать вполнѣ, въ каждомъ данномъ случаѣ, какой образовался характеръ, и еще менѣе, по какимъ причинамъ онъ образовался, а только на-

Digitized by Google

блюдая, при какомъ состояніи предшествовавшихъ обстоятельствъ оказывается, что извѣстные выдающіеся душевные качества или недостатки существуютъ *чаще всего*. Эти заключенія, кромѣ того, что они суть только приблизительныя обобщенія, даже и въ этомъ смыслѣ не заслуживаютъ довѣрія, если случаи не довольно многочисленны, чтобы исключить не только случайность, но и всякое несущественное обстоятельство, при которомъ многіе изъ разсматриваемыхъ случаевъ могутъ быть сходны между собою. Притомъ, обстоятельства, образующія индивидуальный характеръ, могутъ быть такъ многочисленны и разнообразны, что слѣдствіемъ извѣстнаго сочетанія ихъ едвали будетъ какой-нибудь опредѣленный и сильно выдающійся характеръ, являющійся всегда, когда существуетъ эта комбинація, а безъ нея невозможный. То, что получается даже послѣ самаго обширнаго и точнаго наблюденія, есть только сравнительный результатъ: напримѣръ, что въ данномъ числѣ французовъ, взятыхъ безъ разбора, найдется болѣе лицъ извѣстнаго душевнаго настроенія и менѣе лицъ противоположнаго настроенія, чѣмъ въ одинаковомъ числѣ итальянцевъ или англичанъ, взятыхъ подобнымъ же образомъ; или: что изъ сотни французовъ и такого же числа англичанъ, выбранныхъ безпристрастно и расположенныхъ по степени, въ которой они обладаютъ извѣстною душевною характеристическою чертою, каждое число, 1, 2, 3 и пр., одного ряда окажется обладающимъ въ бо́льшей степени этою характеристикою, чѣмъ соотвѣтствующее число другаго ряда. Такъ какъ, слѣдовательно, сравненіе здѣсь дѣлается не между родами, а между количественными отношеніями и степенями, и чѣмъ слабѣе различія, тѣмъ больше нужно случаевъ для исключенія случайности, то не часто можетъ кто-нибудь знать достаточное число случаевъ съ точностію, требуемою для упомянутаго рода сравненій; а безъ этого не можетъ произойти дѣйствительной индукціи. Поэтому, едвали есть какое-нибудь ходячее мнѣніе относительно характеровъ націй, классовъ или родовъ лицъ, которое было бы признано несомнѣннымъ [1]).

---

[1]) Самые благопріятные случаи для такого рода приблизительныхъ обобщеній представляютъ тѣ, которые можно назвать коллективными: именно, когда мы можемъ, по счастію, видѣть въ дѣйствіи заразъ весь классъ, относительно котораго мы дѣлаемъ из-

Наконецъ, еслибы мы могли даже получить путемъ опыта гораздо болѣе удовлетворительное удостовѣреніе въ этихъ обобщеніяхъ, чѣмъ это возможно на дѣлѣ, они все-таки были бы только эмпирическими законами. Въ самомъ дѣлѣ, они показали бы, что была нѣкоторая связь между типомъ образовавшагося характера и обстоятельствами, существовавшими въ этомъ случаѣ, но не показали бы, ни какова именно эта связь, ни отъ какихъ именно особенностей этихъ обстоятельствъ произошло дѣйствіе. Итакъ, они могли бы быть признаны только какъ результаты причиненія, которые требуется разложить на общіе законы причинъ; до опредѣленія же ихъ мы не можемъ судить, въ какихъ предѣлахъ производные законы могутъ служить какъ предположенія для случаевъ еще неизвѣстныхъ, или можно ли даже считать ихъ постоянными въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, изъ которыхъ они почерпнуты. Французскій народъ имѣетъ, или предполагается, что онъ имѣетъ, извѣстный характеръ; но онъ изгоняетъ свою королевскую фамилію и аристократію, измѣняетъ свои установленія, проходитъ цѣлый рядъ необыкновенныхъ событій въ теченіе полустолѣтія и къ концу этого времени оказывается во многихъ отношеніяхъ очень измѣнившимся. Великъ списокъ душевныхъ и нравственныхъ различій, которыя были наблюдаемы или предполагались существующими между мужчинами и женщинами: но въ будущее время — можно ожидать, не

слѣдованіе, и, по качествамъ, обнаруживаемымъ цѣлою массою класса, можемъ судить, какова должны быть качества большинства недѣлимыхъ, его составляющихъ. Такъ, характеръ націи обнаруживается въ ея дѣйствіяхъ какъ націи (не столько въ дѣйствіяхъ ея правительства, такъ какъ они сильно подчиняются вліяніямъ другихъ причинъ); въ ходячихъ народныхъ правилахъ и другихъ признакахъ главнаго направленія общественнаго мнѣнія; въ характерѣ лицъ или сочиненій, которыя пользуются постояннымъ уваженіемъ или удивленіемъ; въ законахъ и установленіяхъ, насколько они составляютъ дѣло самой націи или признаются и терпятся ею, и т. д. Но и здѣсь остается широкое поле для сомнѣнія и неизвѣстности. Эти вещи подвержены вліянію многихъ обстоятельствъ; отчасти, они опредѣляются отличительными качествами націи или общества, но, отчасти внѣшними причинами, которыя произвели бы такое же вліяніе на всякое другое собраніе людей. Итакъ, чтобы сдѣлать опытъ дѣйствительно полнымъ, мы должны имѣть возможность произвести его безъ перемѣны надъ другими націями: посмотрѣть, какъ будетъ дѣйствовать или чувствовать англичанинъ, поставленный въ тѣ же самыя обстоятельства, въ которыя, по предположенію, поставленъ французъ; однимъ словомъ, употребить и методъ разницы, и методъ совпаденія. Но такихъ опытовъ мы дѣлать не можемъ, даже приблизительно.

Digitized by Google

слишкомъ далекое—одинаковая свобода и одинаково-независимое общественное положеніе будутъ принадлежать тому и другому полу, и ихъ различія въ характерѣ или совершенно исчезнутъ, или вполнѣ измѣнятся.

Но если различія, которыя, какъ намъ кажется, мы находимъ между французомъ и англичаниномъ или между мужчинами и женщинами, могутъ быть связаны съ болѣе общими законами; если они таковы, что ихъ можно считать произведенными различіемъ правительствъ, прежнихъ обычаевъ и физическихъ особенностей той и другой націи, различіемъ воспитанія, занятій, личной независимости и общественныхъ привилегій или какихъ-нибудь первоначальныхъ разностей въ тѣлесной силѣ и нервной чувствительности того и другаго пола, то совпаденіе обоихъ родовъ доказательства даетъ намъ право думать, что мы и вѣрно разсуждали, и правильно наблюдали. Наше наблюденіе, хотя недостаточное какъ доказательство, весьма достаточно какъ повѣрка. И, дознавши не только эмпирическіе законы, но и причины особенностей, мы не встрѣтимъ никакого затрудненія при обсужденіи того, насколько онѣ могутъ быть постоянны или какими обстоятельствами онѣ могутъ быть видоизмѣнены или уничтожены.

§ 4. Такъ какъ поэтому невозможно получить изъ одного наблюденія и опыта дѣйствительно строгія предложенія относительно образованія характера, то мы принуждены обратиться къ тому способу изслѣдованія, который, еслибы и не былъ неизбѣженъ, все-таки былъ бы самымъ совершеннымъ и распространеніе котораго есть одна изъ главныхъ цѣлей философіи: именно, къ способу, при которомъ опыты дѣлаются не надъ сложными фактами, а надъ простыми, изъ которыхъ эти сложные состоятъ; дознавши законы причинъ, которыя своимъ сочетаніемъ порождаютъ сложное явленіе, мы соображаемъ, не оправдываются ли этими законами приблизительныя обобщенія, эмпирически составленныя относительно послѣдовательности сложныхъ явленій. Словомъ, законы образованія характера суть производные законы, вытекающіе изъ общихъ законовъ души; и ихъ можно получить путемъ вывода изъ этихъ общихъ законовъ, предположивши нѣкоторый данный рядъ обстоятельствъ и потомъ соображая, каково должно быть, по законамъ души, вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера.

Такимъ образомъ получится наука, которую я предложилъ бы назвать этологіей, или наукой о характерѣ; отъ ἦθος, слова, ближе соотвѣтствующаго термину «характеръ», какъ я его употребляю, чѣмъ какое бы то ни было другое слово того же языка. Названіе это можетъ быть этимологически приложимо ко всей наукѣ о нашей душевной и нравственной природѣ; но если, какъ это обычно и удобно, мы обозначаемъ словомъ *психологія* науку объ элементарныхъ законахъ души, то *этологія* будетъ служить для обозначенія дальнѣйшей науки, которая опредѣляетъ родъ характера, образуемаго соотвѣтственно этимъ общимъ законамъ, какимъ-нибудь рядомъ обстоятельствъ физическихъ и нравственныхъ. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, этологія есть наука, соотвѣтствующая искусству воспитанія; въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова она обнимаетъ образованіе національнаго или коллективнаго характера точно такъ же, какъ и индивидуальнаго. Конечно, напрасно было бы ожидать (какъ бы полно ни были дознаны законы образованія характера), чтобы мы могли знать обстоятельства какого-нибудь даннаго случая до того точно, что были бы въ состояніи положительно предсказать характеръ, имѣющій образоваться въ этомъ случаѣ. Но мы должны помнить, что извѣстная степень знанія, еще весьма далекая отъ возможности предсказанія, часто имѣетъ большое практическое значеніе. Можно имѣть большое вліяніе на явленія при весьма несовершенномъ познаніи причинъ, которыми они опредѣляются въ каждомъ данномъ случаѣ. Довольно того, если мы знаемъ, что извѣстныя средства имѣютъ *стремленіе* производить данное дѣйствіе и что другія имѣютъ стремленіе его уничтожать. Если обстоятельства какого-нибудь недѣлимаго или какой-нибудь націи находятся въ значительной степени въ нашей власти, то мы, помощію нашего знанія стремленій, можемъ быть въ состояніи распорядиться этими обстоятельствами такъ, чтобы они гораздо болѣе благопріятствовали нашей цѣли, чѣмъ какъ они сдѣлали бы сами по себѣ. Тутъ предѣлъ нашей власти; но въ границахъ этого предѣла наша власть весьма значительна.

Наука этологіи можетъ быть названа *точною наукою человѣческой природы:* ея истины суть не приблизительныя обобщенія, подобно зависящимъ отъ нихъ эмпирическимъ законамъ, а дѣйствительные законы. Впрочемъ (какъ во всѣхъ случаяхъ сложныхъ явленій), для точности

предложеній необходимо, чтобы они были только гипотетическія и утверждали бы стремленія, а не факты. Они не должны утверждать, что нѣчто случится непремѣнно или навѣрное, а только, что таково или таково будетъ дѣйствіе данной причины, пока она будетъ дѣйствовать безъ помѣхи. Научнымъ предложеніемъ будетъ, что тѣлесная сила стремится сдѣлать людей мужественными, а не то, что она всегда дѣлаетъ ихъ такими; что интересъ на одной сторонѣ вопроса стремится склонить на нее нашъ умъ, а не то, что всегда склоняетъ; что опытность стремится дать мудрость, а не то, что всегда ее даетъ. Эти предложенія, утвердительныя только относительно стремленій, отнюдь не менѣе всеобщи оттого, что эти стремленія могутъ не привести къ цѣли.

§ 5. Между тѣмъ какъ психологія есть вполнѣ или главнымъ образомъ наука наблюденія и опыта, этологія, какъ я ее понимаю, есть, какъ уже замѣчено выше, наука вполнѣ дедуктивная. Одна указываетъ простые законы души вообще, другая обнаруживаетъ ихъ дѣйствіе въ сложныхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ. Этологія находится къ психологіи въ отношеніи весьма похожемъ на то, въ которомъ различныя части физики стоятъ къ механикѣ. Начала этологіи суть, собственно, среднія начала, axiomata media (какъ сказалъ бы Бэконъ) науки о душѣ: будучи отличны съ одной стороны отъ эмпирическихъ законовъ, проистекающихъ изъ простаго наблюденія, а съ другой стороны отъ самыхъ высшихъ обобщеній.

Здѣсь, кажется, будетъ умѣстно сдѣлать логическое замѣчаніе, которое, хотя имѣетъ общее приложеніе, особенно важно въ отношеніи къ настоящему предмету. Бэконъ справедливо замѣтилъ, что axiomata media каждой науки составляютъ ея главное достоинство. Низшія обобщенія, пока они не разложены на среднія начала, которыхъ послѣдствія они составляютъ, и не объяснены ими, имѣютъ только несовершенную точность эмпирическихъ законовъ, между тѣмъ какъ наиболѣе общіе законы *слишкомъ* общи и заключаютъ слишкомъ мало обстоятельствъ для того, чтобы дать достаточное указаніе на то, что́ случится въ единичныхъ случаяхъ, когда обстоятельства, большею частію, неизмѣримо многочисленны. Итакъ, относительно важности, которую Бэконъ приписываетъ въ каждой наукѣ среднимъ началамъ, невозможно съ нимъ не

согласиться. Но я считаю его совершенно неправымъ въ его ученіи относительно способа, которымъ слѣдуетъ доходить до этихъ axiomata media, хотя въ сочиненіяхъ Бэкона нѣтъ предложенія, за которое его хвалили бы въ болѣе неразумной степени. Онъ высказываетъ, какъ общее правило, что наведеніе должно идти отъ самыхъ низшихъ началъ къ среднимъ и отъ нихъ къ самымъ высшимъ, и никогда не обращать этого порядка, слѣдовательно, вовсе не давать мѣста открытію новыхъ началъ помощію дедукціи. Невозможно думать, чтобы человѣкъ съ его умомъ могъ впасть въ такой промахъ, еслибы въ его время существовалъ, между науками, разсматривающими послѣдовательныя явленія, хоть одинъ примѣръ дедуктивной науки, каковы нынче: механика, астрономія, оптика, акустика и пр. Въ этихъ наукахъ очевидно, отнюдь не высшія и среднія начала выводятся изъ низшихъ, а наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ самыя высшія обобщенія были раньше всѣхъ другихъ установлены съ научною строгостію; напримѣръ, въ механикѣ, законы движенія. Эти общіе законы, правда, сначала не имѣли той признанной всеобщности, которую они пріобрѣли потомъ, будучи успѣшно употреблены для объясненія многихъ классовъ явленій, къ которымъ первоначально, казалось, нельзя было ихъ и приложить; такъ, напримѣръ, законы движенія въ сочетаніи съ другими законами были употреблены для дедуктивнаго объясненія небесныхъ явленій. Тѣмъ не менѣе, остается фактомъ, что предложенія, которыя впослѣдствіи были признаны, за самыя общія истины науки, были найдены раньше, чѣмъ всѣ ея другія точныя обобщенія. Итакъ, наибольшая заслуга Бэкона не можетъ состоять въ томъ, что онъ, какъ это часто ему приписываютъ, отвергъ ошибочный методъ, употреблявшійся древними, — восходить сперва къ высшимъ обобщеніямъ, а потомъ выводить изъ нихъ средніе принципы: этотъ методъ и не ошибоченъ, и не отвергнутъ, а составляетъ всеобще признанный методъ современной науки, которому она обязана своими величайшими торжествами. Ошибка прежняго умозрѣнія состояла не въ томъ, что оно сперва дѣлало самыя широкія обобщенія, а въ томъ, что оно дѣлало ихъ безъ помощи или ручательства строгихъ индуктивныхъ методовъ и дедуктивно прилагало ихъ безъ надлежащаго употребленія той важной части дидуктивнаго метода, которая называется *повѣркою*.

Порядокъ, въ которомъ должно удостовѣряться въ истинахъ раз-

Digitized by Google

личныхъ степеней общности, по моему мнѣнію, не можетъ быть предписанъ никакимъ безусловнымъ правиломъ. Относительно этого предмета я не знаю никакого другаго правила, кромѣ того, что слѣдуетъ сперва добывать тѣ истины, въ примѣненіи къ которымъ условія дѣйствительной индукціи могутъ быть осуществлены прежде всего и всего полнѣе. Итакъ, гдѣ наши средства изслѣдованія могутъ достигнуть причинъ, не останавливаясь на эмпирическихъ законахъ дѣйствій, тамъ простѣйшіе случаи, въ которыхъ встрѣчается одновременно самое малое число причинъ, будутъ всего легче подводимы подъ индуктивный процессъ; а это суть случаи, изъ которыхъ вытекаютъ самые обширные законы. Поэтому, въ каждой наукѣ, достигшей той степени, на которой она становится наукою причинъ, будетъ, и обычно и желательно достигнуть сперва самыхъ высшихъ обобщеній, а потомъ выводить изъ нихъ болѣе частныя. Для Бэконова правила, такъ много превознесеннаго послѣдующими писателями, я не могу найти никакого основанія, кромѣ слѣдующаго: прежде, чѣмъ мы будемъ пытаться объяснять дедуктивно изъ общихъ законовъ какой-нибудь новый классъ явленій: желательно сколь возможно больше дознать эмпирическіе законы этихъ явленій, такъ, чтобы сравнивать результаты дедукціи не съ однимъ единичнымъ примѣромъ послѣ другихъ, а съ общими предложеніями, выражающими черты сходства, найденныя между многими примѣрами. Еслибы Ньютонъ былъ обязанъ повѣрять теорію тяготѣнія, не выводя изъ нея Кеплеровыхъ законовъ, а выводя всѣ наблюденныя планетныя положенія, послужившія Кеплеру для утвержденія этихъ законовъ, то Ньютонова теорія, вѣроятно, никогда не вышла бы изъ состоянія гипотезы (¹).

(¹) «Къ чему», говоритъ д-ръ Уэвель, «мы можемъ прибавить несомнѣнное указаніе исторіи предмета, что въ такомъ случаѣ никогда не была бы составлена и эта гипотеза».

Д-ръ Уэвель (Philosophy of Discovery, p. 277 — 282) защищаетъ Бэконово правило противъ предъидущихъ ограниченій. Но онъ только утверждаетъ и поясняетъ примѣрами предложеніе, которое я самъ выставлялъ, т. е., что хотя самыя широкія обобщенія могутъ быть найдены раньше другихъ, они сначала не являются во всей ихъ всеобщности, а пріобрѣтаютъ ее постепенно, когда окажется, что они объясняютъ одинъ классъ явленій за другимъ. Законы движенія, напримѣръ, не считались простирающимися на небесныя пространства, пока изъ нихъ не были выведены движенія небесныхъ тѣлъ. Но это отнюдь не опровергаетъ факта, что средніе принципы астрономіи, напримѣръ центральная сила и законъ обратнаго квад-

Приложимость этихъ замѣчаній къ спеціальному случаю, который мы разсматриваемъ, не можетъ быть оспариваема. Наука образованія характера есть наука причинъ. Предметъ ея таковъ, что къ нему могутъ быть строго приложены тѣ правила индукціи, посредствомъ которыхъ мы удостовѣряемся въ законахъ причиненія. Поэтому, естественно и желательно сперва удостовѣриться въ простѣйшихъ законахъ причиненія, которые необходимо будутъ и самыми общими, и вывести изъ нихъ средніе принципы. Другими словами, этологія, дедуктивная наука, есть система королляріевъ изъ психологіи, науки опытной.

§ 6. Изъ этихъ наукъ одна лишь старѣйшая была до сихъ поръ дѣйствительно понимаема и изучаема какъ наука; другую, этологію, нужно еще создать. Но создать ее стало наконецъ возможнымъ. Эмпирическіе законы, назначенные для повѣрки ея выводовъ, были въ изобиліи вырабатываемы каждымъ послѣдовательнымъ поколѣніемъ человѣчества; и посылки для выводовъ теперь достаточно полны. Если исключить ту степень недостовѣрности, которая относится къ величинѣ естественныхъ различій индивидуальныхъ душъ и къ физическимъ обстоятельствамъ, отъ которыхъ эти различія могутъ зависѣть (соображенія второстепенной важности, если разсматривать человѣчество въ цѣломъ, en masse), то, по моему мнѣнію, самые компетентные судьи согласятся, что общіе законы различныхъ составныхъ элементовъ человѣческой природы уже теперь достаточно поняты, чтобы для компетентныхъ мыслителей стало возможнымъ вывести изъ этихъ законовъ особенный типъ характера, который образовался бы въ человѣчествѣ вообще при данномъ рядѣ обстоятельствъ. Итакъ, наука этологія, основанная на законахъ психологіи, возможна, хотя для нея сдѣлано еще мало, да и это немногое сдѣлано вовсе не систематически. Успѣхи этой важной, но въ высшей степени несовершенной науки, будутъ зависѣть отъ двоякаго процесса: вопервыхъ, отъ теоретическаго вывода этологиче-

рата, *не могли* бы быть открыты, еслибы не были *сперва* извѣстны законы движенія, болѣе общіе. По Бэконовой системѣ постепеннаго обобщенія, было бы невозможно ни въ какой наукѣ пойти дальше эмпирическихъ законовъ. Это замѣчаніе достаточно подтверждается собственными *индуктивными таблицами* д-ръ Уэвеля, на которыя онъ ссылается для подтвержденія своего аргумента.

Digitized by Google

скихъ слѣдствій даннаго положенія обстоятельствъ и сравненія этихъ слѣдствій съ признанными результатами общаго опыта; вовторыхъ, отъ обратнаго процесса, отъ усиленнаго изученія различныхъ типовъ человѣческой природы, находимыхъ въ мірѣ, изученія ихъ лицами, не только способными анализировать и замѣтить обстоятельства, въ которыхъ эти типы отдѣльно господствуютъ, но также достаточно знакомыми съ психологическими законами, чтобы объяснить характеристическія черты типа особенностями обстоятельствъ: и только остатокъ, если онъ окажется и будетъ отнесенъ на счетъ прирожденныхъ предрасположеній.

Для экспериментальной или *апостеріорической* части этого процесса матеріалъ постоянно накопляется наблюденіемъ надъ людьми. Насколько дѣло касается мышленія, главная задача этологіи состоитъ въ томъ, чтобы вывести искомые средніе принципы изъ общихъ законовъ психологіи. Что здѣсь слѣдуетъ изучить, — это начало и источники всѣхъ людскихъ качествъ, интересныхъ для насъ какъ факты, которые нужно или производить, или устранять, или просто понимать; а цѣль этого изученія, — опредѣлить, по общимъ законамъ души, въ сочетаніи съ общимъ положеніемъ нашего вида въ мірозданіи, какія дѣйствительныя или возможныя комбинаціи обстоятельствъ могутъ способствовать появленію этихъ качествъ или предотвратить. Наука, обладающая средними принципами этого рода, расположенными по порядку не причинъ, а дѣйствій, которыя желательно произвести или предотвратить, достаточно приготовлена для того, чтобы стать основаніемъ соотвѣтствующаго искусства. И когда этологія будетъ такимъ образомъ приготовлена, практическое воспитаніе будетъ чистымъ превращеніемъ этихъ принциповъ въ параллельную систему правилъ и приложеніемъ послѣднихъ ко всей суммѣ индивидуальныхъ обстоятельствъ, существующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Едвали необходимо опять повторять, что, какъ и въ каждой другой дедуктивной наукѣ, повѣрка a posteriori должна идти рука объ руку съ дедукціею a priori. Выводъ, даваемый теоріею, относительно типа характера, который будетъ образованъ данными обстоятельствами, долженъ быть повѣренъ спеціальнымъ опытомъ этихъ обстоятельствъ, всякій разъ, когда онъ доступенъ; и заключенія науки, какъ цѣлаго, должны

подвергаться постоянной повѣркѣ и поправкѣ посредствомъ общихъ наблюденій, доставляемыхъ обыкновеннымъ опытомъ надъ человѣческою природою въ наше время, а для прошедшихъ временъ исторіею. Заключеніямъ теоріи нельзя довѣрять пока они не будутъ подтверждены наблюденіемъ; точно такъ же нельзя довѣрять и наблюденіямъ, пока они не могутъ быть связаны съ теоріею, именно выведены изъ законовъ человѣческой природы и изъ точнаго анализа обстоятельствъ частнаго положенія. Только согласіе этихъ двухъ родовъ доказательства, взятыхъ отдѣльно,—согласіе апріорическаго разсужденія и спеціальнаго опыта—составляетъ единственное достаточное основаніе для принциповъ науки, столь обильной матеріаломъ и имѣющей дѣло со столь сложными и конкретными явленіями, какъ этологія.

ГЛАВА VI.

ОБЩІЯ СООБРАЖЕНІЯ О СОЦІАЛЬНОЙ НАУКѢ.

§ 1. За наукою объ индувидуальномъ человѣкѣ слѣдуетъ наука о человѣкѣ въ обществѣ, о дѣйствіяхъ коллективныхъ массъ человѣчества и различныхъ явленіяхъ, составляющихъ соціальную жизнь.

Если образованіе индивидуальнаго характера есть уже сложный предметъ изученія, то настоящій предметъ, повидимому по крайней мѣрѣ, долженъ быть еще болѣе сложенъ: здѣсь число содѣйствующихъ причинъ, имѣющихъ бо́льшее или меньшее вліяніе на общій результатъ, больше, въ той же пропорціи, въ какой народъ или человѣческій родъ вообще представляетъ большую поверхность для дѣйствія силъ психологическихъ и физическихъ, чѣмъ всякое отдѣльное недѣлимое. Если необходимо болѣе доказывать, въ противоположность существующему предразсудку, что простѣйшій изъ этихъ двухъ предметовъ можетъ быть предметомъ науки, то, конечно, предразсудокъ долженъ быть еще сильнѣе противъ возможности дать научный характеръ изученію политики и явленій общества. И въ самомъ дѣлѣ, идея политической и соціальной науки существуетъ только тамъ и сямъ въ умѣ одинокаго мыслителя, вообще мало приготовлен-

наго для ея выполненія, хотя самый предметъ болѣе всѣхъ другихъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе и былъ темою интереснѣйшихъ и серіознѣйшихъ изслѣдованій почти отъ начала историческихъ временъ.

Дѣйствительно, состояніе политики, какъ отрасли знанія, только въ послѣднее время, да и то едвали, перестало быть тѣмъ, что Бэконъ называетъ естественнымъ бытомъ наукъ, когда ихъ обработка бываетъ предоставлена практикамъ, когда наука обрабатывается не какъ вѣтвь умозрительнаго изслѣдованія, а только въ виду требованій ежедневной практики, и потому ищутся *fructifera* experimenta почти, съ полнымъ исключеніемъ *lucifera*. Таково было медицинское изслѣдованіе, прежде чѣмъ физіологія и естественная исторія начали быть обрабатываемы какъ вѣтви общаго знанія. Единственными изслѣдуемыми вопросами были: какая діета здорова, или какое лекарство можетъ излечить данную болѣзнь? не было никакого предварительнаго систематическаго изслѣдованія законовъ питанія и здороваго и болѣзненнаго дѣйствія различныхъ органовъ, отъ каковыхъ законовъ очевидно должно зависѣть дѣйствіе всякой діеты и всякаго лекарства. Въ политикѣ общее вниманіе занимали совершенно подобные вопросы: полезны или нѣтъ такой-то законъ или такая-то форма правленія, вообще, для всѣхъ, или для какого-нибудь частнаго общества? При этомъ не изслѣдовалось общихъ условій, которыми опредѣляются дѣйствія законодательныхъ мѣръ или результаты, производимые формами правленія. Изучавшіе политику пытались такимъ образомъ изучать патологію и терапевтику соціальнаго тѣла, прежде чѣмъ положено было необходимое основаніе его физіологіи; излечивать болѣзни, не понимая законовъ здоровья. Результатомъ этого было то, что́ и должно быть съ лицами, даже способными, когда они берутся за сложные вопросы науки, прежде чѣмъ утверждены ея самыя простыя и болѣе элементарныя предложенія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что когда явленія общества такъ рѣдко были разсматриваемы съ точки зрѣнія, характеризующей науку, то философія общества должна была дѣлать малые успѣхи; что она должна была содержать мало общихъ предложеній, настолько точныхъ и достовѣрныхъ, чтобы обыкновенные изслѣдователи признавали за ними научный характеръ. Поэтому, ходячее мнѣніе таково, что всякое притязаніе установить общія истины относительно политики и общества есть

шарлатанство, что въ такихъ предметахъ нельзя достигнуть никакой общности и достовѣрности. Это обыкновенное воззрѣніе отчасти извиняется тѣмъ, что оно дѣйствительно не лишено основанія въ извѣстномъ смыслѣ. Значительная часть тѣхъ, которые имѣютъ притязаніе на характеръ философскихъ политиковъ, пытались не удостовѣриться въ общихъ последовательностяхъ, а дать общія правила. Они выдумывали какую-нибудь форму правленія или систему законовъ, пригодную для всѣхъ случаевъ: притязаніе, вполнѣ заслуживающее смѣха, съ которымъ на него смотрѣли практики, и совершенно не подкрѣпляемое аналогіею съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ политика должна стоять въ наибольшемъ сродствѣ по природѣ уже своего предмета. Никто не считаетъ возможнымъ, чтобы одно лекарство могло излечивать всѣ болѣзни или даже одну и ту же болѣзнь при всѣхъ конституціяхъ и состояніяхъ тѣла.

Для самаго совершенства науки нѣтъ надобности, чтобы соотвѣтствующее искусство обладало всеобщими или даже общими правилами. Явленія общества могутъ не только совершенно зависѣть отъ извѣстныхъ причинъ, но и способъ дѣйствія всѣхъ этихъ причинъ можетъ сводиться на законы значительно простые, и тѣмъ не менѣе можетъ не найтись двухъ случаевъ, которые допускали бы одинаковый способъ дѣйствія. Разнообразіе обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ результатъ въ различныхъ случаяхъ, можетъ быть такъ велико, что искусство можетъ не обладать ни единымъ общимъ правиломъ, кромѣ того правила, что слѣдуетъ наблюдать обстоятельства частнаго случая и приспособлять наши мѣры къ тѣмъ слѣдствіямъ, которыя согласно принципамъ, науки происходятъ отъ этихъ обстоятельствъ. Но, хотя въ столь сложномъ классѣ предметовъ невозможно установить общеприложимыхъ практическихъ правилъ, однако отсюда не слѣдуетъ, что явленія не сообразуются съ общими законами.

§ 2. Всѣ явленія общества суть явленія человѣческой природы, порождаемыя дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ на массы людей; слѣдовательно, если явленія человѣческаго мышленія, чувствованія и дѣйствія подчинены неизмѣннымъ законамъ, то и явленія общества не могутъ не быть подчинены неизмѣннымъ законамъ, вытекающимъ изъ предъидущихъ. Конечно, нѣтъ надежды, чтобы эти законы, хотя бы они были намъ извѣстны съ такою же достовѣрностью и полнотою, какъ

Digitized by Google

законы астрономіи, дали намъ возможность предсказывать исторію общества, подобно тому, какъ небесныя явленія могутъ быть предсказаны за тысячу лѣтъ впередъ. Но разница достовѣрности заключается не въ самыхъ законахъ, а въ данныхъ, къ которымъ эти законы прилагаются. Въ астрономіи мало причинъ, имѣющихъ вліяніе на результатъ, онѣ измѣняются мало, да и по извѣстнымъ законамъ; мы можемъ узнать, каковы онѣ теперь, и потомъ опредѣлить, каковы онѣ будутъ въ данную эпоху отдаленнаго будущаго. Поэтому, данныя въ астрономіи такъ же вѣрны, какъ вѣрны самые законы. Напротивъ, обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на состояніе и преуспѣяніе общества, безчисленны и постоянно измѣняются, и хотя всѣ они измѣняются, подчиняясь причинамъ и, слѣдовательно, законамъ, однако количество причинъ такъ велико, что противится нашимъ ограниченнымъ средствамъ вычисленія. Не говоримъ уже о томъ, что невозможность примѣнить точныя числа къ фактамъ такого рода положила бы непреоборимую преграду возможности вычислить ихъ напередъ, даже еслибы силы человѣческаго ума въ другомъ отношеніи соотвѣтствовали задачѣ.

Но, какъ замѣчено выше, знаніе, не достаточное для предсказанія, можетъ имѣть большое значеніе какъ руководство. Наука общества достигла бы весьма высокой степени совершенства, еслибы дала намъ возможность въ каждомъ данномъ положеніи общественныхъ дѣлъ, напримѣръ при настоящемъ состояніи Европы или какой-нибудь европейской страны, понимать, по какимъ причинамъ она стала, въ томъ или въ другомъ отношеніи, тѣмъ, что́ она есть; стремится ли она къ какимъ-нибудь перемѣнамъ и къ какимъ именно; какія слѣдствія, вѣроятно, произойдутъ въ будущемъ времени отъ каждой черты ея нынѣшняго состоянія, и какими средствами каждое изъ этихъ слѣдствій можетъ быть предупреждено, видоизмѣнено или ускорено, или же нашими средствами могутъ быть произведены дѣйствія совершенно другаго рода. Нѣтъ ничего химерическаго въ надеждѣ, что общіе законы, достаточные для того, чтобы мы могли отвѣчать на эти различные вопросы въ примѣненіи къ данной странѣ или къ данному времени, съ индивидуальными обстоятельствами которыхъ мы хорошо знакомы, могутъ быть достовѣрно дознаны; и что другія отрасли человѣческаго знанія, предполагаемыя

этимъ предпріятіемъ, уже настолько подвинуты, что приспѣло для него время. Такова цѣль *соціальной науки*.

Для того, чтобы сдѣлать болѣе осязательною природу того, что́ я считаю истиннымъ методомъ науки, я сначала покажу, что́ она не есть; именно, полезно будетъ кратко охарактеризовать два радикально превратные взгляда на надлежащій способъ философствованія объ обществѣ и правительствѣ, — два взгляда, изъ которыхъ или одинъ, или другой, явно или чаще, безсознательно, былъ раздѣляемъ почти всѣми кто размышлялъ или разсуждалъ о логикѣ политическихъ наукъ съ тѣхъ поръ, какъ мысль обработать ихъ по строгимъ правиламъ и Бэконовымъ принципамъ получила ходъ между наиболѣе передовыми мыслителями. Эти ошибочные методы, если слово методъ можно приложить къ ошибочнымъ стремленіямъ, происходящимъ отъ отсутствія всякаго достаточно яснаго пониманія метода, могутъ быть названы *опытнымъ* или *химическимъ* способомъ изслѣдованія и *отвлеченнымъ* или *геометрическимъ*. Мы начнемъ съ перваго.

ГЛАВА VII.

О ХИМИЧЕСКОМЪ ИЛИ ОПЫТНОМЪ МЕТОДѢ ВЪ СОЦІАЛЬНОЙ НАУКѢ.

§ 1. Законы явленій общества суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только закономъ дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи. Но люди въ состояніи общества — все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются законамъ индивидуальной человѣческой природы. Люди, соединенные вмѣстѣ, не обращаются въ другой родъ существъ, съ иными свойствами, какъ напр. водородъ и кислородъ отличны отъ воды, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ отличны отъ нервовъ, мускуловъ и тяжей. Люди въ обществѣ имѣютъ только тѣ свойства, которыя вытекаютъ изъ законовъ природы индивидуальнаго человѣка или могутъ быть сведены на эти законы. Въ соціальныхъ явленіяхъ *составленіе причинъ* есть общій законъ.

Но методъ философствованія, который можетъ быть названъ химическимъ, не принимаетъ во вниманіе этого факта и дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы природа человѣка, какъ недѣлимаго, не участвовала вовсе или участвовала въ весьма малой степени въ дѣйствіяхъ людей въ обществѣ. Всякое разсужденіе въ политическихъ или соціальныхъ дѣлахъ, основанное на принципахъ человѣческой природы, встрѣчаетъ у этихъ мыслителей возраженіе, что это «отвлеченная теорія». Для руководства въ своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ они требуютъ, во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія, спеціальнаго опыта.

Этотъ образъ мыслей не только общъ практикамъ въ политикѣ и тому весьма многочисленному классу, который (въ отношеніи къ предмету, разсуждать о которомъ никто, какъ бы онъ ни былъ несвѣдущъ, не считаетъ себя некомпетентнымъ) утверждаетъ, что онъ руководится болѣе здравымъ смысломъ, чѣмъ наукою; но взглядъ этотъ часто защищается людьми съ бо́льшими притязаніями на просвѣщеніе, — людьми, которые, будучи достаточно знакомы съ книгами и съ ходячими мнѣніями, чтобы знать, что Бэконъ училъ людей слѣдовать опыту и основывать свои заключенія на фактахъ, а не на метафизическихъ догматахъ, думаютъ, что, подвергая полическіе факты такому же прямому опытному методу, какъ факты химическіе, они покажутъ себя истинными бэконіанцами и докажутъ, что ихъ противники только силлогизаторы и схоластики. Между тѣмъ, такъ какъ понятіе о приложимости экспериментальныхъ методовъ къ политической философіи не можетъ существовать совмѣстно съ правильнымъ пониманіемъ самыхъ этихъ методовъ, то опытныя доказательства, составляющія плодъ химической теоріи (и образующія, въ особенности въ нашей странѣ, матеріалъ парламентскаго и избирательнаго краснорѣчія) таковы, что никогда со временъ Бэкона они не были бы признаны вѣрными въ самой химіи или въ какой-нибудь другой отрасли опытной науки. Они, напримѣръ, такого рода: запрещеніе чужестранныхъ товаровъ должно вести къ національному богатству, такъ какъ Англія процвѣтала при этомъ запрещеніи, или такъ какъ, вообще, страны, которыя его держались, процвѣтали; наши законы или наша внутренняя администрація, или наша конституція, на подобныхъ же основаніяхъ, превосходны. Таковы же вѣчные аргументы историческимъ примѣромъ Аѳинъ и Рима, огней въ Смитфильдѣ или французской революціи. Я не хочу тратить

времени, оспаривая способы аргументаціи, въ которые, можетъ быть, не впадаетъ никто, имѣющій самую малую практику въ оцѣнкѣ доказательства; которые выводятъ общеприлагаемыя заключенія изъ одного неанализированнаго случая или произвольно относятъ какое-нибудь слѣдствіе къ одному изъ его антецедентовъ, безъ всякаго предварительнаго исключенія или сравненія случаевъ. Правило справедливости и здраваго смысла требуетъ бороться не противъ самой нелѣпой, а противъ самой разумной формы ложнаго мнѣнія. Мы должны предположить, что нашъ изслѣдователь знакомъ съ истинными условіями опытнаго изслѣдованія и настолько компетентенъ въ знаніяхъ для ихъ осуществленія, насколько условія эти могутъ быть осуществлены. Онъ долженъ знать столько историческихъ фактовъ, сколькимъ можетъ научить простая эрудиція, — сколько можетъ быть доказано свидѣтельствомъ безъ всякой помощи теоріи; и если эти чистые факты, будучи надлежащимъ образомъ сопоставлены, могутъ выполнить условія дѣйствительнаго наведенія, то онъ долженъ быть способенъ для этого дѣла.

Но что никакая подобная попытка не можетъ имѣть ни малѣйшаго шанса на успѣхъ, было подробно показано въ десятой главѣ третьей книги *). Мы изслѣдовали тамъ, могутъ ли дѣйствія, зависящія отъ усложненія причинъ, быть предметомъ настоящаго наведенія посредствомъ наблюденія и опыта, и на самыхъ убѣдительныхъ основаніяхъ пришли къ заключенію, что не могутъ. Итакъ, если изъ всѣхъ явленій никакія другія не зависятъ отъ столь большой сложности причинъ, какъ явленія соціальныя, то мы совершенно безопасно могли бы подвести разсматриваемый случай подъ это разсужденіе. Но логическій принципъ, до сихъ поръ еще столь мало знакомый обыкновенному разряду мыслителей, требуетъ неоднократнаго подтвержденія, для того, чтобы произвести надлежащее впечатлѣніе; и такъ какъ настоящій случай болѣе всѣхъ другихъ поясняетъ его самымъ очевиднымъ образомъ, то полезно будетъ снова показать основанія общаго правила, въ приложеніи къ спеціальностямъ того класса изслѣдованій, который мы разсматриваемъ.

§ 2. Первая трудность, встрѣчаемая нами при попыткѣ приложить опытные методы къ дознанію законовъ соціальныхъ явленій, состоитъ

*) См. т. I, стр. 510 до конца главы.

Digitized by Google

въ томъ, что мы не имѣемъ средствъ дѣлать искусственные опыты. Даже еслибъ мы могли по произволу придумывать опыты и исполнять ихъ безъ ограниченія, то совершали бы это при огромныхъ невыгодахъ, — во-первыхъ, отъ невозможности дознать и записать всѣ факты каждаго случая, а во-вторыхъ потому (такъ какъ эти факты находятся въ состояніи безпрерывной измѣняемости), что прежде, чѣмъ прошло бы время, достаточное для удостовѣренія въ результатахъ опыта, какія-нибудь существенныя обстоятельства непремѣнно перестали бы быть одинаковыми. Но нѣтъ необходимости разсматривать логическія возраженія, которыя могутъ существовать противъ доказательной силы нашихъ опытовъ, если осязательно видно, что мы никогда не имѣемъ возможности дѣлать ихъ. Мы можемъ только наблюдать явленія, которыя производитъ природа или которыя производятся другими причинами. Мы не можемъ приспособлять нашихъ логическихъ средствъ по нашей надобности, измѣняя обстоятельства по требованіямъ необходимаго исключенія. Если самобытные случаи, образуемые современными событіями и послѣдовательностію явленій, указываемыхъ исторіей, представляютъ достаточное разнообразіе обстоятельствъ, то можно получить наведеніе отъ спеціальнаго опыта; иначе нѣтъ. Итакъ, вопросъ, который слѣдуетъ разрѣшить, тотъ, можно ли найти въ исторіи все, требуемое для наведенія относительно причинъ политическихъ явленій или свойства политическихъ силъ? Подъ словомъ исторія мы разумѣемъ и современную исторію. И для того, чтобы дать опредѣленность нашимъ представленіямъ, полезно будетъ предположить, что этотъ вопросъ задается въ примѣненіи къ какому-нибудь спеціальному предмету политическаго изслѣдованія или спора, — напримѣръ, къ спору, безпрестанно повторяющемуся въ нынѣшнемъ столѣтіи, о дѣйствіи запретительныхъ и стѣснительныхъ торговыхъ законовъ на народное богатство. Пусть же это и будетъ научнымъ вопросомъ, который нужно изслѣдовать спеціальнымъ опытомъ.

§ 3. Чтобы приложить къ этому случаю самый совершенный изъ методовъ опытнаго изслѣдованія, методъ различій, намъ нужно найти два случая, которые согласны во всѣхъ частностяхъ, за исключеніемъ той, которая составляетъ предметъ изслѣдованія. Если можно найти два народа, которые сходны во всѣхъ естественныхъ преимуществахъ и

невыгодахъ, подобны одинъ другому во всѣхъ качествахъ, физическихъ и нравственныхъ, самобытныхъ и пріобрѣтенныхъ; два народа, у которыхъ привычки, обычаи, мнѣнія, законы и учрежденія одинаковы во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ того, что одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе покровительственный тарифъ или въ другихъ отношеніяхъ болѣе нарушаетъ свободу промышлености; если одинъ изъ этихъ народовъ окажется богатымъ, а другой бѣднымъ, или одинъ богаче другаго, то тутъ будетъ перекрестный опытъ: дѣйствительное доказательство опытомъ, которая изъ этихъ двухъ системъ болѣе благопріятствуетъ народному богатству. Но предположеніе, что два такіе случая могутъ встрѣтиться, очевидно нелѣпо. Такое совпаденіе невозможно даже отвлеченно. Два народа, которые сходны во всемъ, кромѣ торговой полиціи, будутъ непремѣнно сходны и въ ней. Различія въ законодательствѣ не суть внутреннія и послѣднія разности; они не суть свойства отдѣловъ (Kinds). Они суть слѣдствія предъидущихъ причинъ. Если два народа различаются въ этой части своихъ учрежденій, то это происходитъ отъ нѣкоторой разницы въ ихъ положеніи и, слѣдовательно, въ ихъ очевидныхъ интересахъ, или въ той или другой части ихъ мнѣній, обычаевъ и стремленій; а это открываетъ видъ на дальнѣйшія различія безъ всякой опредѣлимой границы, — различія, могущія дѣйствовать на промышленое благосостояніе этихъ народовъ, какъ и на всякую другую черту ихъ состоянія, такими путями, что ихъ нельзя ни перечислить, ни вообразить. Такимъ образомъ доказана невозможность получить въ изслѣдованіяхъ соціальной науки условія, требуемыя для наиболѣе доказательной формы изслѣдованія спеціальнымъ опытомъ.

При отсутствіи прямаго метода, мы можемъ употребить вспомогательное средство, которое выше было названо *непрямымъ методомъ разницы*: этотъ методъ, вмѣсто двухъ случаевъ, различающихся только присутствіемъ или отсутствіемъ даннаго обстоятельства, сравниваетъ два *класса* случаевъ, взаимно согласныхъ только въ присутствіи обстоятельства на одной сторонѣ и въ отсутствіи его на другой. Чтобы выбрать самый выгодный случай, какой только можно себѣ представить (случай, слишкомъ выгодный, чтобы его можно было найти), предположимъ, что мы сравниваемъ народъ, держащійся стѣснительной политики, съ двумя или болѣе народами, не сходными ни въ чемъ, кромѣ дозво-

ленія свободной торговли. Намъ не нужно предполагать, что который-либо изъ этихъ народовъ согласуется съ первымъ во всѣхъ своихъ обстоятельствахъ; одинъ можетъ согласоваться съ нимъ въ однихъ изъ своихъ обстоятельствъ, другой въ остальныхъ. Можно заключить, что если эти народы остаются бѣднѣйшими, чѣмъ стѣсняющій торговлю, то это происходитъ не отъ недостатка перваго или втораго ряда обстоятельствъ, а должно происходить отъ недостатка покровительственной системы. Если (такъ сказать) стѣсняющая нація процвѣтала отъ одного рода причинъ, то первая изъ свободно-торговыхъ націй процвѣтала бы точно такъ же; если отъ другаго рода, то процвѣтала бы вторая; но нѣтъ ни того, ни другаго: слѣдовательно, процвѣтаніе происходило отъ ограниченій. Это будетъ признано за весьма благопріятный образчикъ аргумента отъ спеціальнаго опыта въ политикѣ, и если онъ не имѣетъ доказательной силы, то не легко найти другой, который бы можно было ему предпочесть.

А что онъ не имѣетъ доказательной силы, это едвали нужно разъяснять. Почему благоденствующая нація благоденствовала исключительно только отъ одной причины? Національное благосостояніе есть всегда коллективный результатъ множества благопріятныхъ обстоятельствъ, и изъ нихъ стѣсняющая нація можетъ соединять въ себѣ большее число, чѣмъ каждая изъ другихъ, хотя эти обстоятельства могутъ быть у ней общія съ одною или съ другою. Ея благосостояніе можетъ зависѣть частію отъ обстоятельствъ общихъ, ей съ одною изъ этихъ націй, а частію отъ общихъ съ другою, тогда какъ тѣ, имѣя каждая лишь половину числа благопріятныхъ обстоятельствъ, остаются ниже ея. Итакъ, въ соціальной наукѣ, самое близкое подражаніе правильной индукціи отъ прямаго опыта, какое только можно сдѣлать, даетъ лишь обманчивую видимость доказательной силы, безъ всякаго дѣйствительнаго значенія.

§ 4. Такъ какъ *методъ разницы* въ той и другой своей формѣ, долженъ быть устраненъ, то остается *методъ совпаденія*. Но мы уже знаемъ, какую малую силу имѣетъ этотъ методъ въ случаяхъ, допускающихъ множество причинъ: а соціальныя явленія суть такія явленія, въ которыхъ это множество господствуетъ въ возможно-широкомъ размѣрѣ.

Представимъ себѣ, что наблюдатель нашелъ самый счастливый случай, какой только можетъ быть данъ сочетаніемъ случайностей: что онъ нашелъ два народа, которые не сходны между собою ни въ какихъ обстоятельствахъ, за исключеніемъ того, что оба держатся ограничительной системы и оба благоденствуютъ, — или нѣсколько народовъ, которые всѣ благоденствуютъ и у которыхъ нѣтъ никакихъ общихъ предшествующихъ обстоятельствъ, кромѣ того, что они держасся ограничительной политики. Нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе невозможности удостовѣриться изъ исторіи или изъ современнаго наблюденія, что фактъ дѣйствительно таковъ: что народы не сходны ни въ какомъ другомъ обстоятельствѣ, могущемъ имѣть вліяніе на случай. Предположимъ, что эта невозможность побѣждена: положимъ, мы удостовѣрились въ фактѣ, что они сходны только въ ограничительной системѣ, какъ предъидущемъ, и въ промышленомъ процвѣтаніи, какъ послѣдующемъ. Насколько можно отсюда предполагать, что ограничительная система была причиной благосостоянія? Такое заключеніе вовсе не имѣетъ силы. Что нѣкоторое предшествующее есть причина даннаго результата, такъ какъ всѣ другія предшествующія могутъ быть исключены, будетъ правильнымъ заключеніемъ только въ томъ случаѣ, если этотъ результатъ можетъ имѣть лишь одну причину. Если онъ допускаетъ нѣсколько причинъ, то ничто не можетъ быть естественнѣе того, что каждая изъ нихъ отдѣльно допускаетъ исключеніе. Но, въ случаѣ политическихъ явленій, предположеніе единства причины не только далеко отъ истины, а находится отъ нея на неизмѣримомъ разстояніи. Причины каждаго изъ соціальныхъ явленій, которыми мы особенно заинтересованы, безопасности, богатства, свободы, хорошаго управленія, общественной нравственности, общественнаго просвѣщенія, или противоположныхъ явленій — безчисленны; въ особенности внѣшнія или отдаленныя причины, которыя однѣ, большею частію, и доступны прямому наблюденію. Ни одна причина сама по себѣ не можетъ произвести котораго-либо изъ этихъ явленій, между тѣмъ есть безчисленныя причины, которыя имѣютъ на нихъ нѣкоторое вліяніе и могутъ содѣйствовать или ихъ происхожденію, или ихъ предотвращенію. Поэтому, изъ простаго факта, что мы можемъ исключить какое-нибудь обстоятельство, мы никакимъ образомъ не можетъ заключать, что это обстоятельство не содѣйство-

вало результату въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ самыхъ случаевъ, изъ которыхъ мы его исключили. Мы можемъ заключить, что результатъ происходитъ иногда и безъ этого обстоятельства; но не то, что когда оно присутствуетъ, оно не содѣйствуетъ результату.

Подобныя возраженія прилагаются и къ методу *сопутствующихъ измѣненій*. Еслибы причины, дѣйствующія на состояніе какого-нибудь общества, производили результаты, различные одинъ отъ другаго по роду; еслибы богатство зависѣло отъ одной причины, миръ отъ другой, третья дѣлала бы народъ нравственнымъ, четвертая просвѣщеннымъ, то мы, хотя и не были бы въ состояніи отдѣлить одну причину отъ другой, могли бы отнести къ каждой изъ нихъ то свойство результата, которое возрастало, когда она возрастала, и которое уменьшалось, когда она уменьшалась. Но каждое качество общественнаго тѣла подчинено вліянію безчисленныхъ причинъ; и таково взаимное дѣйствіе сосуществующихъ элементовъ общества, что все, вліяющее на который-либо изъ наиболѣе важныхъ элементовъ, уже тѣмъ самымъ, если не дѣйствуетъ на нихъ прямо, дѣйствуетъ косвенно. Поэтому, слѣдствія различныхъ вліяній не различаются по качеству, а количество ихъ есть смѣшанный результатъ всѣхъ вліяній, такъ что измѣненія аггрегата не могутъ находиться въ равномѣрной пропорціи къ измѣненію которой-либо изъ его составныхъ частей.

§ 5. Остается *методъ остатковъ;* на первый взглядъ онъ кажется менѣе чуждымъ этого рода изслѣдованія, чѣмъ три другіе метода, такъ какъ онъ требуетъ только того, чтобы мы тщательно замѣчали обстоятельства одной страны или одного состоянія общества. Принимая потомъ во вниманіе дѣйствіе всѣхъ силъ, которыхъ стремленія извѣстны, мы можемъ съ вѣроятностію приписать остатокъ, необъясняемый этими причинами,—остальнымъ обстоятельствамъ, которыя, какъ мы знаемъ, существовали въ этомъ случаѣ. Нѣчто подобное представляетъ методъ, которому Кольриджъ, какъ онъ самъ пишетъ, слѣдовалъ въ своихъ политическихъ статьяхъ въ Morning Post. «При каждомъ великомъ событіи старался найти въ прошедшей исторіи случай, наиболѣе на него похожій. Я собиралъ какъ можно больше современныхъ ему исторій, мемуаровъ и памфлетовъ. Потомъ, добросовѣстно отдѣливъ черты разницы отъ точекъ сходства, я, смотря по тому, на той или на другой сторонѣ былъ перевѣсъ,

дѣлалъ предположеніе о сходствѣ или различіи, которое долженъ представлять результатъ. Такъ, напримѣръ, я поступалъ въ ряду опытовъ подъ заглавіемъ: «Сравненіе Франціи при Наполеонѣ съ Римомъ при первыхъ Цезаряхъ» — и въ слѣдовавшихъ затѣмъ: «О вѣроятномъ конечномъ возстановленіи Бурбоновъ.» Тому же самому плану я слѣдовалъ въ началѣ испанской революціи, и съ такимъ же успѣхомъ, взявши за основу сравненія войну соединенныхъ провинцій съ Филиппомъ II.» Въ этомъ изслѣдованіи онъ, безъ сомнѣнія, употреблялъ методъ остатковъ: «отдѣляя черты различія отъ чертъ сходства», онъ, конечно, взвѣшивалъ ихъ и не довольствовался однимъ ихъ перечисленіемъ: онъ, безъ сомнѣнія, бралъ только тѣ черты сходства, которыя считалъ способными, по самой ихъ природѣ, производить вліяніе на результатъ, и, принявъ въ разсчетъ это вліяніе, заключалъ, что остальное въ результатѣ должно быть отнесено къ чертамъ различія.

Какова бы ни была пригодность этого метода, онъ, какъ мы уже прежде замѣтили, не есть методъ чистаго наблюденія и опыта; онъ заключаетъ не отъ сравненія случаевъ, а отъ сравненія случая съ результатомъ предшествовавшей дедукціи. Прилагаемый къ общественнымъ явленіямъ, онъ предполагаетъ, что причины, отъ которыхъ происходитъ часть результата, уже извѣстны; а такъ какъ мы показали, что онѣ не могутъ быть извѣстны изъ спеціальнаго опыта, то онѣ должны быть найдены посредствомъ вывода изъ принциповъ человѣческой природы; къ опыту здѣсь обращаются только какъ къ вспомогательному средству для опредѣленія причинъ, производящихъ необъяснимый остатокъ. Но если можно прибѣгать къ началамъ человѣческой природы для установленія нѣкоторыхъ политическихъ истинъ, то къ нимъ можно прибѣгать для установленія всѣхъ такихъ истинъ. Если позволительно сказать: Англія должна была процвѣтать въ силу запретительной системы, такъ какъ, принявъ въ разсчетъ всѣ другія дѣйствовавшія стремленія, мы находимъ часть благосостоянія, еще требующую объясненія, то должно быть позволительно обратиться къ тому же источнику относительно дѣйствія запретительной системы и изслѣдовать, какое объясненіе *ея* стремленій можно извлечь изъ законовъ человѣческихъ мотивовъ и дѣйствій. Въ дѣйствительности, опытный аргументъ ничего и не содержитъ, кромѣ повѣрки заключенія, выводимаго изъ этихъ общихъ

законовъ. Мы можемъ вычесть дѣйствіе одной, двухъ, трехъ, четырехъ причинъ, но никогда не съумѣемъ вычесть дѣйствіе всѣхъ причинъ, кромѣ одной; между тѣмъ, мы представили бы странный примѣръ вреда слишкомъ большой осторожности, еслибы, для избѣжанія зависимости отъ апріорическаго разсужденія относительно дѣйствія одной причины, мы считали нужнымъ зависѣть отъ столькихъ отдѣльныхъ апріористическихъ разсужденій, сколько причинъ дѣйствуютъ совмѣстно съ этою частною причиною въ какомъ-нибудь данномъ случаѣ.

Теперь мы достаточно охарактеризовали грубую ошибку того способа изслѣдованія политическихъ явленій, который я назвалъ *химическимъ методомъ*. Такого продолжительнаго разсужденія не было бы нужно, еслибы право авторитетно рѣшать политическіе вопросы принадлежало лишь лицамъ, которыя надлежащимъ образомъ изучили какой-нибудь изъ высшихъ отраслей естествознанія. Но большинство лицъ, которыя, для собственнаго удовольствія и удовольствія болѣе или менѣе значительнаго числа почитателей, разсуждаютъ о политическихъ предметахъ, ничего не знаетъ о методахъ физическаго изслѣдованія, кромѣ немногихъ правилъ, которыя они какъ попугаи повторяютъ вслѣдъ за Бэкономъ, совершенно не замѣчая, что Бэконово понятіе о научномъ изслѣдованіи пережило свое время, и что теперь наука подвинулась на болѣе высокую степень. И потому, есть много людей, которымъ замѣчанія, подобныя предъидущимъ, могутъ быть полезны. Въ тотъ вѣкъ, когда сама химія, при изслѣдованіи болѣе сложныхъ химическихъ послѣдовательностей, послѣдовательностей животнаго или даже растительнаго организма, нашла необходимымъ сдѣлаться и успѣла сдѣлаться *наукою дедуктивною*, — нельзя опасаться, чтобы кто-нибудь, обладающій научными привычками и не отставшій отъ общаго движенія въ познаніи природы, подвергался искушенію приложить методы элементарной химіи къ изученію послѣдовательностей самаго сложнаго рода существующихъ явленій.

ГЛАВА VIII.

О ГЕОМЕТРИЧЕСКОМЪ ИЛИ ОТВЛЕЧЕННОМЪ МЕТОДѢ.

§ 1. Въ ошибку, разсмотрѣнную нами въ предъидущей главѣ, впадаютъ, какъ мы сказали, главнымъ образомъ лица, мало привычныя къ научнымъ изслѣдованіямъ: практики въ политикѣ, которые скорѣе употребляютъ общія мѣста философіи для оправданія своей практики, чѣмъ стараются руководить свою практику философскими принципами, или же люди мало образованные, которые, будучи незнакомы съ тщательнымъ выборомъ и точнымъ сравненіемъ случаевъ, какого требуетъ образованіе здравой теоріи, стараются основать свою теорію на немногихъ совпаденіяхъ, случайно ими замѣченныхъ.

Ошибочный методъ, о которомъ мы будемъ говорить теперь, напротивъ, свойственъ мыслящимъ и преданнымъ наукѣ умамъ. Онъ не пришелъ бы въ голову никому, кромѣ лицъ, нѣсколько знакомыхъ съ сущностью научнаго изслѣдованія; лицъ, которыя, зная невозможность — посредствомъ случайныхъ наблюденій или прямыхъ опытовъ установить истинную теорію послѣдовательностей столь сложныхъ, какъ послѣдовательности соціальныхъ явленій, — прибѣгаютъ къ болѣе простымъ законамъ, непосредственно дѣйствующимъ въ этихъ явленіяхъ и представляющимъ не что иное, какъ законы природы участвующихъ въ нихъ людей. Эти мыслители понимаютъ (чего не понимаютъ приверженцы химической или опытной теоріи), что наука объ обществѣ необходимо должна быть дедуктивна. Но вслѣдствіе недостаточнаго изученія особой природы разсматриваемаго предмета, — а часто и потому (такъ какъ ихъ собственное научное развитіе остановилось на слишкомъ ранней ступени), что ихъ уму геометрія представляется типомъ всякой дедуктивной науки, — они безсознательно уподобляютъ дедуктивную науку объ обществѣ скорѣе геометріи, чѣмъ астрономіи и физикѣ.

Изъ различій, существующихъ между геометріей (наукой сосуществующихъ фактовъ, совершенно независимыхъ отъ законовъ послѣдовательности явленій), и тѣми физическими *науками причинности*, ко-

Digitized by Google

торыя сдѣланы дедуктивными, слѣдующее различіе есть одно изъ самыхъ явственныхъ: геометрія не даетъ никакого мѣста тому, что́ такъ постоянно встрѣчается въ механикѣ и ея приложеніяхъ: случаю противодѣйствующихъ силъ,—причинъ, которыя уничтожаютъ или видоизмѣняютъ одна другую. Въ механикѣ мы постоянно находимъ, что двѣ или болѣе движущія силы производятъ не движеніе, а покой, или движеніе въ направленіи, отличномъ отъ того, которое было бы произведено тою или другою изъ дѣйствующихъ силъ. Правда, результатъ соединенныхъ силъ, когда онѣ дѣйствуютъ въ одно время, тотъ же самый, какъ еслибы онѣ дѣйствовали одна послѣ другой или попеременно; а въ этомъ самомъ и заключается различіе между механическими и химическими законами. Но все-таки результаты, будутъ ли они произведены послѣдовательнымъ или одновременнымъ дѣйствіемъ, вполнѣ или частію уничтожаютъ другъ друга; что́ дѣлаетъ одна сила, то другая отчасти или вполнѣ уничтожаетъ. Никакого подобнаго положенія вещей нѣтъ въ геометріи. Результатъ, вытекающій изъ одного геометрическаго принципа, не заключаетъ ничего, что противорѣчило бы результату, слѣдующему изъ другаго. Что́ доказано какъ вѣрное одною геометрической теоремою, что́ было бы вѣрно, еслибы не существовало никакихъ другихъ геометрическихъ принциповъ, то́ не можетъ быть измѣнено или отвергнуто на основаніи какого-нибудь другаго принципа. Что́ однажды доказано, то́ справедливо во всѣхъ случаяхъ, какое бы предположеніе ни дѣлалось относительно всякаго другаго предмета.

Однако, понятіе, подобное этому послѣднему, повидимому, составилось относительно соціальной науки въ умахъ первыхъ ученыхъ, которые пытались обрабатывать ее посредствомъ дедуктивнаго метода. Механика была бы наукою весьма похожею на геометрію, еслибы каждое движеніе происходило только отъ одной силы, а не отъ стеченія нѣсколькихъ силъ. Въ геометрической теоріи общества, повидимому, предполагается, что таковъ именно случай соціальныхъ явленій; что каждое изъ нихъ происходитъ всегда отъ одной только силы, отъ единичнаго свойства человѣческой природы.

На той точкѣ, до которой мы теперь достигли, нѣтъ необходимости говорить что́ бы то ни было въ доказательство или въ поясненіе

положенія, что истинный характеръ соціальныхъ явленій не таковъ. Между этими, самыми сложными и (по этой причинѣ) наиболѣе измѣнчивыми явленіями нѣтъ ни одного, на которое не оказывали бы вліянія безчисленныя силы и которое не зависѣло бы отъ соединенія нѣсколькихъ причинъ. Итакъ, нѣтъ нужды доказывать, что понятіе, о которомъ идетъ рѣчь, есть ошибка, а нужно лишь доказать, что ошибка эта дѣлается; что столь превратное пониманіе способа, которымъ производятся явленія общества, дѣйствительно было раздѣляемо.

§ 2. Многочисленный отдѣлъ мыслителей, разсматривавшихъ соціальные факты согласно геометрическимъ методамъ, не допускающимъ никакого измѣненія одного закона другимъ, въ настоящую минуту долженъ быть, пока, оставленъ безъ вниманія: у нихъ эта ошибка осложнена и порождена другимъ фундаментальнымъ заблужденіемъ, о которомъ мы уже упоминали и которое будемъ разбирать далѣе. Я говорю о тѣхъ, которые выводятъ политическія заключенія не изъ законовъ природы, не изъ послѣдовательности явленій, дѣйствительной ли, или воображаемой, а изъ неизмѣнныхъ практическихъ правилъ. Таковы, напримѣръ, всѣ тѣ, кто основываетъ свою теорію политики на томъ, что называется отвлеченнымъ правомъ, т. е. на всеобщихъ предписаніяхъ. Химерическое свойство этого признанія мы уже показали. Таковы же и тѣ, кто дѣлаетъ предположеніе соціальнаго контракта или какого-нибудь другаго рода первоначальнаго обязательства и прилагаетъ его къ частнымъ случаямъ посредствомъ простаго истолкованія. У этихъ главная ошибка заключается въ томъ, что они пытаются обращаться съ искусствомъ какъ съ наукой и получаютъ дедуктивное искусство, — нраціональность чего будетъ показана въ одной изъ будущихъ главъ. Мы хорошо сдѣлаемъ, если возьмемъ примѣры геометрической теоріи у тѣхъ мыслителей, которые избѣжали этого добавочнаго заблужденія и которые, слѣдовательно держатся болѣе правильнаго понятія о природѣ политическаго изслѣдованія.

Мы можемъ, во-первыхъ, указать на тѣхъ, которые принимаютъ за принципъ своей политической философіи, что правленіе основано на страхѣ; что боязнь другъ друга есть мотивъ, приведшій первоначально людей въ состояніе общества и удерживающій ихъ въ этомъ состояніи. Нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей въ политикѣ, въ особенности Гоббзъ,

принимали это положеніе, не безмолвно, а совершенно прямо, за основаніе своего ученія и старались построить на немъ полную философію политики. Правда, Гоббзъ не находилъ, чтобы одно это правило было достаточно для построенія на немъ всего предмета, и былъ вынужденъ дополнить его двойнымъ софизмомъ первоначальнаго контракта. Я называю это двойнымъ софизмомъ; во-первыхъ, такъ какъ тутъ фикція признается за фактъ, и во-вторыхъ, такъ какъ практическое правило или предписаніе принимается за основаніе теоріи, что составляетъ petitio principii. Говоря объ этомъ софизмѣ, мы уже указывали всякое правило поведенія, хотя бы оно было такъ же обязательно, какъ исполненіе обѣщанія, должно опирать свои основанія на теоріи предмета, и, слѣдовательно, теорія на немъ опираться не можетъ.

§ 3. Опуская менѣе замѣчательные случаи, я обращаюсь къ самому замѣчательному примѣру геометрическаго метода въ политикѣ, представляемому нашимъ временемъ. Онъ дается намъ лицами, которыя очень хорошо знали различіе между наукою и искусствомъ; знали, что правила должны слѣдовать за познаніемъ законовъ природы, а не предшествовать имъ, и что эти законы, а не правила, составляютъ настоящее поприще для приложенія дедуктивнаго метода. Я разумѣю философію интереса школы Бентама.

Глубокіе и оригинальные мыслители, обыкновенно обозначаемые этимъ названіемъ, основывали свою общую теорію правительства на той многообъемлющей посылкѣ, что дѣйствія людей всегда опредѣляются ихъ интересами. Въ этомъ послѣднемъ выраженіи есть двусмысленность; такъ какъ эти же философы, особенно Бентамъ, придаютъ названіе интереса всему, что̀ нравится какому-нибудь лицу, то это положеніе можно разумѣть въ такомъ простомъ смыслѣ, что дѣйствія людей всегда опредѣляются ихъ желаніями. Но въ этомъ смыслѣ оно не порождало бы ни одного изъ тѣхъ слѣдствій, которыя выводятся изъ него упомянутыми писателями, и, слѣдовательно, въ ихъ политическихъ разсужденіяхъ это слово должно быть понимаемо такъ (какъ они и сами объясняютъ въ подобныхъ случаяхъ), что подъ нимъ разумѣется частный или мірской интересъ.

И потому, если мы будемъ понимать ихъ ученіе въ этомъ смыслѣ, то сейчасъ же, на порогѣ представляется возраженіе, которое можно

считать роковымъ для дѣла, именно, что столь обширное положеніе далеко отъ того, чтобы быть всегда справедливымъ. Люди не во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ управляются мірскими интересами. Но это возраженіе вовсе не такъ рѣшительно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; въ политикѣ, большею частью, мы имѣемъ дѣло съ поведеніемъ не отдѣльнаго лица, а либо ряда лицъ (напр. ряда королей), либо массы лицъ, народа, аристократіи или представительнаго собранія. А что справедливо о значительномъ большинствѣ человѣчества, то безъ большой ошибки можетъ быть признано справедливымъ и о послѣдовательномъ рядѣ лицъ, разсматриваемомъ какъ цѣлое, или о всякомъ собраніи, въ которомъ дѣйствіе большинства становится актомъ цѣлаго общества. Итакъ, хотя правило выражается иногда такъ, что получаетъ ненужный парадоксальный видъ, однако слѣдствія, извлеченныя изъ него будутъ справедливы, лишь бы утвержденіе было ограничено слѣдующимъ образомъ: Всякій послѣдовательный рядъ лицъ или большинство всякой массы лицъ управляется въ своихъ поступкахъ, взятыхъ въ совокупности, своими личными интересами. Мы обязаны предоставить этой школѣ мыслителей выгоду такого болѣе раціональнаго выраженія ихъ главнаго правила, что, впрочемъ, строго согласуется съ тѣми объясненіями, которыя дѣлаются ими самими въ случаѣ возраженій.

Далѣе теорія заключаетъ, и совершенно вѣрно, что если дѣйствія человѣчества опредѣляются, главнымъ образомъ, его эгоистическими интересами, то правителями, управляющими согласно съ интересами управляемыхъ, будутъ только лица, питающія эгоистическій интересъ, согласный съ этими интересами. Къ этому прибавляется третье положеніе, именно, что никакіе правители не будутъ имѣть эгоистическихъ интересовъ, согласныхъ съ интересами управляемыхъ, если это согласіе не установится отвѣтственностію, т. е. зависимостію отъ воли управляемыхъ. Другими словами (и вотъ результатъ всего), желаніе удержать власть или страхъ потерять ее и слѣдствія того и другаго — таковъ единственный мотивъ, который дѣйствительно можетъ вызвать со стороны правителей образъ дѣйствій, согласный съ общимъ интересомъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ основную теорему политической науки, состоящую изъ трехъ силлогизмовъ и зависящую, главнымъ образомъ, отъ двухъ общихъ посылокъ, въ каждой изъ которыхъ из-

вѣстное дѣйствіе считается производимымъ одною причиною, а не стеченіемъ нѣсколькихъ причинъ. Въ одной предполагается, что дѣйствія обыкновенныхъ правителей опредѣляются только эгоистическимъ интересомъ; въ другой, что чувство тожества въ интересахъ съ управляемыми производится и можетъ быть производимо не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтственностію.

Ни одно изъ этихъ положеній не вѣрно; послѣднее весьма далеко отъ истины.

Несправедливо, чтобы дѣйствія даже обыкновенныхъ правителей вполнѣ или хоть приблизительно опредѣлялись ихъ личнымъ интересомъ, или даже ихъ собственнымъ мнѣніемъ о своемъ личномъ интересѣ. Я не говорю о вліяніи чувства долга или о филантропическихъ чувствахъ, — мотивахъ, на которые вообще нельзя полагаться, хотя (за исключеніемъ странъ или періодовъ, представляющихъ большое нравственное паденіе) они обнаруживаютъ свое вліяніе въ нѣкоторой степени на всѣхъ правителей, а на иныхъ и въ весьма значительной Но я настаиваю лишь на томъ, что́ справедливо относительно всѣхъ правителей, т. е. что характеръ и образъ ихъ дѣйствій подверженъ сильному вліянію (независимо отъ личнаго разсчета) обыкновенныхъ чувствъ и мнѣній, общаго образа мыслей и дѣйствій, господствующаго въ томъ обществѣ, въ которомъ правители живутъ, а также — чувствъ, обычаевъ и образа мыслей, характеризующихъ тотъ особенный классъ въ этомъ обществѣ, къ которому они сами принадлежатъ. И никто не пойметъ или не будетъ въ состояніи разгадать систему ихъ поведенія, если не приметъ въ разсчетъ всѣхъ этихъ вещей. Правители подвержены также вліянію правилъ и преданій, которыя перешли къ нимъ отъ другихъ правителей, ихъ предшественниковъ; извѣстно, что такія правила и преданія удерживаютъ вѣсъ въ теченіе долгихъ періодовъ, даже въ противорѣчіи съ частными интересами правителей въ данное время. Я умалчиваю о вліяніи другихъ менѣе общихъ причинъ. Итакъ, хотя частный интересъ правителей или правящаго класса есть весьма могущественная сила, постоянно дѣйствующая и оказывающая самое важное вліяніе на ихъ поведеніе однако значительная доля ихъ поведенія отнюдь не объясняется достаточно этимъ частнымъ интересомъ: и даже частности, составляющія хорошее или дурное свойство ихъ управленія, подвержены въ нѣкоторой, и не

малой, степени вліянію такихъ дѣйствующихъ на нихъ обстоятельствъ, которыя никакъ не могутъ быть включены въ терминъ личнаго интереса.

Обратимся теперь къ другому положенію, что отвѣтственность передъ управляемыми есть единственная причина, способная произвести въ правителяхъ чувство тожества ихъ интересовъ съ интересами общества; это положеніе еще менѣе можно допустить какъ общую истину, чѣмъ первое. Я не говорю о совершенномъ тожествѣ интересовъ, которое было бы невозможною химерою. Оно, безъ всякаго сомнѣнія, не могло бы быть произведено и отвѣтственностію передъ народомъ. Я говорю о тожествѣ существенныхъ интересовъ, а они бываютъ различны въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ. Есть много случаевъ, въ которыхъ вещи, наиболѣе предписываемыя правителями общимъ интересомъ, суть въ то же время вещи, къ которымъ ихъ побуждаетъ сильнѣйшій личный интересъ: утвержденіе ихъ власти. Напримѣръ, подавленіе анархіи и противодѣйствія законамъ, — полное установленіе авторитета центральнаго правительства въ такомъ состояніи общества, какое было въ Европѣ въ средніе вѣки, — есть одинъ изъ сильнѣйшихъ интересовъ какъ народа, такъ и правителей, просто потому, что они правители: и отвѣтственность съ ихъ стороны могла бы не усилить, а скорѣе различнымъ образомъ ослабить мотивы, побуждавшіе ихъ къ достиженію этой цѣли. Въ продолженіе бо́льшей части царствованія королевы Елисаветы и многихъ другихъ монарховъ, которыхъ мы могли бы назвать, чувство тожества интересовъ между государемъ и большинствомъ народа было, вѣроятно, сильнѣе, чѣмъ оно обыкновенно бываетъ въ отвѣтственныхъ правительствахъ: все, чего наиболѣе желалъ народъ, желалъ и монархъ. Кто изъ двухъ, Петръ Великій или тѣ грубые варвары, которыхъ онъ началъ цивилизовать, питали болѣе вѣрное стремленіе къ вещамъ, бывшимъ въ коренномъ интересѣ этихъ варваровъ?

Я не думаю здѣсь пытаться установить теорію правительства и не хочу опредѣлять относительный вѣсъ, который должно приписывать обстоятельствамъ, выпускаемымъ этою школою геометрическихъ политиковъ изъ своей системы, и тѣмъ, которыя въ нее принимаются. Мое дѣло только показать, что ихъ методъ былъ ненаучный, а не измѣрять объемъ ошибки, которая могла войти въ ихъ практическія заключенія.

Но ради справедливости къ этимъ политикамъ, нужно замѣтить, что ихъ заблужденіе касается не столько предмета, сколько его формы, и что оно состоитъ въ приданіи систематическаго вида и научной формы великаго философскаго вопроса тому, что́, согласно дѣйствительности, слѣдовало бы признать за простую современную полемику. Хотя дѣйствія правителей отнюдь не опредѣляются вполнѣ ихъ личными интересами, однако конституціонныя ограниченія требуются главнымъ образомъ какъ ручательства противъ этихъ личныхъ интересовъ; и для этой цѣли въ Англіи и въ другихъ націяхъ современной Европы обойтись безъ подобныхъ ограниченій невозможно. Точно такъ же справедливо, что въ этихъ самыхъ націяхъ въ настоящее время отвѣтственность передъ управляемыми есть единственное практически пригодное средство создать чувство тожества интересовъ въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ это чувство существуетъ не въ достаточной степени. Противъ всего этого и противъ аргументовъ, которые могутъ быть сдѣланы отсюда въ пользу мѣръ для исправленія нашей представительной системы, я не могу ничего возразить; но я долженъ выразить сожалѣніе, что небольшая, хотя въ высшей степени важная часть философіи правленія, которая понадобилась для непосредственной цѣли, именно для парламентской реформы, была выдана такими отличными мыслителями за полную теорію.

Нельзя считать возможнымъ да и не вѣрно фактически, чтобы эти философы смотрѣли на немногія посылки своей теоріи, какъ на заключающія въ себѣ все, что́ требуется для объясненія соціальныхъ явленій или для руководства въ выборѣ формъ правленія и въ мѣрахъ законодательныхъ и административныхъ. Философы эти слишкомъ образованы, слишкомъ обширнаго ума, а нѣкоторые слишкомъ трезваго и практическаго характера для подобной ошибки. Они станутъ прилагать да уже и прилагали свои принципы съ безчисленными уступками. Но надобны не уступки. Мало надежды исправить теорію надстройками когда недостаточно широки основанія. Нефилософское дѣло — построить науку не на всѣхъ силахъ, которыми опредѣляются явленія, и предоставить остальное рутинѣ практики или остроумію догадокъ. Мы или не должны претендовать на научныя формы, или же должны равномѣрно изучать всѣ опредѣляющія силы и стараться, насколько

это возможно, включить ихъ всѣ въ область науки. Иначе мы непремѣнно обратимъ несоразмѣрное вниманіе на принятыя въ разсчетъ нашею теоріею, а другія будемъ цѣнить невѣрно и, по всей вѣроятности, не дадимъ имъ надлежащаго вѣса. Желательно, чтобы дедукціи дѣлались изъ цѣлаго объема, а не изъ одной лишь части законовъ природы, которыхъ они касаются, — желательно даже въ томъ случаѣ, еслибы опускаемые законы были дотого незначительны въ сравненіи съ другими, что ихъ можно бы было, для большинства цѣлей и въ большинствѣ случаевъ, не принимать въ разсчетъ. Но далеко не то въ соціальной наукѣ. Явленія общества не зависятъ въ существенныхъ чертахъ отъ какой-нибудь одной силы или одного закона человѣческой природы, испытывая лишь незначительныя видоизмѣненія отъ другихъ. На эти явленія дѣйствуетъ совокупность качествъ человѣческой природы, и ни одно изъ этихъ качествъ не дѣйствуетъ въ слабой степени. Нѣтъ ни одного, удаленіе или значительное измѣненіе котораго не произвело бы существенной перемѣны во всемъ видѣ общества, не измѣнило бы болѣе или менѣе всѣхъ послѣдовательностей общественныхъ явленій.

Теорія, бывшая предметомъ этихъ замѣчаній, представляетъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, главный современный образчикъ того, что я назвалъ геометрическимъ методомъ философствованія въ соціальной наукѣ; и нашъ разборъ ея былъ поэтому болѣе подробенъ, чѣмъ ему слѣдовало бы быть въ сочиненіи, подобномъ настоящему. Пояснивши теперь въ достаточной степени два ошибочные метода, мы прямо перейдемъ къ истинному методу, который (сообразно съ обычаемъ наиболѣе сложныхъ физическихъ наукъ) дѣйствуетъ дедуктивно, но посредствомъ дедукціи изъ многихъ, а не изъ одной или нѣсколькихъ первоначальныхъ посылокъ, разсматриваетъ каждое дѣйствіе (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ) какъ сложный результатъ нѣсколькихъ причинъ, дѣйствующихъ иногда посредствомъ одной и той же, иногда посредствомъ различныхъ духовныхъ силъ или законовъ человѣческой природы.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ИЛИ КОНКРЕТНОМЪ ДЕДУКТИВНОМЪ МЕТОДѢ.

§ 1. Послѣ того, что́ было сказано для объясненія природы изслѣдованія соціальныхъ явленій, общій характеръ метода, годнаго для этого изслѣдованія, достаточно очевиденъ и нуждается не въ доказательствѣ, а только въ повтореніи. Какъ бы ни были сложны явленія, всѣ ихъ послѣдовательности и сосуществованія происходятъ отъ законовъ отдѣльныхъ элементовъ. Дѣйствіе, производимое въ общественныхъ явленіяхъ какимъ-нибудь сложнымъ рядомъ обстоятельствъ, строго равняется суммѣ дѣйствій обстоятельствъ, взятыхъ поодиначкѣ; и сложность происходитъ не отъ числа самыхъ законовъ, которыхъ не очень много, но отъ необыкновеннаго множества и разнообразія данныхъ или элементовъ, — тѣхъ агентовъ, которые, повинуясь этому малому числу законовъ, содѣйствуютъ результату. Итакъ, *соціальная наука*, такъ-называемая *соціологія* (барбаризмъ, но удобный), есть дедуктивная наука, не по образцу геометріи, но по образцу болѣе сложныхъ физическихъ наукъ. Она выводитъ законъ каждаго явленія изъ законовъ причинности, отъ которыхъ зависитъ это явленіе; однако же не изъ закона лишь одной причины, какъ это дѣлается въ геометрическомъ методѣ, а принимая во вниманіе всѣ причины, которыя совокупно имѣютъ вліяніе на результатъ, и слагая ихъ законы одни съ другими. Однимъ словомъ, ея методъ есть *конкретный дедуктивный методъ*, тотъ, котораго самый совершенный примѣръ представляетъ астрономія, менѣе совершенный — натуральная философія, и употребленіе котораго, съ требуемыми предметомъ приспособленіями и предосторожностями, начинаетъ пересоздавать физіологію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя же приспособленія и предосторожности необходимы въ соціологіи. Прилагая къ этому, самому сложному изъ всѣхъ, предмету методъ, который, какъ можно доказать, есть единственный способный пролить свѣтъ науки на явленія гораздо менѣе сложныя, мы должны имѣть въ виду, что та же самая высокая степень сложности, которая дѣлаетъ необходимымъ орудіе *дедукціи*,

дѣлаетъ его и менѣе надежнымъ; и мы должны быть готовы встрѣтить это увеличеніе трудности соотвѣтственными пріемами.

Дѣйствія и чувства людей въ соціальномъ состояніи, безъ сомнѣнія, вполнѣ управляются психологическими и этологическими законами: какое бы вліяніе данная причина ни производила на соціальныя явленія, она производитъ его по этимъ законамъ. Итакъ, если предположимъ, что законы человѣческихъ чувствъ и дѣйствій достаточно извѣстны, то не будетъ никакой чрезвычайной трудности опредѣлить по этимъ законамъ свойство соціальныхъ явленій, которыя стремится произвести каждая данная причина. Но если вопросъ въ томъ, чтобы сложить вмѣстѣ нѣсколько стремленій и вычислить совокупный результатъ нѣсколькихъ сосуществующихъ причинъ; въ особенности, если, стараясь предсказать, что́ случится въ данномъ случаѣ, мы будемъ обязаны опредѣлить и сложить вліянія всѣхъ причинъ, которыя могутъ встрѣтиться въ этомъ случаѣ, то мы возьмемъ задачу, успѣшное рѣшеніе которой превосходитъ мѣру человѣческихъ способностей.

Если всѣ средства науки недостаточны для того, чтобы мы могли вычислить a priori, съ полною точностію, взаимное дѣйствіе трехъ тѣлъ, тяготѣющихъ одно къ другому, то можно судить, съ какою надеждою на успѣхъ мы пытались бы вычислить результатъ сталкивающихся стремленій, дѣйствующихъ въ тысячѣ различныхъ направленій и производящихъ тысячу различныхъ перемѣнъ въ данное мгновеніе въ данномъ обществѣ,—хотя мы можемъ и должны быть въ состояніи, на основаніи законовъ человѣческой природы, довольно правильно различить самыя стремленія, насколько они зависятъ отъ причинъ, доступныхъ нашему наблюденію, и опредѣлить направленіе, какое дало бы обществу каждое изъ нихъ, если бы дѣйствовало одно, а также, по крайней мѣрѣ вообще, рѣшить, которое изъ этихъ стремленій могущественнѣе другихъ.

Но, не скрывая отъ себя необходимыхъ несовершенствъ апріорическаго метода въ приложеніи къ такому предмеду, мы не должны, съ другой стороны, ихъ преувеличивать. Тѣ же самыя возраженія, которыя прилагаются къ *методу дедукціи* при этомъ, самомъ трудномъ его употребленіи, прилагаются къ нему, какъ мы прежде показали [1],

---

[1] См. Т. I, стр. 516.

и въ самомъ легкомъ; и возраженія эти были бы неотразимы, если бы, какъ тогда было вполнѣ показано, не существовало соотвѣтственнаго вспомогательнаго средства. Это средство состоитъ въ пріемѣ, который мы охарактеризовали, подъ именемъ *повѣрки*, какъ третью существенную составную часть дедуктивнаго метода,—пріемѣ сравненія заключеній силлогизма либо съ самими конкретными явленіями, либо съ ихъ эмпирическими законами, если ихъ можно добыть. Основаніе довѣрія къ какой-нибудь конкретной дедуктивной наукѣ заключается не въ самомъ апріорическомъ разсужденіи, а въ согласіи между его результатами и результатами наблюденія a posteriori. Каждый изъ этихъ пріемовъ, взятый отдѣльно отъ другаго, теряетъ въ цѣнѣ по мѣрѣ возрастанія сложности предмета, и притомъ въ такой быстрой пропорціи, что скоро становится совершенно ничего не стоющимъ; но довѣріе, которое можно питать къ совокупности обоихъ родовъ доказательства, не уменьшается въ той же самой пропорціи; даже нѣтъ необходимости, чтобы оно вообще значительно уменьшалось. Происходитъ только нарушеніе порядка въ слѣдованіи двухъ пріемовъ, иногда доходящее до совершеннаго извращенія этого порядка, такъ что, вмѣсто вывода нашихъ заключеній разсужденіемъ и повѣрки ихъ наблюденіемъ, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ сначала получаемъ ихъ предположительно изъ спеціальнаго опыта, а потомъ связываемъ ихъ съ принципами человѣческой природы посредствомъ апріорическихъ умозаключеній, которыя въ такомъ случаѣ составляютъ дѣйствительную *повѣрку*.

Единственный мыслитель, который съ надлежащимъ знаніемъ научныхъ методовъ вообще старался охарактеризовать *методъ соціологіи*, г. Контъ, считаетъ этотъ обратный порядокъ за нераздѣльно принадлежащій къ природѣ соціологическаго умозрѣнія. Онъ смотритъ на соціальную науку, какъ на состоящую существеннымъ образомъ изъ обобщеній исторіи, повѣряемыхъ, а не указываемыхъ дедукціею изъ законовъ человѣческой природы. Хотя въ этомъ мнѣніи есть истина, важность которой я постараюсь сейчасъ показать, однако я думаю, что эта истина выражена слишкомъ неограниченнымъ образомъ и что въ соціологическомъ изслѣдованіи есть мѣсто какъ для прямаго, такъ и для обратнаго *дедуктивнаго метода*.

Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующей главѣ будетъ показано, что есть родъ соціологическихъ изслѣдованій, къ которымъ, по причинѣ ихъ страш-

ной сложности, методъ прямой дедукціи совершенно неприложимъ; между тѣмъ, по счастливому вознагражденію, именно въ этомъ случаѣ мы можемъ получить наилучшіе эмпирическіе законы, такъ что къ этимъ изслѣдованіямъ приложимъ исключительно *обратный методъ*. Но есть также, какъ мы сейчасъ покажемъ, другіе случаи, въ которыхъ невозможно получить изъ прямаго наблюденія ничего, достойнаго имени эмпирическаго закона; къ счастію, въ этихъ-то именно случаяхъ прямой методъ всего менѣе подверженъ возраженію, которому онъ, безъ сомнѣнія, всегда подпадаетъ въ нѣкоторой степени.

Мы начнемъ, слѣдовательно, съ того, что будемъ смотрѣть на *соціальную науку* какъ на науку прямой дедукціи, и посмотримъ, что́ и при какихъ ограниченіяхъ можно въ ней сдѣлать посредствомъ этого способа изслѣдованія. Потомъ, въ особой главѣ, мы разсмотримъ и постараемся охарактеризовать обратный процессъ.

§ 2. Очевидно, во-первыхъ, что соціологія, разсматриваемая какъ система дедукцій a priori, не можетъ быть наукою положительныхъ предсказаній, а только наукою стремленій. Мы можемъ заключать изъ законовъ человѣческой природы, прилагаемыхъ къ обстоятельствамъ даннаго состоянія общества, что извѣстная причина будетъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, если не встрѣтитъ противодѣйствія; но мы никогда не можемъ быть увѣрены, въ какомъ объемѣ или въ какой мѣрѣ она будетъ такимъ образомъ дѣйствовать, и не можемъ съ достовѣрностію утверждать, что ей ничто не будетъ противодѣйствовать; мы рѣдко можемъ знать, даже приблизительно, всѣ силы, которыя могутъ сосуществовать вмѣстѣ съ нею, а еще менѣе можемъ вычислить совокупный результатъ столь многихъ сочетающихся элементовъ. Однако, здѣсь снова слѣдуетъ замѣтить, что знаніе, недостаточное для предсказанія, можетъ имѣть большую цѣну для руководства. Для разумнаго веденія дѣлъ общества, точно такъ же, какъ и собственныхъ дѣлъ частнаго человѣка, нѣтъ необходимости, чтобы мы безошибочно предвидѣли результаты того, что́ дѣлаемъ. Мы должны стараться достигать нашихъ цѣлей средствами, которыя, можетъ быть, окажутся напрасными, и брать предосторожности противъ опасностей, которыя, можетъ быть, никогда не наступятъ. Цѣль практической политики — окружить данное общество возможно бо́льшимъ числомъ обстоя-

тельствъ, стремленія которыхъ благопріятны, и удалить либо ослабить, насколько это возможно, тѣ обстоятельства, которыхъ стремленія вредны. Силу для этого даетъ намъ въ извѣстной степени познаніе однихъ стремленій, безъ возможности точно предсказывать ихъ совокупный результатъ.

Впрочемъ, было бы ошибочно предполагать, что даже относительно стремленій мы достигнемъ такимъ образомъ до большаго числа предложеній, которыя были бы вѣрны для всѣхъ обществъ безъ исключенія. Такое предположеніе было бы несовмѣстно съ чрезвычайной измѣнчивостью соціальныхъ явленій и со множествомъ и разнообразіемъ обстоятельствъ, которыми они измѣняются, — обстоятельствъ, которыя никогда не бываютъ тѣ же самыя или даже приблизительно тѣ же самыя въ двухъ различныхъ обществахъ или въ двухъ различныхъ періодахъ одного и того же общества. Это не было бы очень важнымъ препятствіемъ, еслибы причины, дѣйствующія на общество вообще, были многочисленны, но было ограничено число тѣхъ причинъ, которыя производятъ вліяніе на какую-нибудь черту общества; тогда мы могли бы изолировать каждое частное соціальное явленіе и изслѣдовать его законы безъ помѣхи отъ остальныхъ явленій. Но на дѣлѣ бываетъ прямо противоположное этому. Все, что́ ни дѣйствуетъ въ замѣтной степени на какой-нибудь элементъ общественнаго состоянія, дѣйствуетъ черезъ него и на всѣ другіе элементы. Способъ происхожденія всѣхъ соціальныхъ явленій есть громадный примѣръ *смѣшенія законовъ*. Мы не можемъ ни понять теоретически, ни измѣнить практически какое бы то ни было состояніе общества, не принимая въ соображеніе состояній послѣдняго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Нѣтъ общественнаго явленія, которое не подвергалось бы бо́льшему или ме́ньшему вліянію всякой другой стороны состоянія того же общества и, слѣдовательно, всякой причины, имѣющей вліяніе на каждое изъ другихъ современныхъ общественныхъ явленій. Словомъ, существуетъ то, что́ физіологи называютъ *consensus*, нѣчто подобное сочувствію, существующему между различными органами и отправленіями физическаго организма человѣка и наиболѣе совершенныхъ животныхъ и составляющему одну изъ многихъ аналогій, по которымъ стали общеупотребительными такія выраженія, какъ «политическое тѣло» и «естественное тѣло». Изъ

этого сочувствія слѣдуетъ, что если только два общества не сходны между собою во всѣхъ обстоятельствахъ, которыя ихъ окружаютъ и имѣютъ на нихъ вліяніе (что́ предполагаетъ ихъ сходство въ предшествовавшей исторіи), то ни одна сторона ихъ явленій не будетъ строго соотвѣтствовать (развѣ случайной), и ни одна причина не будетъ производить на нихъ совершенно одинаковаго дѣйствія. Каждая причина, распространяя свое вліяніе по обществу, встрѣчается съ различными рядами силъ, и такимъ образомъ ея дѣйствія на какія-нибудь общественныя явленія различнымъ образомъ видоизмѣняются; и эти различія, своею реакціею, производятъ различіе и въ тѣхъ явленіяхъ, которыя безъ этого были бы одинаковы. И потому мы никогда не можемъ съ достовѣрностію утверждать, что какая-нибудь причина, имѣющая извѣстное стремленіе въ одномъ народѣ или въ извѣстномъ вѣкѣ, будетъ имѣть точно то же стремленіе въ другомъ, если не возвратимся къ нашимъ посылкамъ и не сдѣлаемъ для втораго вѣка или втораго народа того же самаго анализа совокупности вліяющихъ обстоятельствъ, какой мы уже сдѣлали для перваго вѣка и народа. Дедуктивная наука объ обществѣ не даетъ теоремы, утверждающей всеобщимъ образомъ дѣйствіе какой-либо причины; она скорѣе научаетъ насъ, какимъ образомъ составить надлежащую теорему для обстоятельствъ каждаго даннаго случая. Она не даетъ законовъ общества вообще, а только средства опредѣлить явленія каждаго даннаго общества изъ частныхъ элементовъ или данныхъ этого общества.

Итакъ, всѣ общія предложенія, которыя можетъ дать дедуктивная наука, суть, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, гипотетическія. Они основываются на нѣкоторомъ предположительномъ родѣ обстоятельствъ и указываютъ, какимъ образомъ данная причина дѣйствовала бы въ этихъ обстоятельствахъ, предполагая, что съ ними не были бы сопряжены другія. Если предполагаемый рядъ обстоятельствъ взятъ съ обстоятельствъ какого-нибудь существующаго общества, то заключенія будутъ вѣрны относительно этого общества, если только и насколько дѣйствіе этихъ обстоятельствъ не будетъ измѣнено другими, не принятыми въ разсчетъ. Если мы желаемъ подойти ближе къ конкретной истинѣ, то мы можемъ только стремиться къ этому, взявъ или стараясь взять во вниманіе большее число индивидуализирующихъ обстоятельствъ.

Digitized by Google

Но, сообразивъ, въ какой быстрой пропорціи возрастаетъ недостовѣрность нашихъ заключеній, по мѣрѣ того, какъ мы пытаемся ввести въ вычисленіе бо́льшее число содѣйствующихъ причинъ, мы увидимъ, что гипотетическія сочетанія обстоятельствъ, на которыхъ мы строимъ общія теоремы науки, нельзя дѣлать очень сложными, не увеличивая возможности ошибокъ въ такой степени, которая скоро лишитъ наши заключенія всякой цѣны. Этотъ способъ изслѣдованія, разсматриваемый какъ средство получить общія предложенія, долженъ поэтому, подъ опасеніемъ негодности, ограничиваться тѣми классами соціальныхъ фактовъ, которые, хотя подобно другимъ и подчинены вліянію всѣхъ соціологическихъ силъ, но находятся, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, подъ *непосредственнымъ* вліяніемъ лишь немногихъ.

§ 3. Не смотря на общій consensus общественныхъ явленій, при которомъ все, наступающее въ какой-либо части дѣятельности общества, не остается безъ своей доли вліянія на каждую другую сторону, и не смотря на преобладающее вліяніе, которое должно производить общее состояніе цивилизаціи и соціальнаго прогресса въ каждомъ данномъ обществѣ на всѣ частныя и подчиненныя явленія,—тѣмъ не менѣе справедливо, что различные виды соціальныхъ фактовъ, въ главныхъ чертахъ, зависятъ, непосредственно или въ первомъ источникѣ, отъ различныхъ родовъ причинъ и, слѣдовательно, не только могутъ быть съ пользою изучаемы отдѣльно, но и должны быть такъ изучаемы, совершенно подобно тому, какъ въ естественномъ тѣлѣ мы отдѣльно изучаемъ физіологію и патологію каждаго главнаго органа и каждой главной ткани, хотя они и подвергаются дѣйствію состоянія всѣхъ другихъ органовъ и тканей и хотя особенная конституція и общее состояніе здоровья организма также содѣйствуютъ и часто перевѣшиваютъ мѣстныя причины въ опредѣленіи состоянія какого-нибудь частнаго органа.

На этихъ соображеніяхъ основывается существованіе отдѣльныхъ, хотя не независимыхъ отраслей или отдѣловъ соціологическихъ изслѣдованій.

Такъ, напримѣръ, есть обширный классъ соціальныхъ явленій, въ которомъ непосредственно опредѣляющими причинами оказываются главнымъ образомъ тѣ, которыя дѣйствуютъ посредствомъ желанія богатства, и въ которыхъ главное значеніе, принадлежитъ тому общеизвѣст-

ному психологическому закону, что бо́льшая выгода предпочитается мѐньшей. Я разумѣю, конечно, ту часть явленій общества, которая проистекаетъ изъ промышленой, или производительной, дѣятельности общества и изъ тѣхъ дѣйствій людей, посредствомъ которыхъ совершается распредѣленіе продуктовъ этой промышленой дѣятельности, если только оно не производится силою или не видоизмѣняется произвольнымъ дареніемъ. Выходя изъ одного этого закона человѣческой природы и изъ главнѣйшихъ внѣшнихъ обстоятельствъ (или общихъ, или ограниченныхъ частными состояніями общества), дѣйствующихъ на человѣческую душу въ силу этого закона, мы можемъ быть въ состояніи объяснить или предсказать именно эту часть явленій общества, насколько они зависятъ отъ одного лишь этого класса обстоятельствъ; причемъ мы опускаемъ изъ виду всѣ другія обстоятельства общества и, слѣдовательно, не выслѣживаемъ обстоятельствъ, принимаемыхъ нами въ разсчетъ, до ихъ возможнаго происхожденія отъ какихъ-нибудь другихъ фактовъ общественнаго состоянія и не беремъ во вниманіе того, какъ эти другія обстоятельства могутъ разрушать или видоизмѣнять результаты первыхъ. Такимъ образомъ можетъ быть построена наука, получившая названіе *политической экономіи*.

Мотивъ, побуждающій къ отдѣленію этой части общественныхъ явленій отъ остальныхъ и къ построенію особой, къ нимъ относящейся, науки состоитъ въ томъ, что они *главнымъ образомъ*, по крайней мѣрѣ въ первой инстанціи, зависятъ только отъ одного класса обстоятельствъ; если и вмѣшиваются другія обстоятельства, то выводъ результатовъ, происходящихъ отъ одного упомянутаго класса обстоятельствъ, составляетъ столь сложное и трудное дѣло, что оказывается выгоднымъ — вывести эти результаты разъ навсегда и затѣмъ уже принимать въ разсчетъ дѣйствіе видоизмѣняющихъ обстоятельствъ, — въ особенности потому, что извѣстныя опредѣленныя комбинаціи первыхъ обстоятельствъ могутъ часто встрѣчаться въ сочетаніи съ постоянно-измѣняющимися обстоятельствами втораго класса.

Политическая экономія, какъ я уже сказалъ въ другомъ случаѣ, занимается только «тѣми явленіями общественнаго состоянія, которыя порождаются стремленіемъ къ богатству. Она разсуждаетъ вполнѣ отвлеченно отъ всякой другой человѣческой страсти, отъ всякаго побуж-

денія, кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть разсматриваемы какъ начала, постоянно противодѣйствующія желанію богатства: кромѣ отвращенія къ труду и желанія насладиться дорогими удовольствіями въ настоящемъ. Эти начала она въ извѣстной мѣрѣ принимаетъ въ соображеніе, такъ какъ они сталкиваются со стремленіемъ къ богатству не случайно, подобно другимъ нашимъ желаніямъ, но постоянно его сопровождаютъ, какъ тормазъ или задержка, и, слѣдовательно, неразлучно связаны съ разсужденіемъ о немъ. Политическая экономія разсматриваетъ человѣчество, какъ будто оно занято только пріобрѣтеніемъ и потребленіемъ богатства, и цѣль ея показать, каковъ будетъ образъ дѣйствій, къ которому пришли бы люди, живя въ обществѣ, еслибы этотъ мотивъ, за исключеніемъ той степени, въ которой онъ задерживается двумя вышеупомянутыми противоположными мотивами, былъ абсолютнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій. Она показываетъ, что люди, подъ вліяніемъ этого желанія, накопляютъ богатство и употребляютъ его для произведенія другихъ богатствъ; что они освящаютъ, по взаимному согласію, учрежденіе собственности, что они установляютъ законы, препятствующіе однимъ недѣлимымъ силою или хитростію захватывать собственность другихъ; что они принимаютъ различныя средства, способствующія возрастанію производительности ихъ труда; что они, по соглашенію, устраиваютъ распредѣленіе продуктовъ подъ вліяніемъ конкуренціи (самая же конкуренція управляется извѣстными законами, которые, слѣдовательно, суть послѣдніе регуляторы распредѣленія продуктовъ); что они употребляютъ извѣстныя средства (монета, кредитъ и проч.) для облегченія распредѣленія. Всѣ эти дѣйствія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ въ дѣйствительности составляютъ результатъ многихъ мотивовъ, политическая экономія разсматриваетъ, какъ проистекающія изъ одного желанія богатства. Затѣмъ наука изслѣдуетъ законы, управляющіе этими различными дѣйствіями, при томъ предположеніи, что человѣкъ есть существо, которое, по необходимости своей природы, предпочитаетъ бо́льшую массу богатства меньшей, во всѣхъ случаяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ указанными уже двумя противоположными мотивами. Не то, чтобы какой-нибудь политикоэкономъ былъ настолько нелѣпъ, что считалъ бы людей имѣющими такую натуру: нѣтъ; но таковъ именно путь, которымъ необ-

ходимо должна идти наука. Если какое-нибудь дѣйствіе зависитъ отъ стеченія причинъ, то эти причины должны быть изучаемы одна за другою, и ихъ законы должны быть изслѣдуемы отдѣльно, если мы желаемъ посредствомъ причинъ получить возможность предсказывать или контролировать дѣйствіе, законъ дѣйствія слагается изъ законовъ всѣхъ причинъ, которыя его производятъ. Законъ центростремительной силы и законъ тангенсальной должны были быть извѣстны прежде, чѣмъ могли быть объяснены и предсказываемы движенія земли и планетъ. То же самое вѣрно и относительно дѣйствій человѣка въ обществѣ. Желая судить, какъ онъ будетъ дѣйствовать при томъ разнообразіи желаній и отвращеній, которыя совокупно на него вліяютъ, мы должны знать, какъ онъ дѣйствовалъ бы подъ исключительнымъ вліяніемъ каждаго изъ нихъ въ частности. Можетъ быть, въ жизни человѣка нѣтъ ни одного дѣйствія, при которомъ бы онъ не былъ подъ непосредственнымъ или отдаленнымъ вліяніемъ другихъ побужденій, а не одного только желанія богатства. Въ отношеніи къ тѣмъ частямъ человѣческаго образа дѣйствій, главную цѣль которыхъ не составляетъ богатство, политическая экономія не должна считать своихъ заключеній имѣющими силу. Но есть извѣстныя области человѣческихъ дѣйствій, въ которыхъ пріобрѣтеніе богатства есть главная и признанная цѣль. Только ихъ и имѣетъ въ виду политическая экономія. Способъ, которымъ она по необходимости дѣйствуетъ, таковъ: она смотритъ на главную и признанную цѣль какъ на единственную, что́ составляетъ гипотезу самую близкую къ истинѣ изъ всѣхъ одинаково простыхъ гипотезъ. Политическая экономія изслѣдуетъ, каковы были бы дѣйствія, производимыя однимъ этимъ желаніемъ, еслибы въ области, о которой идетъ рѣчь, ему не препятствовало никакое другое желаніе. Такимъ образомъ получается болѣе близкое приближеніе, чѣмъ какимъ-нибудь инымъ путемъ, къ дѣйствительному ходу дѣлъ въ этихъ областяхъ. Потомъ приближеніе исправляется принятіемъ въ разсчетъ дѣйствій тѣхъ побужденій другаго рода, о которыхъ можетъ быть показано, что они вліяютъ на результатъ въ отдѣльномъ данномъ случаѣ. Только въ немногихъ, самыхъ разительныхъ случаяхъ (напримѣръ, въ отношеніи къ важному принципу населенія), эти поправки вносятся въ самое изложеніе политической экономіи, такъ что ради практической пользы нѣсколько

нарушается строгость чисто научнаго изложенія. Насколько извѣстно или возможно предполагать, что образъ дѣйствія людей въ стремленіи къ богатству находится подъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ свойствъ нашей природы, кромѣ желанія получить наибольшее количество богатства съ наименьшимъ трудомъ и самоотреченіемъ, — настолько заключенія политической экономіи не могутъ быть прилагаемы къ объясненію или предсказанію дѣйствительнаго событія, пока они не измѣнены точнымъ принятіемъ въ разсчетъ степени вліянія, производимаго другою причиною» (¹).

Изъ такихъ общихъ положеній, какъ указанныя выше, могутъ быть выведены обширныя и важныя практическія указанія въ каждомъ данномъ состояніи общества, даже если сперва и упущено изъ виду видоизмѣняющее вліяніе смѣшанныхъ причинъ, которыхъ теорія не принимаетъ въ разсчетъ, равно какъ и дѣйствіе общихъ соціальныхъ измѣненій въ силу прогресса. И хотя очень обыкновенная ошибка политико-экономовъ состоитъ въ томъ, что они выводятъ заключенія изъ элементовъ одного состоянія общества и прилагаютъ ихъ къ другимъ состояніямъ, въ которыхъ многіе элементы не одинаковы, однако и тутъ не трудно прослѣдить доказательства и, введя въ надлежащія мѣста новыя посылки, достигнуть того, что тотъ же ходъ доказательства, который служилъ для одного случая, будетъ служить и для другихъ.

Напримѣръ, было въ очень большомъ обычаѣ у англійскихъ политико-экономовъ разбирать законы распредѣленія продуктовъ промышленности при такомъ предположеніи, которое едвали гдѣ-нибудь осуществлено, кромѣ Англіи и Шотландіи, именно, что продукты «распредѣляются между тремя классами, различными одинъ отъ другаго: работниками, капиталистами и землевладѣльцами, и что всѣ эти три класса, и по закону, и на дѣлѣ, совершенно свободны полагать за свой трудъ, свой капиталъ и свою землю такую цѣну, какую могутъ за нихъ получить. Заключенія науки, будучи всѣ приспособлены къ обществу, устроенному такимъ образомъ, требуютъ пересмотра, если ихъ прилагать къ какому-нибудь другому обществу. Они неприложимы тамъ, гдѣ единственные капиталисты — землевладѣльцы и гдѣ работники

(¹) Essays on some Unsettled Questions of Political Economy, pp. 137 — 140.

составляютъ ихъ собственность, какъ въ невольническихъ странахъ. Заключенія неприложимы тамъ, гдѣ почти единственный землевладѣлецъ есть государство, какъ въ Индіи. Они неприложимы, тамъ гдѣ работникъ земледѣлецъ обыкновенно есть собственникъ и самой земли, и капитала, какъ во Франціи, или одного только капитала, какъ въ Ирландіи.» Правда, современнымъ политико-экономамъ часто можно весьма справедливо возразить, «что они пытаются построить постоянное зданіе изъ переходящаго матеріала; что они считаютъ несомнѣнною неизмѣнность такихъ сторонъ общественнаго устройства, изъ которыхъ многія по своей природѣ измѣнчивы и прогрессивны; что они выставляютъ съ столь малыми ограниченіями, какъ будто бы это были общія и абсолютныя истины, такія положенія, которыя, можетъ быть, приложимы лишь къ тому особенному состоянію общества, въ которомъ случилось жить писателю». Все это однако же не уничтожаетъ цѣны предложеній, если ихъ разсматривать въ примѣненіи къ тому состоянію общества, отъ котораго они взяты. И даже въ примѣненіи къ другимъ состояніямъ общества «не должно предполагать, что наука такъ неполна и неудовлетворительна, какъ это повидимому доказывается приведеннымъ выше. Хотя многія изъ ея заключеній вѣрны только мѣстнымъ образомъ, ея методъ изслѣдованія приложимъ повсюду; и какъ тотъ, кто рѣшилъ извѣстное число алгебрическихъ уравненій, можетъ безъ труда рѣшить всѣ другія уравненія того же рода, такъ знающій политическую экономію Англіи или даже одного Іоркшира, знаетъ политическую экономію всѣхъ народовъ, дѣйствительныхъ или возможныхъ, лишь бы онъ имѣлъ достаточно здраваго смысла не думать, что одно и то же заключеніе вытекаетъ изъ различныхъ посылокъ.» Кто вполнѣ понялъ законы, которые, при свободной конкуренціи, опредѣляютъ ренту, проценты и заработную плату, получаемые землевладѣльцами, капиталистами и работниками въ такомъ состояніи общества, въ которомъ эти три класса совершенно отдѣльны, для того не будетъ никакого затрудненія опредѣлить весьма отличные законы, управляющіе распредѣленіемъ продуктовъ между заинтересованными классами при тѣхъ состояніяхъ культуры и поземельной собственности, какія указаны въ предъидущей выпискѣ [1]).

[1]) Цитаты въ этомъ параграфѣ взяты изъ одной статьи, написанной авторомъ и напечатанной въ одномъ журналѣ, въ 1834 году.

§ 4. Я не пытаюсь здѣсь рѣшать, какія другія гипотетическія или отвлеченныя науки, подобныя политической экономіи, могутъ быть выкроены изъ общей совокупности соціальной науки; какія другія области соціальныхъ явленій находятся въ достаточно тѣсной и полной зависимости во-первыхъ, отъ нѣкотораго особаго класса причинъ, чтобы удобно было создать предварительную науку объ этихъ причинахъ; при чемъ разсмотрѣніе причинъ, дѣйствующихъ черезъ нихъ или вмѣстѣ съ ними, откладывалось бы до дальнѣйшаго періода изслѣдованія. Но между этими отдѣльными областями есть одна, которой нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ она отличается большимъ объемомъ и вліяніемъ, чѣмъ какая бы то ни было изъ отраслей, на которыя можно раздѣлить соціальную науку. Она также прямо занимается причинами только одного класса соціальныхъ фактовъ, но класса, который, посредственно или непосредственно, обнаруживаетъ огромное вліяніе на всѣ остальные. Я разумѣю то, что можно назвать *политическою этологіею*, — теорію причинъ, опредѣляющихъ типъ характера, свойственнаго какому-нибудь народу или какому-нибудь вѣку. Изъ всѣхъ подчиненныхъ отраслей соціальной науки эта отрасль болѣе другихъ находится еще во младенчествѣ. Причины національнаго характера едвали сколько-нибудь поняты, и дѣйствіе учрежденій или соціальнаго устройства на характеръ народа составляетъ вообще ту часть ихъ дѣйствій, которая всего менѣе была изучаема и понята. Это и не удивительно, если мы обратимъ вниманіе на младенческое состояніе самой *науки этологіи*, откуда должны быть взяты законы, которымъ истины политической этологіи служатъ лишь результатами и поясняющими примѣрами.

Между тѣмъ всякій, кто хорошенько разсмотритъ дѣло, найдетъ, что законы національнаго (или коллективнаго) характера составляютъ самый важный классъ соціологическихъ законовъ. Во-первыхъ, характеръ, образуемый извѣстнымъ состояніемъ общественныхъ обстоятельствъ, самъ по себѣ есть самое интересное явленіе, какое только можетъ представлять это состояніе общества. Во-вторыхъ, онъ есть также фактъ, который въ обширной степени входитъ въ произведеніе другихъ явленій. И прежде всего,—характеръ, т. е. мнѣнія, чувства и привычки народа, хотя бо́льшею частью составляютъ результатъ общественнаго состоянія, которое имъ предшествуетъ, суть однако, бо́льшею ча-

стію, причины общественнаго состоянія, которое за ними слѣдуетъ, и представляютъ силу, которою образуются всѣ искусственныя обстоятельства общества, напримѣръ законы и обычаи: обычаи — очевиднымъ образомъ, законы — не менѣе дѣйствительнымъ образомъ, или чрезъ прямое вліяніе общественнаго мнѣнія на управляющія власти, или чрезъ дѣйствіе, обнаруживаемое состояніемъ народнаго мнѣнія и чувства въ опредѣленіи формы правленія и въ образованіи характера правителей.

Какъ этого и слѣдовало ожидать, самая несовершенная часть изъ тѣхъ вѣтвей соціальнаго изслѣдованія, которыя были обрабатываемы въ видѣ отдѣльныхъ наукъ, есть теорія того, какое вліяніе имѣютъ на нихъ выводы этологическія соображенія. Это опущеніе не составляетъ ихъ недостатка какъ отвлеченныхъ или гипотетическихъ наукъ, но оно вноситъ недостатокъ въ ихъ практическое приложеніе, какъ отраслей обширной соціальной науки. Напримѣръ, въ политической экономіи, англійскіе мыслители молча признаютъ эмпирическіе законы человѣческой природы, имѣющіе силу только для Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Между прочимъ, напримѣръ, постоянно предполагается такая сила конкуренціи, которая, въ видѣ общаго меркантильнаго факта, не существуетъ ни въ какой странѣ міра, кромѣ этихъ двухъ. Англійскій политико-экономъ, да и вообще англичанинъ, рѣдко знаетъ возможность такого явленія, что люди, при продажѣ своихъ товаровъ за прилавкомъ, могутъ болѣе заботиться о своемъ удобствѣ или тщеславіи, чѣмъ о денежномъ барышѣ. Но тѣ, кому знакомы обычаи континентальной Европы, знаютъ, какіе, повидимому, ничтожные мотивы часто берутъ перевѣсъ надъ желаніемъ денежной выгоды, даже въ операціяхъ, главная цѣль которыхъ есть денежная выгода. Чѣмъ лучше будетъ обработана наука этологіи, и чѣмъ лучше будутъ дознаны разновидности индивидуальнаго и національнаго характера, тѣмъ меньше, вѣроятно, будетъ число предложеній, которыя можно будетъ считать надежными, чтобы строить на нихъ какъ на общихъ началахъ человѣческой природы.

Эти соображенія показываютъ, что процессъ раздробленія соціальной науки на отдѣлы, — такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ быть изучаемъ отдѣльно, и потомъ его заключенія были исправляемы для практики видоизмѣненіями, заимствуемыми изъ другихъ отдѣловъ, — долженъ быть подчиненъ по крайней мѣрѣ одному важному ограниченію. Только тѣ

части соціальныхъ явленій могутъ быть съ выгодою обращены, даже временно, въ предметы особыхъ отраслей науки, въ которыя разница въ характерѣ между различными народами или различными вѣками входитъ только какъ второстепенная дѣйствующая причина. Напротивъ, тѣ явленія, въ которыя на каждомъ шагу примѣшиваются вліянія этологическаго состоянія народа (такъ что связь причинъ и дѣйствій не можетъ быть указана даже грубымъ образомъ, если не принимать въ соображеніе этихъ вліяній) не могутъ быть съ выгодою или даже безъ большой невыгоды, разсматриваемы независимо отъ политической этологіи и, слѣдовательно, отъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на качества народа. По этой причинѣ (также какъ и по другимъ, которыя мы сейчасъ укажемъ) не можетъ быть особой *науки о правительствѣ*, такъ какъ правительство есть фактъ, который больше всѣхъ другихъ, и какъ причина, и какъ дѣйствіе, связанъ съ качествами отдѣльнаго народа или даннаго вѣка. Всѣ вопросы, относящіеся къ стремленіямъ формъ правительства, должны составлять часть общей науки объ обществѣ, а не отдѣльной ея вѣтви.

Остается теперь охарактеризовать эту общую *науку объ обществѣ*, какъ отличную отъ отдѣльныхъ областей науки (изъ которыхъ каждая дѣлаетъ свои выводы только условно, подвергая ихъ верховному контролю законовъ общей науки). Какъ мы тотчасъ покажемъ, здѣсь ничему нельзя дать дѣйствительно научнаго характера иначе, какъ посредствомъ обратнаго дедуктивнаго метода. Но прежде, чѣмъ мы оставимъ предметъ тѣхъ соціологическихъ изслѣдованій, которыя дѣйствуютъ путемъ прямой дедукціи, мы должны разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи они находятся къ неизбѣжному элементу всѣхъ дедуктивныхъ наукъ: къ *повѣркѣ спеціальнымъ опытомъ*, къ сравненію между выводами разсужденій и результатами наблюденія.

§ 5. Мы видѣли, что въ бо́льшей части дедуктивныхъ наукъ и въ самой этологіи, составляющей непосредственное основаніе *соціальной науки*, наблюдаемые факты подвергаются предварительной подготовкѣ, для того, чтобы ихъ можно было сравнить быстро и точно, а иногда чтобы вообще стало возможнымъ, сравнить ихъ съ заключеніями теоріи. Эта предварительная работа состоитъ въ нахожденіи общихъ предложеній, которыя точно выражали бы общія черты, принадлежащія боль-

шимъ классамъ наблюдаемыхъ фактовъ. А такія предложенія называются эмпирическими законами явленій. Итакъ, мы должны разсмотрѣть, не можетъ ли такой приготовительный процессъ быть совершенъ надъ фактами соціальной науки; не существуетъ ли эмпирическихъ законовъ въ исторіи или статистикѣ.

Въ статистикѣ, очевидно, могутъ быть иногда найдены эмпирическіе законы; нахожденіе ихъ составляетъ важную часть той системы непрямаго наблюденія, на которую мы часто должны опираться ради данныхъ для дедуктивной науки. Пріемъ науки состоитъ въ выводѣ дѣйствій изъ ихъ причинъ; но мы часто не иначе можемъ наблюдать причины, какъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Въ такихъ случаяхъ дедуктивная наука не можетъ предсказывать дѣйствій, за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ; она можетъ опредѣлить, какія причины способны произвести нѣкоторое данное дѣйствіе, но не можетъ сказать, какъ часто и въ какихъ количествахъ существуютъ эти причины. Такой именно случай представляетъ мнѣ газета, которая лежитъ передо мною. Одинъ изъ оффиціальныхъ кураторовъ представляетъ отчетъ, показывающій, въ числѣ различныхъ банкротствъ, которыя онъ по обязанности изслѣдовалъ, — сколько случаевъ было причинено дурнымъ веденіемъ дѣлъ и сколько неизбѣжными несчастіями. Результатъ тотъ, что число банкротствъ, причиняемыхъ дурнымъ веденіемъ дѣлъ, значительно превышаетъ число зависѣвшихъ отъ всякаго рода другихъ причинъ. Ничто, кромѣ спеціальнаго опыта, не могло бы дать достаточныхъ основаній для заключенія по этому предмету. Итакъ, собирать такіе эмпирическіе законы (которые всегда суть не болѣе, какъ приблизительныя обобщенія) изъ прямаго наблюденія составляетъ важную часть пріемовъ соціологической науки.

Опытный пріемъ должно разсматривать здѣсь не какъ особый путь къ истинѣ, а какъ средство (случайно — единственное или наилучшее) для полученія необходимыхъ данныхъ для дедуктивной науки. Если непосредственныя причины соціальныхъ фактовъ не открыты для прямаго наблюденія, то эмпирическій законъ дѣйствій даетъ намъ и эмпирическій законъ причинъ (все, что мы можемъ получить въ этомъ случаѣ). Но эти непосредственныя причины зависятъ отъ причинъ отдаленныхъ; и эмпирическій законъ, полученный этимъ непрямымъ

способомъ наблюденія, можетъ быть надеженъ только въ приложеніи къ ненаблюденнымъ случаямъ, до тѣхъ поръ, пока есть основаніе думать, что не произошло никакой перемѣны въ какой-нибудь изъ отдаленныхъ причинъ, отъ которыхъ зависятъ причины непосредственныя. Поэтому, когда мы употребляемъ даже наилучше установленныя статистическія обобщенія съ цѣлью вывести (хотя бы только гадательно), что тѣ же самые эмпирическіе законы будутъ имѣть силу въ какомъ-нибудь новомъ случаѣ, намъ необходимо хорошо знать отдаленныя причины, чтобы избѣгнуть приложенія эмпирическаго закона къ случаямъ, отличающимся какимъ-нибудь изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ въ своемъ источникѣ зависитъ вѣрность закона. Такимъ образомъ и тогда, когда заключенія, выводимыя изъ спеціальнаго наблюденія, годны для практическихъ выводовъ въ новыхъ случаяхъ, необходимо, чтобы дедуктивная наука была на стражѣ надъ всѣмъ процессомъ; нужно постоянно обращаться къ ней и получать ея согласіе на всякій выводъ.

То же самое справедливо относительно всѣхъ обобщеній, какія могутъ быть основаны на исторіи. Такія обобщенія не только существуютъ, но мы тотчасъ покажемъ, что общая наука объ обществѣ, изслѣдующая законы послѣдовательности и сосуществованія великихъ фактовъ, составляющихъ состояніе общества и цивилизаціи въ данное время, можетъ дѣйствовать не иначе, какъ дѣлая такія обобщенія, а потомъ подтверждая ихъ связью съ психологическими и этологическими законами, отъ которыхъ они въ дѣйствительности должны зависѣть.

§ 6. Но (оставляя этотъ вопросъ до надлежащаго его мѣста) въ тѣхъ болѣе спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя составляютъ предметы отдѣльныхъ вѣтвей соціальной науки, этотъ двоякій логическій процессъ и взаимная повѣрка невозможны: спеціальный опытъ не даетъ ничего, что́ равнялось бы эмпирическому закону. Таковъ въ особенности случай, когда цѣль состоитъ въ опредѣленіи дѣйствія какой-нибудь соціальной причины среди большаго числа причинъ, дѣйствующихъ одновременно; напримѣръ, дѣйствіе хлѣбныхъ законовъ или, вообще, запретительной системы. Хотя совершенно достовѣрно, по теоріи, какого *рода* дѣйствія должны произвести хлѣбные законы, и въ какомъ общемъ направленіи должно обнаружиться ихъ вліяніе на промышленое благо-

состояніе, однако дѣйствіе ихъ неизбѣжно дотого маскируется подобными же или противоположными дѣйствіями другихъ вліяющихъ силъ, что спеціальный опытъ можетъ по большей мѣрѣ только показать, что среднимъ числомъ въ какомъ-нибудь большомъ количествѣ случаевъ, случаи, гдѣ существовали хлѣбные законы, представляли извѣстное дѣйствіе въ бо́льшей степени, чѣмъ случаи, въ которыхъ не было этихъ законовъ. Но невозможно добыть число случаевъ, необходимое для того, чтобы заключать въ себѣ весь кругъ комбинацій различныхъ вліяющихъ обстоятельствъ и такимъ образомъ дать надежный средній выводъ. Не только мы никогда не можемъ узнать съ достаточною достовѣрностью факты столь многихъ случаевъ, но самый міръ не представляетъ ихъ въ достаточномъ числѣ въ предѣлахъ даннаго состоянія общества и цивилизаціи, всегда предполагаемаго этими изъисканіями. Итакъ, не имѣя предварительныхъ эмпирическихъ обобщеній, съ которыми можно бы было сравнить заключенія теоріи, мы должны прибѣгнуть къ единственному остающемуся способу прямой повѣрки: къ сравненію этихъ заключеній съ результатами индивидуальнаго опыта или примѣра. Но и здѣсь трудность одинаково велика. Чтобы повѣрить теорію опытомъ, обстоятельства опыта должны быть совершенно одинаковы съ обстоятельствами, разсматриваемыми въ теоріи. Но въ соціальныхъ явленіяхъ нѣтъ двухъ случаевъ, когда бы обстоятельства были совершенно одинаковы. Испытаніе хлѣбныхъ законовъ въ другой странѣ или въ прежнемъ поколѣніи не много послужитъ для повѣрки заключенія относительно ихъ дѣйствія въ настоящемъ поколѣніи и въ настоящей странѣ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ, что единственный индивидуальный примѣръ, годный для повѣрки предсказаній теоріи, есть тотъ самый примѣръ, относительно котораго были сдѣланы предсказанія, и что повѣрка приходитъ слишкомъ поздно, чтобы служить практическимъ указаніемъ.

Впрочемъ, хотя прямая повѣрка невозможна, но есть непрямая, едвали менѣе цѣнная и всегда исполнимая. Заключеніе относительно какого-нибудь индивидуальнаго случая можетъ быть прямо повѣрено только въ этомъ случаѣ; но оно повѣряется непрямо, повѣркою другихъ заключеній, выведенныхъ въ другихъ индивидуальныхъ случаяхъ, изъ тѣхъ же самыхъ законовъ. Опытъ, который приходитъ слиш-

комъ поздно для повѣрки частнаго предложенія, къ которому относится, окажетъ не позднюю помощь въ повѣркѣ общей удовлетворительности теоріи. Испытаніе того, въ какой степени наука представляетъ твердую почву для предсказанія (и, слѣдовательно, для практическаго выполненія) того, чего еще не случилось, заключается въ той степени, въ которой она дала бы намъ возможность предсказать то, что̀ дѣйствительно произошло. Прежде чѣмъ мы повѣримъ нашей теоріи о вліяніи извѣстной причины въ данномъ состояніи обстоятельствъ, мы должны быть въ состояніи объяснить существующее положеніе всей той части соціальныхъ явленій, на которую эта причина имѣетъ стремленіе производитъ вліяніе. Еслибы, напримѣръ, мы хотѣли приложить наши политико-экономическія воззрѣнія къ предсказанію или направленію явленій какой-нибудь страны, то мы должны бы были умѣть объяснить всѣ меркантильные или промышленные факты общаго характера, представляемые настоящимъ состояніемъ этой страны: указать причины, достаточныя для вывода всѣхъ ихъ, и доказать или представить хорошія основанія для предположенія, что эти причины дѣйствительно существовали. Если мы этого сдѣлать не можемъ, то это доказываетъ или то, что факты, которые намъ должно принять въ разсчетъ, еще не совершенно намъ извѣстны, или то, что хотя мы знаемъ эти факты, но не обладаемъ достаточно совершенною теоріею, которая могла бы намъ показать ихъ слѣдствія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы, при настоящемъ состояніи нашихъ познаній, не вполнѣ компетентны для вывода умозрительныхъ и практическихъ заключеній относительно этой страны. Подобнымъ образомъ, еслибы мы хотѣли пытаться судить о дѣйствіи, которое было бы произведено даннымъ политическимъ устройствомъ, если предположить, что оно можетъ быть введено въ данную страну, то мы должны умѣть показать, что существующее состояніе практическаго управленія этою страною и всего, что̀ отъ него зависитъ, вмѣстѣ съ особымъ характеромъ и стремленіями народа и его состояніемъ въ отношеніи къ различнымъ элементамъ общественнаго благоденствія, таковы, какими они должны быть по строгому выводу изъ учрежденій, подъ которыми народъ жилъ, въ соединеніи съ другими обстоятельствами его природы или его положенія.

Однимъ словомъ, чтобы доказать, что наша наука и наше знаніе

отдѣльнаго случая дѣлаютъ насъ способными предсказывать будущее, мы должны показать, что они дали бы намъ возможность предсказать настоящее и прошедшее. Если найдено что-нибудь, чего мы не могли бы предсказать, то это будетъ остаточнымъ явленіемъ, для объясненія котораго требуется дальнѣйшее изученіе; и мы должны или искать въ числѣ обстоятельствъ частнаго случая такое обстоятельство, которое, на основаніи принциповъ нашей теоріи, даетъ отчетъ въ необъясненномъ явленіи, или же мы должны возвратиться къ началу и искать объясненія въ расширеніи и исправленіи самой теоріи.

ГЛАВА X.

ОБЪ ОБРАТНО-ДЕДУКТИВНОМЪ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ.

§ 1. Есть два рода соціологическихъ изслѣдованій. Въ первомъ предлагается вопросъ: какое дѣйствіе произойдетъ отъ данной причины, если предположить извѣстное общее состояніе соціальныхъ обстоятельствъ. Напримѣръ, какое дѣйствіе произведетъ введеніе или отмѣна хлѣбныхъ законовъ, уничтоженіе монархіи или введеніе общей подачи голосовъ при настоящемъ состояніи общества и цивилизаціи въ какой-нибудь европейской странѣ, или же подъ какимъ-нибудь другимъ предположеніемъ относительно обстоятельствъ общества вообще: причемъ не принимаются во вниманіе перемѣны, которыя могутъ произойти или уже происходятъ въ этихъ обстоятельствахъ. Но есть и изслѣдованіе другаго рода: именно, каковы законы, опредѣляющіе эти общія обстоятельства. Въ этомъ изслѣдованіи вопросъ не въ томъ, какое будетъ дѣйствіе данной причины въ извѣстномъ состояніи общества, а въ томъ, какія причины производятъ и какія явленія характеризуютъ состоянія общества вообще. Въ разрѣшеніи этого вопроса состоитъ общая *наука объ обществѣ*, которою должны быть ограничиваемы и повѣряемы заключенія другихъ, болѣе спеціальныхъ родовъ изслѣдованія.

§ 2. Чтобы правильно понять объемъ этой науки и отличить ее отъ подчиненныхъ отдѣловъ соціологическаго умозрѣнія, необходимо твердо установить понятіе, соединяемое съ выраженіемъ «состояніе общества». То, что называется состояніемъ общества, есть единовременное состояніе всѣхъ бо́льшихъ соціальныхъ фактовъ или явленій. Таковы: степень знанія и умственной и нравственной культуры, существующая въ обществѣ и въ каждомъ его классѣ; состояніе промышленности, богатства и его распредѣленія; обыкновенныя занятія общества; его раздѣленіе на классы и взаимныя отношенія этихъ классовъ; общія вѣрованія, питаемыя имъ относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ для человѣчества предметовъ, и степень твердости, съ которою оно держится этихъ вѣрованій; вкусы общества, характеръ и степень его эстетическаго развитія; форма правленія и наиболѣе важные законы и обычаи. Состояніе всѣхъ этихъ вещей и многихъ другихъ, которыя легко вспомнятся сами собою, составляютъ состояніе общества или состояніе цивилизаціи въ данное время.

Когда мы говоримъ о состояніяхъ общества и о причинахъ, ихъ производящихъ, какъ о предметѣ науки, то подразумѣвается, что существуетъ естественное соотношеніе между этими различными элементами; что возможна не всякая комбинація этихъ общихъ соціальныхъ фактовъ, а только извѣстныя комбинаціи; словомъ, что существуютъ *однообразія сосуществованія* между состояніями различныхъ соціальныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, таково необходимое слѣдствіе вліянія, производимаго каждымъ изъ этихъ явленій на всякое другое. Это фактъ, проистекающій изъ сощущенія (consensus) различныхъ частей соціальнаго тѣла.

Состоянія общества подобны различнымъ сложеніямъ или возрастамъ человѣческаго тѣла; они суть состоянія не одного или нѣсколькихъ органовъ или отправленій, а цѣлаго организма. Слѣдовательно, свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ относительно прошлыхъ временъ и относительно различныхъ состояній нынѣ существующихъ обществъ въ различныхъ странахъ земли, должны представить намъ однообразія, если ихъ анализировать надлежащимъ образомъ. Найдено, что если одна черта общества находится въ извѣстномъ состояніи, то съ нею

всегда и обыкновенно сосуществуетъ болѣе или менѣе точно опредѣленное состояніе многихъ другихъ сторонъ.

Но однообразія сосуществованія, найденныя въ явленіяхъ, производимыхъ нѣкоторыми причинами, должны быть (какъ мы уже часто замѣчали) коллярiями законовъ причиненія, которыми въ дѣйствительности опредѣляются эти явленія. И потому, всякое соотношеніе между различными элементами каждаго состоянія общества есть производный законъ, происходящій отъ законовъ, управляющихъ послѣдовательностію между однимъ состояніемъ общества и другимъ его состояніемъ, такъ какъ ближайшая причина каждаго состоянія общества есть состояніе общества, непосредственно ему предшествовавшее. Итакъ, основная задача соціальной науки — найти законы, по которымъ каждое состояніе общества производитъ состояніе, слѣдующее за нимъ и занимающее его мѣсто. Тутъ открывается великій и трудный вопросъ о прогрессивности человѣка и общества, — идея, обнимаемая каждымъ вѣрнымъ представленіемъ объ общественныхъ явленіяхъ, какъ предметѣ науки.

§ 3. Одинъ изъ признаковъ, не принадлежащій совершенно исключительно наукамъ о человѣческой природѣ и обществѣ, но принадлежащій имъ въ особенной степени, состоитъ въ томъ, что онѣ занимаются предметомъ, котораго свойства измѣнчивы. Я разумѣю: измѣняются не со дня на день, но отъ одного вѣка до другаго, такъ что измѣняются не только качества недѣлимыхъ но и качества большинства въ одинъ вѣкъ не бываютъ тѣ же самыя, какъ въ другой.

Главная причина этой особенности — обширная и постоянная реакція слѣдствій на ихъ причины. Обстоятельства, въ которыхъ находится человѣчество, дѣйствуя по своимъ собственнымъ законамъ и по законамъ человѣческой природы, образуютъ характеры людей; но люди, въ свою очередь, измѣняютъ и образуютъ обстоятельства, какъ для самихъ себя, такъ и для тѣхъ, кто явится послѣ нихъ. Изъ этого взаимнаго дѣйствія необходимо долженъ произойти или циклъ, или прогрессъ. И въ астрономіи каждый фактъ есть въ одно и то же время дѣйствіе и причина; послѣдовательныя положенія различныхъ небесныхъ тѣлъ производятъ измѣненія какъ въ направленіи, такъ и въ напряженіи силъ, опредѣляющихъ эти положенія. Но въ случаѣ солнечной системѣ, эти взаимныя дѣйствія, послѣ извѣстнаго числа перемѣнъ,

снова приводятъ къ прежнему состоянію обстоятельствъ, такъ что выходитъ постоянное возвращеніе того же ряда въ неизмѣнномъ порядкѣ. Словомъ, эти тѣла, вращаются по орбитамъ: но есть (или, согласно съ законами астрономіи, могутъ быть) другія тѣла, которыя, вмѣсто орбиты, описываютъ траекторію, или линію, не возвращающуюся въ себя самую. То или другое должно представлять типъ, по которому должны совершаться человѣческія дѣла.

Одинъ изъ мыслителей, всего ранѣе смотрѣвшій на послѣдовательность историческихъ событій, какъ на предметъ твердыхъ законовъ, и старавшійся открыть эти законы посредствомъ аналитическаго изслѣдованія исторіи. Вико, знаменитый авторъ Scienza Nuova, принимаетъ первое изъ этихъ мнѣній. Онъ смотрѣлъ на явленія человѣческаго общества, какъ на вращающіяся по орбитѣ, какъ на переходящія періодически черезъ тѣ же ряды перемѣнъ. Хотя нѣтъ недостатка въ обстоятельствахъ, стремящихся дать нѣкоторую вѣроятность этому взгляду, однако онъ же не выдержитъ строгаго испытанія: и тѣ, которые слѣдовали за Вико въ этого рода умозрѣніяхъ, всѣ принимали идею траекторіи или прогресса, а не орбиты или цикла.

Слова: прогрессъ и прогрессированіе не должны здѣсь быть понимаемы какъ синонимы улучшенія и стремленія къ улучшенію. Можно представить себѣ, что законы человѣческой природы опредѣляютъ и даже дѣлаютъ необходимымъ въ человѣкѣ и обществѣ извѣстный рядъ перемѣнъ, которыя не будутъ въ каждомъ случаѣ, или даже вовсе не будутъ улучшеніями. Я въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ, что за временными и случайными исключеніями общее стремленіе есть и будетъ стремленіе къ улучшенію, стремленіе къ лучшему и счастливѣйшему состоянію. Но это не вопросъ метода соціальной науки, а теорема самой науки. Для нашей цѣли достаточно, что существуетъ прогрессивное измѣненіе какъ въ характерѣ человѣческаго племени, такъ и въ его внѣшнихъ обстоятельствахъ, насколько они имъ измѣняются: что въ каждомъ изъ послѣдовательныхъ вѣковъ главныя явленія общества различны отъ того, чѣмъ они были въ предъидущемъ вѣкѣ, а тѣмъ болѣе отъ еще раньшихъ вѣковъ, и что періоды, которые всего яснѣе обозначаютъ эти послѣдовательныя перемѣны, суть промежутки между однимъ и другимъ поколѣніемъ, въ теченіе которыхъ новый рядъ человѣческихъ

существъ воспитывается, выходитъ изъ дѣтства и завладѣваетъ обществомъ.

Прогрессъ человѣческаго племени есть основаніе, на которомъ въ послѣдніе годы былъ построенъ методъ философствованія въ соціальной наукѣ, далеко превосходящій каждый изъ двухъ методовъ, господствовавшихъ до тѣхъ поръ, — методъ химическій или опытный и методъ геометрическій. Этотъ методъ, нынѣ повсюду принятый наиболѣе передовыми мыслителями континента, состоитъ въ попыткѣ, посредствомъ изученія и анализа главныхъ фактовъ исторіи, открыть законъ прогресса, (какъ называютъ его эти философы) законъ, который, будучи найденъ, долженъ, по ихъ мнѣнію, дать намъ возможность предсказывать будущія событія, подобно тому, какъ по немногимъ членамъ безконечнаго ряда въ алгебрѣ мы можемъ опредѣлить принципъ правильности ихъ составленія и предсказать остальной рядъ до такого числа членовъ, до какого угодно. Главная цѣль историческаго умозрѣнія во Франціи за послѣдніе годы состояла въ томъ, чтобы найти этотъ законъ. Но хотя я охотно признаю великія услуги, оказанныя этою школою историческому познанію, я поневолѣ считаю ихъ наиболѣе виновными въ основномъ извращеніи истиннаго метода соціальной философіи. Превратное пониманіе ихъ состоитъ въ предположеніи, что порядокъ послѣдовательности, который мы можемъ показать между различными состояніями общества и цивилизаціи, представляемыми исторіею, еслибы даже этотъ порядокъ былъ и строже въ своемъ однообразіи, чѣмъ это доказано, — можетъ быть сведенъ на какой-либо законъ природы. Это можетъ быть только эмпирическій законъ. Послѣдовательность состояній человѣческой души и человѣческаго общества не можетъ имѣть собственнаго независимаго закона; она должна зависѣть отъ психологическихъ и этологическихъ законовъ, управляющихъ дѣйствіемъ обстоятельствъ на человѣка и человѣка на обстоятельства. Можно себѣ представить, что эти законы и общія обстоятельства человѣческаго племени таковы, что производятъ послѣдовательное преобразованіе человѣка и общества по нѣкоторому данному и неизмѣнному порядку. Но еслибы даже это было, все-таки послѣднею цѣлью науки не можетъ быть открытіе эмпирическаго закона. Пока этотъ законъ не будетъ связанъ съ психологическими и этологическими законами, отъ которыхъ онъ необходимо долженъ зависѣть, и

пока оно согласіемъ апріорическаго вывода съ историческими доказательствами не будетъ обращенъ въ научный законъ, на него невозможно будетъ полагаться для предсказанія будущихъ событій, кромѣ развѣ самыхъ ближайшихъ случаевъ. Между мыслителями новой исторической школы одинъ лишь Контъ видѣлъ необходимость такой связи нашихъ обобщеній изъ исторіи съ законами человѣческой природы.

§ 4. Но пока существуетъ неизмѣнное правило никогда не вводить какого-нибудь обобщенія изъ исторіи въ соціальную науку, если для него не указаны достаточныя основанія въ человѣческой природѣ, — я не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ утверждать возможность, исходя изъ принциповъ человѣческой природы и изъ общихъ обстоятельствъ положенія нашего вида, опредѣлить a priori порядокъ, въ которомъ должно происходить человѣческое развитіе, и, слѣдовательно, предсказать общіе факты исторіи до настоящаго времени. Послѣ первыхъ немногихъ членовъ ряда, вліяніе, производимое на каждое поколѣніе поколѣніями, ему предшествовавшими, получаетъ (какъ хорошо замѣтилъ писатель, на котораго я только-что ссылался) все бо́льшій и бо́льшій перевѣсъ надъ всѣми другими вліяніями, такъ что наконецъ то, что́ мы теперь и что дѣлаемъ, въ весьма малой степени есть результатъ общихъ обстоятельствъ человѣческаго племени или даже нашихъ собственныхъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ чрезъ посредство первоначальныхъ свойствъ нашего вида, а есть преимущественно результатъ качествъ, произведенныхъ въ насъ всею предъидущею исторіею человѣчества. Столь длинный рядъ дѣйствій и воздѣйствій между *обстоятельствами* и *человѣкомъ*, въ которомъ каждый членъ состоитъ изъ весьма большаго числа разнообразныхъ частей, не можетъ быть вычисленъ человѣческими способностями изъ производящихъ его элементарныхъ законовъ. Одна длина этого ряда уже достаточное препятствіе, ибо малая ошибка въ которомъ-нибудь изъ членовъ, увеличивалась бы въ быстрой прогрессіи при каждомъ слѣдующемъ членѣ.

Итакъ, если рядъ самыхъ дѣйствій, разсматриваемый въ совокупности, не представляетъ никакой правильности, то мы напрасно будемъ стараться построить общую науку общества. Въ этомъ случаѣ мы должны удовольствоваться указаннымъ выше второстепеннымъ видомъ соціологическаго умозрѣнія: именно, стараться удостовѣриться,

какой результатъ произойдетъ отъ введенія какой-нибудь новой причины въ извѣстное состояніе общества, предполагаемое неподвижнымъ. Это знаніе достаточно для болѣе обыкновенныхъ требованій ежедневной политической практики, не подвержено ошибкамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ однимъ изъ вліяющихъ элементовъ бываетъ прогрессивное движеніе общества, и, слѣдовательно, тѣмъ въ большей степени ненадежно, чѣмъ важнѣе случай. Но такъ какъ и естественныя разновидности человѣчества, и первоначальное разнообразіе мѣстныхъ обстоятельствъ гораздо менѣе значительны, чѣмъ черты сходства, то естественнымъ образомъ будетъ существовать извѣстная степень однообразія въ прогрессивномъ развитіи вида и его дѣяній. И это однообразіе стремится стать не меньшимъ, а большимъ, по мѣрѣ того какъ общество развивается: развитіе каждаго народа, которое сперва исключительно опредѣляется природою и обстоятельствами этого народа, постепенно подчиняется вліянію другихъ народовъ земли и дѣйствующихъ на нихъ обстоятельствъ (которое усиливается по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи). Такимъ образомъ исторія, разсматриваемая разумнымъ образомъ, представляетъ *эмпирическіе законы общества*. А задача общей соціологіи — дознать эти законы и связать ихъ съ законами человѣческой природы посредствомъ дедукцій, показывающихъ, что такихъ-то производныхъ законовъ естественно ожидать какъ слѣдствій законовъ первоначальныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, даже послѣ того, какъ исторія указала производный законъ, едвали возможно доказать a priori, что таковъ былъ единственный порядокъ послѣдовательности или сосуществованія, въ которомъ дѣйствія, согласно съ законами человѣческой природы, могли быть произведены. Мы можемъ развѣ только доказать, что есть сильныя апріорическія основанія ожидать этого и что никакой другой порядокъ послѣдовательности или сосуществованія не могъ бы столь вѣроятно проистечь изъ природы человѣка и изъ общихъ обстоятельствъ его положенія. Часто мы не можемъ сдѣлать и этого; мы не можемъ даже показать, что происшедшее было вѣроятно a priori, а можемъ лишь показать, что оно было возможно. Однако же, въ *обратномъ дедуктивномъ методѣ*, который мы теперь характеризуемъ, это составляетъ дѣйствительный процессъ повѣрки, и также необходимо, какъ необходима повѣрка спеціальнымъ опытомъ, когда

заключеніе первоначально получено прямымъ путемъ дедукціи. Эмпирическіе законы должны быть результатомъ лишь немногихъ случаевъ, такъ какъ лишь немногіе народы достигали высокой степени соціальнаго прогресса, и еще меньше такихъ, которые достигли его посредствомъ собственнаго независимаго развитія. Итакъ, если даже одинъ или два изъ этихъ случаевъ недостаточно извѣстны или несовершенно анализированы въ ихъ элементахъ и, слѣдовательно, не строго сравнены съ другими случаями, то нѣтъ ничего вѣроятнѣе того, что вмѣсто правильнаго эмпирическаго закона мы получимъ ложный. И потому, самыя ошибочныя обобщенія постоянно дѣлаются изъ хода исторіи не только у насъ, въ Англіи, гдѣ нельзя даже сказать, чтобы исторія вообще была обрабатываема, какъ наука, но и въ другихъ странахъ, гдѣ она обрабатывается такимъ образомъ и обрабатывается лицами, хорошо съ нею знакомыми. Единственная проба или поправка есть постоянная повѣрка психологическими и этологическими законами. Къ этому мы должны прибавить, что только лицо, совершенно знакомое съ этими законами способно приготовлять матеріалы для историческаго обобщенія, анализируя факты исторіи или наблюдая соціальныя явленія своего собственнаго времени. Никто другой не можетъ оцѣнить сравнительную важность различныхъ фактовъ и, слѣдовательно, знать: какіе факты слѣдуетъ ему собирать или наблюдать; еще менѣе онъ будетъ способенъ оцѣнить доказательство тѣхъ фактовъ, которые, какъ по большой части бываетъ, не могутъ быть дознаны прямымъ наблюденіемъ или получены изъ свидѣтельствъ, а должны быть выводимы изъ признаковъ.

§ 5. Эмпирическіе законы общества бываютъ двухъ родовъ: одни суть единообразія сосуществованія, другія — единообразія послѣдовательности. Смотря по тому, занимается ли наука дознаніемъ и повѣркою перваго рода единообразій или втораго, г. Контъ даетъ ей названіе *соціальной статики* или *соціальной динамики*, подобно тому, какъ въ механикѣ различаются условія равновѣсія и условія движенія, или въ біологіи законы организаціи и законы жизни. Первая вѣтвь науки изслѣдуетъ законы устойчивости человѣческихъ обществъ; вторая—законы прогресса. *Соціальная динамика* есть теорія общества, разсматриваемаго въ состояніи непрерывнаго движенія, между тѣмъ какъ *соціальная статика* есть

теорія того concensus, который, какъ мы уже говорили, существуетъ между различными частями общественнаго организма; другими словами, это теорія взаимныхъ дѣйствій и реакцій единовременныхъ соціальныхъ явленій, «причемъ [1]) до времени, насколько возможно, дѣлается отвлеченіе, ради научныхъ цѣлей, отъ того фундаментальнаго движенія, которое всегда постоянно видоизмѣняетъ всю совокупность явленій.

«Съ этой первой точки зрѣнія соціологія даетъ намъ возможность выводить одинъ изъ другаго (предполагая дальнѣйшую повѣрку прямымъ наблюденіемъ) различные характеристическіе признаки каждаго особаго вида соціальнаго существованія; способомъ, совершенно аналогичнымъ тому, который обыкновенно употребляется въ анатоміи человѣческаго тѣла. Итакъ, эта предварительная форма политической науки необходимо предполагаетъ, что (противоположно нынѣшнимъ привычкамъ философовъ) каждый изъ многочисленныхъ элементовъ соціальнаго состоянія не будетъ разсматриваться независимо и абсолютно, а всегда и исключительно въ отношеніи своемъ ко всѣмъ другимъ элементамъ, съ совокупностію которыхъ онъ соединенъ взаимною зависимостію. Излишне было бы настаивать на великой и постоянной пользѣ этой вѣтви соціологическаго умозрѣнія. Она, вопервыхъ есть необходимая основа теоріи соціальнаго прогресса. Кромѣ того, она можетъ быть употреблена, непосредственно и сама по себѣ, для замѣны, по крайней мѣрѣ на время, прямаго наблюденія, во многихъ случаяхъ не всегда исполнимаго относительно нѣкоторыхъ изъ элементовъ общества, дѣйствительное состояніе которыхъ можетъ быть однако же достаточно дознано посредствомъ отношеній, связывающихъ ихъ съ другими, уже извѣстными элементами. Исторія наукъ можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о важности этого вспомогательнаго средства, напомнивъ, напримѣръ, какъ обыкновенныя ошибки простой эрудиціи касательно мнимыхъ познаній древнихъ египтянъ въ высшей астрономіи были невозвратно разсѣяны (прежде даже, чѣмъ надъ ними произнесла приговоръ болѣе здравая эрудиція) однимъ соображеніемъ о неизбѣжной связи между

---

[1]) Cours de Philosophie Positive, IV. 325 — 9.

общимъ состояніемъ астрономіи и состояніемъ отвлеченной геометріи, очевидно находившейся тогда во младенчествѣ. Легко было бы привести множество подобныхъ случаевъ, значеніе которыхъ неоспоримо. Впрочемъ, чтобы избѣжать преувеличенія, нужно замѣтить, что эти необходимыя отношенія между различными сторонами общества, по самой своей природѣ, не могутъ быть такъ просты и точны, чтобы наблюдаемые результаты происходили только по одному виду взаимнодѣйствія. Такое понятіе, слишкомъ узкое уже для науки о жизни, находились бы въ полномъ противорѣчіи съ болѣе сложною природою соціологическихъ умозрѣній. Но точное измѣреніе предѣловъ уклоненія, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи, составляетъ, по крайней мѣрѣ столько же, какъ въ анатоміи человѣческаго тѣла, неизбѣжное дополненіе всякой истинной теоріи *соціальной статики;* безъ него непрямое изслѣдованіе, о которомъ говорилось выше, часто вовлекало бы насъ въ ошибку.

«Здѣсь не мѣсто доказывать методически существованіе необходимаго отношенія между всѣми возможными явленіями одного и того же соціальнаго организма — положеніе, относительно котораго, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, между здравыми мыслителями уже не существуетъ значительнаго разногласія. Изъ какого бы соціальнаго элемента мы ни исходили, мы легко увидимъ, что онъ всегда имѣетъ болѣе или менѣе непосредственную связь со всѣми другими элементами, даже съ такими, которые на первый взглядъ, повидимому, вовсе отъ него не зависятъ. Динамическое разсматриваніе прогрессивнаго развитія цивилизованнаго человѣка, безъ сомнѣнія, представляетъ еще болѣе дѣйствительное средство произвести эту интересную повѣрку зависимости соціальныхъ явленій, раскрывая намъ способъ, посредствомъ котораго каждая перемѣна въ одной части, тотчасъ же или очень скоро, дѣйствуетъ на всѣ остальныя части. Но это указаніе можетъ быть предшествуемо или, по крайней мѣрѣ, сопровождаемо подтвержденіемъ чисто статическаго свойства; въ политикѣ, какъ и въ механикѣ, сообщеніе движенія отъ одного предмета другому доказываетъ связь между ними. Не говоря о мелкой взаимной зависимости различныхъ вѣтвей каждой науки или каждаго искусства, не очевидно ли, что между различными науками, такъ же, какъ и между большею частію искусствъ, существуетъ

такая связь, что если намъ достаточно извѣстно состояніе какого-нибудь хорошо опредѣленнаго ихъ отдѣла, то мы съ дѣйствительной научной увѣренностію можемъ заключать, по ихъ необходимому соотношенію, о современномъ состояніи каждаго изъ другихъ отдѣловъ? Посредствомъ дальнѣйшаго расширенія этихъ соображеній мы можемъ понять необходимую связь, существующую между состояніемъ наукъ вообще и искусствъ вообще, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что здѣсь взаимная зависимость слабѣе, потому что она не столь пряма. То же самое будетъ, если, вмѣсто разсматриванія совокупности соціальныхъ явленій въ какомъ-нибудь народѣ, мы изслѣдуемъ эту совокупность одновременно у различныхъ народовъ, которыхъ безпрерывное взаимное вліяніе однихъ на другихъ, особенно въ послѣднее время, не подлежитъ сомнѣнію, хотя consensus въ этомъ случаѣ долженъ обыкновенно имѣть менѣе рѣшительный характеръ и долженъ постепенно уменьшаться, вмѣстѣ со сродствомъ случаевъ и многочисленностію точекъ прикосновенія, такъ что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ даже почти вовсе исчезать,— напр. между Западною Европою и Восточною Азіею, различныя общественныя состоянія которыхъ до сихъ поръ, повидимому, были совершенно независимы одно отъ другаго.»

За этими замѣчаніями слѣдуютъ примѣры одного изъ самыхъ важныхъ и, до недавняго времени, наименѣе обращавшихъ на себя вниманіе общихъ принциповъ, которые можно считать утвержденными въ этомъ отдѣлѣ соціальной науки, именно принципа необходимой связи между формою правленія, существующаго въ данномъ обществѣ, и современнымъ состояніемъ цивилизаціи. Это естественный законъ, въ силу котораго безконечныя разсужденія и безчисленныя теоріи относительно формъ правленія въ отвлеченіи, оказываются безплодными и пустыми, пригодными развѣ лишь для того, чтобы приготовить матеріалы, которые впослѣдствіи будутъ употреблены для построенія лучшей философіи.

Какъ уже замѣчено, одинъ изъ главныхъ результатовъ соціальной статики долженъ состоять въ дознаніи условій устойчиваго политическаго союза. Есть нѣкоторыя обстоятельства, на которыя, такъ какъ они находятся во всѣхъ обществахъ безъ исключенія и въ наибольшей мѣрѣ тамъ, гдѣ соціальный союзъ всего полнѣе, можно смотрѣть (если ука-

заніе будетъ подтверждено психологическими и этологическими законами), какъ на условія существованія сложнаго явленія, называемаго *государствомъ*. Напримѣръ, нѣтъ многочисленныхъ обществъ, которыя держались бы безъ законовъ или равносильныхъ имъ обычаевъ, безъ трибуналовъ и нѣкоторой организованной силы для исполненія ихъ рѣшеній. Всегда были общественныя власти, которымъ съ большею или меньшею точностію и въ случаяхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ остальное общество повиновалось или, по общему мнѣнію, обязано было повиноваться. Слѣдуя этому пути изслѣдованія, мы найдемъ извѣстное число требованій, которыя были исполнены въ каждомъ обществѣ, удержавшемъ сборное существованіе, и отъ неисполненія которыхъ общество или поглощалось какимъ-нибудь другимъ обществомъ, или же перестраивалось на какомъ-нибудь новомъ основаніи, въ которомъ были выполнены эти условія. Хотя эти результаты, полученные изъ сравненія различныхъ формъ и состояній общества, заключаютъ въ себѣ только эмпирическіе законы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи разъ найдены, оказались съ такою вѣроятностію проистекающими изъ общихъ законовъ человѣческой природы, что согласіе двухъ процессовъ даетъ свидѣтельству силу доказательства и возводитъ эти обобщенія на степень научныхъ истинъ.

Это можно сказать, напр. о заключеніяхъ, высказанныхъ въ слѣдующей за симъ выпискѣ, извлеченной, съ нѣкоторыми перемѣнами, изъ критики на отрицательную философію восемнадцатаго столѣтія [1]). Я ссылаюсь (какъ дѣлалъ это и прежде) на самого себя, не находя лучшаго способа пояснить понятіе, составленное мною о родѣ теоремъ, изъ которыхъ должна состоять соціологическая статика.

«Первый элементъ соціальнаго общенія,—повиновеніе какому-либо правительству, — было вовсе не легко утвердить въ мірѣ. У боязливаго и тупаго племени, каковы напримѣръ обитатели обширныхъ равнинъ тропическихъ странъ, пассивное повиновеніе могло быть естественнымъ свойствомъ, хотя и тамъ сомнительно, чтобы оно являлось хоть въ единомъ народѣ, гдѣ бы не господствовали, какъ религіозное ученіе,

---

[1]) Потомъ напечатанной вполнѣ въ *Dissertations and Discussions* заключительною статьею перваго тома.

фатализмъ, или, другими словами, подчиненіе давленію обстоятельствъ, какъ божественному повелѣнію. Но трудность довести храброе и воинственное племя до подчиненія своего индивидуальнаго произвола какой-либо общей власти, всегда была почитаема столь великою, что только одна сверхъестественная сила считалась способною побѣдить ее; и такія племена всегда давали первому учрежденію гражданскаго общества божественное происхожденіе. Такъ различно судили тѣ, кто зналъ дикихъ людей по дѣйствительному опыту, и тѣ, кто знакомился съ ними только въ цивилизованномъ состояніи. Въ самой современной Европѣ, послѣ паденія римской имперіи, для покоренія феодальной анархіи и для приведенія всего народа каждой европейской націи въ покорность правительству (хотя христіанство въ самой сосредоточенной формѣ содѣйствовало этому своимъ вліяніемъ), потребовалось втрое больше столѣтій, чѣмъ сколько прошло съ того времени.

«Если бы эти философы знали человѣческую природу подъ какимъ-нибудь другимъ типомъ, кромѣ типа ихъ собственнаго времени и того класса общества, среди котораго они жили, то они замѣтили бы, что повсюду, гдѣ крѣпко и прочно утвердилось это обычное подчиненіе закону и правительству и при этомъ въ нѣкоторой степени сохранились сила и мужество характера, сопротивлявшіяся этому утвержденію, тамъ существовали извѣстныя требованія, были выполнены нѣкоторыя условія, изъ которыхъ слѣдующія можно считать главными.

«Во-первыхъ: для всѣхъ, которые считались гражданами, для всѣхъ, кто не былъ невольникомъ, удерживаемымъ грубою силою, существовала нѣкоторая система *воспитанія*, начинавшаяся съ дѣтства и продолжавшаяся всю жизнь, система, въ которую, что́ бы она впрочемъ въ себѣ ни заключала, главною и неизмѣнною составною частью входила *ограничительная дисциплина*. Воспитать людей въ привычкѣ и, слѣдовательно, въ возможности — подчинять свои личныя побужденія и цѣли тому, что́ считается цѣлью общества, обуздывать въ себѣ всѣ чувства, которыя могли бы вооружаться противъ этихъ цѣлей, и ободрять всѣ тѣ, которыя стремятся къ нимъ, — вотъ цѣль, которой должны были служить всякій внѣшній мотивъ, находившійся въ рукахъ власти, направлявшей систему, и каждая внутренняя сила или принципъ, какой дозволяло власти вызывать ея познаніе человѣческой

природы. Вся гражданская и военная политическая мудрость древнихъ республикъ была подобною системою воспитанія; въ современныхъ націяхъ старались замѣнить ее преимущественно религіознымъ обученіемъ. И повсюду, по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала строгость ограничительной дисциплины, тотчасъ обнаруживалось естественное стремленіе человѣчества къ анархіи; государство начинало разлагаться извнутри; взаимная борьба изъ-за эгоистическихъ цѣлей нейтрализовала силы, потребныя для сопротивленія естественнымъ причинамъ зла; и нація, послѣ болѣе или менѣе долгаго промежутка прогрессивнаго упадка, становилась или жертвою деспотизма, или добычею чуждаго завоевателя.

«Вторымъ условіемъ постояннаго политическаго общества оказалось существованіе въ той или другой формѣ чувства преданности или вѣрности. Это чувство можетъ измѣняться въ своихъ предметахъ и не ограничивается никакою особою формою правленія; но какъ въ демократіи, такъ и въ монархіи, сущность его всегда одна и та же, т. е. что въ устройствѣ государства есть *нѣчто* постоянное, неизмѣнное, не подлежащее сомнѣнію; нѣчто такое, что́, по общему согласію, имѣетъ право быть тамъ, гдѣ оно есть, и быть безопаснымъ отъ колебанія, какія бы перемѣны ни происходили. Это чувство можетъ быть обращено, какъ у іудеевъ (и у бо́льшей части республикъ древности) къ Богу или къ богамъ, покровителямъ и хранителямъ государства. Или же оно можетъ быть обращено къ нѣкоторымъ лицамъ, о которыхъ думаютъ, что они, или по божественному повелѣнію, или въ силу долгаго господства, или по общему признанію ихъ бо́льшаго ума и достоинства, должны быть руководителями и хранителями остальныхъ. Или же чувство можетъ обращаться къ законамъ, къ древнимъ льготамъ и порядкамъ. Или же, наконецъ (и это единственный видъ, въ которомъ это чувство, вѣроятно, сохранится) оно можетъ быть обращено къ началамъ индивидуальной свободы и политическаго и соціальнаго равенства, осуществляемымъ въ учрежденіяхъ, которыя нынѣ или вовсе не существуютъ, или существуютъ только въ зачаточномъ состояніи. Но во всѣхъ политическихъ обществахъ, имѣвшихъ продолжительное существованіе, была такая твердая точка: нѣчто, что́ народъ единогласно считалъ священнымъ; что́ позволительно было оспаривать теоретически тамъ, гдѣ былъ признанъ принципъ свободнаго обсужденія, но что́ поколебать

практически никто не могъ ни бояться, ни надѣяться; что́, однимъ словомъ, (за исключеніемъ, можетъ быть, какого-нибудь временнаго кризиса) было въ общемъ мнѣніи поставлено внѣ всякаго спора. И необходимость этого легко показать. Государство никогда не бываетъ и, пока человѣчество значительно не исправится, никогда не можетъ надѣяться быть, изъятымъ на долгое время отъ внутренняго разногласія; нѣтъ и никогда не было такого состоянія общества, при которомъ не случалось бы столкновеній между непосредственными интересами и етрастями большихъ отдѣловъ народа. Что̀ въ такихъ случаяхъ даетъ народамъ возможность противостоять этимъ бурямъ и переносить смутныя времена безъ постепеннаго ослабленія ручательства мирнаго существованія? Именно то, что какъ ни важны интересы, изъ-за которыхъ идетъ вражда, столкновеніе не касается фундаментальнаго принципа системы существующаго общественнаго союза, что значительныя части общества не бываютъ угрожаемы ниспроверженіемъ того, на чемъ они построили свои разсчеты и съ чѣмъ отожествлены ихъ надежды и цѣли. Но если сомнѣніе въ этихъ фундаментальныхъ принципахъ стало (не случайною болѣзнію или цѣлительнымъ лекарствомъ, а) обыкновеннымъ состояніемъ политическаго тѣла; если вызваны всѣ могучія страсти, которыя естественно проистекаютъ изъ такого положенія, то государство находится въ состояніи, готовомъ для гражданской войны, и не можетъ долгое время оставаться, не испытавъ ее на дѣлѣ.

«Третье существенное условіе устойчивости политическаго общества есть сильный и дѣятельный принципъ связи между членами одной и той же общины или государства. Едвали нужно говорить, что мы разумѣемъ здѣсь не принципъ національности въ вульгарномъ смыслѣ слова — безсмысленную антипатію къ чужеземцамъ, равнодушіе къ общему благу человѣческаго рода или несправедливое предпочтеніе мнимыхъ интересовъ нашей собственной отчизны, любовь къ дурнымъ особенностямъ, потому что они національны, или отказъ принять то, что́ нашли хорошимъ другія страны. Мы разумѣемъ принципъ симпатіи, а не вражды; единенія, а не разрыва. Мы разумѣемъ чувство общаго интереса между тѣми, кто живетъ подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ и заключенъ въ одни и тѣ же естественныя или историческія границы. Мы разумѣемъ, что одна часть общины не смотритъ

на себя, какъ на чужую для другой части; что люди высоко цѣнятъ свою связь, чувствуютъ, что они составляютъ одинъ народъ, что ихъ судьба связана, что зло для каждаго изъ ихъ согражданъ есть зло для нихъ самихъ, и не желаютъ разрывомъ связи эгоистически освободиться отъ своей доли участія въ какой-нибудь общей бѣдѣ. Всякій знаетъ, какъ сильно было это чувство въ тѣхъ древнихъ республикахъ, которыя достигли прочнаго величія. Какъ счастливо Римъ, не смотря на всю свою тиранію, успѣлъ вызвать это чувство общаго отечества въ провинціяхъ своего обширнаго и раздѣленнаго государства, — будетъ ясно всякому, кто съ надлежащимъ вниманіемъ, требуемымъ предметомъ, попробуетъ разобрать дѣло. Въ новыя времена, страны, которыя обладали этимъ чувствомъ въ самой сильной степени, были самыми могущественными странами: Англія, Франція и, пропорціонально своимъ территоріямъ и средствамъ, Голландія и Швейцарія. Между тѣмъ какъ Англія, въ своемъ соединеніи съ Ирландіею, есть одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ слѣдствій его отсутствія. Каждый итальянецъ знаетъ, почему Италія находится подъ чужимъ игомъ; каждый нѣмецъ знаетъ, чѣмъ поддерживается деспотизмъ въ Австрійской имперіи; бѣдствія Испаніи проистекаютъ столько же изъ отсутствія національности между самими испанцами, столько отъ присутствія ея въ сношеніяхъ съ чужестранцами; самый же полнѣйшій примѣръ представляютъ республики Южной Америки, гдѣ части одного и того же государства такъ слабо связаны, что какъ-только какая-нибудь провинція считаетъ себя оскорбленною общимъ правительствомъ, она объявляетъ себя отдѣльною націею».

§ 6. Между тѣмъ, какъ производные законы соціальной статики дознаются анализомъ различныхъ состояній общества и сравненіемъ ихъ между собою, причемъ не обращается вниманія на порядокъ ихъ послѣдовательности, — разсмотрѣніе ихъ послѣдовательнаго порядка, напротивъ, есть главный предметъ въ изученіи соціальной динамики, цѣль которой составляетъ наблюденіе и объясненіе послѣдовательностей общественныхъ состояній. Эта вѣтвь соціальной науки была бы такъ закончена, какъ только возможно, еслибы каждое изъ главныхъ общихъ обстоятельствъ каждаго поколѣнія было прослѣжено до его причинъ въ непосредственно предшествующемъ поколѣніи. Но consensus такъ полонъ,

(особенно въ новой исторіи), что въ зависимости одного поколѣнія отъ другаго скорѣе цѣлое производитъ цѣлое, чѣмъ часть производитъ часть. Слѣдовательно, мы мало успѣемъ въ установленіи зависимости помощію прямаго вывода изъ законовъ человѣческой природы, не дознавши непередъ непосредственныхъ или производныхъ законовъ, по которымъ общественныя состоянія порождаютъ одно другое по мѣрѣ хода общества впередъ, т. е., не дознавши *axiomata media общей соціологіи*.

Эмпирическіе законы, которые всего легче получаются изъ обобщенія исторіи, еще не составляютъ этихъ аксіомъ. Они не сутъ самые «средніе принципы», а составляютъ только доказательство, ведущее къ установленію такихъ принциповъ. Они состоятъ въ нѣкоторыхъ общихъ стремленіяхъ, которыя можно замѣтить въ обществѣ; въ прогрессивномъ нарастаніи какихъ-нибудь общественныхъ элементовъ и уменьшеніи другихъ, или въ постепенномъ измѣненіи общаго характера извѣстныхъ элементовъ. Легко видѣть, напримѣръ, что, по мѣрѣ преуспѣянія общества, душевныя качества берутъ все большій перевѣсъ надъ тѣлесными, и массы надъ недѣлимыми; что занятія всей той части человѣчества, которая не находится подъ внѣшнимъ принужденіемъ, сначала бываютъ главнымъ образомъ воинскія, но что въ обществѣ мало-помалу накопляются производительныя дѣла и воинственный духъ постепенно уступаетъ мѣсто промышленному. Къ этимъ истинамъ можно прибавить многія, имъ подобныя. Обобщеніями такого рода довольствуются обыкновенные изслѣдователи даже той исторической школы, которая теперь господствуетъ на континентѣ. Но эти и всѣ подобные результаты находятся на слишкомъ большомъ разстояніи отъ элементарныхъ законовъ человѣческой природы, отъ которыхъ они зависятъ; слишкомъ много существуетъ промежуточныхъ членовъ, и стеченіе причинъ въ каждомъ членѣ слишкомъ сложно, чтобы мы могли представить эти предложенія какъ прямые коллярiи этихъ элементарныхъ принциповъ. Поэтому въ умѣ бо́льшей части изслѣдователей они остались въ состояніи эмпирическихъ законовъ, приложимыхъ только въ границахъ дѣйствительнаго наблюденія; причемъ нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить ихъ дѣйствительныя границы и судить, предназначены ли совершавшіяся до сихъ поръ перемѣны продолжаться неопредѣленно, или же онѣ должны окончиться и даже пойти наоборотъ.

§ 7. Чтобы получить лучшіе эмпирическіе законы, мы не должны удовлетворяться наблюденіемъ прогрессивныхъ перемѣнъ, обнаруживающихся въ отдѣльныхъ элементахъ общества, причемъ мы ничего не узнаемъ, кромѣ отношенія отрывковъ дѣйствія къ соотвѣтствующимъ отрывкамъ причины. Необходимо соединить статическое разсмотрѣніе соціальныхъ явленій съ динамическимъ и брать во вниманіе не только прогресивныя измѣненія различныхъ элементовъ, но и единовременныя состоянія каждаго изъ нихъ, и такимъ образомъ эмпирически получить законъ соотвѣтствія не только между одновременными состояніями, но и между одновременными измѣненіями этихъ элементовъ. Этотъ законъ соотвѣтствія, если его надлежащимъ образомъ повѣрить *a priori*, и сталъ бы дѣйствительнымъ научнымъ производнымъ закономъ развитія человѣчества и человѣческихъ дѣлъ.

Въ трудномъ пріемѣ наблюденія и сравненія, который здѣсь требуется, мы, очевидно, получили бы большую помощь, еслибы оказалось фактомъ, что который-либо изъ элементовъ сложнаго существованія общественнаго человѣка господствуетъ надъ всѣми другими, какъ primus agens соціальнаго движенія. Въ такомъ случаѣ мы могли бы взять прогрессъ одного этого элемента за центральную цѣпь, съ каждымъ послѣдовательнымъ звеномъ которой соединяются соотвѣтствующія звенья всѣхъ другимъ прогрессій, такъ что послѣдовательность фактовъ, уже въ силу одного этого, являлась бы въ видѣ самобытнаго порядка, гораздо ближе подходящаго къ дѣйствительному порядку ихъ зависимости, чѣмъ получаемый какимъ бы то ни было другимъ чисто эмпирическимъ процессомъ.

Но свидѣтельство исторіи и свидѣтельство человѣческой природы, представляя здѣсь разительный примѣръ согласія, показываютъ, что дѣйствительно есть соціальный элементъ, имѣющій перевѣсъ и почти господство между силами общественнаго прогресса. Этотъ элементъ — состояніе умозрительныхъ способностей людей, со включеніемъ свойства вѣрованій, которыхъ они какимъ бы то ни было способомъ достигли относительно себя самихъ и окружающаго міра.

Было бы большою ошибкой, которую едва ли кто сдѣлаетъ, утверждать, что умозрѣніе, умственная дѣятельность, изслѣдованіе истины принадлежитъ къ самымъ могущественнымъ склонностямъ человѣческой при-

роды или занимаетъ господствующее мѣсто въ жизни недѣлимыхъ, кромѣ нѣкоторыхъ, вполнѣ исключительныхъ. Но, не смотря на относительную слабость этого принципа между другими общественными силами, вліяніе его есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса, такъ какъ всѣ другія настроенія нашей природы, содѣйствующія прогрессу, зависятъ отъ него въ средствахъ исполненія своей доли вліянія. Такимъ образомъ (возьмемъ сперва самый явственный случай), побудительная сила къ бо́льшей части улучшеній въ жизненныхъ искусствахъ есть желаніе увеличить матеріальный комфортъ; но такъ какъ мы можемъ дѣйствовать на внѣшніе предметы только по мѣрѣ нашего знанія ихъ, то состояніе познаній въ каждое данное время есть предѣлъ промышленныхъ улучшеній, возможныхъ въ это время; и прогрессъ промышленности долженъ слѣдовать прогрессу знаній и зависѣть отъ него. Можно показать, что то же самое справедливо, хотя не такъ очевидно, относительно прогресса изящныхъ искусствъ. Далѣе, такъ какъ сильнѣйшія склонности необразованной или полуобразованной человѣческой природы (т. е. чисто-эгоистическія, а изъ симпатическихъ лишь тѣ, которыя наиболѣе подходятъ къ эгоизму) очевидно сами по себѣ стремятся разъединить человѣчество, а не связать его; сдѣлать людей соперниками, а не союзниками, — то общественное существованіе возможно только посредствомъ дисциплинированія этихъ болѣе могущественныхъ склонностей, которое состоитъ въ подчиненіи ихъ общей системѣ мнѣній. Степень этого подчиненія есть мѣра полноты общественнаго союза, а свойство общихъ мнѣній опредѣляетъ его родъ. Но для того, чтобы человѣчество сообразовало свои дѣйствія съ извѣстнымъ рядомъ мнѣній, эти мнѣнія должны существовать, должны быть имъ признаваемы. Такимъ образомъ, состояніе умозрительныхъ способностей, характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляетъ нравственное и политическое состояніе общества, такъ же, какъ оно опредѣляетъ (мы видѣли) и его физическое состояніе.

Эти заключенія, выведенныя изъ законовъ человѣческой природы, находятся въ совершенномъ согласіи съ общими фактами исторіи. Каждое исторически извѣстное намъ значительное измѣненіе въ состояніи какой-нибудь части человѣчества, если оно не произведено внѣшнею силою, было предшествуемо соотвѣтствующимъ по размѣру измѣненіемъ

въ состояніи знаній или въ господствующихъ вѣрованіяхъ. Всякое данное состояніе умозрѣнія почти всегда обнаруживалось раньше соотвѣтствующаго ему состоянія всѣхъ другихъ явленій, хотя дѣйствія, безъ сомнѣнія, сильно воздѣйствовали на причину. Каждое значительное преуспѣяніе въ вещественной цивилизаціи было предшествуемо успѣхомъ въ знаніяхъ: и когда происходила какая-нибудь великая общественная перемѣна, путемъ ли постепеннаго развитія, или быстраго переворота, провозвѣстницею ея была великая перемѣна въ мнѣніяхъ и образѣ мыслей общества. Политеизмъ, Іудаизмъ, Христіанство, Протестанство, критическая философія современной Европы и ея положительная наука,— каждое изъ этихъ явленій, какъ primum agens, содѣлывало общество тѣмъ, чѣмъ оно было въ каждый послѣдующій періодъ, между тѣмъ какъ общество содѣлывало *ихъ* лишь второстепеннымъ образомъ, такъ какъ каждое изъ нихъ (насколько можно указать причины ихъ существованія) главнымъ образомъ составляетъ произведеніе не практической жизни періода, а предшествовавшаго состоянія вѣры и мышленія. Итакъ, слабость умозрительной склонности въ человѣчествѣ вообще не препятствуетъ тому, что прогрессъ умозрѣнія конечнымъ образомъ управляетъ прогрессомъ общества; только слишкомъ часто онъ препятствуетъ всякому прогрессу, когда интеллектуальное развитіе преждевременно останавливается по недостатку благопріятныхъ обстоятельствъ.

Изъ сочетанія всѣхъ этихъ свидѣтельствъ мы въ правѣ заключить, что порядокъ человѣческаго прогресса, во всѣхъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ зависитъ отъ порядка прогресса въ умственныхъ убѣжденіяхъ человѣчества, т. е. отъ закона послѣдовательныхъ превращеній человѣческихъ мнѣній. Остается вопросъ: можетъ ли быть опредѣленъ этотъ законъ, вопервыхъ изъ исторіи, какъ эмпирическій законъ, а потомъ, можно ли обратить его въ научную теорему, выводя a priori изъ принциповъ человѣческой природы. Такъ какъ прогрессъ знаній и перемѣны въ мнѣніяхъ человѣчества совершаются очень медленно и обнаруживаются опредѣленнымъ образомъ только въ долгіе промежутки, то нельзя ожидать, чтобы общій порядокъ послѣдовательности могъ быть открытъ иначе, какъ при изученіи весьма значительнаго періода общественнаго прогресса. Необходимо принять въ соображеніе все прошлое время, отъ перваго извѣстнаго намъ

состоянія человѣческаго племени до достопамятныхъ явленій послѣднихъ и настоящихъ поколѣній.

§ 8. Изслѣдованіе, которое я старался такимъ образомъ охарактеризовать, было систематически предпринято до настоящаго времени однимъ Контомъ. Его сочиненіе есть доселѣ единственный извѣстный примѣръ изученія соціальныхъ явленій, согласнаго съ такимъ пониманіемъ историческаго метода. Не разбирая здѣсь достоинства его заключеній и, особенно, его предсказаній и совѣтовъ относительно будущаго, которые, по моему мнѣнію, далеко ниже его оцѣнки прошедшаго, я ограничусь указаніемъ одного важнаго обобщенія, которое Контъ считаетъ основнымъ закономъ прогресса человѣческихъ знаній. По его мнѣнію, умозрѣніе представляетъ относительно каждаго предмета человѣческихъ изслѣдованій три послѣдовательные періода; въ первомъ оно стремится объяснять явленія сверхъестественными силами, во-второмъ — метафизическими отвлеченіями, а въ третьемъ или окончательномъ состояніи оно ограничивается дознаніемъ законовъ ихъ послѣдовательности и сходства. Это обобщеніе, по моему мнѣнію, имѣетъ ту высокую степень научной очевидности, которая проистекаетъ отъ сочетанія указаній исторіи съ вѣроятностями, извлекаемыми изъ устройства человѣческой души. Не легко понять изъ простаго формулированія такого предложенія, какой потокъ свѣта оно проливаетъ на весь ходъ исторіи, когда будутъ изъ него выведены слѣдствія, именно когда съ каждымъ изъ этихъ трехъ состояній человѣческаго ума и съ каждымъ послѣдовательнымъ измѣненіемъ этихъ трехъ состояній будетъ связано соотвѣтствующее состояніе другихъ общественныхъ явленій [1]).

---

[1]) Это великое обобщеніе часто было неблагопріятно критикуемо (напр., Уэвелемъ), причемъ не было понято его дѣйствительное содержаніе. Ученіе, что теологическое объясненіе явленій принадлежитъ только младенчеству нашихъ познаній о нихъ, не должно быть толкуемо такъ, будто оно равнялось утвержденію, что люди, по мѣрѣ возрастанія ихъ знаній, необходимо должны перестать вѣрить во всякаго рода теологію. Таково было мнѣніе Конта; но оно никакъ не заключается въ его фундаментальной теоремѣ. Въ ней заключается лишь то, что при развитомъ состояніи человѣческихъ знаній будетъ признаваемъ лишь такой Правитель міра, который управляетъ имъ по общимъ законамъ и частнымъ своимъ вмѣшательствомъ или вовсе не производитъ событій, или же производитъ ихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Первоначально всѣ естественныя событія были приписываемы такому вмѣшательству. Въ настоящее время всякій образованный человѣкъ отвергаетъ такое объяс-

Но какое бы сужденіе ни произнесли компетентные судьи относительно результатовъ, достигнутыхъ частными изслѣдователями, методъ, охарактеризованный нами, есть именно тотъ, которымъ должны быть отъискиваемы производные законы соціальнаго порядка и соціальнаго прогресса. При его помощи мы можемъ потомъ успѣть не только прозирать далеко впередъ, въ будущую исторію человѣческаго племени, но и опредѣлить, какія искусственныя средства можно употребить и въ какой мѣрѣ, чтобы ускорить естественный прогрессъ настолько, насколько онъ благодѣтеленъ, исправить всякаго рода присущія ему неудобства и невыгоды и предохранить себя отъ опасностей или бѣдствій, которымъ подвержденъ человѣческій родъ отъ необходимыхъ случайностей своего прогресса. Такія практическія указанія, основанныя на высшей отрасли умозрительной соціологіи, составятъ благороднѣйшую и самую благодѣтельную часть Политическаго Искусства.

пеніе въ отношеніи ко всѣмъ классамъ явленій, законы которыхъ вполнѣ дознаны, — хотя нѣкоторые еще не достигли точки зрѣнія, съ которой всѣ явленія сводятся на идею закона, и думаютъ, что дождь и ведро, голодъ и зараза, побѣда и пораженіе, смерть и жизнь суть цѣли, которыя Творецъ не предоставляетъ дѣйствію своихъ общихъ законовъ, а оставляетъ на рѣшеніе нарочныхъ актовъ воли. Теорія Конта есть отрицаніе этого ученія.

Уэвель точно такъ же превратно понялъ ученіе Конта относительно второй, или метафизической, степени умозрѣнія. Контъ не думаетъ, что «споры объ идеяхъ» принадлежатъ лишь ранней степени изслѣдованія и прекращаются, когда наука входитъ въ свою положительную степень. (Philosophy of Discovery, pp. 226 и слѣд.). Во всѣхъ умозрѣніяхъ Конта столько же обращается вниманія на процессъ выясненія нашихъ понятій, какъ и на дознаніе фактовъ. Когда Контъ говоритъ о метафизической степени умозрѣнія, онъ разумѣетъ степень, на которой люди говорятъ о «природѣ» и другихъ отвлеченіяхъ такъ, какъ еслибы это было активныя силы, производящія извѣстныя дѣйствія: когда говорятъ, что природа дѣлаетъ то-то или возбраняетъ то-то; когда horror vacui природы, или недопущеніе скачковъ, или vis medicatrix природы выставляются для объясненія явленій; когда качества вещей принимаются за реальныя сущности, пребывающія въ вещахъ; когда явленія въ живыхъ тѣлахъ считаютъ объясненными тѣмъ, что ихъ относятъ къ «жизненной силѣ»; когда, однимъ словомъ, отвлеченныя названія явленій считаются причинами ихъ существованія. Въ этомъ смыслѣ слова было бы неразумно отрицать, что метафизическое объясненіе явленій, равно какъ и теологическое, отступаютъ назадъ по мѣрѣ успѣховъ реальной науки.

Что окончательная, или положительная, степень, какъ ее понималъ Контъ, также была дурно истолкована, и что, не смотря на нѣкоторыя выраженія, подпадающія справедливой критикѣ, Контъ никогда не мечталъ отрицать законность изслѣдованія всѣхъ причинъ, доступныхъ человѣческому изысканію, я уже доказалъ выше.

Что для этой науки и для этого искусства только-что начинаютъ полагаться основанія, это достаточно ясно. Но лучшіе умы уже смѣло обращаются къ этому предмету. Цѣлью истинно-научныхъ мыслителей стало — связать теоріями факты всеобщей исторіи: за одно изъ требованій общей системы соціальной доктрины признано, чтобы она, въ мѣрѣ существующихъ данныхъ, объяснила главные факты исторіи; и *философія исторіи* считается вмѣстѣ и повѣркою, и начальною формою *философіи общественнаго прогресса*.

Если усилія, которыя нынѣ дѣлаются у всѣхъ болѣе цивилизованныхъ націй и которыя начинаютъ дѣлаться и въ Англіи (обыкновенно позже всѣхъ входящей въ общее движеніе европейскихъ умовъ) для построенія *философіи исторіи*, — если эти усилія должны быть направляемы и повѣряемы тѣми взглядами на природу соціологическихъ доказательствъ, которые я старался охарактеризовать (весьма кратко и несовершенно), то они непремѣнно должны породить соціологическую систему, весьма далекую отъ неопредѣленнаго и гадательнаго характера прежнихъ попытокъ и достойную наконецъ занять свое мѣсто между науками. Когда придетъ это время, то ни одна важная вѣтвь человѣческихъ дѣлъ не будетъ уже предоставлена эмпиріи и ненаучнымъ предположеніямъ: циклъ человѣческихъ знаній будетъ полонъ, и они въ состояніи будутъ расширяться только постояннымъ внутреннимъ наростаніемъ.

ГЛАВА XI.

ДОБАВОЧНЫЯ ПОЯСНЕНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

§ 1. Ученіе, которое предъидущія главы имѣли въ виду подкрѣпить и уяснить, именно, что коллективный рядъ общественныхъ явленій, или, другими словами, ходъ исторіи подчиненъ общимъ законамъ, которые философія способна открыть, — это ученіе уже со временъ многихъ поколѣній хорошо знакомо научнымъ мыслителямъ континента и

Digitized by Google

въ послѣднюю четверть столѣтія перешло изъ ихъ спеціальной области въ область журналовъ и обыкновенныхъ политическихъ преній. Въ нашей собственной странѣ, однако же, во время перваго изданія этого трактата, оно было почти новостью, и господствовавшія привычки мышленія относительно историческихъ предметовъ вовсе не представляли чего-либо, къ нему подготовляющаго. Съ тѣхъ поръ дѣло очень измѣнилось, и перемѣна была главнѣйшимъ образомъ вызвана важнымъ твореніемъ Бокля, который съ характеристическою энергіею вывелъ этотъ великій принципъ, вмѣстѣ со многими разительными его примѣрами, на арену популярнаго изслѣдованія, такъ что изъ-за него стали биться такіе бойцы и въ присутствіи такихъ зрителей, которые никогда не узнали бы даже существованія этого принципа, еслибы имъ нужно было узнать о немъ изъ умозрѣній чистой науки. Значительныя пренія, которыя возникли вслѣдствіе этого, содѣйствовали не только тому, чтобы быстро освоить съ принципомъ большинство образованныхъ умовъ, но такъ же, чтобы очистить его отъ путаницы и недоразумѣній, которыя естественнымъ образомъ затемняли его сначала и которыя вредили достоинству ученія у тѣхъ, кто его признавалъ, и составляли камень преткновенія для тѣхъ, кто его отвергалъ.

Между помѣхами ко всеобщему признанію, со стороны мыслящихъ умовъ, подчиненности историческихъ фактовъ научнымъ законамъ, самою важною остается та, которая основывается на ученіи о *свободной волѣ*, или, другими словами, на отрицаніи того, что законъ неизмѣнной причинности справедливъ относительно человѣческихъ желаній. Если онъ непримѣнимъ, то ходъ исторіи, какъ результатъ человѣческихъ желаній, не можетъ быть подчиненъ научнымъ законамъ, такъ какъ желанія, отъ которыхъ онъ зависитъ, никогда не могутъ быть ни предусмотрѣны, ни сведены на какой-либо канонъ правильности, даже послѣ того, какъ они уже возникли. Я разбиралъ этотъ вопросъ, насколько мнѣ казалось приличнымъ случаю, въ одной изъ предъидущихъ главъ. Здѣсь считаю нужнымъ только повторить, что ученіе о причинности человѣческихъ дѣйствій, неправильно называемое ученіемъ о необходимости, не признаетъ никакого таинственнаго nexus, или господствующаго рока: оно утверждаетъ лишь, что дѣйствія людей суть совокупный результатъ общихъ законовъ и обстоятельствъ

числа. Что́ еще болѣе замѣчательно, это — подобное же приближеніе къ постоянству въ пропорціи убійствъ, ежегодно совершаемыхъ каждымъ особымъ родомъ орудія. Подобное же приближеніе къ тожеству между однимъ годомъ и другимъ существуетъ въ сравнительномъ числѣ законныхъ и незаконныхъ рожденій. То же самое найдено справедливымъ относительно самоубійствъ, несчастій и другихъ общественныхъ явленій, списки которыхъ составляются съ достаточною полнотою. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ пояснительныхъ примѣровъ составляетъ фактъ подтверждаемый списками лондонскаго и парижскаго почтамтовъ, что число писемъ, авторы которыхъ забыли написать адресъ, почти одинаково въ отношеніи къ общему числу писемъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ году. «Каждый годъ», говоритъ г. Бокль, «та же самая пропорція пишущихъ письма забываетъ это простое дѣйствіе, такъ что для каждаго послѣдовательнаго періода мы дѣйствительно можемъ предсказать число лицъ, которымъ измѣнитъ память въ этомъ незначительномъ и, какъ можетъ показаться, случайномъ дѣлѣ.» [1]).

Эта странная правильность въ массѣ, въ соединеніи съ чрезвычайною неправильностію въ случаяхъ, составляющихъ массу, есть счастливая повѣрка a posteriori закона причинности въ приложеніи къ человѣческому поведенію. Если предположить, что этотъ законъ справедливъ, то каждое человѣческое дѣйствіе, напримѣръ каждое убійство, будетъ совокупнымъ результатомъ двухъ рядовъ причинъ: съ одной стороны, общихъ обстоятельствъ страны и ея обитателей, нравственнаго, воспитательнаго, экономическаго и другихъ вліяній, дѣйствующихъ на цѣлый народъ и составляющихъ то, что мы называемъ состояніемъ цивилизаціи; съ другой стороны, множества различныхъ вліяній, спеціальныхъ для недѣлимаго: его темперамента и другихъ особенностей организаціи, его родства, обыкновенныхъ сотоварищей, искушеній и такъ далѣе. Если мы теперь возьмемъ совокупность встрѣчающихся случаевъ на достаточно обширномъ поприщѣ, чтобы были исчерпаны всѣ сочетанія этихъ спеціальныхъ вліяній, или, другими словами, была исключена случайность, — и если всѣ эти случаи встрѣтились въ такихъ узкихъ предѣлахъ времени, что никакія существенныя перемѣны не могли произойти въ общихъ вліяніяхъ, составляющихъ цивилизацію

[1]) Buckle's *History of Civilization*, i. 30.

страны,—то мы можемъ быть увѣрены, что если человѣческія дѣйствія управляются неизмѣнными законами, то средній результатъ представитъ нѣчто въ родѣ постояннаго количества. Число убійствъ, совершенныхъ въ предѣлахъ этого пространства и времени, составляя отчасти дѣйствіе общихъ причинъ, которыя не измѣнились, а отчасти дѣйствіе частныхъ причинъ, которыя присутствовали во всевозможныхъ своихъ варіаціяхъ, будетъ, говоря практически, неизмѣнно.

Буквально и математически оно не неизмѣнно, и нельзя ожидать, чтобы оно было неизмѣнно: періодъ одного года слишкомъ коротокъ, чтобы обнять *всѣ* возможныя сопряженія частныхъ причинъ, между тѣмъ какъ въ то же время онъ достаточно долгъ для возниканія вѣроятности, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые года каждаго ряда входили новыя вліянія болѣе или менѣе общаго характера: напримѣръ, болѣе бдительная, или болѣе слабая полиція, какое-нибудь временное возбужденіе по политическимъ и религіознымъ причинамъ или какой-нибудь общеизвѣстный случай, могущій болѣзненно дѣйствовать на воображеніе. Что, не смотря на эти неизбѣжныя несовершенства въ данныхъ, годовые результаты представляютъ столь слабыя колебанія, — есть блистательное подтвержденіе общей теоріи.

§ 2. Тѣ же самыя соображенія, которыя такъ разительно подтверждаютъ ученіе, что историческіе факты суть неизмѣнныя дѣйствія причинъ, служатъ и для освобожденія этого ученія отъ различныхъ недоразумѣній, существованіе которыхъ было обнаружено послѣдними преніями. Напримѣръ, по представленію нѣкоторыхъ лицъ, изъ ученія, повидимому, слѣдуетъ, что не только общее число совершенныхъ убійствъ въ данное время и въ данномъ пространствѣ есть вполнѣ слѣдствіе общихъ обстоятельствъ общества, но что и каждое частное убійство есть такое же слѣдствіе; что индивидуальный убійца есть, такъ сказать, чистое орудіе въ рукахъ общихъ причинъ; что у него самого нѣтъ никакого выбора, а если и есть и онъ имъ воспользуется, то кто-нибудь другой долженъ по необходимости занять его мѣсто; что если бы кто-нибудь изъ дѣйствительныхъ убійцъ воздержался отъ убійства, то другое лицо, которое безъ того осталось бы невиннымъ, совершило бы убійство для сохраненія средняго числа. Подобныя заключенія, конечно, уличаютъ въ нелѣпости всякую теорію, которая не-

обходимо ведетъ къ нимъ. Очевидно, однако же, что каждое частное убійство зависитъ не отъ одного только общаго состоянія общества, но отъ этого состоянія въ сочетаніи съ причинами спеціальными для этого случая, которыя, вообще, гораздо могущественнѣе: и если эти спеціальныя причины, которыя имѣютъ на совершеніе каждаго частнаго убійства бо́льшее вліяніе, чѣмъ общія, не производятъ никакого вліянія на число убійствъ въ данный періодъ, то это зависитъ отъ того, что поле наблюденій обширно и заключаетъ всѣ возможныя комбинаціи частныхъ причинъ, — всѣ варіаціи индивидуальнаго характера и индивидуальнаго искушенія, согласимыя съ общимъ состояніемъ общества. Коллективный опытъ, какъ его можно назвать, точно отдѣляетъ дѣйствіе общихъ причинъ отъ дѣйствія частныхъ и представляетъ чистый результатъ первыхъ; но онъ ничего не говоритъ о величинѣ вліянія спеціальныхъ причинъ, — все равно, больше оно или меньше, — такъ какъ скала опыта простирается на число случаевъ, въ которомъ дѣйствія спеціальныхъ причинъ взаимно уравновѣшиваются и исчезаютъ въ дѣйствіи общихъ причинъ.

Я не думаю утверждать, что всѣ защитники теоріи всегда удаляли изъ своихъ словъ это самое смѣшеніе и не обнаруживали стремленія преувеличить дѣйствіе общихъ причинъ въ ущербъ частныхъ. Напротивъ, я того мнѣнія, что они дѣлали это въ весьма сильной степени и тѣмъ самымъ обременили свою теорію трудностями и подвергли ее возраженіямъ, которымъ она вовсе не подвержена необходимо. Нѣкоторые, напримѣръ, выводили или допускали предполагать у себя тотъ выводъ изъ правильнаго возврата событій, зависящихъ отъ нравственныхъ качествъ, что нравственныя качества человѣка мало способны къ исправленію или имѣютъ малую важность въ общемъ прогрессѣ общества, въ сравненіи съ умственными или экономическими причинами. Но выводить такое заключеніе значило бы забывать, что статистическія таблицы, изъ которыхъ получаются неизмѣнныя среднія числа, составляются изъ фактовъ, встрѣчающихся въ тѣсныхъ географическихъ предѣлахъ и въ маломъ числѣ послѣдовательныхъ лѣтъ, — то есть, на поприщѣ, которое всецѣло было подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ общихъ причинъ, въ теченіе времени слишкомъ краткаго для большихъ перемѣнъ. Всѣ моральныя причины, кромѣ общихъ всей странѣ, были

исключены вслѣдствіе большаго числа взятыхъ случаевъ, а тѣ, которыя общи всей странѣ, не измѣнились значительно въ теченіе короткаго времени, обнимаемаго наблюденіями. Если мы допустимъ предположеніе, что они *измѣнились*, если мы сравнимъ одинъ вѣкъ съ другимъ, или одну страну съ другою, или даже одну часть страны съ другою частью, различною по положенію и характеру относительно нравственныхъ элементовъ, то преступленія, совершенныя въ теченіе года, уже дадутъ не то же самое, а значительно различное среднее число. Иначе и быть не можетъ: если каждое единичное преступленіе, совершенное недѣлимымъ, главнѣйше зависитъ отъ его нравственныхъ качествъ, то преступленія, совершенныя цѣлымъ населеніемъ страны, должны въ такой же степени зависѣть отъ его коллективныхъ нравственныхъ качествъ. Чтобы этотъ элементъ оказался недѣйствительнымъ на большой скалѣ, то необходимо предположить, что общій нравственный уровень людей не измѣняется отъ одной страны до другой и отъ одного вѣка до другаго; а это несправедливо, и даже еслибы было справедливо, то не могло бы быть доказано никакою существующею статистикою. Тѣмъ не менѣе я согласенъ съ мнѣніемъ Бокля, что умственный элементъ въ людяхъ, включая въ это выраженіе свойства ихъ вѣрованій, сумму знаній и развитіе ума, есть преобладающее обстоятельство въ опредѣленіи ихъ прогресса. Но я этого мнѣнія не потому, что считаю ихъ нравственное или экономическое состояніе менѣе могущественными или менѣе измѣнчивыми элементами, а потому, что они въ значительной степени суть слѣдствія умственнаго состоянія и во всякомъ случаѣ имъ ограничиваются, какъ объ этомъ было замѣчено въ предъидущей главѣ. Умственныя перемѣны суть самые явные дѣятели исторіи не потому, что онѣ сильнѣе другихъ, взятыя сами по себѣ, а потому, что практически онѣ дѣйствуютъ съ соединенною силою, принадлежащею всѣмъ тремъ родамъ явленій.

§ 3. Есть еще другое различеніе, часто опускаемое при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ и которое удерживать весьма важно. Теорія подчиненія общественнаго прогресса неизмѣннымъ законамъ часто соединяется съ ученіемъ, что на соціальный прогрессъ не могутъ имѣть существеннаго вліянія отдѣльныя лица или дѣйствія правительства. Но хотя этихъ мнѣній часто держатся одни и тѣ же лица,

однако же это два различныя мнѣнія, и смѣшеніе ихъ есть всегдашняя ошибка смѣшенія *причинности* съ *фатализмомъ*. Что́ бы ни случилось, все будетъ дѣйствіемъ причинъ, включая сюда и человѣческія желанія; но отсюда не слѣдуетъ, что желанія, даже желанія частныхъ лицъ, не имѣютъ большой силы, какъ причины. Еслибы кто-нибудь во время бури на морѣ заключилъ, что такъ какъ каждый годъ отъ кораблекрушеній погибаетъ приблизительно то же число лицъ, то ему безполезно стараться спасти свою собственную жизнь, — мы назвали бы его *фаталистомъ* и напомнили бы ему, что усилія лицъ, подвергающихся кораблекрушеніямъ, спасти свою жизнь не только не маловажны, но что средняя величина этихъ усилій составляетъ одну изъ причинъ, отъ которой зависитъ дознанное годовое число смертей отъ кораблекрушеній. Какъ бы ни были общи законы соціальнаго развитія, они не могутъ быть общѣе и строже, чѣмъ законы физическихъ силъ природы; однако же человѣческая воля можетъ обратить и эти послѣдніе законы въ орудія своихъ намѣреній, и объемъ, въ которомъ она это дѣлаетъ, составляетъ главное различіе между дикими и наиболѣе цивилизованными народами. Человѣческіе и соціальные факты, по своей сложной природѣ, не менѣе, а болѣе способны къ измѣненію, чѣмъ факты механическіе и химическіе; и, слѣдовательно, человѣческая сила имѣетъ надъ ними еще бо́льшую власть. А потому тѣ, которые утверждаютъ, что развитіе общества зависитъ исключительно, или почти исключительно, отъ общихъ причинъ, всегда включаютъ въ нихъ число коллективныя знанія и умственное развитіе племени. Если же такъ, то почему же не развитіе какого-нибудь могучаго монарха, или мыслителя, или правящей части какого-нибудь политическаго общества? Хотя разницы въ характерѣ между обыкновенными людьми нейтрализируютъ одна другую на большой ска́лѣ, но исключительные недѣлимые, занимающіе важное положеніе, не нейтрализируютъ другъ друга; въ данномъ вѣкѣ не было другаго Ѳемистокла, или Лютера, или Юлія Цезаря, равной силы и противоположнаго настроенія, которые строго уравновѣсили бы данныхъ Ѳемистокла, Лютера и Цезаря и воспрепятствовали бы имъ имѣть постоянное дѣйствіе. Сверхъ того, какъ кажется, желанія исключительныхъ лицъ или мнѣнія и намѣренія недѣлимыхъ, которые въ данное время составляютъ правительство, могутъ быть необходимыми звеньями

въ цѣпи причиненія, чрезъ которыя даже общія причины производятъ свое дѣйствіе; и я думаю, что это единственная форма, въ которой можно признавать теорію.

Лордъ Маколей, въ знаменитомъ мѣстѣ одного изъ своихъ раннихъ опытовъ (позволю себѣ прибавить, что этотъ опытъ былъ перепечатанъ не по его собственному выбору) выражаетъ ученіе объ абсолютной невліятельности великихъ людей такимъ не ловкимъ образомъ, какъ едва ли когда дѣлалъ это писатель съ такими же дарованіями. Онъ сравниваетъ ихъ съ лицами, которыя только стоятъ на бо́льшей высотѣ и потому получаютъ солнечные лучи раньше, нежели остальное человѣческое племя. «Солнце озаряетъ холмы, когда еще стоитъ ниже горизонта, и истина открывается высшими умами немножко ранѣе, чѣмъ обнаружится для толпы. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ превосходство. Они первые принимаютъ и отражаютъ свѣтъ, который, безъ ихъ помощи, въ скоромъ времени станетъ видимъ тѣмъ, кто стоитъ далеко ниже.» [1]) Держась этой метафоры, изъ нея слѣдуетъ вывести, что еслибы не было Ньютона, міръ не только имѣлъ бы ньютоновскую систему, но имѣлъ бы ее даже такъ же скоро, потому что солнце поднялось бы для зрителей въ равнинѣ въ тотъ же часъ, все равно, были или нѣтъ горы для принятія его первыхъ лучей. Такъ бы оно и было, еслибъ истины, подобно солнцу, подымались своимъ собственнымъ движеніемъ, безъ усилій человѣческихъ; но не иначе. Я думаю, что еслибы Ньютонъ не жилъ, то міръ долженъ бы былъ ждать Ньютоновской философіи до тѣхъ поръ, пока не явился бы другой ньютонъ или ему равный. Никакой обыкновенный человѣкъ и никакая послѣдовательность обыкновенныхъ людей не создали бы ея. Я не хочу заходить далеко и утверждать, что сдѣланное Ньютономъ въ одну жизнь не могло бы быть сдѣлано, послѣдовательно, людьми, которые жили послѣ него и изъ которыхъ каждый былъ бы ниже его по генію; но даже и самый малый изъ этихъ шаговъ требовалъ бы великаго умственнаго превосходства. Выдающіеся люди не только видятъ приходящій свѣтъ съ высокаго мѣста: они сами всходятъ на высокое мѣсто и вызываютъ свѣтъ; и еслибы никто изъ нихъ никогда не всхо-

---

[1]) *Essay on Dryden*, въ *Miscellaneous Writings*, I, 186.

дилъ на высоту, то во многихъ случаяхъ свѣтъ вовсе не поднялся бы и надъ равниною. Философія и религія во многихъ отношеніяхъ сводятся на общія причины; но едвали кто станетъ сомнѣваться, что еслибы не было ни Сократа, ни Платона, ни Аристотеля, то въ теченіе слѣдующихъ двухъ тысячъ лѣтъ вовсе бы не было философіи; да вѣроятно ея не было бы и потомъ; и еслибы не явился Христосъ, не явился св. Павелъ, то не было бы христіанства.

Рѣшительное вліяніе замѣчательныхъ недѣлимыхъ болѣе всего проявляется въ опредѣленіи *скорости* движенія. Въ бо́льшей части состояній общества существованіе великихъ людей рѣшаетъ даже то, будетъ ли прогрессъ. Можно предположить, что Греція или христіанская Европа въ извѣстные періоды своей исторіи могли подвигаться впередъ вслѣдствіе однихъ общихъ причинъ; но еслибы не было Магомета, произвела ли бы Аравія Авиценну или Аверреэса, калифовъ багдадскихъ и кордовскихъ? Но въ опредѣленіи того, *какъ* и въ какомъ *порядкѣ* происходилъ бы прогрессъ въ человѣчествѣ, еслибы только происходилъ, дѣло гораздо менѣе зависитъ отъ характера недѣлимыхъ. Въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая необходимость, устанавливаемая общими законами человѣческой природы и свойствомъ человѣческой души. Извѣстныхъ истинъ нельзя открыть, извѣстныхъ изобрѣтеній нельзя сдѣлать, пока не найдены другія истины и не совершены другія изобрѣтенія; извѣстныя соціальныя улучшенія, по самой природѣ дѣла, могутъ только слѣдовать за другими улучшеніями, а не предшествовать имъ. Итакъ, *порядокъ* человѣческаго прогресса можетъ до извѣстной степени подчиняться опредѣленнымъ законамъ; но относительно скорости прогресса или даже просто относительно его существованія нельзя сдѣлать никакого обобщенія, простирающагося вообще на человѣческій родъ; можно сдѣлать только весьма шаткія приблизительныя обобщенія, ограничивающіяся малыми частями человѣчества, въ которыхъ было нѣчто подобное послѣдовательному прогрессу въ теченіе историческаго періода, — обобщенія изъ ихъ особеннаго положенія или изъ ихъ особенной исторіи. Даже, когда мы разсматриваемъ *способъ* прогресса, порядокъ послѣдовательности соціальныхъ состояній, необходима большая гибкость въ нашихъ обобщеніяхъ. *Предѣлы уклоненій* въ возможномъ развитіи какъ общественной, такъ и животной

жизни есть предметъ, до сихъ поръ еще мало понятый и составляющій одну изъ великихъ задачъ общественной науки. Во всякомъ случаѣ, фактически вѣроятно, что различныя части человѣчества, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, развились болѣе или менѣе различнымъ способомъ и въ различныя формы. Къ числу этихъ опредѣляющихъ обстоятельствъ, конечно, принадлежалъ индивидуальный характеръ ихъ великихъ умозрительныхъ мыслителей или практическихъ организаторовъ. Кто можетъ сказать, какъ глубоко вся послѣдующая исторія Китая могла опредѣлиться вліяніемъ личности Конфуція? а Спарты (слѣдовательно, и Греціи, и міра) вліяніемъ личности Ликурга?

Относительно свойства и объема того, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ дѣлать великіе люди для человѣчества, а правительство для народа, возможны различныя мнѣнія. Каждый оттѣнокъ мнѣнія по этимъ предметамъ совмѣстимъ съ полнѣйшимъ признаніемъ, что существуютъ неизмѣнные законы историческихъ явленій. Степень вліянія, которая приписывается этимъ болѣе спеціальнымъ силамъ, конечно, производитъ большую разницу въ той точности, которую можно придать общимъ законамъ, и въ надежности основываемыхъ на нихъ предсказаній. То, что зависитъ отъ особенностей недѣлимыхъ, въ сочетаніи съ положеніемъ, въ которомъ они находятся, безъ сомнѣнія, не можетъ быть предвидимо. Разумѣется, эти случайныя комбинаціи могутъ быть исключены подобно другимъ, если взять достаточно широкій циклъ: особенности великаго историческаго характера обнаруживаютъ свое вліяніе иногда въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ; но въ высшей степени вѣроятно, что онѣ не могутъ произвести никакой разницы въ концѣ пятидесяти милліоновъ. Между тѣмъ, такъ какъ мы не можемъ получить средній уровень обширнаго протяженія времени, необходимаго для исчерпанія всѣхъ возможныхъ комбинацій великихъ людей и обстоятельствъ, то для насъ остается и будетъ недостижимымъ опредѣленіе того, насколько законъ развитія человѣческихъ дѣлъ зависитъ отъ этого средняго уровня: и въ ближайшую тысячу лѣтъ, которыя для насъ несравненно важнѣе, чѣмъ всѣ остальные пятьдесятъ милліоновъ, благопріятныя и неблагопріятныя комбинаціи, которыя должны встрѣтиться, будутъ для насъ чисто случайными. Мы не можемъ пред-

видѣть появленія великихъ людей. Нельзя заранѣе опредѣлить эпоху людей, которые вносятъ въ міръ новыя спекулятивныя мысли или великія практическія идеи. Наука можетъ сдѣлать лишь слѣдующее. Она можетъ указать въ прошлой исторіи общія причины, приводящія человѣчество въ то приготовительное состояніе, въ которомъ оно, при появленіи настоящаго великаго человѣка, способно подвергнуться его вліянію. Если это состояніе продолжается, то опытъ дѣлаетъ достаточно вѣроятнымъ, что въ бо́льшій или ме́ньшій періодъ великій человѣкъ явится; причемъ предполагается, что общія обстоятельства страны и народа совмѣстимы съ его существованіемъ (чего часто не бываетъ); этотъ вопросъ тоже въ извѣстной мѣрѣ можетъ быть рѣшенъ наукою. Такимъ способомъ результаты прогресса, за исключеніемъ скорости ихъ появленія, могутъ быть до извѣстной степени приведены къ правильности и закону. И убѣжденіе, что это можетъ быть сдѣлано, одинаково и совмѣстимо съ большимъ и съ весьма малымъ значеніемъ, приписываемымъ исключительнымъ людямъ или дѣйствіямъ правительства. То же самое можетъ быть сказано о всѣхъ другихъ случайныхъ и нарушающихъ причинахъ.

§ 4. Тѣмъ не менѣе, было бы большою ошибкою приписывать лишь ничтожное значеніе дѣятельности выдающихся недѣлимыхъ или правительства. Нельзя заключать, что вліяніе тѣхъ и другихъ мало, если они не могутъ дать того, чего общество получить не приготовлено общими обстоятельствами и ходомъ своей прежней исторіи. Ни правительство, ни мыслители не достигаютъ всего, къ чему стремятся; но въ вознагражденіе за это они часто производятъ важные результаты, которыхъ ни малѣйшимъ образомъ не предвидѣли. Великіе люди и великія дѣянія рѣдко бываютъ тщетны; они производятъ тысячи невидимыхъ вліяній, болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ видимыя: и хотя девять изъ десяти вещей, сдѣланныхъ съ добрымъ намѣреніемъ тѣми, кто впереди своего вѣка, не производятъ никакого существеннаго дѣйствія, зато десятая вещь производитъ дѣйствія въ двадцать разъ бо́льшія, чѣмъ кто-нибудь могъ предвидѣть. Даже люди, которые, за недостаткомъ удовлетворительно-благопріятныхъ обстоятельствъ, не производили никакого впечатлѣнія на свой собственный вѣкъ, часто имѣли величайшую важность для потомства. Кто, повидимому, жилъ болѣе без-

плотно, чѣмъ нѣкоторые изъ первыхъ еретиковъ? Они были сожжены или убиты, ихъ сочиненія уничтожены, ихъ память проклята, и самое имя и существованіе ихъ оставлено на семь или восемь вѣковъ во тмѣ гніющихъ манускриптовъ, а ихъ исторію приходится, можетъ быть, составлять только изъ приговоровъ, которыми они были осуждены. Однако же, память этихъ людей,—людей, которые отвергали извѣстныя притязанія или извѣстные догматы церкви въ то время, когда утверждалось, что эти притязанія и догматы единодушно признаны христіанствомъ, авторитетъ котораго и былъ ихъ основаніемъ, — разорвала цѣпь преданія, установила рядъ прецедентовъ сопротивленія, вдохновила мужествомъ позднѣйшихъ реформаторовъ и снабдила ихъ оружіемъ, какое имъ было нужно, когда люди были лучше приготовлены слѣдовать ихъ вліянію. Къ этому примѣру относительно людей прибавимъ другой: примѣръ относительно правительствъ. Сравнительно-просвѣщенное правленіе, которымъ наслаждалась Испанія въ теченіе значительной части восемнадцатаго столѣтія, не исправило существенныхъ недостатковъ испанскаго народа; слѣдовательно, хотя оно сдѣлало много временнаго добра, но вмѣстѣ съ нимъ погибло столько этого добра, что съ вѣроятностью можно утверждать, что оно не имѣло пребывающаго дѣйствія. Этотъ примѣръ былъ приводимъ въ доказательство того, какъ мало можетъ сдѣлать правительство, противодѣйствуя тѣмъ причинамъ, которыя опредѣлили общій характеръ народа. Онъ показываетъ только, чего не могутъ сдѣлать правительства, но не то, что они ничего не могутъ сдѣлать. Сравните, чѣмъ была Испанія въ началѣ этого полустолѣтія либеральнаго правительства и чѣмъ она стала въ концѣ его. Этотъ періодъ принесъ образованнымъ классамъ свѣтъ европейской мысли, который съ того времени уже никогда не переставалъ распространяться. Передъ этимъ измѣненіе происходило въ обратномъ направленіи: культура, просвѣщеніе, умственная и даже матеріальная дѣятельность угасали. Развѣ ничто — остановить это понижающееся движеніе и обратить его въ возвышающееся? Сколько вещей, которыхъ не могли сдѣлать Карлъ III и Аранда, были крайнимъ слѣдствіемъ того, что́ они сдѣлали! Этой половинѣ вѣка Испанія обязана своимъ освобожденіемъ отъ инквизиціи, отъ монаховъ,—тѣмъ, что она имѣетъ теперь парламентъ и свободную печать, чувство свободы и гражданства, что она теперь

пріобрѣтаетъ желѣзныя дороги и всѣ другія принадлежности вещественнаго и экономическаго прогресса. Въ той Испаніи, которая предшествовала этой эрѣ, не дѣйствовало ни одного элемента, который могъ бы привести къ такимъ результатамъ въ теченіе какого угодно времени, еслибы страною продолжали управлять такъ, какъ ею управляли послѣдніе принцы австрійской династіи, или еслибы Бурбоны съ самаго начала были тѣмъ, чѣмъ они стали потомъ и въ Испаніи, и въ Неаполѣ.

Если правительство можетъ сдѣлать многое, даже когда кажется, что оно дѣлаетъ мало положительныхъ улучшеній, то еще большіе результаты зависятъ отъ него въ устраненіи бѣдствій какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, которыя могли бы вовсе остановить улучшеніе. Часто хорошій или дурной совѣтникъ въ одномъ городѣ во время особеннаго кризиса производилъ вліяніе на всю послѣдующую судьбу міра. Достовѣрно, какъ только можетъ быть достовѣрно сужденіе, относящееся къ историческимъ событіямъ, что еслибы не было Ѳемистокла, то не было бы побѣды при Саламинѣ; а еслибы не было ея, какова была бы вся наша цивилизація? Какой различный вышелъ бы результатъ, еслибы при Херонеѣ вмѣсто Хареса и Лизикла командовали Эпаминондъ или Тимолеонъ или даже Ификратъ. Во второмъ изъ двухъ опытовъ «Объ изученіи исторіи» [1]), — по моему сужденію, самыхъ здравыхъ и наиболѣе философскихъ произведеній, вызванныхъ споромъ объ этомъ предметѣ, — справедливо сказано, что историческая наука даетъ право не на абсолютныя, а лишь на условныя предсказанія. Общія причины много значатъ; но индивидуумы также «производятъ великія перемѣны въ исторіи и даютъ цвѣтъ всему ея составу долго спустя послѣ своей смерти.... Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что римская республика выродилась бы въ военный деспотизмъ, еслибы Юлія Цезаря никогда не существовало» (насколько практически удостовѣряютъ насъ общія причины): «но можно ли признать вполнѣ яснымъ, чтобы въ этомъ случаѣ Галлія когда-нибудь составляла провинцію имперіи? Не могъ ли Варъ потерять свои три легіона на берегахъ Роны? И не могла ли эта рѣка стать границею, вмѣсто Рейна?

---

[1]) Въ Cornhill Magazine, за іюнь и іюль 1861.

Это легко могло бы случиться, еслибы Цезарь и Крассъ помѣнялись провинціями; и, конечно, невозможно сказать, что при такомъ событіи европейская цивилизація не могла бы измѣниться. Завоеваніе Англіи норманнами есть въ такой же степени дѣло одного человѣка, какъ написаніе журнальной статьи; и зная, какъ мы знаемъ, исторію этого человѣка и его семейства, мы можемъ если не безошибочно, то съ достовѣрностію предсказать, что никакой другой человѣкъ» (полагаю, тутъ подразумѣвается: въ этомъ вѣкѣ) «не могъ бы исполнить этого предпріятія. Если же оно не было бы исполнено, то неужели есть основаніе предполагать, что и наша исторія, и нашъ національный харкатеръ были бы тѣмъ же, чѣмъ они теперь?»

Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ тотъ же самый писатель, весь ходъ греческой исторіи, какъ онъ разъясненъ Гротомъ, есть рядъ примѣровъ того, какъ часто событія, около которыхъ вращается вся судьба послѣдующей цивилизаціи, зависятъ отъ личной склонности какого-нибудь недѣлимаго къ добру и злу. Нужно, впрочемъ, сказать, что Греція представляетъ самый крайній примѣръ этого рода, какой только можетъ быть найденъ въ исторіи, и есть весьма преувеличенный образчикъ общаго стремленія. Только разъ случилось и, вѣроятно, никогда уже впередъ не случится, что судьбы человѣчества зависѣли отъ сохраненія извѣстнаго порядка вещей въ единомъ городѣ или въ странѣ, которая едвали больше Іоркшира и могла быть разрушена или спасена сотнею причинъ весьма неважныхъ въ сравненіи съ общимъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Ни обыкновенные случаи, ни характеры недѣлимыхъ уже не могутъ никогда впредь имѣть такой большой важности, какую они имѣли тогда. Чѣмъ долѣе существуетъ человѣческій родъ и чѣмъ болѣе онъ цивилизуется, тѣмъ болѣе, какъ замѣчаетъ Контъ, вліяніе прошлыхъ поколѣній на настоящее и человѣчества *en masse* на каждое его недѣлимое получаетъ перевѣсъ надъ другими силами: и хотя ходъ вещей всегда остается подверженнымъ измѣненію со стороны случаевъ и личныхъ качествъ, но возрастающій перевѣсъ коллективнаго дѣйствія человѣчества надъ всѣми меньшими причинами постоянно вводитъ общее развитіе человѣческаго рода какъ бы въ менѣе уклоняющуюся и напередъ назначенную колею. Итакъ, историческая наука становится все болѣе возможною: не только потому, что она

лучше изучается, но и потому, что съ каждымъ поколѣніемъ она становится болѣе удобною для изученія.

ГЛАВА XII.

О ЛОГИКѢ ПРАКТИКИ ИЛИ ИСКУССТВА, СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ.

§ 1. Въ предъидущихъ главахъ мы старались охарактеризовать нынѣшнее состояніе тѣхъ вѣтвей знаній, называемыхъ моральными, которыя суть науки въ настоящемъ смыслѣ слова, то есть изслѣдованія хода природы. Между тѣмъ, обыкновенно подъ названіе моральныхъ свѣдѣній или даже (хотя не по праву) моральной науки подводятъ также изслѣдованіе результатовъ, которые выражаются не въ изъявительномъ наклоненіи, а въ повелительномъ или въ перифразахъ, ему соотвѣтствующихъ; это называютъ познаніемъ обязанностей, практическою этикою, или моралью.

Но повелительное наклоненіе есть характеристическая черта искусства, въ отличіе отъ науки. Все, что говоритъ правилами или предписаніями, а не утвержденіями, относящимися къ фактамъ, есть искусство: и этика, или мораль, есть собственно часть искусства, соотвѣтствующая наукамъ о человѣческой природѣ и обществѣ [1]).

Слѣдовательно, метода этики можетъ быть не иная, какъ метода искусства или практики вообще: и еще не выполненная задача, которую мы предложили себѣ въ заключительной книгѣ состоитъ въ томъ, чтобы охарактеризовать общую методу искусства, въ отличіе отъ науки.

§ 2. Во всѣхъ отрасляхъ практическихъ дѣлъ есть случаи, въ которыхъ недѣлимые обязаны сообразовать свою практику съ напередъ установленнымъ правиломъ, между тѣмъ какъ въ другихъ часть ихъ

---

[1]) Почти лишнее замѣчать, что есть другое значеніе слова «искусство», въ которомъ оно означаетъ поэтическую область или поэтическій взглядъ на вещи вообще въ отличіе отъ научнаго. Въ текстѣ слово употреблено въ его древнѣйшемъ и, какъ я думаю, еще старѣвшемъ смыслѣ.

задачи заключается въ отысканіи или построеніи правила, которымъ они должны руководствоваться въ своемъ поведеніи. Примѣромъ перваго будетъ случай судьи при опредѣленномъ писанномъ кодексѣ. Судья не призванъ опредѣлять, какое рѣшеніе было бы лучшимъ по самой природѣ дѣла въ данномъ частномъ случаѣ, а только—подъ какое правило закона онъ подходитъ, что́ предписано законодателемъ дѣлать въ этого рода случаяхъ и, слѣдовательно, что онъ предположительно хотѣлъ бы сдѣлать въ этомъ частномъ случаѣ. Метода здѣсь должна быть совершенно и исключительно умозаключительная или силлогистическая, и пріемы должны быть очевидно тѣ, которые, какъ мы показали въ нашемъ анализѣ силлогизма, суть пріемы всякаго умозаключенія, то есть истолкованіе нѣкоторой формулы.

Чтобы взять примѣръ противоположнаго случая изъ того же класса предметовъ, изъ котораго взятъ первый примѣръ, мы предположимъ, для противоположности судьѣ, положеніе законодателя. Какъ судья беретъ въ руководство законы, такъ законодатель слѣдуетъ правиламъ и основоположеніямъ политики; но было бы явною ошибкою предполагать, что законодатель связанъ этими правилами точно такъ же, какъ судья связанъ законами, и что все, что́ онъ долженъ дѣлать, состоитъ въ умозаключеніи отъ нихъ къ частному случаю, какъ судья умозаключаетъ отъ закона. Законодатель обязанъ принимать во вниманіе основанія или причины правила; судья же не долженъ оцѣнивать основанія закона, развѣ если разсмотрѣніе ихъ можетъ пролить свѣтъ на намѣреніе составителя законовъ тамъ, гдѣ его слова оставили это намѣреніе подъ сомнѣніемъ. Для судьи разъ найденное правило имѣетъ окончательное значеніе; законодатель же или другой практикъ, который руководится болѣе правилами, чѣмъ ихъ основаніями, — подобно прежнимъ нѣмецкимъ тактикамъ, которые были побѣждены Наполеономъ, или медикамъ, которые скорѣе желали, чтобы ихъ паціенты умирали по правиламъ, чѣмъ выздоравливали противъ правилъ, — справедливо будетъ почитаемъ чистымъ педантомъ и рабомъ своихъ формулъ.

А основаніемъ правилъ политики или какого-нибудь другаго искусства не можетъ быть ничто иное, какъ теоремы соотвѣтствующей науки.

Отношеніе, въ которомъ правила искусства стоятъ къ ученіямъ науки, можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Искусство предлагаетъ себѣ цѣль, опредѣляетъ ее и передаетъ наукѣ. Наука принимаетъ ее, разсматриваетъ какъ явленіе или дѣйствіе, которое нужно изучить, и, изслѣдовавши ея причины и условія, возвращаетъ ее назадъ искусству, вмѣстѣ съ теоремою того сочетанія обстоятельствъ, которымъ она можетъ быть произведена. Тогда искусство разсматриваетъ это сочетаніе обстоятельствъ и, смотря по тому, находятся ли они или нѣтъ, въ человѣческой власти, рѣшаетъ, достижима ли цѣль или нѣтъ. Итакъ, единственная посылка, которую даетъ искусство, есть первоначальная большая посылка, утверждающая, что достиженіе данной цѣли желательно. Тогда наука предлагаетъ искусству положеніе (полученное рядомъ индукцій или дедукцій), что исполненіемъ извѣстныхъ дѣйствій цѣль будетъ достигнута. Изъ этихъ посылокъ искусство заключаетъ, что исполненіе этихъ дѣйствій желательно, и, находя ихъ выполнимыми, обращаетъ теорему въ правило или предписаніе.

§ 3. Особенно нужно имѣть въ виду, что теорема или умозрительная истина не прежде будетъ готова для обращенія ея въ предписаніе, какъ если уже выполнена вся операція, принадлежащая наукѣ, а не одна лишь ея часть. Предположимъ, что мы совершили научный пріемъ лишь до извѣстной степени, именно открыли, что нѣкоторая особенная причина произведетъ желанное дѣйствіе, но не удостовѣрились во всѣхъ отрицательныхъ условіяхъ, которыя необходимы, т. е. во всѣхъ обстоятельствахъ, которыя, если будутъ присутствовать, помѣшаютъ его совершенію. Если, при такомъ несовершенномъ состояніи научной теоріи, мы вздумаемъ составить правило искусства, то совершимъ этотъ процессъ преждевременно. Если встрѣтится какая-нибудь изъ противодѣйствующихъ причинъ, недосмотрѣнныхъ теоремою, то правило окажется негоднымъ: мы употребимъ средства, а результатъ не воспослѣдуетъ. Тогда никакіе выводы изъ правила или относительно правила не выведутъ насъ изъ затрудненія: остается лишь вернуться назадъ и докончить научный пріемъ, который долженъ былъ предшествовать составленію правила. Мы должны вновь начать изслѣдованіе, разсмотрѣть остальныя условія, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе; и только удостовѣрившись во всей ихъ совокупности, мы будемъ готовы

превратить полный законъ дѣйствія въ правило, въ которомъ предписываются, какъ средства, тѣ обстоятельства или сочетанія обстоятельствъ, которыя наука указываетъ какъ условія.

Правда, ради удобства, правила должны быть выводимы изъ основаній, не столь идеально совершенныхъ, какъ полная теорія: вопервыхъ потому, что теорію рѣдко можно сдѣлать идеально-совершенною; а вовторыхъ, еслибы были включаемы всѣ противодѣйствующія причины, рѣдкія и частыя, то правила были бы слишкомъ сложны для изученія и запоминанія ихъ обыкновенными способностями въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Правила искусства не пытаются обнять болѣе условій, чѣмъ сколько нужно имѣть въ виду въ обыкновенныхъ случаяхъ; поэтому они всегда несовершенны. Въ рукодѣльныхъ искусствахъ, гдѣ требуемыя условія немногочисленны и гдѣ условія, не указанныя точно въ правилахъ, или ясны для простаго наблюденія, или легко узнаются на практикѣ, правиламъ часто можетъ надежно слѣдовать и тотъ, кто ничего не знаетъ, кромѣ правила. Но въ сложныхъ частныхъ дѣлахъ, а еще болѣе въ дѣлахъ государства и общества нельзя полагаться на правила, безъ постояннаго обращенія къ научнымъ законамъ, на которыхъ они основаны. Знать, каковы практическія случайности, требующія видоизмѣненія правила, или каковы полныя исключенія изъ него, значитъ знать, какія сочетанія обстоятельствъ измѣняютъ или вовсе уничтожаютъ слѣдствія этихъ законовъ: а этого можно достигнуть только обратившись къ теоретическимъ основаніямъ правила.

Поэтому, мудрый практикъ будутъ признавать правила поведенія только временными. Будучи составлены для самыхъ многочисленныхъ случаевъ, или для случаевъ, всего чаще встрѣчающихся, они указываютъ способъ, которымъ можно дѣйствовать съ наименьшею опасностію, когда недостаетъ времени и средствъ для анализа настоящихъ обстоятельствъ случая, или когда мы не можемъ довѣриться нашему сужденію въ ихъ оцѣнкѣ. Но они вовсе не дѣлаютъ излишнимъ того, чтобы мы (если позволяютъ обстоятельства) совершили научный процессъ, который требуется для составленія правила изъ данныхъ встрѣтившагося частнаго случая. Въ то же время общее правило можетъ весьма удобно служить напоминаніемъ, что извѣстный образъ дѣйствій былъ найденъ нами и другими очень пригоднымъ для случаевъ самыхъ

обыкновенныхъ и что если онъ не пригоденъ для предлежащаго случая, то причины этого, вѣроятно, зависятъ отъ нѣкотораго необыкновеннаго обстоятельства.

§ 4. Итакъ, очевидно ошибаются тѣ, которые хотятъ вывести образъ поведенія въ частныхъ случаяхъ изъ предполагаемыхъ общихъ практическихъ основоположеній; они упускаютъ изъ виду необходимость постоянно обращаться къ принципамъ умозрительной науки, для того, чтобы быть увѣреннымъ въ достиженіи частной цѣли, которую имѣютъ въ виду эти правила. Во сколько же разъ больше должна быть ошибка тѣхъ, которые такіе неподвижные принципы дѣлаютъ не только общими правилами для достиженія данной цѣли, но правилами поступковъ вообще, — упуская изъ виду возможность, что не только какая-нибудь видоизмѣняющая причина можетъ помѣшать достиженію данной цѣли средствами, которыя предписываются правиломъ, но что самый успѣхъ можетъ столкнуться съ какою-нибудь другою цѣлью, пожалуй, болѣе желательною.

Такова обыкновенная ошибка многихъ политическихъ мыслителей, которыхъ я охарактеризовалъ, какъ геометрическую школу; особенно во Франціи, гдѣ выводы изъ практическихъ правилъ составляютъ главную пищу журналистики и политическаго краснорѣчія. Это превратное пониманіе отправленій дедукціи подорвало во мнѣніи другихъ странъ довѣріе къ духу обобщенія, составляющему столь достойную уваженія характеристическую черту французскаго ума. Во Франціи, общія мѣста политики суть широкія и далеко захватывающія практическія правила, изъ которыхъ, какъ изъ конечныхъ посылокъ, люди умозаключаютъ, спускаясь къ частнымъ приложеніямъ; и это они называютъ быть логичнымъ и послѣдовательнымъ. Напримѣръ, они постоянно разсуждаютъ, что такая-то или такая-то мѣра должна быть принята, потому что она есть слѣдствіе принципа, на которомъ основывается форма правленія, принципа законности или принципа верховной власти народа. Имъ можно отвѣчать, что если это дѣйствительно практическіе принципы, то они должны опираться на умозрительныя основанія; верховная власть народа (напримѣръ) должна быть правильнымъ основаніемъ правительства, потому что правительство, устроенное такимъ образомъ, должно производить нѣкоторыя благотворныя дѣйствія. Но никакое

правительство не производитъ всевозможныхъ благотворныхъ дѣйствій, а всѣ сопряжены съ большими или меньшими невыгодами, и этимъ невыгодамъ нельзя противодѣйствовать средствами, взятыми отъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя ихъ производятъ. И потому часто сильнѣе рекомендовало бы какую-нибудь практическую мѣру то, что она не слѣдуетъ изъ такъ называемаго общаго принципа правительства, чѣмъ то, что она изъ него слѣдуетъ. При правительствѣ легитимистическомъ, скорѣе можно предполагать выгоду на сторонѣ учрежденій народнаго происхожденія; а въ демократіи на сторонѣ мѣръ, стремящихся удержать напоръ народной воли. Способъ аргументаціи, столь часто принимаемый во Франціи за политическую философію, стремится къ практическому заключенію, что намъ слѣдуетъ всѣми силами усиливать, а не облегчать, всякаго рода характеристическія несовершенства системы учрежденій, которую мы предпочитаемъ или подъ которой намъ довелось жить.

§ 5. Итакъ, основанія всякаго правила искусства должны быть отъискиваемы въ теоремахъ науки. Искусство или какая-либо совокупность искусствъ состоитъ изъ правилъ вмѣстѣ съ тѣми умозрительными предложеніями, которыя требуются для оправданія этихъ правилъ. Всякое полное искусство обнимаетъ выборъ тѣхъ частей науки, которыя необходимы для указанія, отъ какихъ условій зависятъ дѣйствія, составляющія цѣль искусства. И *искусство* вообще состоитъ изъ истинъ *науки*, расположенныхъ въ порядкѣ, наиболѣе удобномъ для практики, вмѣсто порядка, наиболѣе удобнаго для мысли. Наука группируетъ и располагаетъ свои истины такъ, чтобы мы могли однимъ взглядомъ обнять сколь возможно большую часть общаго порядка мірозданія. Искусство, хотя оно должно признавать тѣ же самые общіе законы, выходитъ за ними только въ тѣ ихъ частные выводы, которые привели къ составленію правилъ дѣйствій; и оно сноситъ, изъ наиболѣе удаленныхъ между собою частей научнаго поля, истины, относящіяся къ произведенію различныхъ и разнородныхъ условій, какія необходимы для каждаго дѣйствія, требуемаго надобностями практической жизни.

Такъ какъ наука слѣдитъ за причиною въ ея различныхъ дѣйствіяхъ, а искусство относитъ нѣкоторое дѣйствіе къ его многоразлич-

нымъ и разнообразнымъ причинамъ и условіямъ, то необходимъ рядъ посредствующихъ научныхъ истинъ, выведенныхъ изъ высшихъ общихъ положеній науки и предназначенныхъ служить главными или первыми началами различныхъ искусствъ. Научную операцію — установить эти посредствующіе принципы Контъ считаетъ однимъ изъ результатовъ философіи, предоставляемыхъ будущему. Единственный полный примѣръ, который онъ указываетъ какъ уже приведенный въ исполненіе и могущій служить типомъ для подражанія въ болѣе важныхъ предметахъ, есть общая теорія искусства *Описательной Геометріи*, какъ ее установилъ Монжъ. Не трудно, впрочемъ, понять, каково должно быть свойство этихъ посредствующихъ общихъ принциповъ. Составивши возможно-широкое понятіе о цѣли, которая имѣется въ виду, то есть о дѣйствіи, которое нужно произвести, и опредѣливши такимъ же широкимъ образомъ рядъ условій, отъ которыхъ зависитъ это дѣйствіе, остается еще общій обзоръ средствъ, которыя требуются для выполненія этого ряда условій, и когда результаты этого обзора будутъ выражены въ наименьшемъ числѣ самыхъ обширныхъ предложеній, то эти предложенія и будутъ представлять общее отношеніе между избираемыми средствами и цѣлью и составятъ общую теорію искусства, изъ которой его практическіе методы будутъ вытекать, какъ королляріи.

§ 6. Хотя разсужденія, связывающія цѣль или задачу каждаго искусства съ его средствами, принадлежатъ къ области науки, но опредѣленіе самой цѣли принадлежитъ исключительно искусству и образуетъ его особенную область. Каждое искусство имѣетъ нѣкоторый первый принципъ или общую большую посылку, получаемую не изъ науки,— посылку, которая выражаетъ имѣющуюся въ виду цѣль и утверждаетъ, что эта цѣль желательна. Строительное искусство признаетъ, что желательно имѣть зданія; архитектура (какъ одно изъ изящныхъ искусствъ), что желательно имѣть красивыя или величественныя зданія. Искусства гигіены и медицины признаютъ—одно, что сохраненіе здоровья, другое, что излеченіе отъ болѣзни суть прекрасныя и желательныя цѣли. Это предложенія ненаучныя. Предложенія науки утверждаютъ нѣкоторый фактъ: существованіе, сосуществованіе, послѣдовательность или сходство. Предложенія, о которыхъ идетъ рѣчь, не утверждаютъ, что нѣчто есть, а предписываютъ или рекомендуютъ, чтобы нѣчто было. Они состав-

ляютъ особый классъ. Предложеніе, сказуемое котораго выражается словами *«должно бы быть»*, по роду различно отъ предложеній, выражаемыхъ посредствомъ *есть* или *будетъ*. Правда, что въ самомъ обширномъ смыслѣ слова и эти предложенія утверждаютъ нѣкоторый фактъ. Фактъ, утверждаемый ими, состоитъ въ томъ, что рекомендуемое поведеніе возбуждаетъ въ душѣ говорящаго чувство одобренія. Это однако же не касается сущности предмета: одобреніе говорящаго не составляетъ достаточнаго основанія, по которому бы и другіе одобряли, и даже для него самого не можетъ имѣть доказательной силы. Относительно практическихъ цѣлей должно требовать отъ каждаго, чтобы онъ оправдалъ свое одобреніе: и для этого необходимы общія посылки, опредѣляющія, каковы предметы, дѣйствительно стоющіе одобренія, и въ какомъ порядкѣ эти цѣли превосходятъ одна другую.

Эти общія посылки, вмѣстѣ съ главными заключеніями, которыя можно изъ нихъ вывести, составляютъ (или, скорѣе, могутъ составить) систему ученія, которая собственно есть *искусство жизни*, въ его трехъ отдѣлахъ: *Морали, Благоразуміи* или *Политикѣ* и *Эстетикѣ; справедливомъ, цѣлесообразномъ* и *прекрасномъ* или *благородномъ* въ человѣческихъ поступкахъ и дѣлахъ. Этому искусству (которое, къ сожалѣнію, еще нужно создать) подчинены всѣ другія искусства: принципы его должны опредѣлять, достойна ли и желательна ли спеціальная цѣль какого-нибудь частнаго искусства, и каково ея мѣсто въ лѣствицѣ желательныхъ вещей. Такимъ образомъ каждое искусство есть совокупный результатъ законовъ природы, раскрытыхъ наукою, и общихъ принциповъ того, что́ называется *Телеологіею* или *ученіемъ о цѣляхъ* [1]), что́ на языкѣ нѣмецкой метафизики не безъ основанія можетъ быть также названо *правилами практическаго разума*.

Научный наблюдатель или мыслитель, въ этомъ своемъ качествѣ не есть совѣтникъ для практики. Его дѣло только показать, что извѣстныя слѣдствія вытекаютъ изъ извѣстныхъ причинъ и что для достиженія извѣстныхъ цѣлей извѣстныя средства всего дѣйствительнѣе. Таковы ли самыя цѣли, что они должны быть преслѣдуемы, и если

[1]) Слово телеологія употребляется также нѣкоторыми писателями, но неправильно и несоотвѣтственно, какъ названіе попытки объяснять явленія природы конечными причинами.

такъ, то въ какихъ случаяхъ и какъ далеко ихъ нужно преслѣдовать,— рѣшеніе этого вопроса не дѣло служителя науки, и наука, одна, никогда не дастъ ему способовъ для рѣшенія. Въ чисто физической наукѣ нѣтъ большаго искушенія принять на себя эту дальнѣйшую обязанность; но тѣ, кто занимается человѣческою природою и обществомъ, непремѣнно имѣютъ на нее притязаніе; они всегда берутся говорить не только то, что̀ есть, но и то, что̀ должно быть. Чтобы они имѣли на это право, необходимо полное ученіе телеологіи. Научная теорія, какъ бы она ни была совершенна, разсматривая предметъ, только какъ часть порядка въ природѣ, никакимъ образомъ не можетъ замѣнить телеологіи. Въ этомъ отношеніи различныя подчиненныя искусства представляютъ вводящую въ заблужденіе аналогію. Въ нихъ рѣдко встрѣчается какая-нибудь замѣтная необходимость оправдывать цѣль, такъ какъ, вообще, ея желаемость никѣмъ не отвергается, и только когда нужно рѣшить вопросъ о превосходствѣ одной цѣли передъ другою, должны быть призываемы общіе принципы телеологіи; но писатель по морали и по политикѣ нуждается въ этихъ принципахъ на каждомъ шагу. Самое выработанное и основательное изложеніе законовъ послѣдовательности и сосуществованія между умственными или общественными явленіями и ихъ отношеній между собою, какъ причинъ и дѣйствій, не будетъ имѣть никакой пользы для искусства *жизни* или *общества*, если цѣли, къ которымъ должно стремиться это искусство, будутъ предоставлены неопредѣленнымъ внушеніямъ *intellectus sibi permissus* или будутъ признаны данными, безъ анализа и сомнѣнія.

§ 7. Итакъ есть Philosophia Prima, свойственная *искусству*, какъ есть такая философія, принадлежащая *наукѣ* Существуютъ не только первые принципы *знанія*, но также и первые принципы *практики*. Долженъ быть нѣкоторый масштабъ, которымъ можно бы опредѣлять абсолютную и сравнительную доброкачественность или злокачественность цѣлей или предметовъ желанія. И какого бы рода этотъ масштабъ ни былъ, онъ долженъ быть лишь̀ одинъ: еслибы было нѣсколько послѣднихъ принциповъ практики, то одинъ и тотъ же поступокъ могъ бы быть одобряемъ однимъ изъ этихъ принциповъ и осуждаемъ другимъ, и, слѣдовательно, понадобился бы какой-нибудь болѣе общій принципъ, чтобы рѣшить между ними.

Поэтому, писатели по моральной философіи, большею частію, чувствовали необходимость не только сводить всѣ правила практики и всѣ сужденія похвалы и порицанія къ принципамъ, но и относить ихъ къ одному принципу; къ правилу или масштабу, съ которымъ согласовались бы всѣ другія практическія правила и изъ котораго они всѣ могли бы быть выведены, какъ послѣднія слѣдствія. Тѣ, которые уклонялись отъ признанія такого всеобщаго масштаба, могли это сдѣлать только предполагая, что нѣкоторое моральное чувство или инстинктъ, свойственный нашей природѣ, указываетъ намъ и то, какіе принципы поведенія мы обязаны соблюдать, и то, въ какомъ порядкѣ они должны быть подчиняемы одинъ другому.

Теорія основаній нравственности есть предметъ, который разбирать подробно не мѣсто въ такомъ сочиненіи, какъ это, и о которомъ было бы безполезно говорить мимоходомъ. По этому, я ограничусь замѣчаніемъ, что ученіе о непосредственныхъ, интуитивныхъ нравственныхъ принципахъ, даже если бы было вѣрно, обезпечило бы только ту часть поприща практики, которая собственно называется моралью. Для остальной практической жизни все-таки нужно искать какого-нибудь общаго принципа или масштаба; и если этотъ принципъ будетъ правильно выбранъ, то окажется, какъ я полагаю, что онъ также хорошо можетъ служить послѣднимъ принципомъ *нравственности*, равно какъ и *политики*, и *вкуса*.

Не пытаясь въ этомъ мѣстѣ оправдать мое мнѣніе или даже опредѣлить допускаемый имъ способъ оправданія, я просто заявляю свое убѣжденіе, что общій принципъ, съ которымъ должны бы были сообразоваться всѣ правила практики, и повѣрка, которую они должны выдерживать, есть принципъ способствованія счастію человѣчества, или, скорѣе, всѣхъ чувствующихъ существъ; другими словами, что способствованіе счастью есть послѣдній принципъ телеологіи.

Я не думаю утверждать, что самое способствованіе счастью есть цѣль всѣхъ дѣйствій или даже всѣхъ правилъ поведенія. Оно есть оправданіе и должно бы быть повѣркою всѣхъ цѣлей; но само не есть единственная цѣль. Есть многія добродѣтельныя дѣйствія и даже добродѣтельные образы дѣйствій (хотя эти случаи, я думаю, встрѣчаются рѣже, чѣмъ это предполагается), которые въ частномъ случаѣ жертвуютъ сча-

стіемъ, такъ какъ они производятъ болѣе страданія, чѣмъ удовольствія. Но образъ дѣйствій, о которомъ можно справедливо утверждать это, допускаетъ оправданіе только слѣдующимъ: можно показать, что въ цѣломъ будетъ болѣе счастья въ мірѣ, если будутъ воспитываемы чувства, которыя заставятъ людей въ извѣстныхъ случаяхъ не обращать вниманія на счастье.

Я вполнѣ допускаю справедливость слѣдующаго: что воспитаніе въ себѣ идеальнаго благородства воли и поступковъ должно быть для индивидуальныхъ человѣческихъ существъ цѣлью, которой должно уступать, въ случаѣ столкновенія, исканіе или ихъ собственнаго счастья, или счастья другихъ (за исключеніемъ обнимаемаго этимъ идеаломъ). Но я думаю, что вопросъ, въ чемъ состоитъ эта возвышенность характера, самъ долженъ быть рѣшенъ обращеніемъ къ счастію, какъ къ масштабу. Самый характеръ долженъ быть для недѣлимаго верховною цѣлью только потому, что обильное существованіе этого идеальнаго благородства характера, или приближеніе къ нему болѣе всего другаго способствовало бы къ содѣланію человѣческой жизни счастливою, — какъ въ сравнительно скромномъ смыслѣ удовольствія и свободы отъ страданія, такъ и въ высшемъ, т. е. оно содѣлало бы жизнь не пустою, какова она теперь почти повсюду, а такою, какой могутъ пожелать люди съ высоко развитыми способностями.

§ 8. Этими замѣчаніями мы должны заключить нашъ краткій обзоръ приложенія общей логики научнаго изслѣдованія къ нравственнымъ и общественнымъ отдѣламъ науки. Не смотря на крайнюю общность принциповъ методы, которые я изложилъ (общность, которая, какъ я полагаю, въ этомъ случаѣ не есть синонимъ неопредѣленности), я питалъ надежду, что нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кому выпадетъ задача привести важнѣйшую изъ всѣхъ наукъ въ болѣе совершенное состояніе, эти замѣчанія будутъ полезны, какъ въ удаленіи ошибочныхъ, такъ и въ поясненіи вѣрныхъ понятій о средствахъ, которыми истина можетъ быть достигнута въ предметахъ столь сложныхъ. Если эта надежда исполнится, то будетъ въ нѣкоторой степени подвинуто впередъ дѣло, которое, вѣроятно, составитъ великій умственный подвигъ ближайшихъ двухъ или трехъ поколѣній мыслителей Европы.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ASSOCIAZIONE CULTURALE · REGIONE LAZIO
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI
123-10
RL 032828

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

КНИГА III.

О наведеніи.

(Продолженіе.)

Глава XIV. О предѣлахъ объясненія законовъ природы и о гипотезахъ.

стр.

§ 1. Могутъ ли всѣ послѣдовательности въ природѣ быть сведены на какой-нибудь законъ. . 3
2. Коренныхъ законовъ не можетъ быть меньше, чѣмъ различныхъ чувствъ въ нашей природѣ . 4
3. Въ никомъ смыслѣ коренные факты могутъ быть объясняемы. 7
4. Надлежащее употребленіе научныхъ гипотезъ 8
5. Ихъ необходимость 16
6. Какъ отличать законныя гипотезы отъ незаконныхъ 10
7. Нѣкоторыя изъясненія, повидимому гипотетическія, въ сущности бываютъ индуктивныя . 25

Глава XV. О нарастаніи дѣйствій и непрерывной дѣятельности причинъ.

§ 1. Какъ прогрессивное дѣйствіе происходитъ отъ простой непрерывности причины . . 28
2. — и отъ прогрессивности причины 33
3. Производные законы, происходящіе отъ одного коренного закона 36

Глава XVI. Объ эмпирическихъ законахъ.

§ 1. Опредѣленіе эмпирическаго закона 38
2. Производныя законы зависятъ обыкновенно отъ распредѣленій. 39
3. Распредѣленія постоянныхъ причинъ не сводятся ни на какой законъ 41
4. Поэтому эмпирическіе законы не имѣютъ достовѣрности за предѣлами дѣйствительнаго опыта . —
5. Обобщенія, которыя опираются только на методъ согласія, могутъ быть признаваемы только за эмпирическіе законы 43
6. Признаки, по которымъ наблюдаемое единообразіе послѣдовательности можно считать производнымъ закономъ. 44
7. Два рода эмпирическихъ законовъ 48

Digitized by Google

Глава XVII. О случайности и ея исключеніи.

стр.
§ 1. Доказательство эмпирическихъ законовъ зависитъ отъ теоріи случайностей 49
2. Опредѣленіе и характеристика случайностей 50
3. Исключеніе случайности. 55
4. Открытіе остаточныхъ явленій при исключеніи случайности 58
5. Ученіе о случайностяхъ 59

Глава XVIII. Исчисленіе случайностей.

§ 1. Основаніе ученія о случайностяхъ, какъ его понимаютъ математики. 60
2. Это ученіе можетъ быть защищаемо 62
3. Его дѣйствительное основаніе 64
4. Его коренная зависимость отъ причинности 68
5. Теорема ученія о случайностяхъ, относящаяся къ причинѣ даннаго событія . . . 71
6. Примѣнимость ученія къ исключенію случайностей. 74

Глава XIX. О распространеніи производныхъ законовъ на случаи смежные.

§ 1. Производные законы, если они не случайны, почти всегда зависятъ отъ распредѣленій . 77
2. По какимъ основаніямъ они могутъ быть распространяемы на случаи внѣ границъ дѣйствительнаго опыта 79
3. Эти случаи должны быть смежные. 81

Глава XX. Объ аналогіи.

§ 1. Различные смыслы слова аналогія 85
2. Свойство аналогическаго доказательства 86
3. Отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ его сила 90

Глава XXI. О доказательствѣ закона всеобщей связи причины со слѣдствіемъ.

§ 1. Законъ причинности основанъ не на инстинктѣ 93
2. Но на наведеніи чрезъ простое перечисленіе 98
3. Въ какихъ случаяхъ это наведеніе допустимо 100
4. Основанія, по которымъ можно допустить всеобщее господство закона связи причины со слѣдствіемъ 103

Глава XXII. Объ единообразіяхъ сосуществованія, независящихъ отъ связи причины со слѣдствіемъ.

§ 1. Единообразія сосуществованія, проистекающія изъ законовъ послѣдовательности. . . 107
2. Родовыя свойства суть единообразія сосуществованія 108
3. Нѣкоторыя — производныя, другія — коренныя 110
4. Нѣтъ общей аксіомы сосуществованія 111
5. Какъ измѣряется достовѣрность единообразій сосуществованія. 114
6. Если они производныя, то ихъ достовѣрность есть достовѣрность эмпирическихъ законовъ . —
7. Точно такъ же, если они коренныя 116
8. Достовѣрность тѣмъ больше, чѣмъ общѣе законъ 117
9. Каждый родъ (отдѣлъ) должно изслѣдовать 118

Глава XXIII. О приблизительныхъ обобщеніяхъ и доказательствѣ путемъ вѣроятности.

стр.

§ 1. Заключенія, называемыя вѣроятными, опираются на приблизительныхъ обобщеніяхъ . . 120
2. Приблизительныя обобщенія менѣе полезны въ наукѣ, чѣмъ въ жизни . . . . . —
3. Въ какихъ случаяхъ ими можно руководиться 122
4. Какъ ихъ доказывать. 123
5. Съ какими предосторожностями употреблять 127
6. Два способа сочетанія вѣроятностей 128
7. Какъ приблизительныя обобщенія могутъ быть обращены въ равныя [illegible] обобщенія. 131

Глава XXIV. Объ остальныхъ законахъ природы.

§ 1. Предложенія, утверждающія чистое существованіе 134
2. Сходство, разсматриваемое какъ предметъ науки 136
3. Аксіомы и теоремы математики содержатъ главные законы сходства 139
4. Содержатъ и законы порядка въ пространствѣ и опираются на наведеніе чрезъ простое перечисленіе 141
5. Предложенія ариѳметики утверждаютъ способы образованія даннаго числа. . . . 142
6. Предложенія алгебры утверждаютъ тожество различныхъ способовъ образованія чиселъ вообще 147
7. Предложенія геометріи суть законы внѣшней природы 150
8. Почему геометрія почти вся дедуктивна 154
9. Употребленіе математическихъ истинъ въ другихъ наукахъ и предѣлы этого употребленія. 155

Глава XXV. Объ основаніяхъ несогласія.

§ 1. Невѣроятность и невозможность 157
2. Разборъ ученія Юма о чудесахъ. 158
3. Степени невѣроятія соотвѣтствуютъ различіямъ въ свойствѣ обобщенія, которому утвержденія противорѣчатъ 163
4. Фактъ еще не невѣроятенъ, если есть случаи противъ него 167
5. Совпаденія менѣе ли вѣроятны, чѣмъ другіе факты 169
6. Изслѣдованіе одного мнѣнія Лапласа 172

КНИГА IV.

О процессахъ, вспомогательныхъ наведенію.

Глава I. О наблюденіи и описаніи.

§ 1. Насколько наблюденіе составляетъ предметъ логики. 179
2. Большая часть того, что кажется наблюденіемъ, въ дѣйствительности есть выводъ . . 180
3. Описаніе наблюденія содержитъ болѣе, чѣмъ сколько содержится въ наблюденіи. . . 183
4. — именно утвержденіе сходства между явленіями; сравненіе же явленій для удостовѣренія въ такомъ сходствѣ есть предварительный процессъ для наведенія . . 186

Глава II. Объ отвлеченіи или образованіи понятій.

§ 1. Сравненіе, предшествующее наведенію, заключаетъ въ себѣ общія понятія . . . 188
2. — но эти понятія не существуютъ непремѣнно до сравненія 190
3. Общее понятіе, первоначально результатъ сравненія, само становится типомъ сравненія . 193

стр.
§ 4. Что разумѣется подъ соотвѣтственнымъ понятіемъ 196
5. — и подъ яснымъ понятіемъ 198
6. Дальнѣйшее поясненіе того же предмета 200

Глава III. О названіи, какъ вспомогательномъ процессѣ поведенія.

§ 1. Основное свойство названій, какъ орудія мысли 204
2. Названія не необходимы для мышленія 205
3. Какимъ образомъ они ему помогаютъ 206
4. Общія названія не суть только средство упростить языкъ 208

Глава IV. О требованіяхъ философскаго языка и принципахъ опредѣленія.

§ 1. Первое требованіе философскаго языка: чтобы каждое общее названіе имѣло твердый и опредѣленный смыслъ 209
2. Въ обыкновенномъ употребленіи названія часто имѣютъ неопредѣленное соозначеніе . —
§ 3. — которое логика должны установить съ возможно меньшимъ измѣненіемъ . . 212
4. Почему опредѣленіе часто касается не словъ, а вещей 214
5. Какимъ образомъ логики должны поступать съ переноснымъ употребленіемъ словъ . . 218
6. Дурныя слѣдствія исключенія какой-нибудь части обычнаго созначенія словъ . . . 223

Глава V. Естественная исторія измѣненій въ смыслѣ словъ.

§ 1. Какимъ образомъ обстоятельства, первоначально случайныя, входятъ въ значеніе словъ . 229
2. — и иногда становятся полнымъ значеніемъ 232
3. Стремленіе словъ обобщаться 233
4. — и спеціализироваться 236

Глава VI. Дальнѣйшее обсужденіе правилъ философскаго языка.

§ 1. Второе требованіе философскаго языка — названіе для каждаго важнаго значенія . . 241
2. — т. е. во-первыхъ, точная описательная терминологія . . . . . —
3. — во-вторыхъ, названіе для каждаго изъ болѣе важныхъ результатовъ научнаго отвлеченія 245
4. — в-третьихъ, номенклатура или система названій отдѣловъ 247
5. Особенное свойство созначенія названій, принадлежащихъ къ номенклатурѣ . . . 250
6. Въ какихъ случаяхъ языкъ можетъ или не можетъ быть употребляемъ механически . . 252

Глава VII. О классификаціи, какъ пособіи мышленію.

§ 1. Разсматриваемая здѣсь классификація чѣмъ отличается отъ классификаціи при названіи. 257
2. Теорія естественныхъ группъ 259
3. Даются ли естественныя группы такимъ или опредѣленіемъ 264
4. Отдѣлы суть естественныя группы 267
5. Какъ должны быть построены названія отдѣловъ 272

Глава VIII. О классификаціи рядами.

§ 1. Естественныя группы должны быть расположены естественными рядами 275
2. Расположеніе должно слѣдовать степенямъ главнаго явленія 277
3. — что предполагаетъ признаніе типическаго вида 279
4 Какимъ образомъ слѣдуетъ опредѣлять раздѣленія ряда 280
5. Зоологія представляетъ полнѣйшій типъ научной классификаціи 281

Digitized by Google

КНИГА V.

О заблужденіяхъ.

Глава I. О заблужденіяхъ вообще.

стр.

§ 1. Теорія заблужденій есть необходимая часть логики 287
2. Случайныя ошибки не суть заблужденія 289
3. Нравственные источники ложныхъ мнѣній и ихъ отношеніе къ умственнымъ . . . 289

Глава II. Классификація заблужденій.

§ 1. На какихъ критеріяхъ должно быть основано раздѣленіе заблужденій 292
2. Пять классовъ заблужденій 294
3. Отнесеніе заблужденія къ одному или къ другому классу иногда произвольно . . . 297

Глава III. Заблужденія съ перваго взгляда или заблужденія апріорическія.

§ 1. Характеръ этого класса заблужденій 300
2. Естественный предразсудокъ принятія субъективныхъ законовъ за объективные, поясненный примѣрами народныхъ суевѣрій 301
3. Естественные предразсудки, что вещи, которыя мы представляемъ себѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ и существуютъ, и что немыслимое должно быть ложно 306
4. Естественный предразсудокъ приписывать объективное существованіе отвлеченіямъ . . 312
5. Заблужденіе достаточнаго основанія 313
6. Естественный предразсудокъ, что различія въ природѣ соотвѣтствуютъ различеніямъ въ языкѣ 317
7. Предразсудокъ, что явленія не могутъ имѣть болѣе одной причины 321
8. Предразсудокъ, что условія явленія должны походить на явленіе 324

Глава IV. Заблужденія въ наблюденіи.

§ 1. Ненаблюденіе и невѣрное наблюденіе 332
2. Ненаблюденіе случаевъ и ненаблюденіе обстоятельствъ . . . . . —
3. Примѣры перваго 333
4. — и втораго 338
5. Характеристика и примѣры невѣрнаго наблюденія 343

Глава V. Заблужденія въ обобщеніи.

§ 1. Характеръ этого класса 346
2. Извѣстные роды обобщеній всегда должны не имѣть основанія 347
3. Попытки свести радикально-различныя явленія на одно и то же 348
4. Заблужденіе принятія эмпирическаго закона за причинный 350
5. Post hoc, ergo propter hoc; и дедуктивное заблужденіе, соотвѣтствующее этому . . 354
6. Заблужденіе ложныхъ аналогій 357
7. Значеніе метафоры въ разсужденіи 364
8. Какъ заблужденія обобщенія вытекаютъ изъ дурной классификаціи 366

Глава VI. Заблужденія въ умозаключеніи.

стр.
§ 1. Вводныя замѣчанія 368
2. Заблужденія въ обращеніи и равнозначительности предложеній . . . . . —
3. Заблужденія въ силлогистическомъ процессѣ 370
4. Заблужденіе измѣненія посылокъ 371

Глава VII. Заблужденія сбивчивости.

§ 1. Заблужденіе двусмысленныхъ терминовъ 375
2. Заблужденіе Petitio Principii 387
3. Заблужденіе Ignoratio Elenchi 396

КНИГА VI.

О логикѣ нравственныхъ наукъ.

Глава I. Предварительныя замѣчанія.

§ 1. Отсталое состояніе нравственныхъ наукъ можетъ быть устранено только приложеніемъ къ нимъ методовъ физической науки, надлежащимъ образомъ расширенныхъ и обобщенныхъ 403
2. Насколько это можетъ быть сдѣлано въ настоящей книгѣ 405

Глава II. О свободѣ и необходимости.

§ 1. Подчинены ли человѣческія дѣйствія закону причинности 406
2. Въ какомъ смыслѣ справедливо ученіе, обыкновенно называемое ученіемъ *о философской необходимости* 407
3. Несоотвѣтствіе и вредное дѣйствіе термина: необходимость 410
4. Мотивъ не всегда есть предположеніе удовольствія и страданія 414

Глава III. Что существуетъ или можетъ существовать науки о человѣческой природѣ.

§ 1. Что могутъ быть науки, которыя не суть точныя науки 415
2. Какому научному типу соотвѣтствуетъ наука о человѣческой природѣ 418

Глава IV. О законахъ души.

§ 1. Что́ разумѣется подъ законами души 420
2. Существуетъ ли наука психологіи? 421
3. Характеристика главныхъ изслѣдованій психологіи 424
4. Отношеніе душевныхъ фактовъ къ физическимъ условіямъ 428

Глава V. Объ этологіи, или наукѣ образованія характера.

§ 1. Эмпирическіе законы человѣческой природы 432
2. — суть только приблизительныя обобщенія. Общіе законы суть законы образованія характера. 434
3. Законы образованія характера не могутъ быть найдены посредствомъ наблюденія и опыта. 437
4. — но должны быть изучены дедуктивно 441

Digitized by Google

стр.

§ 5. Принципы этологіи суть axiomata media душевной науки 443
6. Характеристика этологіи 446

Глава VI. Общія соображенія о соціальной наукѣ.

§ 1. Составляютъ ли общественныя явленія предметъ науки 448
2. Какого свойства должна быть соціальная наука 450

Глава VI. О химическомъ или опытномъ методѣ въ соціальной наукѣ.

§ 1. Характеристика способа разсужденій, выводящаго политическія ученія изъ частнаго опыта. 452
2. Въ соціальной наукѣ опыты невозможны. 454
3. — методъ разницы неприложимъ 455
4. — и методы согласія и сопутствующихъ измѣненій не даютъ достовѣрности . . . 457
5. Методъ остатковъ также не даетъ достовѣрности и предполагаетъ дедукцію . . . 459

Глава VIII. О геометрическомъ или отвлеченномъ методѣ.

§ 1. Характеристика этого способа разсужденій 462
2. Примѣры геометрическаго метода. 464
3. Философія интереса, Бэнтамовской школы 465

Глава IX. О физическомъ или конкретномъ дедуктивномъ методѣ.

§ 1. Дедуктивные методы прямой и обратный 471
2. Трудности прямаго дедуктивнаго метода въ соціальной наукѣ 474
3. До какой степени различныя вѣтви соціологическаго умозрѣнія могутъ быть изучаемы отдѣльно. Характеристика политической экономіи 477
4. Политическая этологія, или наука о національномъ характерѣ. 483
5. Эмпирическіе законы соціальной науки. 485
6. Повѣрка соціальной науки. 487

Глава X. Объ обратно-дедуктивномъ или историческомъ методѣ.

§ 1. Различіе между общею наукою объ обществѣ и спеціальными соціологическими изслѣдованіями. 490
2. Что̀ разумѣется подъ *состояніемъ общества* 491
3. Прогрессивность человѣка и общества 492
4. Законы послѣдовательности состояній общества могутъ быть доказаны только обратно-дедуктивнымъ методомъ 495
5. Соціальная статика, или наука о сосуществованіи соціальныхъ явленій 497
6. Соціальная динамика, или наука о послѣдовательности соціальныхъ явленій . . . 505
7. Очеркъ историческаго метода 507
8. Будущіе успѣхи соціологическаго изслѣдованія 510

Глава XI. Добавочныя поясненія относительно исторической науки.

§ 1. Подчиненіе историческихъ фактовъ однообразнымъ законамъ подтверждается статистикой . 512
2. — не предполагаетъ ничтожности нравственныхъ причинъ 516
3. — ни безсилія характеровъ недѣлимыхъ и дѣйствій правительства 518
4. Поясненіе примѣрами важности великихъ людей и политики правительства . . . 523

стр.

Глава XII. О логикѣ практики или искусства, со включеніемъ морали и политики.

§ 1. Мораль но науки, и искусство 527
2. Отношеніе между правилами искусства и теоремами соотвѣтствующей науки, ... —
3. Какое настоящее значеніе правилъ искусства? 529
4. Искусство не можетъ быть дедуктивнымъ 531
5. Каждое искусство состоитъ изъ истинъ науки, расположенныхъ въ порядкѣ, пригодномъ для нѣкотораго практическаго употребленія 532
6. Телеологія или ученіе о цѣляхъ 533
7. Необходимость конечнаго мистиби или перваго принципа въ теологіи 535
8. Заключеніе 537

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google